ИСТОРІЯ ЛИВОНІИ.

ИСТОРІЯ

ЛИВОНІИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ II.

РИГА, 1885.

Печатано въ типо-литографіи А. І. Липинскаго, на Театральной улицѣ,
въ домѣ Нейберта № 5.

Дозволено цензурою. Рига, 13 сентября 1885 года.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Возрастающее могущество ордена до пріобрѣтенія датской Эстоніи.

1237—1347.

II. Утвержденіе нѣмецкаго господства въ земляхъ нынѣшней Курляндской губерніи до дѣлежа ихъ.

Возстаніе куроновъ и семигалловъ. — Смѣны магистровъ. — Походъ на куроновъ. — Постройка Гольдингена и другихъ крѣпостей. — Вопросъ о дѣлежѣ покоренныхъ земель. — Орденскія ходатайства. — Ліонскій соборъ. — Нападеніе Миндовга на Амботенъ. — Ленгивинъ и первые литовцы-католики. — Альбертъ Зуербееръ. — Магистръ Андрей Стирландскій. — Соглашенія о дѣлежѣ земель. — Упраздненіе Семигальскаго епископства и дѣлежъ куронскихъ земель.

(1242—1256).

Источники: 1) Рифмованная Хроника, со стиха 2299 до 3451.

2) Извлеченіе изъ Хроники Тевтонскаго ордена, помѣщенное въ 1-мъ томѣ Scriptores rerum Livonicarum на стр. 843—902.

3) Лѣтопись Вартберга. Во 2-мъ томѣ „Scriptores rerum Prussicarum“, изданномъ Т. Гиртемъ, М. Теппеномъ и Эрнстомъ Штрельке, была помѣщена лѣтопись Германа Вартберга, написанная на латинскомъ языкѣ и находившаяся въ архивѣ данцигскаго магистрата. Отдѣльный оттискъ этой лѣтописи Штрельке издалъ въ Лейпцигѣ въ 1863 г.

По выходѣ въ свѣтъ этой лѣтописи, эстляндскій ландратъ, баронъ Р. Толь (Кукерскій), поручилъ Штрельке издать оную въ переводѣ на нѣмецкій языкъ. Вслѣдствіе такого порученія въ маѣ 1864 года въ Берлинѣ и Ревелѣ вышла книга подъ заглавіемъ: Die livländische Chronik Hermann's von Wartberge. Aus

dem Lateinischen übersetzt von Ernst Strehlke. Berlin und Reval, 1864, s. 66.

Вотъ нѣкоторыя подробности о Вартбергѣ, сообщенныя Штрельке въ примѣчаніяхъ къ переводу лѣтописи.

Германъ Вартбергъ (von Wartberge — Вартбергскій) былъ капеланомъ (священникомъ) ливонскаго провинціальнаго магистра, слѣд. былъ духовнымъ братомъ тевтонскаго ордена. Родина Вартберга, происходившаго быть можетъ изъ бюргеровъ (горожанъ), находилась гдѣ-то въ Вестфаліи, странѣ, дворянство и бюргерство которой принимало значительное участіе въ колонизаціи нынѣшнихъ Прибалтійскихъ губерній. Надобно полагать, что Вартбергъ прибылъ въ Ливонію или вошелъ, по крайней мѣрѣ, въ ближайшія связи съ дворомъ ливонскаго магистра около 1358 года, потому что съ этого именно года лѣтопись его подробнѣе противъ предшествовавшихъ годовъ. Въ 1366 году онъ уже исполнялъ важную должность повѣреннаго ливонской отрасли тевтонскаго ордена при заключеніи въ Данцигѣ договора между орденомъ и его старинными противниками, архіепископомъ рижскимъ и прочими ливонскими епископами. Это заставляетъ предполагать, что въ то время онъ былъ немолодымъ уже человѣкомъ. До насъ дошла написанная имъ офиціальная бумага противъ притязаній духовенства и съ опроверженіемъ взводимыхъ духовенствомъ на орденъ обвиненій.

Занимая офиціальное положеніе при ливонскомъ магистрѣ, Вартбергъ, при составленіи своей лѣтописи, могъ пользоваться архивными документами орденскаго замка въ Ригѣ; онъ не только велъ дипломатическіе переговоры ордена съ духовенствомъ, но и самъ лично участвовалъ въ военныхъ дѣйствіяхъ ордена. Онъ неоднократно сопровождалъ ливонскаго магистра Арнольда Фитингофа (управлявшаго орденомъ съ 1360 по 1364 годъ) и Вильгельма Фримерсгейма (съ 1364 по 1385 годъ) въ ихъ походахъ на литовскихъ язычниковъ. Однажды, въ 1372 году, Вартбергъ съ магистромъ и отрядомъ рыцарей возвращались домой въ Ливонію изъ Маріенбургскаго главнаго капитула въ Пруссіи. На дорогѣ, при Святой Аа, на нихъ напали литовцы, но были отражены, благодаря мужеству рыцарей. Подъ 1380 г. упоминается объ уполномоченномъ ливонскаго магистра Германѣ, коему было поручено заключить перемиріе съ княземъ литовскимъ Ягелло и полочанами. По всей вѣроятности, этотъ Германъ былъ не кто иной, какъ Германъ Вартбергъ.

Вартбергъ писалъ свою лѣтопись, вѣроятно, немногимъ позднѣе 1378 года, которымъ она кончается. При составленіи ея онъ очевидно пользовался, кромѣ документовъ ордена, мирныхъ трактатовъ, договоровъ съ мѣстными епископами и пр., еще и другими офиціальными орденскими бумагами, какъ-то донесеніями магистру орденскихъ сановниковъ о военныхъ событіяхъ и проч. Ему были извѣстны и тѣ сочиненія, въ которыхъ до него уже излагалась исторія Ливоніи, именно лѣтопись Генриха Латышскаго, Рифмованная Хроника и небольшая латинская ливонская хроника, относящаяся къ первой четверти XIV столѣтія и отрывки изъ которой сохранились въ другихъ современныхъ сочиненіяхъ, именно въ лѣтописяхъ каноника замландскаго, динамундскаго, ронебургскаго и позднѣе у Виганда Марбургскаго.

Нельзя сказать, чтобы Германъ Вартбергъ пользовался своими источниками съ тою добросовѣстностію и вѣрностію, какія можно требовать отъ безпристрастнаго лѣтописца. Гдѣ дѣло идетъ объ отношеніяхъ тевтонскаго ордена къ его противникамъ — духовенству и городамъ, у Вартберга вездѣ проглядываетъ, что онъ всецѣло былъ настоящимъ повѣреннымъ ордена и усерднымъ защитникомъ справедливости его правъ. Впрочемъ, большая часть его лѣтописи посвящена военнымъ дѣйствіямъ ордена въ Ливоніи, преимущественно описаніямъ войнъ съ литовцами и русскими. Онъ касается современныхъ прусскихъ дѣлъ только тогда, когда они имѣютъ непосредственное отношеніе къ этимъ

войнамъ. Въ своей провинціальной замкнутости. Вартбергъ оставилъ намъ превосходный матеріалъ для ливонской исторіи того времени, когда развитіе орденской власти въ Ливоніи достигло до высшей почти своей степени.

4) Сборникъ документовъ Бунге, томъ I.

Мы видѣли, когда именно появилось католичество между населеніемъ нынѣшней Курляндской губерніи, у семигалловъ и куроновъ, и когда учредились епископства семигалльское и куронское (см. томъ I, 292). Если бы утвержденіе только католичества въ лѣво-бережныхъ двинскихъ земляхъ было главною цѣлію и ордена и епископовъ, то христіанство могло бы утвердиться здѣсь путемъ болѣе мирнымъ, чѣмъ въ земляхъ ливовъ и у эстонцевъ: куроны еще въ 1230 году (см. томъ I, 250), чтобъ получить хлѣбъ изъ Риги, обѣщали добровольно креститься и принять къ себѣ католическихъ священниковъ; селоны и семигаллы, у которыхъ католичество появилось со взятіемъ Зельбурга въ 1208 году (см. томъ I, 131), не обнаруживали чрезъ чурь сильнаго сопротивленія христіанству, но въ томъ-то и дѣло, что у завоевателей католиковъ католичество среди покоряемыхъ ими ливонскихъ туземцевъ стояло далеко на второмъ планѣ: главное было стяжанія, дани, дѣлежъ земель, обращеніе туземцевъ въ рабочую силу. Язычники это очень хорошо видѣли и отлично сознавали, что принятіе католичества для нихъ равнозначительно обращенію въ рабство, и потому не упускали случая сбросить съ себя налагаемое на нихъ католиками ярмо. Такъ было у ливовъ и у чуди, тоже самое происходило и у лѣво-бережныхъ двинскихъ туземцевъ. Силою крестили ихъ и силою удерживали отъ отнаденій въ язычество, но чуть лишь ослаблялась эта сила, какъ начинались и отпаденія, и возстанія.

Саульская катастрофа 22 сентября 1236 г. (см. томъ I, 280—282), въ которой литовцы истребили ополченіе крестоносцевъ, послужила сигналомъ для возстанія куроновъ и семигалловъ. Семигаллы добили остатки христіанскаго войска, спасавшагося бѣгствомъ отъ литовцевъ, а куроны бросились истреблять католическое духовенство, которое они приняли къ себѣ. Мы видѣли, что папскій легатъ Вильгельмъ Моденскій назначилъ границы епископствъ Семигалльскаго и Куронскаго, назначилъ и папа утвердилъ епископами Семигалльскимъ Балдуина Альнскаго и Куронскимъ Энгельберта. Балдуинъ отказался отъ Семигалльскаго епископства въ 1236 г., вручивъ оное папѣ, а Энгельбертъ Куронскій былъ убитъ, какъ свидѣтельствуетъ Вартбергъ (см. Приб. Сб. II, 91), во время возстанія куроновъ, происшедшаго вслѣдъ за Саульскою катастрофою.

О личности Энгельберта свѣдѣнія крайне скудны и даже совершенно сбивчивы. Дѣло въ томъ, что имя епископа Энгельберта упоминается лишь въ договорѣ, заключенномъ этимъ епископомъ, при содѣйствіи легата Вильгельма, съ орденомъ, по которому ордену предоставлялась треть

земли куронскаго епископства, а двѣ трети епископу. Самый договоръ не дошелъ до насъ, но о немъ упоминается въ грамотахъ и документахъ отъ 1242, 1245, 1251, 1252 и 1257 годовъ (см. Бунге, Urkundenbuch, I, №№ 171, 181, 224, 234 и 316), которые и составляютъ единственные источники объ Энгельбертѣ. Но въ этихъ документахъ значится три различныя имени (Энгельбертъ, Генрихъ и Германъ), что и подало поводъ полагать, что они были три различные куронскіе епископа. Кальмейеръ въ своей статьѣ „Die Begründung deutscher Herrschaft und christlichen Glaubens in Kurland," напечатанной въ изданіи Балтійскаго Историческаго Общества Mittheilungen aus der livländischen Geschichte Band IX, Heft 2, излагаетъ мнѣніе, что Энгельбертъ, Генрихъ и Германъ — одно и тоже лицо. Это онъ выводитъ изъ сличенія помянутыхъ документовъ и съ его мнѣніемъ соглашается и Бунге (см. прим. 285 въ его книгѣ Livland die Wiege der deutschen Weihbischöfe). Вообще, сколько можно судить изъ дошедшихъ документовъ и источниковъ о куронскомъ епископствѣ, надобно признать, что епископство Куронское учреждено легатомъ Вильгельмомъ еще въ 1234 году, но, кажется, назначеніе епископа въ оное послѣдовало въ 1236 или 1237 году, когда легатъ точнѣе оиредѣлилъ предѣлы и Семигалльскаго и Куронскаго епископствъ. Первымъ куронскимъ епископомъ былъ Энгельбертъ. Полагаютъ, что Энгельбертъ погибъ во время Саульской катастрофы, но это едва-ли такъ. Въ Рифмованной Хроникѣ, при описаніи гибели крестоносцевъ въ Саульской землѣ (стихи 1859—1966), объ убіеніи Энгельберта не упоминается ни слова. Вартбергъ-же въ своей лѣтописи, упомянувъ, что въ Саульской землѣ въ день св. Морица (22 сентября 1236 года) былъ убитъ литовцами Волквинъ, Газендорпъ и Данненбергъ съ 50-ю орденскими братьями и множествомъ вѣрующаго народа, пишетъ (см. Приб. Сб. II, 91): „Послѣ того какъ и епископъ Энгельбертъ, духовенство куронской церкви и тамошній христіанскій народъ были совершенно истреблены, куроны впали въ свое прежнее невѣріе". Изъ этихъ словъ вѣрнѣе заключить, что Энгельбертъ погибъ не въ день катастрофы, а во время возстанія, происшедшаго и въ Семигалліи и Куроніи вслѣдъ за истребленіемъ христіанскаго войска, но когда именно, съ точностію неизвѣстно.

Гибель, постигшая Энгельберта, его духовенство и всѣхъ нѣмецкихъ католиковъ въ Куроніи, повлекла за собою, конечно, и паденіе Куронскаго епископства. Куроны обратились въ свое прежнее язычество, по всей вѣроятности тоже самое произошло и у семигалловъ, и если семигалльскій епископъ Балдуинъ въ 1236 г. уѣхалъ въ Германію, отказавшись отъ своего епископства и передавъ его папѣ, то ему ничего не осталось и дѣлать, какъ покинуть Ливонію, ибо его епископство, какъ и семигалльское, послѣ Саульской катастрофы осталось существующимъ только на бумагѣ. Завоевателямъ приходилось начинать покореніе Семигалліи и Куроніи вновь, но, однакоже, завоеваніе вновь могло начаться не тотчасъ послѣ катастрофы: нужно было собраться съ силами, нужно было уладить соединеніе орденовъ, опредѣлить отношенія къ датчанамъ, а тутъ началась война и съ Новгородскою Русью Война обѣщала большія выгоды, но въ концѣ концовъ оказалась, какъ мы уже видѣли, неудачною для нѣмцевъ: они были принуждены отказаться отъ

всѣхъ своихъ завоеваній въ Новгородской Руси и помириться съ новгородцами.

Источники не указываютъ, кто именно предводительствовалъ нѣмецкими войсками въ войнахъ съ Александромъ Невскимъ: самъ-ли магистръ или кто либо изъ орденскихъ командоровъ, одемпэскій или дернтскій, не указываютъ, быть можетъ, потому, что въ это время происходила частая смѣна орденскихъ магистровъ.

Мы видѣли (см. томъ I, 344), что первый орденскій провинціальный магистръ, Германъ Балкъ, скоро по заключеніи Стенбійскаго договора (7 іюня 1238 г.) съ Вальдемаромъ II датскимъ, выѣхалъ изъ Ливоніи, оставивъ здѣсь своимъ замѣстителемъ, вице-магистромъ, Дитриха Грюнингенскаго, который въ свою очередь оставилъ Ливонію, когда въ Ригѣ было получено извѣстіе о смерти Балка и Зальцы (первый умеръ 5 марта, а второй 20 марта 1239 г.). Управленіе орденскими дѣлами въ Ливоніи было ввѣрено рижскому командору Андрею Фельвенскому (фонъ Фельвену*).

Дитрихъ Грюнингенскій участвовалъ въ выборѣ новаго великаго магистра, происходившемъ въ Венеціи въ концѣ 1239 года. Выборъ, какъ извѣстно, палъ на Конрада Тюрингенскаго, вступившаго въ должность въ началѣ 1240 г. (въ дошедшихъ отъ его времени документахъ онъ впервые упоминается какъ великій магистръ 8 апрѣля 1240 г.). Конрадъ скоропостижно умеръ въ Римѣ 24 іюля 1240 г., на его мѣсто былъ избранъ, но уже въ концѣ 1241 года, Гергардъ Мальбергъ Когда именно возвратился въ Ливонію Дитрихъ Грюнингенскій и вступилъ снова въ исправленіе своей должности, опять же съ точностію неизвѣстно, но, кажется, въ концѣ 1241 года. Онъ уже не засталъ легата Вильгельма Моденскаго въ Ригѣ (выѣхалъ въ Пруссію), но засталъ орденцевъ въ войнѣ съ Новгородскою Русью. Принималъ-ли онъ какое либо участіе въ этой войнѣ — неизвѣстно, но очень возможно, что, видя безуспѣшность войны, рѣшился на замиреніе съ новгородцами, чтобы имѣть возможность безъ помѣхи обратить орденскія силы на лѣво-бережныя двинскія земли, населеніе которыхъ отпало отъ католичества съ 1236 г. и перестало платить дани своимъ властителямъ. Орденъ не могъ оставить въ покоѣ отпавшихъ: онъ терялъ слишкомъ много изъ того, что уже имѣлъ въ лѣво-бережныхъ двинскихъ мѣстностяхъ, къ тому же борьба съ язычниками была его существенною обязанностію. Возвратить покоренное, наверстать убытки, понесенные орденомъ въ войнѣ съ новгородцами, пріобрѣтеніями въ

---

*) Объ этомъ Андреѣ Фельвенѣ ничего вѣрнаго неизвѣстно; сохранились только его грамоты (см. Бунге, Urkundenbuch I. № 169 и III. № 169.a), въ которыхъ сказано въ одномъ мѣстѣ: Ego frater Andreas de Velven. domus Theutonicorum fratrum magister in Livonia; въ другомъ: ego. praedictus frater A. magister Rigensis; въ третьемъ: Andreas commendator.

Куроніи и Семигалліи — сдѣлалось задачею магистра, и онъ рѣшился дѣйствовать. Заручившись грамотою легата Вильгельма, вообще благоирілтствовавшаго ордену, которою (см. Бунге, Urkundenbuch I, № 171.b) легатъ предоставилъ ордену въ ленъ мѣсто на рѣкѣ Виндавѣ, какое избереть орденъ для постройки крѣпости, съ землею на двѣ мили въ окружности, магистръ объявилъ походъ противъ куроновъ, разославъ гонцовъ по землямъ ливовъ и латышей съ приказаніемъ собраться въ Ригу къ назначенному сроку. Орденская братія, пишеть авторъ Рифмованной Хроники (см. стихи 2348—2403), съ удовольствіемъ приняла извѣстіе о походѣ. Дали знать и въ Ревель датскимъ королевскимъ мужамъ, чтобъ и они приходили въ Ригу. Когда войско собралось, то, переправившись чрезъ Двину, направилось по морскому берегу въ куронскія земли. Когда именно совершился этоть походъ, съ точностію неизвѣстно, но по всей вѣроятности осенью или зимою 1242 г., послѣ замиренія съ новгородцами. Вступивъ въ куронскія земли, нѣмецкое войско (епископская дружина, орденская братія, крещеные ливы и латыши и датскій вспомогательный отрядъ) раздѣлилось на нѣсколько отрядовъ. Началось обычное въ тѣ времена истребленіе всего встрѣчнаго; кто не успѣлъ бѣжать, тоть погибалъ (Wer nicht entloch, der war tot, говорить авторъ Рифмованной Хроники). Серьезнаго сопротивленія нигдѣ не было, и куроны скоро прислали къ магистру пословъ просить мира съ заявленіемъ, что сдаются ему. Миръ былъ данъ, конечно, на условіяхъ принятія христіанства и платы дани, но вмѣстѣ съ тѣмъ было выбрано и мѣсто для закладки крѣпости. Опытъ въ Пруссіи и Ливоніи уже показалъ, что постройка крѣпостей и содержаніе въ нихъ постоянныхъ гарнизоновъ составляетъ самое надежное средство для удержанія въ покорности покоряемыхъ язычниковъ. Наиболѣе подходящимъ мѣстомъ для крѣпости оказалась гора на лѣвомъ берегу рѣки Виндавы, на которой стоялъ куронскій городокъ, называвшійся Кульдинге (Гольдингенъ). Здѣсь, на мѣсто этого городка, была заложена и построена крѣпость, названная Jesusburg'омъ (Іисусоградъ), каковое названіе, впрочемъ, не удержалось и новая крѣпость скоро стала по прежнему называться *Гольдингеномъ*. Она предназначалась служить опорнымъ пунктомъ нѣмецкаго господства въ земляхъ бассейна рѣки Виндавы и была тогда же снабжена достаточнымъ гарнизономъ. Въ стихахъ 2412—2418 Рифмованной Хроники сказано, что въ новопостроенной крѣпости гарнизонъ составили нѣсколько братьевъ рыцарства и кнехты; къ нимъ было присоединено нѣсколько лучшихъ куроновъ. Нельзя полагать, чтобъ гарнизонъ этоть былъ многочисленный, но его вполнѣ было достаточно какъ для защиты крѣпости, такъ и содержанія въ повиновеніи окрестныхъ куроновъ, давшихъ, какъ свидѣтельствуеть также Хроника, магистру заложниковъ (gisel), конечно, дѣтей изъ лучшихъ семействъ, какъ то практиковалось прежде въ право-бережныхъ

двинскихъ земляхъ въ томъ, что они, куроны, примутъ христіанство и будутъ платить дань.

Христіанское войско, послѣ постройки Гольдингена, возвратилось въ Ригу, а Дитрихъ Грюнингенскій отправился въ Пруссію. Во время его отсутствія, орденскими дѣлами управлялъ въ качествѣ магистра Генрихъ Геймбургскій. Авторъ Рифмованной Хроники, въ стихахъ 2299—2331, пишетъ, что орденская братія, когда онъ прибылъ изъ Германіи, съ почетомъ приняла его Онъ объѣздилъ орденскіе замки, повидался съ епископами и велъ себя такъ, что всѣ были имъ довольны. Не смотря на то, Генрихъ Геймбургскій пробылъ въ Ливоніи не болѣе полутора года: къ огорченію орденскихъ братьевъ, пишетъ авторъ Рифмованной Хроники, онъ (вѣроятно весною 1244 г.) уѣхалъ въ Германію, гдѣ и былъ уволенъ отъ должности магистра (da wart er des amtes los). Причины и поводы его отъѣзда и увольненія неизвѣстны. Лѣтомъ 1244 г. въ Ригу снова прибылъ Дитрихъ Грюнингенскій и снова вступилъ въ управленіе орденскими дѣлами.

Орденская братія не удовольствовалась постройкою Гольдингена, но продолжала расширять свои завоеванія въ земляхъ куроновъ дальше и дальше и скоро къ югу отъ Гольдингена заложила крѣпость *Амботенъ* (нынѣ деревня Амботенъ верстахъ въ 70 къ югу отъ Гольдингена и верстахъ въ 50 отъ жмудскихъ поселеній). Одновременно (1243—1244) въ куронскихъ земляхъ появились и другія крѣпостцы (замки), именно: *Виндава, Анермюнде, Донданенъ и Газенпотъ* (Азпутъ). Такимъ образомъ къ концу сороковыхъ годовъ XIII ст. въ распоряженіе ордена имѣлись уже въ земляхъ куроновъ шесть укрѣпленныхъ пунктовъ, шесть крѣпостей, количество вполнѣ достаточное, чтобы держать въ повиновеніи всѣхъ куроновъ, жившихъ въ земляхъ какъ къ сѣверу, такъ и къ югу отъ рѣки Виндавы.

Постройкою названныхъ крѣпостей довершалось покореніе Куроніи. Теперь возникалъ вопросъ существенной важности: кому же владѣть покоренною страною, какъ дѣлить покоренныя страны? Если бы принять въ основу земельнаго дѣлежа Куроніи дѣлежъ ливскихъ и латышскихъ земель, происходившій въ 1207 г. (см. томъ I, 128), и папское рѣшеніе отъ 20 октября 1210 году (Бунге, Urkundenbuch, № 16), то ордену слѣдовало бы отдать лишь одну треть покоренной земли, а двѣ трети предоставить мѣстному епископу. Въ такомъ именно смыслѣ состоялся, какъ сказано выше, и договоръ ордена съ нервымъ куронскимъ епископомъ Энгельбертомъ, но теперь обстоятельства измѣнились: рижскій епископъ Николай въ покореніи Куроніи не участвовалъ вовсе; куронскаго епископства по умерщвленіи Энгельберта и истребленіи всего его духовенства не существовало: оно числилось только на бумагѣ; вся тяжесть покоренія и постройка крѣпостей пала на орденъ, слѣд. удовлетвориться третью покоренныхъ земель ордену казалось уже мало, по какъ вышеназваннымъ папскимъ

рѣшеніемъ 1210 года установлялось, что, въ отношеніи земель, имѣющихъ быть завоеванными, дѣлежу быть или по взаимному согласію епископовъ тѣхъ земель и ордена, или же по распоряженію папы, потому орденъ и рѣшился обратиться за рѣшеніемъ вопроса о Куроніи къ папѣ, въ томъ вниманіи, что ни Куронскаго, ни Семигалльскаго епископовъ на лицо не было, слѣд. и договариваться не съ кѣмъ.

Было уже сказано (см. томъ I, 359), что съ іюня 1243 года папскій престолъ занялъ генуэзецъ Синибальдъ Фіеско, графъ Лаванья, принявшій имя Иннокентія IV. Новый папа не даромъ принялъ имя своего знаменитаго предшественника; онъ, подобно и Иннокентію III, былъ убѣжденъ, что папа, имѣя власть отпускать грѣхи, помазывать и короновать императора и королей, имѣетъ власть судить и свергать ихъ, и потому явился такимъ же ожесточеннымъ врагомъ императора Фридриха II, какимъ былъ Григорій IX (весь споръ и все дѣло шло о власти надъ Италіею, италіанскими городами, независимости свѣтской власти отъ духовной). Императоръ хотѣлъ было поладить съ новымъ папою и вступилъ было въ мирные переговоры съ нимъ, но переговоры ни къ чему не послужили, напротивъ папа воспользовался пріостановкою военныхъ дѣйствій во время переговоровъ, покинулъ Римъ, пробрался въ Геную, а оттуда въ Ліонъ, какъ мѣсто вполнѣ безопасное, откуда можно было совершенно свободно направлять дѣйствія противъ императора, и созвалъ соборъ для суда надъ Фридрихомъ II. Соборъ и былъ созванъ на Ивановъ день 1245 г.

Папскій легатъ для всѣхъ Прибалтійскихъ странъ, Вильгельмъ Моденскій, все время пока шелъ вопросъ о выборѣ папы на мѣсто умершаго Целестина (въ теченіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ кардиналы не могли сдѣлать выбора), провелъ въ Пруссіи и явился къ Иннокентію IV, когда тотъ былъ избранъ и вступилъ на престолъ. Новый папа благосклонно принялъ Вильгельма, пожаловалъ его кардиналомъ и епископомъ Сабинскимъ, а 15 іюля 1244 г. назначилъ своимъ легатомъ для всѣхъ Прибалтійскихъ странъ. Такимъ образомъ Вильгельмъ въ третій разъ явился легатомъ, но теперь ему, однако, не пришлось ѣхать въ Пруссію и Ливонію: онъ долженъ былъ сопровождать папу въ Ліонъ и присутствовать на созванномъ соборѣ.

Въ Вильгельмѣ Моденскомъ, а теперь Сабинскомъ, орденъ всегда имѣлъ своего доброжелателя и потому, рѣшаясь обратиться къ папѣ съ вопросомъ о дѣлежѣ покоренной Куроніи, не безъ основаній надѣялся, что Вильгельмъ поддержитъ орденское ходатайство, которое основывалось на аргументаціи довольно неожиданной: Куронія составляетъ де ни что иное какъ часть Пруссіи, а какъ въ Пруссіи тевтонскому ордену предоставляется двѣ трети покоренныхъ земель, мѣстному епископу одна треть, потому такой дѣлежъ долженъ совершиться и въ Куроніи, — именно двѣ трети куронскихъ земель должны отойти къ ордену, а лишь одна треть должна быть предоставлена мѣстному епископу, который будетъ назначенъ. Папа поручилъ разобрать и рѣшить это дѣло Вильгельму, какъ своему легату. Вильгельмъ, находясь въ Ліонѣ, 7 февраля 1245 года постановилъ (см Бунге, Urkundenbuch, I, № 181), что Куронія дѣйствительно составляетъ часть Пруссіи (въ подлинникѣ сказано: cum certum sit

nobis et omni homini terrarum illarum habenti notitiam, quod Curonia seu Curlandia inter regiones Prussiae totaliter computetur*), и что вслѣдствіе того ордену, въ виду его заслугъ, оказанныхъ при покореніи страны, подлежатъ двѣ трети куронскихъ земель со всѣми правами властительства и доходами. Вмѣстѣ съ тѣмъ Вильгельмъ отмѣнилъ соглашеніе епископа Энгельберта съ бывшими меченосцами и постановилъ, что будущему куронскому епископу въ орденскихъ частяхъ должны подлежать лишь тѣ права, кои присущи епископскому сану и должности, — какъ лицу духовному.

Болѣе благопріятнаго рѣшенія для ордена и послѣдовать не могло: орденъ пріобрѣталъ значительно большое количество земли въ Куроніи и при томъ освобождался отъ всякой зависимости отъ мѣстнаго епископа, слѣд. въ Куроніи являлся въ условіяхъ несравненно для себя выгоднѣйшихъ, чѣмъ въ ливскихъ, латышскихъ и эстонскихъ земляхъ, въ епископствахъ рижскомъ, дерптскомъ и эзельскомъ, гдѣ имѣлъ только треть земель и отъ епископской зависимости не освобождался. Папа Иннокентій IV утвердилъ такое постановленіе 9 февраля 1245 г. (см. Бунге, Urkundenbuch I, № 182). Впослѣдствіи это папское утвержденіе было подтверждено и преемникомъ Иннокентія, папою Александромъ IV въ 1257 и 1260 годахъ (см. Бунге, Urkundenbuch I, №№ 316 и 348).

Получивъ папское утвержденіе своего ходатайства о дѣлежѣ куронскихъ земель, орденъ озаботился получить такое же утвержденіе и отъ свѣтской власти, отъ императора и съ этою цѣлію обратился къ Фридриху II чрезъ своего великаго магистра.

Въ то самое время, когда въ Куроніи закладывались и строились орденскія крѣпости и орденское войско доходило до границъ Жмуди, тевтонскій орденъ въ Пруссіи велъ вторую ожесточенную и кровопролитную войну со Святополкомъ Поморскимъ и пруссами. Эта вторая война началась лѣтомъ 1243 г. вторженіемъ Святополка и пруссовъ въ Кульмскую землю. Орденское войско потерпѣло сильное пораженіе у Рензенскаго озера, но орденъ скоро оправился, заключилъ наступательный и оборонительный союзъ съ Казиміромъ, княземъ Куявскимъ, и, подкрѣпленный крестоносцами, принудилъ Святополка просить мира. Лѣтомъ 1244 г. миръ былъ заключенъ, но онъ продолжался не болѣе трехъ мѣсяцевъ: осенью того же 1244 года началась третья война со Святополкомъ, но въ это время уже произошла смѣна великаго магистра. Выборъ палъ на Генриха Гоэнлоэ, старшій братъ котораго, Готфридъ, состоялъ въ это время имперскимъ совѣтникомъ у Фридриха II и графомъ Ромоньольскимъ. Лѣтомъ 1244 года Гоэнлоэ всту-

*) Откуда взялъ и орденъ и Вильгельмъ, что Курлія составляетъ часть Пруссіи — неизвѣстно. Земли куроновъ никогда не составляли части прусскихъ земель, а куроны и пруссы никогда не составляли одного народа.

иилъ въ должность великаго магистра. Къ нему-то ливонскій орденъ и обратился съ просьбою ходатайствовать иредъ имиераторомъ о подтвержденіи за орденомъ его владѣній въ Куроніи, Литвѣ и Семигалліи и предоставленіи ему права властительства въ этихъ земляхъ, какъ составныхъ частяхъ имперіи. Императоръ Фридрихъ II въ это время находился въ Веронѣ. Великому магистру безъ труда удалось получить отъ императора все о чемъ онъ просилъ для ливонской отрасли своего ордена, и Фридрихъ II въ іюнѣ 1245 году далъ грамоту (см. Бунге, Urkundenbuch I, № 185), коею подтверждалъ за орденомъ его владѣнія въ Куроніи, Литвѣ и Семигалліи, какъ составныхъ частяхъ имперіи, съ правами верховнаго властительства (Hoheitsrechte).

Такимъ образомъ ливонская отрасль тевтонскаго ордена, получивъ и папское и императорское утвержденіе своихъ ходатайствъ на дѣлежъ земель въ Куроніи, стала подъ охраною и духовной и свѣтской власти тогдашняго католическаго міра, получила возможность въ столкновеніяхъ и спорахъ съ епископами ссылаться или на авторитетъ папы, или на авторитетъ императора, смотря по тому, что было выгоднѣе въ данную минуту и лучше подходило къ обстоятельствамъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что къ полученію такого утвержденія не мало способствовали и тогдашнія обстоятельства, въ которыхъ находились и папа и императоръ: и тотъ и другой желали бы имѣть орденъ на своей сторонѣ и потому легко соглашались на всѣ его представленія. Иннокентій IV созвалъ, какъ было сказано выше, соборъ въ Ліонѣ на Ивановъ день 1245 г. Къ этому сроку въ Ліонъ съѣхались многочисленные прелаты и свѣтскія лица, по преимуществу изъ Франціи, Италіи и Испаніи. Соборъ открылся 28-го іюня 1245 года. Поводомъ къ созыву его было выставлено: улучшеніе церковныхъ учрежденій, печальное положеніе Палестины, опасность нашествія монголовъ, усиленіе еретичества, но главнымъ предметомъ, затемнявшимъ всѣ прочіе, былъ судъ надъ императоромъ.

На соборѣ было мало представителей германскаго духовенства, императоръ же прислалъ на соборъ своимъ защитникомъ судью, Таддео ди Суесса, превосходнаго юриста, отлично знакомаго съ положеніемъ дѣлъ. Фридрихъ II показалъ видъ, будто хочетъ ѣхать на соборъ, но доѣхалъ только до Турина. Таддео ди Суесса искусно защищалъ императора, доказывая, что папа не имѣетъ права судить и свергать императора, но все было напрасно: Иннокентій IV въ собственномъ дѣлѣ явился и обвинителемъ и судьею и 17 іюля 1245 году объявилъ Фридриха II лишеннымъ всѣхъ коронъ и земель, при чемъ германскимъ князьямъ предписывалось произвести выборъ новаго императора. Папа и прелаты, не давъ императору даже законной отсрочки, отлучили Фридриха II отъ общенія съ церковію.

Отлученіе отъ церкви не слишкомъ огорчило Фридриха II, отлучаемаго и прежде; большинство имперскихъ князей осталось на его сторонѣ, но ему чрезвычайно вредила энергія и неутомимая дѣятельность мстительнаго Иннокентія IV. Папа началъ мутить Италію и Германію и, располагая значительными денежными средствами, получаемыми имъ преимущественно изъ Англіи, дѣйствовалъ то подкупами, то всякаго рода интригами, создавая враговъ императору, который и съ своей стороны не оставался въ долгу предъ папою, проводя въ своихъ манифестахъ мысль, что владѣніе

свѣтскими имуществами и правами развратило духовенство и что для поправленія зла свѣтская власть должна обратить церковь въ первобытное состояніе. Волнуя католическій міръ противъ Фридриха II, папа устроивалъ выборы новаго императора (сперва Генриха Распе, а по его смерти въ 1247 году Вильгельма Голландскаго), устраивалъ противъ Фридриха II открытыя возмущенія въ Италіи, создавалъ враговъ императору гдѣ только могъ. Въ свою очередь Фридрихъ II нещадно преслѣдовалъ доминиканскихъ монаховъ (іезуитовъ среднихъ вѣковъ и главную опору папы) и поддерживалъ францисканцевъ, возбуждалъ не безуспѣшно противъ папы духовенство и князей Франціи и Англіи. Пять лѣтъ послѣ Ліонскаго собора тянулась ожесточенная борьба между папою и императоромъ, тянулась до конца 1250 года, когда Фридрихъ II, лишившись лучшихъ своихъ слугъ Таддео ди Суесса (умерщвленъ пармцами), канцлера Петра Девиня и сына. Энціо, заболѣлъ и умеръ въ Неаполѣ.

Тевтонскій орденъ оставался внѣ этой борьбы; ни папѣ, ни императору не было расчета возстановлять противъ себя орденъ, этимъ и можно объяснить, почему и тотъ и другой легко соглашались на орденскія ходатайства.

Получить грамоту отъ папы и императора ливонскому ордену было не особенно трудно, но привести ихъ въ исполненіе было не легко уже потому одному, что папское опредѣленіе на счетъ дѣлежа куронскихъ земель противорѣчило опредѣленію легата Вильгельма, сдѣланному еще въ 1237 г. (см. томъ I, 290), въ силу котораго весь сѣверъ Куроніи и Семигалліи долженъ былъ войти въ составъ Рижскаго епископства. Здѣсь въ присоединенныхъ къ Рижскому епископству земляхъ (граница ихъ шла по морскому берегу отъ устья Двины до устья Виндавы, далѣе рѣкою Виндавою до впаденія въ нее рѣчки Абавы, затѣмъ по Абавѣ до ея истока и отсюда прямо на Кокунгезунъ) никто безъ разрѣшенія церкви не могъ занимать никакого земельнаго участка и занявшій долженъ былъ возвратить занятое чрезъ 15 дней. Правда, съ отпаденіемъ отъ католичества куроновъ и семигалловъ власть Рижскаго епископа въ предоставленныхъ ему лѣвобережныхъ двинскихъ мѣстностяхъ пресѣкалась, тутъ не осталось ни одной католической церкви, не осталось ни одного духовнаго лица, но какъ только орденъ снова покорилъ куроновъ, какъ принявшихъ католичество и потомъ отпавшихъ, такъ и никогда не принимавшихъ и не желавшихъ вовсе принимать христіанства, то и Рижскій епископъ имѣлъ право и долженъ былъ снова вступить во владѣніе тою частію Куроніи, какая ему была предоставлена Вильгельмомъ. И въ самомъ дѣлѣ, съ какой стати Рижскому епископу было терять то, что онъ имѣлъ уже, и съ какой стати было соглашаться на дѣлежъ, явно для него невыгодный.

Нѣтъ сомнѣнія, что орденъ не обратилъ бы никакого вниманія на протесты Рижскаго епископа, хоть въ сущности и былъ его вассаломъ и обязанъ былъ ему новиновеніемъ, и дѣлежъ Куроніи произвелъ бы по вышесказанному опредѣленію папы Иннокентія IV, т. е. взялъ бы себѣ двѣ трети куронскихъ земель, отдавъ треть мѣст-

нымъ епископамъ, но, однакоже, обстоятельства приняли такой оборотъ, что дѣлежа въ желаемомъ смыслѣ произвести нельзя было съ тою скоростію, съ какою орденъ, быть можетъ, и желалъ. Во первыхъ, завоеваніе Куроніи хоть и совершилось, но его нельзя было считать упроченнымъ вслѣдствіе литовскихъ вторженій, начавшихъ принимать весьма угрожающіе размѣры съ того времени, когда литовскій князь *Миндовгъ* успѣлъ подчинить своей власти многихъ литовско-жмудскихъ князьковъ. Во вторыхъ, пришлось серьезно считаться съ Рижскимъ епископомъ Николаемъ, пріобрѣтавшимъ себѣ въ лицѣ новаго папскаго легата, Альберта Зуербеера, могущественнаго союзника, далеко не столь благопріятствовавшаго ордену, какъ его предшественникъ Вильгельмъ Моденскій, возведенный папою Иннокентіемъ IV въ санъ кардинала-епископа Сабинскаго.

Появленіе нѣмецкихъ отрядовъ въ земляхъ куроновъ, сопредѣльныхъ съ землями литовцевъ-жмудиновъ, появленіе крѣпости Амботена недалеко уже отъ жмудской границы, не могло не тревожить жмудинъ, очень хорошо сознававшихъ, на сколько опасно для ихъ независимости утвержденіе нѣмецкаго господства у ближайшихъ ихъ сосѣдей, до селѣ ни отъ кого не зависѣвшихъ, не видавшихъ у себя никакихъ католическихъ миссіонеровъ и не знавшихъ еще даннпчества. Помѣшать утвержденію нѣмцевъ въ сопредѣльныхъ съ Жмудью мѣстахъ, разорить ихъ крѣпости — сдѣлалось задачею литовцевъ, князьки которыхъ, какъ уже было сказано (см томъ I, 361), усиливались массами пруссовъ, бѣжавшихъ къ нимъ отъ напора тевтонскаго ордена и крестоносцевъ на ихъ поселенія. Весьма вѣроятно, что дружины литовскихъ князьковъ усилились и куронами, бѣжавшими къ нимъ отъ напора на нихъ ливонскихъ рыцарей, и весьма возможно, что куроны, ближайшіе къ жмудской границѣ, звали къ себѣ литовцевъ на помощь.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ XIII ст. между литовскими князьками начинаетъ возвышаться въ Черной Руси князь Миндовгъ (Миндове по Рифмованной Хроникѣ, Мондоуве по хроникѣ тевтонскаго ордена). Человѣкъ хитрый и коварный и вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ рѣшительный и отважный, онъ ни мало не стѣснялся средствами для достиженія своихъ цѣлей и безспорно обладалъ въ значительной степени тѣми политическими качествами, которыми обыкновенно отличаются основатели государственной силы. Какъ шло первоначальное возвышеніе Миндовга и его семьи — съ точностію неизвѣстно. Полагаютъ, что его отецъ Рингальтъ предводительствовалъ литовцами, истребившими въ 1236 году въ Саульской землѣ христіанское ополченіе, но прямыхъ свидѣтельствъ тому нѣтъ. Достовѣрная исторія русско-литовскаго княжества застаетъ Миндовга уже около 1238 года во главѣ княжества, обнимавшаго Литовскую область на рѣкѣ Вилін со стольнымъ городомъ Керновымъ и Черную Русь съ ея средоточіемъ

Новогродкомъ. Ловко пользуясь обстоятельствами, онъ силы своихъ русскихъ областей употреблялъ на расширеніе своей власти въ собственной Литвѣ, на подчиненіе себѣ мелкихъ литовскихъ князьковъ, а силы литовскія на подчиненіе себѣ сосѣднихъ русско-кривскихъ земель, и успѣхъ увѣнчалъ его предпріятія. Многочисленные литовскіе вожди и князьки, послѣ татарскаго разгрома, устремились на земли Кривской Руси и уже не довольствуются одними грабежами и уводомъ полона, а стараются прочно сѣсть въ этихъ земляхъ.

Къ этому-то Миндовгу, а быть можетъ и къ его брату Выкинту, княжившему въ Жмуди, и обратились куроны съ просьбою о помощи противъ нѣмцевъ, съ 1242 г. начавшихъ строить крѣпости въ куронскихъ земляхъ и принуждать куроновъ къ принятію католичества. Миндовгъ рѣшился помочь и разорить новоотстроенную ливонскимъ орденомъ крѣпость Амботенъ. Собравъ сильное войско (тысячь 30, пишетъ авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 2450—2592, въ которыхъ содержится разсказъ объ осадѣ Амботена), онъ пошелъ съ нимъ на Амботенъ, но его планъ внезапнаго нападенія не удался. Амботенскій гарнизонъ во время узналъ о готовившемся на него нападеніи и послалъ въ Гольдингенъ за помощью. Находившійся здѣсь орденскій братъ, вѣроятно гольдингенскій командоръ (Бернекъ фонъ Гаренъ по Рифмованной Хроникѣ, маршалъ Бернардъ по Орденской хроникѣ, маршалъ Бервартъ по Рюссову), собралъ отрядъ человѣкъ въ 500 и съ 30-ю рыцарями поспѣшилъ на помощь Амботену. Помощь послали во время. Миндовгъ уже осадилъ Амботенъ, но орденское войско, прибывшее изъ Гольдингена, ударило па литовцевъ столь внезапно и стремительно, что Миндовгъ снялъ осаду и бѣжалъ въ свою землю. Въ бою съ литовцами пало четверо орденскихъ братьевъ, литовцевъ же было убито тысячи полторы человѣкъ, и Миндовгъ отъ потерь и стыда недѣль съ пять не тревожилъ куронскихъ городковъ, говоритъ авторъ Рифмованной Хроники.

Миндовгъ, быть можетъ, послѣ неудачи подъ Амботеномъ и не предпринималъ набѣговъ на Куронію, но другіе жмудскіе князьки не думаги оставлять въ покоѣ нѣмцевъ. Они безпрестанно вторгались не только въ Куронію, но заходили и въ право-бережныя двинскія земли, грабя и разоряя встрѣчное, нерѣдко терпѣли пораженія, но нерѣдко уходили и безнаказанно. Эти набѣги, постоянная тревога предъ литовцами сильно мѣшали орденцамъ утвердиться въ Куроніи, тѣмъ не менѣе они, то отбивая, то преслѣдуя литовцевъ, стѣсняли куроновъ все болѣе и болѣе, закрѣпляя ихъ земли за собою

Миндовгъ можду тѣмъ въ своей землѣ продолжалъ дѣло объединенія, подчиняя свой власти литовскихъ и жмудскихъ князьковъ, которые, конечно, не хотѣли лишаться независимости, противились Миндовгу какъ могли и нѣкоторые изъ нихъ, видя невозможность противостоять сильному уже Миндовгу, начинаютъ искать

себѣ помощи у ордена, и, конечно, находятъ ее, потому что ничто такъ не благопріятствовано видамъ и планамъ ордена, какъ смута и раздоръ среди его противниковъ. Объ одной такой смутѣ, возникшей между мелкими землевладѣльцами, князьками жмудскими, авторъ Рифмованной Хроники разсказываетъ въ стихахъ 2705—3120. Авторъ не опредѣляетъ времени, когда именно произошло разсказываемое имъ событіе, но кажется, что событіе должно отнести къ 1244—1246 году, когда орденскими дѣлами управлялъ Дитрихъ Грюнингенскій въ качествѣ ливонскаго магистра.

„Если бы разсказать, говоритъ авторъ Рифмованной Хроники, все удивительное, совершившееся въ Ливоніи, и чудеса, содѣянныя Господомъ Богомъ для утвержденія христіанства въ Ливоніи, то нужно было бы телѣгу, чтобы свезти пергаментъ (eyn wagen must daz hergiit tragen)“. Крѣпко скорбѣло язычество, что такъ часто восхваляютъ Господа, а сердце Миндовга и многихъ другихъ язычниковъ было не на мѣстѣ отъ успѣховъ христіанства. Одного изъ такихъ язычниковъ звали *Ленгевиномъ*. Его имя давно уже было извѣстно многимъ и скажу вамъ отчего: не зналъ онъ никогда отдыха и его сердце всегда жаждало боя, не давалъ онъ покоя сосѣдямъ, ни христіанамъ, ни язычникамъ. А былъ онъ отъ того смѣлъ, что ему благоволилъ главный король, господствовавшій въ Литвѣ, по имени Миндовгъ. Но смѣлость и обманула Ленгевина, какъ то бывало и со многими. Напалъ онъ разъ на храбрыхъ братьевъ, хорошо извѣстныхъ въ ихъ землѣ (мелкихъ жмудскихъ князьковъ), и началъ борьбу съ ними. Одного звали *Дуце*, другого имя было *Миллгеринъ* (онъ былъ преданъ своей вѣрѣ и скорбѣлъ о всякой несправедливости), а третьяго звали *Диндеке* (храбрый былъ въ бою) Ленгевинъ съ войскомъ не разъ вторгался въ ихъ земли, но и они въ отместку ѣзжали въ его землю, производя тамъ грабежъ и пожары. Такъ шло дѣло не одинъ день и не мало невѣрныхъ постигла смерть съ обѣихъ сторонъ. Наконецъ Ленгевинъ склонилъ на свою сторону Миндовга. Когда братья провѣдали, что Миндовгъ хочетъ повредить имъ, то сказали: „Одолѣваютъ насъ враги, подумайте-ка что тутъ дѣлать?“ — „Христіане отъ насъ близко, сказалъ старшій братъ, поѣдемъ-ка къ магистру, спросимъ его совѣта, онъ мудрый человѣкъ (vil wisheit hat): коли онъ насъ приметъ, мы охотно пристанемъ къ христіанству, а коли захочетъ отмстить за нашу обиду походомъ на землю (Жмудь), то вѣдь мы хорошо знаемъ дороги“. Милыгеринъ сказалъ: „съ тѣхъ поръ какъ Миндовгъ оказался противъ насъ, намъ не жить въ этой странѣ“. Третій братъ сказалъ: „Много дней мы бились и земля наша опустошена. Коли хотимъ сохранить свою жизнь, а также женъ и дѣтей, то должны креститься во имя Господне“. „Намъ нечего стыдиться этого“ (der dinge sol wer unz niht schamen), сказали всѣ трое, и возрадовались такому рѣшенію. Ихъ чистое сердце жаждало хри-

стіанства, говоритъ авторъ Хроники, какъ бы не подозрѣвая, что причиною, побуждавшею братьевъ ѣхать въ Ригу, былъ страхъ предъ Миндовгомъ и жажда мщенія къ Ленгевину. Какъ бы то ни было, они порвали съ королемъ, который озлобился на нихъ. Они и не смѣли оставаться въ странѣ, ибо Миндовгъ и Ленгевинъ хотѣли изгнать ихъ.

Поѣхали они къ магистру, который обрадовался такимъ гостямъ (der waz der werden gesthe vro). Они разсказали ему свое дѣло: „Король хочетъ изгнать насъ изъ земли, позвольте остаться у васъ ради Господа. Дома у насъ остались жены и дѣти и другіе друзья наши, примите и тѣхъ, кто пойдетъ за нами. Мы присоединимся къ къ вамъ и къ христіанству и причинимъ вредъ язычникамъ, чтобъ быть милостиво принятымъ вами“. Магистръ отвѣчалъ: „охотно оказываемъ вамъ свою дружбу и обогатимъ васъ почестями и имѣніями. Вы и всѣ, кто придетъ къ намъ, останетесь подъ нашимъ покровительствомъ. Благую часть избрали вы себѣ (ir habit daz beste ouch bedacht)“. Тогда бѣглецы сказали: „Мы должны возвратиться домой; усердно благодаримъ васъ, господинъ магистръ (herre meister, отъ этихъ словъ, часто употребляемыхъ, впослѣдствіи магистровъ начали называть гермейстерами), за благосклонный пріемъ. Теперь мы знаемъ что дѣлать!“

Они уѣхали изъ Риги.

По возвращеніи на родину, трое братьевъ созвали къ себѣ своихъ друзей и родныхъ, разсказали имъ какъ были приняты въ Ригѣ и предложили имъ свой планъ захватить въ плѣнъ Ленгевина. Свой планъ они привели въ исполненіе: пробрались во дворъ къ Ленгевину, напали на него, связали его и увели въ землю Мильгерина. Тогда Дуце сказалъ: „медлить намъ здѣсь не льзя, надобно поскорѣе уходить отсюда“. Братья и ихъ родные собрались въ дорогу, взяли съ собою женъ, дѣтей, быковъ и скотъ и все, что у нихъ было, и поспѣшно отправились по направленію къ Ашерадену. По прибытіи сюда, братья всѣхъ прибывшихъ и все свое имущество оставили въ лѣсу, а сами поѣхали къ магистру и сказали ему: „Намъ послалъ Богъ залогъ, сохраните-ли вы его намъ?“ „Какой же залогъ вы привели?“ спросилъ магистръ. „Связаннаго Ленгевина“, былъ отвѣтъ. Магистръ тогда сказалъ: „Радъ, что дѣло удалось вамъ. Если бы вы перевязали и привели всѣхъ знатнѣйшихъ язычниковъ, то орденская братія отъ души бы радовалась тому. Поѣзжайте же назадъ и приводите сюда человѣка, причинявшаго вамъ зло. Будьте увѣрены въ нашей благодарности и въ томъ, что мы не отвернемся отъ васъ“.

Братья поблагодарили магистра, поѣхали въ Ашерадень въ лѣсъ, гдѣ находилась ихъ свита и имущество и нашли невредимыми всѣхъ, кого оставили. Въ слѣдующій день, на разсвѣтѣ, они взяли закованнаго Лен-

гевина и повезли его въ Ригу. Магистръ ласково встрѣтилъ прибывшихъ, принялъ отъ нихъ плѣннаго Ленгевина и далъ братьямъ письменное утвержденіе на владѣніе людьми и землей.

Авторъ Рифмованной Хроники не упоминаетъ, но изъ его дальнѣйшаго разсказа слѣдуетъ заключить, что въ Ригѣ братья съ прибывшими съ ними семействами, родными и прислугою приняли католичество и получили во владѣніе землю, гдѣ именно въ Хроникѣ не сказано.

Послѣ того магистръ задумалъ сдѣлать походъ въ Литву противъ язычниковъ и распорядился сборомъ войска: послалъ за датскими королевскими людьми въ Ревель, разослалъ по старому обычаю гонцовъ по ливскимъ и латышскимъ землямъ, что бы ливы и латыши собирались къ назначенному времени и мѣсту въ походъ. Когда королевскіе люди прибыли, войско собралось и переправилось чрезъ Двину, магистръ повелъ его чрезъ лѣса и болота на Жмудь.

Въ походѣ этомъ приняли участіе и новокрещенные литовцы, они оказали большую услугу магистру уже тѣмъ, что знали мѣстность и обычаи страны, куда шли. Вступивъ въ Жмудь, именно въ тѣ мѣста, гдѣ находились владѣнія братьевъ и Ленгевина, христіанское войско, по обычаю, начало истреблять все встрѣчное. „Погубили они, говоритъ авторъ Хроники, не одного человѣка: кто не бѣжалъ, претерпѣвалъ смерть; опустошили они страну кругомъ“. Новокрещенный Диндеке повелъ войско ударить на дворъ Ленгевина. Здѣсь войско ограбило до чиста дворъ, забрало лошадей и большую добычу, пробыло всю ночь во дворѣ и за тѣмъ выступило въ обратный походъ домой, угоняя съ собою забранный скотъ и полоненныхъ женщинъ и дѣтей (мущинъ, по обычаю, въ плѣнъ не брали, а убивали, гдѣ они ни попадались). Литовцы начали преслѣдовать отступавшихъ, но ничего не могли подѣлать имъ, напротивъ аріергардъ, прикрывавшій отступленіе, разсѣялъ литовскія толпы, при чемъ былъ убитъ и братъ Ленгевина.

Между тѣмъ въ Ригѣ случилось, разсказываетъ авторъ Хроники, нѣчто особенное. Ленгевинъ сидѣлъ за столомъ, обѣдая вмѣстѣ съ орденскою братіею. Попалась ему плечная кость (Schulterbein), онъ началъ внимательно разсматривать ее и сильно опечалился. „Терпятъ литвины бѣду, говоритъ онъ, братъ мой убитъ, со вчерашняго дня до сегодняшняго войско пробыло на моемъ дворѣ“. Плечная кость, пишетъ авторъ Хроники, многихъ послѣ обманывала, но не обманула Ленгевина. Онъ ничего не зналъ о походѣ, а случилось именно то, что онъ угадалъ по кости. Скоро въ Ригу прибылъ гонецъ отъ войска и сказалъ: „Взяли мы у литовцевъ въ залогъ женъ и дѣтей, лошадей и скотъ, много и убили народа. Братъ Ленгевина наналъ на наше отступавшее войско и былъ убитъ. Кому его жалко, пусть жалѣетъ въ Литовской землѣ, онъ остался тамъ“. Сильно скорбѣлъ Ленгевинъ, когда узналъ про все это. Онъ пробовалъ было повѣ-

ситься (знаю, что онъ пробовалъ, говоритъ авторъ Хроники), но не повѣсился только потому что его хорошо стерегли: за него хотѣли взять выкупъ.

Магистръ и его спутники, радостные, возвратились въ Ригу. Королевскіе датскіе люди тотчалъ отправились домой въ Ревель. Они, неколебимые герои, говоритъ авторъ Хроники, въ походѣ съ честью набрали добычи полныя руки. Когда кончился походъ, друзья Ленгевина выкупили его изъ плѣна: дали за него орденской братіи 500 озеринговъ (около 2000 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей), и увели его въ свою землю. Тамъ онъ жилъ еще многіе дни, питая въ душѣ непремиримую ненависть къ христіанству.

Однажды иередъ Венденомъ, разсказываетъ далѣе авторъ Рифмованной Хроники, увидѣли войско, которое велъ Ленгевинъ. Не замѣтили какъ оно пробралось. Это странно, что орденская братія во время не провѣдала объ этомъ войскѣ; оно и пострадала за то. Венденскій командоръ съ братьями рыцарста началъ бой съ литовцами совсѣмъ не во время. У командора было человѣкъ 500 войска, съ ними онъ и бросился на огромное войско. Но чтоже изъ того, что онъ былъ храбръ? Большую часть братьевъ постигла смерть. Одинъ только изъ нихъ съ трудомъ спасся и принесъ домой извѣстіе о пораженіи. Девять братьевъ было убито, а десятый долженъ былъ нести въ Литву отрубленную голову своего командора. Неся голову, скорбѣлъ онъ, что остался въ живыхъ въ то время, когда были избиты остальныя братья, но онъ долженъ былъ нести, потому что Ленгевинъ принудилъ его къ тому. По прибытіи въ свою землю, Ленгевинъ приказалъ казнить орденскаго брата въ отмщеніе за смерть своего брата, умерщвленнаго войскомъ магистра.

Таковъ разсказъ Рифмоманной Хроники о литовцѣ Ленгевинѣ и его соперникахъ, очевидно жмудскихъ князькахъ (кунигасахъ), тѣснимыхъ уже Миндовгомъ. Князьки бѣгутъ отъ него къ сосѣдямъ, ищутъ защиты у ордена, принимаютъ христіанство, усиливаютъ орденское войско своими дружинами и являются врагами своихъ родичей. Орденъ охотно принимаетъ къ себѣ бѣглецовъ, ибо ни что такъ не благопріятствовало его видамъ на дальнѣйшія завоеванія какъ вражда и раздѣльность силъ у его сосѣдей. Ленгевинъ — это подручный князекъ Миндовга и человѣкъ въ Жмуди значительный, если за него орденъ получилъ выкупъ въ 500 озеринговъ, сумму для того времени весьма не маловажную (Генрихъ въ XVI гл. § 4 своей лѣтописи опредѣляетъ стоимость озеринга, по всей вѣроятности серебряной пластинки или кружка, какія и до сихъ поръ въ видѣ украшенія на шеѣ носятъ латышскія и литовскія женщины, въ полмарки серебра, но какъ марка серебра имѣла вѣсу 16 лотовъ, потому 500 озеринговъ на наши деньги составляютъ около 2000 р. с.). Стрыйковскій и Ко-

яловичъ, описывая событія въ Литвѣ во время Миндовга, упоминаютъ о трехъ его племянникахъ (Ардуидъ, Викундъ и Певтевилъ), покорившихъ литовской власти русскіе города Друцкъ, Витебскъ и Полоцкъ, которые, будучи преслѣдуемы Миндовгомъ, заключили союзъ съ орденомъ и приняли католичество. Весьма возможно, что эти три племянника Миндовга и есть три брата, разсказъ о которыхъ приведенъ выше.

Но обратимся къ дальнѣйшему изложенію событій въ Куроніи.

Построивъ крѣпости въ куронскихъ земляхъ и поставивъ въ нихъ нѣмецкіе гарнизоны, орденъ неутомимо распространялъ свои завоеванія все дальше и дальше, то отражая литовскія вторженія, то усмиряя возстанія туземцевъ. Военные тревоги не стихали, а между тѣмъ число народа, обращеннаго силою въ католичество, постепенно увеличивалось, надобно же было подумать и объ учрежденіи приходовъ и церквей для новокрещенныхъ, о назначеніи къ нимъ священниковъ и причтовъ, но кому же было подумать, когда епископовъ въ лѣвобережныхъ двинскихъ земляхъ не было, когда обстоятельства, при которыхъ Вильгельмъ Моденскій назначилъ предѣлы епископствъ, совершенно измѣнились. Новыя распредѣленія и назначенія являлись совершенно необходимостію. Папа Иннокентій IV, зорко слѣдившій за тѣмъ, что дѣлается въ Пруссіи и Ливоніи, очень хорошо видѣлъ, что устроеніе церковнаго дѣла въ новозавоеваемыхъ земляхъ составляетъ неотложный предметъ, и потому чуть лишь управился съ Ліонскимъ соборомъ, какъ позаботился о назначеніи новаго легата для Пруссіи и Ливоніи.

Было уже упоминаемо о дѣятельности епископа Христіана въ Пруссіи (см. томъ I, 256—267). Съ небольшою свитою онъ отправился на проповѣдь евангелія къ пруссамъ и былъ захваченъ ими въ плѣнъ. Куда его увели пруссы, гдѣ содержали — ничего этого неизвѣстно, но ему удалось освободиться изъ плѣна лишь въ началѣ 1238 года. По прибытіи въ свое Кульмское епископство, онъ началъ хлопотать предъ папою о церковномъ устроеніи въ новозаеванныхъ прусскихъ земляхъ, о необходимости раздѣленія Пруссіи на епископства. Его ходатайства, жалобы и представленія долго оставались безъ послѣдствій, пока наконецъ за дѣло не взялся Иннокентій IV. Онъ поручилъ легату Вильгельму Моренскому раздѣлить новозавоеванныя прусскія земли на епархіи Вильгельмъ вслѣдствіе этого въ 1243 году раздѣлилъ Пруссію на четыре епархіи: Кульмскую, Помезанскую, Вармійскую (Эрмландскую) и Самландскую, съ обозначеніемъ ихъ предѣловъ и отношеній епископствъ къ ордену, но въ распоряженіяхъ относительно этихъ епископствъ оставалось много сиорнаго, неопредѣленнаго, подававшаго поводъ къ безпрерывнымъ столкновеніямъ между свѣтскою и духовною властями, а тутъ безирерывныя, ожесточенныя войны со Святополкомъ княземъ Поморскимъ мѣшали не

только устроенію епископствъ, но и назначенію епископовъ. Устроилось кое-какъ одно только Кульмское епископство, съ епископомъ Христіаномъ въ главѣ (умеръ въ 1245 году), прочія существовали скорѣе на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ Вильгельмъ Моденскій, съ возведеніемъ въ санъ кардинала-епископа Сабинскаго, остался при папѣ для дипломатическихъ порученій; въ 1245 году легатомъ въ Пруссію назначили доминиканца Генриха, но дѣло церковнаго устроенія плохо подвигалось впередъ, тогда Иннокентій IV, въ виду сильно запутавшихся отношеній ордена къ епископамъ въ Пруссіи и Ливоніи, назначилъ сюда легатомъ съ обширными полномочіями одного изъ своихъ приближенныхъ прелатовъ, *Альберта Зуербеера*, принявшагося за свое дѣло весьма энергично.

О новомъ легатѣ необходимо привести нѣсколько подробностей, такъ какъ онъ въ исторіи и Пруссіи и Ливоніи игралъ весьма выдающуюся роль.

Альбертъ Зуербееръ родился въ послѣднихъ годахъ XII ст. въ Кельнѣ, и въ молодыхъ еще годахъ получилъ ученую степень магистра, въ тѣ времена рѣдко кому предоставляемую и потому очень почетную. Своею ученостію и способностями онъ обратилъ на себя вниманіе бременскаго архіепископа Гергарда II, который, какъ уже было сказано (см. томъ I, 249), предназначилъ было его посвятить въ рижскіе епископы на мѣсто умершаго Альберта Буксгевдена, но назначеніе это не состоялось: рижскій соборный капитулъ предложилъ своего кандидата, Николая Магдебургскаго, и папа Григорій IX рѣшилъ вопросъ въ пользу сего послѣдняго. Альбертъ Зуербееръ остался въ Бременѣ въ качествѣ схоластика при тамошнемъ соборѣ и пробылъ тутъ до 1240 года, когда по представленію папскаго легата Англіи, Валиса, Шотландіи и Ирландіи кардинала Оттона, получилъ архіепископскую каѳедру въ Армагѣ (Ирландіи). Такимъ образомъ онъ сразу занялъ высокое положеніе, ибо армагскій архіепископъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и примасомъ Ирландіи. Ирландцы не любили Альберта, какъ иноземца, но онъ тутъ пробылъ не очень долго: папа Иннокентій IV отправилъ его совмѣстно съ епископами Лондонскимъ и Линкольнскимъ во Францію въ Понтиньи, чтобы въ тамошнемъ монастырѣ произвести разслѣдованіе чудесъ, приписываемыхъ мощамъ архіепископа Эдмунда Кентерберійскаго, который въ этомъ монастырѣ провелъ послѣдніе дни свой жизни. Отсюда Альбертъ Зуербееръ отправился въ Ліонъ, гдѣ проживалъ папа Иннокентій IV, и тутъ впервые представился главѣ католичекаго духовенства. Нѣтъ сомнѣнія, что панѣ еще до офиціальнаго представленія рекомендовали Зуербеера какъ человѣка чрезвычайно способнаго и потому полезнаго для римской куріи. Папа узналъ и приблизилъ къ себѣ Альберта, увидѣвъ въ немъ человѣка далеко не заурядnаго, а главное увѣреннаго въ превосходствѣ духовной власти надъ свѣтскою и въ томъ,

что императоръ и короли и всѣ свѣтскія власти должны безусловно подчиняться папѣ, какъ своему верховному повелителю.

Такого человѣка и нужно было Иннокентію IV, принявшему это имя, какъ уже было сказано, во все не случайно, а потому что принципы Иннокентія III были и его принципами и онъ слѣдовалъ имъ съ такою же неуклонностію и энергіею какъ и самъ Иннокентій III.

Альберту Зуербееру папа и иредназначилъ ввѣрить посредничество въ спорахъ между орденомъ въ Пруссіи и Ливоніи и епископами и устройство церковныхъ дѣлъ тамъ, хотя Зуербееръ по своимъ убѣжденіямъ на счетъ главенства папы надъ всякою свѣтскою властію и менѣе всего годился для роли посредника. Въ концѣ 1245 г. Иннокентій IV назначилъ Альберта архіепископомъ Прусскимъ, а въ самомъ началѣ 1246 года подчинилъ ему епископовъ Пруссіи, Ливоніи и Эстоніи, не имѣвшихъ въ то время собственнаго архіепископа, предписавъ 9 января 1246 года всѣмъ прелатамъ и клерикамъ названныхъ земель, а также Семигалліи и Куроніи, оказывать должное повиновеніе ихъ новоназначенному архипастырю и исполнять всѣ его требованія, и порученія. Альбертъ избралъ Любекъ своею временною резиденціею; папа прислалъ ему архіепископскій палліумъ, предоставилъ право предношенія креста въ его областяхъ, издалъ буллу ко всѣмъ настоятелямъ монастырей и церквей, дабы они снабжали книгами новоустрояемыя церкви въ Пруссіи и Ливоніи. Наконецъ весною 1246 года Иннокентій IV назначилъ Зуербеера папскимъ легатомъ для всѣхъ областей Пруссіи, Ливоніи и Эстоніи со включеніемъ Готланда, Гольштейна и Рюгена, обязывая всѣхъ католиковъ этихъ земель къ неуклонному новиновенію новому легату.

Однимъ словомъ папа не упустилъ ничего, чтобъ возвеличить Альберта, котораго уважалъ и любилъ за его убѣжденія, которому не могли отказать въ уваженіи и всѣ католики за его ученость и за христіанскій образъ жизни, необычныя у современныхъ имъ прелатовъ.

Задача, предстоявшая Альберту, была вовсе не легкая, ибо въ подчиненіыхъ его духовной власти областяхъ внутреннія дѣла находились въ очень неопредѣленномъ и запутанномъ положеніи. Онъ засталъ сѣверную Эстонію во власти датчанъ и тамошнія епископства, Ревельское и Виронское, подчиненными архіепископу Лундскому. Тевтонскій орденъ въ Ливоніи, въ качествѣ преемника меченосцевъ, былъ въ зависимости отъ духовной власти, но тотъ же орденъ, покоривъ Куронію и объявивъ эту землю принадлежащею къ Пруссіи, явно стремился къ полной самостоятельности и добивался, чтобъ ему были предоставляемы въ другихъ имъ завоеванныхъ земляхъ двѣ трети земель, вмѣсто одной. Въ Пруссіи тевтонскій орденъ стоялъ внѣ всякой власти высшаго духовенства, но тутъ три епископства не имѣли епископовъ; не имѣла епископовъ Куронія и Семигалія, слѣд. предстояло

сдѣлать назначенія и главное опредѣлить отношенія между орденомъ и епископами.

Въ началѣ 1246 года было заключено перемиріе между орденомъ и Свдтополкомъ, но мира не было; осенью 1247 г. война, четвертая по порядку, со Святополкомъ возобновилась, а военныя тревоги, конечно, сильно мѣшали дѣйствіямъ Альберта въ Пруссіи. Онъ назначилъ сюда епископовъ, орденъ нехотѣлъ принимать ихъ, требуя, чтобъ епископы были назначены изъ числа орденскихъ священниковъ, отсюда возникли распря и раздоры съ Альбертомъ. Въ Ливоніи рижскій епископъ Николай и слышать не хотѣлъ о какихъ либо уступкахъ ордену, утверждая, что требованія ордена по дѣлежу Куроніи противорѣчатъ опредѣленіямъ легата Вильгельма, сдѣланнымъ въ 1237 году, и нарушаютъ права рижской церкви и ея епископа. Зуербееръ поддерживалъ Николая, но однакоже ничего рѣшительнаго не предпринималъ, быть можетъ и потому, что власть нѣмцевъ въ Куроніи и Семигалліи была еще очень шаткою. Есть, впрочемъ, извѣстіе, что Зуербееръ вскорѣ послѣ назначенія своего легатомъ посвятилъ въ епископа Семигалліи Арнольда (см. томъ I, 386), но тотъ не являлся въ свое епископство, да напрасно бы было и являться, потому что Семигалльское епископство существовало только на бумагѣ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ посвященія Арнольда, именно въ декабрѣ 1246 г., папа поручилъ Альберту Зуербееру отдать епископство Семигалльское миноритскому монаху Генриху Лютцельбургскому (см. томъ I, 388) такъ какъ Арнольдъ по болѣзненности своей готовъ сложить съ себя санъ епископа. Генриха посвятили, но и онъ не поѣхалъ въ Ливонію, конечно, видя, что ему туда не за чѣмъ и ѣхать впредь до рѣшенія вопроса о дѣлежѣ земель и впредь до покоренія семигалловъ, все еще окончательно не покоренныхъ. Между тѣмъ въ средѣ ливонскаго ордена произошла перемѣна магистра.

Дитрихъ Грюнингенскій, управляя орденскими дѣлами, оставался въ то же время и ландмейстеромъ Пруссіи Къ концѣ 1246 г. онъ въ виду-ли новой войны со Святополкомъ или въ виду необходимости быть на мѣстѣ при назначеніи Зуербееромъ епископовъ въ Пруссіи, оставилъ Ригу, предоставивъ здѣсь управленіе орденскими дѣлами одному орденскому брату, и отправился для свиданія съ великимъ магистромъ, которымъ былъ въ то время Генрихъ Гоэнлоэ. Авторъ Рифмованной Хроники, въ стихахъ 3121—3158, восхваляя Дитриха за разумое управленіе, пишетъ, что Дитрихъ, свидѣвшись съ Гоэнлоэ, отказался отъ управленія ливонскими орденскими дѣлами и что великій магистръ уволилъ его отъ должности ливонскаго провинціальнаго магистра, отправивъ его въ Римъ. Великій магистръ послѣ того созвалъ находившихся при немъ орденскихъ братьевъ и поручилъ имъ избрать для Ливоніи магистра на мѣсто Дитриха. Выборъ палъ на брата Андрея, по прозванію Стирланда, такъ какъ онъ

былъ родомъ изъ Стиріи*). Онъ долгое время жилъ въ Ливоніи, хорошо зналъ край и военное искуство, потому именно выборъ и палъ на него. Послали, разсказываетъ авторъ Рифмованной Хроники, гонца въ Ригу съ нисьмомъ, извѣщавшемъ о выборѣ новаго магистра. Когда замѣститель магистра и другіе братья прочли письмо, то обрадовались назначенію къ нимъ Андрея Стирландскаго, ибо всѣ его знали какъ разумнаго человѣка (das her was ein geistlich man) и охотно подчинились ему.

Новый магистръ умѣлъ поладить и съ ливонскими епископами. Не прошло и полугода послѣ того какъ онъ прибылъ въ край, пишетъ авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 3210—3215, какъ епископы и рижскій (Николай), и Викскій (т. е. эзельскій Генрихъ), и Дерптскій (Бернгардъ) были уже всегда въ готовности стать вмѣстѣ съ нимъ на защиту христіанства противъ злаго язычества. Не оставались позади и ревельскіе рыцари (т. е. вассалы, королевскіе мужи). Когда язычники провѣдали, что магистръ такъ умѣетъ ладить со своими друзьями, то опечалились, говоря: „Мы должны беречься этого человѣка; коли онъ станетъ враждовать съ нами, гибель наша неизбѣжна“. Послѣ того литовцы и самеиты (т. е. самогиты, жмудины) начали вооружаться противъ магистра, да и семигаллы слышали про смѣлаго магистра, ибо его мѣстопребываніе было недалеко отъ нихъ.

Магистръ Андрей Стирландскій (Andris von Stire, пишетъ авторъ Рифмованной Хроники), предупредилъ литовцевъ и самъ сдѣлалъ походъ на ихъ землю. Этотъ походъ, по всей вѣроятности, былъ сдѣланъ зимою 1247 года. Оповѣстивъ всѣхъ командоровъ и фохтовъ, чтобъ они со своими дружинами прибыли въ назначенное мѣсто и къ назначенному сроку, магистръ повелъ собравшееся войско въ литовскую землю чрезъ землю Нальзенъ (полагаютъ, что это мѣстность, гдѣ нынѣ Малемуйже, въ землѣ селоновъ). Цѣлью похода было возможное разореніе литовскихъ и жмудскихъ земель, изъ которыхъ литовцы дѣлали безпрерывныя нападенія на орденскія владѣнія въ Куроніи, и покореніе семигалловъ, переставшихъ платить дань и отрекшихся отъ христіанства послѣ Саульской катастрофы. Вступивъ въ Нальзенскую землю христіанское войско (въ составѣ его были и крестоносцевы) начало истреблять все встрѣчное, не щадя ни мущинъ, ни женщинъ, ни дѣтей (Man, Wib unde Kinder worden wenik da gespart — пишетъ авторъ Рифмованной Хроники). Изъ Нальзенской земли

*) Въ Орденской Хроникѣ Андрей Стирландскій (von Stirland) названъ Стуерландомъ, у Ніенштета Стауверландомъ, у Рюссова Стукландомъ. Показаніе Рифмованной Хроники вѣрнѣе всѣхъ, ибо указываетъ откуда и взялось прозваніе Стирланда. Въ стихахъ 3173—3174 сказано:

Bruder andris waz her genant
Unde waz gehern von stirlant.

войско вступило въ литовскую землю и осадило Миндовга въ его городкѣ (полагаютъ, что городокъ этотъ былъ Керновъ). Доставалось и христіанамъ при этой осадѣ, гбродка они не взяли, но жестоко опустошили окрестную сторону, и отсюда двинулись на самеитовъ (жмудинъ). Войско здѣсь жгло, грабило и убивало язычниковъ въ теченіе многихъ дней. Кто хотѣлъ сохранить себѣ жизнь, тотъ долженъ былъ бѣжать въ лѣса, искать мира въ кустахъ и болотахъ, а кого ловили, тотъ долженъ былъ въ залогъ подставлять свою шею. То то было горе для нихъ — daz waz en ungemach — говоритъ авторъ Рифмованной Хроники. Выжегши всю страну, христіанское войско, обремененное добычею, возвратилось въ Ригу. Восхвалили рижскіе бюргеры Господа Бога за дарованную христіанамъ побѣду, а магистръ, по совѣту братьевъ, отдѣлилъ часть добычи Богу, т. е. отдалъ на церкви.

Вскорѣ послѣ литовскаго похода, магистръ предпринялъ, полагать надобно въ 1248 г., походъ на семигалловъ, страшно опустошилъ ихъ землю и въ концѣ концовъ принудилъ ихъ просить мира. Миръ былъ данъ съ условіемъ, что семигаллы будутъ платить дань и жить въ мирѣ съ орденскими братьями. Съ этого времени семигаллы добровольно платили дань — den czins sy gerne gaben sedir — пишетъ въ стихѣ 3450 авторъ Рифмованной Хроники.

Какъ бы то ни было, но къ 1248 году закончилось покореніе земель куроновъ, семигалловъ и селоновъ, т. е. всѣхъ земель, составляющихъ нынѣшнюю Курляндскую губернію Военныя тревоги стихли, можно было устроить здѣсь епископства и произвести дѣлежъ земель; тѣмъ не менѣе вопросъ о дѣлежѣ не подвигался впередъ, а рижскій епископъ Николай, къ досадѣ ордена, въ 1248 году предоставилъ рижскому соборному капитулу, въ виду недостаточности средствъ на его содержаніе, въ лепъ 200 гакеновъ земли въ Куроніи, въ мѣстностяхъ около Дондангена и Таргеля (нынѣ Тергельнъ, недалеко отъ Виндавы), и 150 гаковъ въ Семигалліи, т. е. распорядился землями, кои орденъ считалъ своимъ достояніемъ.

Но въ чемъ же затруднялись, что тормозило земельный дѣлежъ и церковное устроеніе въ Пруссіи и Ливоніи?

Дѣло въ томъ, что архіепископъ Зуербееръ никакъ не хотѣлъ согласиться съ требованіями Тевтонскаго ордона, дабы епископы въ Пруссіи были назначаемы непремѣнно изъ орденскихъ братьевъ-священниковъ и дабы выкупныя деньги съ крестоносцевъ, возложившихъ на себя крестъ, но не могшихъ по какимъ либо причинамъ явиться въ походъ, поступили въ кассу ордена, а не архіепископскую.

Спорили и пререкались долго, пока наконецъ 10-го января 1249 г., при посредствѣ трехъ прусскихъ епископовъ и маркграфа Оттона Брандепбургскаго, находившагося въ то время въ прусскихъ по Вислѣ земляхъ, состоялось между Тевтонскимъ орденомъ и Альбертомъ Зуербееромъ, какъ архіепископомъ Прусскимъ, соглашеніе, въ

силу коего Альбертъ обѣщалъ поддерживать орденъ въ его войнахъ съ язычниками, впредь не возбуждать вопроса о правахъ и преимуществахъ, предоставленныхъ ордену папами, безъ согласія орденскихъ братьевъ не имѣть своего мѣстопребыванія въ Пруссіи; орденъ съ своей стороны обѣщалъ не умалять архіепископской чести и уплатить ему 300 марокъ.

Не прошло, однако, и нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ этого соглашенія, какъ раздоръ и споры между орденомъ и Зуербееромъ снова возобновились съ прежнею силою. Не заплатили-ли рыцари въ срокъ Зуербееру обѣщанныхъ денегъ или были другія причины раздора — неизвѣстно, но лѣтомъ 1249 г. Зуербееръ и орденъ находились уже въ враждѣ между собою. Тогда прусскій ландмейстеръ, Дитрихъ Грюнингенскій, тотъ самый, который былъ провинціальнымъ магистромъ въ Ливоніи, чтобъ положить конецъ раздорамъ, рѣшился отправиться въ Любекъ, гдѣ проживалъ Зуербееръ, и тамъ войти съ нимъ въ соглашеніе, вслучаѣ же недостиженія онаго отправиться отсюда въ Ліонъ къ папѣ Иннокентію IV, дабы папа рѣшилъ наконецъ споръ. Назначили быть свиданію Дитриха съ Зуербееромъ въ Любекѣ на 25 іюля 1249 года. Къ назначенному сроку Дитрихъ пріѣхалъ, но Зуербееръ отъ свиданія уклонился. Тогда Дитрихъ, получивъ извѣстіе, что 16 іюля 1249 года умеръ великій магистръ Гоэнлоэ, и прождавъ въ Любекѣ цѣлую недѣлю пріѣзда Зуербеера, уѣхалъ въ Марбургъ на выборы новаго магистра (былъ избранъ Гюнтеръ), взявъ отъ любекскаго магистрата формальное свидѣтельство, что ждалъ архіепископа и потому не онъ, ландмейстеръ, виною несостоявшагося свиданія. Изъ Марбуга Дитрихъ отправился къ папѣ въ Ліонъ и изложилъ ему всѣ обстоятельства дѣла. Иннокентій IV принялъ сторону ордена.

Онъ приказалъ Зуербееру и Дитриху прибыть въ Ліонъ къ пасхѣ 1250 года, но никакого соглашенія въ то время не состоялось. Въ томъ же 1250 г., 27 сентября, папа снялъ съ Зуербеера званіе легата въ видѣ уступки ордену, но оставилъ въ званіи архіепископа Пруссіи и Ливоніи.

Соглашеніе архіепископа съ орденомъ послѣдовало лишь тогда, когда папа поручилъ кардиналу-епископу Петру Албанскому, кардиналу Вильгельму (бывшему легату въ Ливоніи) и кардиналу-священнику Іоанну разобрать все дѣло При содѣйствіи этихъ трехъ лицъ состоялось наконецъ 24 февраля 1251 г. соглашеніе между архіепископомъ Ливонскимъ и Прусскимъ съ одной и ландмейстеромъ Дитрикомъ и орденскою братіею въ Пруссіи и Куроніи съ другой стороны. Въ силу этого соглашенія, архіепископъ обязался предоставлять ордену выкупныя деньги съ крестоносцевъ и вообще споспѣшествовать крестовымъ походамъ и дѣламъ ордена; не касаться и не оспаривать правъ

и преимуществъ, предоставленныхъ ордену; сохранять въ силѣ распоряженія, сдѣланныя бывшимъ легатомъ Вильгельмомъ епископомъ Моденскимъ, а нынѣ кардиналомъ-епископомъ Сабинскимъ, въ Пруссіи и Ливоніи; предоставить ордену двѣ трети земель въ Пруссіи и Куроніи и наконецъ не входить ни съ кѣмъ и ни въ какіе союзы противъ ордена. Орденъ съ своей стороны обязуется оказывать архіепископу и его людямъ подобающую честь и не противиться его архіепископской юрисдикціи во всѣхъ земляхъ (Куронія и Пруссія къ этимъ землямъ, однако, не причислялись).

Папа утвердилъ это соглашеніе 9 марта 1251 года (см. Бунге, Urkundenbuch, I, № 220) и въ то же время поручилъ епископу Ольмюцскому озаботиться приведеніемъ его въ исполненіе (см. тамъ же № 221).

Долголѣтній споръ ордена съ архіепископомъ кончился названнымъ соглашеніемъ; въ Пруссіи привести его въ исполненіе было не трудно, но не такъ легко было устроиться въ Куроніи, ибо здѣсь пришлось согласовать постановенія бывшаго легата Вильгельма Моденскаго, сдѣланныя въ 1237 г., съ соглашеніемъ 24 февраля 1251 г. и повести дѣло такимъ образомъ, чтобы и орденъ получилъ двѣ трети земель и рижскій епископъ съ его капитуломъ не понесли чувствительнаго убытка при уступкѣ ордену земель въ сѣверной Куроніи, причисленныхъ къ рижской епархіи.

Кардиналы и этотъ вопросъ подвергали обсужденію. 3 марта 1251 г. въ Ліонѣ же они постановили (см. Бунге, Urkundenbuch, I, № 219): мѣстопребыванію архіепископа Прусскаго и Ливонскаго быть въ Ригѣ, какъ наиболѣе подходящемъ для него мѣстѣ въ Прибалтійскихъ земляхъ, подчиняемыхъ его митрополитской власти. Если епископъ рижскій Николай будетъ переведенъ въ другую епархію или пожелаетъ уступить свое мѣсто архіепископу, то Альбертъ немедленно же вступаетъ въ его должность, въ противномъ случаѣ Николай пожизненно остается въ Ригѣ при своей должности безъ всякаго умаленія своихъ правъ и преимуществъ, архіепископъ же въ рижскомъ епископствѣ имѣетъ лишь митрополитскую юрисдикцію такую самую, какую имѣетъ во всей своей церковной области. Въ томъ вниманіи, что, по смыслу соглашенія 24 февраля 1251 года, Куронія должна имѣть только двухъ властителей, ордена и мѣстнаго епископа, слѣд. епископъ Рижской части тутъ имѣть не долженъ, а все что имѣлъ долженъ передать по принадлежности или ордену или мѣстному епископу, слѣд. чрезъ это понесетъ убытокъ, то для согласованія общихъ интересовъ кардиналы постановили: Семигальское епископство упразднить и присоединить двѣ трети онаго къ рижскому епископству, чѣмъ оно и вознаградится за уступку части Куроніи, а одну треть съ десятиною и свѣтскою юрисдикціею отдать ордену. Епископъ Семигальскій Генрихъ, посвященный въ этотъ санъ, но къ своему мѣсту

и не являвшійся (см. выше стр. 25) получаетъ, въ замѣнъ упраздняемаго Семигальскаго, епископство Куронское, учрежденное изъ всѣхъ земель куроновъ, изъ коихъ онъ получаетъ третью часть со всѣми духовными и свѣтскими правами, при чемъ остальныя двѣ трети съ десятиной и юрисдикціей отходятъ къ ордену. Но какъ Генриху пока невозможно найти безопасное мѣстопребываніе въ Куроніи, то до времени ему жить въ Ригѣ въ домѣ умершаго семигальскаго епископа (вѣроятно Балдуина) и таковой домъ купить для себя у епископа Николая.

На всѣ эти постановленія кординаловъ, находившіеся въ Ліонѣ архіепископъ Альбертъ, прусскій ландмейстеръ Дитрихъ Грюнингенскій и представители рижскаго и семигальскаго епископа изъявили свое согласіе, вслѣдствіе чего папа 14 марта 1251 г. (см. Бунге Urkundenbuch, I, № 222) утвердилъ эти постановленія и вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ епископу Эзельскому наблюдать за исполненіемъ ихъ.

Только послѣ подобныхъ соглашеній и постановленій явилась наконецъ возможность приступить къ дѣлежу земель въ Куроніи. Для окончательнаго опредѣленія отношеній ордена къ мѣстному куронскому епископу великій магистръ назначилъ орденскаго намѣстника въ Германіи, Эбергарда Сейненскаго, который осенью 1251 году прибылъ въ Пруссію, а въ серединѣ слѣдующаго 1252 г. пріѣхалъ въ Ливонію. Въ это время магистръ Андрей заболѣлъ, вслѣдствіе чего Эбергардъ вступилъ въ управленіе и орденскими ливонскими дѣлами, каковою должность исполнялъ до конца 1253 г. Прибылъ также и новый куронскій епископъ, Генрихъ Лютцельбургскій, такъ что съ 1252 года можно уже было приступить къ дѣлежу земель.

Но еще до прибытія Эбергарда Сейненскаго съ Ливонію, между орденскимъ магистромъ Андреемъ и епископомъ Генрихомъ Лютцельбургскимъ состоялось, при посредствѣ Эзельскаго епископа Генриха, которому было поручено папою наблюденіе за исполненіемъ дѣлежа, 19-го апрѣля 1252 года соглашеніе (см. Бунге, Urkundenbuch, I, № 234), въ силу котораго епископъ Куронскій отказался отъ всѣхъ правъ на третью часть Гольдингена и отъ всѣхъ доходовъ, которые со сторонѣ Энгельберта орденъ получилъ съ куронскихъ земель, орденъ же за такой отказъ обязался уплатить епископу 1100 марокъ серебра. За тѣмъ было постановлено, что новые города учреждаетъ и основываетъ орденъ и епископъ совмѣстно и на общихъ издержкахъ, но двѣ части въ новыхъ городахъ предоставляются ордену, а одна часть епископу со всѣми правами и свѣтскою юрисдикціею. Точно такое же отношеніе должно быть соблюдаемо и при чеканкѣ монеты. Соглашеніе это нашло себѣ примѣненіе въ томъ же 1252 г., когда Эбергардъ Сейненскій, по прибытіи въ Ливонію, и епископъ постановили построить замокъ и городъ *Мемель*. Въ слѣдующемъ 1253 г. они заложили Мемельскій замокъ, при чемъ епископъ принялъ на себя

треть издержекъ и получилъ за то треть замка и города. Впрочемъ, подобное постановленіе существовало самое непродолжительное время, потому что уже 19 октября 1252 г. (см. Бунге, UrkundenBuch, I, № 241) оно было измѣнено въ томъ смыслѣ, что каждый властитель т. е. орденъ и епископъ, могутъ строить и учреждать въ своихъ частяхъ города и мѣстечки, не требуя участія въ издержкахъ отъ властителя другой части. Изъ приморскихъ гаваней орденъ получилъ Виндавскую и гавань Семигальской Аа, а епископъ гавань Лива у Либавы (см. Бунге, UrkundenBuch, I, № 373).

Независимо этого, Эбергардъ и епископъ Генрихъ заключили между собою 18 сентября 1252 г. соглашеніе касательно постройки и содержанія церквей въ Куронскомъ епископствѣ и права патронатства (охрана и выборъ священника и причта) надъ ними.

Условившись объ общихъ основаніяхъ раздѣла, составивъ списокъ земель съ обозначеніемъ населенныхъ мѣстъ въ нихъ, приступили наконецъ къ дѣлежу. Дѣлежъ этотъ совершался въ Ригѣ, въ присутствіи епископа Эзельскаго и многихъ духовныхъ и орденскихъ сановниковъ. Каждую землю подраздѣлили на три части по возможности равной величины и за тѣмъ предоставили епископу выбрать себѣ одну часть въ каждой землѣ. Прежде всего подѣлили сѣверную часть Куроніи, а за тѣмъ и южную и въ грамотахъ о дѣлежѣ, состоявшихся въ Гольдингенѣ 4 и 5 апрѣля 1253 г. (см. Бунге, UrkundenBuch I, №№ 248, 249 и 253), обозначили къ какому властителю отходятъ какія части земли. Большія озера (Кангернское, Ангернское, Усмайтенское, Дурбенское и др.) оставили въ общемъ владѣніи ордена и епископа. Всѣ каменоломни составляли также общее владѣніе, но всѣ рудники, какія бы открыты ни были и металоносныя жилы (золота, серебра, мѣди и пр.) составляютъ собственность властителя земли. Такой дѣлежъ Куроніи былъ, по просьбѣ ордена, утвержденъ папою Иннокентіемъ IV 20 сентября 1254 г. и въ послѣдствіи подтвержденъ папою Александромъ IV 19 апрѣля 1260 г. (см. Бунге, UrkundenBuch, №№ 276 и 351).

Подѣливъ куронскіе земли, приступили за тѣмъ къ дѣлежу семигальскихъ земель, покоренныхъ, какъ было уже сказано, магистромъ но тутъ уже пришлось дѣлить земли нѣсколько иначе, чѣмъ въ Куроніи. По рѣшенію, состоявшемуся въ 1251 г. въ Ліонѣ, семигальское епископство было упразднено и за тѣмъ двѣ трети семигальскихъ земель должны были отойти къ рижскому епископу, а одна треть ордену. Вскорѣ послѣ этого рѣшенія рижскій епископъ Николай подарилъ половину своего будущаго надѣла въ Семигалліи рижскому соборному капитулу. Такимъ образомъ въ раздѣлѣ семигальскихъ земель явилось трое участниковъ: рижскій епископъ, его капитулъ и орденъ. Въ концѣ 1253 г. епископъ Николай умеръ. Тогда архіепископъ Альбертъ Зуербееръ, согласно постановленію 1251 года

трехъ кардиналовъ, состоявшемуся въ Ліонѣ, принялъ на себя должность рижскаго епископа, перенесъ свое мѣстопребываніе изъ Любека въ Ригу и, титулуясь архіепископомъ Ливонскимъ, Эстонскимъ и Прусскимъ, вступилъ въ управленіе рижскимъ епископствомъ. Зуербееръ совмѣстно со своимъ капитуломъ и орденомъ и совершилъ въ апрѣлѣ 1254 г. раздѣлъ Семигаліи. Составили списокъ земель, раздѣлили ихъ на три равныя группы, и за тѣмъ бросили жребій, кому какою часть владѣть. По жребію семигалльскія земли, Силене и Сагара, достались архіепископу, земли Дубене и Шпарнене капитулу, а земли Терветене и Дубелоне ордену. Точно также раздѣлили и семигальскую землю по рѣкѣ Аа, называвшуюся Опемеле. Папа Александръ IV буллою отъ 31 марта 1255 г. утвердилъ за архіепископомъ всѣ доставшіеся по дѣлежу семигальскія земли.

Относительно селонскихъ земель, тянувшихся по лѣвому берегу Двины отъ Зельбурга до нынѣшней Друи, источники умалчиваютъ. По всей вѣроятности селоны, подобно семигалламъ, послѣ Саульской катастрофы отпали отъ христіанства и перешли подъ власть литовскаго князя Минговга, который, какъ мы увидимъ ниже, вослѣдствіи подарилъ ихъ ордену; орденъ же подѣлился ими въ 1256 г. съ архіепископомъ, взявъ себѣ лишь одну треть ихъ.

Вообще къ 1256 г. дѣлежъ земель нынѣшней Курляндской губерніи кончился. Ордену достались двѣ трети Куроніи, треть Семигалліи и треть земель селоновъ. Епископу Куронскому досталась треть Куроніи. Во владѣніи рижскаго капитула явилась земля у Дондангена и Таргельна и треть Семигаллін. Во владѣніи архіепископа рижскаго явились одна треть Семигалліи, двѣ трети земли Опемеле и двѣ трети земли селоновъ. Четыре властителя такимъ образомъ сдѣлались господами земель нынѣшней Курляндіи и господами туземныхъ жителей ея — куроновъ, семигалловъ и селоновъ. Туземцевъ завоевали, силою принудили принять католичество и за тѣмъ силою заставили повиноваться властителямъ. При раздѣлѣ земель, туземцевъ, однако, не лишали ихъ дворовъ, ихъ земель, лѣсовъ, рыболовства, пчеловодства, оставили за ними право владѣть на слѣдственно ихъ недвижимыми имуществами, какія были за ними до покоренія, но эти недвижимыя имущества туземцевъ съ общимъ раздѣломъ ихъ земель становятся ничѣмъ инымъ какъ ленами, которые земскій властитель могъ передавать кому ему было угодно вслучаѣ выморочности этой собственности. Туземцы были обложены данями, на нихъ возложена были обязанность ставить рабочихъ для постройки замковъ и городковъ, ставить людей для войска. Однимъ словомъ куроны, семигаллы и селоны сдѣлались такою же рабочею силою для ордена и епископовъ, какою служили уже ливы, латыши и чудь. Торжество завоевателей было полное.

Въ то самое время когда тевтонскій орденъ и архіепископъ спорили о власти, когда составлялись постановленія о земельныхъ дѣлежахъ и производились самые дѣлежи, въ Литвѣ и въ Югозападной Россіи происходили событія, открывавшія богатые виды католичеству утвердиться не только въ Литвѣ и Жмуди, но и въ самой Западной Россіи. Переходимъ къ изложенію этихъ событій, въ которыхъ ливонской отрасли тевтонскаго ордена пришлось принять немаловажное участіе.

III. Тевтонскій орденъ, русско-литовскій князь Миндовгъ и Жмудь.

Князь Даніилъ Романовичъ Галицкій. — Вопросъ о соединеніи церквей — Принятіе королевскаго титула Даніиломъ. — Миндовгъ и его отношенія къ сосѣдямъ. — Столкновеніе Миндовга съ Даніиломъ Галицкимъ. — Сношенія его съ орденомъ. — Принятіе Миндовгомъ католичества и королевскаго титула. — Его дарственныя грамоты ордену. — Новый литовскій магистръ Анно. — Осада жмудинами Мемеля. — Набѣги. — Анно оставляетъ должность магистра — Прибытіе новаго магистра Бурхарда Горнгузенскаго. — Бой подъ Мемелемъ. — Заключеніе перемирія со жмудью. — Возобновленіе военныхъ дѣйствій. — Пораженіе рыцарей у Шодена. — Возстаніе въ Семигалліи. — Закладка Добена. — Военныя дѣйствія. — Пораженіе ордена подъ Дурбеномъ. — Отреченіе Миндовга отъ католичества. — Возстаніе на Эзелѣ. Магистръ Вернеръ. — Походъ Миндовга подъ Венденъ. — Походъ магистра въ южную Куронію. — Набѣгъ Тренаты на Викъ. — Новый магистръ Конрадъ Мандернскій. — Смерть Миндовга и союзъ ордена съ Войшелкомъ.

(1236—1264).

Источники: Рифмованная Хроника со стиха 3451 до 7210
Лѣтопись Вартберга.
Исторія Россіи Соловьева III, стр. 209—237.
Исторія Россіи Иловайскаго, часть II, гл. XXII.
Сборникъ документовъ Бунге, томъ I.
Сборникъ документовъ Тургенева: „Historica Russiae Monumenta“ томъ I.

Не одна борьба съ императоромъ Фридрихомъ II и свѣтскою властію на Западѣ Европы поглощала вниманіе папы Иннокентія IV: онъ зорко слѣдилъ за событіями, совершавшимися на Востокѣ Европы, въ земляхъ нынѣшней Россійской имперіи, не унускалъ дѣйствовать при всякомъ случаѣ, когда представлялась возможность или распространить католичество среди язычниковъ или подчинить главенству паны русскую церковь.

Время вступленія Иннокентія IV на папскій престолъ (25-го іюня 1243 г.) совпало съ тѣмъ временемъ, когда Батый, разгромивъ великое княженіе Владимірское въ 1237 году, Задѣпровскую Русь въ 1240 году,

Польшу и Венгрію въ 1241 и 1242 годахъ, вышелъ наконецъ чрезъ Болгарію и Валахію въ южно-русскія степи и около 1243 года расположился съ сыномъ своимъ, Сартакомъ, и главною ордою въ степяхъ Поволжскихъ и Подонскихъ, кочуя лѣтомъ въ сѣверныхъ частяхъ степи, а зимою спускаясь къ морямъ Черному и Каспійскому. Сюда въ степь и должны были являться на поклонъ Батыю государи завоеванныхъ имъ странъ, но его царство (Золотая Орда, Кипчакская Орда, Кипчакскій улусъ) составляло только часть громадной Монгольской имперіи, верховный ханъ которой сохранялъ еще власть надъ всѣми ея частями.

Было уже сказано (см. томъ I, 361), что ничто такъ не способствовало возвышенію Литвы на счетъ русскихъ областей, какъ татарское нашествіе. Литовско-жмудскіе князьки, подкрѣпленные пруссами, бѣжавшими отъ нашествія на ихъ земли тевтонскаго ордена и католиковъ, нашествія столь же лютаго и свирѣпаго, какъ и нашествіе татаръ на Русь, начинаютъ дѣлать учащенные набѣги на сосѣдей, но уже не съ одною цѣлію грабежа и разбоя, а съ цѣлію прочно сѣсть и основаться въ русскихъ земляхъ, преимущественно кривскихъ, князья которыхъ, ослабленные раздѣлами волостей и усобицами изъ за волостей, не могли оказывать серьезнаго сопротивленія литовскимъ князькамъ.

Татарское нашествіе на Восточную Европу открыло и воинствующему католичеству богатые виды на завоеванія и пріобрѣтенія въ Южной Руси. Здѣсь съ давняго уже времени первенствующее значеніе имѣла богатая область Прикарпатская — Галицкое княженіе, отчина знаменитаго правнука Изяслава Мстиславовича, князя Даніила Романовича. Во время нашествія татаръ на Южную Русь (1240—1241 г.) князь Даніилъ съ братомъ Васильком удалился сперва въ Венгрію, а потомъ въ Польшу. Тутъ они оставались до тѣхъ поръ, пока пришла вѣсть, что татары вышли изъ русской земли и вступили въ Венгрію. Тогда оба они воротились съ свои земли и застали ихъ страшно разоренными. Въ уцѣлѣвшихъ отъ разгрома городахъ засѣли мятежные бояре, изъ Бреста нельзя было выйти въ поле отъ смрада гніющихъ труповъ, во Владимірѣ Волынскомъ не осталось ни одного живаго человѣка. Общее разореніе и разгромъ не пресѣкли, однако, усобицъ между представителями двухъ враждебныхъ южно-русскихъ княжескихъ линій, мономаховичами и ольговичами, между Даніиломъ Романовичемъ Галицкимъ и его братомъ Васильком (мономаховичи) и Михаиломъ Всеволодовичемъ и его сыномъ Ростиславомъ Черниговскими (ольговичи), враждовавшими изъ за Галича. Ростиславъ, призываемый крамольными галицкими боярами, пошелъ войною на Даніила. Онъ заключилъ союзъ съ угорскимъ королемъ Белою и Болеславомъ Стыдливымъ польскимъ, а Даніилъ съ Васильком позвали себѣ на подмогу Конрада Мазовецкаго и Миндовга Литовскаго. Рѣшительное столкновеніе двухъ сторонъ произошло 17 августа 1245 году подъ городомъ Ярославомъ на берегахъ рѣки Сана. Ростиславъ потерпѣлъ совершенное пораженіе и Червонная Русь утвердилась за Даніиломъ, а между тѣмъ въ томъ же 1245 году пришло къ Даніилу Батыя грозное слово: „Дай Галичъ!“. Отказать прямо — значило бы навлечь на Южную Русь новое нашествіе могущественнаго кочевника, гибельное уже потому одному, что укрѣпленія галицкихъ городовъ большею частію не были возстановлены, и силы Даніиловы были вовсе нетаковы, чтобъ съ успѣхомъ противостоять нашествію. Князь Даніилъ Романовичъ рѣшился на время покориться и ѣхать къ Батыю. Онъ прибылъ на Волгу въ Золотую Орду (такъ называлась ставка или орда ханская отъ золотыхъ ея украшеній). Батый былъ видимо доволенъ по-

корностію знаменитаго и сильнаго мономаховича. „Данило! Почему давно не приходилъ? Хорошо, что теперь пришелъ; ты уже теперь нашъ, татаринъ“, сказалъ ему Батый. Князь Галицкій пробылъ въ Ордѣ 25 дней. Батый милостиво его отпустилъ, утвердивъ за нимъ отцовскія владѣнія съ обязательствомъ платить дань и выставлять вспомогательное войско татарамъ. Пришлось князю признать себя данникомъ татарскимъ, назвать себя холопомъ варвара, но съ той поры сверженіе татарскаго ига сдѣлалось его завѣтною мечтою.

Въ то самое время, когда ольговичъ Ростиславъ и мономаховичъ Даніилъ истощали свои силы въ усобицѣ и готовились къ рѣшительному бою, папа Иннокентій IV управился въ Ліонѣ съ соборомъ, созывавшимся, какъ мы видѣли (см. выше стр. 14) между прочимъ и для обсужденія мѣропріятій противъ татаръ, опасность отъ новаго нашествія которыхъ на католическую Европу не могла не озабочивать тогдашнихъ властителей ея. Ничего противъ татаръ на соборѣ не придумали (и не придумывали даже, ибо существенною цѣлію собора было осужденіе императора, а вовсе не второстепенныя дѣла, выставленныя какъ цѣли собранія единственно для прилики), тѣмъ не менѣе папа рѣшился отправить къ татарскимъ ханамъ посольство съ предложеніемъ мира и принятія католичества. Во главѣ этого посольства былъ поставленъ италіанецъ, францискансній монахъ Плано Карпини, оставившій описаніе своего путешествія на Волгу въ Золотую Орду и къ источникамъ Амура въ орду верховнаго хана. Зимою 1245 г. посольство, состоявшее изъ монаховъ и снабженное папскою грамотою, увѣщевавшею русскихъ князей, чрезъ земли которыхъ приходилось проходить, и православное духовенство возсоединиться съ римскою церковію, отправилось въ путь чрезъ Чехію и Польшу. Плано Карпини свидѣлся съ братомъ Даніиловымъ, Ростиславомъ княземъ Волынскимъ, и не упустилъ случая предъявить ему папскую грамоту. Князь отвѣтилъ, что вопросъ о соединеніи церквей не можетъ быть рѣшенъ въ отсутствіе Даніила, уѣхавшаго къ Батыю. Посольство отправилось изъ Волынской земли далѣе въ Кіевъ, подвергаясь опасности быть ограбленнымъ и захваченнымъ литовцами, участившими въ это время свои набѣги на всѣ сосѣднія съ ними русскія земли.

По отбытіи посольства въ путь къ татарамъ, князь Даніилъ Романовичъ возвратился отъ Батыя домой. Слухъ о благосклонности къ нему татарскаго повелителя быстро разошелся между сосѣдями Галича и, вопреки ожиданіямъ, повлекъ за собою слѣдствія весьма выгодныя Даніилу. Сосѣди начали бояться Даніила, ибо отнынѣ онъ могъ имѣть противъ нихъ татарскую помощь, и венгерскій король Бела, недавній врагъ Даніила, уже испытавшій, что такое значитъ татары, началъ заискивать дружбы Даніила и самъ предложилъ для его сына Льва руку своей дочери, въ которой прежде отказывалъ. Даніилъ не хотѣлъ мириться съ Белою, но митрополитъ Кириллъ II помирилъ ихъ: князь Левъ Даніиловичъ вступилъ въ бракъ съ дочерью Белы, Констанціею, а Даніилъ отпустилъ на волю угорскихъ бояръ и воиновъ, взятыхъ въ плѣнъ въ сраженіи подъ Ярославомъ. Съ тѣхъ поръ союзъ галичанъ съ уграми продолжался почти до самой смерти Даніила.

Данничество Батыю глубоко оскорбляло Даніила и чѣмъ сильнѣе становился онъ внутри своего княженія и между сосѣдями, тѣмъ тягостнѣе была для него честь татарская, говоритъ нашъ историкъ (см. Соловьева III, 216). Свергнуть татарское иго съ одними средствами Галича и Волыни было немыслимое дѣло; сломить могущество татаръ можно было

только съ помощію новыхъ крестовыхъ походовъ, съ помощію союза всей Европы. Но о крестовомъ союзѣ католическихъ государствъ нельзя было думать безъ главы Римской церкви, отъ котораго должно было изойти первое, самое сильное побужденіе. Князь русскій могъ быть принятъ въ этотъ союзъ только въ качествѣ сына Римской церкви, и вотъ Даніилъ рѣшается на важный шагъ, рѣшается завязать сношенія съ Иннокентіемъ IV. Подъ видомъ отвѣта на папскую грамоту, которую предъявлялъ Василько Романовичу монахъ Плано Карпини, Даніилъ отправилъ въ Ліонъ къ Иннокентію IV одного изъ русскихъ игуменовъ для переговоровъ о борьбѣ съ татарами и единеніи церквей.

Предложеніе Даніилово касательно соединенія церквей какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало видамъ папы на подчиненіе ему русской православной церкви, видамъ, которые тщетно старались осуществить папы Григорій VII, Иннокентій III, Гонорій III и Григорій IX. Понятно потому, какъ Иннокентій IV обрадовался неожиданному предложенію: онъ не только принялъ его, но и отвѣчалъ цѣлымъ рядомъ лестныхъ для русскаго князя посланій, въ которыхъ именовалъ Даніила королемъ, и цѣлымъ рядомъ распоряженій, имѣвшихъ цѣлію устроить подчиненіе папѣ православной галицко-волынской церкви.

Было уже сказано (см. выше стр. 24), что весною 1246 г. архіепископъ прусскій и ливонскій Альбертъ Зуербееръ былъ назначенъ папскимъ легатомъ какъ для своего новаго архіепископства, простиравшагося по Прибалтійскимъ странамъ отъ Вислы до Пейпускаго озера, такъ и для Готланда, Голштейна и Рюгена. Папа Иннокентій IV какъ только получилъ предложеніе Даніилово, тотчасъ же грамотою отъ 3 мая 1246 г. (см. Бунге Urkundenbuch I, № 190) уполномочилъ Альберта поставить латинскихъ епископовъ въ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ поручилъ ему быть легатомъ въ Россіи. Назначивъ двухъ доминиканцевъ постоянно состоять при дворѣ Даніила, папа 3 же мая 1246 г. писалъ Даніилу, прося его пользоваться совѣтами Альберта (см. Тургенева „Historica Russiae Monumenta“ I, №№ 56—59 и Бунге Urkundenbuch I, № 191), далъ разрѣшеніе русскимъ епископамъ и пресвитерамъ совершать службу на заквашенныхъ просфорахъ; запретилъ, по просьбѣ Даніила, нѣмецкимъ крестоносцамъ и латинскимъ духовнымъ лицамъ пріобрѣтать имѣнія въ областяхъ русскаго князя безъ его дозволенія и наконецъ призналъ законнымъ новое супружество брата Даніилова, князя Василька Волынскаго, со своею родственницею, княжною Дубровскою.

Въ 1247 г., когда Плано Карпини возвратился изъ Азіи, гдѣ присутствовалъ на великомъ курилтаѣ монголовъ, и снова проѣзжалъ чрезъ волынскія и галицкія земли, то засталъ и папу и Даніила въ весьма дружескихъ и дѣятельныхъ сношеніяхъ. Даніилъ и Василько усердно угощали папскаго посла, продержали его у себя 8 дней и созвали, какъ разсказываетъ Карпини, родъ собора изъ своихъ епископовъ, игуменовъ и бояръ. Соборъ этотъ будто бы единодушно заявилъ о своемъ желаніи имѣть папу своимъ владыкою и отцомъ.

Казалось, дѣло соединенія близилось къ окончательному рѣшенію; вышло, однако, не такъ.

Даніилъ, если и предлагалъ папѣ соединеніе церквей, то, конечно, предлагалъ въ надеждѣ получить помощь, достаточную для свержения татарскаго ига. Весьма возможно, что часть волынско-галицкаго духовенства соглашалась на унію съ Римомъ, какъ болѣе чѣмъ вѣроятно, что другая часть на унію не шла. Помощи никакой, однако, отъ папы не было, по-

тому и Данiилъ не спѣшилъ присоединеніемъ къ Римской церкви. Скоро обнаружилось, что помощи и не будетъ: папа, въ замѣнъ помощи, предложилъ Данiилу королевскій титулъ. Князь не принялъ предложенія, сказавъ посламъ (см. Волынскую лѣтопись): „Рать татарская не перестаетъ злѣ живущи съ нами, то како могу пріяти вѣнецъ безъ помощи твоея", т. е. папы. За отказомъ отъ королевскаго вѣнца послѣдовала ссора: въ 1249 г. Данiилъ выгналъ изъ своихъ владѣній епископа Альберта, котораго Иннокентій прислалъ быть главою православнаго духовенства въ южной Россіи (см. Карамзина IV, прим. 56). Вопросъ объ уніи такимъ образомъ прекращался совсѣмъ, но въ 1252 г. своякъ Данiиловъ, король венгерскій Бела IV, вовлекши Галицкаго князя въ войну изъ за австрійскаго наслѣдства, постарался помирить Данiила съ папою. Сношенія опять возобновились.

Въ 1253 году Данiилъ, возвращаясь изъ похода на Чехію, остановился въ Краковѣ у князя Болеслава Стыдливаго. Сюда прибыли папскіе послы съ королевскою короною и обѣщаніемъ помощи противъ татаръ. „Непристойно намъ видѣться въ чужой землѣ", отвѣчалъ Данiилъ посламъ. Тогда князья польскіе, Болеславъ Стыдливый и Семовитъ Мазовецкій, и ихъ бояре начали уговаривать Данiила принять королевскій вѣнецъ, торжественно короноваться и ввести у себя унію. Данiилъ согласился принять королевскій титулъ и короноваться, но кажется съ условіемъ, чтобъ папа предоставилъ вопросъ объ уніи обсужденію особаго духовнаго собора. Папа, повидимому, не особенно настаивалъ на уніи и прислалъ въ Галицію своего легата Ониза, который и совершилъ обрядъ королевскаго вѣнчанія надъ Данiиломъ въ городѣ Дрогичинѣ.

Данiилъ короновался въ концѣ 1253 г. или въ началѣ 1254 г., но событіе это осталось рѣшительно безъ всякихъ послѣдствій. Папа въ 1253 г. объявилъ крестовый походъ на татаръ жителямъ Чехіи, Моравіи, Сербіи (Лужицкой) и Помераніи, въ 1254 г. побуждалъ тевтонскій орденъ принять участіе въ крестовомъ походѣ, но всѣ его воззванія оказались тщетными: крестоваго похода на татаръ не состоялось, да и состояться не могло, ибо тевтонскій орденъ въ это время былъ занятъ борьбою съ прусскими язычниками и литовскими князьками; угры и чехи тратили свои силы въ борьбѣ за австрійское наслѣдство, а польскіе князья были заняты войнами съ ятвягами и литовцами и усобицами изъ за волостей и княженій. Данiилъ, видя, что отъ папы напрасно ждать помощи, прервалъ съ нимъ всякія сношенія, но титулъ королевскій, однако, удержалъ за собою. Иннокентій IV умеръ въ концѣ 1254 г. и на папскій престолъ 27 декабря 1254 г. вступилъ Александръ IV. Онъ посылалъ Данiилу укорительныя грамоты, увѣщевалъ возвратиться подъ сѣнь апостольскаго престола, но все уже было напрасно: Данiилъ не обращалъ никакого вниманія на папскія увѣщанія и вопросъ о церковной уніи былъ совершенно забытъ. Очевидно вся эта затѣя объ уніи со стороны Данiила, говоритъ Иловайскій (см. Ист. Россіи II, 466) была только дѣломъ ловкой политики, и едва-ли галицкій князь относился къ ней серьезно.

Какъ бы то ни было, но планы Иннокентія IV на Южную Русь рушились и предполагавшаяся унія осталась безъ всякихъ послѣдствій.

Въ то самое время когда для папы открывались богатые виды на Южную Русь, открывались виды не менѣе богатые на овладѣніе Литвою, къ событіямъ въ которой мы и должны обратиться.

Положеніе Миндовга въ описываемое время, т. е. въ сороковыхъ годахъ XIII ст., было не особенно блистательное. Правда, онъ въ это время стоялъ уже во главѣ литовско-русскаго княжества, обнимавшаго земли по

рѣкѣ Виліи со стольнымъ городомъ Керновымъ и Черную Русь съ ея средоточіемъ Новгородкомъ; Жмудь также уже подчинялась его вліянію, онъ успѣлъ уже подчинить себѣ множество литовскихъ князьковъ, успѣлъ овладѣть и многими кривскими землями, въ Полоцкѣ уже сидѣлъ его племянникъ и подручникъ Товтивилъ, тѣмъ не менѣе опасности грозили ему со всѣхъ сторонъ. Съ юга ему угрожали сильные волынско-галицкіе князья, Даніилъ и Василько Романовичи, съ запада находились враждебные ему князья Мазовецкіе и тевтонскій орденъ, овладѣвавшій землями пруссовъ; съ сѣвера, со стороны нынѣшней Курляндской губерніи, грозила наступательною войною ливонская отрасль тевтонскаго ордена. Къ числу внѣшнихъ враговъ присоединялось и много враговъ внутреннихъ, ибо многочисленные литовскіе князьки (державцы) никакъ не хотѣли терять свою независимость, не хотѣли признавать Миндовга своимъ главою. Самымъ опаснымъ врагомъ Миндовгу былъ князь Даніилъ, и потому онъ всячески старался жить съ нимъ въ мирѣ и посылалъ ему иногда на помощь свое войско.

Нашествіе татаръ, говорили мы, чрезвычайно помогло Миндовгу въ его стремленіяхъ создать сильное государство. Литовцы бросились грабить во всѣ стороны и часто появлялись во владѣніяхъ Даніила и Василько. Князья эти, чуть лишь оправились послѣ Батыева нашествія, сами начали наступленіе на литовцевъ, истребляли ихъ шайки и послѣ пораженія ятвяговъ Даніилъ не преминулъ вмѣшаться въ литовскія дѣла, чтобъ отнять у Миндовга Черную Русь и разрушить создаваемое имъ государство, опасность котораго для Восточной Руси не подлежала сомнѣнію.

Вмѣшаться было не трудно, и случай къ вмѣшательству представился скоро. Миндовгъ, ни мало не затруднявшійся средствами для достиженія своихъ цѣлей, видя, что множество князьковъ и въ томъ числѣ самые его родичи не желаютъ безусловно подчиняться его волѣ, началъ истреблять ихъ всѣми средствами. Его братъ Выкинтъ, племянникъ Едевидъ, княжившіе на Жмуди, и другой племянникъ, Товтивилъ Полоцкій, принадлежали къ числу непокорныхъ ему князьковъ. Однажды въ 1248 г. Миндовгъ послалъ Выкинта и обоихъ своихъ племянниковъ воевать Смоленскую землю. „Пусть кто что завоюетъ, тотъ и возьметъ себѣ“, сказалъ Миндовгъ. Тѣ пошли въ походъ, тогда Миндовгъ, воспользовавшись ихъ отсутствіемъ, захватилъ ихъ жмудскія волости и богатства, послѣ чего отправилъ войско, чтобъ нагнать и убить ихъ самихъ. Князья, узнавъ о захватѣ и о намѣреніи Миндовга умертвить ихъ, бѣжали во Владиміръ подъ защиту Даніила, женатаго на сестрѣ Едевида и Товтивила, и защиту Василька. Даніилъ не только принялъ бѣжавшихъ къ нему князей, но и рѣшился пойти войною на Миндовга, чтобъ отобрать у него Черную Русь и разрушить возникавшее русско-литовское государство. Вратья Даніилъ и Василько

послали сказать князьямъ польскимъ: „Время теперь христіанамъ идти на поганыхъ, потому что у нихъ встали усобицы“. Поляки обѣщали идти, но не приходили. Тогда Романовичи снабдили Выкинта деньгами и отправили его поднимать на Миндовга ятвяговъ и жмудь. Многими подарками Выкинтъ дѣйствительно склонилъ на свою сторону старѣйшинъ ятвяжскихъ и до половины жмуди. Въ то же время Даніилъ отправилъ пословъ въ Ригу склонить орденскую братію помочь Выкинту. Орденская братія, постоянно воевавшая со жмудью, отвѣчала Даніилу: „Много нашей братіи погубилъ Выкинтъ, но ради тебя заключаемъ съ нимъ союзъ“. Обнадеженные этимъ, оба Романовича двинулись войною на Миндовга. Василько пошелъ на Волковыйскъ, сынъ Даніила на Слонимъ, а самъ Даніилъ на Здитовъ. Много городовъ побрали Романовичи и, выйдя изъ Черной Руси, послали Товтивила воевать Миндовгову землю. Орденская братія изъ Риги, однако, не трогалась, тогда Товтивилъ самъ поѣхалъ въ Ригу и здѣсь принялъ католичество. Это подѣйствовало: орденъ началъ готовиться къ войнѣ, а Выкинтъ поднялъ на Миндовга часть ятвяговъ и жмуди.

Положеніе Миндовга сдѣлалось самымъ опаснымъ, но тутъ-то онъ и обнаружилъ свою находчивость. Другого средства избавиться отъ гибели не было, какъ разъединить своихъ враговъ и повести дѣло такимъ образомъ, чтобъ орденъ не только не воевалъ съ нимъ, но еще помогъ бы противъ Выкинта и Романовичей. Съ этою цѣлію онъ послалъ тайно къ литовскому магистру, Андрею Стирланту, посла съ богатыми дарами сказать: „Если убьешь или выгонишь Товтивила, то еще больше получишь“. Магистръ принялъ подарки, но отвѣчалъ, что помогать Миндовгу ничѣмъ не будетъ, пока онъ не приметъ католичества. Тогда Миндовгъ прислалъ снова посла въ Ригу звать магистра на личное свиданіе съ нимъ, Миндовгомъ, въ условленномъ мѣстѣ.

Магистръ Андрей, разсказываетъ авторъ Рифмованной Хроники (стихи 3451—3576), посовѣтовавшись съ орденскою братіею, поѣхалъ въ сопровожденіи, конечно, многихъ ореднскихъ братьевъ въ ту землю, гдѣ находился Миндовгъ (въ какомъ именно мѣстѣ — остается неизвѣстнымъ). Миндовгъ принялъ гостя съ почетомъ, какъ подобаетъ принимать господина (alz шап eупуп herin soi). Жена Миндовга (королева, konegуппе), Марѳа, также вышла къ магистру и ласково приняла (liplich yntphing) какъ его, такъ и прiѣхавшихъ съ нимъ рыцарей. Послѣ роскошнаго обѣда, Миндовгъ благодарилъ магистра за посѣщеніе, тогда магистръ сказалъ: „Если бы ты былъ христіаниномъ, то я оказалъ бы тебѣ еще большую честь и выхлоноталъ-бы тебѣ королевскую корону, клянусь жизнію“. Миндовгъ обрадовался этой рѣчи, обѣщалъ не только принять католичество, но и уступить ордену нѣкоторыя земли.

Авторъ Рифмованной Хроники считалъ Миндовга язычникомъ, но, однакоже, имѣются данныя полагать, что Миндовгъ принялъ православіе за нѣсколько лѣтъ ранѣе этого свиданія, происходившаго, какъ слѣдуетъ заключить изъ сличенія послѣдующихъ документовъ, въ началѣ 1251 г. Въ Густин. лѣтописи подъ 1246 г. сказано (см. Соловьева III, прим. 329): „Въ сіе лѣто великій князь литовскій Миндовгъ пріялъ вѣру христіанскую отъ востока, со многими своими бояры". Это весьма вѣроятно. Литовскіе князья, овладѣвая русскими землями и являясь такимъ образомъ русскими князьями, усвоивали русскій языкъ и принимали православіе. Быть можетъ и Товтивилъ, сѣвъ на полоцкій столъ, принялъ православіе и уже послѣ въ Ригѣ присоединился къ католичеству. Прямыхъ указаній на это, однакоже, нѣтъ.

Магистръ и Миндовгъ поклялись другъ другу въ исполненіи своихъ обѣщаній, т. е. магистръ исходатайствуетъ у папы королевскую корону для Миндовга, а Миндовгъ приметъ католичество и предоставитъ ордену нѣкоторыя земли. О войнѣ уже и рѣчи не было: орденъ явился союзникомъ литовскаго князя. По окончаніи свиданія, Миндовгъ назначилъ одного изъ своихъ приближенныхъ бояръ, по имени Парнуса, ѣхать съ магистромъ въ Ригу, съ тѣмъ чтобы оттуда отправиться къ папѣ. Магистръ назначилъ одного орденскаго брата посломъ и онъ вмѣстѣ съ Парнусомъ отправились въ Римъ съ донесеніями о Миндовгѣ. Иннокентій IV, конечно, обрадовался полученнымъ извѣстіямъ и незамедлилъ сдѣлать соотвѣтствующія распоряженія на счетъ Литвы и Миндовга. Грамотою отъ 1251 года (см. Бунге, Urkundenbuch I, № 225) онъ принялъ Литву подъ защиту апостольскаго престола и утвердилъ Миндовга княземъ ея, повелѣвая вмѣстѣ съ тѣмъ епископу кульмскому, Гейденрейху, короновать Миндовга королемъ. Другою грамотою отъ 17 же іюля папа повелѣвалъ посвятить подходящаго священника въ литовскаго епископа и затѣмъ буллою отъ 26 іюля 1251 г. (см. Бунге, Urkundenbuch I, № 226) поручилъ епископамъ рижскому, дерптскому и эзельскому вспомоществовать Миндовгу при крещеніи язычниковъ въ его землѣ.

По прибытіи пословъ и доставленіи ими въ Ригу папскихъ грамотъ, магистръ, разсказываетъ авторъ Рифм. Хрон., приказалъ сдѣлать двѣ короны для Миндовга и его жены, и когда въ Ригу пріѣхалъ епископъ кульмскій, то магистръ и епископъ со священниками и многими орденскими братьями отправились въ Новгородокъ, гдѣ въ то время находился Миндовгъ.

Здѣсь Миндовгъ и его жена Марѳа были торжественно крещены въ католичество; часть литовской дружины, по примѣру своего князя, также приняла крещеніе. Затѣмъ епископъ кульмскій вѣнчалъ литовскаго князя королевскою короною. Это происходило, полагать надобно, въ іюлѣ 1253 года. Въ день коронованія новый король заключилъ съ орденомъ наступательный и оборонительный союзъ и подарилъ ордену разныя земли въ Литвѣ и Жмуди (см. грамоту Миндовга отъ іюля 1253 г. въ Urkundenbuch Бунге I, № 252); другою

грамотою, состоявшеюся въ томъ же 1253 г. и по всей вѣроятности одновременно съ первою, онъ предоставилъ всѣмъ нѣмецкимъ купцамъ и рижскимъ бюргерамъ полную свободу торговли въ своихъ земляхъ (см. Бунге, Urkundenbuch I, № 242). Тогда же Миндовгъ просилъ пану, дабы въ литовскіе католическіе епископы былъ посвященъ орденскій священникъ Христіанъ, который училъ его христіанству и котораго онъ, Миндовгъ, желалъ бы оставить при себѣ. Иннокентій IV, конечно, исполнилъ желаніе новаго короля (см. буллу Иннокентія IV отъ 21 августа 1253 г. въ Urkundenbuch Бунге I, № 254).

Миндовгъ оказался щедрымъ на подарки земель, но кажется онъ дарилъ ордену то, что въ сущности ему не только не принадлежало, но даже было во враждѣ Онъ принялъ и католичество только для вида. „Крещеніе его было льстиво, говоритъ лѣтописецъ, потому что въ тайнѣ онъ не переставалъ приносить жертвы своимъ прежнимъ богамъ, сожигалъ мертвецовъ; а если когда выѣдетъ на охоту и заяцъ перебѣжитъ дорогу, то ужъ ни за что не войдетъ въ лѣсъ, не посмѣетъ и вѣтки сломить тамъ".

Какъ бы то ни было, но Миндовгу удалось не только устранить отъ себя опасность со стороны ордена, но еще получить и помощь отъ него для дѣйствія противъ князей волынско-галицкихъ.

Не смотря однакоже на прекращеніе военныхъ дѣйствій со стороны ордена, Миндовгъ не могъ хвалиться какими либо особенно важными успѣхами въ войнахъ съ Романовичами.

Товтивилъ еще въ 1251 году, тотчасъ же послѣ свиданія магистра Андрея Стирландскаго съ Миндовгомъ, когда обнаружилось, что нѣмцы не пойдутъ на Литву, бѣжалъ изъ Риги къ дядѣ своему Выкинту въ Жмудь. Онъ собралъ войско изъ ятвяговъ и жмудиновъ, получилъ помощь отъ Даніила Романовича и продолжалъ войну съ Миндовгомъ. Война не ознаменовалась никакимъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ, тогда Даніилъ и Василько сами лично пошли на Миндовга и, опустошивъ его новогродскую область, сильно стѣснили его. Миндовгъ съумѣлъ и тутъ выпутаться изъ трудныхъ обстоятельствъ, отклонилъ подарками и деньгами отъ Товтивила ятвяжскихъ и жмудскихъ старшинъ, сдѣлалъ потомъ выгодныя предложенія Даніилу. Это было въ годъ коронованія Миндовга. Затѣмъ года два прошло безъ всякихъ дѣйствій: мира съ Романовичами не было, но не было и войны. Только въ 1255 г. Миндовгъ, при посредствѣ своего сына, Войшелка князя Новогродскаго, заключилъ миръ съ Даніиломъ на условіяхъ, которыя нельзя было не принять галицкому князю. Помирились на томъ, что младшій изъ сыновей Даніила, *Шварнъ*, женился на дочери Миндовга; старшему сыну Роману Миндовгъ отдалъ Новогродъ, Войшелкъ отдалъ свои города, Слонимъ и Волковыйскъ, съ обязанностію, впрочемъ, признавать надъ собою власть Миндовга. Товтивилу возвращался его Полоцкій столъ.

Такимъ образомъ южнымъ мономаховичамъ удалось снова утвердиться въ волостяхъ, занятыхъ было Литвою, но изяславичи полоцкіе уже не смогли отбить своихъ княженій отъ литовцевъ; въ Полоцкѣ князьями уже являются литовцы.

Орденъ получилъ въ нодарокъ отъ Миндовга земли въ Жмуди и

Пруссіи, но воспользоваться подаркомъ, утвердиться въ Жмуди никакъ не могъ.

Дарственныхъ грамотъ, данныхъ Миндовгомъ ордену, сохранилось нѣсколько. Всѣ онѣ относятся ко времени съ 1253 по 1260 г. и нѣкоторыя весьма сомнительной достовѣрности. Подлинность грамоты, состоявшейся въ іюлѣ 1253 г. въ день коронованія, по которой ордену предоставлялась часть нынѣшней Курляндской губерніи, часть восточной Пруссіи и часть нынѣшней губерніи Ковенской, не подлежитъ сомнѣнію, но папскія подтвержденія оной, одно отъ 21 августа 1253 г. (см. Бунге, Urkundenbuch № 255) и другое отъ 23 мая 1254 г. (см. тамъ же № 269), весьма сомнительны. Въ первомъ подтвержденіи перечисленія земель не вполнѣ согласны съ перечисленіемъ, сдѣланнымъ въ грамотѣ Миндовга, а во второмъ названы мѣстности совсѣмъ другія, чѣмъ въ грамотѣ. Епископъ Литовскій Христіанъ грамотою отъ 6 апрѣля 1254 г. (см. тамъ же № 266) предоставляетъ ордену сборъ десятины въ нодаренныхъ Миндовгомъ земляхъ; грамота эта, конечно, служитъ подтвержденіемъ, что земли дѣйствительно были подарены въ 1253 году.

Подлинность Миндовговой грамоты отъ октября 1255 г. (см. тамъ же № 286), которою онъ дарилъ ордену земли селоновъ (нынѣшній курляндскій Оберландъ), едва-ли подлежитъ оспариванію, по крайней мѣрѣ и содержаніе и форма ея не подаютъ повода къ тому. Въ грамотѣ этой Миндовгъ проситъ папскаго подтвержденія оной; подтвержденіе дано 13 іюля 1257 году (см. тамъ же № 308), а это служитъ доказательствомъ подлинности грамоты.

Другія Миндовговы дарственныя грамоты отъ 1257 г., отъ 7 августа 1259 г., отъ іюня 1260 и отъ 7 августа 1261 г. (см. Urkundenbuch Бунге I, №№ 294, 342, 354 и 363) слѣдуетъ считать поддѣланными въ послѣдующія времена и потому не имѣющими никакого значенія, да и какія могли быть дарственныя грамоты ордену въ эти годы, когда Миндовгъ, какъ увидимъ ниже, порвалъ всякія сношенія съ нимъ и отрекся отъ христіанства, и мыслимо ли даже, чтобы онъ, враждуя съ орденомъ, могъ назначить орденскую братію наслѣдникомъ всего русско-литовскаго княжества, какъ то значится въ грамотѣ отъ іюня 1260 г.

Мы видѣли, когда и при какихъ обстоятельствахъ принялъ Миндовгъ католичество. Было-бы странно даже и предполагать, чтобъ онъ рѣшился на перемѣну вѣры по убѣжденію. Если справедливо показаніе лѣтописи, что онъ принялъ православіе въ 1246 г., то принялъ таковое, конечно, изъ того расчета и изъ тѣхъ видовъ, что ему, оставаясь язычникомъ, было неудобно считаться княземъ Черной Руси и многихъ кривскихъ земель, жители которыхъ были православными. Принялъ онъ католичество въ 1253 г. опять же чисто изъ политическихъ видовъ и расчета, вполнѣ основательнаго. Ему нужно было раздѣлить силы своихъ враговъ, Романовичей и ордена; принятіемъ католичества онъ привлекалъ на свою сторону орденъ, главною задачею котораго въ Пруссіи и въ Ливоніи была борьба съ язычниками и обращеніе ихъ въ католичество. Становясь католикомъ, получивъ отъ папы королевскую корону, онъ тѣмъ самымъ не только обезоруживалъ орденъ, но и могъ расчитывать на его поддержку въ борьбѣ съ волынско-галицкими и разными кривскими князьками.

Расчетъ былъ вѣренъ, ибо какая же могла быть борьба католическаго военно-монашескаго ордена съ католическимъ королемъ, признаннымъ папою и получившимъ католическаго епископа для распространенія католичества въ новомъ королевствѣ?

Миндовгъ дарилъ ордену земли. Это безспорно, но что дарилъ? Земли, прилегавшія къ землямъ, уже покореннымъ ливонскими рыцарями, именно жмудскія земли, и земли селоновъ. Но жмудскія земли далеко не составляли собственности Миндовга: жмудины, быть можетъ, давали ему дань, но ихъ князьки далеко не признавали его власти надъ собою, дѣлали набѣги на сосѣдей, воевали съ ними, не спрашиваясь Миндовга; удержать за собою земли селоновъ Миндовгу было очень трудно: орденъ такъ ли иначе овладѣлъ бы ими и безъ дарственной грамоты просто на томъ основаніи, что покореніе этихъ земель католичеству началось еще при епископѣ Альбертѣ, однимъ словомъ Миндовгъ дарилъ то, что ему не принадлежало. Обстоятельство это, по всей вѣроятности, было очень хорошо извѣстно ордену, но онъ принималъ даръ, какъ хорошій предлогъ къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ.

Мы довели разсказъ о покореніи орденомъ земель нынѣшней Курляндской губерніи до того времени, когда дѣлежъ ихъ кончился, когда учредилось семигальское епископство съ епископомъ Генрихомъ Лютцельбургскимъ во главѣ.

Было уже сказано (см. стр. 30), что великій магистръ назначилъ Эбергарда графа Сейненскаго (нѣмецкаго провинціальнаго магистра, praeceptor domus theut per Alemaniam vicem gerens magistri generalis in Lyvonia et Curonia, какъ онъ называется въ современныхъ документахъ) своимъ представителемъ при дѣлежѣ земель въ Куроніи. Осенью 1251 году Эбергардъ прибылъ въ Пруссію, а въ срединѣ 1252 г. прибылъ въ Ливонію. Около этого времени магистръ Андрей Стирландскій заболѣлъ, потому Эбергардъ и вступилъ въ управленіе орденскими дѣлами. Онъ пробылъ въ Ливоніи до конца 1258 г., когда уѣхалъ обратно въ Германію къ своему мѣсту. Около этого же времени, т. е. въ концѣ 1253 года, оставилъ Ливонію и ливонскій магистръ Андрей Стирландскій, кажется, по причинѣ своей болѣзни. Онъ также отправился въ Германію, заѣхавъ по пути, какъ пишетъ авторъ Рифмованной Хроники (стихи 3577—3608), въ Литву къ своему другу королю Миндовгу и къ королевѣ. Вслѣдствіе отбытія Андрея, тогдашній великій магистръ тевтонскаго ордена Попие Остернскій (Poppe von Osterna, управлявшій дѣлами съ 1253 по 1257 годъ) прислалъ въ Ливонію на должность ливонскаго провинціальнаго магистра *Анно Зангерсгаузенскаго* (Anno von Sangershausen), который прибылъ въ Ригу и вступилъ въ исправленіе своей должности въ началѣ 1254 году, съ большимъ почетомъ принятый орденскою братіею (см. Рифм. Хрон. стихи 3691—3722).

Около этого же времени прибылъ въ Ригу изъ Любека и архіе-

пископъ прусскій и ливонскій, Альбертъ Зуербееръ, для управленія рижскимъ епископствомъ. Такимъ образомъ въ началѣ 1254 г. во главѣ ливонскаго ордена явился новый магистръ и во главѣ рижской церкви новый епископъ, которому уже давно папа Иннокентій IV предоставилъ права архіепископа Пруссіи и Ливоніи. Съ этихъ поръ рижское епископство стало именоваться архіепископствомъ, а рижскіе епископы архіепископами.

Къ началу 1254 г. положеніе дѣлъ Тевтонскаго ордена было весьма для него благопріятное. Пруссы и Святополкъ Поморскій потерпѣли сильныя пораженія и вынуждены были смириться предъ рыцарями. Въ лѣво-бережныхъ двинскихъ земляхъ орденъ сталъ довольно крѣпко и съ закладкою въ 1253 г. новаго замка (крѣпости) Мемеля у Куришгафа можно было расчитывать на овладѣніе землями жмудиновъ. Немного уже недоставало, чтобы Ливонія и Пруссія вошли въ соприкосновеніе между собою, и соединеніе непремѣнно бы совершилось, если бы жмудины, земли которыхъ входили клиномъ между Пруссіею и Куроніею, не выказали упорнаго и сильнаго сопротивленія завоевателямъ.

Принѣманская Литва въ географическомъ отношеніи дѣлилась, какъ уже было сказано (см. томъ I, стр. 14), на Верхнюю или собственно Литву, и на Нижнюю или Жмудь. Жмудь (Жомойтъ), въ латинской формѣ Самогитія, это приблизительно нынѣшніе Тельшевскій, Шавельскій, Россіенскій и Поневѣжскій уѣзды Ковенской губерніи. Побережье Балтійскаго моря отъ устья Нѣмана почти до нынѣшней Либавы было населено жмудинами (самаитами по древнимъ хроникамъ Рифмованной и Орденской), и потому понятно, какъ ихъ встревожило появленіе нѣмцевъ и нѣмецкой крѣпости у Куришгафа. Магистръ Анно Зангерсгаузенскій, вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность, у новаго Мемельскаго замка учредилъ городъ *Мемельбургъ*, изъ котораго орденской братіи было очень удобно распространять свои завоеванія вглубь жмудскихъ земель, часть которыхъ была подарена ордену Миндовгомъ при его коронованіи въ іюнѣ 1253 г. Жмудины, конечно, не слишкомъ обращали вниманія на то, что Миндовгъ подарилъ ордену ихъ землю, ему не принадлежащую, но рѣшились, однако, осадить и разрушить Мемель. По словамъ автора Рифмованной Хроники (стихи 3723—3808), жмудины прежде всего выслали развѣдчиковъ высмотрѣть, что такое новозаложенный городъ. Развѣдчики нашли, что взять это „воронье гнѣздо“ (kreup nest) будетъ не трудно. Развѣдчики, однако, ошиблись: магистръ успѣлъ снабдить новую крѣпость и гарнизономъ и военными запасами. По прибытіи развѣдчиковъ, жмудины составили свое собраніе, на которомъ „мудрѣйшіе“ (dy wisten, это, конечно, жрецы) приговорили собираться въ походъ. Собралось ополченіе, которое раннею весною 1256 г. по вскрытіи рѣкъ и обложило Мемельбургъ, какъ съ рѣчной, такъ и съ

сухопутной стороны, ибо часть ополченія приплыла на ладьяхъ. Жмудины бросились на замокъ, чтобъ взять его штурмомъ, но были отбиты съ большимъ урономъ: много народа было убито и много переранено. Пришлось снять осаду, но прежде, по приказанію „мудрыхъ“ т. е. жрецовъ, жмудины сожгли своихъ убитыхъ. „И собрали они убитыхъ, говоритъ авторъ Рифмованной Хроники, и сожгли ихъ вмѣстѣ съ ихъ щитами, копьями, латами, лошадьми, шлемами, стрѣлами, дабы чрезъ-то — великая глупость! умилостивить чорта (dar mite solden sie stillen den tuwel in ienер werdle dort)“. Затѣмъ, жмудины собрали своихъ раненыхъ, уложили ихъ въ ладьи и отступили отъ Мемеля.

Магистръ Анно Зангерсгаузенскій, получивъ извѣстіе о нападеніи языческихъ жмудинъ (самаитовъ) на Мемельбургъ, поспѣшилъ на помощь этому передовому въ то времени посту нѣмецкаго господства, съ цѣлію наказать язычниковъ за нападеніе. Орденское войско и крестоносцы, подъ начальствомъ магистра, весною 1256 г. выступили изъ Риги и, идя по морскому побережью, достигли Мемельбурга. Присоединивъ къ войску часть мемельскаго гарнизона, знавшаго дороги къ жмудинамъ, магистръ предпринялъ походъ на сѣверную часть Самогитіи, нынѣшній Тельшевскій уѣздъ. По дорогѣ на Мемельской косѣ, покрытой лѣсомъ, орденцы нашли устроенную жмудинами засѣку, никѣмъ не защищаемую. Разрушивъ засѣку, орденское войско вступило въ жмудскую землю и предало истребленію все встрѣчное, забирая съ собою все, что было можно собрать. Между тѣмъ одинъ знатный жмудинъ (высшій самаитъ, hoeste same пишетъ авторъ Рифмованной Хроники въ разсказѣ объ этомъ походѣ въ стихахъ 3909—4084) собралъ войско и рѣшился отрѣзать отступленіе орденцамъ. Онъ возобновилъ засѣку на Мемельской косѣ и сталъ здѣсь выжидать возвращенія христіанскаго войска, которому нельзя было миновать этой косы, чтобъ достигнуть Мемеля. У этой засѣки произошелъ между орденскимъ войскомъ и жмудинами ожесточенный бой. Магистръ пробился, но понесъ большую потерю въ людяхъ, и орденцы лишились тутъ всей награбленной ими добычи въ Жмуди. Походъ слѣд. былъ не особенно удаченъ, это и ободрило жмудинъ.

Жилъ въ то время въ Самогитіи, разсказываетъ авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 4085—4158, одинъ мужественный человѣкъ, по имени Алеманъ, сильно огорчавшійся тѣмъ, что король Миндовгъ и нѣкоторые литовцы приняли христіанство. Онъ присовѣтовалъ жмудинамъ сдѣлать большой набѣгъ на сосѣднія земли куроновъ. „Миндовгъ, говоритъ онъ, пойдетъ за нами, когда мы разоримъ и подавимъ куроновъ“. Земли куроновъ въ это время были уже подѣлены между орденомъ и епископомъ и сами куроны были уже окончательно покорены нѣмцами, слѣд. слова Алемана должны быть понимаемы въ томъ смыслѣ, что Миндовгъ снова пристанетъ

къ язычникамъ, если они нанесутъ пораженіе нѣмцамъ. Алеманъ видно хорошо зналъ Миндовга, если указывалъ своимъ землякамъ, что Миндовгъ не затруднится отречься отъ христіанства, чуть лишь увидитъ свою выгоду въ отреченіи. Понравился жмудинамъ совѣтъ Алемана, говоритъ авторъ Рифмованной Хроники, тѣмъ болѣе, что и „лучшіе“ (die besten, т. е. богатѣйшіе и знатнѣйшіе князьки) не прочь были отъ набѣга. Они собрались и, по всей вѣроятности, зимою 1256 году вторглись въ Куронію, гдѣ по обычаю перебили множество народа, ограбили и выжгли все встрѣчное. Серьезнаго сопротивленія нигдѣ не было, и жмудины возвратились домой вполнѣ безнаказанно съ огромнымъ полономъ и добычею.

Магистръ не оставилъ этого набѣга безъ отомщенія. Онъ собралъ крестоносцевъ, ливовъ, эстовъ, латышей и съ этимъ войскомъ пошелъ на Жмудь чрезъ Семигаллію. Вступивъ въ эту землю, магистръ объявилъ жителямъ, чтобъ они непремѣнно шли въ походъ; пристали къ войску и куроны, недавно предъ тѣмъ пострадавшіе отъ жмудскаго набѣга. Магистръ раздѣлилъ войско на отряды, назначилъ отрядныхъ начальниковъ и изъ Семигалліи вступилъ въ Жмудь (по всей вѣроятности въ нынѣшній Шавельскій уѣздъ). Въ составѣ орденскаго войска находились и литовцы, конечно, изъ числа принявшихъ католичество (см. выше стр. 20). Одного, пишетъ авторъ Рифм. Хр. въ ст. 4159—5308, звали Туше, былъ онъ всегда готовъ къ бою и смѣлъ какъ вепрь (er was kuне saш eiп swiп); другого звали Мильгериномъ, а третьяго Гингеке. Орденское войско также сопротивленія нигдѣ не встрѣтило и цѣлые девять дней опустошало, грабило и выжигало страну. При войскѣ находились монахи (босоногіе и проповѣдники, barvusen und predigere, кармелитскаго и миноритскаго орденовъ), они, говоритъ авторъ Рифмованной Хроники, первые начали пожары: первый пожаръ зажгла рука монаха проповѣдника, второй рука босоногаго. Предавъ жестокому опустошенію страну, орденское войско, обремененное добычею и полономъ, разошлось по домамъ, а магистръ прибылъ въ Ригу.

Здѣсь ему пришлось пробыть очень не долго: пришла вѣсть, что великій магистръ ордена Поппе Остернскій въ концѣ 1256 г. отказался отъ своей должности и что папа принялъ отказъ. Пришлось ливонскому магистру ѣхать на выборы, на которые собрались всѣ орденскіе сановники. Выборъ палъ на Анно. Онъ принялъ выборъ и въ томъ же собраніи предложилъ немедленно же назначить на его мѣсто новаго магистра для Ливоніи. Присутствовавшіе въ собраніи орденскіе сановники назначили на эту должность кенигсбергскаго командора, *Бурхарда Горнгузенскаго*, принадлежавшаго къ графскому роду Горнгузеновъ. Бурхардъ въ апрѣлѣ 1257 г. прибылъ въ Ригу. Орденская братія, крестоносцы и бюргеры вышли ему на встрѣчу, на лугу угостили виномъ и медомъ и торжественно ввели въ городъ.

Новый магистръ, пишетъ авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 4437—4460, прежде всего озаботился скрѣпленіемъ дружбы съ королемъ литовскимъ. Онъ отправилъ къ Миндовгу подарки и привѣтственныя письма, на которыя Миндовгъ отвѣчалъ также подарками и письмами. Велика была дружба между магистромъ и королемъ, говоритъ авторъ Хроники, а это сильно не нравилось язычникамъ.

Дружба ордена съ Миндовгомъ ничуть не мѣшала жмудинамъ враждовать съ рыцарями и на захваты и грабежи въ жмудскихъ земляхъ отвѣчать грабежами орденскихъ владѣній. Недавній орденскій походъ на жмудинъ нимало не привелъ въ уныніе ихъ и нимало не отвлекъ ихъ вниманія отъ пункта, наиболѣе опаснаго для Жмуди, отъ Мемельбургской крѣпости, разрушить которую они безуспѣшно пытались въ прошломъ 1256 г. Вскорѣ по вступленіи въ должность магистра, Бурхардъ отправился изъ Риги осмотрѣть названную крѣпость и по дорогѣ узналъ, что жмудины готовятся напасть на нее. Желая подать помощь крѣпости, онъ поспѣшилъ къ Мемелю по морскому прибрежью, взявъ съ собою 40 орденскихъ братьевъ да 500 куроновъ съ ихъ командоромъ, рыцаремъ Бернгардомъ Гарренскимъ. Жмудины уже стояли подъ замкомъ и готовились на другой день напасть на него. Магистръ рѣшился предупредить нападеніе и самъ со своимъ отрядомъ аттаковалъ язычниковъ. Начался ожесточенный бой. Жмудины потерпѣли пораженіе, но дорого побѣда досталось и нѣмцамъ: магистръ и командоръ были ранены, 12 орденскихъ братьевъ и не мало куроновъ были убиты въ бою. Много было убитыхъ язычниковъ, пишетъ авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 4461—4526, о нихъ можетъ себѣ плакать тотъ, кому ихъ жалко (weш das sie leit, der waz is clageп).

Оправившись въ Мемельбургѣ отъ ранъ, магистръ Бурхардъ Горнгузенскій поспѣшилъ въ Ригу и объявилъ сборъ на войну противъ жмуди по всей Ливоніи. Начало формироваться сильное ополченіе; жмудины провѣдали о томъ и не желая войны прислали въ Ригу къ магистру въ срединѣ 1257 г. пословъ просить мира. Магистръ, пишетъ авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 4527—4628, разослалъ гонцовъ по замкамъ, чтобы командоры ихъ прибыли въ Ригу на совѣщаніе о мирѣ. Когда къ назначенному сроку командоры съѣхались въ Ригу, магистръ открылъ совѣщанія въ орденскомъ братскомъ дворѣ (uf der bruder hof — это орденскій замокъ въ Ригѣ, Юренгофъ). Въ совѣщаніяхъ приняли участіе рижскій архіепископъ Альбертъ Зуербееръ и представители рижскихъ гражданъ (бюргеровъ).

Съ основанія Риги это было первое совѣщательное собраніе, въ которомъ приняли участіе орденъ, архіепископъ и городъ, родъ ландтага. Такихъ собраній властителей не бывало прежде.

Собраніе постановило дать жмудинамъ миръ на два года съ тѣмъ, чтобы въ теченіе этого времени были сдѣланы попытки, нельзя-ли

будетъ жмудинъ обратить, по примѣру Миндовга, въ католичество. О результатѣ совѣщанія объявили посламъ, сказали, что миръ дается на два года. Послы ударили съ магистромъ по рукамъ въ знакъ того, что согласны и будутъ держать миръ. Ибо ужъ такой обычай у нихъ, говоритъ авторъ Рифмованной Хроники, что если кто либо ударитъ по рукамъ съ другимъ, то будь онъ хоть за тридевять земель, а ужъ вѣрно сохранитъ условіе подъ страхомъ смерти. Послы изъ Риги отправились домой и объявили своимъ князькамъ о заключенномъ перемиріи, съ половины 1257 до половины 1259 г.

Нельзя было пожаловаться на язычниковъ, говоритъ авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 4629—4879, описывая дальнѣйшія событія, чтобъ въ эти два года они обижали кого либо изъ христіанъ, напротивъ миръ строго соблюдался: по Самогитіи католики ходили и ѣздили безъ провожатыхъ, и самаиты свободно являлись въ Ливонію для торга. Католическіе монахи, конечно, пытались во время замиренія проповѣдывать язычникамъ христіанство, но успѣха никакого не было: никто изъ жмудинъ католичества не принялъ.

Орденъ не терялъ времени во время этого двухъ-лѣтняго иеремирія, и по совѣту магистра выстроилъ новый замокъ *Георгенбургъ* (нынѣ Юрбургъ). Этотъ новый замокъ, появившійся предъ истеченіемъ срока перемирія въ 1259 г. на Нѣманѣ въ жмудской землѣ, долженъ былъ служить передовымъ укрѣпленіемъ для Мемельбурга. Жмудины, конечно, очень хорошо видѣли, къ чему клонится постройка новой крѣпости въ ихъ землѣ (Карсовіи или Каршовіи Повидимому, эта жмудская земля, входящая нынѣ въ составъ Россіенскаго уѣзда, была предоставлена рыцарямъ въ іюнѣ 1253 г. Миндовгомъ вмѣстѣ съ другими жмудскими землями), и потому рѣшились возобновить военныя дѣйствія тотчасъ же по истеченіи срока перемирія.

Предварительно князьки ихъ (короли, die konige), пишетъ авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 4629—4879, собрались на совѣщаніе, на пиръ (getrenke). Одинъ изъ знатнѣйшихъ князьковъ обратился къ собранію съ рѣчью: „довольно ужъ вы отдыхали, должно теперь думать о войнѣ и мужественной рукой опустошить христіанскія земли“. Понравилась такая рѣчь князькамъ и когда собраніе и пиръ кончились, они тотчасъ вооружились и съ трехъ тысячнымъ войскомъ приготовились идти въ походъ на Куронію. Ихъ главный жрецъ (Diuiekirl) бросилъ, по ихъ обычаю, жребій и, умертвивъ предъ всѣми съ соблюденіемъ извѣстныхъ правилъ вола, сказалъ: „Радуйтесь, жмудины; испытаете вы и доброе и худое, но все-таки одержите верхъ въ Куроніи. Вамъ нечего медлить, обѣщайте богамъ третью часть добычи и вы пребудете невредимы. Боги сохранять васъ, и за то стоитъ принести имъ въ жертву сожженія оружіе, лошадей и храбрыхъ людей“. Они двинулись въ походъ; орденская братія, однако, во

время провѣдалъ о готовящемся вторженіи и послалъ за помощью въ Мемельбургъ. Мемельцы выступили изъ своей крѣпости и прибыли въ Гольдингенъ, гдѣ командоръ Бернгардъ Гаренскій также приготовился къ отраженію вторженія. Гольдингенскіе и мемельскіе рыцари, взявъ куроновъ съ собою, выступили изъ Гольдингена, чтобъ отразить набѣгъ.

Между тѣмъ жмудины страшно ограбили землю куроновъ и съ добычею возвращались уже домой. Бернгардъ погнался за ними, нагналъ въ полѣ у Шодена (на границѣ нынѣшней Курляндской губерніи съ Тельшевскимъ уѣздомъ) и тотчасъ же началъ сраженіе съ ними, но потерпѣлъ сильное пораженіе: жмудины умертвили 33 человѣка орденскихъ братьевъ, истребили большую часть нѣмецкихъ оруженосцевъ, разсѣяли куроновъ и затѣмъ, подѣливъ между собою добычу, съ торжествомъ возвратились домой.

Удача набѣга, а главное побѣда надъ рыцарями до того ободрили язычниковъ, что они рѣшились сдѣлать новый набѣгъ и вторгнуться въ Куронію съ большими силами, чтобы доконать нѣмцевъ. На этотъ разъ, однако, орденъ принялъ заблаговременно мѣры осторожности: по границамъ и по дорогамъ были устроены сторожевые посты, съ которыхъ не трудно было своевременно дать знать въ Гольдингенъ о движеніяхъ язычниковъ. Съ одного изъ такихъ постовъ гольдингенскій командоръ получилъ свѣдѣніе, что жмудины собираются въ походъ на Куронію и что съ ними идетъ не мало отступниковъ отъ католичества (ingeluven, невѣрные, называетъ ихъ авторъ Рифмованной Хроники, описывая въ стихахъ 4880—4929 набѣгъ жмудинъ на Куронію, и присовокупляетъ, что эти невѣрные изъ опыта убѣдились, что отступничествомъ можно было спастись отъ гибели вслучаѣ пораженія орденской братіи). Гольдингенскій командоръ, не теряя времени, далъ знать въ Ригу магистру объ угрожающей опасности, магистръ же въ свою очередь разослалъ гонцовъ по замкамъ, по землямъ ливовъ и латышей и въ Эстонію съ вызовомъ собираться въ Ригу на войну. Войско собралось; каждый фохть прислалъ свой отрядъ, прислали и епископы свои дружины. Съ войскомъ этимъ магистръ позднимъ лѣтомъ 1259 году поспѣшилъ въ Гольдингенъ и тутъ получилъ извѣстіе, что непріятель нерешелъ границу у Мемельбурга и что грабежъ земель уже начался. Вслѣдствіе этого орденское войско съ магистромъ въ главѣ двинулось на встрѣчу жмудинамъ. Въ другое время магистръ тотчасъ бросился-бы на язычниковъ, но недавнія пораженія, какія орденъ потерпѣлъ именно отъ этихъ самыхъ язычниковъ-жмудинъ, побудили магистра быть осторожнымъ Онъ собралъ военный совѣтъ и предложилъ обсудить: ударить-ли на язычниковъ немедленно, не обращая вниманія на превосходство ихъ силъ, или же въ бой не вступать. Рѣшились отступить къ орденской крѣпости Вартаху (нынѣ Вартаенъ). Жмудины первоначально преслѣдовали

отступающихъ, но когда орденское войско стало подъ крѣпостью и магистръ рѣшился (см. Рифмованную Хронику стихи 5044—5172) начать битву, они поспѣшно отступили и ушли въ свою землю со всею добычею и полономъ. Магистръ не пошелъ за ними, но, оставивъ въ Куроніи часть войска, съ остальнымъ ополченіемъ возвратился въ Ригу.

Такимъ образомъ жмудины совершили совершенно безнаказанно два набѣга на орденскія владѣнія. Въ первый разъ орденское войско потерпѣло пораженіе, во второй, не смотря на свою многочисленность, отступило, не рѣшившись вступить въ бой, что было равнозначительно пораженію. Слѣдствія же пораженій не замедлили обнаружиться прежде всего у ближайшихъ къ куронамъ сосѣдей, у семигалловъ, покоренныхъ вновь орденомъ, какъ было уже сказано, въ 1248 г. и земли которыхъ въ 1254 г. были подѣлены между рижскимъ архіепископомъ и орденомъ (см. выше стр. 32). При извѣстіи о неудачахъ орденскаго войска, они отказали въ повиновеніи своимъ властителямъ, отреклись отъ католичества и прогнали отъ себя всѣхъ фохтовъ (судей), поставленныхъ у нихъ властителями. Возстаніе это, происшедшее осенью 1259 г , не сопровождалось, однако, никакими убійствами или рѣзнею. Авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 5239—5265 разсказываетъ, что нѣкто *Шабе* (по всей вѣроятности одинъ изъ семигалльскихъ старшинъ) присовѣтовалъ своимъ землякамъ для сохраненія мира съ христіанами не убивать фохтовъ и не трогать ихъ имуществъ, а изгнать лишь изъ края. Семигаллы послушались совѣта, собрали фохтовъ и объявили имъ, чтобъ они уходили изъ края и болѣе не возвращались Изгнанные фохты прибыли въ Ригу и донесли магистру объ отпаденіи Семигалліи.

Тогда магистръ разослалъ гонцовъ въ Зегевольдъ, Эстонію, Ашераденъ, чтобъ орденскіе командоры и фохты прибыли въ Ригу на совѣщаніе о Семигалліи. Общимъ совѣтомъ постановили, не теряя времени, предпринять походъ въ эту землю, принудить силою семигалловъ къ повиновенію и построить въ Семигалліи крѣпость. Командоры и фохты разъѣхались по своимъ замкамъ и поспѣшили привести въ Ригу свои военные отряды. Епископы не замедлили прислать свои дружины, прибыли изъ Ревеля датскіе королевскіе люди, прибыли, призванные къ походу, и куроны. Магистръ видимо торопился походомъ и въ началѣ зимы 1259 г , когда установилась санная дорога, двинулъ собранныя силы въ Семигаллію. Провіантъ и матеріалы для постройки замка латыши, ливы и чудь везли на саняхъ. Орденское войско, вступивъ въ Семигаллію, осадило старинный городокъ Вестгарда, Терветенъ (около нынѣшняго Гофцумберга, верстахъ въ 30 къ юго-западу отъ Митавы). Городокъ оказался порядочно укрѣпленнымъ рвомъ и валами; магистръ думалъ было его взять открытою силою, но штурмъ былъ отбитъ, орденское войско, преслѣдуемое нѣ-

которое время терветенскимъ гарнизономъ, отступило и пошло далѣе къ литовской границѣ. Здѣсь, недалеко отъ начала жмудскихъ поселковъ, магистръ заложилъ замокъ (крѣпостцу) *Добенъ*. Авторъ Рифмованной Хроники, описывая въ стихахъ 5375—5444 семигалльскій походъ, не указываетъ съ точностію мѣста, гдѣ былъ заложенъ новый замокъ, но кажется, что онъ находился близь нынѣшняго Добельсберга въ Ауценской землѣ. Оставивъ въ новомъ замкѣ нѣмецкій гарнизонъ и снабдивъ его военными снарядами и запасами, магистръ отправился въ Ригу, отпустивъ по домамъ собранное войско.

Появленіе новой пограничной крѣпости не могло не встревожить жмудинъ. Раннею весною 1260 г. они бросились разрушать Добенъ, но были съ урономъ отбиты. Магистръ же въ срединѣ апрѣля 1260 года прислалъ въ эту крѣпостцу людей на усиленіе гарнизона и пополнилъ крѣпостные запасы и снаряды. Потерпѣвъ неудачу подъ Добеномъ, жмудины бросились къ юго-западу на Георгенбургъ, построенный на Нѣманѣ. Они, разсказываетъ авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 5501—5533, воспылали лютымъ гнѣвомъ на то, что орденская братія такъ смѣло начинаетъ селиться на ихъ земляхъ. „Сама смерть (der mort, дьяволъ) навязала намъ этихъ гостей, вредящихъ намъ гдѣ только могутъ, говорили они, но и мы ужь ощиплемъ имъ перья (in die uederen plucken)“. Дѣйствительно непрошенные гости понастроили уже цѣлый рядъ пограничныхъ крѣпостей — Георгенбургъ, Мемельбургъ, Амботенъ и Добенъ, — обычные набѣги затруднились ими, а изъ крѣпостей уже выглядывало католичество и рабство. Разрушить крѣпости, изгнать гостей сдѣлалось задачею жмудинъ.

Ставъ подъ Георгенбургомъ, они не рѣшились, однако, на штурмъ, быть можетъ и недавнее пораженіе подъ Добеномъ показало имъ, что штурмъ слишкомъ опасное и рискованное дѣло, потому они прибѣгли къ довольно оригинальному способу овладѣнія орденскою крѣпостію. Противъ Георгенбурга они построили свою крѣпость и изъ этой крѣпости начали дѣлать безпрестанныя нападенія на орденцевъ. Часто пробовали они у крѣпостныхъ воротъ силу орденской братіи и годность ея къ оборонѣ, говоритъ авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 5501—5533, и часто обмѣнивались копьями, денно и нощно сражаясь съ рыцарями. Съ обѣихъ сторонъ было, продолжаетъ лѣтописецъ, не мало храбрыхъ рукъ. Тѣмъ не менѣе положеніе Георгенбурга было очень опасное: орденскому гарнизону не откуда было пополнять свою убыль, жмудины же легко восполняли убыль своихъ ратниковъ изъ ближайшихъ своихъ земель. Въ концѣ концовъ язычники овладѣли бы Георгенбургомъ, магистру слѣд. предстояло выручить эту крѣпость, не допустить язычниковъ до овладѣнія ею, предстояло предпринять походъ, чтобъ исправить положеніе орденскихъ дѣлъ, принявшихъ весьма опасный характеръ. Семигаллы отпали, начали

входить въ союзы со жмудинами, а тутъ пришли вѣсти и изъ русско-литовскаго княжества, что Миндовгъ колеблется и готовъ поддержать язычниковъ.

Было выше сказано (стр. 40), что въ 1253 г. Миндовгъ принялъ католичество и королевскій титулъ, принялъ изъ расчетовъ, но, однакоже, скоро убѣдился, что его расчеты далеко не оправдываются. Крестовые походы, объявленные папою въ 1253 и 1254 г., остались безъ послѣдствій, въ борьбѣ съ волынско-галицкими князьями орденъ не оказывалъ ему никакого содѣйствія, напротивъ орденъ явно простиралъ свои виды на овладѣніе цѣлою Жмудью и Нѣманскою Литвою. Миндовгъ прикидывался и другомъ ордена и усерднымъ католикомъ, дарилъ ордену земли, но, однакоже, очень хорошо понималъ, что утвержденіе нѣмецкаго господства въ жмудскихъ и литовскихъ земляхъ противорѣчитъ интересамъ его собственнаго княжества, видѣлъ также, что принятіе католичества возбуждаетъ противъ него и жмудинъ и литовцевъ. Прежде мелкіе жмудскіе и литовскіе державцы (князьки) сами боролись противъ единовластія Миндовга, но теперь, когда увидѣли, что католичество влечетъ за собою у ихъ куронскихъ и семигалльскихъ сосѣдей лишь отнятіе земель и раздачу ихъ католическому духовенству и нѣмецкимъ рыцарямъ вмѣстѣ съ десятиной и другими поборами, влечетъ за собою не только лишеніе самоуправленія, но и самое рабство, возненавидѣли и католичество и орденъ и, бросившись въ борьбу съ рыцарями, уже не съ цѣлями грабежа, а съ цѣлями изгнанія пришельцевъ изъ края, обратились къ Миндовгу.

Миндовгъ, конечно, зналъ, что происходило въ Жмуди и въ Принѣманской Литвѣ, и очень возможно, что въ тайнѣ способствовалъ набѣгамъ литовцевъ на нѣмцевъ, выжидая рѣшительныхъ успѣховъ своихъ земляковъ, чтобъ принять ихъ сторону открыто. Недаромъ Алеманъ (см. выше стр. 45) говорилъ, что одержи только жмудины побѣду, Миндовгъ пристанетъ къ нимъ. Орденцы знали это и, стараясь сохранить дружбу съ Миндовгомъ, все-таки держали себя на сторожѣ.

Теперь, когда литовцы стѣснили Георгенбургъ и дѣйствительно входили въ силу, магистръ Бурхардъ Горнгаузенскій рѣшился предпринять большой походъ на нихъ. Созвавъ орденскихъ командоровъ и фохтовъ съ ихъ дружинами, пригласивъ къ участію въ походѣ изъ Ревеля датскихъ королевскихъ мужей, магистръ видѣлъ, что всего этого мало для рѣшительной побѣды и потому отправился, какъ пишетъ авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 5534—5582, въ Пруссію, чтобы привлечь къ походу и тамошнихъ рыцарей. Это ему удалось: прусскій орденскій маршалъ (командующій войсками), Генрихъ Ботель, обѣщалъ принять участіе въ походѣ на литовцевъ. Условились собраться всему войску въ Мемельбургѣ, съ тѣмъ чтобъ идти отсюда на Георгенбургъ и потомъ далѣе въ Жмудь.

Къ назначенному сроку, въ концѣ іюня 1260 г., къ Мемельбургу подошли съ двухъ сторонъ орденскія ополченія. Изъ Риги пришли ратники магистра Бурхарда, орденская братія, крестоносцы, ливы, латыши, эсты и куроны, изъ Ревеля датскій вспомогательный отрядъ подъ начальствомъ герцога Карла Шведскаго, изъ Пруссіи прибылъ маршалъ Генрихъ Ботель съ отрядомъ, въ которомъ находилось 30 нѣмецкихъ орденскихъ братьевъ и много ленниковъ изъ старой Пруссіи. Какъ велика была численность этого войска, не указываетъ ни Рифмованная Хроника, въ стихахъ 5483—5678 описывающая дѣйствія его, ни лѣтопись Дусбурга.

Соединенное войско направилось, согласно первоначальному предположенію, на выручку Георгенбурга, но по дорогѣ получило извѣстіе, что 4000 литовцевъ вторглись въ Куронію, жестоко опустошаютъ страну и уже собрали большую добычу и полонъ. Бурхардъ тотчасъ же измѣнилъ свой планъ, отмѣнилъ походъ на Георгенбургъ и все войско направилъ къ сѣверу на встрѣчу литовскимъ язычникамъ. Войско, пройдя верстъ сотню по морскому побережью къ Либавѣ, встрѣтило литовцевъ, расположившихся лагеремъ на полѣ у деревни Дурбенъ (деревня эта, рѣчка, на которой она стоитъ, и озеро сохраняютъ и понынѣ это названіе; она находится почти на полдорогѣ между нынѣшними городами Либавою и Газенпотомъ). Было 13 іюля 1260 г., день св. Маргариты. Изъ лѣтописныхъ разсказовъ (Дусбургъ, Хроника III, г. 84—87; Рифмованная Хроника ст. 5583—5678) о событіяхъ этого дня слѣдуетъ заключить, что орденское войско, составленное изъ разноплеменныхъ отрядовъ, не имѣло никакого единства и носило въ самомъ себѣ задатки пораженія. И въ самомъ дѣлѣ, кто составлялъ главную массу этого войска? Покоренные и насильно обращенные въ католичество ливонскіе туземцы, ливы, латыши, чудь и куроны — у магистра, и самы, прусскій народецъ, обитавшій между Куришгафомъ и Фришгафомъ, недавно покоренный — у Ботеля. Меньшинство и притомъ весьма немногочисленное составляли рыцари (не болѣе 200), крестоносцы, датскіе королевскіе люди. Но какой же былъ расчетъ туземцамъ поддерживать своихъ завоевателей, биться за своихъ поработителей? Чудь была всегда враждебна нѣмцамъ и мы уже видѣли, что если она смирилась и вынуждена была платить дань и ставить ратниковъ завоевателямъ, то смирилась, принужденная къ тому силою. Куроны и пруссы находились въ положеніи не лучшемъ противъ чуди. Биться за нѣмцевъ ради торжества ихъ надъ литовцами значило усилить свое рабство, кромѣ того пруссы не были чужды литовцамъ и по племенному происхожденію. Такъ не лучше-ли поддержать литовцевъ и перебить нѣмцевъ, чтобы освободиться отъ непрошенныхъ гостей, которыхъ, какъ выражались литовцы (см. выше стр. 51), самъ дьяволъ навязалъ имъ.

Предъ началомъ боя начальники составили военный совѣтъ. Помезанскій дворянинъ Матте предложилъ маршалу Ботелю распорядиться, чтобы лошадей удалить съ поля сраженія, дабы ратники бились пѣшіе и тѣмъ упорнѣе стояли въ бою. Это одно предложеніе показываетъ, что нѣмцы не надѣялись на ратниковъ, боялись, что они струсятъ или даже измѣнятъ. Предложеніе не было принято въ виду слишкомъ тяжелаго вооруженія рыцарей, недозволявшаго имъ биться пѣшими. Затѣмъ куроны, разсказываетъ Дусбургъ, обратились къ магистру съ просьбою освободить захваченныхъ литовцами куронскихъ женщинъ и дѣтей, вслучаѣ побѣды рыцарей. Въ этой просьбѣ имъ было отказано, будто бы по настоянію прусскихъ и ливскихъ ратниковъ, и куроны вслѣдствіе такого отказа рѣшились измѣнить магистру. Авторъ Рифмованной Хроники ни слова не упоминаетъ ни о военномъ совѣтѣ, ни о просьбѣ куроновъ, но въ стихахъ 5604—5613 указываетъ настроеніе, съ какимъ куроны становились къ бою. Они просто не хотѣли сражаться, говоря: „Если орденская братья проиграетъ сраженіе и будетъ перебита, то они, куроны, будутъ жить безъ господъ (независимыми), а другихъ нѣмцевъ, пребывающихъ въ Куроніи, можно и не оставить никого въ живыхъ“. Другими словами, они приготовились измѣнить въ надеждѣ освободиться отъ нѣмцевъ. Но такія же чувства къ нѣмцамъ питали чудь и пруссы, потому нѣмцамъ нельзя было и расчитывать на стойкость чудскихъ и прусскихъ ратниковъ. Исходъ сраженія при такомъ составѣ и настроеніи войска могъ быть крайне бѣдствененъ для ордена, но военачальники все-таки рѣшили начать сраженіе. Орденская братія со своими людьми первая вступила въ бой, но ни кѣмъ изъ туземныхъ ратниковъ не была поддержана. Куроны отступились отъ нѣмцевъ первые. По однимъ извѣстіямъ они бѣжали съ поля битвы, по другимъ же только отошли назадъ и потомъ ударили на нѣмцевъ съ тыла. Вслѣдъ за куронами покинула орденцевъ чудь, а затѣмъ бѣжали съ поля сраженія прочіе ливскіе и прусскіе туземные ратники. Остались противъ литвы только рыцари съ ихъ людьми, крестоносцы, да датскіе королевскіе люди; не покинули рыцарей нѣкоторые самы (они не забыли, говоритъ лѣтописецъ, сладкій медъ и красивую одежду, которыя получили отъ рыцарей). Литва окружила нѣмцевъ и, пользуясь превосходствомъ силъ, начала истреблять ихъ. Нѣмцы, мужествомъ уподобляясь Маккавеямъ, пишетъ Дусбургъ, сражались отчаянно, перебили много враговъ, но уже не могли ничего подѣлать. Литва осилила и истребила поголовно всѣхъ нѣмцевъ; нѣкоторые бѣжали въ ближайшій лѣсъ, но не спаслись отъ гибели. Литва доконала всѣхъ Магистръ Бурхардъ Горнгаузенскій, прусскій маршалъ Генрихъ Ботель, шведскій герцогъ Карлъ и 150 человѣкъ рыцарей были убиты, и все войско, собранное магистромъ со всей Ливоніи, было разсѣяно и уничтожено.

Литовцы одержали полную и рѣшительную побѣду, и язычество

забрало безъ сопротивленія большую добычу, прибавляетъ авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 5668—5669.

Послѣдствія Дурбенскаго пораженія были самыя печальныя для ордена, ибо оно послужило сигналомъ къ возстаніямъ и отпаденіямъ отъ католичества куроновъ (семигаллы возстали и изгнали отъ себя нѣмецкихъ фохтовъ прежде) и пруссовъ. Изъ пруссовъ находились подъ Дурбеномъ самы (самландцы, обитавшіе между Куришгафомъ и Прегелемъ), натанги (южные сосѣди самландцевъ) и эрмы (эрмландцы, обитавшіе между Пассаргою, Алле и Фришгафомъ). По возвращеніи домой ратники этихъ племенъ разсказали своимъ землякамъ объ истребленіи нѣмцевъ и гибели Ботеля. Ихъ разсказы (см. Рифмованную Хронику, стихи 5687—5734) пробудили надежды у названныхъ племенъ освободиться отъ нѣмецкаго ига. Они бросились разрушать нѣмецкіе замки, истреблять латинскихъ священниковъ, сгонять нѣмцевъ изъ своихъ земель и послали звать себѣ на помощь нѣманскихъ литовцевъ. Куроны также тотчасъ же послѣ Дурбенскаго сраженія послали къ литовцамъ (см. Рифмованную Хронику стихи 5735—5760) просить помощи съ напоминаніемъ, что при Дурбенѣ они, куроны, первые отстали отъ нѣмцевъ, увлекли за собою другихъ и тѣмъ доставили торжество язычеству.

Къ литовцамъ такимъ образомъ обратились и пруссы и куроны. Теперь пришла очередь дѣйствовать Миндовгу. Авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 6334—6460 разсказываетъ, что вѣсти о Дурбенскомъ пораженіи и посольства о помощи заставили призадуматься этого короля. Жмудины между тѣмъ съ своей стороны также послали пословъ къ Миндовгу и къ его племяннику Тренятѣ (Трамате по Хрон.), княжившему въ Жмуди, чтобъ онъ поддержалъ посольство у своего дяди. Чего же вы хотите? спросилъ Тренята. Хотимъ, чтобъ король приказалъ перебить всѣхъ христіанъ, живущихъ у него, и самъ снова сдѣлался бы язычникомъ, отрекшись отъ крещенія. Тренята отвѣтилъ на это: Будьте спокойны, жмудины, мы сами пойдемъ къ Миндовгу и будемъ просить и грозить ему, пока ему не надоѣстъ его христіанство. Они ударили по рукамъ и немедленно же отправились къ королю Миндовгу и его женѣ Марѳѣ. Придя къ королю, они отвели его въ сторону и сказали: „Жмудины недовольны тобою и ради твоей чести ты долженъ слѣдовать тому, чего они отъ тебя требуютъ, увидишь, что хорошо будетъ. Оставь Христа, которымъ тебя обманули. По истинѣ все то ложь, что тебѣ разсказывала орденская братья, когда отвращала тебя отъ твоихъ боговъ. Твой отецъ былъ великій король (ein koniс gros) и въ его время не было ему нигдѣ подобнаго. Неужели же ты хочешь наложить ярмо на себя и на своихъ дѣтей, имѣя возможность оставаться свободнымъ. Когда христіане (католики) покорятъ жмудиновъ, то слава твоя погибнетъ, а съ нею и все твое царство, вѣдь ты долженъ будешь покориться имъ тогда со всѣми дѣтьми.

Неужели же ты настолько слѣпъ! Коли желаешь теперь же освободиться отъ католиковъ, то на твоей сторонѣ жмудины, любящіе тебя. Ты долженъ согласиться со справедливостью того, что мы тебѣ говоримъ, и долженъ отречься отъ христіанства. Пожалѣй отъ всей души, что ты, всѣми почитаемый, сильный и къ тому же богатый король покинулъ своихъ боговъ, которые такъ часто помогали твоимъ родителямъ. Хочешь остаться христіаниномъ, оставайся, но послѣ пожалѣешь, что остался. Ты долженъ держаться жмудиновъ, каковы бы ни были дѣла съ христіанствомъ. Это тебѣ посовѣтуетъ всякій, желающій твоей славы. Какъ только мы съ тобой придемъ къ латышамъ и въ Ливонію (zu letten und zu nieflanb) то обѣ эти земли тотчасъ попадутъ въ твои руки, вѣдь они тамъ хотятъ сдѣлаться язычниками".

Король, выслушавъ эту рѣчь, говоритъ авторъ Рифмованной Хроники, послѣдовалъ данному совѣту и сталъ на сторону язычниковъ. Это разсердило его супругу, избравшую своимъ другомъ (den sie zu vrunde hatte erkorn) брата Сиверта, который былъ родомъ изъ Тюрингіи. Она сообщила ему рѣчь Треняты и сказала: „Пойду къ королю просить, чтобъ онъ тебя съ миромъ отпустилъ домой. О, зачѣмъ я должна переживать этотъ день къ моему душевному огорченію!" Она пошла къ королю и просила его отпустить Сиверта въ Ригу къ его магистру: „пусть Сивертъ скажетъ въ Ригѣ, что мы прекращаемъ миръ съ магистромъ". Король отпустилъ Сиверта, но тотчасъ же велѣлъ ловить христіанъ, т. е. католиковъ во всѣхъ своихъ земляхъ и убивать ихъ (alle die christen vahen und ouch ein teil erslahen).

Такъ разсказываетъ авторъ Рифмованной Хроники, по дошедшимъ до него извѣстіямъ. За недостаткомъ данныхъ, нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть этого разсказа, но дѣло въ томъ, что Миндовгъ дѣйствительно отрекся отъ католичества, которое онъ принялъ изъ расчетовъ получить пользы и выгоды отъ союза съ орденомъ. Въ свое время онъ извлекъ пользу изъ своего обращенія въ католичество, но оставался въ тайнѣ язычникомъ, приносилъ жертвы старымъ богамъ и соблюдалъ требованія язычества. Теперь, когда литовцы разгромили орденское войско, когда куроны и пруссы начали звать Миндовга на помощь, онъ рѣшился выступить открыто: отрекся отъ католичества и королевскаго титула, самъ пошелъ на помощь пруссамъ, а другое войско послалъ на польскихъ князей, находившихся тогда въ союзѣ съ нѣмцами противъ литовскихъ и прусскихъ язычниковъ, послалъ также въ Новгородъ съ предложеніемъ ударить вмѣстѣ на Ливонію. Литовское войско жестоко опустошило Мазовію, захватило въ плѣнъ множество народа, въ томъ числѣ и Конрада, сына мазовецкаго князя Семовита (сына извѣстнаго Конрада, умершаго въ 1247 г.), который погибъ въ этой войнѣ. Самъ Миндовгъ въ Пруссіи нанесъ рыцарямъ два сильныя пораженія. Послѣ одной побѣды, литовцы и пруссы рѣшились принести своимъ богамъ благодарственную жертву: бросили

жребій между плѣнными, и онъ указалъ на одного рыцаря, который и былъ сожженъ живымъ на конѣ въ полномъ вооруженіи. Всѣ племена пруссовъ (за исключеніемъ двухъ областей, первоначально занятыхъ орденомъ) поднялись на нѣмцевъ. Началось въ Пруссіи общее возстаніе, продолжавшееся 14 лѣтъ.

Миндовгъ вышелъ изъ Пруссіи, обремененный нѣмецкою добычею и, возвратившись въ Литву, сталъ, говоритъ лѣтописецъ, гордиться такъ, что непризнавалъ себѣ никого равнымъ. Литва собралась теперь вокругъ Миндовга какъ своего великаго князя, который и обратилъ теперь свое вниманіе преимущественно на Ливонію, гдѣ нѣмецкое господство поколебалось въ основаніи Дурбенскимъ пораженіемъ. Главную опору и силу этого господства составлялъ орденъ, но изъ нѣсколькихъ сотень его рыцарей 150 погибло вмѣстѣ съ магистромъ. Восполнить эту огромную убыль другими рыцарями было не легко, ибо тевтонскій орденъ въ Пруссіи находился самъ въ отчаянномъ положеніи, а тутъ возстали куроны и семигаллы, а вслѣдъ затѣмъ возстали и эзельцы, отрекаясь отъ католичества и истребляя завоевателей, гдѣ только они ни попадались имъ.

Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ управленіе дѣлами пошатнувшейся ливонской отрасли тевтонскаго ордена принялъ тотчасъ послѣ гибели Бурхарда зегевольдскій командоръ Юрисъ (Георгъ) Эйхштатскій въ качествѣ вице-магистра. Повидимому, Бурхардъ, отправляясь въ Пруссію (см. выше стр. 52), сдѣлалъ такое назначеніе. На его долю выпала трудная задача: отбиться отъ литовцевъ и русскихъ и возвратить вновь то, что отпало послѣ Дурбенскаго сраженія, отпало же очень много.

Было уже сказано, что куроны позвали къ себѣ на помощь литовцевъ. Тѣ явились, къ радости, говоритъ авторъ Рифмованной Хроники, куроновъ, и тотчасъ же заняли городокъ Сителисъ (Синтеркъ у Априкена?). Куроны отреклись отъ христіанства и начали дѣйствовать совмѣстно съ литовцами къ изгнанію нѣмцевъ.

Авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 5761—5812 разсказываетъ слѣдующій эпизодъ.

Одинъ злой куронецъ, нравъ котораго былъ жестокъ и сердце преисполнено желчи, по имени Утиліе, уже привыкшій къ измѣнѣ, поѣхалъ въ Гольдингенъ и тутъ началъ просить командора о присылкѣ помощи въ Вартдахъ. „Я живу, говорилъ онъ, какъ истинный христіанъ, желаю быть съ христіанами и умереть съ христіанами и съ женою и дѣтьми оставаться при тебѣ (т. е. быть подвластнымъ ордену)“. Командоръ послалъ на помощь въ Вартдахъ восемь человѣкъ рыцарей. Здѣсь рыцари были предательски схвачены, часть ихъ была сожжена, а другая изрублена въ куски. Спасся какимъ то чудомъ одинъ рыцарь, онъ и разсказалъ о гибели своихъ товарищей. Въ Орденской хроникѣ сказано, что всѣ плѣнные, взятые въ Дурбенскомъ сраженіи, были умерщвлены.

Вслѣдъ за занятіемъ Сителиса, литовцы заняли Георгенбургъ. Гарнизонъ этой крѣпости, видя отпаденіе отъ христіанства всѣхъ

окрестныхъ жителей и истощивъ всѣ съѣстные запасы, безъ боя покинулъ ее на произволъ судьбы и ушелъ въ Мемельбургъ. Точно также безъ боя была очищена недавно построенная крѣпость Добенъ. Такимъ образомъ вся южная часть Куроніи и вся Семигалія явились внѣ нѣмецкаго господства, но сѣверная часть Куроніи, защищаемая крѣпостями Виндавою, Ашермюнде, Дондангеномъ и Гольдингеномъ, осталась за нѣмцами.

Вступившій на іанскій престолъ въ концѣ 1254 г. по смерти Иннокентія IV, папа Александръ IV, получивъ извѣстіе о Дурбенскомъ пораженіи, отпаденіи отъ католичества Миндовга и о возстаніи въ Пруссіи и настоятельную просьбу ордена объ оказаніи помощи, въ сентябрѣ 1260 г. объявилъ крестовый походъ въ Ливонію, независимо отъ объявленнаго похода на татаръ (см. Бунге, Urkundenbuch, №№ 355 и 357). Нашествіе татарскаго баскака (воеводы) Бурундая на южную Русь и Польшу послужило поводомъ къ объявленію этого крестоваго похода.

Сверженіе татарскаго ига было завѣтною мечтою князя Даніила Галицкаго, но силы его княженія были слишкомъ слабы, чтобы противостоять Батыю и его многочисленнымъ кочевникамъ. Пришлось платить дань, но вотъ въ 1255 г. Батый умеръ; до свѣдѣнія Даніила дошли слухи, что въ Ордѣ возникли внутреннія неурядицы, и онъ потому рѣшился вступить въ открытую борьбу съ татарами. Ближайшимъ сосѣдомъ Даніила въ Приднѣпровьѣ былъ баскакъ Куремса, человѣкъ неспособный и нерѣшительный. Даніилъ и началъ съ 1257 года отнимать у него волынскіе города, находившіеся въ непосредственной власти татаръ. Первоначально Даніилъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, но дѣла перемѣнились, когда Золотая Орда досталась брату Батыеву, хану Беркаю, который отозвалъ изъ Приднѣпровья Куремсу и на его мѣсто воеводою назначилъ Бурундая, сподвижника Батыя. Въ 1258 г Бурундай съ полчищами татаръ вступилъ въ волынско-галицкія земли и обратился сперва на Литву. Опасность новаго татарскаго нашествія на католическія земли побудила папу Александра IV объявить 15 іюля 1258 г. крестовый походъ на татаръ. Объявленіе это осталось безъ всякихъ послѣдствій, никакого крестоваго похода на татаръ не состоялось. А между тѣмъ Бурундай потребовалъ у Даніила срытія всѣхъ укрѣпленій, коими города могли сильно задерживать и затруднять татарскіе набѣги. Пришлось разломать городскія стѣны во многихъ городахъ. Бурундай изъ Галицкаго княженія въ 1260 г. повелъ свои полчища на ляховъ, разгромилъ Люблинскую область, у Завихоста переправился чрезъ Вислу, взялъ штурмомъ Судоміръ, разорилъ Краковъ, всюду избивая людей безъ всякой пощады. Бурундай, однако, далѣе Кракова не пошелъ: онъ воротился въ южно-русскія степи, получивъ извѣстіе о войнѣ, возникшей между ханомъ Беркаемъ и Гулагу.

Даніилъ рано началъ дѣйствовать противъ татаръ и поплатился за то сильнымъ разореніемъ своего княженія. Ему пришлось снова признать себя татарскимъ данникомъ.

Ливонскій вице-магистръ Юрись Эйхштатскій, принявшій управленіе орденскими дѣлами, какъ было сказано выше (см. стр. 57), по смерти магистра Бурхарда Горнгаузенскаго, очень хорошо видѣлъ, какъ опасно для самаго существованія ордена оставлять литовцевъ распоряжаться и утверждаться въ куронскихъ и семигалльскихъ войскахъ, и потому созвалъ въ Ригу орденскихъ сановниковъ на совѣщаніе касательно дѣйствій противъ язычниковъ. Рѣшились сдѣлать походъ въ южную Куронію, чтобъ начать вновь завоеваніе этого края Собрали войско и подъ начальствомъ одного изъ орденскихъ братьевъ отправили по морскому прибрежью къ Гольдингену. Гольдингенскіе рыцари присовѣтовали орденскому войску ударить вмѣстѣ съ ними на ближайшій къ Гольдингену замокъ (городокъ) Сителисъ (Ситернъ), занятый литовцами Войско осадило замокъ; осаждающіе навалили дровъ въ крѣпостной ровъ и зажгли ихъ. Войско ворвалось въ замокъ, истребило литовцевъ и умертвило всѣхъ куроновъ поголовно, были пощажены лишь дѣти моложе 11 лѣтъ (см. Рифмованную Хронику, стихи 5840—5989). Ближайшій отсюда городокъ былъ Ассеботенъ (нынѣ Газенпотъ). Находившіеся здѣсь куроны сдались безъ сопротивленія, выдавъ дѣтей своихъ старшинъ заложниками. Орденское войско удовольствовалось разрушеніемъ Сителиса и взятіемъ заложниковъ съ Ассеботена и поворотило назадъ; гольдингенскіе рыцари со своими ратниками прибыли въ Гольдингенъ, а остальное войско прибыло въ Ригу. Очевидно рыцари считали рискованнымъ дѣломъ идти далѣе Газеннота, гдѣ и литовцы и куронскіе повстанцы могли оказать вторженію серьезное сопротивленіе. По всей вѣроятности, этотъ походъ происходилъ осенью или въ началѣ зимы 1260 года.

Литовцы не оставили этого вторженія безъ отплаты: въ началѣ 1261 г. они вступили въ Ливонію, сильно ограбили подвинскія земли и 3 февраля 1261 г. разбили орденское войско подъ Ленневарденомъ. Набѣгъ этотъ не имѣлъ никакихъ важныхъ послѣдствій: литовцы вышли изъ ливонскихъ предѣловъ, удовольствовавшись добычею, добрую часть которой они, пишетъ авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 6000—6098, предоставили своимъ богамъ въ благодарность за удачу набѣга.

Между тѣмъ въ Германіи шла проповѣдь крестоваго похода, объявленнаго папою осенью 1260 г., но видно сборамъ и отправленіямъ крестоносцевъ представлялись немалыя препятствія, если папа буллою отъ 11 января 1261 г. вынужденъ былъ пригрозить отлученіемъ отъ церкви всякаго, кто какимъ бы то ни было образомъ мѣшалъ крестовому походу; затѣмъ буллою отъ 4 февраля 1261 г. предписывалъ продолжать проповѣдь похода и наконецъ буллою отъ 8 апрѣля

1861 г. требовалъ въ виду новыхъ потерь, понесенныхъ тевтонскимъ орденомъ, чтобы крестоносцы, возложившіе на себя кресть противъ татаръ, шли въ Ливонію (см. UrkundenBuch Бунге, №№ 358, 359 и 360). Съ своей стороны ливонскій вице-магистръ Юрисъ обратился за помощью въ Любекъ, обѣщая (см. Бунге, UrkundenBuch, № 362), что каждый рыцарь, оруженосецъ и кнехтъ (солдатъ), прибывшіе въ Ливонію и желающіе поселиться тутъ, получатъ въ ленное владѣніе земельные участки отъ 40 до 60 саксонскихъ гуфовъ изъ земель избитыхъ или бѣжавшихъ куроновъ, крестьяне же, желавшіе заняться земленашествомъ, будутъ освобождены отъ податей въ теченіи шести лѣтъ.

Вице-магистръ не участвовалъ ни въ походѣ въ Куронію, ни въ сраженіи подъ Леневарденомъ, и въ то самое время когда литовцы вошли въ союзъ съ куронами и семигаллами и сдѣлали набѣгъ на Ливонію, вице-магистръ долженъ былъ спѣшить на островъ Эзель, гдѣ туземцы, чуть лишь услышали о результатахъ Дурбенскаго сраженія, какъ тотчасъ же возстали противъ своихъ господъ и отреклись отъ христіанства. Тутъ необходимо было принять самыя рѣшительныя мѣры противъ отпавшихъ, потому что возстаніе съ Эзеля легко могло перейти ко всѣмъ эстонцамъ, съ трудомъ удерживаемымъ въ повиновеніи датчанами въ сѣверной и нѣмцами въ южной эстонщинѣ. Авторъ Рифмованной Хроники, описывая въ стихахъ 6099—6320 походъ на Эзель, говоритъ, что вице-магистръ, по полученіи извѣстія о возстаніи на Эзелѣ, послалъ въ Ревель къ датскимъ королевскимъ мужамъ (вассаламъ) просить ихъ помощи противъ язычниковъ. Помощь была обѣщана. Тогда вице-магистръ разослалъ гонцовъ по орденскимъ замкамъ и землямъ ливовъ и латышей собираться ополченію. Было рѣшено сдѣлать походъ зимою, такъ какъ только зимою по льду было удобнѣе всего пройти войску на островъ. Зима 1260—1261 г. была очень суровая и проливъ, отдѣляющій Эзель отъ материка, покрылся такимъ прочнымъ льдомъ, что перейти чрезъ него на островъ изъ Эстляндіи не представляло никакой опасности. Орденское войско, составленное изъ датскихъ вассаловъ, орденскихъ братьевъ, епископскихъ дружинъ, присланныхъ епископами, крестоносцевъ, ливовъ и латышей, двинулось въ походъ. Эзельцы скоро узнали о предпринимаемомъ на нихъ походѣ, такъ какъ ихъ островъ, замѣчаетъ авторъ Рифмованной Хроники, лежитъ всего только въ двухъ миляхъ отъ материка (замѣчаніе это даетъ поводъ полагать, что орденское войско шло на Эзель тѣмъ же самымъ путемъ, какимъ шло нѣмецкое войско въ 1227 г. (см. томъ I, стр. 245), т. е въ Викъ и оттуда по льду на островъ Монъ. Разстояніе между деревнею Вердеромъ въ Викѣ и Мономъ дѣйствительно составляетъ двѣ мили).

По льду войско перешло на островъ и, раздѣлившись на отряды, пошло, по тогдашнему способу веденія войны, грабить, жечь и истре-

блять все встрѣчное. Много добычи собрало войско, больше же всѣхъ добыли латыши, ливы и эсты, которую и уложили въ свои сани. Затѣмъ войско подошло къ озилійскому городку Кармелю (это нынѣшняя деревня Кармель въ срединѣ Эзеля), взяло его штурмомъ, при чемъ всѣ защитники городка были умерщвлены, спаслись только немногіе. Тогда эзельцы, видя свое конечное разореніе и гибель, смирились и запросили мира. Миръ имъ былъ данъ на всей, конечно, волѣ вице-магистра: эзельцы обязались не отступать отъ христіанства, повиноваться своимъ госиодамъ и выдать въ томъ заложниковъ. Взявъ заложниковъ, вице-магистръ возвратился домой. Рѣдко когда орденское войско, замѣчаетъ авторъ Рифмованной Хроники, брало добычу такую большую, какую собрало съ Эзеля. Датскіе королевскіе люди пришли въ Ревель съ полными руками; епископскіе и орденскіе люди привезли съ собою полныя сани добычи.

Вице-магистръ съ орденскою братіею и крестоносцами, говоритъ авторъ Рифмованной Хроники, весело возвратился въ Ригу, потому, конечно, весело, что ему удалось подавить возстаніе на Эзелѣ. При тогдашнемъ положеніи ордена необходимо было не давать возстанію распространиться дальше въ земляхъ латышей и чуди, чтобъ имѣть возможность приступить къ новому покоренію южно-куронскихъ и семигалльскихъ земель, послѣ Дурбенскаго сраженія отпавшихъ оть нѣмецкаго господства, и имѣть развязанныя руки для борьбы съ литовцами, начавшей со времени отступничества Миндовга принимать характеръ, угрожавшій самому существованію ордена и нѣмцевъ въ Ливоніи.

Вице-магистръ Юрисъ управлялъ орденскими дѣлами очень не долго. За ранами и болѣзнью, сказано въ Орденской хроникѣ (гл. 238), онъ удалился отъ своей должности; на его мѣсто въ срединѣ 1261 г. прибылъ изъ Германіи *Вернеръ Брейтгаузенскій*, назначенный въ должность ливонскаго магистра великимъ магистромъ тевтонскаго ордена, которымъ въ то время былъ Анно Зангерсгаузенскій, тотъ самый, который былъ ливонскимъ магистромъ въ 1254—1257 г. (см. выше стр. 43). Новый магистръ засталъ орденскія дѣла въ Ливоніи не въ блистательномъ видѣ. Правда, Эзель былъ усмиренъ и возстаніе не перешло къ чуди, тѣмъ не менѣе орденскія силы были слишкомъ слабы, чтобы возстановить нѣмецкое господство въ отпавшихъ отъ христіанства земляхъ куроновъ и семигалловъ, ожидать же помощи отъ тевтонскаго ордена изъ Пруссіи нельзя было, потому что тамъ шла ожесточенная борьба съ возставшими пруссами, а тутъ пришла вѣсть, что Миндовгъ готовитъ нападеніе на самую Ливонію. Нападеніе дѣйствительно состоялось. Миндовгъ, разсказываетъ авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 6461—6470, отправилъ пословъ къ русскому королю (an den konic zu rusen lant), которые, по возвращеніи, сказали ему, что русскіе рады перемѣнѣ его чувствъ (die rusen

werden vro, das sin gemute stunt also, полагать надобно его отреченію отъ католичества). Затѣмъ пришли къ Миндовгу и русскіе послы, обѣщая ему сильную помощь (helfe gros) со стороны русскихъ, вслучаѣ его, конечно, вторженія въ Ливонію. Условились, къ какому именно времени должно было произойти это вторженіе. Въ Рифмованной Хроникѣ не означено этого времени, сказано только (стихи 6471—6513), что когда наступилъ условленный день, то Миндовгъ со своимъ родственникомъ Тренятою (княземъ жмудскимъ) двинулся съ большимъ войскомъ на Ливонію. Цѣль похода была, говоритъ авторъ Рифмов. Хрон., разорить землю божіихъ рыцарей въ Ливоніи и истребить народъ ихъ (al der gottes rittere lant zu letten und zu nieflant verwusten und verterben und ouch ir volc ersterben). Надобно полагать, что Миндовгъ выступилъ въ походъ зимою 1261—1262 г., въ обычное для тогдашнихъ набѣговъ время, когда рѣки и болота замерзаютъ. Онъ надѣялся, что русскіе придутъ во время, надѣялся и на слова Треняты (см. выше стр. 56), что ливы и латыши при первомъ появленіи литовцевъ отрекутся, подобно куронамъ и семигалламъ, отъ христіанства и пристанутъ къ литовцамъ для истребленія нѣмцевъ, но всѣ надежды и расчеты Миндовга оказались тщетными. Онъ подошелъ къ Вендену, думалъ тутъ встрѣтить русскихъ, но русскіе не пришли, думалъ, что ливы и латыши поднимутся на своихъ господъ, но никакого возстанія не произошло.

Видя, что ни русскихъ, ни возстанія туземцевъ нѣтъ, Миндовгъ выступилъ изъ Ливоніи и возвратился въ свою землю. Орденъ (Божіи рыцари, какъ ихъ постоянно называетъ Рифмованная Хроника) и вообще нѣмцы съ выступленіемъ Миндовга избавились отъ величайшей опасности, ибо съумѣй только Миндовгъ и русскіе придать единство своимъ дѣйствіямъ и поднять туземцевъ, то отъ нѣмецкаго господства въ Ливоніи, потрясеннаго въ основаніи Дурбенскимъ пораженіемъ, не осталось бы и слѣдовъ, но въ томъ-то и дѣло, что такого единства не было и не могло еще быть, а это и спасло орденъ и католичество въ Ливоніи.

Авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 6514—6586 разсказываетъ, что Миндовгъ на вопросъ своей жены, Маріы, о причинахъ печали, съ какой онъ воротился съ похода, отвѣтилъ, что его печалитъ неисполненіе всего того, что онъ ожидалъ: Тренята обѣщалъ, что латыши пристанутъ, они не пристали; русскіе не пришли, не смотря на заключенный съ ними по просьбѣ Треняты же союзъ. Тогда Марѳа замѣтила своему мужу, что онъ напрасно уклонился отъ католичества и норвалъ связи съ орденскимъ магистромъ, напрасно слушаетъ такую обезьяну, какъ Тренята, который предастъ его. Миндовгъ отвѣтилъ на это: „Нравится-ли тебѣ или нѣтъ, но я бросилъ христіанство, норвалъ съ магистромъ и обратился въ язычество. Возвращаться въ католичество теперь поздно. Потому, жена, молчи теперь.

Будь что будетъ, а я послѣдую указаніямъ Треняты и жмудиновъ. Знаю, что поступилъ неразумно, но твоимъ наставленіямъ теперь конецъ".

Происходилъ-ли такой разговоръ или нѣтъ, выдуманъ-ли онъ или не выдуманъ — сказать трудно, но что онъ могъ происходить въ разсказанномъ смыслѣ, то въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться. Жена Миндовга была противъ отпаденія его въ католичество, слѣд. и противъ разрыва его съ тевтонскимъ орденомъ и противъ тѣсныхъ связей съ Тренятою и жмудинами. Неудивительно потому, что она старалась отвратить своего мужа отъ язычества, навлечь подозрѣнія въ измѣнѣ Треняты (подозрѣнія, впрочемъ, скоро оправдались), но Миндовгъ уже и слышать не хотѣлъ о возвращеніи на прежній путь союза съ орденомъ, союза, теперь ему и не нужнаго и не обѣщавшаго впредь никакой пользы. Война съ орденомъ, напротивъ, открывала виды на большія выгоды: южные куроны и семигаллы уже отложились отъ католичества, уже призвали къ себѣ литовцевъ, въ перспективѣ виднѣлись отложенія отъ католичества и латышей и ливовъ и слѣд. дальнѣйшее распространеніе власти и силы литовскаго князя, потому и неудивительно, что Миндовгъ велѣлъ молчать женѣ и рѣшился продолжать борьбу съ орденомъ.

Новый ливонскій магистръ Вернеръ очень хорошо видѣлъ, на сколько опасенъ Миндовгъ нѣмецкому господству въ Ливоніи, и потому заботился всячески не давать ему возможности укрѣпиться въ южной Куроніи. Какъ только Миндовгъ отступилъ отъ Вендена и вышелъ изъ Ливоніи, Вернеръ распорядился занять всѣ дороги въ южную Куронію. За болѣзнью онъ не могъ самъ идти въ походъ и потому поручилъ предводительство надъ войскомъ одному изъ орденскихъ братьевъ. Войско прошло морскимъ побережьемъ къ Гольдингену и тогда вмѣстѣ съ гольдингенскими рыцарями и ратниками направилось на куронскій городокъ Лазенъ. Городокъ былъ взятъ штурмомъ и сожженъ. Такая же участь постигла городокъ Меркесъ. Куроны сдали его рыцарямъ послѣ перваго штурма и получили за то свободный выходъ. Городокъ этотъ былъ сожженъ до тла (городки Лазенъ и Меркесъ находились между нынѣшнимъ Газеннотомъ и Гробиномъ, городковъ этихъ въ настоящее время нѣтъ и слѣдовъ). Сдался безъ боя городокъ Гробинъ, (см. Рифмованную Хронику стихи 6780—6890), также сожженный послѣ выхода изъ него жителей. Удовольствовавшись истребленіемъ трехъ городковъ, орденское войско возвратилось въ Ригу, а гольдингенскіе рыцари продолжали малую войну въ южной Куроніи съ куронами и литовцами съ перемѣннымъ счастьемъ въ теченіи всего 1262 г.

Не бездѣйствовали въ это время и орденскіе рыцари, находившіеся въ Мемельбургѣ. Они сдѣлали походъ къ куронской границѣ, къ литовскому городку Кретенену (нынѣ Кретингенъ въ трехъ миляхъ отъ Мемеля), жители котораго часто тревожили Мемель, часто прихо-

дили, какъ выражается авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 6963—7058, къ воротамъ Мемельскаго замка, чтобъ обмѣняться копьями съ рыцарями. Первый походъ рыцарей на Кретененъ былъ неудаченъ для ордена. Язычники не только отбили штурмъ, умертвили двухъ рыцарей и не мало простыхъ ратниковъ, но захватили въ плѣнъ самого командора, предводительствовавшаго войскомъ, съ другимъ рыцаремъ Конрадомъ Виртинкомъ. Командора язычники сожгли, а рыцарю впослѣдствіи удалось какими-то судьбами высвободиться изъ плѣна Мемельскіе рыцари не оставили безъ отмщенія своего пораженія: собрались вторично, выслали отрядъ подъ Кретененъ, а сами построились въ засадѣ. Язычники, разсказываетъ авторъ Рифмованной Хроники, вышли изъ городка и ударили на появившійся отрядъ. Тотъ началъ отступать и навелъ такимъ образомъ язычниковъ на засаду. Язычники бросились бѣжать въ городокъ, по слѣдамъ за ними ворвались и рыцари. Тогда началось поголовное избіеніе всѣхъ жителей городка; рыцари не пощадили женщинъ и дѣтей, забрали съ собою все, что было можно увезти, и затѣмъ сожгли городокъ.

Разоривъ до тла Кретененъ, рыцари овладѣли городкомъ Ампиле (нынѣ деревня Импельтъ на курляндской границѣ) и затѣмъ простирали свои набѣги въ жмудскія земли до нынѣшнихъ Шавель.

Съ тѣхъ поръ язычниковъ, пишетъ авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 7059—7090, часто видѣли около Мемеля, при чемъ они опустошали страну, и орденская братья должна была отбиваться отъ нихъ, и еслибъ Господь не сохранилъ рыцарей своимъ могуществомъ, то не оставаться бы имъ тамъ. Долго тутъ около Мемеля кипѣла война, но Мемель все таки удержался Божіею помощію во многихъ нуждахъ, во время которыхъ было убито много героевъ.

Въ то самое время, когда орденское войско находилось въ Куроніи и жгло тамъ куронскіе городки между нынѣшними Газенпотомъ и Гробиномъ, жмудскій князь Тренята предпринялъ отдаленный походъ. Онъ, пишетъ авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 6891—6950, по тропинкамъ и окольнымъ путямъ пробрался до самаго Вика и страшно ограбилъ и выжегъ эту страну. Сопротивленія нигдѣ не было, потому что войска находились въ Куроніи. Магистръ Вернеръ больной лежалъ въ Ригѣ, онъ разослалъ гонцовъ въ Зегевольдъ и др. замки за помощью. Въ Ригу прибыли ратники и вмѣстѣ съ рижскими горожанами стали подъ Динаминдомъ въ ожиданіи Треняты, который возвращался домой, по всей вѣроятности, по морскому прибрежью. Вскорѣ послѣ праздника Срѣтенія (2 февраля 1263 г.) ночью Тренята подошелъ къ Динаминду, здѣсь ночью же произошло сраженіе, для ордена неудачное: литовцы пробились и съ добычею безнаказанно воротились домой

Если Тренята могъ сдѣлать такой отдаленный походъ, не встрѣтивъ нигдѣ серьезнаго сопротивленія, то это одно уже показываетъ,

что силы ордена въ Ливоніи въ то время были незначительны и Миндовгъ одинъ доконалъ бы его съ тѣмъ большею легкостію, что ордену нельзя было много расчитывать ни на помощь великаго магистра, ни на прибытіе многихъ крестоносцевъ. Затруднительность положенія усиливалась и частою смѣною магистровъ. Магистръ Вернеръ вскорѣ послѣ битвы подъ Динаминдомъ былъ раненъ однимъ орденскимъ братомъ, страдавшимъ умопомѣшательствомъ. Рана была на столько опасна, что сами орденскіе братья совѣтовали ему ѣхать лечиться въ Германію. Онъ такъ и сдѣлалъ: уѣхалъ изъ Риги и просилъ великаго магистра Анно Зангергаузенскаго уволить его отъ должности ливонскаго магистра. Анно согласился на просьбу и ливонскимъ магистромъ на мѣсто Вернера былъ избранъ орденскій братъ *Конрадъ Мандернскій*, по прозванію *Медемъ*. Онъ вступилъ въ управленіе орденскими дѣлами въ срединѣ 1263 года въ убѣжденіи, что Миндовгъ не оставитъ Ливонію въ покоѣ, но тутъ почти одновременно съ прибытіемъ въ Ригу Конрада въ самой Литвѣ произошло неожиданное событіе, измѣнившее весь ходъ дѣлъ въ пользу ордена: Миндовгъ былъ убитъ своими же родичами.

Истребленіемъ и изгнаніями удѣльныхъ литовскихъ князьковъ Миндовгъ вооружилъ противъ себя даже своихъ ближайшихъ родственниковъ, которые никакъ не могли расчитывать на свою безопасность со стороны коварнаго и нимало не стѣснявшагося средствами для достиженія своихъ цѣлей Миндовга. Слѣдующимъ поступкомъ онъ ускорилъ свою гибель. У него, по всей вѣроятности, въ концѣ 1262 г. умерла его жена, Марѳа, о которой было уже упоминаемо выше. Онъ послалъ звать на похоронные обряды ея сестру, бывшую замужемъ за Довмонтомъ (въ то время еще язычникомъ), удѣльнымъ княземъ Нальщанскимъ. Когда она пріѣхала, Миндовгъ сказалъ ей: „Сестра твоя, умирая, велѣла мнѣ жениться на тебѣ, чтобъ другая дѣтей ея не мучила“, и женился на свояченицѣ. Довмонтъ озлобился за такое оскорбленіе на Миндовга и началъ искать случая отмстить за обиду. Онъ тайно вступилъ въ заговоръ съ княземъ жмудскимъ Тренятою и его братомъ Тевтивиломъ, княземъ Полоцкимъ, которые были непрочь избавиться отъ Миндовга. Лѣтомъ 1263 г. Миндовгъ послалъ всѣ свои войска за Днѣпръ на князя Романа Брянскаго, съ которымъ у него были споры за нѣкоторыя полоцкія и смоленскія земли. Довмонтъ Нальщанскій долженъ былъ также идти въ этотъ походъ. На дорогѣ онъ объявилъ другимъ вождямъ, что волхвы предсказываютъ ему дурное, и потому онъ не можетъ продолжать похода. Возвратившись со своею дружиною въ свое княжество, Довмонтъ отправился ко двору Миндовга, засталъ его въ расплохъ и умертвилъ вмѣстѣ съ двумя его сыновьями. Тренята, вѣроятно вслѣдствіе договора съ Довмонтомъ, оставаясь княземъ въ Жмуди, сталъ княжить и въ Литвѣ на мѣстѣ Миндовга. Онъ послалъ къ Тевтивилу Полоцкому сказать: „пріѣзжай, раздѣлимъ землю и все имѣніе Миндовгово“. Братья перессорились изъ за дѣлежа: Тевтивилъ сталъ думать, какъ бы убить Треняту, а Тренята — какъ бы отдѣлаться отъ Тевтивила. Какой-то полоцкій бояринъ Проконій донесъ Тренятѣ о замыслахъ своего князя и Тренята предупредилъ брата, убилъ его и сталъ княжить одинъ, но не долго накняжилъ: четверо конюшихъ Миндовга, мстя смерть своего господина, напали на Треняту, когда онъ мылся въ банѣ, и умертвили его.

Такимъ образомъ въ живыхъ остался одинъ сынъ Миндовга, православный монахъ Войшелкъ. Характеръ и жизнь этого Войшелка очень замѣчательны. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ XIII ст. Миндовгъ предоставилъ ему въ удѣлъ часть Новогородской земли съ городами Слонимомъ и Волковыйскомъ. Жестокъ былъ Миндовгъ, но Войшелкъ былъ просто свирѣпъ. Сталъ онъ, говоритъ Волынскій лѣтописецъ, княжить въ Новгородѣ, будучи въ поганствѣ, и началъ проливать крови много: убивалъ всякій день по три, по четыре человѣка; въ который день не убивалъ никого, былъ печаленъ, а какъ убьетъ кого, такъ и развеселится. Но вотъ пронеслась вѣсть, что Войшелкъ принялъ православіе и бросилъ княженіе. Вѣсть оказалась совершенно вѣрною: Войшелкъ дѣйствительно принялъ православіе, совершенно измѣнилъ свое поведеніе и въ 1255 г. помирилъ своего отца съ волынско-галицкими князьями. Самъ Войшелкъ послѣ того удалился въ Полонинскій монастырь, здѣсь постригся въ монахи, и отправился наломникомъ на Аоонъ. Смуты на Балканскомъ полуостровѣ не дозволили ему совершить это путешествіе: онъ воротился домой и близь Новогородка на рѣкѣ Нѣманѣ основалъ собственный монастырь, гдѣ и проживалъ въ уединеніи до 1263 г. Узнавъ о гибели своего отца, онъ изъ монастыря бѣжалъ въ Пинскъ и, услыхавъ, что и Тренята убитъ, снялъ съ себя монашеское платье, собралъ воинскую дружину и съ нею прибылъ въ Литву, гдѣ съ радостію былъ припятъ отцовскими приверженцами. Онъ сталъ княжить во всей земли литовской, говоритъ лѣтописецъ, и началъ избивать своихъ враговъ, и иеребилъ ихъ безчисленное множество, а другіе разбѣжались. Съ помощью зятя своего Шварна Даниловича и дяди его Василька Романовича, котораго назвалъ своимъ отцомъ и господиномъ, Войшелкъ поотбиралъ у своихъ враговъ города, однихъ враждебныхъ себѣ князей умертвилъ, другіе бѣжали сами, опасаясь свирѣпаго мщенія бывшаго монаха. Бѣжалъ со своею дружиною и Довмонтъ князь Нальщанскій: онъ прибылъ въ Псковъ, принялъ здѣсь православіе и, нареченный въ крещеніи Тимофеемъ, до того полюбился псковичамъ своею отвагою и воинскою доблестью, что они скоро возвели его на псковскій столъ княземъ. Князь Довмонтъ явился ожесточеннымъ врагомъ нѣмцевъ и своихъ земляковъ литовцевъ и премного отличился своими ратными подвигами, о которыхъ будетъ рѣчь ниже.

Неожиданная смерть Миндовга не только избавила ливонскій орденъ и вообще всѣхъ нѣмцевъ отъ большой опасности, но и совершенно измѣнила отношенія ордена къ Литвѣ. Войшелкъ, считая свою власть въ Литвѣ не прочно утвердившеюся и воюя съ своими врагами, никакъ не хотѣлъ продолжать по отношенію къ ордену политику своего отца, напротивъ желалъ находиться съ орденомъ въ мирѣ, чтобъ не имѣть противъ себя лишняго врага. Съ цѣлію примиренія съ орденомъ, онъ, освободилъ, какъ пишетъ авторъ Рифм. Хрон. въ стихахъ 7121—7208, всѣхъ плѣнныхъ католиковъ, находившихся въ Литвѣ, и прислалъ къ магистру посла съ просьбою о помощи.

Ничто такъ не соотвѣтствовало видамъ ордена на покореніе Куроніи и Семигалліи какъ примиреніе и союзъ съ русско-литовскимъ княземъ. Миндовгъ и Тренята уже показали ордену, сколь далеко они могутъ простирать свои набѣги въ Ливоніи; орденская братія уже два раза испытала отъ литовскихъ ратниковъ самыя сильныя пораженія (въ

Саульской землѣ и подъ Дурбеномъ) и очень хорошо видѣла, что пока куроны и семигаллы будутъ поддерживаемы литовцами, до тѣхъ поръ нѣмцамъ невозможно будетъ сѣсть прочно въ лѣво-бережныхъ двинскихъ земляхъ. Вотъ почему новый магистръ Конрадъ отъ души порадовался, какъ пишетъ авторъ Рифмованной Хроники, извѣстію о совершившемся въ Литвѣ и рѣшился помочь Войшелку, расчитывая, что, помогая Войшелку, онъ отвлечетъ литовцевъ отъ союза съ куронами и семигаллами, а этого только и нужно было, чтобъ отставшихъ отъ католичества язычниковъ снова покорить нѣмецкому господству. Магистръ разослалъ гонцовъ къ командорамъ и фохтамъ, чтобъ они со своими ратниками собрались въ Ригу къ назначенному сроку для похода въ Литву. Войско собралось, но тутъ, вѣроятно въ концѣ 1263 г., отъ Войшелка прибыли къ магистру новые послы съ извѣстіемъ, что Войшелкъ покончилъ со своими врагами, что литовцы присягнули ему и что онъ не нуждается уже въ помощи ордена, но желаетъ находиться въ дружбѣ и союзѣ съ нимъ. Конрадъ вслѣдствіе этого отправилъ въ Литву своихъ пословъ, конечно, къ цѣлію укрѣпить дружественныя сношенія съ Войшелкомъ, но не хотѣлъ, чтобъ собранное войско разошлось по домамъ безъ всякаго похода и ничего не сдѣлавъ. Отправивъ пословъ къ Войшелку, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ отправилъ 500 всадниковъ въ Гольдингенъ, чтобы они, соединившись съ тамошними рыцарями и ратниками, шли въ южную Куронію разорять куронскіе городки и вновь покорять ордену отпавшихъ отъ католичества южныхъ куроновъ.

Здѣсь мы прервемъ на время разсказъ о дальнѣйшихъ походахъ орденской братіи на покореніе Куроніи и Семигалліи и изложимъ, что дѣлалось въ правобережныхъ двинскихъ земляхъ Ливоніи и датской Эстоніи въ то время, когда происходили описанныя въ этой главѣ событія въ земляхъ нынѣшней Курляндской губерніи.

IV. Датская Эстонія, орденъ и Новгородская Русь до Кегольской (Магольской) битвы.

(1237—1269).

Составныя части датской Эстоніи. — Возстановленіе Ревельскаго епископства. — Король Эрихъ V и его преемники. — Война съ Новгородскою Русью нѣмцевъ. — Нападеніе шведовъ. — Союзъ новгородцевъ съ Миндовгомъ — Осада Юрьева. — Прибытіе князя Довмонта въ Псковъ. — Походъ на датскую Эстонію. — Кегольское сраженіе. — Замиреніе съ датскою Эстоніею и орденомъ.

Источники: Рифмованная Хроника.
1-я Новгородская лѣтопись.
Сочиненіе Бунге: Das Herzogthum Estland unter den Königen von Dänemark. Гота, 1877 г.
Сборникъ документовъ Бунге.

Мы видѣли, что по Стенбійскому договору (см. томъ I, 207), заключенному 7 іюня 1238 г., земли нынѣшней Эстляндской губерніи, находившіяся съ 1228 г. во владѣніи мечносцевъ, должны были отойти подъ власть датскаго короля Вальдемара II. По смыслу этого договора (см. Бунге, Urkundenbuch № 160) уступленныя королю Вальдемару II эстонскія земли не составили какую либо часть священной Римской имперіи, не составили и датскую провинцію, а явились самостоятельною территоріею, властителемъ которой былъ король датскій, къ титулу котораго „Danorum Slavorumque rex“ присовокупились сперва „dominus“ (господинъ), а потомъ „dux“ (герцогъ) Estoniae. Земли эти, прилегая къ сѣверу къ Финскому заливу, съ востока къ рѣкѣ Нарвѣ и Пейпускому озеру, съ юга граничили съ епископствомъ Дерптскимъ и орденскими областями Ервеномъ и Сакалою, а съ запада частію съ орденскою землею, а частію съ землею Викъ (Maritima), принадлежавшею къ эзельскому епископству, и дѣлились на три главныя части: Гаррія, Ревель и Виронія. Впослѣдствіи Гаррія и Ревель слились въ одну часть, называвшуюся то Эстоніею, то Гарріею, то Ревеліею. Части эти назывались землями (terrae) или провинціями и въ свою очередь подраздѣлялись на меньшіе округа, изъ которыхъ каждый распадался еще на меньшія части, называвшіяся килегундами (эстонское слово Kilegunde, Kelichonta, Kihlakond, Kihhelacnd, Kihhelkund соотвѣтствуетъ кирхшпилю, приходу). По кадастровой книгѣ Ревельской епархіи (Liber census Daniae), составленной въ 1240—1242 г., въ Вироніи числилось 5 килегундъ съ 3000 унковъ земли, въ Ревеліи 3 килегунды съ 1600 унками земли и въ Гарріи 3 килегунды съ 1200 унками земли.

Для выполненія условій Стенбійскаго договора папскій легатъ

Вильгельмъ Моденскій, сопровождаемый, по всей вѣроятности, орденскимъ магистромъ Германомъ Балкомъ, совмѣстно съ которымъ онъ ѣздилъ къ королю для заключенія этого договора, прибылъ въ Ревель и здѣсь совершилъ передачу Ревельскаго замка и земли королю. Нѣтъ сомнѣнія, что въ то же самое время король Вальдемаръ II назначилъ для управленія дѣлами переданной ему земли своего намѣстника, который первоначально имѣлъ титулъ префекта ревельскаго (praefectus Revaliae), а съ 1250 г. королевскаго капитана (Capitaneus regis, königlicher Hauptmann), а также фохтовъ (advocati, судьи). Съ передачею земли королю и всѣ вассалы оной, называвшіеся королевскими мужами (homines regis), переходили подъ главенство короля и его намѣстника.

Какъ происходила передача и что происходило въ Ревелѣ во время этой передачи, кто былъ первымъ намѣстникомъ и первыми фохтами датской Эстоніи — остается неизвѣстнымъ за отсутствіемъ документовъ и данныхъ на этотъ счетъ. Единственный документъ, относящійся ко времени передачи и дошедшій до насъ, есть распоряженіе легата Вильгельма отъ 1 августа 1238 г. (см. Бунге Urkundenbuch VI, Reg. № 181, a), коимъ подъ страхомъ отлученія отъ церкви воспрещается всякое самоуправство и нарушеніе мира и предписывается спорящимъ сторонамъ отыскивать свои права предъ судомъ, т. е. передъ фохтами и ихъ помощниками, называвшимися офиціалами (officiales). Изъ этого распоряженія легата имѣемъ право заключить, что во время передачи возникли споры между властителями земли, между королевскими мужами, преобладающее большинство которыхъ были не датчане, а нѣмцы, какъ это было уже замѣчено (см. томъ I, стр. 340). Споры, конечно, шли о ленахъ, о земельныхъ участкахъ, но, ссорясь между собою дома, королевскіе мужи жили въ большихъ ладахъ съ орденомъ и охотно являлись на призывъ магистра къ войнамъ противъ язычниковъ и противъ русскихъ. Такъ мы видѣли уже, что королевскіе мужи участвовали въ войнахъ съ Новгородскою Русью, участвовали, подъ предводительствомъ сыновей короля Вальдемара II, Канута и Авеля, въ сраженіи подъ Изборскомъ и взятіи Пскова (см. т. I, стр. 352), видѣли также, съ какою готовностію они являлись на походы въ земли нынѣшней Курляндской губерніи, привлекаемые сюда, конечно, надеждою на грабежъ и добычи, ибо никакихъ земельныхъ участковъ они тутъ не получили, на полученіе вовсе и не претендовали, а о распространеніи и утвержденіи католичества между язычниками заботились такъ же мало, какъ и орденская братія, для которой католичество было лишь предлогомъ къ полученію даней и обложенію всякаго рода повинностями новокрещенныхъ.

Съ передачею орденомъ Вироніи, Ревеліи и Гарріи подъ власть датчанъ могло совершиться и возстановленіе Ревельскаго епископства.

Такое возстановленіе и приписка земель на содержаніе его совершились 15 сентября 1240 г. (см. Бунге, Urkundenbuch № 166).

Получивъ во владѣніе земли нынѣшней Эстляндской губерніи, король Вальдемаръ II, лишившійся, какъ мы видѣли, всѣхъ своихъ владѣній въ Германіи, задумалъ вознаградить себя пріобрѣтеніями русскихъ земель и съ этою цѣлію составилъ планъ крестоваго похода въ Эстонію на борьбу съ язычниками и русскими въ надеждѣ поживиться на счетъ Новгородской Руси. Планъ его былъ одобренъ папою Григоріемъ IX, который буллою отъ 14 декабря 1240 г. (см. Бунге, Urkundenbuch № 167) предписалъ архіепископу Лундскому проповѣдывать крестовый походъ въ Эстонію и предоставлять крестоносцамъ такое же папское прощеніе грѣховъ (индульгенціи), какое предоставляется крестоносцамъ, отправляющимся въ Палестину. Походъ этотъ, однако, не состоялся. Король Вальдемаръ II кончилъ свою тревожную жизнь 28 марта 1241 года и на датскій престолъ вступилъ его сынъ Эрихъ V, по прозванію Плогпеннигъ (Plogpenning — плужный пенязь, подать, введенная этимъ королемъ съ плуга пахатной земли: названіе подати перешло къ прозванію короля). Немедленно же по вступленіи его на престолъ начались распри и усобицы между нимъ и его братьями, Авелемъ и Христофомъ, усобицы до того сильныя, что королю ужъ было не до крестоваго похода на Новгородскую Русь. Между тѣмъ въ 1242 г. эстонскій королевскій намѣстникъ и орденскій магистръ отправили посла въ Данію съ просьбою, чтобъ король прибылъ на помощь въ Эстонію противъ князя Александра Ярославича Невскаго, который вторгся въ орденскія владѣнія, отнялъ у нѣмцевъ Псковъ и угрожаетъ Эстоніи. Король, вслѣдствіе этой просьбы, заключилъ перемиріе съ братомъ Авелемъ и совмѣстно съ нимъ началъ готовиться къ походу на новгородцевъ, но приготовленія шли очень медленно, такъ что только въ 1244 г. королевское войско могло сѣсть на корабли для отплытія въ Эстонію. Войско приготовилось было садиться на корабли въ Иштадѣ, но тутъ прибыло новое посольство съ извѣщеніемъ, что нѣмцы и датчане помирились съ новгородцами (см. томъ I, стр. 357), и потому королевской помощи уже не требуется. Походъ такимъ образомъ не состоялся, но Эрихъ V, однакоже, послалъ нѣсколько войска въ Эстонію для занятія пограничныхъ крѣпостей (см. Арильда Гвитфельда Danmarkis Rigis Kroniсke, стр. 212 и др. датскія лѣтописи).

Преемникъ папы Григорія IX, Иннокентій IV, возобновилъ въ 1245 г. (см. буллу отъ 20 февраля 1245 г. въ Urkundenbuch Бунге подъ № 183) проповѣдь на крестовый походъ противъ Новгородской Руси и въ 1247 г. разрѣшилъ (см. буллу отъ 26 ноября 1247 г. тамъ же подъ № 195. а) королю Эриху обращать на военныя надобности крестоваго похода третью часть духовной десятины, взимаемой съ земель Лундскаго архіепископства, но ни изъ проповѣдей, ни

изъ этого разрѣшенія ничего не вышло: никакого крестоваго похода не состоялось, вслѣдствіе внутреннихъ усобицъ въ Даніи, а поступившія отъ духовной десятины деньги король употребилъ на другія надобности.

Папа Иннокентій IV много старался о подчиненіи русско-православной церкви папской власти (см. выше стр. 35). Отправляя Плано Карпини къ хану, онъ писалъ ко всѣмъ русскимъ князьямъ приглашеніе къ уніи съ латинствомъ, и мы видѣли уже, что его хлопоты были не совсѣмъ безуспѣшны. Даніилъ Романовичъ князь Галицкій подался было на унію, князь русско-литовскій Миндовгъ принялъ было католичество, но всѣ эти успѣхи были слишкомъ ничтожны, чтобъ римская курія могла удовлетвориться ими. Сосѣдняя съ Ливоніею Новгородская Русь и слышать не хотѣла объ уніи съ Римомъ, хотя папы неоднократно пытались завести сношенія съ русскими князьями именно объ уніи (см. томъ I, 346). Иннокентій IV послѣдовалъ примѣру своихъ предшественниковъ и обратился къ Александру Невскому съ письмомъ (см. Historica Russiae Monumenta I, № 78), въ которомъ уговаривалъ Александра обратиться къ Римской церкви по примѣру его отца Ярослава, который будто-бы, по свидѣтельству Плано Карпини, обратился въ латинство, находясь въ главной ордѣ у верховнаго хана Гаюка. Неизвѣстно, откуда взялъ папа свѣдѣніе о припятіи Ярославомъ католичества, Плано Карпини въ своихъ запискахъ не упоминаетъ о томъ ни слова, да и не было ни малѣйшей нужды Ярославу измѣнять православію: онъ точно въ 1245 г. ѣздилъ въ Монголію, былъ въ 1246 г., по возведеніи на престолъ Гаюка, отпущенъ домой, но умеръ въ ордѣ, отравленный, какъ пишетъ Карпини по слухамъ, матерью Гаюка. Папа присылалъ къ Александру и особое посольство. Такъ въ Софійской первой лѣтописи (см. П. С. Р. Л. V, 187) отмѣчено, что къ князю Александру Ярославичу прибыли однажды папскіе послы изъ великаго Рима и сказали князю: „Такъ молвитъ папа нашъ: слышали мы про тебя, князь, честна и дивна земля твоя; сего ради мы прислали къ тебѣ отъ 12 кардиналовъ двухъ хитрѣйшихъ — Галда и Гемонта — да послушаешь ученія нашего.“ Великій же князь Александръ, посовѣтовавшись съ мудрецами своими (т. е. съ духовенствомъ и боярами) и описавъ событія отъ Адама до седьмаго вселенскаго собора, сказалъ: „Все это мы свѣдаемъ добре, а отъ васъ ученія не принимаемъ“, Они же, говоритъ лѣтописецъ, возвратишася во свояси.

Когда именно было это посольство — въ лѣтописи не указано; съ нѣкоторою вѣроятностію можно предполагать, что письмо Иннокентія IV было писано по возвращеніи Плано Карпини изъ Азіи, а посольство было отправлено, быть можетъ, послѣ коронованія Миндовга и послѣ коронованія Даніила Галицкаго. Во всякомъ случаѣ и письмо и посольство служатъ доказательствомъ настоятельныхъ усилій римской куріи подчинить себѣ русско-православную церковь, усилій, не прекращавшихся даже до новѣйшаго времени.

Какъ только усобицы стихли, король Эрихъ V созвалъ сеймъ въ Роскильдѣ и тутъ поднялъ рѣчь о походѣ въ Эстонію. Сеймъ согласился и на походъ и на подать отъ плуга (Plogpenning), но введеніе подати этой вызвало такія безпокойства, что ихъ приходилось подавлять силою, и походъ не состоялся. Имѣются, впрочемъ, извѣстія, что король, по всей вѣроятности, весною 1249 г., съ войскомъ прибылъ въ Эстонію, но никакихъ военныхъ дѣйствій не предпринималъ.

По возвращеніи въ Данію, онъ былъ тамъ убитъ 10 августа 1250 г. и на датскій престолъ вступилъ его братъ Авель, принимавшій участіе въ этомъ убійствѣ. Онъ пробылъ королемъ не долго. Для выкупа заложенныхъ городовъ, онъ наложилъ чрезвычайную подать; датчане заплатили, но сѣверные фризы, обитавшіе въ Шлезвигѣ, воспротивились новому налогу. Король думалъ силою покорить непокорныхъ, собралъ войско и напалъ на фризовъ лѣтомъ 1252 г. Фризы истребили королевское войско и умертвили короля.

Король Авель, желая упрочить свою власть въ Эстоніи, грамотами отъ 8 августа 1251 г. подтвердилъ Стенбійскій договоръ съ орденомъ и отрекся отъ всѣхъ притязаній и правъ на Эзель, Викъ, Ервенъ, Алемпоисъ, Нурмегунде и др., какія имѣли на эти земли его отецъ и братъ, короли Вальдемаръ II и Эрихъ V (объ грамоты эти см. въ Urkundenbuch Бунге подъ №№ 228 и 229). Въ грамотахъ этихъ, впрочемъ, не объяснено, какія именно притязанія имѣлъ на названныя земли Эрихъ V; подъ претензіями же Вальдемара II надобно, конечно, разумѣть тѣ, какія дѣйствительно король этотъ имѣлъ до заключенія Стенбійскаго договора.

О гибели короля Авеля дали знать его сыну, Эриху, находившемуся въ Парижѣ, гдѣ онъ учился. Онъ поспѣшилъ въ Данію, но на дорогѣ былъ схваченъ архіепископомъ Кельнскимъ. Архіепископъ въ этомъ случаѣ поступилъ совершенно такъ, какъ поступало рыцарство того времени, жившее грабежомъ. Онъ заключилъ поиавшагося ему плѣнника въ тюрьму и потребовалъ выкупа. Тогда датскіе дворяне и прелаты, возведшіе въ 1251 г. на престолъ братоубійцу Авеля, избрали королемъ его брата, Кристофа. Начались немедленно усобицы. Противъ новаго короля возстали графъ Голштейнскій съ маркграфомъ Бранденбургскимъ, короли шведскій и датскій и любекцы. Король очутился въ крайне затруднительномъ положеніи, а тутъ начались раздоры и съ Яковомъ Эрмландсономъ, получившимъ санъ архіепископа Лундскаго отъ папы Иннокентія IV послѣ окончанія Ліонскаго собора (см. выше стр. 14). По существовавшему въ Даніи церковному закону, новоназначенный архіепископъ не могъ вступить въ свое архіепископство, не испросивъ на то согласія короля. Яковъ Эрмландсонъ вступилъ въ архіепископство, не только не спрашивая короля, но и дозволилъ себѣ такого рода самоуправства, которыя противорѣчили уже всякому праву и закону. Тогда король формально обжаловалъ архіепископа предъ имперскими чинами и, соединившись со свѣтскими вельможами, рѣшился смирить строптиваго прелата, и для этого прибѣгнулъ къ средству, которымъ впослѣдствіи съ успѣхомъ пользовались германскіе и англійскіе короли въ борьбѣ съ духовенствомъ. Средство это состояло въ томъ, что король объявилъ имѣнія и доходы духовенства лишенными свѣтской охраны и защиты. Рыцари не замедлили воспользоваться такимъ объявленіемъ и со своими людьми начали грабить

архіепископскія и епископскія имѣнія. Епископы возбудили крестьянъ на свою защиту. Въ королевствѣ началось такое смятеніе, что король напалъ наконецъ на архіепископа и заключилъ его въ тюрьму. Въ отвѣтъ на это прочіе епископы въ 1257 г. отлучили отъ церкви и короля и все его королевство. За отлученіемъ послѣдовали прекращеніе богослуженія и яростныя проповѣди и воззванія духовенства къ мятежу и бунту противъ короля. Призывы дѣйствовали не особенно сильно, и король могъ восторжествовать надъ духовенствомъ. Тогда одинъ изъ священниковъ рѣшился на тяжкое и гнусное преступленіе: онъ причастилъ короля изъ чаши отравленнымъ виномъ. Ядъ былъ столь силенъ, что король послѣ причастія 29 мая 1259 г. умеръ.

На датскій престолъ былъ возведенъ его десятилѣтній сынъ Эрихъ VI Глиппингъ подъ опекою его матери, королевы Маргариты, дочери князя Самбора Поморскаго. Датскіе епископы не замедлили воспользоваться обстоятельствами, призвали къ себѣ на помощь сына Авеля, Эриха, того самаго, котораго захватилъ въ плѣнъ архіепископъ кельнскій. Онъ былъ выкупленъ изъ плѣна герцогомъ Голштейнскимъ и получилъ отъ своего дядя, короля Кристофа I, во владѣніе Шлезвигъ. Призвали также князя Яромира Рюгенскаго, на дочери котораго былъ женатъ вышеназванный Эрихъ, и герцога Голштейнскаго. Союзники начали войну и грабили датскія земли до тѣхъ поръ, пока Маргарита въ 1261 г. выпустила на волю архіепископа, который послѣ освобожденія явился еще болѣе неустунчивымъ, а тутъ графъ Эрихъ потребовалъ, чтобы Шлезвигское герцогство сдѣлалось его наслѣдственною землею. Въ битвѣ, происшедшей въ томъ же 1261 г., войско молодаго короля было на голову разбито и онъ самъ съ матерью попался въ плѣнъ голштейнскому графу. Молодаго короля отдали маркграфу Бранденбургскому, а королева осталась во власти голштейнцевъ Тогда за нее вступился герцогъ Альбертъ Брауншвейгскій. При помощи любекцевъ, онъ вступилъ въ Голштейнъ и при содѣйствіи папскаго легата принудилъ графа голштейнскаго освободить королеву. Молодой король остался въ плѣну у маркграфа Бранденбургскаго, потребовавшаго за него громадной выкупной суммы, и освободился чрезъ годъ времени, когда вступилъ въ бракъ съ племянницею маркграфа.

По возвращеніи короля, борьба съ духовенствомъ загорѣлась съ новою силою. Яковъ Эрмландсонъ и три другіе епископа были вынуждены покинуть Данію, папскій легатъ тогда вновь наложилъ отлученіе отъ церкви, которое возъимѣло свое дѣйствіе опять лишь въ немногихъ мѣстахъ. Власти духовная и свѣтская боролись съ такою яростію, что въ королевствѣ исчезъ всякій норядокъ и страшное разореніе постигло крестьянъ. Въ концѣ концовъ король, однако, вышелъ съ честію изъ борьбы со своими врагами: при посредничествѣ папы примирился съ духовенствомъ въ 1274 г. (въ этомъ только году было снято отлученіе), отстоялъ Шлезвигъ за Даніею, кончилъ споры со

Швеціею, издалъ много важныхъ и полезныхъ распоряженій, но вмѣстѣ съ тѣмъ своими законами лишилъ крестьянъ ихъ личной свободы, предалъ ихъ въ руки дворянъ и духовенства. Датскіе крестьяне сдѣлались крѣпостными своихъ господъ именно со времени Эриха VI, а магнаты и господа забрали такую власть, какой они не имѣли прежде.

Король Эрихъ VI Глиппингъ, подобно тремъ своимъ предшественникамъ, погибъ насильственною смертію. Датскій маршалъ Стиго, мстя свою личную обиду, вступилъ въ заговоръ съ другими магнатами, кои и умертвили короля 22 ноября 1286 г.

Смуты, усобицы, войны, разорявшія и угнетавшія Данію въ теченіе всего XIII ст., не коснулись Эстоніи. Страна эта со времени Стенбійскаго договора постоянно была внѣ всякихъ усобицъ, волновавшихъ Данію, не принимала никакого участія въ датскихъ войнахъ и сохранила свою особность, признавая, однако, датскаго короля своимъ верховнымъ властителемъ. Въ 1266 г. король Эрихъ VI предоставилъ Эстонію (terras Estoniae et Wironiae) въ пожизненное пользованіе своей матери, королевѣ Маргаритѣ, которая съ этого времени и титуловалась госпожею Эстоніи (domina Estoniae). Будучи госпожею страны, она въ теченіе времени съ 1266 по 1286 г. (въ этомъ году она умерла) издала рядъ распоряженій, коими предоставляла разныя права и преимущества землѣ, городу Ревелю, духовенству, монастырямъ, распоряженія, утверждавшіяся по большей части королемъ. Съ 1271 г. король датскій къ своему титулу прибавилъ титулъ герцога Эстонскаго (dux Estoniae), съ этого времени Эстонія и стала именоваться герцогствомъ. Ни Маргарита, ни Эрихъ VI ни разу не побывали въ ливонскихъ своихъ владѣніяхъ, да и вообще какъ имъ, такъ ихъ предшественникамъ было не до Эстоніи. Они предоставляли намѣстникамъ и ихъ совѣтамъ, свѣтской и духовной власти распоряжаться какъ знаютъ и тѣ распоряжались вполнѣ самостоятельно Главною задачею какъ той, такъ и другой власти было удержаніе въ новиновеніи новопокоренныхъ и новокрещенныхъ туземцевъ, но какъ единственнымъ средствомъ для того въ тѣ времена признавалась раздача земель въ лены, потому и не жалѣли такихъ раздачъ; число вассаловъ, первоначально именовавшихся королевскими мужами (Konungs maen, homines regis), увеличивалось, а съ тѣмъ вмѣстѣ усиливалось и ихъ значеніе. Уже въ 1259 г. они составили изъ себя отдѣльную корпорацію (universitas vassalorum) и во внѣшнихъ войнахъ и сношеніяхъ играютъ выдающуюся роль. Мы видѣли, съ какою готовностію они явились на приглашеніе орденскихъ магистровъ участвовать въ походахъ на язычниковъ, и видѣли уже, какъ совмѣстно съ орденскою братіею они воевали съ Новгородскою Русью (см. томъ I, 343). Впрочемъ орденъ приглашалъ, а датскіе королевскіе мужи являлись на приглашеніе по смыслу Стенбійскаго договора (см. томъ I, 286): имъ надлежало дѣйствовать противъ язычниковъ сообща съ орденомъ и завоеванныя при совмѣст-

номъ дѣйствіи земли дѣлить на три части, изъ которыхъ двѣ давать датчанамъ, а одну ордену.

Датскіе королевскіе мужи помогали ордену въ походахъ на земли нынѣшней Курляндской губерніи, но никакихъ земельныхъ участковъ здѣсь не получали, да и не претендовали на полученіе, довольствуясь награбленною добычею и полономъ. Имъ не сподручно было землевладѣніе здѣсь, потому, быть можетъ, они не заводили и рѣчи на счетъ предоставленія и имъ чего либо изъ земель куроновъ, семигалловъ и селоновъ, покореніе которыхъ началось еще при епископѣ Альбертѣ. Но дѣло другое новгородскія земли: овладѣніе ими было очень привлекательно и заманчиво какъ для орденской братіи, владѣвшей землями въ Дерптскомъ епископствѣ, такъ и для датскихъ вассаловъ, земли которыхъ простирались по Финскому заливу до рѣки Наровы.

Мы видѣли, что Александръ Невскій сдержалъ напоръ и шведовъ и орденской братіи и датскихъ королевскихъ мужей и земли Новгородской Руси (см. томъ I, 343—362), но сдержалъ вовсе не на столько, чтобы прекратить вожделѣнія на захваты со стороны ордена, шведовъ и датской Эстоніи, на захваты, обѣщавшіе большія и несомнѣнныя выгоды.

И въ самомъ дѣлѣ, для шведовъ, овладѣвшихъ уже землями нынѣшней Финляндіи, было очень важно овладѣть Ладогою, потому что съ овладѣніемъ этимъ пунктомъ въ ихъ рукахъ явился бы путь, по которому главнѣйшимъ образомъ направлялась вся торговля Руси съ Западомъ. Для ордена овладѣніе Изборскомъ и Псковомъ обѣщало большія выгоды уже потому одному, что псковичи съ потерею этихъ укрѣпленныхъ пунктовъ переставали быть опасными сосѣдями рыцарей, которые, утвердившись во Псковѣ, могли съ большимъ удобствомъ простирать свои завоеванія дальше и дальше въ Новгородской Руси. Для датскихъ королевскихъ мужей утвержденіе въ земляхъ за Нарвою обѣщало расширеніе владѣній, леновъ, увеличеніе доходовъ. Пана всячески ноощрялъ шведскія и нѣмецкія вожделѣнія на захваты въ Новгородской Руси, потому что съ такими захватами расширились бы предѣлы католичества и увеличились бы шансы на подчиненіе папству русско-православной церкви.

Хотя напоръ нѣмцевъ и шведовъ на Новгородскую Русь и былъ къ 1242 г. сдержанъ, но онъ долженъ былъ возобновиться при первомъ удобномъ случаѣ и новгородцы должны были ожидать возобновленія военныхъ дѣйствій на своей западной границѣ.

Было уже сказано (томъ I, 357), что лѣтомъ 1242 г. послѣдовало замиреніе нѣмцевъ съ новгородцами. Лѣтъ десять прошло съ тѣхъ поръ и враги новгородцевъ оставляли въ покоѣ западные предѣлы Новгородской Руси. Орденъ всѣ свои силы употреблялъ въ эти десять лѣтъ на покореніе земель нынѣшней Курляндской губерніи и потому не трогалъ псковичей. Датскіе королевскіе мужи не трогались,

потому что одни были слишкомъ слабы для нападеній, а усилія папъ поднять датчанъ на крестовый походъ на Новгородскую Русь были, какъ уже мы видѣли (см. выше стр. 70), безплодны: Данія въ эти десять лѣтъ находилась въ такомъ положеніи, что ей было не до внѣшнихъ войнъ, но не въ лучшемъ положеніи была и Швеція: усобицы и борьба магнатовъ съ другими сословіями здѣсь также мѣшали какимъ либо внѣшнимъ предпріятіямъ. А между тѣмъ Русь окончательно подпала татарскому игу и явилась обложенною тяжкою данью.

Батый, по возвращеніи изъ Венгріи, послалъ звать русскихъ князей въ Орду подъ угрозою лишенія владѣній и самой жизни. Князьямъ ничего не оставалось дѣлать какъ повиноваться: они поѣхали въ Орду, поѣхалъ и отецъ Александра Невскаго, владимірскій князь Ярославъ Всеволодовичъ (см. томъ I, 357). Батый считался только намѣстникомъ вѣликаго хана, потому и отправилъ отъ себя въ главную Орду нѣкоторыхъ изъ подчиненныхъ себѣ владѣтелей на поклонъ великому хану. Былъ отправленъ на такой поклонъ и князь Ярославъ Всеволодовичъ. Онъ предпринялъ отдаленное путешествіе, прибылъ въ главную Орду, но тутъ умеръ въ 1246 г. По смерти Ярослава, слѣдующій за нимъ братъ Святославъ Юрьевскій занялъ Владимірскій столъ, по теперь всякія перемѣны въ княженіяхъ могли совершаться только съ ханскаго соизволенія. Сыновья Всеволода, Александръ Невскій и Андрей, поѣхали къ Батыю хлопотать о княженіяхъ, но тотъ отправилъ ихъ въ главную Орду. Только черезъ два года братья возвратились домой, привезя съ собой ханскіе ярлыки, Александръ на Кіевское, Андрей на Владимірское великія княженія. Александръ остался не доволенъ своимъ удѣломъ, не поѣхалъ въ разореный Кіевъ, а пребывалъ или въ Новгородѣ или въ своихъ суздальскихъ волостяхъ. Андрей же княжилъ во Владимірѣ не болѣе двухъ лѣтъ. Въ 1250 г. онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью знаменитаго Даніила Романовича Галицкаго и, вѣроятно за одно съ тестемъ, началъ питать замыслы о сверженіи татарскаго ига. Въ Золотой Ордѣ провѣдали про эти замыслы и въ 1252 г. послали войска подъ начальствомъ ордынскаго царевича Неврюя грабить и жечь Суздальскія земли. Андрей вынужденъ былъ бѣжать. Онъ удалился въ Новгородъ, но, непринятый здѣсь, уѣхалъ въ Ревель, а оттуда съ женою и боярами отправился въ Швецію, гдѣ и нашелъ себѣ пріютъ на время. Александръ Невскій получилъ ярлыкъ на великое княженіе Владимірское и съ этого времени началъ княжить здѣсь, торжественно встрѣченный во Владимірѣ.

Занявъ отцовскій столъ, князь Александръ послалъ въ Новгородъ намѣстникомъ своего сына Василія.

Молодой князь Василій Александровичъ прибылъ въ Новгородъ въ то самое время, когда Миндовгъ вошелъ въ союзъ съ орденскою братіею и принялъ католичество; орденская же братія, покоривъ куроновъ и семигалловъ, произвела раздѣлъ ихъ земель (см. выше стр 31) Союзъ Миндовга съ орденомъ повлекъ за собою то, что и тотъ и другой могли снова обратиться на Новгородскую Русь, которая не была тревожима литовцами съ 1245 г. (см. томъ I, 357), а нѣмцами съ 1242 г. И тѣ и другіе открыли наступленіе въ 1253 г., когда князь Василій былъ присланъ своимъ отцомъ въ Новгородъ.

Первые вступили въ Новгородскую волость литовцы. Они захватили полонъ, ограбивъ землю, но князь Василій съ новгородцами погнался за грабителями, нагналъ ихъ у Торопца и отбилъ полонъ. Новгородцы со своимъ княземъ, сказано въ Новгородской первой лѣтописи подъ 1253 г. (см. П. С. Р. Л. III, 55), отмстили литовцамъ кровь христіанскую и побѣдили ихъ.

Не успѣли новгородцы управиться съ Литвою, какъ въ Новгородъ пришла вѣсть, что нѣмцы стоятъ подъ Псковомъ и сожгли посадъ. Лѣтописецъ не объясняетъ, что побудило нѣмцевъ нарушить миръ (въ Рифмованной Хроникѣ объ этой осадѣ Пскова не упоминается ни слова), пишетъ только, что псковичи съ успѣхомъ отбивались отъ нападеній (много ихъ пльсковичи биша).

Новгородцы поспѣшили на помощь Пскову, но уже не застали тутъ нѣмцевъ, снявшихъ, полагать нужно, осаду при слухѣ о приближающейся помощи. Новгородскіе ратники возвратились въ Новгородъ, и отсюда рѣшились сдѣлать набѣгъ на датскую Эстонію. Они пошли, говоритъ лѣтописецъ, за рѣку Нарову и створиша волость ихъ пусту, и корѣла также много зла створиша волости ихъ. Надобно полагать, что подъ Псковъ вмѣстѣ съ нѣмцами, т. е. орденскою братіею и ихъ ратниками приходили и датскіе вассалы, если новгородцы совмѣстно съ корѣлою ходили за Нарву. Нашъ лѣтописецъ не отличаетъ датскихъ вассаловъ отъ орденской братіи, называетъ ихъ нѣмцами, и въ этомъ отношеніи онъ правъ, потому что большинство датскихъ королевскихъ мужей составляли не датчане, а нѣмцы, выходцы по преимуществу изъ сѣверной Германіи, какъ о томъ уже было замѣчено (см. томъ I, 340). Не удовольствовавшись разореніемъ волости за Наровою, т. е. волости въ Вироніи, новгородцы въ то же лѣто 1253 г., соединившись съ псковичами, ходили воевать съ нѣмцами и, полагать надобно, сдѣлали набѣгъ на земли, входившія въ составъ Дерптскаго епископства. Нѣмцы выставили полкъ противъ русскихъ, но псковичи, говоритъ лѣтописецъ, побѣдили нѣмцевъ силою креста честнаго и, конечно, разорили, по тогдашнему способу войны, и избили все встрѣчное. „Сами на себя окаянные нарушители правды (мирнаго договора) почали (накликали) бѣду“, замѣчаетъ лѣтописецъ, давая тѣмъ разумѣть, что не русскіе нарушили миръ, заключенный въ 1242 г. Потерпѣвъ неудачу и разореніе, нѣмцы прислали пословъ въ Псковъ и Новгородъ съ предложеніемъ (хотяще) мира по всей волѣ новгородской и псковской, и тако умиришася, говоритъ лѣтописецъ (см. первую Новгородскую лѣтопись въ П. С. Р. Л. III, 55).

Въ чемъ состояла эта воля, эти условія мира новгородцевъ и псковичей, лѣтописецъ не объясняетъ.

Военныя дѣйствія съ нѣмцами стихли, но за то возникли неурядицы въ Новгородѣ. Посадникомъ въ это время былъ тутъ Ананія, любимый

народомъ, какъ ревностный защитникъ новгородскихъ вольностей. Суздальская партія старалась посадничество передать внуку Твердислава, Михалко Степановичу. Партія народная взяла верхъ, изгнала Василія Александровича изъ Новгорода, а на новгородскій столъ вызвала изъ Пскова младшаго брата Александра Невскаго, князя Ярослава Ярославича, зимою 1253 г. прибывшаго въ Псковъ изъ Низовой земли, котораго псковичи и посадили у себя княземъ.

Александръ Невскій, услышавъ про такое своеволіе новгородцевъ, съ суздальскими полками прибылъ въ Торжокъ, гдѣ находился его сынъ, Василій, и отсюда пошелъ на Новгородъ. Князь Ярославъ Ярославичъ поспѣшилъ уѣхать, а въ Новгородѣ начались обычныя смятенія и бурныя вѣча. Меньшіе люди (простонародье) съ посадникомъ Ананіею во главѣ одержали верхъ надъ вятшими (зажиточными) и рѣшились стоять противъ Александра, который не замедлилъ стать подъ Новгородомъ и потребовалъ выдачи Ананіи подъ угрозою ударить на народъ. Тогда новгородцы отправили своего владыку Далмата и тысяцкаго Клима просить князя Александра, чтобъ отложилъ свой гнѣвъ на Ананію и новгородцевъ. Князь Александръ, однако, и слышать не хотѣлъ объ уступкѣ. Тогда новгородцы волею неволею смирились: Ананія удалился отъ посадничества, а великій князь, торжественно вступивъ въ Новгородъ, посадничество вручилъ Михалкѣ Степановичу и на княжій столъ посадилъ по прежнему Василія, въ качествѣ своего намѣстника. Возстановивъ въ 1255 г. спокойствіе въ Новгородѣ, князь Александръ уѣхалъ на Низъ.

Не успѣли новгородцы примириться съ орденскою братіею и со своимъ княземъ, какъ пришлось вооружаться на отраженіе новаго врага. Шведы, отраженные въ 1240 г. Александромъ Невскимъ и съ того времени не тревожившіе новгородскихъ земель, возобновили свои попытки отнять у Новгорода Финское побережье. Присоединивъ къ себѣ ратниковъ изъ подручныхъ финскихъ народцевъ, емь и сумь, шведы подошли къ рѣкѣ Наровѣ и, соединившись съ ратниками датскаго вассала Дитриха фонъ Кивеля (Дидмана съ его волостью по первой Новгородской лѣтописи), начали строить городокъ (крѣпость) на этой рѣкѣ. Князя Александра въ это время въ Новгородѣ не было: новгородцы послали къ нему въ Низъ за полками, а сами разослали гонцовъ по своей волости собирать ратниковъ. Услышавъ о сборѣ войскъ, шведы „окаянные побѣгоша за море“, говоритъ лѣтописецъ (см П. С. Р. Л. III, 56). На зиму прибылъ въ Новгородъ великій князь и самъ предпринялъ походъ на емь. Бысть золъ путь, говоритъ лѣтописецъ, въ холодную и туманную погоду, когда не видали ни дня, ни ночи, но цѣль похода была достигнута: емьская земля была разорена, много еми было убито и взято въ плѣнъ, и шведы долго послѣ того не отваживались нападать на новгородскія земли.

Замыслы шведовъ отнять у Новгорода Финское побережье разстроились, разстроились и папскіе замыслы утвердить католичество по этому побережью. Еще шведы и не появлялись въ новгородскихъ предѣлахъ, а уже папа Александръ IV буллою отъ 19 марта 1255 г. (см Бунге, Urkundenbuch, № 281), основываясь на донесеніи ему

Оттона Люнебургскаго и Дитриха Кивеля (вассаловъ, владѣвшихъ пограничными съ Новгородскою Русью имѣніями) о готовности язычниковъ принять католичество, предписалъ архіепископу Альберту Рижскому назначить особаго епископа для тѣхъ язычниковъ, а другою буллою отъ 3 августа 1255 г. (см. тамъ же № 283. b) предписывалъ учредить для новоиставленнаго епископа особую епархію, въ составъ которой включить Ватлапдъ (Водскую пятину), Ингрію и Карелію. Архіепископъ Альберть, вслѣдствіе этихъ буллъ, посвятилъ гамбургскаго каноника Фридриха Газельдорфа въ епископа Карельскаго (см. томъ I, 392), который никогда и не былъ въ предназначенной ему епархіи, существовавшей только на бумагѣ. Лѣтъ десять онъ провелъ въ Германіи и прибылъ въ Ливонію, какъ о томъ будетъ разсказано ниже, для занятія не Карельскаго мнимаго епископства, а Дерптскаго.

Великій князь Александръ Ярославичъ, по возвращеніи изъ похода на Емь, отправился въ свое княженіе, а намѣстникомъ въ Новгородѣ оставилъ по прежнему своего сына Василія. Не долго ему пришлось быть здѣсь. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ похода на емь, въ 1257 г., въ Новгородъ пришла изъ Руси вѣсть злая, говоритъ лѣтописецъ (см. П. С. Р. Л. III, 56), что татары хотятъ ввести въ Новгородъ свои тамги (вѣроятно пошлины съ купцовъ) и десятины, и съ этою цѣлію въ Новгородъ прибудутъ численники для такой же переписи всѣхъ жителей, какая уже была произведена въ земляхъ Суздальской, Рязанской и Муромской. До сихъ поръ Новгородъ не видалъ у себя татаръ и не признавалъ себя татарскимъ данникомъ, потому слухъ о предстоящемъ счисленіи и обложеніи данью сильнѣйшемъ образомъ взволновалъ новгородцевъ. Слухъ оказался вѣрнымъ: въ Новгородъ уже ѣхалъ князь Александръ съ ханскими послами. Начались бурныя смуты, новгородцы убили своего посадника Михалку и постановили дани не платить. Сторону такого постановленія держалъ и князь Василій. Онъ, однако, не сталъ дожидаться отца, бѣжалъ въ Псковъ, а новгородцы все-таки не позволили себя перечислить, поднесли дары посламъ (даша дары цареви, т. е. хану, сказано въ лѣтописи) и выпроводили ихъ изъ города. Великій князь сильно разгнѣвался на сына Василія за его побѣгъ въ Псковъ и новгородскія смуты, вызвалъ изъ Пскова и отправилъ его въ Суздальскую землю, а нѣкоторыхъ дружинниковъ, кто Василія на зло повелъ, казнилъ: овому носа урѣзаша, а иному очи выимаша, сказано въ лѣтописи. Новгородцы, однако, не избавились отъ данничества. Зимою 1259 г. князь Александръ съ ханскими сановниками снова прибылъ въ Новгородъ для перечисленія домовъ, жителей и обложенія данью. Новгородцы, какъ ни упирались, но должны были смириться, иначе они подверглись бы татарскому нашествію, противиться которому не имѣли ни силъ, ни средствъ. По окончаніи переписи ханскіе сановники уѣхали, а Александръ поставилъ княземъ другого своего сына Димитрія.

Если псковичи и новгородцы должны были опасаться вторженій со стороны Ливоніи, то не менѣе тревогъ они испытывали и отъ литовцевъ, продолжавшихъ свои набѣги. Такъ въ 1258 г. (см. П. С. Р. Л. III, 56) литва подходила къ Торжку и причиняла большія разоренія. Послѣ этого набѣга новгородскія земли нѣсколько лѣтъ не испытывали военныхъ тревогъ. Высть все лѣто тишина, пишетъ

Новгородскій лѣтописецъ подъ 1260 г., а между тѣмъ въ русско-литовскомъ княжествѣ Миндовга совершались важныя событія, уже разсказанныя выше (см. стр. 55). Миндовгъ отрекся отъ католичества, поднялъ противъ тевтонскаго ордена пруссовъ, куроновъ и семигалловъ и поставилъ ливонскую отрасль ордена въ весьма затруднительное положеніе. Къ 1262 г. отъ предложилъ новгородцамъ союзъ противъ ордена, чтобы совмѣстными силами ударить на него. Въ Рифмованной Хроникѣ въ стихахъ 6461—6470 сказано, что онъ съ предложеніемъ союза отправилъ пословъ къ русскому королю (an den konic zu rusen lant, къ Александру Невскому, конечно), который съ своей стороны прислалъ пословъ къ Миндовгу, обѣщая большую помощь. Первая Новгородская лѣтопись (см. П. С. Р. Л. III, 57) подтверждаетъ разсказъ Рифмованной Хроники, указывая подъ 1262 г., что новгородцы съ литвою миръ взяша. Этотъ союзъ могъ бы повлечь за собою самыя важныя послѣдствія, именно изгнаніе изъ Ливоніи всѣхъ пришельцевъ, ибо куроны и семигаллы находились уже въ открытомъ возстаніи, на вѣрность католичеству ливовъ и латышей, а тѣмъ болѣе чуди ордену расчитывать было невозможно, если бы союзники съумѣли придать своимъ дѣйствіямъ хоть какое бы то ни было единство и связь; но именно этого и не было: союзники назначили время и мѣсто гдѣ собираться для совмѣстнаго дѣйствія, а все таки изъ такого уговора ничего не вышло.

Авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 6471—6513 разсказываетъ, что Миндовгъ и Тренята, собравъ большое войско, двинули его по кратчайшей дорогѣ къ Двинѣ, перешли чрезъ эту рѣку и стали подъ Венденомъ, надѣясь, что русскіе уже тутъ и готовы соединиться съ ними. Но русскіе не пришли по неизвѣстной причинѣ. Тогда Миндовгъ, въ негодованіи на своихъ союзниковъ, оставившихъ его дѣйствовать одному, отступилъ отъ Вендена и удалился въ свою землю, не предпринявъ ровно ничего противъ нѣмцевъ.

Русскіе, однако, не бездѣйствовали: они собрали также большое войско; князь Дмитрій Александровичъ, зять Александровъ князь Константинъ, братъ Александровъ, князь Ярославъ Тверской, полоцкій князь Тевтивилъ, явились на сборное мѣсто со своими ратниками, но, вѣроятно, сборы замедлились, вслѣдствіе чего и разстроилось совмѣстное дѣйствіе съ Мивдовгомъ. Получивъ, быть можетъ, извѣстіе, что Миндовгъ отступилъ отъ Вендена, князья рѣшились добывать старинную русскую вотчину — Юрьевъ и потому вступили въ земли Дерптскаго епископства и осадили этотъ укрѣпленный городъ, въ которомъ имѣлъ свое мѣстопребываніе епископъ съ капитуломъ: объ этой осадѣ Юрьева въ первой Новгородской лѣтописи (см П. С. Р. Л. III, 57) сказано, что городъ Юрьевъ былъ твердъ, въ три стѣны, и множество людей въ немъ всякихъ и пристроили они себѣ брань крѣпкую на городѣ. Но честнаго креста сила и святой Софіи всегда

низлагаетъ имѣющихъ неправду. Такъ и сей городъ: ни во что твердость его была, но помощію Божіею однимъ приступомъ былъ взятъ, многіе люди этого города были убиты, иные взяты въ плѣнъ, а иные огнемъ были пожжены, и жены ихъ и дѣти; товара и полона было взято безъ числа. Изъ города застрѣлили мужа добра, убили Петра Мясниковича. Послѣ того князь Дмитрій со всѣми новгородцами прибылъ въ Новгородъ со многимъ товаромъ.

Изъ этого разсказа оказывается, что русскіе взяли только внѣшній городъ, но не могли овладѣть кремлемъ и вышли изъ Ливоніи, не достигнувъ никакого важнаго результата.

Авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 6607—6662 вполнѣ подтверждаетъ разсказъ новгородскаго лѣтописца: русскіе явились подъ Юрьевомъ столь внезапно, что юрьевцы не успѣли приготовиться къ оборонѣ; въ одинъ день русскіе перебили много народа и сожгли городъ до тла, спаслись только тѣ, кто бѣжалъ въ замокъ (кремль). Дерптскій епископъ (Александръ), каноники и нѣмецкая братія (die dutschen brudere, т. е. ординская братія, составлявшая гарнизоны замковъ и укрѣпленныхъ пунктовъ въ дерптскомъ епископствѣ) заперлись въ замкѣ. „Русское войско, говоритъ авторъ Рифмованной Хроники, было очень велико, епископъ же былъ крайне недоволенъ, что оно подступаетъ къ замку: попы (die pfaffen) очень вѣдь боятся смерти, это уже ихъ старинный нравъ (das was ie ir alder sitte), которому они неизмѣнили и теперь: хоть они и говорятъ, что нужно храбро защищаться, но сами охотно спасаются бѣгствомъ“.

Слова эти ясно показываютъ, что авторъ Рифмованной Хроники былъ мірянинъ; духовное лицо такъ не отозвалось бы о попахъ.

Тогда братья начали стрѣлять по русскимъ, призвали, къ радости канониковъ, другихъ взяться за оружіе. Русскихъ очень печалила частая стрѣльба, хотя и ихъ стрѣлки храбро отстрѣливались Русскіе, видя, что имъ не взять замка, собрали людей и добро (liute und gut, надобно полагать полонъ и добычу) и поспѣшили уйти въ свою землю.

Магистръ объявилъ сборъ войска во всѣхъ своихъ земляхъ и, когда оно собралось, поспѣшилъ въ Дарбетенъ, но уже было поздно: русскіе находились въ своей землѣ. Магистръ, прибавляетъ авторъ Рифмованной Хроники, горевалъ (er was der mere gar unvro), что русское войско ускользнуло отъ него.

Надобно полагать, что магистръ не только не горевалъ, но радовался, потому что русскіе, вступивъ въ союзъ съ Миндовгомъ. дѣйствовали безъ всякаго заранѣе составленнаго и обдуманнаго плана: Миндовгъ сталъ подъ Венденомъ, русскіе не пришли ему на помощь; русскіе осадили Юрьевъ, Миндовгъ удалился въ свою землю. Иначе, впрочемъ, и не могло быть: положеніе Миндовга въ его земляхъ было очень шаткое и непрочное, а князю Александру Невскому было не до Ливоніи, ибо все его вниманіе было обращено на то, чтобы отклонять новыя татарскія на-

шествія на Русь, дать русскому народу вздохнуть отъ погромовъ, удерживать кочевниковъ въ отдаленіи отъ Руси.

Въ слѣдующемъ 1263 году Миндовгъ, какъ уже сказано (см. выше стр. 65), былъ умерщвленъ своими же родичами и орденъ такимъ образомъ освободился отъ своего опаснаго врага. Въ томъ же 1263 г., 14 ноября, скончался князь Александръ Невскій, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ 1264 г. кончилъ свою жизнь и галицкій король Даніилъ Такимъ образомъ почти одновременно восточная Европа лишилась трехъ знаменитѣйшихъ своихъ владѣтелей: въ сѣверной Руси не стало Александра Невскаго, въ южной Даніила, въ Литвѣ Миндовга, и это обстоятельство много благопріятствовало ордену и католичеству. Литва, по смерти Миндовга, замутилась, какъ увидимъ ниже. Въ сѣверной Руси ближайшіе преемники Александра не отличались ни способностями, ни дальновидностію. Вынужденную покорность Александра Невскаго предъ ханами они обратили въ раболѣпство и въ погонѣ за великокняжескимъ столомъ сами приводили татаръ для опустошенія русскихъ земель. Южная Русь раздробилась и ослабѣвала въ усобицахъ своихъ князей.

Князь Александръ Невскій скончался на 45 году отъ роду, оставивъ послѣ себѣ троихъ сыновей: Дмитрія князя Переяславскаго, Андрея Городецкаго и Даніила Московскаго. Всѣ они были очень молоды (князю Даніилу, родоначальнику великихъ князей и царей Московскихъ, въ 1263 г. было всего два года отъ роду). Младшій братъ Александра, князь Ярославъ Ярославичъ Тверской, занялъ, съ ханскаго соизволенія, великокняжескій столъ Владимірскій. Въ это время Кіевское и Черниговское княженія окончательно уже упали, прежняя связь Югозападной Руси съ Сѣверною рушилась, но за то окрѣпла связь Новгородской Руси съ Суздальскою. Со времени Александра Невскаго великіе князья Владимірскіе уже являются и князьями Новгородскими, правя Новгородскою Русью посредствомъ своихъ сыновей, племянниковъ или же намѣстниковъ изъ бояръ Суздальскіе князья уже не встрѣчаютъ себѣ въ Новгородѣ соперниковъ между иными родичами Владимірова потомства, Новгородская Русь, не утрачивая своего народоправства (вѣча), является уже какъ бы достояніемъ великаго князя, своимъ долгомъ и обязанностію считающаго отстаивать ее отъ внѣшнихъ враговъ посылкою въ случаѣ нужды низовыхъ полковъ на помощь, а нужда эта являлась безпрестанно, ибо враговъ у Новгородской Руси было много: со стороны Невы шведы, съ Нарвы датскіе королевскіе люди, съ Пейпуса ливонскій орденъ и нѣмцы, съ Двины литва. Новгородцы и псковичи съ честію отбивались отъ этихъ враговъ, но не приходи къ нимъ на помощь низовые полки, ратники великаго князя Владимірскаго, они не смогли бы отстоять свои земли отъ этихъ алчныхъ враговъ, только и думавшихъ о захватахъ.

Послѣ похода подъ Юрьевъ военныя дѣйствія стихли: не было войны, но не было и мира, орденская братія и нѣмцы не тревожили псковскихъ земель, сидѣли смирно датскіе королевскіе люди, не двигались и шведы, у которыхъ Александръ Невскій па долго отбилъ охоту овладѣть новгородскими землями по Финскому побережью, не трогалась и литва. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ.

Сильное смятеніе въ Литвѣ вызвало умерщвленіе Миндовга. Убойцы Миндовга, сказано въ первой Новгородской лѣтописи (см. П. С. Р. Л. III, 58), разсорившись о товаръ его, убили добраго князя полоцкаго Товтивила и просили у полочанъ, чтобъ они умертвили и сына Товтивилова, но тотъ въ 1263 г. убѣжалъ со своими мужами въ Новгородъ. Литва посадила въ Полоцкѣ своего князя Герденя и помирилась съ полочанами. Далѣе лѣтописецъ разсказываетъ о смятеніи, бывшемъ въ Литвѣ въ 1265 г., когда сынъ Миндовга, Войшелкъ, вторгся въ Литву, чтобъ отмстить врагамъ Миндовговымъ его смерть. Пошелъ Войшелкъ на поганую литву и побѣдилъ ее и стоялъ на землѣ ихъ все лѣто. „Тогда окаяннымъ, пишетъ лѣтописецъ, Господь воздалъ по дѣломъ ихъ: всю бо землю ихъ Войшелкъ оружіемъ поплѣни, а по христьянской землѣ веселіе бысть всюду“. Спасаясь отъ мщенія Войшелка, человѣкъ триста литвы, съ женами и дѣтьми, бѣжали въ Псковъ. Здѣсь псковскій князь Святославъ крестилъ ихъ; новгородцы хотѣли было умертвить всѣхъ бѣглецовъ, но новгородскій князь, Ярославъ Ярославовичъ, не выдалъ ихъ, и они остались цѣлы.

Во время этого-то смятенія въ Литвѣ, когда Войшелкъ свирѣпо мстилъ смерть своего отца бѣжалъ въ 1266 г. въ Псковъ удѣльный князь Нальщанскій Довмонтъ, тотъ самый, который, будучи оскорбленъ Миндовгомъ, составилъ заговоръ противъ него (см. выше стр. 65). Князь Довмонтъ, сказано въ первой Софійской лѣтописи (см. П. С. Р. Л. V. 192), прибылъ въ Псковъ съ дружиною своею и со всѣмъ родомъ своимъ. Посовѣтовавшись со своими боярами, онъ рѣшился креститься, и былъ крещенъ въ псковской соборной церкви св. Троицы. „Наречено же бысть ему имя въ св. крещеніи Тимоѳей, и бысть радость велика во Псковѣ, и посадиша его псковичи на княженіи во Псковѣ.“ Здѣсь въ первый разъ видимъ, говоритъ Соловьевъ (см. Ист. Россіи III, 204), то явленіе, что русскій городъ призываетъ къ себѣ въ князья литвина вмѣсто рюриковича, явленіе любопытное, потому что оно объясняетъ намъ тогдашнія понятія и отношенія, объясняетъ ту легкость, съ какою и другіе западные русскіе города, въ это время и послѣ, подчинялись династіи князей литовскихъ.

Очень возможно, что и чисто практическія соображенія руководили псковичами, когда на столъ св. Всеволода они посадили Довмонта. Въ древней Руси князь былъ предводителемъ войска; Довмонтъ былъ не новичокъ въ военномъ дѣлѣ, привелъ съ собою свою дружину (по

всей вѣроятности всѣ пришедшіе съ Довмонтомъ язычники приняли православіе), и отъ него можно было надѣяться на успѣхъ въ борьбѣ съ врагами, не дававшими покоя псковскимъ землямъ. Псковичи не ошиблись въ выборѣ: въ лицѣ Довмонта они пріобрѣли себѣ искуснаго въ бояхъ князя и ревностнаго защитника православія и своего новаго отечества. Это обнаружилось чрезъ нѣсколько дней послѣ того какъ псковичи провозгласили его княземъ.

Положи Богъ ему въ сердце благодать свою, говоритъ лѣтописецъ, поборати по святой Софіи и по святой Троицѣ и отомстити кровь христіанскую, и помысли ѣхати съ псковичи воевати землю литовскую. Взявъ къ себѣ три девяноста дружины, онъ отправился въ Литву, повоевалъ свое прежнее отечество, взялъ въ плѣнъ жену князя Герденя съ дѣтьми ея двумя княжичами и съ большимъ полономъ возвращался во Псковъ. Князя Герденя не было дома во время этого набѣга. Пріѣхавши домой, онъ собралъ другихъ князей и съ дружиною въ 700 человѣкъ погнался за Довмонтомъ, который переправился уже чрезъ Двину, верстахъ въ пяти сталъ шатрами на бору и остался тутъ съ однимъ девяностомъ, отправивъ два девяноста ратниковъ съ полономъ въ Псковъ. Стража, разставленная по Двинѣ, прибѣжала сказать Довмонту, что литва переправилась чрезъ рѣку. Тогда Довмонтъ сказалъ дружинѣ: „Братіе, потягнемъ за святую Тройцу, и за святыя церкви, и за свое отечество!“ Съ псковичами, съ однимъ девяностомъ, онъ ударилъ на литовцевъ и разбилъ ихъ на голову. Нѣсколько литовскихъ князей пали въ битвѣ, князь Гердень бѣжалъ, и не мало литвы перетонуло въ Двинѣ. Съ торжествомъ возвратился Довмонтъ и бысть радость велика въ городѣ Псковѣ, говоритъ лѣтописецъ.

Великій князь Владимірскій взглянулъ, однако, враждебно на призваніе литовца на псковскій столъ. Съ низовыми полками онъ пришелъ въ Новгородъ, чтобъ идти на Довмонта, но новгородцы возстали противъ этого, говоря: „оли, княже, тобѣ съ нами увѣдавшася, тоже ѣхати въ Псковъ?“ Князь отослалъ полки назадъ (см. П. С. Р. Л. III, 59).

Въ слѣдующемъ 1267 г. новгородцы съ княземъ Довмонтомъ и псковичами снова ходили на литву, много ихъ повоевали и сами, говоритъ лѣтописецъ, пришли всѣ добры здорови кожю въ свояси. Походъ этотъ не имѣлъ никакихъ важныхъ послѣдствій, потому новгородцы въ слѣдующемъ 1268 году съ княземъ своимъ Юріемъ Андреевичемъ (намѣстникъ великаго князя Ярослава, его племянникъ) пошли снова на литву, дошли было Дубровны, но тутъ возникли у нихъ споры: одни хотѣли идти на литву, другіе на Полоцкъ, гдѣ княжилъ Гердень, иные за Нарову на датчанъ, которые враждовали съ новгородцами и оставались неотмщенными за прежніе набѣги. Послѣднее мнѣніе взяло верхъ: новгородцы рѣшились идти за Нарову и ударить на Раковоръ (Везенбергъ, замокъ, построенный около 1252 г., покрайней мѣрѣ имя его въ этомъ году впервые упоминается въ документахъ, подъ № 239 въ сборникѣ Бунге). Они исполнили предположеніе, пошли за Нарову, много земли повоевали, но Раковора не взяли, потеряли 7 человѣкъ убитыми и „пріѣхаша

всѣ здрави", говоритъ лѣтопись (см. первую Софійскую лѣтопись въ П. С. Р. Л. V, 193).

Надобно полагать, что это былъ лишь незначительный отрядъ, въ Новгородѣ же въ это время дѣлали приготовленія къ большому походу, начали собирать войска; отыскали мастеровъ, умѣющихъ дѣлать стѣнобитныя орудія (пороки), которые и начали строить эти пороки на владычнемъ дворѣ; послали звать великаго князя владимірскаго Ярослава Ярославича въ походъ. Тотъ самъ не прибылъ, но съ низовыми полками прислалъ своихъ сыновей Святослава и Михаила и племянника (сына Невскаго) князя Дмитрія Александровича Переяславскаго, съ другими племянниками, князьями Константиномъ, Юріемъ и Ярополкомъ, прибылъ съ псковичами и князь Довмонтъ. Надобно полагать, что эти приготовленія и сборы войскъ начались еще зимою 1267 г. Послышали, разсказываетъ лѣтописецъ, о такихъ приготовленіяхъ нѣмцы (рижане, вельяжане, юрьевцы, мелнѣжане), прислали они пословъ въ Новгородъ, которые съ лестію говорили князю Дмитрію Александровичу: „Намъ, господине, съ тобою миръ и со всѣмъ Великимъ Новгородомъ; а перемогайся съ колыванцы (Ревель) да съ раковорцы (Везенбергъ), а мы къ нимъ не приставаемъ и крестъ цѣлуемъ". Послы цѣловали крестъ; новгородцы, однако, тѣмъ не удовольствовались, послали въ Ливонію Лазаря Мойсеевича, который водилъ ко кресту бискуповъ ихъ и божіихъ дворянъ, яко не помогати имъ колыванцамъ, ни раковорцамъ. Надобно полагать, что новгородскій посолъ ѣздилъ въ Юрьевъ, гдѣ и приводилъ ко кресту епископа дерптскаго Александра съ его духовенствомъ и дерптскаго командора. Обезопасивъ себя такимъ образомъ со стороны нѣмцевъ, новгородцы вступили въ походъ со значительнымъ числомъ ратниковъ подъ предводительствомъ семи князей въ началѣ 1268 г. Они двигались, говоритъ авторъ Рифмованной Хроники, сильными отрядами со множествомъ разноцвѣтныхъ знаменъ, число ратниковъ сами русскіе опредѣляли въ тридцать тысячь человѣкъ.

Русское ополченіе вступило въ датскую Эстонію 23 января 1268 года, и раздѣлилось здѣсь на три пути, предавая истребленію все встрѣчное. Много множество воеваша — говоритъ лѣтописецъ. Въ одномъ мѣстѣ русскіе нашли большую пещеру, куда спряталось множество чуди съ своимъ имуществомъ; три дня стояло войско предъ пещерою и никакъ не могло добраться до чуди, пока наконецъ порочный мастеръ какимъ-то способомъ (хитростію, сказано въ Софійской лѣтописи) пустилъ въ пещеру воду; чудь выбѣжала вонь и была перебита, а имущество ихъ (товаръ великій) князь Дмитрій все взялъ. Отъ этой пещеры русское войско направилось къ Раковору, но, достигнувъ 18 февраля рѣки Кеголы (по всей вѣроятности это рѣчка Зембахъ, протекающая верстахъ въ семи отъ Везенберга чрезъ имѣніе Толькъ, называемое и понынѣ эстонцами Когала-мойсъ), вдругъ уви-

дѣло предъ собою нѣмецкіе полки, вопреки недавнему крестному цѣлованію „бискуповъ и божіихъ дворянъ“, пришедшіе на помощь датскимъ королевскимъ мужамъ Бѣ бо видѣти яко лѣсъ, совкупи бо ся вся земля нѣмецкая — говоритъ новгородскій лѣтописецъ. Прибылъ, говоритъ авторъ Рифмованной Хроники, изъ Дорботена (Юрьева) епископъ Александръ и съ нимъ много другихъ на помощь христіанамъ (датскимъ королевскимъ мужамъ). Изъ Феллина пришло только нѣсколько орденской братіи, самъ же магистръ воевалъ съ войскомъ въ другомъ мѣстѣ; изъ Леаля и Вейсенштейна пришла орденская братья, всего орденской братіи пришло 34 человѣка, простыхъ ратниковъ (Lantuolkes, простаго народа) было довольно; датскіе королевскіе люди привели также значительный отрядъ нѣмцевъ, прибавляетъ Рифмованная Хроника.

Ливонскіе нѣмцы обманули новгородцевъ, нарушили клятву и соединились съ датчанами. Русскіе, однако, нимало не смутились, князь Дмитрій Александровичъ перешелъ за рѣчку Кеголу и построилъ полки къ бою: новгородцы составили центръ, стали противъ „желѣзнаго полку великой свиньи“ т. е. противъ главныхъ силъ нѣмцевъ, князь Довмонтъ съ псковичами составилъ правое, а князья Юрій, Константинъ и Ярополкъ съ низовыми ратниками составили лѣвое крыло. Построившись, русскіе полки дружно ударили на нѣмцевъ и какъ сошлись, то произошло, говоритъ новгородскій лѣтописецъ, страшное побоище, какого не видали ни отцы, ни дѣды, и тутъ створися зло велико. Въ бою пали посадникъ Михаилъ и много добрыхъ бояръ, много пало псковичей и ладожанъ, безъ вѣсти погибли тысяцкій Кондратъ и иныхъ много. Послѣ упорной битвы Русь сломала наконецъ великую свинью нѣмцевъ и погнала ихъ къ Раковору, на три пути гнали ихъ и на пространствѣ семи верстъ били нѣмцевъ, яко не мочи ни коневи трупіемъ скочити, говоритъ лѣтописецъ. Вогнавъ остатки разбитыхъ нѣмцевъ въ Раковоръ, князья воротились къ своему стану, но тутъ увидѣли, что запасный нѣмецкій отрядъ (иныхъ полчищъ свинья великая, сказано въ первой Новгородской лѣтописи) ворвался въ новгородскій обозъ (возники). Князь Дмитрій хотѣлъ немедленно же ударить на нѣмцевъ, но прочіе князья удержали его: „время уже къ ночи, говорили они, въ темнотѣ смѣшаемся и будемъ бить своихъ“. Русское войско остановилось, ожидая разсвѣта, чтобъ возобновить битву, но когда разсвѣло, нѣмецкихъ полковъ уже не было видно: окаянные преступники крестнаго цѣлованія, не дождавшись свѣта, бѣжали, говоритъ лѣтописецъ. Князь Дмитрій съ прочими князьями три дня стояли на костяхъ, т. е. на полѣ битвы и на четвертый предприняли обратный походъ въ Новгородъ, увозя съ собою своихъ убитыхъ, животъ свой честно отдавшихъ, по выраженію лѣтописи. Но Довмонтъ съ псковичами домой не пошелъ, онъ продолжалъ войну, опустошилъ эстонскую землю до самаго моря и По-

морье (это Викъ, Maritima) повоевалъ и тогда только возвратился въ Псковъ съ множествомъ полона. И славна бысть земля ихъ во всѣхъ странахъ, страхомъ и грозою и храборствомъ великаго князя Дмитрія и зятя его князя Довмонта и всѣхъ князей русскихъ, сказано въ первой Софійской лѣтописи.

Авторъ Рифмованной Хроники, описывая въ стихахъ 7567—7676 Кегольскую битву, говоритъ, что дерптскій епископъ Александръ палъ въ этой битвѣ. Русскіе де потерпѣли полное пораженіе, рука орденской братіи съ честью отмстила за все зло, которое съ давнихъ временъ причиняли имъ русскіе. 5000 русскихъ пало въ битвѣ, остальные бѣжали. Такъ увѣряетъ Хроника, явно преувеличивая русскія потери и совершенно искажая истину.

Орденскимъ магистромъ въ это время былъ Оттонъ (Роденштейнскій по Орденской Хроникѣ, Люттельбургскій по другимъ документамъ; онъ смѣнилъ Конрада Мандернскаго, отказавшагося отъ своей должности въ 1266 г.) Онъ рѣшился отмстить русскимъ, за ихъ походъ на датскую Эстонію и за пораженіе, нанесенное орденской братіи подъ Раковоромъ. По тогдашнему обычаю, онъ разослалъ гонцовъ по землямъ ливовъ, латышей и чуди собираться къ назначенному мѣсту и сроку. Вооружились и датскіе королевскіе люди. По словамъ Рифмованной Хроники (стихи 7677—7744), собралось большое войско тысячь въ 18; орденской братіи было 180 человѣкъ; собрали тысячь до 9 корабельщиковъ (Schiffute, лодочники для перевозки войскъ чрезъ Пейпусь). Войско раздѣлилось на отряды, часть пошла сухонутьемъ на Изборскъ, часть на ладьяхъ поплыла по озеру къ Пскову. Нѣмцы разорили Изборскъ и въ недѣлю на всѣхъ святыхъ (19 мая 1269 г) стали подъ Псковомъ. Псковичи сожгли свои посады, чтобъ они не достались непріятелю, и заперлись въ кремлѣ,ославъ въ Новгородъ къ намѣстнику, князю Юрію Андреевичу, за помощью. Нѣмцы окружили кремль и начали дѣйствовать по стѣнамъ его пороками. Собрались псковичи въ церковь св. Тройцы (см. четвертую Новгородскую лѣтопись въ П. С. Р. Л. IV, 42) на молитву. Тутъ князь Довмонтъ положилъ мечь свой предъ алтаремъ и горячо молился. Игуменъ же Исидоръ съ прочимъ духовенствомъ препоясалъ князя этимъ мечомъ, благословилъ и отпустилъ его. Довмонтъ съ дружиною, не ожидая прибытія новгородцевъ, сдѣлалъ отчаянную вылазку, избилъ множество нѣмцевъ и самаго „местеря рани но лицу“. На десятый день осады, магистръ, услышавъ о приближеніи новгородскихъ ратниковъ, предводимыхъ княземъ Юріемъ Андреевичемъ, не сталъ дожидать его, а, снявъ осаду, переправился чрезъ рѣку Великую. Погода была сырая и холодная, нельзя было идти на приступъ, потому орденское войско и удалилось, говоритъ авторъ Рифмованной Хроники, какъ бы оправдывая магистра, но тутъ же пишетъ, что новгородская помощь помогла Пскову. Новгородцы, сказано въ первой

новгородской лѣтописи, съ княземъ Юріемъ погонишася по нихъ, иніи на конихъ, а иніи въ насадѣхъ ноѣхаша въ борзѣ, и яко увидаша нѣмцы новгородскій полкъ, нобѣгоша за рѣку; новгородцы же пріѣхали въ Псковъ и взяли миръ, черезъ рѣку, на всей волѣ новгородской. Въ Рифмованной Хроникѣ сказано, что самъ Юрій предложилъ магистру заключить миръ. Магистръ съ орденскою братіею, крестоносцами и стрѣлками переправился чрезъ Великую, свидѣлся съ Юріемъ и заключилъ съ нимъ выгодный миръ, къ радости русскихъ. По заключеніи мира, всѣ разъѣхались по домамъ, тѣмъ и кончился походъ, говоритъ авторъ Хроники.

Въ чемъ именно состояли мирныя условія, ни новгородскія лѣтописи, ни Рифмованная Хроника не указываютъ. Какъ бы то ни было, но новгородцы помирились съ орденскою братіею, оставалось покончить съ датскими королевскими людьми Лѣтомъ 1269 г. пріѣхалъ въ Новгородъ самъ великій князь владимірскій Ярославъ Ярославичъ и потребовалъ лишить волостей бояръ ему сопротивныхъ, грозя уѣхать изъ города. Новгородцы кланялись Ярославу: „княже, тѣмъ боярамъ гнѣва отдай, а отъ насъ не ѣзди, сказано въ первой Новгородской лѣтописи, еще бо не добре ся бяху умирили съ нѣмцы“. Князь, однако, уѣхалъ. Тогда новгородцы послали владыку съ лучшими мужами просить князя возвратиться. Ярославъ возвратился, когда новгородцы предоставили по княжей волѣ должность тысяцкаго Ратибору Клуксовичу. Уладивъ съ княземъ, новгородцы начали готовиться къ походу на датскую Эстонію, а Ярославъ послалъ въ Низовую землю собирать ратниковъ. Къ зимѣ 1269 г. войско собралось, съ низовскими полками прибылъ и владимірскій великій баскакъ, по имени Амраганъ. Великій князь Ярославъ предположилъ съ войскомъ идти на Колывань. Нѣмцы, услышавъ о сборѣ войскъ и предположенномъ походѣ, прислали въ Новгородъ пословъ своихъ съ челобитьемъ: челомъ бьемъ, господине, на всей твоей волѣ, а Наровы всей отступаемся (см. первую Софійскую лѣтопись, 195) Новгородцы согласились на это условіе и помирились съ датскими королевскими мужами. Чтобъ не отсылать низовскіе полки домой безъ всякаго дѣла, великій князь хотѣлъ отправить ихъ за рѣку Неву въ Карелію, державшую сторону датчанъ и шведовъ. Новгородцы, однако, упросили князя не трогать и не разорять карелы, ихъ данниковъ Князь тогда распустилъ войско по домамъ.

Такимъ образомъ къ 1270 г. и Ливонія и датская Эстонія помирились съ Новгородскую Русью. Орденской братіи развязывались руки для дѣйствій въ земляхъ нынѣшней Курляндской губерніи — къ изложенію этихъ дѣйствій мы и обратимся.

V. Куроны, семигаллы, литва и орденъ до окончательнаго покоренія земель нынѣшней Курляндской губерніи.

Походъ на Грезенъ. — Постройка Митавы. — Походъ на семигалловъ. — Новый магистръ Оттонъ. — Умерщвленіе Войшелка. — Тройденъ. — Набѣгъ литвы на Эзель. — Бой у Карувена и гибель Оттона. — Смерть вице-магистра Андрея. — Назначеніе Вальтера Нортекскаго магистромъ. — Покореніе семигалльскихъ городковъ. — Миръ съ семигаллами. — Назначеніе Эрнста Рассбургскаго магистромъ. — Мелкая война съ литовцами. — Постройка Динабурга и осада его Тройденомъ. — Война съ Литвою. — Набѣгъ на Керновъ. — Бой подъ Ашераденомъ и гибель магистра. — Соединеніе должностей прусскаго и ливонскаго магистровъ въ одномъ лицѣ. — Конрадъ Фухтевангенскій. — Возстаніе семигалловъ. — Намейзе. — Походы гольдингенскаго фохта. — Походы семигалловъ. — Усмиреніе возстанія и окончательное покореніе Куроніи и Семигалліи.

(1264—1290).

Источникъ: Рифмованная Хроника съ 7209 стиха до конца.

Разсказъ о завоеваніи земель нынѣшней Курляндской губерніи былъ доведенъ нами (см. выше стр 67) до того времени, когда Войшелкъ прислалъ сказать ливонскому магистру Конраду Мандернскому, что не нуждается въ помощи, но желаетъ оставаться въ мирѣ съ орденомъ. Магистръ не хотѣлъ, чтобъ собранное войско разошлось по домамъ безъ всякаго похода, потому и послалъ человѣкъ 500 всадниковъ въ Куронію для овладѣнія и покоренія враждебныхъ нѣмцамъ куронскихъ городковъ Цѣлью похода былъ куронскій городокъ Грезенъ (на жмудской границѣ), жители котораго готовились напасть на Гольдингенъ Авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 7209—7296 разсказываетъ, что посланные всадники прибыли въ Гольдингенъ, забрали здѣсь изъ орденскаго конвента братьевъ и слугъ, взяли также крещеныхъ куроновъ, которые знали дороги въ Грезенъ, въ качествѣ проводниковъ. Плоха была дорога; это была скорѣе тропинка, по которой можно было ѣхать лишь гуськомъ, пролегала она по болотамъ, и ее часто пересѣкали глубокія рѣчки. Раннимъ утромъ войско подошло къ Грезену, гдѣ никто не ждалъ нападенія, напротивъ грезенцы сами приготовлялись было къ набѣгу. Нѣмцы бросились на городокъ, ворвались въ него, перебили не мало хозяевъ и народа, захватили, что ни попалось, затѣмъ сожгли городокъ до тла. Нѣкоторые изъ грезенцевъ, однако, спаслись отъ общаго истребленія: они бѣжали въ лѣса, будто дьяволомъ преслѣдуемые — als im der tuwel iagete nach — прибавляетъ авторъ Хроники, не подозрѣвая, что именно нѣмцы этимъ набѣгомъ, свирѣпымъ истребленіемъ людей и олицетворяли собою дьявола. Забравъ съ собою полонъ — мущинъ, женщинъ, дѣтей, лошадей и воловъ — орденцы предприняли обратный походъ тою же

дорогою, какою пришли. Достигнувъ благополучно Гольдингена, они отсюда пошли къ морю, чтобъ морскимъ берегомъ слѣдовать въ Ригу.

Въ то самое время когда орденскій отрядъ ходилъ подъ куронскій городокъ Грезенъ, самъ магистръ Конрадъ Мандернскій съ орденскою братіею, крестоносцами и призванными къ походу туземцами предпринялъ набѣгъ на семигалловъ, не покорявшихся нѣмцамъ. Набѣгъ этотъ сопровождался обычнымъ истребленіемъ всего встрѣчнаго, о христіанствѣ тутъ и рѣчи не было Семигаллы, разсказываетъ авторъ Рифмованной Хроники въ 7297—7390 стихахъ, разбѣжались, безъ сопротивленія пропустили орденское войско вглубь своей страны, а сами между тѣмъ вооружились, нарубили деревьевъ и по дорогѣ, по которой нѣмцамъ приходилось возвращаться, понадѣлали засѣкъ и здѣсь начали подстерегать магистра и его людей. Конрадъ между тѣмъ жегъ и грабилъ Семигаллію и наконецъ предпринялъ обратный походъ по той же дорогѣ, по которой шелъ, не подозрѣвая, конечно, засады. Когда орденское войско подошло къ засѣкамъ, семигаллы бросились на него и одержали значительную побѣду: человѣкъ 600 орденскаго войска и человѣкъ 20 орденской братіи были убиты, въ свалкѣ попалось не мало и въ плѣнъ, но самъ магистръ съ прочими пробился и прибылъ въ Ригу. Отсюда онъ послалъ гонца къ отряду, возвращавшемуся изъ подъ Грезена, съ приказаніемъ, чтобъ этотъ отрядъ спѣшилъ возвращеніемъ домой: магистръ боялся, что семигаллы внезапно нападутъ гдѣ либо на нѣмцевъ и истребятъ ихъ Гонецъ нашелъ отрядъ расположившимся станомъ у самаго моря, куда онъ только что прибылъ изъ Гольдингена Нѣмцы немедленно двинулись въ путь и по морскому берегу достигли Риги никѣмъ не тревожимые. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ Гольдингена была къ Двинѣ и другая дорога, болѣе прямая, чѣмъ длинный окольный путь по морскому берегу, но идти этою дорогою нѣмцы не отваживались, боясь, конечно, засадъ и нападеній туземцевъ. Въ Ригѣ войско подѣлило между собою полонъ и затѣмъ разошлось по домамъ. „Таково посчастливилось, пишетъ авторъ Рифмованной Хроники, бѣдному христіанству; многимъ удалось утѣшиться въ печали, за что они и восхвалили Господа Небесъ“. Утѣшеніе въ печали, разумѣется, составляла награбленная добыча и полонъ; къ сожалѣнію, авторъ Рифмов. Хроники не указываетъ, какая судьба постигла людей, которыхъ подѣлили нѣмцы между собою: были ли они выкуплены или проданы куда либо на сторону или водворены въ качествѣ рабовъ въ орденскихъ земляхъ.

Эти походы происходили въ 1264 году. Магистръ потерпѣлъ неудачу въ Семигалліи и, конечно, старался загладить ее прочнымъ утвержденіемъ нѣмцевъ въ этой странѣ. Для этого онъ рѣшился прежде всего построить передовую нѣмецкую крѣпость на семигалльской границѣ, съ тѣмъ чтобы имѣть тутъ опору для будущихъ дѣй-

ствій противъ непокорныхъ семигалловъ. Мѣсто для постройки новой крѣпости было выбрано на рѣкѣ Курляндской Аа, верстахъ въ 40 отъ Риги; здѣсь въ 1265 году была построена крѣпостца (замокъ, домъ), получившая названіе *Митавы*, Mytowe по Рифмованной Хроникѣ, Mitau. Полагаютъ что слово Митау, Митава происходитъ отъ словъ „mitten in der Aa“, указывающихъ на положеніе крѣпости на рѣкѣ Аа. Туземные латыши называли и называютъ Митаву словомъ Елгава, означающимъ городъ. Магистръ снабдилъ новую крѣпость гарнизономъ и съ тѣхъ поръ семигаллы, замѣчаетъ авторъ Рифмованной Хроники, должны были спасаться по своимъ городкамъ отъ чужихъ гостей, т. е. орденской братіи, которая часто изъ Митавы вторгалась въ семигалльскія земли, нанося имъ сильный вредъ.

Отстроивъ Митавскую крѣпостцу, магистръ Конрадъ въ слѣдующемъ же 1266 году предпринялъ походъ на семигалловъ. Ужаснымъ пожаромъ христіанское войско истребляло семигалльскія деревни и весь ихъ хлѣбъ, пишетъ авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 7421—7458. Обратный походъ былъ однакоже точно также неудаченъ, какъ и въ предшествовавшемъ набѣгѣ. Магистръ, взявъ съ собою часть войска, поѣхалъ впередъ, чтобъ исправлять дороги и разрушенные мосты. Остальное войско слѣдовало за нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи. Семигаллы, озлобленные разгромомъ ихъ деревень и имуществъ, слѣдили за отступавшимъ войскомъ и, воспользовавшись раздѣленіемъ его, въ какомъ-то лѣсу стали между магистромъ и слѣдовавшимъ за нимъ отрядомъ. Магистръ ушелъ въ Митаву, а оставшемуся отряду пришлось пробиваться чрезъ толпы семигалловъ. Произошелъ ожесточенный бой: туземцы, входившіе въ составъ орденскаго войска, разбѣжались по лѣсу и вся тяжесть сраженія пала на орденскую братію и нѣмцевъ. Семигаллы перебили лошадей, умертвили 10 человѣкъ рыцарей, но не смогли одолѣть прочихъ. Они отступили въ лѣсъ и прибыли въ Митаву, гдѣ уже находился магистръ.

Недолго послѣ этого магистръ Конрадъ управлялъ орденскими дѣлами. По словамъ Рифмованной Хроники (стихи 7527—7566), онъ послалъ великому магистру въ Пруссію письмо, въ которомъ, отказываясь отъ магистерства, иросилъ назначить вмѣсто него въ Ливонію другого магистра. Тогдашній великій магистръ, Анно Зангерсгаузенскій, и его капитулъ предоставили ливонской братіи самимъ выбрать себѣ магистра. Выборъ палъ на брата Оттона Роденштейнскаго, какъ онъ названъ въ 244 гл. Орденской Хроники, или Люттельбургскаго, какъ онъ называется въ современныхъ документахъ. Въ концѣ 1266 году или въ самомъ началѣ 1267 г. Оттонъ вступилъ въ управленіе орденскими дѣлами въ Ливоніи, а его предмѣстникъ, Конрадъ Мандернскій, уѣхалъ въ Германію. Былъ богатъ магистръ Оттонъ многими добродѣтелями, пишетъ про него авторъ Рифмованной Хроники,

держалъ онъ себя смиренно, былъ вѣренъ и добръ и не былъ заносчивъ.

Новому магистру уже было не до семигалловъ и не до куроновъ. Началась война съ русскими, описанная уже въ предшествовавшей главѣ а затѣмъ пришлось отбиваться отъ литвы.

Было уже разсказано (см. выше стр. 66), какъ Войшелкъ вокняжился въ Литвѣ и съ какою свирѣпостью началъ преслѣдовать всѣхъ кто былъ замѣшанъ въ заговоръ и убійство его отца, Миндовга. Въ борьбѣ со своими соперниками онъ по преимуществу опирался на русскую помощь и на русское населеніе своихъ областей, но уже никакъ не могъ возстановить власть великаго князя литовскаго въ томъ объемѣ, въ какомъ она была при Миндовгѣ. Многіе удѣльные князьки Литвы и Жмуди сдѣлались самостоятельными князьями; въ главѣ полоцкой и витебской земли послѣ Товтивила хоть и явился литовскій князь Герденъ, но сдѣлался независимымъ отъ Войшелка, который, отличаясь усердіемъ къ православію и связанный родствомъ съ семьею Даніила Галицкаго, старался въ своемъ новогродско-литовскомъ княженіи дать перевѣсъ всему русскому предъ литовскимъ и самое княженіе включить въ составъ сосѣдней Руси. По смерти въ 1264 г. Даніила, главою галицко-волынскихъ князей сдѣлался Василько Романовичъ. Войшелкъ призналъ Василька своимъ отцомъ, т. е. старшимъ надъ собою, затѣмъ усыновилъ зятя своего, Шварна Даниловича, призвалъ его въ Новогродокъ и объявилъ своимъ наслѣдникомъ. Литва готовилась окончательно слиться съ Русью, но соперничество и вражда между собою сыновей Даніиловыхъ помѣшали этому сліянію.

Въ 1268 году Войшелкъ, управлявшій новогродско-литовскимъ княжествомъ совмѣстно со Шварномъ, снова удалился въ Угровскій монастырь св. Даніила и снова облекся въ одежду чернеца. Шварнъ уговаривалъ его остаться, покняжить еще вмѣстѣ, но тотъ рѣшительно отказался, говоря: „Много согрѣшилъ я предъ Богомъ и людьми, ты княжи, а земля тебѣ безопасна“. Живя въ монастырѣ, Войшелкъ говорилъ: „Вотъ здѣсь подлѣ меня сынъ мой Шварнъ, а тамъ господинъ мой отецъ князь Василько, буду ими утѣшаться“. Утѣшаться ему, однако, не пришлось: Шварнъ скоро умеръ бездѣтнымъ, литовцы снова вызвали Войшелка изъ монастыря для управленія дѣлами княжества. Это возбудило вражду въ братѣ Шварна, князѣ Львѣ Даниловичѣ, которому хотѣлось быть наслѣдникомъ Шварна въ Литвѣ, а Войшелкъ не склонялся на его желаніе. Между Львомъ и Войшелкомъ готовы были начаться военныя дѣйствія, какъ старшій въ родѣ, князь Василько Романовичъ, предложилъ имъ съѣхаться вмѣстѣ для примиренія во Владиміръ Волынскій. Войшелкъ и Левъ пріѣхали. Здѣсь старый совѣтникъ Даніила, богатый нѣмчинъ Маркольдъ, позвалъ къ себѣ на обѣдъ всѣхъ трехъ князей: Василька, Льва и Войшелка. Обѣдали весело, и за обѣдомъ по обычаю много пили. Послѣ обѣда Василько отправился къ себѣ домой спать, а Войшелкъ пошелъ въ Михайловскій монастырь, гдѣ остановился. Вслѣдъ за тѣмъ въ монастырь пришелъ и Левъ. „Кумъ! выпьемъ-ка еще!“ сказалъ онъ Войшелку (Войшелкъ крестилъ у него сына Юрія). Начали пить и во время попойки поссорились: Левъ началъ укорять Войшелка за то, что зятю онъ все отдалъ, а куму ничего. Слово за слово и пьяный Левъ, человѣкъ вообще буйный и неукротимый, выхватилъ саблю и умертвилъ Войшелка.

Этимъ убійствомъ, нарушившимъ священныя права гостепріимства, было порвано въ самомъ началѣ готовившееся было мирное соединеніе Литвы съ Русью. Литовцы и слышать не хотѣли о подчиненіи кому либо

изъ галицко-волынскихъ низей и во главѣ новогродско-литовскаго княжества поставили одного изъ природныхъ литовскихъ князей, по имени Тройдена, котораго русская лѣтопись (см. Пол. Соб. Рус. Лѣт. II, 204) называетъ человѣкомъ „окаяннымъ, беззаконнымъ и треклятымъ". Братья этого Тройдена были православные, но онъ самъ оставался язычникомъ и скоро въ своихъ владѣніяхъ воздвигъ гоненіе какъ на христіанъ, такъ и вообще на русскую народность, а съ тѣмъ вмѣстѣ начались набѣги и на ливонскія земли.

Послѣ замиренія съ русскими (см. выше стр. 88), ливонскій орденъ могъ безъ всякихъ препятствій обратить оружіе на семигалловъ, противившихся господству у себя нѣмцевъ и католичеству; ударить на семигалловъ ордену нужно было еще и потому, что дѣйствія прежняго магистра въ Семигалліи были вообще не особенно удачны и нѣмецкое господство въ этой странѣ не только не упрочивалось, напротивъ поколебалось. Новый магистръ, Оттонъ Люттельбургскій, собралъ войско и въ 1269 г. вступилъ въ Семигаллію, но тутъ получилъ извѣстіе, что литовцы находятся уже въ семигалльскихъ предѣлахъ, что ихъ войско идетъ на Ливонію Считалъ-ли магистръ свое войско недостаточно сильнымъ, чтобы сразиться съ литвою, или желалъ защитить правобережныя двинскія орденскія земли отъ вторженія, по онъ вышелъ изъ Семигалліи и возвратился въ Ригу Появленіе литовцевъ указало ему, что съ вокняженіемъ въ новогродско-литовской землѣ Тройдена для нѣмцевъ начинаются такія же тревоги и опасности, какія уже были испытаны въ то время, когда Миндовгъ отрекся отъ католичества и поднялъ на нѣмцевъ языческія племена пруссовъ и жмудинъ. Войшелкъ, занятый борьбою со своими противниками внутри своего княженія, не тревожилъ нѣмцевъ, не входилъ въ связи съ язычниками, оставлялъ въ покоѣ орденъ, но теперь, когда во главѣ литовцевъ сталъ язычникъ, когда дѣло мирнаго соединенія Литвы съ Русью рушилось, нѣмцы опять увидѣли иредъ собою своихъ прежнихъ враговъ.

Возвратившись въ Ригу, магистръ Оттонъ открылъ свободную дорогу литовцамъ въ правобережныя двинскія земли. Вольшое войско ихъ, говоритъ авторъ Рифмованной Хроники, описывая въ стихахъ 7769—7961 литовскій набѣгъ, безпрепятственно прошло чрезъ нынѣшнюю Лифляндскую губернію въ Викъ и отсюда чрезъ замерзшее море вторглось на островъ Эзель, гдѣ и начало свои обычные грабежи, пожары и опустошенія Зима въ тотъ годъ стояла суровая и море покрылось толстымъ льдомъ. Магистръ между тѣмъ разослалъ гонцовъ въ Дерптъ, Леаль и всюду, откуда надѣялся получить помощь, чтобъ войска спѣшили сборами и шли къ Ригѣ. Съ собранными такимъ образомъ силами, подкрѣпившими войско, возвратившееся изъ Семигалліи, магистръ Оттонъ пошелъ по слѣдамъ литовцевъ и достигъ Вика, куда прибыли дерптскій епископъ Фридрихъ (Видерихъ по Рифмованной Хроникѣ) изъ Дерпта, леальскій епископъ Германъ съ

ихъ дружинами и датскіе королевскіе мужи изъ Ревеля съ рыцаремъ Сверитомъ (Зифридомъ по Рюссову; онъ былъ ревельскимъ гауптманомъ, управлявшимъ королевскою землею). Въ это время на морскомъ льду показались литовцы, возвращавшіеся съ Эзеля изъ своего набѣга. Нѣмецкое войско выступило имъ на встрѣчу и построилось на льду у Карузена при проходѣ чрезъ проливъ между островами Мономъ и Вердеромъ. Епископъ дерптскій долженъ былъ вести въ бой лѣвое крыло, рыцарь Сверитъ правое, а самъ магистръ сталъ во главѣ центра. Литовцы также построились къ бою, окруживъ себя санями. Орденская братія первая открыла наступленіе, бросилась на литовцевъ, но наткнулась на сани и замѣшалась, въ особенности когда литовцы перебили у нея лошадей. Все нѣмецкое войско тогда поспѣшило за орденскою братіею и ударило на литву. Завязался ожесточенный бой и нѣмецкое войско потерпѣло сильное пораженіе; въ свалкѣ магистръ Оттонъ былъ убитъ и съ нимъ погибло 52 рыцаря (20 по Орденской Хроникѣ, 70 по Ніенштету) и 600 простыхъ ратниковъ; епископъ леальскій былъ раненъ, и разстроенное нѣмецкое войско должно было отступить. Литовцы не только удержали за собою поле сраженія и честь побѣды, но со всею добычею и полономъ безъ всякихъ препятствій прошли чрезъ всю Ливонію и возвратились домой.

Это неудачное для ордена сраженіе происходило 16-го февраля 1270 года, но оно не повлекло за собою никакихъ важныхъ послѣдствій: литовцы удовольствовались награбленною добычею, а орденъ не замедлилъ пополнить свои потери. О гибели Оттона дали знать великому магистру и впредь до назначенія магистра въ Ливонію управленіе орденскими дѣлами ввѣрили брату Андрею Вестфальскому, который пробылъ въ должности вице-магистра лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Получивъ извѣстіе, что какая-то литовская партія вторглась въ орденскія земли и ограбила ихъ, онъ съ небольшимъ войскомъ погнался за грабителями. Изнуренное походомъ войско остановилось отдохнуть, непринявъ надлежащихъ предосторожностей противъ внезапнаго нападенія. Литовцы воспользовались этимъ: бросились на нѣмцевъ, расположившихся на отдыхъ, и истребили ихъ; вице-магистръ и 20 орденскихъ братьевъ были убиты. Когда именно и гдѣ происходило это, ни Рифмованная Хроника, ни Вартбергъ не обозначаютъ; но соображаясь съ указаніями времени управленія послѣдующаго магистра, надобно полагать, что это нападеніе литовцевъ произошло въ срединѣ 1270 года, какъ надобно полагать и то, что ливонскіе туземцы наводили литовцевъ на нѣмцевъ и сообщали имъ о всѣхъ движеніяхъ орденскаго войска, иначе трудно и объяснить внезапность нападенія, повлекшая за собою гибель вице-магистра.

Получивъ извѣстіе о смерти Андрея, великій магистръ назначилъ провинціальнымъ магистромъ въ Ливонію орденскаго брата Вальтера

Нортекскаго (Нортекъ или Нордекъ близь Гиссена въ Обергиссенѣ), который и вступилъ въ управленіе дѣлами осенью 1270 г. Предшествовавшіе его прибытію литовскіе набѣги указали на что именно ордену слѣдовало обратить преимущественное вниманіе: литовскія партіи вторгались чрезъ Семигаллію, гдѣ онѣ находили себѣ поддержку и пристанище, слѣд. надобно было прежде всего затруднить вторженія, а этого иначе нельзя было достигнуть какъ овладѣніемъ пограничныхъ со Жмудью семигалльскихъ городковъ. Съ этого именно и началъ новый магистръ. Собравъ войско и пригласивъ къ участію въ походѣ датскихъ королевскихъ мужей, онъ въ концѣ 1270 года двинулся на семигалльскій городокъ Терветенъ, находящійся верстахъ въ 50 къ югу отъ Митавы близь жмудской границы. Городокъ этотъ былъ взятъ и сюда, по надлежащемъ его укрѣпленіи, былъ поставленъ нѣмецкій гарнизонъ. Весною слѣдующаго 1271 года на пасху магистръ собралъ новое войско, посадилъ его на ладьи и отправился на этихъ ладьяхъ въ верхъ по рѣкѣ Курляндской Аа къ городку Мезотену, стоявшему на этой рѣкѣ верстахъ въ 50 отъ Митавы, недалеко отъ нынѣшняго Бауска. Городокъ сдался безъ боя; магистръ увелъ въ плѣнъ все населеніе его и поставилъ здѣсь свой гарнизонъ. Чрезъ нѣсколько времени магистръ побывалъ въ Терветенѣ и отсюда прошелъ по жмудской границѣ къ семигалльскому городку Ратену или Радену подъ нынѣшнимъ Баускомъ и сжегъ его до тла. Семигалламъ теперь ничего не оставались, какъ покориться: всѣ ихъ городки были уже въ нѣмецкихъ рукахъ; они и сдались побѣдителямъ, при чемъ обѣщались принять католичество и платить дань. Тутъ только явилась возможность утвердить и упрочить тотъ раздѣлъ Семигаллiи, который былъ произведенъ еще въ 1254 г. (см. выше стр. 32) Рижскій соборный капитулъ вступилъ во владѣніе своею частью, а принятую на себя обязанность платежа дани властителямъ семигаллы скрѣпили договоромъ отъ 29 іюня 1272 г.

Магистръ Вальтеръ Нортекскій управлялъ дѣлами не болѣе двухъ съ половиною лѣтъ. Въ концѣ 1272 г. онъ заболѣлъ и уѣхалъ въ Германію. Великій магистръ уволилъ его отъ должности ливонскаго провинціальнаго магистра, приказавъ ему отправиться въ Марбургъ, куда онъ охотно и поѣхалъ, ибо мѣтилъ, какъ говоритъ авторъ Рифмованной Хроники (стихи 8072—8086), вступить тамъ въ орденскій конвентъ. Вмѣсто него магистромъ для Ливоніи былъ избранъ въ началѣ 1273 г. орденскій братъ Эрнстъ Рассбургскій (такъ онъ названъ въ 252 гл. Орденской Хроники; Рассебургъ или Распергъ мѣстность въ Тюрингіи; Рюсовъ называетъ этого магистра фонъ Расборгомъ; Вартбергъ просто Эрнстомъ безъ всякаго прозванія), который не сейчасъ отправился къ мѣсту своего назначенія, а прибылъ въ Ригу лишь лѣтомъ 1274 г., такъ что болѣе года ливонскіе рыцари оставались безъ магистра.

Время отъ отъѣзда Вальтера до прибытія Эрнста прошло въ борьбѣ ордена съ литовцами, въ мелкой войнѣ съ ними, въ набѣгахъ и ограбленіяхъ пограничныхъ земель. Рыцари вторгались въ литовскія земли и грабили ихъ, литовцы преслѣдовали грабителей и сами вторгались въ орденскія земли. Авторъ Рифмованной Хроники (стихи 8087—8148) пишетъ, что во время этой мелкой войны съ литовцами, погибъ какой-то литвинъ Суксе, который ушелъ изъ своей земли въ Ливонію, принялъ католичество и не разъ хажнвалъ съ орденскою братіею на своихъ же земляковъ. О нажцы лѣтомъ 1273 г. довольно значительная партія литовцевъ пробралась къ Двинѣ, разоряя все встрѣчное. Рыцари выступили противъ этой партіи и настигли у рѣчки Дубена (нынѣшнее имѣніе Дубена на лѣвомъ берегу Двины верстахъ въ 40 вверхъ отъ нынѣшняго Якобштата) и разбили литовцевъ, которые потеряли въ этомъ бою убитыми 600 человѣкъ. Орденская братія, пишетъ Рифмованная Хроника, отбила у литовцевъ награбленную добычу и подѣлила ее между собою. Подобные набѣги, конечно не влекли за собою никакихъ важныхъ послѣдствій.

Новый магистръ Эрнстъ Рассбургскій, по прибытіи въ Ригу и ознакомленіи съ положеніемъ дѣлъ, увидѣлъ, что ему придется имѣть дѣло главнѣйшимъ образомъ съ литовцами, участившими свои набѣги. Для огражденія орденскихъ владѣній со стороны Литвы другого средства не было, какъ постройка новыхъ крѣпостей и содержаніе въ нихъ постоянныхъ нѣмецкихъ гарнизоновъ, которые во всякое время могли бы оказывать сопротивленіе вторженіямъ. Рядъ крѣпостей по Двинѣ и въ земляхъ нынѣшней Курляндской губерніи приносилъ уже несомнѣнную пользу: непріятельскимъ партіямъ трудно уже было пробираться незамѣченными въ Ливонію и опасно слишкомъ далеко углубляться въ страну, имѣя за собою въ тылу невзятыя крѣпости и вооруженныя силы ордена. Семигалліи была уже порядочно защищена крѣпостями и нѣмецкое господство становилось здѣсь довольно прочнымъ, вторженія съ юга затруднились, но съ востока орденскія владѣнія въ Семигалліи не имѣли никакой защиты, тутъ литовскія партіи могли проходить свободно и потому являлось необходимымъ укрѣпить и эту сторону. Новый магистръ вызвалъ въ Ригу на совѣщаніе командоровъ и предложилъ заложить новую крѣпость на Двинѣ, которая бы защищала семигальскія земли съ востока и вмѣстѣ съ тѣмъ препятствовала бы литовскимъ вторженіямъ въ подвинскія орденскія земли.

Мѣсто для новой крѣпости было выбрано на берегу Двины верстахъ въ 200 вверхъ по этой рѣкѣ отъ Риги. Новый магистръ собралъ войско и, взявъ съ собою все что нужно для постройки и снабженія будущей крѣпости, двинулся къ избранному пункту и здѣсь лѣтомъ же 1274 г. заложилъ крѣпость, названную *Динабургомъ*. Ни Орденская, ни Рифмованная Хроники не сообщаютъ, сколько времени

строили новую крѣпость, но, кажется, въ слѣдующемъ 1275 году крѣпость была готова, вооружена камнеметными машинами и самострѣлами и снабжена достаточно сильнымъ гарнизономъ, состоявшимъ изъ орденской братіи съ ихъ кнехтами и туземцевъ (lantman, конечно, латышей), обученныхъ военному дѣлу и способныхъ оборонять замокъ.

Ни литовцы, ни русскіе ни мало не мѣшали постройкѣ: они, очевидно, ничего не знали, что такое предпринимаютъ нѣмцы, и спохватились только тогда, когда крѣпость была готова и вооружена. Новая крѣпость такъ далеко выдвинулась впередъ (205 верстъ отъ Риги), заняла такое угрожающее положеніе по отношенію къ полоцкому и къ литовско-русскому княженіямъ, что ни русскіе, ни литовцы не могли оставить въ покоѣ нѣмецкаго укрѣпленія и не попытаться разрушить его. Дѣйствительно литовскій князь Тройденъ (о немъ см. выше стр. 93) со своимъ войскомъ подступилъ къ Динабургу. Авторъ Рифмованной Хроники, разсказывая въ стихахъ 8208—8280 подробности объ осадѣ этой крѣпости, пишетъ, что Тройденъ, котораго онъ называетъ королемъ Торейденомъ (konic thoreiden), со множествомъ язычниковъ подскакалъ (gerennet) къ Динабургу вскорѣ послѣ его постройки съ намѣреніемъ сжечь крѣпость (постройки, значитъ, были деревянныя). По соображенію съ послѣдующими событіями, надобно полагать, что осада Динабурга происходила въ 1277 г. и не позднѣе начала 1278 года. Какъ бы то нибыло, но Тройденъ увидѣлъ, что новый нѣмецкій замокъ такъ укрѣпленъ и снабженъ такими сильными камнеметными машинами, что и подступить къ нему близко нельзя. Онъ потому рѣшился осадить замокъ и велѣлъ строить четыре большія камнеметныя машины (Blieden), а между тѣмъ къ нему на помощь подошли русскіе стрѣлки (ruscn schutzen). Они своими стрѣлами поранили многихъ изъ осажденныхъ, но этимъ мало что выиграли: наносимыя стрѣлами раны были легкія, раненые скоро выздоравливали и становились къ машинамъ, камнями изъ которыхъ перебили не мало язычниковъ. Четыре камнеметныя машины скоро были готовы и осаждающіе начали бросать ими большіе камни въ крѣпость, причемъ язычники съ утра и до ночи подвозили камни. Подобное обстрѣливаніе наносило вредъ крѣпости, но, видно, не очень сильный, потому что осажденные успѣвали исправлять поврежденія. Осада продолжалась четыре недѣли и была совершенно безуспѣшна: осажденные отбивали нападенія и перебили много народу, такъ что Тройденъ потерялъ надежду совладать съ крѣпостью. Онъ велѣлъ изрубить свои камнеметныя машины и, отступивъ отъ Динабурга, ушелъ съ войскомъ въ свою землю. Орденская братія, выдержавъ осаду, исправила поврежденія, усилила оборону крѣпости и послала въ Ригу гонцовъ извѣстить магистра о происходившемъ подъ Динабургомъ.

Магистръ рѣшился отмстить Тройдену и задумалъ предпринять большой походъ на Литву. Съ этою цѣлію онъ разослалъ гонцовъ ко всѣмъ командорамъ собираться на войну, послалъ приглашеніе въ Ревель къ датскому гауптману Эйларту Гомбергскому, чтобъ онъ съ датскими королевскими мужами принялъ участіе въ походѣ. Сборнымъ мѣстомъ была Рига. Сюда и собралось войско: орденская братія, крестоносцы, ливы, латыши, куроны и семигаллы.

Прибылъ изъ Ревеля Эйлартъ со своими людьми, присоединились къ войску и другіе рыцари: Іоаннъ Тизенгаузенскій и Генрихъ Франгенскій. Зимою 1278 г. орденское войско выступило въ походъ и направилось на древній стольный городъ литовцевъ Керновъ, на рѣкѣ Виліи. Магистръ города не взялъ, но страшно опустошилъ всѣ окрестныя около Кернова литовскія земли. Сопротивленія нигдѣ не было, орденскіе отряды расхаживали изъ деревни въ деревню и истребляли все встрѣчное; наконецъ войско, обремененное огромною добычею, предприняло обратный походъ; въ февралѣ 1279 г., когда стояли сильные морозы.

Теперь настала очередь литовцамъ. Они также собрали большое войско и пошли слѣдомъ за отступавшимъ орденскимъ войскомъ, скоро уменьшившимся въ числѣ вслѣдствіе того, что многіе изъ туземцевъ разошлись по домамъ, какъ только войско вышло изъ литовскихъ предѣловъ. Литовцы, усиливаясь новыми партіями своихъ земляковъ, искали только удобнаго мѣста, гдѣ бы можно было напасть на орденцевъ и наконецъ вечеромъ 5 марта 1279 г. подъ Ашераденомъ (такъ пишетъ Рюссовъ, прочіе источники мѣсто боя не обозначаютъ) ударили на нихъ. Произошелъ ожесточенный бой; раненаго и убитаго народа съ обѣихъ сторонъ было такъ много, что кровь текла по снѣгу, говоритъ авторъ Рифмованной Хроники, и въ концѣ концовъ орденское войско потерпѣло сильное пораженіе: орденскій магистръ Эрнстъ и съ нимъ 71 чел. рыцарей были убиты, орденскій знаменоносецъ рыцарь Іоаннъ Тизенгаузенскій палъ въ бою и орденское знамя попало въ руки язычниковъ. Датскій намѣстникъ Эйларть думалъ было поправить дѣло и бросился со своими людьми въ сѣчу; литовцы окружили его отрядъ, подъ Эйлартомъ былъ убить конь, онъ самъ получилъ смертельную рану и его отрядъ лишь съ большимъ трудомъ пробился сквозь ряды язычниковъ. Семигаллы разбѣжались при самомъ началѣ боя, не потерявъ ни одного человѣка. Литовцы отбили награбленную добычу, но тѣмъ и удовольствовались; они не добили остатковъ орденскаго войска, не преслѣдовали его, а возвратились въ свою землю, быть можетъ, вслѣдствіе сильныхъ холодовъ, стоявшихъ въ это время. Зима была такая лютая, говоритъ авторъ Рифмованной Хроники, что много народу, язычниковъ и христіанъ, замерзло.

Смерть магистра Эрнста была тяжкимъ ударомъ для Ливоніи,

говоритъ авторъ Рифмованной Хроники (стихи 8515—8556), къ этому онъ могъ бы прибавить, что Ашераденское пораженіе было бы гибельно для всего нѣмецкаго господства, еслибы литовскій князь Тройденъ могъ воспользоваться своею побѣдою, но онъ въ это время самъ находился въ положеніи весьма не упроченномъ: онъ былъ окруженъ внѣшними врагами, князьями русскими, галицко-волынскими, немало-враговъ ему было и внутри самаго княжества среди литовскихъ князьковъ. Тройденъ былъ слишкомъ слабъ для борьбы съ нѣмцами и потому по неволѣ долженъ былъ оставить Ливонію въ покоѣ. Здѣсь послѣ Ашераденскаго боя въ управленіе орденскими дѣлами вступилъ орденскій братъ *Гергардъ Каценельбогенскій*. Онъ немедленно же отправилъ къ великому магистру тевтонскаго ордена, Гартману Гельдрунгенскому (управлялъ съ 1274 по 1283), посла съ донесеніемъ о гибели Эрнста и пораженіи орденскаго войска. Около этого времени умеръ и прусскій магистръ (ландмейстеръ Конрадъ Тирбергскій старшій), такъ что орденскому конвенту приходилось произвести выборъ мѣстныхъ магистровъ для Ливоніи и для Пруссіи. Весною 1279 г. конвентъ собрался въ Марбургѣ. Здѣсь, по выслушаніи доклада ливонскаго посла о положеніи дѣлъ въ Ливоніи, орденская братія, имѣя въ виду, что ордену въ то время приходилось главнѣйшимъ образомъ дѣйствовать противъ литовцевъ, одинаково угрожавшихъ орденскимъ владѣніямъ и въ Пруссіи и Ливоніи, предположила должности мѣстныхъ магистровъ прусскаго и ливонскаго соединить въ одномъ лицѣ для приданія единства дѣйствіямъ по покоренію земель пруссовъ и борьбѣ съ литовцами. Великій магистръ Гартманъ Гельдрунгенскій согласился съ такимъ предположеніемъ и тогда конвентъ избралъ на должность прусско-ливонскаго магистра рыцаря *Конрада Фухтевангенскаго* (Фухтевангенъ городокъ у Аншнаха во Франконіи). Новый магистръ вскорѣ послѣ своего избранія отправился въ Пруссію, гдѣ послѣ Дурбенскаго пораженія (см. выше стр. 53) возстаніе туземцевъ еще не было окончательно усмирено, предоставивъ въ Ливоніи управленіе дѣлами Гергарду Каценельбогенскому въ качествѣ вице-магистра.

Дѣла въ Ливоніи находились далеко не въ блистательномъ положеніи. Ашераденское пораженіе значительно подорвало орденскія силы и хотя литовцы не двигались, но за то обнаружилось въ Семигалліи новое возстаніе довольно опаснаго свойства.

Было сейчасъ сказано, что семигаллы въ Ашераденскомъ сраженіи не только не оказали никакого содѣйствія орденскому войску, но напротивъ бѣжали въ свою землю и здѣсь, конечно, разнесли вѣсть о гибели магистра и 71 человѣка орденской братіи. Семигаллы, силою вынужденные къ покорности и иринятію католичества (см. выше стр. 95), ждали только случая возстать противъ своихъ властителей, и возстали тотчасъ же какъ провѣдали объ исходѣ Ашераденскаго

боя, происходившаго 5 марта 1279 г. въ серединѣ великаго поста. Чуть лишь погода сдѣлалась теплой и появилась въ поляхъ зеленая трава, пишетъ авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 8615—8762, какъ семигаллы поднялись и бросились на Терветенъ, ихъ бывшій городокъ, которымъ овладѣли нѣмцы, укрѣпили и поставили свой гарнизонъ (см. выше стр. 95)

Во главѣ возстанія, руководителемъ его и предводителемъ явился семигалльскій латышъ Намейзе. Сколько можно заключить изъ разсказа автора Рифмованной Хроники, Намейзе былъ однимъ изъ почетнѣйшихъ старшинъ семигалльской земли; онъ принялъ католичество и по всей вѣроятности при подчиненіи въ 1272 г. Семигалліи оказалъ содѣйствіе ордену, который вслѣдствіе того оказывалъ ему особенное отличіе и довѣренность. Намейзе остался бы навсегда приверженцемъ ордена, если бы его не оскорбилъ какой-то орденскій братъ нанесеніемъ пощечины (извѣстіе о томъ см. въ Исторіи Пруссіи Фойгта IV. 27, прим. 2). По всей вѣроятности Намейзе не получилъ никакого удовлетворенія за обиду, потому что поклялся отмстить ордену и привелъ свою клятву въ исполненіе: отрекся отъ католичества и явился во главѣ возстанія своихъ земляковъ.

Возставшіе семигаллы явились подъ Терветенъ внезапно, немедленно же выжгли все предмѣстіе этой крѣпостцы и поголовно истребили всѣхъ христіанъ, какихъ только застали тамъ. Спасся только одинъ человѣкъ, какой-то Бертольдъ (плутъ, ein schalc, говоритъ про него авторъ Рифмованной Хроники). Былъ онъ стрѣлокъ и, чтобы избавиться отъ смерти, передался семигалламъ, обѣщая научить ихъ какъ дѣйствовать стрѣлами изъ нѣмецкихъ самострѣловъ (armbruste), которыхъ довольное число семигаллы нашли въ предмѣстіи. Ему пощадили жизнь и онъ выучилъ семигалловъ какъ натягивать и спускать стрѣлы изъ самострѣльныхъ луковъ. Сжегши предмѣстье, семигаллы обложили самую крѣпостцу; къ нимъ скоро прибылъ Намейзе и принялъ начальство надъ осаждающими.

Нѣмецкій гарнизонъ, запершійся въ Терветенскомъ замкѣ, былъ немногочисленный, въ составѣ его было 15 человѣкъ орденской братіи. Каменьями изъ метательныхъ орудій (блидъ) они отбили первый штурмъ семигалловъ. Тогда Намейзе велѣлъ стрѣлять по осажденнымъ изъ самострѣловъ. „Братья, говоритъ авторъ Рифмованной Хроники, не знали, что та невѣрная собака (ungetriuwe hunt) отступила отъ христіанства, у нихъ и въ мысляхъ не было, чтобы кто нибудь стрѣлялъ въ нихъ изъ самострѣловъ, и потому не оберегались какъ слѣдуетъ. Бертольдъ между тѣмъ не зѣвалъ и своими стрѣлами ранилъ не одного воина, да такъ, что тотъ забывалъ объ оборонѣ“. Осажденные, однако, не унывали, отбивались каменьями цѣлые четыре дня, но, наконецъ, видя, что имъ не устоять, рѣшились зажечь

замокъ и самимъ пробиваться силою сквозь толпы осаждающихъ. Они такъ и сдѣлали: зажгли крѣпость, отворили ворота и пошли на проломъ. Намейзе, увидѣвъ братьевъ, крикнулъ своимъ: „Смѣло впередъ на орденцевъ (tretet un vrilichen uf der brudere schar)“! и въ концѣ концовъ орденцы были осилены: часть ихъ была перебита, а часть взята въ плѣнъ. По всей вѣроятности кто нибудь и спасся и разсказалъ о происходившемъ въ Терветенѣ, иначе откуда бы знать автору Рифмованной Хроники подробности о взятіи Терветена и кто бы извѣстилъ вице-магистра о паденіи этой крѣпости.

Чрезъ нѣсколько часовъ послѣ боя, семигаллы, разсказываетъ авторъ Рифмованной Хроники, учредили судъ, составили большой кругъ, ввели въ этотъ кругъ одного рыцаря и изрубили въ куски; другихъ рыцарей отослали къ литовцамъ. Очевидно Намейзе, принимая на себя предводительство возстаніемъ, вошелъ заранѣе въ сношенія и связи съ литовцами-жмудинами на счетъ дѣйствій противъ нѣмцевъ.

Вице-магистръ Гергардъ, получивъ извѣстіе о паденіи Терветена и возстаніи въ Семигалліи, немедленно же отправилъ къ магистру Конраду орденскаго брата, Клоса, съ донесеніемъ о случившемся и просьбою, чтобъ магистръ самъ прибылъ въ Ливонію и привелъ съ собою на помощь рыцарей, чтобы поправить дѣла и усмирить возстаніе. Клосъ засталъ магистра въ Эльбингѣ, гдѣ въ это время (весною 1279 году) происходило большое собраніе орденской братіи и сановниковъ (капитулъ). Магистръ, по выслушаніи донесенія о ливонскихъ дѣлахъ, не счелъ нужнымъ явиться самому въ Ливонію, но послалъ въ Ригу отрядъ рыцарей на помощь Гергарду. Отрядъ этотъ изъ Пруссіи пробрался въ Ригу по морскому берегу, не встрѣтивъ нигдѣ непріятеля, и вице-магистръ, давъ время ему отдохнуть и откормить лошадей, разослалъ прибывшихъ рыцарей туда, гдѣ была въ нихъ необходимость (Рифмованная Хроника, стихи 8763—8818). Они, конечно, были посланы на усиленіе гарнизоновъ въ Гольдингенѣ, Митавѣ и др. крѣпостяхъ въ Куроніи и Семигалліи.

Магистръ Конрадъ остался въ Пруссіи, а вице-магистръ Гергардъ, по всей вѣроятности, не считалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы предпринять что либо рѣшительное противъ Намейзе и возставшихъ семигалловъ. Изъ Риги противъ семигалловъ ничего не предпринимали; Намейзе воспользовался этимъ, онъ возобновилъ Терветенъ, укрѣпилъ его вновь и сдѣлалъ этотъ городокъ своею главною квартирою. Ничего не предпринимали противъ семигалловъ и изъ Митавы, и только изъ Гольдингена были сдѣланы два похода на семигалльскій городокъ Добленъ, построенный на горѣ при рѣкѣ Берзѣ, верстахъ въ 40 къ западу отъ Митавы. Авторъ Рифмованной Хроники описываетъ эти походы въ 8914—9192 стихахъ съ особенною подробностію.

По его словамъ, состояль въ это время (въ 1279 г.) въ Голь-

дингенѣ фохтомъ, вѣдавшимъ дѣла подвластныхъ гольдингенскому командору куроновъ, нѣкто Іоаннъ Охтенгузенскій (Johann von Ochtenhusen). Много онъ наносилъ вреда язычникамъ, зналъ всѣ пути и всѣ дороги и нерѣдко предпринималъ набѣги на язычниковъ, опустошая огнемъ и грабя ихъ земли. Послѣ паденія Терветена, онъ предложилъ орденской братіи въ Гольдингенѣ сдѣлать набѣгъ на Добленъ. Тѣ согласились и разослали гонцовъ къ куронамъ, чтобъ они собирались въ походъ. Составился небольшой отрядъ — нѣсколько сотенъ куроновъ и человѣкъ пять, не болѣе, рыцарей, съ Іоанномъ въ томъ числѣ. Весною 1279 г. отрядъ этотъ, забравъ съ собою съѣстные припасы, двинулся въ путь чрезъ лѣса по самымъ дурнымъ дорогамъ, при чемъ приходилось строить и мосты чрезъ встрѣчныя рѣчки. Вступивъ въ Семигалліо и подойдя къ Доблену, Іоаннъ съ однимъ рыцаремъ и 50-ю куронами раннимъ утромъ поѣхалъ впередъ, въ надеждѣ напасть въ расплохъ на городокъ, но видно въ Добленѣ уже знали о приближеніи непріятеля, потому что Іоаннъ засталъ уже семигалловъ стоявшими нредъ воротами городка и готовыми къ бою. Гольдингенскій фохтъ нимало не смутился этимъ и смѣло ударилъ на семигалловъ, которые не выдержали натиска и бѣжали въ городокъ. Онъ бросился за ними, но тутъ одинъ семигаллъ ударилъ его (копьемъ-ли, топоромъ-ли, или камнемъ, лѣтописецъ не говоритъ) въ шлемъ съ такою силою, что свалилъ съ коня. Тутъ подошелъ главный отрядъ и спасъ фохта. Завязался бой копьями и предолжался до самаго обѣда. Фохтъ, видя, что ему не совладать съ городкомъ, отступилъ и пошелъ со своимъ отрядомъ въ обратный походъ. Добленцы не преслѣдовали нападавшихъ, но немедленно же дали знать въ Терветенъ о происходившемъ. Намейзе выбралъ лучшихъ людей и погнался за фохтомъ. Онъ нагналъ его у давно уже сожженнаго городка Баботена (подъ нынѣшнимъ Шлокомъ), вступилъ въ бой и потерпѣлъ пораженіе. Съ потерею 50 человѣкъ убитыми Намейзе отступилъ въ свою землю, а фохтъ раздѣлилъ съ своимъ отрядомъ добычу, награбленную дорогою, и благополучно прибылъ въ Гольдингенъ. Чрезъ нѣсколько недѣль онъ предпринялъ, но уже вмѣстѣ съ командоромъ, новый походъ на Добленъ. На этотъ разъ походъ былъ удачнѣе: они подобрались къ этому городку незамѣченные, сожгли носадъ, забрали въ плѣнъ и умертвили человѣкъ триста семигалловъ, и за тѣмъ съ добычею и полономъ возвратились въ Гольдингенъ. Здѣсь вся добыча, иригнанныя лошади и скоть, были раздѣлены между участниками похода, нѣмцами и куронами, богатыми и бѣдными.

Чтобы отомстить нѣмцамъ этотъ набѣгъ, Намейзе рѣшился, разсказываетъ авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 9193—9404, ударить на нѣмецкія владѣнія нодъ Ригою и зимою въ концѣ 1279 года выступилъ въ походъ. Въ Митавѣ провѣдали о его сборѣ и дали знать вице-магистру о готовившемся на него нападеніи на столько

заблаговременно, что онъ успѣлъ приготовиться къ оборонѣ, собралъ ратниковъ изъ ближайшихъ къ Ригѣ мѣстъ, снарядилъ крестоносцевъ (паломниковъ), находившихся въ Ригѣ, вызвалъ орденское ополченіе изъ Вендена и устроилъ все собранное войско къ бою. Намейзе, подойдя къ Ригѣ, увидѣлъ, что внезапное нападеніе, на которое онъ единственно и расчитывалъ, не можетъ быть произведено, и потому немедленно же поворотилъ назадъ и поспѣшно сталъ отступать въ свою землю; вице-магистръ погнался за нимъ, настигъ семигалловъ у рѣки Курляндской Аа, но неосторожно съ нѣкоторыми рыцарями заскакалъ далеко впередъ и былъ захваченъ въ плѣнъ самимъ Намейзе. Подоспѣвшее за вице-магистромъ войско уже не могло догнать семигалловъ и возвратилось въ Ригу, а плѣнный вице-магистръ былъ отосланъ къ литовскому князю Тройдену, который принудилъ его биться на поединкѣ съ какимъ-то литовцемъ. Поединокъ кончился тѣмъ, что оба бойца пали мертвыми.

Такъ ирошелъ весь 1279 г. Противъ возставшихъ семигалловъ орденъ не предпринималъ ничего рѣшительнаго, вслѣдствіе слабости своихъ силъ, но не лучше шли дѣла и въ Пруссіи. Конрадъ Фейхтвангенскій хоть и признавалъ, что соединеніе въ одномъ лицѣ двухъ должностей, магистра прусскаго и ливонскаго, имѣло своего рода выгоды, но бывшія въ его распоряженіи силы были далеко недостаточны, чтобы съ успѣхомъ вести войны съ прусскими и ливонскими туземцами, потому онъ и рѣшился сложить съ себя должность прусско-ливонскаго магистра. Вслѣдствіе этого онъ созвалъ къ себѣ орденскихъ командоровъ, объявилъ имъ свое рѣшеніе, поручилъ имъ выбрать новаго ландмейстера, а самъ отправился въ Германію къ великому магистру, Гартманну Гельдрунгенскому, просить объ увольненіи отъ должности прусско-ливонскаго магистра. Гартманъ созвалъ въ свою очередь къ себѣ орденскихъ сановниковъ, которымъ Конрадъ и разсказалъ о событіяхъ въ Ливоніи, о возстаніи семигалловъ и гибели вице-магистра. „Я слишкомъ слабъ для Пруссіи и Ливоніи и не могу съ успѣхомъ оборонять обѣ эти земли, пошлите кого либо другого“, сказалъ Конрадъ въ заключеніе своего разсказа (см. Рифмованную Хронику стихи 8819—8869). Великій магистръ и сановники постановили: назначить прусскимъ магистромъ рыцаря Мангольда фонъ Штернберга, а Конрада Фейхвангенскаго отправить въ Ливонію на должность ливонскаго магистра.

Конрадъ, въ сопровожденіи 34 рыцарей, моремъ отправился въ Ригу, куда и прибылъ въ день св. Маргариты, 13 іюля 1280 года. Орденская братія и рижскіе бюргеры выѣхали на встрѣчу новому магистру и съ почетомъ проводили его въ рыцарскій домъ Юргенсгофъ (называется также Витенштейнъ), построенный въ самой Ригѣ (близь нынѣшней лютеранской церкви св. Петра) для жительства магистра и рыцарей.

Чрезъ нѣсколько дней новый магистръ предпринялъ осмотръ ливонскихъ земель, чтобы ознакомиться съ положеніемъ ихъ и властителями. Онъ сдѣлалъ визиты епископамъ, свидѣлся съ датскими королевскими людьми и ихъ гауптманомъ и заручился содѣйствіемъ ихъ при предстоящихъ походахъ въ Семигаллію. Епископы дерптскій и леальскій, ревельскій гауптманъ Одевартъ обѣщали прислать магистру вспомогательные отряды.

По возвращеніи въ Ригу изъ объѣзда по Ливоніи, магистръ началъ готовиться къ походу, чтобы покончить съ возставшими семигаллами. По примѣру своихъ предшественниковъ, онъ разослалъ гонцовъ ко всѣмъ командорамъ и фохтамъ собираться къ Ригѣ къ назначенному времени, послалъ также гонцовъ къ епископамъ и въ Ревель. Дерптскій епископъ Фридрихъ Газельдорфъ (о немъ см. томъ I, 392) лично привелъ въ Ригу свою дружину, ревельскій гауптманъ также прислалъ вспомогательный отрядъ. Осенью 1280 г. собранное войско тронулось въ походъ съ цѣлію овладѣнія Добленомъ, на который въ прошломъ году сдѣлали два набѣга гольдингенскіе командоръ и фохтъ. Войско окружило Добленскій городокъ, перебило въ посадѣ всѣхъ, кто не успѣлъ бѣжать въ самый городокъ, затѣмъ построило блиду (камнеметную машину) для дѣйствія камнями. Но тутъ вдругъ было получено извѣстіе, что на выручку Доблена идутъ литовцы. Магистръ отмѣнилъ штурмъ городка, велѣлъ изрубить блиду и построилъ войско для битвы съ литовцами, которые стремительно наступали и заняли мѣстность, называемую, какъ пишетъ авторъ Рифмованной Хроники, разсказывая въ стихахъ 9427—9507 событія подъ Добленомъ, Слакенкаппенъ (нынѣ не существуетъ, да и гдѣ именно находилась — неизвѣстно). Подойдя ближе къ орденскому войску, литовцы увидѣли его многочисленность и начали постепенно отступать. Магистръ и епископъ Фридрихъ погнались за отступавшими, но зашли въ болото, которое еще не замерзло и потому было непроходимо. Пришлось остановить преслѣдованія и возвращаться. Литовцы ушли въ свою землю, а магистръ съ войскомъ, оставивъ Добленъ въ покоѣ, прибылъ обратно въ Ригу, не достигнувъ никакого результата. Наступила зима и войско было распущено по домамъ.

Въ слѣдующемъ 1281 году Конрадъ Фейхтвангенскій, но уже лѣтомъ, рѣшился предпринять новый походъ на семигалловъ и собралъ дѣйствительно значительныя силы. Кромѣ орденскихъ ратниковъ, къ Ригѣ подошли дружины епископа дерптскаго, прибылъ ревельскій гауптманъ Одевартъ, привелъ значительный отрядъ фонъ Рувенъ (полагаютъ, что это былъ предводитель дружины леальскаго епископа), стали въ ряды войска паломники и рижскіе бюргеры. Войско это пришло подъ Терветенъ и магистръ разослалъ отряды во всѣ стороны для опустошенія окрестной страны. Семигаллы вышли было изъ городка, чтобы сразиться съ войскомъ, но были тотчасъ же вогнаны

назадъ въ городокъ. Ночью они сами выжгли посадъ вокругъ городка, чтобъ очистить поле. Хлѣба уже созрѣли, но еще не были сжаты. Началось истребленіе посѣвовъ и всего встрѣчнаго. Магистръ между тѣмъ велѣлъ построить осадную башню (eÞenÞoe), которую и подкатили ко рву, чтобы съ верхушки ея дѣйствовать стрѣлами по осажденнымъ, и послалъ за гольдингенскимъ войскомъ, ставшимъ въ это время подъ Добленомъ. Когда они присоединились къ осаждающимъ, то общая численность войска магистра составила 14000 человѣкъ. По изготовленіи осадныхъ машинъ, начали дѣйствовать изъ нихъ и затѣмъ привезли нѣсколько сотенъ возовъ дровъ, что поджечь ими стѣны городка. Тогда осажденные, видя совершенную невозможность противиться магистру, прислали къ нему парламентеровъ съ просьбою, чтобы онъ дозволилъ Намейзе явиться къ нему для переговоровъ. Они согласились снова обратиться къ католичеству, платить безпрекословно наложенныя дани и жить въ мирѣ съ христіанами по прежнему. Магистръ и слышать не хотѣлъ было о переговорахъ, зная, что на обѣщанія язычниковъ полагаться никакъ нельзя, но за семигалловъ заступились рыцарь фонъ Рувенъ и находившійся при войскѣ рижскій соборный пробстъ и орденская братія проповѣдники. Магистръ послушался ходатайствъ, прекратилъ осаду и заключилъ съ терветенскими семигаллами миръ на условіи, что они будутъ платить дань и не будутъ причинять зло христіанству. Миръ былъ скрѣпленъ клятвенными обѣщаніями. Тогда магистръ снялъ осаду и въ августѣ 1281 г. съ войскомъ возвратился въ Ригу, гдѣ оно и было распущено по домамъ.

Намейзе, однако, не остался въ Семигалліи. Изъ Терветена онъ ушелъ къ литовскому князю Тройдену, который ввѣрилъ ему начальство надъ литовскимъ войскомъ и послалъ воевать въ Пруссію. Намейзе осенью того же 1281 г. со жмудью вторгся въ Пруссію и разрушилъ тамъ Христбургъ. Съ тѣхъ поръ онъ уже не возвращался въ Семигалліо, оставаясь непримиримымъ врагомъ ордена.

Еще до похода подъ Терветенъ Конрадъ ходатайствовалъ у великаго магистра, чтобы главное управленіе дѣлами въ Пруссіи и Ливоніи находилось въ однѣхъ рукахъ и было передано прусскому магистру Мангольду Штернбергу. Великій магистръ согласился на это, тогда Конрадъ, явившійся такимъ образомъ вице-магистромъ, пригласилъ Мангольда побывать въ Ливоніи и лично ознакомиться со страною. Мангольдъ осенью 1281 г., когда Конрадъ возвратился съ похода, прибылъ въ Ригу (онъ ѣхалъ изъ Пруссіи по морскому берегу, какъ пишетъ авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 9863—9740) Принятый здѣсь съ подобающимъ магистру почетомъ, Мангольдъ побывалъ въ нѣкоторыхъ замкахъ, ознакомился съ мѣстными сановниками и положеніемъ дѣлъ. Конрадъ все-таки ни за что не хотѣлъ оставаться въ Ливоніи, просилъ увольненія отъ дѣлъ и какъ

ни упрашивали его не покидать должности, но должны были уступить: въ Феллинѣ выбрали ливонскимъ вице-магистромъ орденскаго брата Виллекина (въ Орденской Хроники въ гл. 254 и 256 его прозваніе обозначено фонъ Ширборгъ, у Рюссова и Гіерна Шурбергъ; Рюссовъ полагаетъ, что многіе Виллекина прозывали также Эндорфскимъ), который и вступилъ въ управленіе орденскими дѣлами въ Ливоніи въ качествѣ вице-магистра. Мангольдъ возвратился въ Пруссію въ концѣ 1281 года.

Въ должности прусско ливонскаго магистра Мангольдъ пробылъ не долго. Великій магистръ Гартманъ Гельдрунгенскій умеръ 19 августа 1283 г. въ Акерсѣ (Аконѣ, по Орденской Хроникѣ гл. 254 въ Венеціи). Авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 9741—9800 разсказываетъ, что Мангольдъ, по полученіи извѣстія о смерти Гартмана, немедленно же написалъ въ Ригу къ Виллекину, чтобъ онъ прислалъ къ нему въ Пруссію нѣсколькихъ ливонскихъ братьевъ для сопровожденія его, Мангольда, въ Акерсъ на выборы новаго великаго магистра. Выборъ, происходившій въ концѣ 1283 г., палъ на рыцаря Бурхарда Швенденскаго, а Мангольдъ вслѣдъ за выборомъ просилъ уволить его отъ должности ливонскаго магистра. Просьба его была исполнена: его уволили, а ливонскимъ магистромъ утвердили Виллекина, который съ 1284 г. и явился самостоятельнымъ, независимымъ уже отъ прусскаго ландмейстера, орденскимъ сановникомъ.

Между тѣмъ литовскіе набѣги не прерывались. Литовцы однажды зимою пробрались къ Ашерадену и ограбили тутъ архіепископскія земли. Авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 9801—9898 разсказываетъ, что ашераденскій и кокенгузенскій командоры погнались за грабителями и нанесли имъ сильное пораженіе, при чемъ былъ убитъ предводитель шайки какой-то Шоріатъ. Нѣтъ сомнѣнія, что семигаллы не мало способствовали этимъ набѣгамъ, призывая и наводя сосѣднюю имъ жмудь на нѣмцевъ. Надобно полагать, что со стороны Терветена набѣги были особенно часты, потому что магистръ Виллекинъ рѣшился построить новую крѣпость, именно близъ Терветена, жители окрестностей котораго хотя и смирились, но все еще были мало покорны нѣмцамъ. Зимою 1286 г. магистръ подвезъ къ Митавѣ строительные матеріалы и съ войскомъ направился къ Терветену. Тутъ по близости этого города, на горѣ, была заложена и построена крѣпость, названная *Гейлигенбергомъ* (Святогорскъ). Новую крѣпость снабдили военными снарядами и поставили гарнизонъ изъ 300 человѣкъ. Ни семигаллы, ни жмудины нимало не мѣшали нѣмцамъ строить крѣпость, но когда крѣпость была готова, то жмудины явились брать ее, когда уже было поздно, когда крѣпостной гарнизонъ имѣлъ уже порядочную защиту, камнеметныя машины и другіе снаряды и достаточный запасъ продовольствія. Жмудины расположились подъ Гейлигенбергомъ. У язычниковъ не было, говоритъ

авторъ Рифмованной Хроники, описывая въ стихахъ 9961—10114 осаду этой крѣпости, палатокъ, они понадѣлали себѣ изъ древесныхъ вѣтвей и кустарниковъ шалаши и начали осаду. Терветенскіе семигаллы помогали жмудинамъ, вмѣстѣ бросились на штурмъ, но были отбиты. гарнизонъ перебилъ не мало народу изъ самострѣловъ, не понеся никакой потери. Тогда осаждающіе натаскали лѣсу и досокъ, устроили большую рибальду (родъ осадной башни), дней десять бились съ рыцарями и ни въ чемъ не имѣли удачи: замокъ стоялъ на горѣ и осажденные, пользуясь тѣмъ, что подобраться къ нему снизу было трудно, отбивали нападенія безъ особеннаго труда, и дѣйствуя изъ камнеметныхъ машинъ, причиняли осаждающимъ большія потери. На двѣнадцатый день жмудины сожгли своихъ убитыхъ и забрали раненыхъ, сняли осаду и ушли въ свою землю, а терветенцы, очень хорошо понимая, что нѣмцы не оставятъ безъ отомщенія ихъ помощь жмудинамъ, тѣмъ болѣе, что недавнимъ договоромъ (см. выше стр. 105) они обязались не враждовать съ нѣмцами, покинули свой городокъ, предавъ его пламени, а сами удалились въ семигалльскій городокъ Ракенъ (нынѣ не существуетъ), находившійся, по всей вѣроятности, на самой литовской границѣ (деревня Раггенгофъ на рѣкѣ Свентѣ къ востоку отъ Терветена и Гейлигенберга, быть можетъ, получила свое названіе отъ бывшаго городка Ракена).

Гейлигенбергскій командоръ не замедлилъ донести магистру въ Ригу о выдержанной осадѣ, о сожженіи Терветена и о томъ, что семигаллы безпрестанно нападали на Гейлигенбергъ изъ Доблена и Ракена. Чрезъ нѣсколько времени онъ донесъ магистру, что семигаллы замышляютъ сдѣлать набѣгъ подъ самую Ригу. Виллекинъ не упустилъ принять во время предосторожности противъ набѣга: собралъ войско въ 450 человѣкъ (орденская братія, рижскіе бюргеры, иилигриммы, ливы и латыши) и съ нимъ выступилъ навстрѣчу семигалламъ. Цѣлый день простояло это войско въ открытомъ полѣ, разсказываетъ авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 10021—10328, и какъ семигаллы не показывались, то магистръ къ вечеру отвелъ войско назадъ къ Ригѣ. Бюргеры разошлись по домамъ, а прочіе на ночь помѣстились въ орденской конюшнѣ (надобно полагать, въ казармѣ, построенной за городомъ для орденскихъ кнехтовъ, при которой были и конюшни). Ночь была темная и холодная. Казарменныхъ воротъ не заперали, поставили лишь у воротъ часовыхъ, которыхъ, однакожъ, куда-то услали. Глубокою ночью, когда люди, размѣстившіеся въ казармѣ и утомленные походомъ и стоянкою цѣлый день, спали, семигаллы осторожно подошли къ казармѣ и ворвались въ нее безпрепятственно. Одинъ кнехтъ успѣлъ крикнуть и поднять на ноги спавшихъ. Завязалась въ самой казармѣ ожесточенная схватка. Ливы и латыши разбѣжались; изъ 18 орденскихъ братьевъ пятеро было убито, прочіе были переранены. Семигаллы тотчасъ же зажгли

казарму и бросились въ городъ, но бюргеры успѣли затворить ворота, чѣмъ и прекратили имъ доступъ въ городъ. Съ разсвѣтомъ семигаллы ушли, не будучи преслѣдуемы, по всей вѣроятности потому, что у магистра не было готоваго къ походу войска. Но очень возможно, что преслѣдованія не было и по той причинѣ, что въ это время въ Ригу прибыло изъ Пруссіи посольство отъ великаго магистра. Во главѣ этого посольства былъ, какъ пишетъ авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 10329—10369, орденскій братъ Вольмаръ Бернгузенскій и орденскій братъ-священникъ Сивертъ. По какому поводу и зачѣмъ было прислано это посольство, авторъ Рифмованной Хрон. не объясняетъ (въ другихъ источникахъ о посольствѣ не упоминается даже), онъ говоритъ только, что магистръ вызвалъ въ Ригу командоровъ и фохтовъ на орденское собраніе (капитулъ), не объясняя, за чѣмъ оно созывалось и что постановило. Чрезъ двѣнадцать дней послѣ сожженія казармы, къ магистру прибылъ гонецъ изъ Икскуля съ донесеніемъ, что семигаллы въ минувшую ночь сдѣлали нападеніе на Икскульскій замокъ и хотя замка не взяли, но выжгли посадъ, ограбили окрестности и вообще причинили большія разоренія. Гонецъ разсказывалъ, что большая часть шайки была пѣшая, слѣд. нагнать ее не трудно. Магистръ Виллекинъ тотчасъ же распорядился сборомъ войска, и оставивъ въ Ригѣ одного орденскаго брата своимъ замѣстителемъ, двинулся противъ семигалловъ къ Ригегольму, пишетъ авторъ Рифмованной Хроники, разсказывая въ стихахъ 10370—10744 подробности этого похода (вѣроятно къ Кирхгольму). Въ составъ этого войска вошло человѣкъ 200 ливовъ и латышей, человѣкъ 60 бюргеровъ и крестоносцевъ (пилигриммовъ), 40 орденскихъ братьевъ и человѣкъ 200 ихъ кнехтовъ, знаменоносцемъ былъ орденскій братъ Бертольдъ Шауенбургскій, всего народу выступило въ походъ человѣкъ 500. Подойдя къ Икскулю, магистръ уже не засталъ здѣсь семигалловъ, посадъ еще горѣлъ. Въ Икскулѣ магистръ узналъ, что партія семигалловъ была силою въ 1400 человѣкъ, ему указали и направленіе, куда она пошла. Виллекинъ погнался за семигаллами и на третій день вечеромъ въ Благовѣщеніе (25 марта 1287 г.) сдѣлалъ привалъ своему войску въ какомъ-то густомъ лѣсу (Рифмованная Хроника не указываетъ мѣста, но по Вартбергу (см. Приб. Сб. II, 96) это было подъ Гроземомъ въ Нейенбургскомъ кирхшпилѣ). Разложили костры и расположились на ночлегъ, привязавъ лошадей къ деревьямъ. Никто въ войскѣ не подозрѣвалъ, что семигалльская партія, дѣлавшая набѣгъ, стоитъ недалеко и слѣдитъ за орденскимъ войскомъ. Убѣдившись, что силы магистра не велики, семигаллы рѣшились сдѣлать нападеніе, добычу и полонъ отправили въ глубь Семигаллiи, а сами, построившись къ бою, двинулись на орденцевъ. На разсвѣтѣ, 26 марта, магистръ выслалъ разъѣздъ на развѣдки о непріятелѣ, который тотчасъ же воротился съ извѣстіемъ, что семигаллы наступаютъ и на-

ходятся недалеко. Рыцари и ихъ кнехты, бюргеры и пилигриммы бросились къ оружію, сѣли на коней и приготовились къ бою, изъ ливовъ и латышей только часть пристала къ нѣмцамъ, прочіе же разбѣжались, покинувъ въ лѣсу своихъ лошадей. Семигаллы, пользуясь своею многочисленностію, смѣло бросились на орденцевъ и, послѣ ожесточеннаго боя, одержали полную побѣду. Изъ 40 рыцарей, 33 были убиты, 6 попались въ плѣнъ и лишь одному удалось пробиться. Магистръ Виллекинъ палъ въ бою, изъ взятыхъ въ плѣнъ рыцарей одного семигаллы забили дубинами, одного сожгли живаго, прочихъ увели въ свою землю (впослѣдствіи они были выкуплены), все имущество, оружіе, лошади разгромленнаго орденскаго войска достались побѣдителямъ.

Когда командоръ, оставленный въ Ригѣ замѣстителемъ магистра, узналъ о пораженіи орденцевъ и гибели Виллекина (въ Рифмованной Хроникѣ день сраженія и умерщвленія магистра не обозначенъ, но въ малой Динаминдской Хроникѣ (Бунге, Архивъ IV, 271) сказано: anno domini 1287 in crastino anunciacis dominice occisus est magister Willekinus cum multis fratribus ac christianis, слѣд. катастрофа произошла 26 марта), то немедленно же отправилъ пословъ къ великому магистру съ донесеніемъ о происшедшемъ и просьбою о назначеніи въ Ливонію новаго магистра. Великій магистръ Бурхардъ Швепденскій въ это время находился въ Германіи; получивъ извѣстіе о ливонскихъ событіяхъ, онъ, въ сопровожденіи многихъ рыцарей, лично отправился въ Пруссію, осмотрѣлъ здѣсь орденскія земли и наконецъ въ концѣ 1287 г. созвалъ орденскій капитулъ въ Эльбингѣ, который и избралъ ливонскимъ магистромъ рыцаря *Куне*, фамилія котораго у лѣтописцевъ называется различно: въ Рифмованной Хроникѣ въ стихѣ 11741 Гицигенштейнъ, въ Орденской Хроникѣ Гертегенштейнъ, у Рюссова Гертогенштейнъ, у Гіерна Герцогенштейнъ. Полагаютъ, что имя Куне или Коно есть простонародное сокращеніе имени Конрадъ, какъ Юрисъ сокращеніе Георгія, Анно Андрея и Виллекинъ Вильгельма.

Новый магистръ, Куне Гертогенштейнскій, взявъ съ собою назначенныхъ на службу въ Ливонію 40 рыцарей изъ числа прибывшихъ въ Пруссію съ великимъ магистромъ изъ Швабіи и Франконіи, отправился обычнымъ въ тѣ времена путемъ по морскому берегу и въ началѣ 1288 г. прибылъ въ Гольдингенъ. Отсюда съ рыцарями онъ поѣхалъ въ Ригу. Орденская братія и бюргеры встрѣтили его за милю отъ города и торжественно ввели въ рижскій орденскій домъ — Юргенсгофъ.

Разославъ новонрибывшихъ рыцарей по ливонскимъ замкамъ и лично осмотрѣвъ эти замки, магистръ рѣшился покончить съ семигаллами, которые съ самаго 1280 года открыто враждовали съ нѣмцами и противъ которыхъ орденъ хотя и принималъ военныя мѣры, но

мѣры эти оказывались далеко не дѣйствительными: семигаллы возставали и до полной покорности ихъ было еще далеко Куне рѣшился дѣйствовать въ Семигалліи нѣсколько иначе, чѣмъ дѣйствовали въ этой странѣ его предшественники: онъ рѣшился разорить Семигаллію до тла, довести ея жителей до нищеты и голода и тѣмъ заставить ихъ покориться нѣмцамъ. Свой планъ онъ началъ приводить въ исполненіе съ перваго же года своего магистерства и, получивъ донесеніе, что крѣпость Гейлигенбергъ нуждается въ продовольствіи, онъ лѣтомъ 1288 г. отправилъ по рѣкѣ Аа въ Митаву продовольственный запасъ для гарнизона этой крѣпости, а зимою, собравъ войско силою до 6000 человѣкъ, повелъ его къ Гейлигенбергу, везя въ саняхъ все что нужно для Гейлигенберга. По дорогѣ онъ отрядилъ 600 человѣкъ для овладѣнія Добленомъ Отрядъ этотъ Добленомъ не овладѣлъ, но выжегъ посадъ его и, предавъ разоренію и избіенію все встрѣчное, присоединился къ главному войску, ставшему подъ Гейлигенбергомъ. По снабженіи этой крѣпости снарядами, магистръ пошелъ къ семигалльскому городку Ракетену. Сопротивленія нигдѣ не было, все бѣжало иредъ паступавшимъ шеститысячнымъ войскомъ, которое конечно, не щадило ничего встрѣчнаго. Ракетенъ стоялъ на горѣ, взобраться на которую было трудно, такъ какъ тогда стояли холода и гора обледенѣла, потому магистръ, простоявъ здѣсь трое сутокъ, ограничился сожженіемъ посада и сильнѣйшимъ разореніемъ окрестностей. Войско возвратилось въ Ригу и иотомъ разошлось по домамъ, не понеся никакихъ потерь. Возвратились они всѣ здоровы, говоритъ авторъ Рифмованной Хроники, описывая въ стихахъ 10943—11088 походъ магистра Куне, и восхвалили за то Господа. Можно себѣ представить, сколько разореній въ Семигалліи произвела шеститысячная сила народа во время этого похода, предпринятаго съ цѣлію разореній.

Извѣстіе о семигалльскомъ походѣ магистра Куне и о снабженіи пограничной крѣпости Гейлигенберга припасами и снарядами не замедлило распространиться между жмудинами, говоритъ авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 11089—11202, и они послѣ общаго совѣщанія рѣшились сдѣлать набѣгъ на Ливонію. Нѣтъ сомнѣнія, что семигаллы и извѣстили ихъ о дѣйствіяхъ магистра и просили ихъ помощи. Жмудь, собравшись въ весьма значительномъ числѣ, пришла въ Семигаллію, здѣсь усилилась семигаллами, желавшими отмстить нѣмцамъ, и весною 1289 г. въ числѣ 7000 чел. вторглась въ подвинскія архіепископскія земли, предавая все встрѣчное огню и мечу, точь въ точь какъ поступило орденское войско въ Семигалліи. Магистръ Куне въ это время находился въ Ригѣ. Онъ разослалъ гонцовъ во всѣ стороны, чтобъ ратники собирались къ Ригѣ, послалъ гонцовъ въ Дерптъ и Ревель, стянулъ къ себѣ ратниковъ изъ Гольдингена, Митавы и Гейлигенберга. Собралось такимъ образомъ на войну ты-

сячъ до двухъ съ половиною народа, но магистръ не пошелъ иротивъ вторгшихся жмудинъ съ семигаллами. Довольно трудно себѣ объяснить, почему магистръ остался въ бездѣйствіи: иотому-ли что датскіе королевскіе люди не пришли на помощь, а съ двумя тысячами народа магистръ не рѣшился двинуться противъ непріятеля, втрое провосходившаго его въ силахъ, или же и вслѣдствіе того, что между орденомъ и архіепископомъ уже въ то время существовала вражда и магистръ просто не хотѣлъ защитить архіепископскія владѣнія, но только жмудины съ семигаллами свое дѣло сдѣлали: безпрепятственно разорили подвинскія архіепископскія владѣнія и возвратились домой, никѣмъ не прелѣдуемые.

Въ полномъ бездѣйствіи магистръ, однако, не оставался: собраннаго войска онъ не распустилъ по домамъ, а, раздѣливъ опое на два отряда — послалъ одинъ подъ Добленъ, а другой подъ семигалльскій городокъ Сидобренъ (Сидробень по Рюссову, между Добельсбергомъ и Сирмельномъ въ Ауценскомъ приходѣ, нынѣ не существуетъ). Городковъ этихъ посланные отряды не взяли, но самымъ нещаднымъ образомъ опустошили ихъ окрестности, воспользовавшись тѣмъ, что много жителой ушло со жмудинами въ набѣгъ на подвинскія земли и потому особеннаго сопротивленія нигдѣ не было. Сжегши все, что было можно было сжечь, и истребивъ все, что ни попадалось подъ руку, орденское войско возвратилось въ Ригу и, по обычаю, разошлось по домамъ.

Вскорѣ послѣ того возвратились съ набѣга на двинскія земли и жмудь съ семигаллами. Они застали Семигаллію страшно разоренною. Литовцы, говоритъ авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 11317—11354, сильно сожалѣли о несчастіи, постигшемъ семигалловъ, но ничѣмъ не могли пособить горю: они ушли во свояси, а семигалламъ, возвратившимся изъ набѣга и вышедшимъ изъ лѣсовъ, куда они разбѣжались предъ недавнимъ нашествіемъ орденцевъ, пришлось и обстраиваться вновь, и засѣвать поля, такъ какъ весна 1289 г., когда происходили эти набѣги, подходила къ концу, но не тутъ-то было: ни засѣять полей, ни обстроиться имъ уже не удалось. Гарнизоны въ орденскихъ крѣпостяхъ приняли за правило не давать покоя туземцамъ. Начнутъ пахать и сѣять, говоритъ авторъ Рифмованной Хроники, а тутъ изъ Гейлигенберга сейчасъ же нападаютъ орденскіе люди и хватаютъ и человѣка и лошадь. Чуть лишь лѣтомъ хлѣбъ въ поляхъ началъ дозрѣвать, какъ орденскіе люди уничтожили посѣвы.

Результаты такихъ дѣйствій не замедлили обнаружиться: въ Семигалліи насталъ голодъ. „Много горевать пришлось тогда семигалламъ въ Добленѣ, пишетъ авторъ Рифмованной Хроники въ 11392—11606 стихахъ, сдѣлались они бѣдны и наги (arm und blos)“, надоѣла имъ такая жизнь и они приняли рѣшеніе, которое и выполнили: всѣ они покинули Добленъ, одна часть ихъ пошла въ Ракенъ, а

другая отправились на удачу къ литовцамъ въ Жмудь. „Будьте увѣрены, говоритъ авторъ Хроники, что имъ дѣйствительно было на что жаловаться: такого бѣдствія, какое ихъ тогда постигло, у нихъ никогда не бывало съ давнихъ временъ“. Добленъ былъ вскорѣ послѣ ухода изъ него жителей сожженъ.

Городокъ Ракетенъ испыталъ такую же участь, что и Добленъ. Рыцари начали безпрерывно наѣзжать на этотъ городокъ, выжгли до чиста все вокругъ. „Не въ терпѣжъ стала ракотенцамъ такая жизнь, говоритъ авторъ Хроники, къ тому же ихъ удручалъ голодъ, и многіе изъ нихъ были перебиты . . . они покинули свое наслѣдіе въ залогъ нѣмецкому замку и перебрались въ другую жизнь. Я никогда не распрашивалъ, какое горе они тамъ испытали“. Гейлигенбергскій командоръ, провѣдавъ, что Ракетенъ брошенъ жителями, немедленно же сжегъ до тла этотъ городокъ.

Теперь очередь дошла до Сидобрена. Рыцари со всѣхъ сторонъ начали нападать на городокъ; ѣхали и шли на городокъ рати изъ Гольдингена, Гейлигенбера, Риги, истребляя и сжигая все встрѣчное. „Раздался, говоритъ авторъ Хроники, тогда плачь семигалловъ и таже самая жалобная пѣсня, которую пѣли Добленъ и Ракетенъ“. Въ Сидобренѣ скопилось множество народу, голодъ свирѣпствовалъ, а тутъ орденскія рати грозятъ поголовнымъ истребленіемъ всѣхъ. Въ такой крайности сидобренцы покинули свой городокъ и ушли въ Жмудь, но другіе семигаллы, пришедшіе въ городокъ изъ другихъ мѣстъ, остались и послали въ Митаву къ тамошнему командору сказать, что покоряются ему на всей его волѣ. Командоръ удержалъ нѣсколькихъ человѣкъ заложниками, отправилъ къ Сидобрену нѣсколькихъ вооруженныхъ орденскихъ братьевъ и донесъ въ Ригу магистру, что семигаллы сдаются, хотятъ вести христіанскую жизнь. Магистръ, по совѣщаніи съ наличными орденскими братьями, рѣшился дать миръ семигалламъ и отправилъ въ Митаву нѣсколькихъ братьевъ къ командору съ приказаніемъ, чтобъ онъ отправился въ Сидобренъ, забралъ бы отсюда всѣхъ семигалловъ, а самый городокъ чтобъ сжегъ до тла. Командоръ исполнилъ все, что отъ него требовалъ магистръ: съ военнымъ отрядомъ прибылъ къ Сидобрену, заключилъ мировую съ семигаллами и велѣлъ имъ всѣмъ уходить изъ городка, забравъ съ собою скоть и имущество. Тогда орденцы сожгли Сидобренъ до тла, а бывшихъ тутъ семигалловъ съ ихъ имуществомъ и скотомъ доставили въ Митаву.

Все это происходило зимою 1289—90 г. Къ 1290 г. Семигаллія окончательно покорилась нѣмцамъ. „Когда былъ сожженъ Сидобренъ, говоритъ авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 11607—11647, то вся страна была совершенно разорена; еще никто не слышалъ, чтобъ подобное случалось когда нибудь раньше (so horte nie kein man geiehn, das es dahor ie were geschen). Обезлюдѣла разоренная страна, часть народа ушла въ Жмудь, лишившись земли и всего достоянія.

оставшаяся часть явилась уже въ полнѣйшей зависимости отъ своихъ нѣмецкихъ властителей: ордена и католическаго духовенства. Лѣтъ десять семигаллы отстаивали свою независимость и погибли, доведенные орденомъ до послѣдней крайности. Иначе и быть не могло: какъ могла устоять страна, пространствомъ въ какую нибудь сотню квадратныхъ миль съ населеніемъ тысячь въ 20 не больше, противъ напора ордена, имѣвшаго настоящую военную организацію и всѣ средства для успѣха надъ народцемъ, не выходившимъ еще изъ первобытнаго состоянія и не имѣвшимъ никакой внѣшней опоры для себя, ибо жмудь хоть и помогала имъ, но сама находилась въ хаотическомъ еще положеніи.

Магистръ Куне, послѣ окончательнаго покоренія семигалльскихъ земель, отказался отъ своей должности (по всей вѣроятности, въ февралѣ 1290 г.) На его мѣсто ливонскимъ магистромъ былъ избранъ орденскій братъ *Гальтъ Гоубахскій*, который въ маѣ 1290 г. прибылъ въ Ригу и вступилъ въ управленіе орденскими дѣлами.

Въ Рифмованной Хроникѣ въ стихѣ 11655 имя новаго магистра названо Гольте; въ Орденской Хроникѣ въ гл. 300 онъ названъ Гальтъ фонъ Гоубахъ, у Ніенштета Больто фонъ Гомбахъ, у Рюссова Больто фонъ Гогенбахъ; но какъ въ нѣкоторыхъ современныхъ грамотахъ магистръ всегда обозначается именемъ Halt, потому и слѣдуетъ признать имя и прозваніе новаго магистра, Гальтъ Гоубахскій, означенное въ Орденской Хроникѣ наиболѣе правильнымъ. Нельзя, однакоже, отрицать и имени Больто (сокращенное Бальтазаръ): въ Лифляндіи существуетъ дворянскій родъ Больто фонъ Гоэнбахъ, значущійся записаннымъ въ 1780 г. въ дворянской матрикулѣ (спискѣ) подъ № 219.

VI. Пруссія, Литва и Новгородская Русь въ концѣ XIII столѣтія.

Окончательное завоеваніе Прусскихъ земель. — Смѣна династіи въ Литвѣ. — Лютоворъ и Витенъ. — Походы Витена. — Новгородскія дѣла. — Княжескія усобицы. — Вторженія шведовъ. — Столкновеніе новгородцевъ съ датскими королевскими людьми. — Замиреніе. — Нападеніе ливонскихъ рыцарей на Псковъ. — Смерть Довмонта.

Источники: **Фогта**, Geschichte Preussens, 1827, III часть.
Нарбута, Dzieie narodu Litewskiego, 1828, томъ IV.
Лѣтописи: Первая Новгородская и первая Софійская.

Въ то самое время когда ливонская отрасль тевтонскаго ордена овладѣвала землями куроновъ и семигалловъ, прусская отрасль довершала покореніе земель пруссовъ. Въ концѣ XIII ст. ливонскіе

рыцари стали на границахъ Жмуди, а прусскіе приблизились къ Нѣману, угрожая такимъ образомъ литовцамъ съ сѣвера и запада. Орденъ торжествовалъ и не замедлилъ открыть дальнѣйшія наступленія на литовскія земли, но прежде изложенія событій, послѣдовавшихъ въ Ливоніи съ 1290 г., разскажемъ вкратцѣ что дѣлалось въ Пруссіи, Литвѣ и Новгородской Руси во время утвержденія нѣмецкаго господства въ земляхъ нынѣшней Курляндской губерніи.

Мы уже говорили, каковы были слѣдствія Дурбенскаго сраженія, въ которомъ 13 іюня 1260 г., нѣмецкое ополченіе было разбито на голову литовцами (см. выше стр. 53—57). Пять прусскихъ земель — Самія, Натангія, Вармія, Бартія и Погезанія — возстали противъ католичества и ордена. Это возстаніе, руководимое пруссами, которые въ юности были захвачены рыцарями, отправлены въ Германію, гдѣ учились въ нѣмецкихъ школахъ и ознакомились съ нѣмецкимъ военнымъ искуствомъ, вспыхнуло одновременно во всѣхъ пяти названныхъ земляхъ 20 сентября 1261 года и повстанцы предали нещадному истребленію католическія церкви и часовни, свирѣпо убивая католиковъ, своихъ и нѣмцевъ, которые не успѣли бѣжать въ замки и укрѣпленные городки*).

Орденъ подвергся величайшей опасности, ибо силы его были далеко недостаточны для одновременной борьбы въ разныхъ мѣстахъ съ многочисленными повстанцами. Велиній магистръ Анно Зангергаузенскій спѣшилъ съ помощью, собралъ значительный отрядъ и осенью 1261 г. прислалъ его въ Пруссію. Не бездѣйствовалъ и папа Урбанъ VI, не задолго предъ тѣмъ занявшій папскій престолъ по смерти папы Александра IV. Буллою отъ 13 декабря 1261 г. онъ предписалъ проповѣдывать въ Германіи крестовый походъ въ Пруссію и Ливонію; проповѣдь на этотъ разъ не оказалась безуспѣшною: въ началѣ 1262 г. ополченіе крестоносцевъ, предводимое новымъ прусскимъ ландмейстеромъ (провинціальнымъ магистромъ) Гельмерихомъ Рехенбергомъ, вступило въ возставшую прусскую землю, Натангію. Жители скрылись по лѣснымъ трущобамъ, а крестоносцы разослали во всѣ стороны отряды жечь и грабить покинутыя деревни. Натанги воспользовались такимъ раздѣленіемъ силъ крестоносцевъ, вышли изъ лѣсныхъ трущобъ и напали на лагерь крестоносцевъ у Покарвена (недалеко отъ нынѣшняго Бранденбурга). Произошелъ ожесточенный бой, и крестоносцы, потерпѣвъ сильное пораженіе, должны были уходить изъ Натангіи, чтобы спастпть отъ поголовнаго истребленія.

Между тѣмъ въ Самію вступило второе ополченіе крестоносцевъ, предводимое графомъ Барбійскимъ. Усилившись остатками перваго ополченія,

---

*) Замѣчательно, что среди орденской братіи нашлись рыцари, принявніе сторону возставшихъ пруссовъ. Дусбургъ въ гл. 79 своей лѣтописи разсказываетъ, что два орденскіе брата изъ Эльбингскаго конвента вошли въ сношенія съ повстанцами и рѣшились сдать имъ Эльбингъ. Тогдашній прусскій провинціальный магистръ, Гартмундъ Грумбахскій, во время узналъ о такомъ замыслѣ и обоихъ рыцарей сжегъ живыми въ Эльбингѣ, на что по орденскому уставу не имѣлъ права. Папа, получивъ донесеніе о сожженіи рыцарей, настоялъ, чтобъ великій магистръ смѣнилъ Гартмунда и предалъ церковному покаянію на одинъ годъ какъ его, такъ и другихъ рыцарей, которые присудили казнить измѣнившихъ своей присягѣ двухъ орденскихъ братьевъ. Вслѣдствіе этого великій магистръ, Анно Зангергаузенскій, смѣнилъ Гартмунда и управленіе орденскими дѣлами временно ввѣрилъ осенью 1261 г. кенигсбергскому командору Теодориху (прозваніе его неизвѣстно). Въ началѣ 1262 г. прусскимъ провинціальнымъ магистромъ былъ назначенъ Гельмерихъ Рехенбергскій (фонъ Рехенбергъ).

крестоносцы предали опустошенію эту землю, но въ свою очередь были разбиты самами и отступили въ Кенисбергъ.

Обѣ эти побѣды не повлекли, однако, за собою какихъ либо особенно выгодныхъ послѣдствій для повстанцевъ, не съумѣвшихъ придать единства своимъ дѣйствіямъ и не смогшихъ овладѣть крѣпостями, которыя орденская братія понастроила въ ихъ земляхъ. Тѣмъ не менѣе орденъ неудачами крестоносцевъ былъ поставленъ въ весьма затруднительное положеніе. Германія въ это время представляла зрѣлище страшной неурядицы и безначалія; собрать новое крестоносное ополченіе, повидимому, не было никакой возможности, однакоже папа Урбанъ IV буллою отъ 26 мая 1263 г. объявилъ проповѣдь на новый походъ и проповѣдь была снова услышана. Собралось новое крестоносное ополченіе и зимою 1263 года вступило въ Пруссію. Самъ великій магистръ, Анно Зангергаузенскій, находился при этомъ ополченіи. Крестоносцы освободили отъ осады Кенигсбергъ, укрѣпили вновь этотъ важный пунктъ и заложили новую крѣпость Лохштетъ. Орденъ оправился, пополнилъ свой личный составъ новыми рыцарями и, вспомоществуемый крестоносцами, началъ усмиреніе повстанцевъ въ Саміи. Самы, не подкрѣпленные другими возставшими племенами, бились отчаянно, но ничего не могли подѣлать противъ превосходства силъ и оружія рыцарей и крестоносцевъ. Страна ихъ подверглась страшному опустошенію, мужское населеніе ея было перебито, женщины и дѣти были высланы въ другія мѣста и вся Самія на долгое время превратилась въ пустыню.

Затѣмъ орденъ, заключивъ союзъ съ Казиміромъ княземъ Куявскимъ, направилъ всѣ свои силы на Бартію и Натангію. Здѣсь загорѣлась ожесточенная борьба. Годы 1263—1271 прошли въ безпрерывныхъ битвахъ съ повстанцами. въ набѣгахъ, кровопролитіяхъ и опустошеніяхъ; орденцы терпѣли сильныя пораженія и хотя были подкрѣпляемы крестоносцами, но это мало помогало дѣлу; крестоносцы приходили, жгли и грабили довольно и уходили домой, будучи не въ состояніи смирить ожесточившихся язычниковъ. Къ концу 1269 г. во власти ордена остались лишь немногія части прусскихъ земель, сдерживаемыя въ повиновеніи силою; орденцы держались лишь въ крѣпостяхъ, гибель ихъ и совершенное паденіе нѣмецкаго господства въ Пруссіи казались неизбѣжными, но, однако, ничего подобнаго не произошло: пруссы не умѣли пользоваться своими побѣдами, не имѣли общаго вождя, не имѣли союзниковъ, дѣйствовали всегда раздѣльно, убыли въ рядахъ имъ пополнять было не откуда. Не трудно было предвидѣть окончательный результатъ борьбы: силы пруссовъ съ каждымъ годомъ слабѣли, ибо побѣды не давались имъ даромъ; орденъ же постоянно получалъ подкрѣпленія изъ Германіи. Крестоносцы приходили, множество ихъ погибало въ болотахъ и лѣсахъ отъ недостатковъ всякаго рода, отъ оружія пруссовъ, но въ замѣнъ погибшихъ являлись новыя ополченія. Орденъ къ тому же располагалъ значительными денежными средствами, а великій магистръ его, дѣятельный Анно, поддерживаемый папами, находилъ себѣ союзниковъ всюду. Сильныя бѣдствія, постигавшія Германію, обращались въ пользу ордена. Такъ въ 1271 г. сильнѣйшій неурожай, продолжавшійся сряду три года, охватилъ всю Германію; возникъ голодъ, затѣмъ моровое повѣтріе и огромная смертность. Множество народа, чтобы только избавиться отъ голодной смерти, охотно покидало родину и шло въ ряды крестоносныхъ ополченій, стремившихся въ Пруссію.

Зимою 1272 г., большое ополченіе крестоносцевъ вторглось чрезъ Погезанію въ Эрмію и здѣсь начало борьбу съ эрмійцами. Военное счастіе покинуло пруссовъ, они терпѣли пораженіе за пораженіемъ, теряли свои

укрѣпленные городки, теряли въ битвахъ людей и предводителей и кончилось тѣмъ, что чрезъ годъ, къ зимѣ 1273 г. всѣ земли пруссовъ, за исключеніемъ Погезаніи, были вновь покорены орденомъ. Орденъ тогда направилъ всѣ свои силы на погезанцевъ и буквально предалъ огню и мечу всю Погезанскую провинцію. Мущины, не успѣвшіе бѣжать въ Литву, были, по примѣру поданному въ Саміи, поголовно истреблены, женщины и дѣти высланы въ другія мѣста и Погезанія превратилась въ пустыню. Extunc terra Pruschiae quievit in pace, пишетъ Дусбургъ въ главѣ 166 своей лѣтописи.

Германія къ этому времени начала выходить изъ того хаотическаго положенія, въ которомъ находилась съ самой смерти Фридриха II (въ 1250 г.) Въ сентябрѣ 1273 г. безкоролевье кончилось: графъ Рудольфъ Габсбургскій достигъ наконецъ престола и обстоятельство это много благопріятствовало ордену, потому что Рудольфъ былъ всегдашнимъ доброжелателемъ и покровителемъ ордена, какъ и папа Григорій X, занявшій папскій престолъ въ 1268 г. по смерти Климента IV. Для Германіи съ этого времени наступаютъ новыя, лучшія времена, а для тевтонскаго ордена открывается новая возможность на упроченіе своихъ завоеваній въ прусскихъ земляхъ.

8 іюля 1274 г. въ Трирѣ кончилъ свои дни великій магистръ ордена, Анно Зангергаузенскій, семнадцать лѣтъ правившій орденскими дѣлами въ самыя трудныя времена. Выборъ новаго великаго магистра палъ на орденскаго брата, Гартмана Гельдрунгенскаго, тюрингца родомъ. Онъ былъ уже очень преклонныхъ лѣтъ, но заслуги, оказанныя имъ ордену въ прежнія времена, были такъ велики, а связи и знакомства его съ германскими князьями такъ тѣсны, что орденскіе сановники не колеблясь ввѣрили ему важный постъ и не ошиблись въ своихъ расчетахъ. Съ 1274 г. орденскія дѣла въ Пруссіи приняли оборотъ столь благопріятный, что окончательное покореніе всѣхъ прусскихъ земель явилось уже вопросомъ времени. Въ 1274 году была заложена сильная крѣпость Маріенбургъ и отсюда, какъ изъ опорнаго пункта, орденцы направили свое оружіе на покореніе остальныхъ прусскихъ племенъ, судововъ, надравовъ и шалововъ. Начали съ Надравіи и въ годъ времени орденцы порѣшили съ этою землею, истребивъ все, что ни противилось имъ, забравъ и уничтоживъ всѣ укрѣпленные пункты и городки надравцевъ, которые погибли, никѣмъ не поддержанные изъ своихъ ближайшихъ земляковъ, послѣ отчаянной, но безплодной борьбы. За надравами дошла очередь до шалововъ. Зимою 1276 г. прусскій провинціальный маршалъ, Конрадъ Тирбергъ, съ большимъ войскомъ вторгся въ Шалавію, внеся сюда пожары и свирѣпое опустошеніе. Какъ мужественно не защищались шалавцы, но скоро были сломлены и завоеваны. Большую часть жителей Шалавіи орденъ выселилъ въ Самію.

Пруссы, спасаясь отъ ордена и крестоносцевъ, уходили за Нѣманъ въ русско-литовское княжество*).

Для удержанія въ покорности завоеваннаго, орденъ продолжалъ свою прежнюю политику: строилъ города и крѣпости, всячески привлекая изъ Германіи колонистовъ для разселенія въ новозавоеванныхъ земляхъ и въ

*) Въ Волынской лѣтописи читаемъ: „По семъ же пріидоша пруссн къ Тройденеви (по Ипатьевской, въ 1267 г.), онъ же посади часть ихъ въ Городнѣ, а часть въ Слонимѣ“. Между Лидой и Слонимомъ существуетъ и понынѣ нѣсколько деревень, населенныхъ потомками прусскихъ выходцевъ.

новыхъ городахъ. Заботы не оставались безплодными: нѣмецкіе переселенцы, привлекаемые разными льготами, покидали родину и изъ Саксоніи, Мейсена, Голландіи, Юлиха и Гельдерна шли въ Пруссію, гдѣ селились, составляя собою надежный оплотъ нѣмецкаго господства въ новопокоренныхъ земляхъ.

Пруссы, однако, какъ ни были разгромлены, все еще не теряли надежды отбиться отъ ордена и крестоносцевъ. Осенью 1277 г. они сдѣлали отчаянную попытку. Подъ предводительствомъ Скомунда (судавца, т. е. ятвяго-пруссака родомъ) они собрались въ числѣ 4000 человѣкъ, вызвали къ себѣ охотниковъ изъ Жмуди и Литвы и вторглись въ Холмскую (Кульмскую) землю, нещадно истребляя все встрѣчное. Изъ Кульмской земли Скомундъ вступилъ въ Помезанію, которую и опустошилъ сильнѣйшимъ образомъ, захвативъ огромный полонъ нѣмцевъ и христіанъ. Одновременно съ нападеніемъ Скомунда на Холмскую и Помезанскую земли, зимою 1277 году литовцы изъ за Нѣмана сдѣлали набѣгъ на польскія земли, Лэнчицкую, Добринскую и Брестъ-Куявскую, гдѣ умертвили и увели въ полонъ тысячь 40 народа.

Орденъ, конечно, не могъ оставить безъ отмщенія набѣга Скомунда. Орденскій маршалъ (командующій войсками) Конрадъ Тирбергъ собралъ войско тысячъ въ 15 (по большой части коннаго, какъ въ тѣ времена постоянно бывало) и вторгся въ Судавію, въ свою очередь истребляя и избивая все встрѣчное. Судавцы не замедлили отплатить Конраду набѣгомъ на Натангію. Весь 1278 г. прошелъ въ набѣгахъ и битвахъ, хотя и не повлекшихъ за собою никакихъ важныхъ послѣдствій, но не дававшихъ покоя странѣ. Литовцы въ это время, какъ мы видѣли (см. выше стр. 97), не оставляли въ покоѣ и ливонскую отрасль ордена. Вотъ тутъ-то явилась мысль сосредоточить власть провинціальныхъ магистровъ, прусскаго и ливонскаго, въ одномъ лицѣ. Мысль эта была приведена въ исполненіе (см. выше стр. 99), но скоро, однако, оказалась непрактичность такого сосредоточенія и орденъ скоро возвратился къ прежнимъ порядкамъ.

Между тѣмъ борьба съ судавцами продолжалась. Послѣ многочисленныхъ битвъ и страшнаго опустошенія страны орденъ сломилъ таки Скомунда, который сдался ордену, принялъ католичество, былъ водворенъ на жительство въ орденской крѣпости Балгѣ и впослѣдствіи, получивъ отъ ордена во владѣніе деревни подъ Ландсбергомъ, провелъ послѣдніе годы своей жизни, не поднимая уже оружія противъ своихъ властителей. Судавцы, однако, не сдавались и отчаянно бились за свою независимость.

19 августа 1283 г. умеръ великій магистръ Гартманъ Гельдрунгенскій. На его мѣсто былъ избранъ, какъ уже было сказано (см. выше стр. 106), орденскій братъ Бурхардъ Швенденскій или Шванденскій (Burchardus de Svanden, какъ онъ именуется въ современныхъ документахъ), и въ томъ же году прусскимъ провинціальнымъ магистромъ, вмѣсто умершаго Мангольда, былъ назначенъ орденскій маршалъ Конрадъ Тирбергскій. Новый провинціальный магистръ двинулъ всѣ свои силы на покореніе судавцевъ, предводителемъ которыхъ вмѣсто Скомунда сдѣлался одинъ изъ судавскихъ князьковъ (державцевъ), Вадоле. Зимою 1283 г. Конрадъ разбилъ Вадоле и, истребляя въ Судавіи деревни и избивая людей, довелъ судавцевъ до крайности. Послѣдній ихъ предводитель, Скурдо, собравъ остатки своихъ земляковъ, не покорившихся еще ордену, предложилъ имъ покинуть родину и переселиться въ Литву. Всѣ согласились. Тогда Скурдо сжегъ всѣ свои деревни, все имущество, какое нельзя было взять съ собою, и удалился со всѣми своими земляками въ Литву за Нѣманъ. Обезлюденная Судавія, по-

крытая развалинами и пожарищами, досталась ордену въ видѣ совершенной пустыни. Sic terra Sudaviae usque in praesentem diem remanet desolata (такъ Судавская земля остается пустынею даже до сего дня), пишетъ Дусбергъ въ гл. 214 своей лѣтописи, а онъ умеръ въ первой половинѣ XIV столѣтія.

Покореніемъ Судавіи въ 1283 г. закончилось покореніе всѣхъ прусскихъ земель. Тевтонскій орденъ явился властителемъ земель отъ Нижней Вислы до Нѣмана и отъ сѣверныхъ предѣловъ Мазовіи до Балтійскаго моря, и вмѣстѣ съ тѣмъ явился сосѣдомъ жмудинъ и литовцевъ, у которыхъ въ это время произошли событія, весьма важныя по своимъ послѣдствіямъ. Объ этихъ событіяхъ также необходимо упомянуть, такъ какъ они оказали не малое вліяніе на дальнѣйшій ходъ и прусскихъ и ливонскихъ дѣлъ.

Было уже выше сказано (стр. 91), что убійствомъ Войшелка въ 1268 году было порвано готовившееся мирное соединеніе Литвы съ галицко-волынскою Русью. Литовцы и слышать не хотѣли о подчиненіи кому либо изъ галицко-волынскихъ князей и во главѣ новгородско-литовскаго княжества поставили природнаго литовскаго князя. Здѣсь совершенно не мѣсто разсказывать, кто именно по смерти Войшелка сѣлъ на новгородско-литовскомъ столѣ. Въ Волынской лѣтописи сказано: „княжащу по Войшелцѣ Шварнови въ Литвѣ, княживъ же не много лѣтъ, и тако преставися, и положиша тѣло его близь гроба отца (въ Холмѣ) . . . . Посемъ же нача княжити въ Литвѣ окаянный, немилостивый Тройденъ, его же беззаконія не могохомъ описати срама ради. Такъ то бяше беззаконникъ, яко и Антіохъ Сурскій, и Иродъ Іерусалимскій, и Неронъ Римскій". По Стрыйковскому, послѣ Войшелка въ Литвѣ княжили старецъ Свинторогъ Утенусовичъ, затѣмъ сынъ его Гермонтъ, потомъ внукъ Гилигинъ съ братомъ Трабусомъ, потомъ сынъ Гилигиновъ Ромунтъ, потомъ сынъ Ромунта Наримунтъ и затѣмъ уже съ 1282 года братъ Наримунтовъ Тройденъ. Карамзинъ не довѣряетъ Стрыйковскому и въ 175 прим. къ IV тому своей „Исторіи Госуд. Россійскаго", называя Стрыйковскаго историкомъ-поэтомъ, ибо онъ писалъ отчасти стихами, говоритъ: „Въ Литвѣ было множество князьковъ, жившихъ въ одно время. Стрыйковскій, собравъ ихъ имена изъ народныхъ преданій, объявилъ кого отцомъ, кого дѣдомъ и прадѣдомъ такого-то князя, жившаго, можетъ быть, гораздо ранѣе своихъ мнимыхъ предковъ. Достовѣрнымъ источникомъ литовской исторіи XIII вѣка служатъ единственно наши лѣтописи, Волынская и Новгородская, также Дусбургъ и Длугошъ. Нарбутъ въ приложеніи XI въ IV томѣ своего сочиненія „Dzieje narodu Litewskiego" оспариваетъ это мнѣніе Карамзина и вездѣ держится указаній Стрыйковскаго.

Какъ бы то ни было, но Тройденъ, по смерти Войшелка, занималъ выдающееся положеніе между всѣми современными ему литовскими князьками, и мы уже видѣли дѣйствія его противъ ливонскаго ордена. Въ его время стольнымъ городомъ новгородско-литовскаго княжества сдѣлался Керновъ на рѣкѣ Вилін. Тройденъ кончилъ свою тревожную жизнь въ 1283 г. О его смерти и послѣдовавшей затѣмъ перемѣнѣ династіи у Нарбута въ IV томѣ его вышеназваннаго сочиненія въ статьяхъ 987—994, на основаніи литовской хроники Быховца, разсказано такъ:

Родной братъ Тройдена, уцянскій князь Довмонтъ, овладѣвшій Полоцкомъ, когда Тройденъ въ 1282 г. былъ провозглашенъ въ Керновѣ великимъ княземъ литовскимъ, началъ думать, какъ бы овладѣть всѣмъ литовскимъ княженіемъ, ибо, будучи старшимъ братомъ Тройдена, считалъ,

что имѣетъ больше права на литовское княженіе, чѣмъ его младшій братъ. Видя невозможность дѣйствовать открыто противъ воинственнаго князя, онъ нанялъ шестерыхъ убійцъ, которые переодѣлись крестьянами, прибыли въ мѣстопребываніе Тройдена и, улучивъ время, когда онъ долженъ былъ выходить изъ бани, стали на дорогѣ подъ видомъ принесенія ему важной жалобы. Подойдя съ низкими поклонами къ князю, они бросились на него и умертвили. Довмонтъ съ полочанами, немедленно по убіеніи Тройдена, двинулся на овладѣніе Керновымъ, но противъ него выступилъ литовскій маршалъ Витенъ съ дружиною великаго князя и войскомъ, какое успѣлъ собрать на скорую руку. Довмонтъ не отважился сразиться съ Витеномъ и отступилъ въ свой полоцкій удѣлъ, а между тѣмъ русскіе бояре вызвали изъ монастыря Римунда, сына убитаго Тройдена, который и поспѣшилъ прибыть въ лагерь Витенеса.

Этотъ Римундъ, въ православіи Василій, былъ сынъ Тройдена и Анны, княжны Мазовецкой. Отецъ послалъ его учиться въ Львовъ и поручилъ опекѣ князя галицкаго, Льва Даниловича. Молодой князь, крещенный въ иравославіе, выучился во Львовѣ по русски, и чувствуя влеченіе къ иноческой жизни, постригся въ монахи подъ именемъ Лаврентія и по возвращеніи на родину поселился въ томъ самомъ православномъ монастырѣ близь Новогородка, въ которомъ прежде пребывалъ Войшелкъ. Здѣсь онъ построилъ церковь Воскресенія Господня и жилъ въ совершенномъ уединеніи. По прибытіи Римунда въ лагерь, бояре русскіе и литовскіе провозгласили его великимъ княземъ, но онъ не принялъ княженія, отговариваясь тѣмъ, что онъ монахъ и что слѣдуетъ прежде всего обезопасить Литву отъ притязаній Довмонта. Онъ сталъ въ главѣ войска и двинулся на Довмонта. Рѣшительная битва произошла у какого-то озера: противники бились цѣлый день, Римундъ настигъ Довмонта и умертвилъ его. За тѣмъ онъ вступилъ въ Полоцкъ и присоединилъ полоцкое княженіе къ Литвѣ. По возвращеніи въ Керновъ, Римундъ отказался отъ княжескаго достоинства. „Двоюродные братья мои, говорилъ онъ боярамъ и народу, не достигли зрѣлаго возраста, Довмонтова сына не желаю, а между тѣмъ обстоятельства не позволяютъ медлить, краю нуженъ умный и храбрый защитникъ; не вижу кто бы былъ способнѣе къ тому Лютовора и сына его Витена. Ихъ знатное происхожденіе и заслуги отечеству говорятъ за нихъ“. Лютоворъ и сынъ его Витенъ были поставлены во главѣ литовскаго княжества, — а Римундъ, снявъ съ себя военные доспѣхи, удалился въ монастырь, гдѣ и кончилъ свою жизнь. Все это происходило въ 1283 году.

Но кто же были эти Лютоворъ и Витенъ, начавшія собою новую династію литовскихъ князей, которой суждено было впослѣдствіи объединить Литву и Западную Русь и составить изъ нихъ сильное государство? Въ южной части Жмуди (нынѣ Ковенскій уѣздъ) на правомъ берегу Дубиссы есть мѣстечко Эйрагола. Тутъ находился деревянный замокъ, гдѣ жилъ одинъ изъ мѣстныхъ князьковъ. Кто были эти князьки, чѣмъ они владѣли — ничего неизвѣстно. Достовѣрная исторія застаетъ владѣльцемъ Эйрагольскаго замка *Лютовера* или *Лютовора*, сынъ котораго, по имени *Витенесъ* или *Витенъ*, состоялъ маршалкомъ и конюшимъ при князѣ Тройденѣ *). О Лютоворѣ не сохранилось никакихъ извѣстій. но о немъ,

*) Въ лѣтописи Быховца (стр. 12—24) упомянуто, что великій князь Тройденъ прибылъ однажды въ Жмудь, побывалъ въ Эйраголѣ и здѣсь впервые увидѣлъ Витена, юношу представительной наружности. Онъ взялъ его къ себѣ и сдѣлалъ его при дворѣ

какъ о князѣ литовскомъ, упоминаетъ Дусбургъ въ своей лѣтописи. Какого рода заслуги онъ оказалъ Литвѣ — опять же неизвѣстно, но надобно предполагать, что онъ былъ въ свое время отважнымъ предводителемъ въ яабѣгахъ на сосѣдей и набѣгами же добылъ себѣ и славу и богатство. Въ 1284 г., когда онъ съ сыномъ явился во главѣ литовцевъ, онъ уже былъ въ преклонныхъ лѣтахъ и едва-ли принималъ какое либо дѣятельное участіе въ событіяхъ того времени, предоставляя то своему сыну.

Сынъ Довмонта Полоцкаго, по имени Пелюсъ, не хотѣлъ отказаться отъ своихъ правъ на Литву, ушелъ въ Городну, гдѣ и началъ собирать войско, чтобъ итти войною на Лютовора и Витена и силою овладѣть русско-литовскимъ княженіемъ, но скоро увидѣлъ, что ему не сдобровать въ Литвѣ, число его приверженцевъ оказалось слишкомъ незначительнымъ для борьбы съ новыми князьями и онъ бѣжалъ въ томъ же 1284 г. въ Пруссію къ тевтонскимъ рыцарямъ, которые и приняли его весьма охотно. Иначе и быть не могло: Пелюсъ былъ желаннымъ гостемъ, онъ носилъ титулъ великаго князя литовско-русскаго, претендовалъ на литовскій престолъ, искалъ защиты ордена, давалъ возможность ордену вмѣшаться въ дѣла литовско-русскаго княжества и тѣмъ самымъ открывалъ виды на распространеніе нѣмецкаго господства и католичества въ занѣманскихъ мѣстахъ, а это распространеніе и составляло главнѣйшую задачу обѣихъ отраслей ордена, какъ прусской, такъ и ливонской.

Первымъ дѣломъ Витена, какъ литовскаго князя, былъ набѣгъ на Польшу, съ которою литовцы съиздавна враждовали. Съ большимъ войскомъ онъ вторгся въ 1283 г. въ Сандомірское княжество, захватилъ было здѣсь большую добычу и тысячь шесть народу въ полонъ, но въ концѣ потерпѣлъ пораженіе: воеводы краковскій и сандомірскій разбили литовцевъ, отобрали полонъ и добычу, и Витенъ возвратился домой, значительно ослабленный пораженіемъ. Пелюсъ и орденцы, къ которымъ онъ бѣжалъ, задумали воспользоваться пораженіемъ, которое поляки нанесли Витену, и рѣшились сдѣлать набѣгъ на литовскую землю. Провинціальный прусскій магистръ Конрадъ Тирбергъ собралъ войско и зимою 1283 г. двинулся на овладѣніе литовской крѣпостью, Биссени, служившею охраною литовской святыни Ромове, находившейся въ то время на островѣ рѣки Дубиссы при ея впаденіи въ Нѣманъ. Крѣпость Биссени стояла не далеко отъ устья Дубиссы. Магистръ перешелъ по льду чрезъ Нѣманъ и, по обычаю того времени, разославъ отряды въ разныя страны грабить окрестности, самъ осадилъ крѣпость. Штурмъ продолжался съ утра до ночи, орденцы овладѣли крѣпостнымъ посадомъ, перебили тутъ людей, кого застали, ограбили, что можно было захватить, но самой крѣпости не взяли. Тирбергъ, удовольствовавшись добычею, отступилъ, но на возвратномъ пути, по словамъ Дусбурга (III, гл. 217), потерпѣлъ неудачу: при проходѣ чрезъ Нѣманъ ледъ проломился и немало орденцевъ перетонуло при этомъ.

Набѣгъ этотъ послужилъ началомъ борьбы и войнъ прусскихъ рыцарей (крыжаковъ, т. е. крестоносцевъ, какъ ихъ въ тѣ времена и послѣ звали въ Польшѣ и Литвѣ) съ Витеномъ, предлоговъ же для войны находилось достаточно. Ордену было крайне непріятно, что прусскіе выходцы

своимъ коморникомъ (по нынѣшнему камергеромъ). Юнота въ этой должности оказалъ столько способностей и энергіи, что Тройденъ, постоянно возвышая его, ввѣрилъ ему наконецъ должность маршалка литовскаго, „въ каковомъ урядѣ (должности), говоритъ Быховецъ, служа ревностно отечеству, сдѣлался достойнымъ возвышенія на велико-княжескій престолъ“.

находили себѣ пріютъ и пристанище въ русско-литовскихъ земляхъ, что русско-литовскій князь отводитъ земли подъ поселеніе этихъ выходцевъ около Гродны. Было уже выше сказано (стр. 117), что послѣдній изъ судавскихъ предводителей, Скурдо, со всѣмъ своимъ народомъ покинулъ родину и ушелъ въ Литву. Для поселенія этихъ выходцевъ были отведены земли въ Лидскомъ уѣздѣ (деревня Кержишки Эйшискаго прихода напоминаетъ, что здѣсь былъ поселокъ Скурдо, его бывшія имѣнія въ Судавіи составляли округъ, называвшійся Кершавскимъ). Магистръ Конрадъ на слѣдующій же годъ послѣ набѣга на Биссены рѣшился ударить на Городну, около которой разселились прусскіе выходцы, и въ 1284 г. привелъ въ исполненіе свое рѣшеніе. Вмѣстѣ со Скомундомъ, нѣкогда врагомъ ордена, а теперь подручникомъ его (см. выше стр. 117), онъ осадилъ Гродну, овладѣлъ городкомъ послѣ ожесточеннаго боя, избилъ тутъ пропасть народа, но кремля не взялъ, и за тѣмъ съ добычею, какую награбили нѣмецкіе отряды по окрестнымъ деревнямъ, возвратился въ свою землю.

Литовцы въ свою очередь не давали покоя сосѣдямъ, дѣлая набѣги на польскія и русскія земли. Такъ въ 1-й новгородской лѣтописи (см. П. С. Р. Л. III, 64) подъ 1285 г. отмѣчено: „Той же зимы литва Ловать воеваша“. Въ Троицкой лѣтописи сказано: „Литва воеваша Тверскаго владыки волости, и Олешну и прочіи, и совокупившеся . . . . биша литву на лѣсѣ въ канунъ Снасову дни“.

Литовскіе набѣги на русскія земли съ этого времени уже не являются столь частыми, какъ бывало прежде. Силы литовцевъ постоянно отвлекались отъ Руси прусскими и ливонскими рыцарями, которые, приблизясь къ Нѣману съ одной стороны и къ Жмуди съ другой, начинаютъ явно стремиться къ овладѣнію Жмудью. Витену было уже не до Руси, ему приходилось отбиваться отъ прусскихъ рыцарей, которые послѣ покоренія Пруссіи явились сильными и опасными врагами Литвы и наносили ей чувствительный вредъ. Такъ въ 1286 году претендентъ на русско-литовское княженіе Пелюсъ, проживая въ Кенигсбергѣ, провѣдавъ, что его дядя Пеласъ въ Нальщанскомъ княжествѣ празднуетъ свадьбу своей дочери и на свадебный пиръ пригласилъ пропасть пановъ и бояръ изъ Руси, Литвы и Жмуди, уговорилъ кенигсбергскаго командора дать ему отборный отрядъ*) для нападенія на свадебное сборище. Нападеніе было сдѣлано столь внезапно, что до семисотъ бояръ и знатнѣйшихъ гостей было убито; молодые супруги, женщины, дѣти, лошади, имущество, все было увезено въ Кенигсбергъ. Набѣгъ этотъ, замѣчаетъ Дусбургъ, причинилъ литовцамъ больше вреда, чѣмъ причинило бы сильное пораженіе, понесенное въ открытомъ полѣ.

Принѣманскія земли въ это время были ареною для струтеровъ, тѣхъ отрядовъ изъ новокрещенныхъ пруссовъ, которые были сформированы прусскими рыцарями спеціально для набѣговъ. На добрыхъ коняхъ, хорошо вооруженные, струтеры вторгались то въ Жмудь, то въ Литву, то въ Русь, грабили, жгли и исчезали невѣдомо куда, то устраивали засады на рѣкахъ, подстерегая плывущія ладьи, то выжигали посѣвы. Отъ Буга до

*) По овладѣніи Пруссіею, орденцы учредили военные отряды, по преимуществу изъ новокрещенныхъ, струтеровъ (вольныхъ добычниковъ), въ составъ которыхъ вошли самые отчаянные разбойники. Дусбургъ называетъ этихъ людей *latrunculi* (разбойники). Орденцы употребляли ихъ для набѣговъ и лазутчиками. Кенигсбергскій командоръ и далъ Пелюсу отрядъ такихъ latrunculi. Отрядъ этотъ находился подъ начальствомъ Конрада по прозванію Дьявола.

Нарева, отъ Нарева до Нѣмана и Балтійскаго моря струтеры простирали свои разбойничьи набѣги, но и литовцы въ свою очередь не оставались въ долгу предъ струтерами, нападали на нихъ, вторгались въ орденскія земли и грабили ихъ нещадно. Въ сущности литовцы того времени были разбойниками не хуже струтеровъ, съ тою лишь разницею, что были язычниками, а струтеры считались католиками, говоримъ, считались, потому что были такими же номинальными христіанами, какими были современные имъ покоренные нѣмцами куроны, семигаллы, латыши и чудь, которыхъ окропили святою водою, назвали христіанами, да тѣмъ и ограничились.

Витенъ не подарилъ ордену нападенія на Гродну (см. выше стр. 121), собралъ войско изъ жмудинъ, литовцевъ и прусскихъ выходцевъ и въ концѣ 1286 г. внезапно подступилъ къ Добрину. Былъ воскресный день и въ городъ этотъ собралось много народа изъ окрестностей на какой-то праздникъ. Витенъ напалъ на городъ, поджогъ его, перерѣзалъ всѣхъ, кто защищался, и затѣмъ, захвативъ въ полонъ 9000 человѣкъ изъ Добринской земли, ушелъ въ свою землю.

Этотъ набѣгъ сильно встревожилъ ближайшихъ къ Добрину властителей. Тогдашній король нольскій Лешекъ Черный обратился къ папѣ Николаю IV съ просьбою о проповѣди крестоваго похода на литовскихъ язычниковъ. Папа немедленно же далъ разрѣшеніе на проповѣдь, и крестоносцы собрались. Лешекъ въ 1287 г. повелъ крестоносное ополченіе, но дальше Мазовіи не пошелъ. Онъ потерялъ охоту помѣряться силами съ Витеномъ, быть можетъ потому, что провѣдалъ о приготовленіяхъ литовцевъ къ отпору, и крестоносцы, разсѣявшись по Мазовіи, начали грабить и жечь эту страну, угождая Лешку, враждовавшему съ тогдашнимъ мазовецкимъ княземъ Конрадомъ. Походъ тѣмъ и кончился: крестоносцы, ограбивъ католическую Мазовію, разошлись по домамъ, оставивъ въ покоѣ литовскихъ язычниковъ, противъ которыхъ возложили на себя крестъ.

Мелкая война между тѣмъ въ принѣманскихъ земляхъ продолжалась, и если струтеры не давали покоя Жмуди и Литвѣ, но и жмудь не уступала имъ въ грабежахъ орденскихъ земель. Чтобы обезпечить свои владѣнія отъ жмудинъ, прусскіе рыцари рѣшились построить крѣпости на Нѣманѣ. Въ 1289 г. они отстроили Рагнитъ и заложили городъ при немъ и за тѣмъ въ томъ же 1289 г. построили Тильзитъ, чтобы крѣпость эта служила защитою новокрещенныхъ талавовъ, обитавшихъ въ земляхъ по низовьямъ Нѣмана, отъ набѣговъ жмудинъ. Обѣ эти крѣпости должны были вмѣстѣ съ тѣмъ служить и опорными пунктами для будущаго покоренія Жмуди, куда рыцари успѣли проникнуть, пользуясь тѣмъ, что Жмудь была раздѣлена на множество мелкихъ владѣній, князьки которыхъ не охотно подчинялись великому князю Витену.

Съ этихъ поръ усиливается ожесточенная, безпрерывная война князя Витена съ орденомъ, усиливаются набѣги то литовцевъ на прусскія земли, то орденцевъ на литовцевъ, набѣги всегда опустошительные, но не влекшіе за собою важныхъ результатовъ. Эта безпрерывная война отвлекала силы литовцевъ отъ западной Россіи: не до грабежей русскихъ земель уже было, когда ливонская и прусская отрасли ордена, ставъ твердою ногою одна въ Пруссіи, а другая въ Куроніи и Семигалліи, обнаружили явныя стремленія овладѣть Жмудью.

Осенью 1289 г. Витенъ сдѣлалъ набѣгъ на Самію, въ слѣдующемъ 1290 г. прусскій провинціальный вице-магистръ, Мейнгардъ Кверфуртъ, осадилъ литовскій городокъ Колиніанъ, но безуспѣшно, а затѣмъ, когда въ 1290 г. семигаллы были покорены и у ливонскихъ рыцарей развязались руки на дальнѣйшія завоеванія, вступилъ въ сношенія съ ливонскимъ ма-

гистромъ о совмѣстномъ дѣйствіи противъ литовцевъ и покоренiи Жмуди Объ этомъ будетъ разсказано ниже, а теперь взглянемъ, что дѣлалось въ Новгородской Руси въ то время когда прусскій орденъ утверждался въ Пруссіи, а ливонскій въ Куроніи и Семигалліи.

Было уже выше сказано (стр. 88), что къ 1270 г. Ливонія и датская Эстонія помирились съ Новгородскою Русью. Ливонскій магистръ все свое вниманіе послѣ замиренія обратилъ на покореніе земель нынѣшней Курляндской губерніи, а въ Новгородѣ начались обычныя ссоры вѣча съ княземъ. Пока продолжалась война съ ливонскими рыцарями и датскими королевскими мужами, новгородцы, нуждаясь въ помощи суздальскихъ иолковъ, молчали, но чуть лишь настало замиреніе и собранные полки разошлись по домамъ, какъ партія, противная великому князю Ярославу Ярославичу, зашумѣла. Того же лѣта 1270 года бысть мятежъ въ Новгородѣ, сказано въ 1-й Новгородской лѣтописи (см. П. С. Р. Л. III. 61), начали изгонять князя Ярослава изъ города, созвонили вѣче, которое, ограбивъ дома и имущества великокняжескихъ приверженцевъ. прислало князю въ его мѣстопребываніе въ Городище грамоту съ исчисленіемъ княжескихъ неправдъ (отступленій отъ договорной грамоты. ряда, которою опредѣлялись отношенія княжей власти къ Новгородской землѣ): „Чему еси отъялъ Волховъ гогольными ловци, а поле отъялъ еси заячими ловци? чему взялъ если Олексинъ дворъ Морткинича? чему поималъ (взялъ) еси серебро (деньги) на Микифорѣ Манускиничи, и на Романѣ Болдыжевичи, и на Варѳоломѣи? а иное чему выводишь отъ насъ иноземцы, которыи у насъ живутъ? а того много вины его; а нынѣ, княже, не можемъ терпѣти твоего насилья, поѣди отъ насъ, а мы собѣ князя промыслимъ“. Ярославъ вступилъ было въ переговоры съ вѣчемъ, обѣщая снова присягнуть на всей волѣ новгородской. Вѣче не соглашалось, говоря: князь, уѣзжай, не хотимъ тебя, а иначе пойдемъ на Городище и силою прогонимъ. Ярославъ уѣхалъ, а новгородцы послали за сыномъ Невскаго, княземъ Дмитріемъ Переяславскимъ, который уже княжилъ у нихъ прежде. Дмитрій отказался, говоря: „не хочу взять стола предъ стрыемъ (дядею) своимъ“.

Великій князь не хотѣлъ, однако, упустить изъ своей власти Новгорода: началъ собирать низовые полки на Новгородъ, послалъ къ хану Менгу-Темиру за помощью. Ханъ обѣщалъ прислать, но не прислалъ, когда къ нему прибылъ братъ Ярославовъ, князь Василій Костромской, и заступился за новгородцевъ. Ярославъ и безъ татаръ собралъ большое войско и съ нимъ вступилъ въ новгородскія земли. Новгородцы также вооружились, призвали къ себѣ на помощь изъ своихъ пригородовъ и волостей псковичей, ладожанъ, карелу, ижору и вожанъ и выступили въ поле. Обѣ рати сошлись у Русы, но до сраженія, однако, не дошло: митрополитъ Кириллъ помирилъ противниковъ. Новгородцы уступили, приняли на свой столъ Ярослава и написали вновь договорную грамоту, дошедшую до насъ въ подлинникѣ. Въ грамотѣ этой, на которой присягнулъ Ярославъ, къ прежнимъ условіямъ прибавились новыя: отпустить гнѣвъ на мужей новгородскихъ, не принимать доносовъ отъ раба на господина, не тѣснить нѣмецкій гостинный дворъ и пр. На оборотѣ этой грамотѣ отмѣчено: „сажали Ярослава татарскіе послы Чевгу и Бакши съ грамотою Менгу-Темира“. Князь Ярославъ значитъ получилъ ханскій ярлыкъ на Новгородское княженіе, слѣд. являлся новгородскимъ княземъ уже и съ ханскаго утвержденія.

Зимою 1270 г. великій князь Ярославъ Ярославичъ уѣхалъ во Владиміръ, и отсюда въ орду, а въ Новгородѣ остави, сказано въ первой

Новгородской лѣтописи, Андрея Воротиславича, и псковичамъ далъ князя Аигуста.

Великій князь умеръ въ ордѣ въ 1272 г. По его смерти на Новгородъ явились два претендента: сынъ Невскаго, Дмитрій, и братъ Ярославовъ, Василій. Оба они прислали пословъ къ новгородцамъ „съ поклономъ хотя сѣсти въ Новгородѣ", сказано въ первой Новгородской лѣтописи. Новгородцы послали за Дмитріемъ, который и сѣлъ на новгородскомъ столѣ 9 октября 1272 г. Князь Василій Ярославичъ тогда пошелъ войною на Новгородъ; Дмитрій добровольно уступилъ ему столъ и „поиде прочь съ любовію", а князь Василій „сѣде на столѣ". Онъ умеръ въ 1276 г. и новгородцы послали по Дмитрія Александровича, который и былъ посаженъ на новгородскій столъ въ 1277 г.

Въ слѣдующемъ 1278 г. князь Дмитрій, по словамъ первой Новгородской лѣтописи, съ новгородцами и со всею низовскою землею, „казни Карелу и взя землю ихъ на щитъ"; за что казнилъ не объяснено, быть можетъ, за то, что Карела явилась неисправнымъ данникомъ.

Въ 1279 г. князь заложилъ и построилъ каменную крѣпость Копорію какъ для удержанія финскихъ народцевъ въ покорности, такъ и для защиты отъ иноземныхъ вторженій, которыхъ новгородцы должны были опасаться какъ со стороны Финляндіи, такъ и со стороны Нарвы. Эта крѣпость послужила въ 1281 году поводомъ къ раздору между Дмитріемъ и новгородцами. Повидимому, князь хотѣлъ присвоить ее лично себѣ и занять своею дружиною; а новгородцы не позволяли князю владѣть чѣмъ либо въ новгородской землѣ, въ особенности мѣстомъ укрѣпленнымъ. Князь Дмитрій уѣхалъ во Владиміръ и, собравъ войско, зимою 1281 г. вступилъ въ Новгородскую землю. Новгородцы уступили, согласились поручить Копорье княжеской дружинѣ.

Ссора князя Дмитрія съ новгородцами подала мысль его родному брату, Андрею князю Городецкому, овладѣть и Новгородомъ и великимъ княженіемъ Владимірскимъ при помощи татаръ. Онъ отправился въ орду, иолучилъ тамъ ярлыкъ на великое княженіе и съ татарскимъ войскомъ подстуиилъ къ Мурому, потребовавъ, что бы всѣ удѣльные князья явились къ нему въ станъ съ дружинами. Великій князь Дмитрій, не имѣя силъ бороться съ татарами, бѣжалъ въ Новгородъ, а татары страшно опустошили земли великаго княженія до самаго Торжка. Онъ хотѣлъ пробраться въ Копорье, гдѣ въ то время находился его зять, знаменитый Довмонтъ Псковскій: новгородцы не пустили его туда, требуя, чтобъ княжеская дружина вышла изъ Копорія. Самого Дмитрія новгородцы не трогали, но взяли его двухъ дочерей и бояръ въ залогъ, говоря (см. первую Новгородскую лѣтопись стр. 64): „оже мужи твои выступятся изъ Копоріи, то пустимъ". Дмитрій удалился тогда въ Переяславль; Довмонтъ забралъ въ Ладогѣ казну и имущество Дмитріево, но новгородцы подступили къ Копорью, заставили Довмонта выдти съ княжескою дружиною и затѣмъ, срывъ эту крѣпость до основанія, признали Андрея Городецкаго своимъ княземъ.

Началась усобица между братьями, продолжавшаяся съ иеремѣннымъ счастіемъ то на сторону Дмитрія, то на сторону Андрея до самой смерти Дмитрія въ 1294 г. Во время этой долголѣтней усобицы Андрей призывалъ на помощь татаръ, которые жестоко грабили Владимірское княжество, разоряя города, уводя жителей въ полонъ. Смуты и усобицы не прекратились и по смерти Дмитрія. Важная перемѣна во взглядахъ князей на взаимныя отношенія начинаетъ обнаруживаться именно во время усобицъ

между сыновьями Невскаго. И прежде князья не всегда уважали родовое старшинство, но теперь, когда не старшинство, а ханскій ярлыкъ рѣшалъ вопросъ о княженіяхъ, при чемъ ярлыкъ выдавался часто тому, кто давалъ больше даровъ за него, князья совсѣмъ перестали обращать вниманіе на старшинство, а вмѣстѣ съ тѣмъ и старшій, великокняжескій городъ Сѣверной Руси, Владиміръ, неоднократно разоренный татарами, начинаетъ терять прежнее значеніе. Младшіе города и князья начинаютъ не признавать этого первенства, стремятся сами сдѣлаться центромъ, около котораго собирались бы другія волости. Смутное исканіе такого центра, такой княжеской вѣтви, которая стала бы во главѣ всей Сѣверной Руси, начинается съ конца XIII ст.; начинаются признаки новаго порядка вещей, собиранія волостей. Младшему сыну Невскаго, Даніилу Александровичу, князю московскому, было суждено дать перевѣсъ своему, въ началѣ незначительному, княженію надъ другими, быть радоначальникомъ собирателей русской земли, а Москвѣ быть ядромъ всей Россіи, — это ясно уже обозначилось въ первой половинѣ XIV столѣтія.

Новгородъ во время усобицъ между сыновьями Невскаго переходилъ изъ рукъ въ руки, иногда и на всей своей волѣ, но ни внутренняго, ни внѣшняго мира въ этомъ центрѣ Новгородской Руси не было. Партіи враждовали между собою, конецъ возставалъ на конецъ, улица на улицу, причемъ грабежи и убійства были обыкновенными спутниками сумятицъ. Счастье еще Новгородской Руси, что сосѣди ея безпрестанно отвлекались отъ распространенія своихъ владѣній на ея счетъ.

Литовскіе набѣги на Новгородскую Русь, столь частые и столь опустошительные въ XIII ст., къ концу этого столѣтія постепенно стихаютъ, потому что литвѣ уже было не до наживы на чужой счетъ; литовцамъ приходилось уже защищать свою собственность, отбиваться отъ прусскихъ струтеровъ и рыцарей, напиравшихъ на нее изъ за Нѣмана, отбиваться и отъ ливонскихъ рыцарей, явно надвигавшихся на Жмудь; ливонскіе магистры и ихъ рыцари были главнѣйшимъ образомъ заняты покореніемъ лѣвобережныхъ двинскихъ земель, Куроніи и Семигалліи, а командоры замковъ Дерптскаго епископства, земли котораго прилегали къ землямъ псковскимъ, были слишкомъ слабы, чтобы предпринять что либо серьезное иротивъ Пскова, гдѣ княземъ былъ воинственный Довмонтъ, всегда готовый на отраженіе врага и къ отмщенію за набѣгъ набѣгомъ. Датскіе королевскіе мужи были также слишкомъ слабы для наступательныхъ дѣйствій противъ Новгородской Руси изъ за Наровы. Они, конечно, были бы не прочь овладѣть занаровскими землями, если бы могли расчитывать на какую либо помощь со стороны, но ливонскій орденъ помощи оказать не могъ, а со стороны Даніи ожидать помощи и подавно нельзя было.

Выло уже выше сказано (стр. 74), что король Эрихъ VI Глиппингъ погибъ насильственною смертію въ 1286 г., а такъ какъ старшему сыну и преемнику его, Эриху VII Менведу, было всего 12 лѣтъ отъ роду, потому опека надъ нимъ и управленіе государствомъ перешли къ его матери, бранденбургской принцессѣ Агнесѣ, и къ дядѣ, герцогу Вальдемару Шверинскому. Магнаты, убившіе Эриха VI, бѣжали въ Норвегію, король которой принялъ ихъ подъ свою защиту. Соединившись съ норвежскими морскими разбойниками, они начали нападать на Данію, производя въ ней жестокія разоренія. Вслѣдствіе этого между Даніею и Норвегіею завязалась долголѣтняя война. Къ этому присоединились и интриги лундскаго архіепископа, Іоанна Гранда, принимавшаго участіе въ убійствѣ Эриха VI. Онъ вступилъ въ управленіе своею епархіею безъ королевскаго разрѣшенія; его за это и

за участіе въ убійствѣ сковали и бросили въ тюрьму. Тогдашній папа, властолюбивый Бонифацій, наложилъ интердиктъ на Данію и потребовалъ, чтобъ король Эрихъ VII Менведъ явился въ Римъ на судъ. Паискій интердиктъ, не слишкомъ-то тревожившій датчанъ, на этотъ разъ коснулся и датской Эстоніи, но ревельскій епископъ Генрихъ представилъ папѣ, что Эстонія, далеко удаленная отъ Даніи, населена большею частію новокрещенными, которые вслѣдствіе интердикта (отлученія отъ церкви) легко могутъ поколебаться въ вѣрѣ и совсѣмъ отстать отъ католичества, тѣмъ болѣе, что сосѣдніе русскіе, карела и др. постоянно уговариваютъ новокрещенцевъ отстать отъ католической церкви. Вслѣдствіе такого представленія папа Бонифацій VIII буллою отъ 7 декабря 1301 г. (см. Бунге, Urkundenbuch, № 591) снялъ съ Эстоніи интердиктъ. Война съ Норвегіею, внутреннія неурядицы, ссоры съ духовенствомъ и сосѣдями обезсиливали Данію, король которой, предоставивъ Эстонію самой себѣ, не могъ оказать ей никакой помощи, если бы и хотѣлъ. Послѣ замиренія съ датскими королевскими мужами въ 1270 г. новгородцы не трогали Эстоніи. но и датскіе королевскіе мужи сидѣли смирно.

Не то было со шведами. Мы видѣли (стр. 75), что шведамъ давно уже хотѣлось овладѣть Ладогою, чтобъ имѣть въ своихъ рукахъ путь, по которому главнѣйшимъ образомъ направлялась вся русская торговля съ Готландомъ и сѣверо-германскими городами, но это имъ никакъ не удавалось: князь Александръ Невскій на долго отбилъ у нихъ охоту воевать съ Новгородскою Русью. Шведы и не воевали, но старались всячески утвердиться на побережья Финскаго залива въ землѣ кареловъ, старинныхъ данниковъ Великаго Новгорода, отчасти принявшихъ и православіе. Папа безпрестанно побуждалъ шведовъ къ крестовому походу на кареловъ и русскихъ. Походы и бывали. направляясь по преимуществу въ устье Невы къ Ладогѣ, и въ Карелію. Въ первой Новгородской лѣтописи упомянуты нѣкоторые изъ такихъ походовъ. Такъ подъ 1283 г. (см. П. С. Р. Л. III, 64) отмѣчено: „Того же лѣта внидоша нѣмцы ратію Невою въ озеро Ладожское и избиша новгородцевъ обонѣжскихъ купцовъ; и идоша ладожане въ Неву и бишася съ ними“. Подъ 1284 г. сказано: „Того же лѣта воевода нѣмецкій Трунда съ нѣмцы, въ лойвахъ и во шнекахъ, внидоша Невою въ Ладожское озеро ратію, хотяще на корѣлѣ дань взяти. Новгородцы же съ посадникомъ Семеномъ и съ ладожаны, шедше сташа на усть Невы, и дождавше избиша ихъ, а прочее ихъ убѣжаша мѣсяца сентября въ 9. на память святую Іокыма и Анны“. Удачи не было съ новгородцами, не было удачи и съ карелами. Карела, озлобленная требованіемъ дани и насильственнымъ обращеніемъ въ католичество, возставала противъ шведовъ, наносила имъ чувствительныя пораженія, возставала и противъ новгородцевъ, но обыкновенно была усмиряема. Шведское правительство старалось вредить новгородцамъ косвеннымъ путемъ: мѣшало русскимъ торговать съ ганзейскими городами, запрещало нѣмецкимъ купцамъ ввозить въ Россію оружіе и вообще желѣзо. Эти запрещенія, однако, мало помогали: водный Невскій путь былъ въ рукахъ новгородцевъ и торговля шла своимъ чередомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что шведы добились бы лучшихъ результатовъ въ своихъ стремленіяхъ овладѣть Ладогою, если бы королевство ихъ не было обуреваемо усобицами. Было уже сказано (см. томъ I, стр. 350), что въ первой половинѣ XIII в. во главѣ шведскаго магнатства стояла фамилія Фолькунговъ, представитель которой, носившій титулъ ярла, Биргеръ, потерпѣлъ сильное пораженіе отъ Александра Невскаго на берегу Невы въ 1240 году. По смерти короля Эриха, по прозванію Заика, въ 1250 году на

шведскій престолъ была избрана фамилія Фолькунговъ въ лицѣ сына Биргера, Вальдемара. Управлялъ государствомъ самъ Биргеръ. Чтобъ упрочить королевство за своимъ родомъ, онъ далъ въ удѣлъ своимъ младшимъ сыновьямъ, Магнусу и Эриху, особыя герцогства, думая что братья будутъ помогать королю. Вышло какъ разъ на оборотъ. Биргеръ умеръ въ 1266 г. и братья перессорились между собою. Вальдемаръ, болѣе занимавшійся любовными похожденіями, чѣмъ государственными дѣлами, вступилъ въ связь съ своею невѣсткою (монахинею, сестрою своей жены, дочерью датскаго короля Эриха Плогпенига). Эта связь возстановила противъ короля народъ и духовенство, а братья въ 1275 г. пошли войною на него. Легкомысленный и безпутный Вальдемаръ былъ побѣжденъ, попался въ плѣнъ и лишился престола. Шведскимъ королемъ въ 1279 году былъ провозглашенъ его братъ Магнусъ I. Онъ вызвалъ къ себѣ своего тестя Гергарда герцога Голштинскаго и многихъ нѣмецкихъ рыцарей. Это раздражило родственниковъ короля, началась усобица съ ними, кончившаяся тѣмъ, что Магнусъ I заманилъ ихъ къ себѣ ласкою и, овладѣвъ ими, однихъ умертвилъ другихъ лишилъ владѣній и утвердилъ престолонаслѣдіе за своимъ старшимъ сыномъ, Биргеромъ. Истребивъ родню, Магнусъ упрочился на престолѣ и много старался оградить крестьянъ отъ грабежей и своевольствъ магнатовъ. Онъ, по выраженію современниковъ, навѣсилъ замокъ на крестьянскіе амбары, а отсюда явилось и прозваніе этого короля Ладулосъ (амбарный замокъ).

Магнусъ I умеръ въ 1290 г., назначивъ маршала Торкеля Кнутсона опекуномъ своихъ малолѣтнихъ сыновей, Биргера, Эриха и Вальдемара, изъ которыхъ девятилѣтній Биргеръ былъ объявленъ шведскимъ королемъ. Дѣятельный, умный Торкель съ честью управлялъ Швеціею во время малолѣтства короля и обратилъ серьезное вниманіе на Финляндію, чтобы утвердиться на берегахъ Финскаго залива и забрать въ шведскія руки устья Невы.

Въ 1293 г. шведы завоевали часть русской Кареліи и построили въ углубленіи одной изъ многочисленныхъ бухтъ южной Финляндіи, противъ Березовыхъ острововъ, укрѣпленный городокъ. „Пришедше Свѣа поставиша городъ на Корѣльской земли“, отмѣчено подъ 1293 г. въ первой Новгородской лѣтописи (см. П. С. Р. Л. III, 65). Городъ этотъ былъ Выборгъ. Новгородцы послали за княземъ Андреемъ (соперникомъ Дмитрія), тотъ прибылъ и послалъ добывать Выборгъ князя Романа Глѣбовича съ небольшою ратію. Новгородцы осадили новопостроенный городокъ, но потерпѣли неудачу. „Пришибошася вторникъ на похвальной недѣли крѣпко“ сказано въ первой Новгородской лѣтописи, и „застрѣлиша съ города мужа добра Ивана Клекачевича, мнози ранени быша; той же ноци, по грѣхомъ нашимъ, бысть оттеплѣе (оттепель), росполися вода подъ городомъ, а конемъ не бысть корма, и отъидоша, и пріидоша здрави вси, (но) ранени, а Іоанъ Клекачевичъ привезенъ преставися съ той раны“.

Успѣхъ ободрилъ шведовъ на дальнѣйшія предпріятія утвердиться въ Кареліи. Въ 1295 году они построили городъ на берегу уже Ладожскаго озера (Кексгольмъ). На этотъ разъ новгородцы ударили на новопостроенный городокъ съ большею энергіею: раскопали его и избили гарнизонъ до послѣдняго человѣка. „Поставиша Свѣа, съ воеводою своимъ Сигомъ, городокъ въ Корѣлѣ; новгородцы же шедше городокъ разграбиша, а Сига убиша, не пустиша ни мужа“ — сказано въ первой Новгородской лѣтописи.

Но шведы не покидали, однако, своихъ плановъ. Въ 1300 г. самъ маршалъ Торкель Кнутсонъ съ большимъ флотомъ вошелъ въ Неву и за-

ложилъ сильную крѣпость при устьѣ рѣки Охты, Ландскрону. Въ первой Новгородской лѣтописи объ основаніи этой крѣпости сказано такъ (см. П. С. Р. Л. III, 67): „Того же лѣта придоша изъ заморья Свѣи, въ силѣ велицѣ, въ Неву, приведоша изъ своей земли мастеры, изъ великаго Рима отъ папы мастеръ приведоша нарочитъ (военныхъ инженеровъ по нынѣшнему), поставиша городъ надъ Невою, на усть Охты рѣки, и утвердиша твердостію несказанною, поставиша въ немъ пороки, похвалившеся окаянные нарекоша его Вѣнецъ земли (Ландскрона); бѣ бо съ ними намѣстникъ королевъ, именемъ Маскалка (Mariscalcus, Marschalcus, т. е. маршалъ Торкель Кнутсонъ); и посадивше въ немъ мужи нарочитые съ воеводою Стенемъ, и отъидоша, князю великому тогда не будущу въ Новгородѣ".

Появленіе этой крѣпости грозило Новгороду большою опасностію: шведы могли дѣйствительно запереть торговое сношеніе русскихъ съ западною Европою. Новгородцы поняли эту опасность и въ слѣдующемъ 1301 г., когда въ Новгородъ прибылъ съ низовскими полками великій князь Андрей, пошли разорять Ландскрону. 19 мая былъ произведенъ штурмъ шведской крѣпости. Новгородцы, сказано въ первой Новгородской лѣтописи, „потягнуша крѣпко; силою св. Софіи и помощію святого Бориса и Глѣба, твердость та ни во что же бысть за высокоуміе ихъ, зане всуе трудъ ихъ безъ Божія повелѣнія: градъ взятъ бысть, овыхъ избиша и усѣкоша, а иныхъ извязавше поведоша съ города, а градъ запалиша и розгребоша".

Новгородцы разрушили Ландскрону, но сами, однако, не озаботились укрѣпиться въ устьѣ Невы, не поставили здѣсь своей крѣпости. Это, быть можетъ, паиболѣе и побуждало шведовъ продолжать свои попытки къ овладѣнію устьемъ Невы и Ладогою, о чемъ и будетъ разсказано ниже.

Теперь обратимся къ ливонскимъ сосѣдямъ Новгородской Руси.

Послѣ замиренія въ 1270 г. съ датскою Эстоніею (см. выше стр. 88), лѣтъ 25 королевскіе люди сидѣли смирно, по крайней мѣрѣ, ни въ новгородскихъ, ни въ нѣмецкихъ лѣтописяхъ не упоминается о какихъ либо враждебныхъ столкновеніяхъ Новгородской Руси съ датскою Эстоніею. Сидѣли смирно за слабостію своихъ силъ, за невозможностію получить отъ кого либо военную помощь, но чуть лишь мелькнула надежда на успѣхъ, чуть лишь датскіе королевскіе люди провѣдали, что шведы заложили Выборгъ, что новгородцамъ не удалась осада этой крѣпости, какъ возобновили свои прежнія попытки утвердиться за Наровою (см. выше стр. 79). Въ первой Новгородской лѣтописи (П. С. Р. Л. III, 66) подъ 1294 г. находимъ слѣдующее извѣстіе: „Того же лѣта постави Титъмановичъ отіи городокъ, на сей сторонѣ Наровы; новгородцы же шедъ пожгоша городокъ, и село его великое взяша и пожгоша".

Какой же это Титъмановичъ? Что значитъ отіи городокъ? Въ нѣмецкихъ источникахъ, ни въ Рифмованной, ни въ Орденской Хроникахъ, ни въ сборникахъ грамотъ не упоминается ни о какомъ Титъмановичѣ. Надобно полагать, что вмѣсто Титъмановичъ слѣдуетъ читать Дидмановичъ, т. е. сынъ или преемникъ того Дидмана, о которомъ первая Новгородская лѣтопись упоминаетъ подъ 1259 годомъ

(см. П. С. Р. Л. III, 56) такъ: „Придоша Свѣи, и Емь, и Сумь, и Дидманъ со своею волостью, и множество рати и начаша чинити городъ на Наровѣ“. Карамзинъ въ 93 прим. къ IV т. говоритъ, что Дидманомъ называли латыши великаго магистра ливонскаго. Это не такъ. Дидманъ ливонскимъ магистромъ не былъ, а это скорѣе всего есть датскій вассалъ Дитрихъ фонъ Кивель, который владѣлъ имѣніями сосѣдними съ Новгородскою Русью и вмѣстѣ съ вассаломъ Оттономъ Люнебургскимъ доносилъ папѣ Александру IV о готовности язычниковъ, жившихъ за Наровою, принять католичество (см. выше страницу 79).

По замиренію съ Новгородскою Русью 1270 г., датскіе королевскіе мужи отступились, какъ свидѣтельствуетъ первая Софійская лѣтопись, отъ Наровы, т. е. отъ земель, которыя они заняли было за Наровою; Дидмановъ городокъ отошелъ такимъ образомъ къ новгородцамъ, которые, по всей вѣроятности, и срыли его, какъ то дѣлывали съ городками, строившимися шведами. Слова первой Новгородской лѣтописи: постави Титъмановичъ отіи, т. е. отчій, отній, отцовскій городокъ могутъ означать, что преемникъ по лену, сынъ Дитриха фонъ Кивеля, возобновилъ отцовскій городокъ за Наровою.

При возобновленіи городка, конечно, имѣлось въ виду отнять у новгородцевъ части Ижоры и Води, и удержись только Дидмановъ городокъ и шведская Ландскрона, Новгородская Русь была бы совершенно отрѣзана отъ Балтійскаго моря и отъ прямыхъ сношеній съ ганзейскими городами, къ чему явно стремились шведы. Новгородцы, однако, сдержали и шведовъ и датчанъ, разрыли ихъ городки, не дали имъ утвердиться въ устьяхъ Невы и тѣмъ сохранили за собою важный торговый путь съ Ганзою, начало которой относится къ половинѣ XIII в., о чемъ будетъ сказано ниже

Разоривъ Дидмановъ городокъ, новгородцы, по свидѣтельству первой Новгородской лѣтописи, въ 1297 году сами поставили городъ Копорію, возобновили крѣпость, которую, какъ мы видѣли построилъ ихъ князь Дмитрій Александровичъ и которую они сами срыли (см. выше стр. 124). Были-ли послѣ разоренія городка какія либо враждебныя столкновенія съ датскими королевскими людьми — неизвѣстно; вѣроятно были, продолжались нѣсколько лѣтъ и кончились мирнымъ соглашеніемъ, но уже съ самимъ датскимъ королемъ, Эрихомъ VII Менведомъ. Въ первой Новгородской лѣтописи подъ 1302 г. сказано, что новгородцы въ этомъ году посылали пословъ за море, въ Доньскую (т. е. Датскую) землю, и „привезоша миръ докончавше“.

Въ то время, когда новгородцы вели борьбу со шведами и датскими королевскими вассалами въ Эстоніи, псковичи отстаивали Новгородскую Русь отъ посягательствъ ливонскихъ рыцарей, владѣвшихъ пограничными съ Псковомъ замками въ Дерптскомъ и Рижскомъ епис-

копствахъ. Послѣ замиренія въ 1269 году съ ливонскими нѣмцами (см. выше стр. 87), большія военныя дѣйствія стихли, но мелкая пограничная война едва-ли прекращалась на продолжительное время. При неопредѣленности отношеній, при отсутствіи естественныхъ границъ, которыя бы отдѣляли орденскія и епископскія земли отъ псковскихъ, пограничныя столкновенія были неизбѣжны. Столкновенія и бывали, сопровождаясь обычными въ тѣ времена раззореніями пограничныхъ селъ, уводомъ плѣнныхъ и пр. Такъ въ первой Софійской лѣтописи (см. П. С. Р. Л. V, 197) подъ 1271 г. сказано, что поганая Латына (т. е. ливонскіе рыцари), пришедше тайно, взяли съ украйны нѣсколько псковскихъ селъ и вскорѣ возвратились. Боголюбивый же князь псковскій Довмонтъ, не терпя обиды отъ нападенія безбожныхъ Латынъ, выѣхалъ въ погоню не съ большими силами на пяти ладьяхъ, и съ Божіею помощію побѣдилъ нѣмцевъ восемь сотъ, на рѣкѣ на Мироповнѣ, а два посада побѣгоша на иныя острова. Князь Довмонтъ зажегъ траву на островѣ и „пожже подъ травою ихъ, а иніи побѣгоша, а власи имъ горятъ, а иныхъ изсѣкоша, а иніи иотопоша въ водѣ“. Князь Довмонтъ возвратился во Псковъ и всѣ съ нимъ здравы пришли, и бысть радость велика въ городѣ.

Далѣе въ той же лѣтописи подъ 1272 г. читаемъ: „По временѣхъ же нѣколицѣхъ княженія Довмонта, начаша поганая Латына насиліе дѣяти надъ псковичи, нападеніемъ и работою ихъ; боголюбивый же князь Довмонтъ, не терпя обидимымъ быти отъ поганыя Латыны, ѣха со псковичи, плѣни землю ихъ и села чудскія пожже, и полона много приведе въ землю свою“.

Хаживали на орденцевъ и новгородцы. Такъ подъ 1292 г. въ той же лѣтописи отмѣчено, что въ тотъ годъ ходили новгородцы съ воеводами великаго князя Дмитрія Александровича воевати на нѣмецкую землю, и повоеваша много и пріидоша вси здорови.

Въ 1299 году зимою орденцы сдѣлали большой набѣгъ, но уже не на пограничныя псковскія земли, а на самый Псковъ. Въ первой Софійской лѣтописи сказано, что нѣмцы 4 марта 1299 г., внезапно подступили къ Пскову, захватили внѣшнее поселеніе его (посадъ), многихъ, неуспѣвшихъ бѣжать въ кремль, убили, сожгли монастыри (Спасскій и Святогорскій), и на другой день обступили самый городъ. Довмонтъ отбилъ нападеніе: не дожидаясь прибытія подкрѣпленій изъ волостей или Новгорода, онъ со своею княжею дружиною и боярин Иванъ Дорогомиловичъ съ псковскою дружиною ударили на нѣмцевъ столь стремительно, что разбили ихъ у Петро-павловской церкви на берегу р. Великой. „Бысть сѣча зла, нишеть лѣтописецъ, яко николи же така не бывала у Пскова, овыхъ пзбиша, иныхъ раниша, и кумендеря (командора) раниша по главѣ, а иные метахуся въ берегъ .... а прочіе вскорѣ повергше оружіе побѣгоша“. Плѣнныхъ отправили къ

великому князю Андрею Александровичу на Русь. Командоръ ушелъ и съ тѣхъ поръ орденцы лѣтъ двадцать не являлись подъ Псковъ Мира не было и мелкая война, по всей вѣроятности, продолжалась по прежнему.

О нападеніи на Псковъ въ 1299 году ливонскіе лѣтописцы не упоминаютъ ни слова и потому остается неизвѣстнымъ какой именно командоръ дѣлалъ этотъ набѣгъ. Отраженіе нѣмцевъ отъ Пскова было послѣднимъ подвигомъ Довмонта. Онъ умеръ во Псковѣ 20 мая 1299 г., по видимому, отъ какой-то заразительной болѣзни, свирѣпствовавшей въ то время въ этомъ городѣ. „И проводили его, сказано въ первой Псковской лѣтописи (см. П. С. Р. Л. IV, 183), все поповство, игумены и чернецы, и все множество людей оплакивали его, и тако положили его въ святой Тройцѣ (соборѣ, тутъ погребенъ основатель собора князь Всеволодъ-Гавріилъ; въ соборѣ этомъ сохраняется и по нынѣ Довмонтовъ мечъ). „Бысть же тогда, говоритъ лѣтописецъ, жалость велика во Плесковѣ, мужемъ, женамъ и малымъ дѣтямъ, по добромъ господинѣ благовѣрномъ князѣ Тимофеи; и много бо дней иострада за домъ святыя Тройцы и за мужей за псковичъ, стояніемъ дому святыя Тройцы". Памятникомъ Довмонта служитъ прочная каменная стѣна, огораживающая внутренній городъ и называемая „Довмонтовою стѣною". „Сей князь не однимъ храборствомъ, говоритъ лѣтописецъ, показанъ бысть отъ Бога, но и боголюбецъ показася, въ мирѣ привѣтливъ, и церкви украшая, и попы и нищая любя, и вся праздники честно проводя, и попы и чернцы кормля, и милостыню дая и сиротамъ и вдовицамъ".

Таковы были положенія сосѣднихъ съ Ливоніею странъ въ концѣ XIII столѣтія, когда ливонскіе рыцари закончили покореніе земель, составляющихъ нынѣшнюю Курляндскую губернію. Переходимъ теперь къ изложенію событій, происшедшихъ въ Ливоніи съ 1290 г.

VII. Борьба Ливонскаго ордена съ архіепископомъ Рижскимъ и городомъ Ригою до примирительной грамоты.

Прибытіе въ Ригу магистра Гальта Гоэнбахскаго. — Причины столкновеній и борьба между орденомъ и архіепископомъ. — Начало распрей между архіепископомъ Альбертомъ Зуербееромъ и орденомъ. — Набѣгъ Жмуди. — Захватъ орденцами архіепископа Іоанна и разрывъ съ нимъ. — Выборъ архіепископа Іоанна графа Шверинскаго и магистра Бруно. — Отношенія города Риги къ ордену. — Гибель Бруно. — Споръ изъ за моста. — Открытая вражда. — Нападеніе орденцевъ на Эзельское епископство. — Паденіе Аккона и перенесеніе главнаго дома Тевтонскаго ордена въ Венецію. — Осада литовцами Нейрмюлена и освобожденіе этой крѣпости. — Жалобы на орденъ. — Папа Бонифицій VIII вызываетъ ливонскихъ властителей къ суду въ Римъ. — Папское рѣшеніе. — Прибытіе въ Ригу новаго архіепископа Изарна и великаго магистра. — Тщетныя усилія Изарна примирить враждующія стороны и отказъ его отъ архіепископства. — Назначеніе архіепископомъ Рижскимъ монаха Фридриха Лобенштата. — Съѣздъ ливонскихъ властителей въ Дерптъ. — Покупка орденомъ Динаминда. — Протестъ и жалоба архіепископа Фридриха. — Объясненія ордена. — Прусскія дѣла. — Перенесеніе главнаго орденскаго дома въ Пруссію. — Папскій нунцій въ Ригѣ. — Оставленіе процесса съ орденомъ безъ послѣдствій. — Вступленіе на папскій престолъ Іоанна XXII. — Вызовъ властителей въ Авиньйонъ. — Оправданіе ордена. — Смерть Витена и провозглашеніе литовскимъ княземъ Гедимина. — Его войны съ прусскимъ орденомъ. — Грамоты Гедимина къ папѣ и католикамъ. — Миръ съ Гедиминомъ. — Возобновленіе жалобъ на орденъ. — Папское рѣшеніе. — Посольство къ Гедимину. — Возобновленіе войны съ литовцами. — Магистръ Эбергардъ Монгеймскій и осада Риги. — Примирительная грамота и подчиненіе Риги ордену.

(1290—1336).

Источники: **Бунге.** Urkundenbuch, томъ II.
Наперскій. Русско-Ливонскіе акты.
Вартбергъ. Лѣтопись.
Фогтъ. Geschichte Preussens, томъ IV.
Нарбутъ. Dzieie narodu Litewskiego, томъ IV.
Рихтеръ. Geschichte der deutschen Ostsee-Provinzen, томъ I.
Васильевскій. Объ обращеніи Гедимина въ католичество.

Въ 1290 г. ливонскій магистръ Куне (Куно, Коно, сокращенное Конрадъ) отказался отъ должности и на его мѣсто въ Мергентгеймѣ былъ избранъ орденскій братъ *Гальтъ* (по Рюссову Больто) *Гоэнбахскій* (Halt von Hohenhach). Мы видѣли уже (стр. 113), что къ этому времени ливонскіе рыцари, послѣ покоренія земель куроновъ и семигалловъ, стали на сѣверныхъ предѣлахъ жмудскихъ земель; прусскіе же рыцари явились на лѣвомъ берегу Нѣмана и надвигались на

Жмудь съ западныхъ ея предѣловъ. Овладѣніе Жмудью не представлялось особенно труднымъ. Земля эта, раздѣленная между многими мѣстными князьками, не имѣла прочной связи съ русско-литовскимъ княжествомъ, не охотно подчинялась власти русско-литовскаго князя и потому не могла оказать сильнаго сопротивленія завоевателямъ, въ особенности, если бы орденцы, прусскіе и ливонскіе, открыли военныя дѣйствія одновременно съ двухъ сторонъ, со стороны Нѣмана и со стороны Куроніи и Семигалліи. Одновременность дѣйствій по общему плану обѣщала такія выгоды и открывала такіе блестящіе виды въ будущемъ, что тогдашній прусскій провинціальный магистръ, Мейнгардъ Кверфуртскій, свидясь съ новымъ ливонскимъ магистромъ, когда тотъ ѣхалъ изъ Германіи къ своему мѣсту въ Ригу, не могъ не сдѣлать предложеній ему на счетъ завоеванія Жмуди общими силами прусскихъ и ливонскихъ рыцарей. Гальтъ съ своей стороны также не могъ не видѣть выгодъ предложеній Мейнгарда и потому обѣщалъ, по прибытіи въ Ригу, сдѣлать все возможное, чтобы собрать сильное войско къ походу для обузданія жмудскихъ вторженій и въ особенности для обузданія набѣговъ однаго изъ ихъ князьковъ, Бутегейде.

Гальтъ Гоэнбахскій лѣтомъ 1290 г. прибылъ въ Ригу и былъ, подобно своимъ предшественникамъ, торжественно встрѣченъ какъ орденскою братіею, такъ и рижанами. Здѣсь онъ не замедлилъ повести рѣчь о нападеніи на Жмудь совмѣстно съ прусскимъ провинціальнымъ магистромъ, но, однакоже, рѣчи и старанія его оказались безуспѣшными, какъ-то видно изъ его письма къ Мейнгарду Кверфуртскому, приведеннаго Фогтомъ въ его сочиненіи „Geschichte Preussens“, IV, 49. Вотъ это замѣчательное письмо:

„Съ того времени, какъ мы разстались съ тобою, я шесть разъ обращался къ властителямъ здѣшняго края, настоятельно прося ихъ помощи для сбора войска, и даже теперь въ день св. Екатерины (т. е. 25 ноября) мы всѣ, какъ епископы, такъ и гауптманъ (т. е. эстонскій королевскій намѣстникъ), рыцари и вассалы еще разъ собрались и три дня переговаривали о томъ предпріятіи, но, однакоже, ничего не достигли, ибо всѣ они, за исключеніемъ архіепископа рижскаго, отказали намъ въ помощи идти за Двину противъ литовцевъ. Но силы архіепископа рижскаго слабы и незначительны; нашъ орденскій братъ Экардъ, фохтъ архіепископа, по сущей правдѣ сказалъ намъ, что архіепископъ, если бы даже собралъ всѣ свои силы, то могъ бы выставить въ поле не болѣе 300 человѣкъ туземнаго народа (Landvolk) и 18 нѣмцевъ. Наша же собственная сила какъ въ Курляндіи, такъ въ Эстляндіи и въ подвинскихъ мѣстахъ, которую мы могли бы повести чрезъ Двину, не превосходитъ 1800 человѣкъ туземнаго народа вмѣстѣ съ нѣмцами“.

Тѣмъ не менѣе онъ, ливонскій магистръ, желаетъ въ предстоящую зиму сдѣлать походъ въ Жмудь, потому и проситъ прусскаго

магистра приготовиться къ этому времени къ нападенію на литовскія земли съ нѣманской стороны, увѣдомивъ предварительно чрезъ надежнаго орденскаго брата о планѣ нападенія, дабы покорить всю землю Бутегейде. Въ заключеніе ливонскій магистръ просилъ Мейнгарда увѣдомить, на какую помощь со стороны прусскаго ордена онъ можетъ расчитывать, въ случаѣ если непріятель нападетъ на ливонскія земли или предприметъ осаду какого либо ливонскаго городка (бурга, крѣпостцы).

Письмо это, предназначавшееся, конечно, для личнаго свѣдѣнія прусскаго магистра, указываетъ, какими въ самомъ дѣлѣ ничтожными военными силами располагалъ ливонскій магистръ, если могъ вывести въ поле не болѣе 2000 человѣкъ войска. Гдѣ ужь тутъ было думать о наступательной войнѣ, о дальнѣйшихъ завоеваніяхъ. Слабостію военныхъ силъ и объясняется, почему Гальтъ не принялъ дѣятельнаго участія въ походахъ, какіе прусскіе рыцари сдѣлали въ 1291 году (см. у Дусбурга гл. 226—240) противъ литовцевъ, ограничиваясь лишь обороною противъ набѣговъ жмудинъ, доходившихъ, какъ было сказано въ Куроніи, до нынѣшняго Тальсена. Мирно и спокойно жилъ Гальтъ со всѣми ливонскими епископами и духовенствомъ, безъ вреда своему ордену, говоритъ Вартбергъ объ этомъ магистрѣ (см. Приб. Сб. II, 96), отмѣчая, что въ первый годъ своего магистерства онъ заключилъ договоръ съ курляндскимъ епископомъ Эдмундомъ, въ силу котораго епископъ уступилъ ордену замокъ Амботенъ и 90 гаковъ земли въ Нормесѣ (у Шлока) въ видѣ залога на издержки по отстройкѣ этого замка; затѣмъ заключилъ сдѣлку съ рижскимъ архіепископомъ объ уступкѣ ордену спорныхъ трехъ гаковъ земли подъ Венденомъ; заключилъ также договоръ съ епископомъ эзельскимъ Генрихомъ о разныхъ спорныхъ предметахъ, въ силу каковаго договора епископъ уступилъ ордену четверть семи килегундъ (это Magitima, береговой Викъ, Страндвикъ), четверть лена въ Викѣ и пр.

Гальтъ управлялъ орденскими дѣлами весьма не долго. По показанію Вартберга, онъ умеръ въ 1292 г. и мѣсто ливонскаго магистра занялъ орденскій братъ Генрихъ Дипстелагскій (по Рюссову Генрихъ Думпесгагенскій), заключившій договоръ съ дерптскимъ епископомъ Бернгардомъ, въ силу котораго всѣ крѣпости дерптскаго епископства предоставлялось занять орденскими гарнизонами для лучшей обороны ихъ отъ непріятелей (т. е. псковичей).

Договоръ этотъ вызвалъ первое открытое столкновеніе ордена съ рижскимъ архіепископомъ, столкновеніе, повлекшее за собою большую сумятицу и большія разоренія въ Ливоніи. Началась, по выраженію Рюссова, борьба зависти и честолюбія между орденомъ и ливонскимъ духовенствомъ. Къ изложенію этой именно борьбы мы и переходимъ.

Тотъ впалъ-бы въ большую ошибку, если бы сталъ утверждать, что борьба между орденомъ и ливонскимъ духовенствомъ была такою же самою борьбою, какая шла въ Западной Европѣ межлу государствомъ и церковью, между свѣтскою и духовною властями, между императоромъ и королями съ одной, папами и архіепископами съ другой стороны. Никогда подобной борьбы не бывало въ Ливоніи, ибо тутъ никогда не бывало раздѣленія властей и не было короля и свѣтской власти, какъ въ заиадно-европейскихъ странахъ. Орденъ былъ такимъ же духовнымъ учрежденіемъ, какъ и епископы съ ихъ капитулами; епископы были такими же властителями въ своихъ епархіяхъ, какъ и орденъ. Епископы и все ихъ духовенство были монахи, но и орденъ иредставлялъ собою ни что иное какъ монаховъ, взявшихся за оружіе для распространенія католичества между язычниками и для борьбы съ ними. Въ Ливоніи заспорили и начали борьбу между собою не власти духовная со свѣтскою, а единственно земскіе властители изъ за деревень, изъ за волостей, изъ за доходовъ, изъ за кормленія. Борьба же между этими властителями произошла вслѣдствіе крайней неопредѣленности правовыхъ отношеній между орденомъ и епископами и преимущественно епископомъ (съ 1255 г. архіепископомъ) Рижскимъ.

Мы видѣли, что орденъ меченосцевъ былъ основанъ епископомъ Альбертомъ I съ прямою цѣлію имѣть въ своихъ рукахъ надежное оружіе для покоренія подвинскихъ земель, но это орудіе само въ скоромъ времени пріобрѣло такое значеніе, какое, быть можетъ, и не входило въ разсчеты Альберта. Орденъ сосредоточилъ въ себѣ всѣ военныя силы нѣмецкихъ завоевателей, явился властителемъ большей части Ливоніи и подчиненіе епископу сдѣлалось чисто номинальнымъ; но подчиненіе, хоть бы и номинальное, не могло нравиться орденской братіи и мы видѣли, что орденъ меченосцевъ, чуть лишь получилъ во владѣніе треть покоренныхъ ливонскихъ земель, какъ началъ стремиться къ освобожденію отъ епископскаго главенства посредствомъ императорской власти (см. томъ I, 308). Мы уже видѣли, что полученныя орденскою братіею отъ императоровъ жалованныя и охранныя грамоты все таки не нарушали основаній правъ ордена на земли въ Ливоніи, не нарушали отношеній ордена къ епископу, ибо ливонскіе епископы по отношенію къ имперіи оставались имперскими вассалами, а по отношенію къ ордену ленными властителями; орденъ все таки былъ вассаломъ епископа, главнымъ, но все же вассаломъ, и этотъ характеръ отношеній остался нерушимымъ и послѣ соединенія орденовъ, какъ то и было указано въ своемъ мѣстѣ (см. томъ I, 283).

Тевтонскій орденъ при самомъ основаніи (см. томъ I, гл. IX, 252), былъ такимъ же военно-монашескимъ орденомъ, такимъ же вооруженнымъ монашествомъ, какимъ были іоанниты, храмовники и меченосцы, съ разницею лишь тою, что имѣлъ отъ папы и отъ императоровъ нрава и преимущества весьма обширныя и важныя. Папы

всячески поддерживали тевтонскій орденъ, видя въ немъ наиболѣе пригодное, даже единственное оружіе къ охранѣ Святой Земли, а послѣ къ подчиненію католичеству прусскихъ, литовскихъ и русскихъ земель. Въ возникавшихъ между орденомъ и духовенствомъ спорахъ папы большею частію становились на сторону ордена и рѣшали дѣла въ его пользу, и чуть лишь ордену угрожала какая опасность или онъ былъ ослабляемъ пораженіями, папы тотчасъ же предписывали проповѣдывать крестовые походы въ прусско-ливонскія земли съ такими же индульгенціями, какія предоставлялись крестоносцамъ, отправлявшимся въ Святую Землю. Мы видѣли, что проповѣди не оставались тщетными: крестоносцы являлись на помощь ордену и давали ему перевѣсъ въ борьбѣ съ язычниками. Папа Александръ IV въ 1259 г. не только подтвердилъ всѣ прежнія права и преимущества ордена, но особою буллою отъ 30 мая 1259 г. постановилъ, что орденъ можетъ быть подвергнутъ отлученію отъ церкви и интердикту единственно папою, а не какою либо другою духовною властію, затѣмъ двумя буллами, состоявшимися въ 1260 г., объявилъ всѣ орденскія земли какъ завоеванныя, такъ и подаренныя, собственностію св. Петра и предоставилъ ихъ въ ленъ ордену. Короче сказать, орденъ, вслѣдствіе дарованныхъ ему правъ и преимуществъ папою и императоромъ, дѣлался не только независимымъ отъ духовенства, но епископы въ его владѣніяхъ должны были подчиняться его свѣтскому главенству.

Въ своемъ мѣстѣ было разсказано, когда и на какихъ условіяхъ произошло соединеніе ордена меченосцевъ съ тевтонскимъ (см. томъ I, 283). По актамъ соединенія тевтонскій орденъ въ Ливоніи явился наслѣдникомъ ордена меченосцевъ, не болѣе. Въ Пруссіи орденъ былъ независимъ отъ духовенства, имѣлъ державную власть въ своихъ владѣніяхъ, здѣсь епископы подчинялись ордену въ гражданскомъ управленіи, но тотъ же самый орденъ въ Ливоніи обязанъ былъ признавать себя вассаломъ мѣстныхъ епископовъ, и его магистръ долженъ былъ подчиняться юрисдикціи епископа. Въ этой разницѣ отношеній и положенія и скрывался зародышъ распрей и усобицъ между ливонскою отраслью тевтонскаго ордена и рижскимъ архіепископомъ. Ливонскій провинціальный магистръ по своему званію не считалъ себя ниже провинціальнаго магистра прусскаго, и когда императоръ Рудольфъ Габсбургскій, большой благонріятель тевтонскаго ордена, въ 1279 г. распространилъ на ливонскую отрасль всѣ права и преимущества тевтонскаго ордена (грамоту о томъ, состоявшуюся 17 іюня 1279 г., см. въ Mittheilungen aus der livländischen Geschichte VI, 248), то считалъ уже себя вправѣ занять въ Ливоніи по отношенію къ архіепископу такое же положеніе, какое занималъ прусскій провинціальный магистръ по отношенію прусскихъ епископовъ.

Преемникъ епископа Альберта I, рижскій епископъ Николай держалъ себя въ сторонѣ отъ всякой завоевательной политической дѣ-

ятельности. Онъ ладилъ съ орденомъ, но и его преемникъ архіепископъ Альбертъ II Зуербееръ открыто съ орденомъ не разрывалъ. Мы уже видѣли, какого рода соглашенія состоялись при дѣлежѣ земель нынѣшней Курляндской губерніи (см. выше стр. 38), и видѣли, когда именно архіепископъ Альбертъ Зуербееръ прибылъ въ Ригу (см. стр. 44). По смерти епископа Николая, послѣдовавшей въ 1253 г., рижскій капитулъ съ прочими ливонскими епископами избралъ въ рижскіе епископы архіепископа Альберта Зуербеера, который въ началѣ 1254 г. и вступилъ въ управленіе рижскимъ епископствомъ, съ этого времени начавшимся именоваться архіепископствомъ. Архіепископъ отказался отъ званія прусскаго легата, но остался легатомъ ливонскимъ, эстонскимъ и русскимъ (этотъ послѣдній титулъ не имѣлъ ровно никакого практическаго значенія). Вслѣдъ затѣмъ онъ получилъ приказъ ничего не предпринимать противъ ливонскаго ордена (см. въ Urkundenbuch Бунге папскую буллу отъ 10 марта 1254 г.). Это, однако, не помѣшало архіепископу потребовать отъ орденской братіи новиновенія и подчиненія, на что тѣ никакъ согласиться не желали. Возникъ споръ; тогда архіепископъ рѣшился обратиться къ своему покровителю, папѣ Иннокентію IV, за рѣшеніемъ спора. Въ концѣ 1254 г. онъ, въ сопровожденіи епископа Эзельскаго Генриха, и Дитрихъ Грюнингенскій, получившій полномочіе отъ великаго магистра, отправились къ папскому двору. Папа въ это время находился въ Неаполѣ, гдѣ заболѣлъ и въ началѣ декабря 1254 году умеръ. Спорящія стороны сошлись въ Сенсѣ (in civitate Senonensi, какъ сказано въ грамотѣ соглашенія) и здѣсь 12-го декабря 1254 года Дитрихъ Грюнингенскій именемъ магистра ливонскаго далъ обѣщаніе, что ливонская орденская братія должна оказывать въ свѣтскихъ и духовныхъ дѣлахъ архіепископу Рижскому и епископамъ Эзельскому и Дерптскому новиновеніе, какъ то значится въ прежнихъ актахъ. Написали о томъ грамоту (въ выраженіяхъ весьма неопредѣленныхъ), и Дитрихъ обѣщалъ, что великій магистръ сообщитъ ливонскому магистру объ этомъ соглашеніи (см. Urkundenbuch Бунге, грамоту отъ 12 декабря 1254 г.). Непосредственнымъ результатомъ этого соглашенія было то, что преемникъ Иннокентія IV, папа Александръ IV буллою, состоявшеюся въ Неаполѣ отъ 31 марта 1255 г., подчинилъ главенству архіепископа Рижскаго епископства Дерптское, Куронское, Эзельское, Виронское, Кульмское, Эрмеландское, Помезанское, Самландское, Русское и Ревельское*). Этою же буллою папа

*) Эта во всякомъ случаѣ важная папская булла сохранилась въ копіи въ книгѣ тайнаго кенигсбергскаго архива № 334. Дата ея: Neapoli II Calend. April. Indict XIII. An. M. CC. LV, pont. domni Alexand. IV anno I. Она помѣщена въ Urkundenbuch Бунге подъ № 282. Объ эфемерномъ Виронскомъ епископствѣ сказано выше, въ I томѣ, стр. 380—381. Подъ именемъ русскаго епископства (Ruthenia) папа Александръ IV разумѣлъ Галицкое княженіе, князь котораго Даніилъ Романовичъ короновался королемъ (см. выше

принималъ подъ защиту апостола Петра Рижскую церковь и утверждалъ за архіепископомъ всѣ владѣнія ея, именно: городъ Ригу съ сохраненіемъ правъ ордена, замки: Торейду, Ленневаденъ, Рескуле (Экескуле, Икскуль), Ренгинъ (Ремине?), Даленъ, Кирхгольмъ, Кокенгузенъ, Ассуценъ (Сесвегенъ?) и Лепоне (Любань?); гору Герцике, владѣнія въ Семигалліи (съ сохраненіемъ правъ ордена), Упемале (земля между Семигальскою Аа и Двиною), далѣе земли Метсеполе, Толову и землю селоновъ, ясно опредѣлялъ архіепископскія права и преимущества и вообще старался выяснить и опредѣлить положеніе архіепископа какъ по отношенію къ духовенству перечисленныхъ епископствъ и земель, такъ и по отношенію къ ордену. Вмѣстѣ съ тѣмъ папа Александръ IV подтверждалъ архіепископу Рижскому не вмѣшиваться въ дѣла тевтонскаго ордена.

Прошло не много лѣтъ, какъ начались между орденомъ и Рижскимъ архіепископомъ новыя пререканія и споры. Орденъ пожаловался папѣ, что ливонскіе епископы неуважаютъ патронатскаго права ордена, т. е. назначаютъ священниковъ въ церкви, находящіяся въ орденскихъ земляхъ, помимо вѣдѣнія и желанія ордена. Папа принялъ сторону ордена, подтвердилъ за орденомъ права патронатства (см. въ Urkundenbuch Бунге буллу отъ 9 іюня 1258 года). Затѣмъ пошли другія жалобы: архіепископъ и его духовенство затрудняютъ полученіе наслѣдствъ, оставшихся послѣ крестоносцевъ, освобождаютъ за деньги крестоносцевъ отъ ихъ обѣтовъ, выкупныя деньги съ лицъ, возложившихъ на себя крестъ и потомъ не могшихъ по какимъ нибудь причинамъ участвовать въ крестовомъ походѣ, присвоиваютъ себѣ вмѣсто того, чтобы, согласно постановленію отъ 24 февраля 1251 г. (см. выше стр. 28), таковыя деньги передавать ордену. Все это были, конечно, злоупотребленія, которыя папа и старался устранить (см. папскія буллы отъ 26 мая 1263 г. и 29 ноября 1265 г.). Съ своей стороны и духовенство не переставало доносить и жаловаться папѣ, что орденскіе рыцари вообще ведутъ непристойный и распутный образъ жизни, мирволятъ язычникамъ, небрегутъ распространеніемъ католичества, не строятъ церквей, не исполняютъ таинствъ и обрядовъ, обращаютъ въ рабство новокрещенныхъ и проч. и проч.

И орденскія жалобы на духовенство, и жалобы духовенства на орденъ были одинаково справедливы: корыстолюбіе и алчность на наживу

стр. 37) въ началѣ 1254 г., но въ то время, когда состоялась эта булла, прервалъ съ папою всякія сношенія, такъ что русское католическое епископство осталось только на бумагѣ. Въ буллѣ при перечисленіи епископствъ одно написано: Versaniensem. Это слово читали „Варшавское“, но это скорѣе описка, вѣрнѣе читать Revaliensem, Ревельское. Епископство Ревельское и Виронское прежде подчинялись архіепископу Лундскому. Впрочемъ датское правительство не уступило архіепископу Рижскому своего права патронатства надъ епископствами Ревельскимъ и Виронскимъ, такъ что оба эти епископства только въ буллѣ значились подчиненными главенству Альберта Зуербеера.

были общими пороками всего тогдашняго католическаго духовенства, но и орденъ, въ безпрерывныхъ войнахъ неся порядочную убыль въ своей братіи, началъ пополняться рыцарями безъ строгаго выбора, проходимцы всякаго рода приглашались въ составъ братіи, а съ подобными монахами — проходимцами гдѣ ужь ждать исполненія уставовъ. Распутство, насилія и хищенія замѣчались въ тѣ времена и въ другихъ военно-монашескихъ орденахъ, такъ что жалобы духовенства на тевтонскую орденскую братію были не особенно преувеличены и имѣли свои основанія. Тѣмъ не менѣе жалобы духовенства остались на этотъ разъ безъ всякихъ послѣдствій: орденъ нашелъ себѣ краснорѣчивыхъ защитниковъ въ лицѣ Семовита, князя Мазовецкаго, нрежняго врага орденской братіи, и гвардіана Торнскаго монастыря Дитриха. Оба они въ 1258 г. написали папѣ оправдательныя для ордена письма (см. Фогта исторію Пруссіи III, 145 и прим.) и доказывали, что обвиненія, взводимыя духовенствомъ на орденъ, не имѣютъ и тѣни правды, выдуманы изъ зависти. „Богу извѣстно, писали папѣ эти защитники, что все, доведенное до свѣдѣнія вашего святѣйшества, не имѣетъ основанія, а такъ какъ мы съ давняго времени все сами лично видимъ и слышимъ, потому предъ Богомъ свидѣтельствуемъ, что все взведенное на орденскихъ рыцарей высказано не изъ чистой совѣсти, а изъ злобы“ (omnia contra eos conficta inique non secundum conscientiam, sed dolose). Папа оставилъ жалобы духовенства безъ послѣдствій, хотя въ томъ же 1253 году ноября 22, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы орденскую братію, замѣченную въ преступленіяхъ и симоніи, переводить въ другіе орденскіе замки и давать имъ иныя мѣста на хорахъ и въ столовой.

Не смотря на взаимныя обвиненія и жалобы, до открытаго раздора не доходило, напротивъ магистры Конрадъ Мандернскій, 3 февраля 1267 г и Оттонъ Люгельбергскій 16 января 1268 г. (см у Догеля V, 21) заключили съ рижскимъ соборнымъ капитуломъ мирный и охранный союзъ. Въ договорѣ съ Оттономъ капитулъ постановилъ правиломъ, чтобы всякое въ предѣлахъ архіепископства припадающее наслѣдство, отъ орденскаго-ли члена, или отъ члена капитула, не должно переходить къ орденской братіи. Архіепископъ Альбертъ Зуербееръ, однакоже, не довѣрялъ ордену, побаивался, чтобы онъ какъ нибудь не захватилъ его волостей и замковъ, и потому счелъ благоразумнымъ подъискать себѣ покровителя изъ иностранныхъ князей. Такимъ покровителемъ и защитникомъ Рижскаго архіепископства онъ выбралъ въ 1267 г. графа Гунцелина III Шверинскаго, который нобывалъ въ Ригѣ и сдѣлалъ церкви значительныя приношенія. Впрочемъ, какихъ либо практическихъ результатовъ отъ такаго покровительства никакихъ не было, городъ возсталъ противъ назначенія покровителя и затѣмъ, не далѣе какъ въ декабрѣ слѣдующаго 1268 г. состоялось, при посредствѣ архіепископа и орденскаго магистра, соглашеніе между

рижскимъ соборнымъ капитуломъ и городомъ Ригою, въ которомъ было постановлено не призывать въ Ливонію никакого князя ни въ пользу церкви, ни въ пользу ордена или города, за исключеніемъ, когда каноническій выборъ падетъ на иноземнаго князя (см. документъ о томъ въ Mitth. aus der livl. Geschichte IV, 406).

Какъ бы то ни было, но отношенія между орденомъ и рижскимъ архіепископомъ Альбертомъ Зуербееромъ до самой его смерти, послѣдовавшей въ 1274 г., были довольно мирны, по крайней мѣрѣ открытой вражды не было. Орденъ былъ занятъ войнами въ Семигалліи, архіепископъ устройствомъ своей епархіи и постройками замковъ. Въ 1255 г. былъ построенъ Кремонъ, въ 1262 г. прекрасный замокъ Роннебургъ, сдѣлавшійся съ этого времени резиденціею рижскихъ архіепископовъ, въ 1271 г. Лаудонъ*).

Преемникомъ Альберта II былъ Іоаннъ I Линенскій (фонъ Линенъ). Онъ управлялъ Рижскимъ архіепископствомъ по 1285 г., кое-какъ ладя съ орденомъ, по крайней мѣрѣ за время его архіепископства не сохранилось никакихъ извѣстій, которыя бы указывали на открытый раздоръ архіепископа и его капитула съ орденскимъ магистромъ или орденскими сановниками. По смерти Іоанна Линенскаго рижскую архіепископскую каѳедру въ 1285 г. занялъ Іоаннъ II Фехтенскій (фонъ Фехтенъ). Ливонскимъ орденскимъ магистромъ въ это время былъ Виллекинъ, который какъ мы видѣли (стр. 108), въ 1287 г. погибъ въ бою съ семигаллами. Въ слѣдующемъ 1288 г. въ Ливонію прибылъ новый магистръ, Куне, при которомъ въ 1289 г. произошелъ такой случай: архіепископскіе вассалы, при содѣйствіи нѣкоторыхъ орденскихъ братьевъ, захватили въ Кокенгузенѣ архіепископа подъ предлогомъ, что онъ не обращаетъ никакого вниманія на ихъ жалобы, и продержали его въ заключеніи до тѣхъ поръ, пока архіепископъ не согласился на всѣ ихъ требованія (см. Гадебуша, Livl. Jahrb. I, 351). Магистръ Куне, повидимому, не оказалъ никакого содѣйствія архіепископу, въ февралѣ 1290 г. отказался отъ должности магистра, а въ маѣ 1280 года прибылъ, какъ было уже сказано (см. выше стр. 113) въ Ригу новый магистръ Гальтъ Гоэнбахскій. Архіепископъ въ это время былъ уже на свободѣ, но могъ-ли онъ забыть, что орденская братія участвовала въ его захватѣ и могъ-ли не видѣть, что орденъ ему никакъ не благопріятствуетъ?

Мы видѣли, что первымъ дѣломъ Гальта по прибытіи въ Ригу

---

*) Впослѣдствіи лѣтъ черезъ 25 по смерти Зуербеера, архіепископъ Іоаннъ графъ Шверинскій обвинялъ орденъ, будто рыцари напали на Зуербеера въ его дворѣ и подъ конвоемъ двухъ рыцарей увезли сперва въ Зегевольдъ, а потомъ въ Венденъ, но это обвиненіе не подтверждается никакими свидѣтельствами и документами. Правда, гораздо позднѣе, именно въ 1312 г. показанія свидѣтелей подтверждали это обвиненіе, но свидѣтели основывались лишь на слухахъ и повидимому перемѣшали мнимый захватъ Зуербеера съ дѣйствительнымъ захватомъ архіепископа Фехтена.

было совѣщаніе съ орденскими сановниками и архіепископомъ на счетъ совмѣстнаго съ прусскимъ магистромъ дѣйствія противъ литовцевъ, и видѣли также, что совѣщаніе ни къ чему не привело: силы орденцевъ оказывались слишкомъ незначительными для какихъ либо серьезныхъ наступательныхъ дѣйствій. Большихъ наступательныхъ дѣйствій не было, но мелкая война со жмудью продолжалась какъ съ прусской, такъ и ливонской стороны. Въ февралѣ 1291 г. кенигсбергскій командоръ Бертольдъ Бригавенъ вторгся въ Жмудь со стороны Нѣмана, разрушилъ на лѣвомъ берегу Нѣмана жмудскій городокъ Калайну (Колиніанъ) и сильно опустошилъ землю по правой сторонѣ Нѣмана, называвшуюся Юнигедой (подъ нынѣшней Ковной). Жмудины тогда заложили на лѣвомъ берегу Нѣмана вмѣсто разоренной новую крѣпость, которую назвали также Юнигедой. Прусскіе рыцари бросились тѣснить литовцевъ; весь 1291 г. прошелъ въ непрерывныхъ набѣгахъ, схваткахъ и стычкахъ, грабежахъ и опустошеніяхъ.

Ливонскіе рыцари въ свою очередь также не бездѣйствовали. Гольдингенскій командоръ въ то самое время, когда прусскіе рыцари дѣлали набѣги на жмудиновъ со стороны Нѣмана, отправился въ 1291 г. тоже въ походъ на Жмудь. Авторъ Рифмованной Хроники, описывая въ стихахъ 11670—11793 этотъ набѣгъ, говоритъ, что у командора было человѣкъ 12 орденской братіи, нѣсколько орденскихъ кнехтовъ и сотни три съ половиною куроновъ. Идя чрезъ болота и лѣса, они достигли, наконецъ, жмудскихъ предѣловъ. Но тутъ гольдингенскому командору не удалось произвести опустошеній. Жмудины вышли на встрѣчу и схватились съ войскомъ командора. Они потерпѣли пораженіе, были разогнаны, но командоръ не пошелъ дальше: ограничившись захватомъ коней и кое-какой добычи, онъ возвратился въ Гольдингенъ. Жмудины, конечно, не оставили безъ отплаты этотъ набѣгъ, и безпрестанно вторгались въ орденскія владѣнія. Видно, что эти набѣги были довольно удачны, потому что магистръ велѣлъ срыть Гейлигенбергъ, сознавая невозможность защищать эту крѣпостцу, построенную орденцами въ 1286 г. (см. выше стр. 106), отъ жмудинъ. Объ одномъ изъ такихъ набѣговъ авторъ Рифмованной Хроники въ стихахъ 11811—11831 разсказываетъ, что жмудины, подъ предводительствомъ своего князька Мазеке, пробрались до самаго Тальсена, замка этого не взяли, но выжгли посадъ, ограбили окрестности и перебили не мало народа. Магистръ Гальтъ поспѣшилъ на помощь Тальсену. Собравъ войско, онъ повелъ его въ Митаву, здѣсь присоединилъ къ себѣ часть митавскаго гарнизона и пошелъ противъ жмудинъ, стараясь отрѣзать имъ отступленіе. Онъ сталъ у рѣчки Шены. Жмудины также подошли къ этой рѣчкѣ и ночью построили мость чрезъ нее. Когда они начали переходить по мосту, орденскій братъ Меркелинъ напалъ на нихъ. Въ происшедшей схваткѣ былъ убитъ сынъ Мазеке; мость провалился. Тогда орденское войско построило другой мость,

ударило на жмудинъ и нанесло имъ полное пораженіе. Мазеке бѣжалъ съ остатками своихъ людей въ Жмудь, покинувъ награбленную добычу, оружіе и лошадей. Магистръ возвратился въ Ригу.

Описаніемъ этого набѣга оканчивается Рифмованная Хроника, составляющая весьма часто единственный источникъ для изложенія событій въ Ливоніи во второй половинѣ XIII в. Для дальнѣйшаго изложенія служатъ уже другіе источники, далеко уже не столь связные и обстоятельные, какъ лѣтописи Генриха и Рифмованная Хроника, однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ является лѣтопись Вартберга, о которой уже было упомянуто выше.

Во время этихъ военныхъ тревогъ нельзя было, конечно, и думать о какомъ либо соглашеніи съ архіепископомъ и магистромъ, но между тѣмъ оба они очень хорошо видѣли, что оставлять дѣла безъ соглашенія невозможно. Обѣ стороны искали соглашенія, архіепископъ, быть можетъ, хлопоталъ о соглашеніи больше чѣмъ магистръ, потому что какимъ-то образомъ онъ сломалъ себѣ ногу и для излеченія предположилъ ѣхать во Фландрію. Отъ соглашенія были не прочь обѣ стороны и наконецъ заключили таковое въ Кокенгузенѣ въ 1292 г. (дата этого договора была 5 марта 1292 г. означена такъ: Kokenhusen a. d. 1292 feria quarta post dominicam qua cantatur Reminiscere; самый же договоръ помѣщенъ у Догеля V, № XXXI, 21 и въ Urkundenbuch Бунге). Это былъ родъ дружественнаго и оборонительнаго союза между орденомъ и архіепископомъ; договаривающіяся стороны обѣщали другъ другу дружбу, обоюдную защиту и охрану владѣній, правъ и преимуществъ. Громкихъ фразъ не жалѣли, скрывая подъ ними совершенное недовѣріе другъ къ другу. На сколько лицемѣренъ былъ этотъ союзъ и дружба, обнаружилось не далѣе какъ въ слѣдующемъ же 1293 г. Городъ Рига выстроилъ у себя оборонительную башню и возсталъ противъ притязаній ордена на участіе въ городскихъ дѣлахъ. Магистръ Гальтъ тогда оставилъ Ригу и голодомъ принудилъ ее къ сдачѣ и покорности. Архіепископъ, опасаясь, что его личная безопасность ничѣмъ не гарантируется въ Ригѣ, счелъ необходимымъ заложить для своей охраны крѣпость Маріенгаузенъ, но, будучи верховнымъ властителемъ Риги, онъ долженъ былъ защищать и права ея. Защита же вызвала въ магистрѣ такое раздраженіе, что онъ напалъ на архіепископа и заключилъ его въ тюрьму съ нѣкоторыми членами соборнаго капитула и въ тюрьмѣ обходился съ ними столь суровымъ и безжалостнымъ образомъ, что одинъ изъ захваченныхъ членовъ соборнаго капитула, Германъ, умеръ въ тюрьмѣ отъ такого обхожденія. Такое насиліе, конечно, не могло не вызвать полнаго разрыва между орденомъ и архіепископомъ.

Магистръ Гальтъ умеръ въ 1294 г. и рижскіе прелаты вышли изъ тюрьмы (см. Арндта II, 70). Мѣсто умершаго Гальта въ томъ же году занялъ орденскій братъ *Генрихъ Динсслагскій*, какъ его называетъ Вартбергъ, или *Думпеслагенскій*, какъ его называетъ Рюссовъ.

Первымъ дѣломъ новаго магистра было не примириться съ архіепископомъ, а продолжать борьбу съ нимъ. Онъ рѣшился склонить на сторону ордена другихъ ливонскихъ епископовъ, изъ коихъ самымъ значительнымъ былъ епископъ дерптскій, Бернгардъ. Обѣщаясь защищать земли дерптскаго епископства отъ нападеній псковичей, магистръ Генрихъ, какъ уже было замѣчено выше, заключилъ договоръ о томъ съ епископомъ Бернгардомъ, по которому епископъ предоставилъ ордену право занять своими гарнизонами всѣ епископскія замки. Такое соглашеніе и союзъ ордена съ дерптскимъ епископомъ не могъ, конечно, нравиться архіепископу, не безъ основаній видѣвшему въ подобномъ союзѣ попытку ордена разъединить архіепископа съ прочими епископами. Въ раздраженіи на орденъ, архіепископъ рѣшился на крайнія мѣры: предписалъ во всѣхъ церквахъ молиться о гибели магистра и его рыцарей, возстановилъ рижскихъ горожанъ противъ ордена и вступилъ въ сношенія съ литовскимъ княземъ Витеномъ, дабы онъ оказалъ помощь и защиту рижской церкви отъ ордена (см. Арндта II, 70 и Гадебуша I, 335). Вышло что-то необыкновенное и невѣроятное: католическій архіепископъ вступилъ въ союзъ съ язычникомъ, просить язычника защищать католическую церковь отъ ордена, учрежденнаго съ прямою цѣлію охранять и распространять католичество среди язычниковъ и обязаннаго по своему уставу, именно, защищать церковь. Витенъ охотно принялъ предложеніе архіепископа и вступилъ въ союзъ противъ ордена, который столь явно стремился овладѣть Жмудью и землями литовскими на среднемъ Нѣманѣ, имѣвшими общее названіе Аукстоте (см томъ I, 14).

Малаго недоставало, чтобъ архіепископъ и орденъ взялись за оружіе, но вооруженнаго столкновенія все-таки не произошло, единственно потому, что архіепископъ Іоаннъ II Фехтенъ умеръ въ 1295 г., а скоро за нимъ, именно 28 октября 1296 г., какъ означаетъ Вартбергъ (см. Приб. Сб. II, 97), умеръ и ливонскій магистръ Генрихъ. Пришлось такимъ образомъ избирать и архіепископа и магистра.

Рижскій соборный капитулъ, устранивъ орденъ отъ всякаго участія въ выборѣ новаго архіепископа, избралъ на мѣсто умершаго Фехтена рижскимъ архіепископомъ *Іоанна графа Шверинскаго*, сына того Гунцелина, котораго архіепископъ Зуербееръ прочилъ въ покровители рижскаго архіепископства (см. выше стр. 139). На мѣсто же умершаго Генриха, ливонскимъ провинціальнымъ магистромъ былъ избранъ орденскій братъ *Бруно*. Новый архіепископъ вступилъ въ управленіе дѣлами своей епархіи со всѣми правами главенства надъ Ригою, которыя всегда принадлежали рижской церкви и были подтверждены, какъ мы видѣли, папою Александромъ IV (см. выше стр. 137). Новый же магистръ Бруно прибылъ въ Ригу въ августѣ 1297 г., но за нѣсколько недѣль до его прибытія въ Ригу произо-

шелъ случай, ничтожный самъ по себѣ, но повлекшій за собою замѣшательства и смуты на цѣлыя 30 лѣтъ.

Отношенія между орденомъ и городомъ Ригою были всегда натянутыя, и мы уже видѣли, на что именно претендовалъ орденъ въ первые же годы существованія этого города (см. томъ I, 325). Соглашеніе 1226 г. ни мало не послужило къ устраненію споровъ и пререканій, ибо заключало въ себѣ много неопредѣленнаго, неяснаго: орденъ признавался городскимъ бюргеромъ, но освобождался отъ подсудности городскому судьѣ, имѣлъ и разныя другія льготы. Издавна орденъ претендовалъ на полученіе трети городскихъ доходовъ, утверждая, что это право предоставлено ему при самомъ учрежденіи города; доказать такого права онъ не могъ, потому что никогда не имѣлъ его, но это не мѣшало ему однако добиваться всячески пріобрѣсти преобладающее значеніе въ городѣ, гдѣ у него были свои дома и гдѣ было мѣстопребываніе и магистра и орденскаго конвента.

Городъ, пользуясь выгодами приморскаго торговаго города, богатѣлъ и расширялся съ каждымъ годомъ и въ особенности сталъ богатѣть и расширяться съ того времени, когда вступилъ членомъ въ знаменитый въ средніе вѣка ганзейскій союзъ вольныхъ германскихъ городовъ. Торговля расширялась, населеніе увеличивалось то переселенцами изъ Германіи, то прибывавшими крестоносцами, изъ которыхъ многіе оставались въ Ригѣ на постоянное жительство. Денежныя средства и увеличивавшееся населеніе давали возможность городу имѣть свою военную силу, слѣд., поддержка города, постоянно оказываемая рижскому архіепископу, съ теченіемъ времени пріобрѣтала такое значеніе и силу, съ которою уже приходилось считаться. Орденъ, однако, ничего не могъ подѣлать съ городомъ, надъ которымъ онъ не имѣлъ права главенства.

Но вотъ, въ 1279 г. состоялась грамота императора Рудольфа Габсбургскаго, распространявшая на ливонскій орденъ права прусскаго ордена. По этимъ правамъ бюргеры городовъ безъ разрѣшенія и дозволенія ордена не должны были строить въ нихъ никакихъ зданій, укрѣпленій, башень, которыя бы могли угрожать безопасности орденскихъ домовъ, кромѣ того бюргеры должны были вносить въ орденскую кассу извѣстныя доли доходовъ съ городскихъ промысловъ, торговли, суда и пр. Ливонскіе рыцари и начали домогаться, чтобы права прусскаго ордена надъ прусскими городами были распространены и на Ригу, какъ имперскій ленъ (см. томъ I, 125), чтобъ рижскіе бюргеры не возводили у себя никакихъ построекъ, которыя бы могли вредить, чѣмъ бы то ни было, орденскому дому (бургу, который звался въ Ригѣ Юргенсгофомъ или Витенштейномъ), чтобы городъ отдавалъ ордену извѣстную часть своихъ доходовъ. Рижскіе бюргеры, конечно, и слышать не хотѣли о подобныхъ требованіяхъ, ссылаясь на то, что ихъ властитель есть архіепископъ, а не орденъ. Рыцари, съ своей стороны,

не отрицая буллы папы Александра IV, коею Рига причислялась къ владѣніямъ Рижской церкви, указывали, что въ этой буллѣ было прямо сказано, что Рига причисляется къ Рижской церкви, но съ сохраненіемъ правъ ордена.

Отсюда возникли пререканія, споры и бюргеры скоро увидѣли, что имъ съ рыцарями спорить не подъ силу, что рыцари всегда могутъ принудить городъ къ покорности, не прибѣгая даже къ оружію. Дѣло въ томъ, что орденскія земли окружали со всѣхъ сторонъ Ригу и ордену стоило только поставить по дорогамъ свои сторожевые посты, чтобы пресѣчь доставку съѣстныхъ припасовъ въ этотъ городъ изъ ближайшихъ деревень Съ пресѣченіемъ подвозовъ въ городѣ возникала сперва дороговизна, а потомъ и голодъ, заставлявшій горожанъ быть податливыми на орденскія притязанія. Но и этого мало. Орденъ удобно могъ не допускать къ Ригѣ кораблей, приходящихъ изъ за границы, и тѣмъ препятствовать городской заграничной торговлѣ. Все это питало вражду горожанъ къ ордену, которая усиливалась съ каждымъ годомъ: орденцы не отступали отъ своихъ притязаній, не разъ морили городъ голодомъ, и довели наконецъ отношенія до такой напряженности, что достаточно было какого либо ничтожнаго случая, чтобъ побудить горожанъ пойти на орденъ съ оружіемъ въ рукахъ. Такой случай произошелъ въ 1297 г.

Для защиты отъ наводненій, городъ выстроилъ на правомъ берегу Двины больверкъ и отъ него для удобнѣйшей доставки въ городъ дровъ съ одного двинскаго острова, къ которому подвозились дрова на лодкахъ, былъ построенъ плавучій мостъ съ раздвижною для прохода кораблей частію (клапаномъ). Работы, по всей вѣроятности начавшіяся раннею весною 1297 г., еще не были кончены, какъ къ мосту подошелъ какой то корабль, вѣроятно, орденскій или съ орденскими товарами; раздвижная часть еще была покрыта досками и кораблю нельзя было подойти къ городской пристани. Тогда пришли орденскіе слуги (кнехты), разбросали доски, при чемъ поссорились съ рабочими, работавшими на мосту; отъ ссоры дошло дѣло до драки и кнехты поколотили рабочихъ. Ни архіепископа, ни новаго магистра въ это время въ Ригѣ не было; первый не пріѣзжалъ еще изъ за границы, гдѣ находился, а магистръ Бруно пребывалъ еще въ Пруссіи и не вступалъ въ управленіе ливонскими орденскими дѣлами. Замѣстителемъ магистра былъ рижскій командоръ, начальствовавшій надъ орденскимъ домомъ (бургомъ) и орденскою братіею, проживавшею въ Ригѣ. Бюргеры, лучше сказать, магистратъ обратился къ командору съ запросомъ, съ вѣдома-ли его, или безъ вѣдома орденскіе кнехты побили рабочихъ и попортили мостъ. Командоръ далъ отвѣтъ утвердительный. Тогда бюргеры заговорили о вознагражденіи въ 1000 марокъ. Командоръ отказалъ въ вознагражденіи, и пригрозивъ, что въ полдня разрушитъ все, что бюргеры настроятъ въ десять дней,

потребовалъ, чтобы мостъ былъ разобранъ, и впредь до разобранія запретилъ подвозить въ Ригу съѣстные припасы изъ окрестныхъ орденскихъ деревень.

За отсутствіемъ архіепископа, рижскіе бюргеры рѣшились обратиться къ панѣ съ жалобою на орденъ. Рижскій соборный капитулъ однако, явился посредникомъ въ спорѣ и повелъ дѣло такъ, что орденъ и городъ заключили между собою перемиріе на опредѣленное время. Рыцари воспользовались перемиріемъ, чтобъ привести свой рижскій домъ (замокъ, бургъ Витенштейнъ, въ которомъ имѣлъ пребываніе магистръ и орденскій конвентъ) въ оборонительное положеніе, стянули въ домъ изъ ближайшихъ замковъ человѣкъ 500 вооруженнаго народа и заняли городской госпиталь св. Юргена (Георгія, нынѣ богадѣльня, носящая названіе конвента св. Духа). За три дня до истеченія срока перемирію въ Ригу прибылъ архіепископъ Іоаннъ III, графъ Шверинскій, и тотчасъ же отправился въ орденскій станъ (новый магистръ Бруно въ это время также прибылъ въ Ригу и находился въ станѣ). Архіепископъ заявилъ, что рижскіе бюргеры готовы сломать мостъ. „Не мостъ составляетъ причину вражды, отвѣчалъ магистръ, а двадцать лѣтъ тянущіеся пререканія между городомъ и орденомъ“. Поспорили, но, однакоже, перемиріе продолжили до 29 сентября 1297 г., впредь до прибытія изъ Любека и Висби нословъ отъ ганзейскихъ городовъ, которые уладили бы споръ между городомъ и орденомъ, о чемъ рижскій магистратъ уже писалъ въ Любекъ*).

Не кончился срокъ перемирія, какъ въ Ригѣ произошло событіе уже покрупнѣе споровъ и пререканій. Орденскіе ратники произвели пожаръ въ городѣ стрѣлами съ зажигательными веществами. Надобно полагать, что ратники просто начали пускать стрѣлы съ башень орденскаго дома, переранили, быть можетъ, и убили кого изъ горожанъ, и что въ суматохѣ произошелъ пожаръ, истребившій часть города. Раздраженные нарушеніемъ перемирія бюргеры бросились на орденскій домъ, разрушили его, умертвили 60 орденскихъ братьевъ, повѣсили за бороду командора, разрушили также орденскую церковь**). Послѣ этого о мирѣ нельзя было и думать, но, однакоже, перемиріе продолжили до 11 ноября.

Туть магистръ Бруно узналъ, что рижскіе бюргеры входятъ въ соглашеніе о помощи съ Эзельскимъ епископомъ. Бруно, не долго

---

*) Въ письмѣ въ Любекъ, напечатанномъ въ Urkundenbuch Бунге, даты не означено, но сказано, что писано въ суботу въ день Вита и Модеста, а день этотъ приходился въ суботу въ 1297 г. Динаминдская Хроника и Брандисъ также относятъ этотъ споръ къ 1297 г. (см. Бунге, Архивъ IV).

**) Объ этомъ происшествіи, не упоминаемомъ лѣтописцами, разсказано въ двухъ древнихъ рукописяхъ, хранящихся въ тайномъ кенигсбергскомъ архивѣ, выписки изъ которыхъ приведены у Фогта въ его исторіи Пруссіи, томъ IV, стр. 125, прим. 1. Въ послѣдующемъ донесеніи къ папѣ дѣло изложено именно такъ, какъ разсказано въ этихъ рукописяхъ.

думая, пошелъ войною на Эзельскаго епископа*), овладѣлъ Эзелемъ, затѣмъ осадилъ самаго Эзельскаго епископа Конрада въ его замкѣ Леалѣ, взялъ этотъ замокъ, въ Гапсалѣ учредилъ орденскій конвентъ, поставивъ во главѣ его командора Германа Лингена, потомъ поставилъ орденскаго священника въ каѳедральный соборъ и всѣ епископскія имѣнія ввѣрилъ управленію орденскаго сторонника, Эзельскаго пробста (протоіерея) Іоанна.

Рижскіе бюргеры и Рижскій архіепископъ послѣ разгрома Эзельскаго епископства не могли уже расчитывать на какую либо помощь или содѣйствіе со стороны епископа Конрада Нельзя было разсчитывать и на помощь со стороны другихъ епископовъ, Дерптскаго и Куронскаго: черезъ-чуръ они были слабы. Дерптскій епископъ предоставилъ уже ордену занять своими гарнизонами всѣ замки въ Дерптскомъ епископствѣ, будучи не въ состояніи отбиваться отъ псковичей. Архіепископъ не могъ не видѣть, что ему грозитъ участь Эзельскаго епископа, что рыцари не стѣснятся овладѣть архіепископскими землями, и потому рѣшился на крайній шагъ: завелъ сношенія съ литовцами о помощи и поручилъ 30 марта рижскому капитулу заявить ганзейскимъ городамъ, что литовцы давно бы приняли католичество, если бы орденъ не мѣшалъ тому. Магистръ Бруно, раздраженный подобными поступками архіепископа, созвалъ большое войско, захватилъ архіепископскій замокъ Кокенгузенъ и осадилъ архіепископа въ замкѣ Трейденѣ, куда онъ скрылся изъ Риги. Защищаться не было никакой возможности: архіепископъ долженъ былъ сдаться. Рыцари тогда отвезли архіепископа сперва въ Зегевольдъ, потомъ въ Венденъ, наконецъ засадили въ крѣпость Феллинъ, гдѣ держали архіепископа въ теченіи 33 недѣль на хлѣбѣ и на водѣ, подвергая его насмѣшкамъ и всякимъ оскорбленіямъ, а потомъ перевезли въ орденскую крѣпость Нейермюленъ.

Литовскій князь Витенъ не заставилъ себя долго просить о помощи. Лѣтомъ 1298 г. онъ появился въ земляхъ по правой сторонѣ Двины**). Рижане и архіепископская дружина немедленно же соединились съ литовцами и повели ихъ на орденскую крѣпость Каркусъ (верстахъ въ 60 къ югу отъ Феллина). Крѣпость эта, снабженная многочисленнымъ гарнизономъ была взята литовцами и разорена до тла. Литовскіе ратники послѣ того разсѣялись по всей окрестной странѣ и начали

---

*) См. Bausteine zu einer Geschichte Oesels, Arensburg, 1885 г. стр. 81.

**) Дусбургъ въ гл. 262 пишетъ, что литовцы прибыли по призыву рижскихъ гражданъ, ad vocationem civium Rigensium; но въ одной древней рукописи „Rigasche Handlung“, хранящейся въ тайномъ Кенигсбергскомъ архивѣ сказано, что литовцы вторглись de mandato et insinuatione Domini Johannis Archiepiscopi. О принятіи католичества ни Витенъ, ни литовцы и не думали. Онъ пошелъ на помощь рижанамъ и архіепископу лишь бы нанести вредъ своимъ врагамъ Тевтонскимъ рыцарямъ, которые не давали ему покоя безпрестанными набѣгами то на Жмудь, то на другія принѣманскія литовскія земли, то на Гродну.

нещадно жечь, грабить и, опустошать все встрѣчное, не давая пощады ни духовенству, ни церквамъ. Тысячи полторы народа было умерщвлено, множество женщинъ и дѣтей было захвачено въ плѣнъ. Орденъ при этомъ грабежѣ понесъ убытку болѣе чѣмъ на 10000 марокъ серебра, говоритъ современная рукопись*). Обремененное добычею литовское войско предприняло обратный походъ, направляясь къ Трейдену. Магистръ Бруно, собравъ орденское ополченіе, выступилъ на встрѣчу литовцамъ и сразился съ ними. Бой произошелъ 1 іюня 1298 г. у Трейдена. Первоначально рыцари имѣли успѣхъ, умертвили сотъ восемь литовцевъ, освободили изъ плѣна тысячи три христіанъ, литовцы начали уже было отступать, но Витенъ повелъ ихъ снова въ бой и разбилъ на голову орденское войско. Магистръ Бруно, съ нимъ 22 орденскихъ брата и полторы тысячи простыхъ ратниковъ были убиты и все орденское войско разсѣяно. Литовцы безирепятственно начали грабить вновь земли, избивать людей, захватывать полонъ. Они перебили тысячи три народа, нанесли убытковъ ордену тысячь на двадцать марокъ серебра и за тѣмъ подступили къ орденской крѣпости Нейермюлену, верстахъ въ 20 къ сѣверу отъ Риги, съ цѣлію овладѣть этою крѣностію и освободить находившагося тутъ архіепископа.

Слухи о разоренiяхъ, произведенныхъ литовцами въ Ливонiи, вѣсти о пораженіи орденскаго войска и гибели магистра Бруно не могли не встревожить нрусскихъ рыцарей и главный домъ ордена, находившійся въ это время уже не въ Акконѣ, а въ Венеціи. Упомянемъ вкратцѣ, какъ произошла такая перемѣна.

Къ 1290 г. во власти христіанъ въ Сиріи, кромѣ Тира и нѣсколькихъ приморскихъ городовъ остался только Акконъ (Птолемаида). Здѣсь въ Акконѣ былъ главный домъ всего ордена, здѣсь не мало орденской братіи истощались въ усиліяхъ сдержать напоръ мусульманъ; долгъ и честь требовали, чтобъ великій магистръ сдѣлалъ всевозможное для спасенія отъ гибели мѣста, гдѣ было положено начало ордену. Бурхардъ Швепденскій и не уклонился отъ своего долга. Съ 40 отборнѣйшими и храбрѣйшими орденскими рыцарями и съ 4000 крестоносцевъ въ 1290 г. онъ изъ Венеціи отплылъ въ Акконъ. Здѣсь великаго магистра встрѣтили съ величайшею радостію, его прибытіе возбудило во всѣхъ христіанахъ надежду, что ихъ окончательная гибель еще устранится. Но что же онъ нашелъ въ Акконѣ? Три военно-монашескіе ордена — іоанниты, храмовники и тевтоны — находились въ враждѣ между собою, полное разложеніе замѣчалось всюду. Поправить дѣла можно бы было, если бы произвести слiяніе всѣхъ трехъ орденовъ въ одинъ, пресѣчь распри между христіанами, направить всѣ соединенныя силы къ одной цѣли, къ борьбѣ съ мусульманами, къ освобожденію Святой Земли и всего того, что уже имѣли христіане и потеряли вслѣдствіе своихъ собственныхъ неурядицъ. О слiяніи орденовъ Бурхардъ

*) Ordo damperificatus fuit ad decem milia marcarum argenti et ultra сказано въ рукописи „Rigasche Handlung“ кенигсбергскаго архива (см. Фохта. исторію Пруссіи IV. 142, прим. 1).

и задумывалъ, какъ свидѣтельствуютъ современныя лѣтописцы, но, по всей вѣроятности, встрѣтилъ къ тому непреодолимыя препятствія; кромѣ того нашелъ и своихъ тевтонскихъ рыцарей въ положеніи совершенно безнадежномъ, вслѣдствіе чего рѣшился на шагъ, приведшій въ изумленіе весь Тевтонскій орденъ. Вскорѣ послѣ прибытія въ Акконъ, онъ въ сентябрѣ 1290 г., созвалъ каптулъ въ главномъ тевтонскомъ домѣ и заявилъ, что отказывается отъ должности великаго магистра и съ папскаго разрѣшенія вступаетъ въ орденъ іоаннитовъ. Онъ дѣйствительно возложилъ на себя іоаннитское одѣяніе, но вскорѣ въ Акконѣ же и умеръ въ томъ же 1290 г. Здѣсь тевтонская орденская братія составила, подъ предсѣдательствомъ старшаго орденскаго сановника на Востокѣ, избирательное собраніе и выборъ на должность великаго магистра палъ на Конрада Фейхтвангенскаго, того самаго, который въ 1280—1282 г. былъ ливонскимъ магистромъ (см. выше стр. 103), въ 1183 г. былъ командоромъ Франконіи, а съ 1284 по 1288 г. магистромъ Германскимъ*).

Дни Аккона, однакоже, были уже сочтены. Городъ этотъ представлялъ собою удивительную смѣсь всѣхъ западно-европейскихъ народовъ. Сюда стеклись всѣ бѣжавшіе отъ мусульманъ христіане: нѣмцы, французы, англичане, италіанцы и пр. Никакой связи, никакого общаго закона не имѣло это смѣшеніе народностей; здѣсь же имѣли пребываніе папскій легатъ, кипрскій король, именовавшійся королемъ іерусалимскимъ, патріархъ іерусалимскій; здѣсь же имѣли свои дома, укрѣпленные стѣнами и башнями, три военно-монашескіе ордена, которые уже далеко уклонились отъ своихъ уставовъ, ибо орденскіе рыцари проводили время въ своихъ домахъ въ игрѣ, пьянствѣ и распутствѣ, помышляя болѣе о грабежахъ, чѣмъ о борьбѣ съ мусульманами. Прибывавшіе въ Акконъ крестоносцы увеличивали только общую неурядицу, такъ какъ они не признавали надъ собою никакого закона, и тѣмъ болѣе не считали нужнымъ соблюдать, какіе бы то ни было, договоры, какіе заключались между Акономъ и египетскими султанами, владѣвшими въ тѣ времена Сиріею. Въ то самое время, когда Конрадъ былъ избранъ великимъ магистромъ Тевтонскаго ордена, толпа крестоносцевъ разграбила египетскій купеческій караванъ, шедшій въ Акконъ въ надеждѣ, что его не тронутъ, такъ какъ именно въ 1290 г. между Акономъ и тогдашнимъ египетскимъ султаномъ, Малекъ-Эль-Ашрафомъ, было заключено перемиріе. Султанъ потребовалъ удовлетворенія и выдачи грабителей, грозя разгромить весь Акконъ, если ему въ концѣ 1290 года не будутъ доставлены убійцы египетскихъ купцовъ. Великій магистръ Конрадъ вполнѣ признавалъ справедливость султанскаго требованія, но папскій легатъ, поддержанный рыцарями трехъ орденовъ, воспротивился выдачѣ, грозя церковнымъ отлученіемъ всякому, кто осмѣлится выдать христіанина султану. Грабителей не выдали и Малекъ-Эль-Ашрафъ немедленно же по истеченіи срока, назначеннаго для выдачи, пошелъ войною на Акконъ съ цѣлію сокрушить окончательно всякое господство христіанъ на Востокѣ. Съ огромнымъ для того времени войскомъ (160000 пѣхоты и 60000 конницы) онъ 5 апрѣля 1291 г. сталъ подъ Акономъ и осадилъ его. Съ отчаяннымъ мужествомъ защищались осажденные, но не могли устоять предъ превос-

---

*) Всѣ владѣнія Тевтонскаго ордена раздѣлялись на четыре провинціи: Сицилію, Германію, Пруссію и Ливонію; каждая состояла подъ управленіемъ магистра (Magister provincialis, Landmeister). Магистръ Германскій назывался Deutschmeister. Конрадъ Фейхтвангенскій прибылъ въ Акконъ вмѣстѣ съ великимъ магистромъ Бурхардомъ Швенденскимъ.

ходными силами султана. 18 мая 1291 г. Акконъ былъ взятъ штурмомъ и раззоренъ въ конецъ; множество народа погибло во время этой осады, немногіе успѣли бѣжать на корабли; оставшимся въ живыхъ рыцарямъ также удалось достичь кораблей, на которыхъ они и высадились въ Кипрѣ. Іоанниты и храмовники остались на этомъ островѣ, но тевтоны не остались; со своимъ великимъ магистромъ они удалились въ Венецію, гдѣ у нихъ былъ свой собственный конвентъ, и сюда перенесли главный орденскій домъ (domum principalem), т. е. основали главное мѣстопребываніе ордена, доселѣ съ самаго основанія ордена находившееся въ Акконѣ.

Вслѣдъ за Аккономъ султанъ овладѣлъ и прочими приморскими городами, которые находились еще во власти католиковъ. Папа Николай IV съ горестью видѣлъ, какъ погибли всѣ двухсотлѣтніе труды католиковъ удержаться въ Святой Землѣ и Іерусалимѣ; всѣ усилія онъ употребилъ, чтобъ поднять на новый крестовый походъ современныхъ ему государей; усилія его, быть можетъ, были бы и не безплодными, но онъ въ апрѣлѣ 1292 года внезапно умеръ, а его преемники не имѣли уже ни силъ, ни авторитета, чтобы снова поднять католическій міръ па повое освобожденіе Святой Земли, окончательно подпавшей власти мусульманъ.

Съ паденіемъ Аккона рушилась всякая связь Тевтонскаго ордена съ Востокомъ; совершилось то, что предвидѣлъ Германъ Зальца: Пруссія и Ливонія сдѣлались единственнымъ мѣстомъ, гдѣ орденъ могъ еще исполнять свое предназначеніе, свою цѣль, съ которою онъ былъ вызванъ въ жизни. Въ Жмуди и за среднимъ Нѣманомъ еще были язычники, сюда только орденъ могъ вносить католичество, бороться съ язычниками. По орденскому уставу, всякій вновь поступающій братъ до своего пріема долженъ былъ совершить паломничество въ Святую Землю и Іерусалимъ, и рыцари исполняли уставъ, совершали паломничество, являлись, по крайней мѣрѣ, въ Акконъ. Съ потерею Святой Земли и Аккона, Пруссія явилась землею, куда новопоступающіе рыцари начали совершать паломничества. Для такихъ паломничествъ при важнѣйшихъ орденскихъ замкахъ (бургахъ) начали отводить особыя мѣста, которыя обсаживались деревьями и на которыхъ возводились часовни. Такія паломническія мѣста, получавшія наименованіе Іерусалимовъ, находились у Кенигсберга, Эльбинга, Маріенбурга, Грауденца, Ризенберга и проч. Но если Пруссія явилась мѣстомъ паломничества, мѣстомъ, гдѣ орденъ находилъ поприще для своей дѣятельности, предназначенной уставомъ, то отсюда недалеко уже было до мысли, что именно въ Пруссіи и долженъ быть главный домъ ордена, мѣстопребываніе великаго магистра и центральнаго орденскаго управленія (мысль эта осуществилась, какъ увидимъ ниже, при преемникѣ Конрада). Съ паденіемъ Аккона, рыцарямъ и крестоносцамъ уже не за чѣмъ было отправляться въ Палестину, но было за чѣмъ являться въ Пруссію. Они и начали прибывать сюда, увеличивая собою силы прусскаго провинціальнаго магистра, который и могъ направлять ихъ на борьбу съ литвою-жмудинами и съ литвою-аукстоте. Съ 1292 года дѣйствительно замѣчается усиленіе набѣговъ на за нѣманскія земли, учащеніе военныхъ дѣйствій съ литвою. Нѣтъ сомнѣнія, что прусскій орденъ совладалъ бы съ литвою, примучилъ бы литву, принудилъ бы ее принять католичество голодомъ, огнемъ и мечомъ, какъ примучилъ и принудилъ къ католичеству ливонскій орденъ куроновъ и семигалловъ, но къ тому времени, когда тевтонскій орденъ перенесъ свой главный домъ въ Венецію. и орденскія силы, направлявшіяся въ Палестину, начали направляться въ Пруссію, Литва значительно уже усилилась присоединеніемъ къ себѣ Кривской Руси. Источники не обозначаютъ во всей

точности, какимъ образомъ совершился переходъ Кривской Руси подъ литовское владычество; извѣстно только, что послѣ Батыева нашествія литовскіе князья появляются въ Полоцкѣ, а за тѣмъ литовскіе князьки то силою оружія, то родственными связями съ русскими князьями и принятіемъ православія водворялись въ русскихъ областяхъ и тѣмъ полагали начало образованію сильнаго русско-литовскаго княжества. Тройденъ и Витенъ не безъ успѣха отбивались отъ напора Тевтонскаго ордена, за набѣги отплачивали набѣгами, вторгались въ орденскія владѣнія, и, конечно, не смогли бы бороться съ рыцарями, еслибы не были вспомоществуемы русскими княжескими дружинами, у которыхъ военное искуство вовсе не стояло на низкой степени и „русскій бой“ которыхъ былъ извѣстенъ за предѣлами Россіи (см. томъ I, 347). У нѣмецкихъ лѣтописцевъ попадаются извѣстія, что противъ ордена литовцы бились вмѣстѣ съ русскими. Такъ при осадѣ Динабурга въ 1277 г. участвовали русскіе стрѣлки (см. выше стр. 97).

Не успѣлъ Конрадъ Фейхтвангенскій съ орденскою братіею прибыть въ Венецію, какъ тамъ было получено извѣстіе, что 15 іюня 1291 г. умеръ императоръ Рудольфъ Габсбургскій, всегда покровительствовавшій ордену. Королевское достоинство перешло къ графу Адольфу Нассаускому, который подобно своему предшественнику, благопріятствуя ордену, въ 1293 году не только подтвердилъ всѣ права и преимущества, дарованныя ордену Фридрихомъ II, Генрихомъ VI и Рудольфомъ Габсбургскимъ, но и всю орденскую братію, со всѣми ихъ владѣніями, городами, бургами и подданными принялъ подъ свою королевскую защиту, подтверждая вновь всѣ орденскія права, преимущества и вольности. Здѣсь не мѣсто разсказывать подробности борьбы прусскихъ рыцарей съ Литвою во времена Конрада, достаточно сказать, что ливонскій орденъ, начавъ борьбу съ Ригою и Рижскимъ архіепископомъ, не могъ участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ прусскихъ рыцарей: ему было достаточно дѣла дома. Но и прусскій орденъ и великій магистръ Конрадъ съ своей стороны также не вмѣшивались въ ливонскія отношенія, отвлекаемые своими ближайшими дѣлами, и только когда ливонскіе рыцари захватили Рижскаго архіепископа и перевезли его въ Феллинъ, Конрадъ созвалъ капитулъ въ Эльбингъ и предложилъ обсудить мѣры, какія нужно бы было предпринять для прекращенія раздора въ Ливоніи. Ничего не придумали и ничего не предпринимали, да и самъ великій магистръ въ началѣ 1297 г. умеръ въ Прагѣ. Генеральный орденскій капитулъ собрался въ главномъ орденскомъ домѣ въ Венеціи для избранія новаго великаго магистра; выборъ палъ 3 мая 1297 г. на орденскаго брата графа Готфрида Гоэнлоэнскаго, принадлежавшаго по родственнымъ связямъ съ тогдашними германскими князьями и магнатами къ числу самыхъ знатныхъ членовъ ордена и своею предшествовавшею службою ордену, въ качествѣ командора въ Австріи и Штиріи, а потомъ германскаго провинціальнаго магистра, снискавшаго себѣ общую и почетную извѣстность. Онъ и вступилъ въ управленіе всѣмъ орденомъ.

Желая положить конецъ распрѣ между ливонскими рыцарями и архіепископомъ, новый великій магистръ прибылъ въ Пруссію и тутъ получилъ извѣстіе, что ливонскій магистръ Бруно 1 іюня 1298 г. убитъ въ сраженіи съ литовцами и что послѣдніе, жестоко ограбивъ ливонскія земли, осадили орденскій замокъ (бургъ) Нейермюленъ. Нельзя уже было медлить и оставлять ливонскихъ рыцарей на произволъ судьбы. Великій магистръ приказалъ отважному и опытному

въ военномъ дѣлѣ кенигсбергскому командору Бертольду Бригавену (Brühaven), неутомимо и безпрерывно воевавшему съ литовцами, спѣшить въ Ливонію на выручку Нейермюлена и, вмѣстѣ съ тѣмъ, на мѣсто убитаго Бруно ливонскимъ магистромъ назначилъ орденскаго брата Готфрида Рогга (von Rogga или Rogge, см. Арндта II, 71 и Гадебуша I, 344). Бертольдъ съ сильнымъ отрядомъ рыцарей и не малымъ войскомъ, съ новымъ магистромъ поспѣшилъ въ Ливонію. Прибывъ сюда, онъ соединился съ ливонскими рыцарями и ихъ дружинами и вмѣстѣ съ ними аттаковалъ литовское и рижское войско, осаждавшее Нейермюленъ. 29 іюня 1298 г. произошелъ ожесточенный бой и орденцы одержали полную и рѣшительную побѣду. Тысячи четыре литовцевъ и рижанъ пало въ битвѣ, много народу перетонуло, не мало было взято въ плѣнъ. Неизвѣстно, былъ-ли въ литовскомъ войскѣ самъ Витенъ, но кажется, что не былъ. Онъ, по всей вѣроятности, послѣ пораженія, нанесеннаго Бруно, съ полономъ и добычею ушелъ домой, предоставивъ осаду Нейермюлена рижанамъ и литовскому отряду.

Бертольдъ Бригавенъ, одержавъ побѣду, вступилъ въ Ригу и тотчасъ же разграбилъ архіепископскій дворъ (бургъ) для возмѣщенія орденскихъ убытковъ. Награблено было серебряныхъ сосудовъ, драгоцѣнныхъ вещей, дорогихъ суконъ и одѣяній на шесть тысячъ марокъ серебра (смотри документъ о томъ у Догеля V, № 36, страница 27). Но эта добыча, конечно, далеко не возмѣщала убытковъ, понесенныхъ орденомъ во время распрей съ рижанами и вторженія литовцевъ, наведенныхъ архіепископомъ, ибо эти убытки, по счету ордена, составляли (см. упомянутую выше кенигсбергскую рукопись: „Rigasche Handlung“, 51) немалую сумму: сломка башни и большой мельницы и осада Каркуса 20000 марокъ, потери при пораженіи Бруно 10000 марокъ, осада Нейермюлена 2000 и сожженіе Динамюндскаго предмѣстья 500 марокъ, всего 32500 марокъ серебра. Для возмѣщенія убытковъ орденцы, не довольствуясь ограбленіемъ архіепископскаго дома, забрали столовыя и ленныя имѣнія архіепископа.

Но что же дѣлалъ папа? Какъ онъ могъ допускать, чтобы рыцари держали въ тюрьмѣ архіепископа, грабили его имущество? Дѣло въ томъ, что смута господствовала въ самой римской куріи. Было выше сказано, что папа Николай IV умеръ въ апрѣлѣ 1292 года; въ теченіе болѣе чѣмъ двухъ лѣтъ кардиналы не могли согласиться между собою на счетъ выбора новаго папы, и папскій престолъ оставался все это время не занятымъ. Наконецъ выбрали Целестина V, который оставался на папскомъ престолѣ очень непродолжительное время, онъ отказался отъ папства и въ концѣ декабря 1294 г. на папскій престолъ вступилъ Бонифацій VIII, человѣкъ сколько вспыльчивый и раздражительный, столько же властолюбивый и высокомѣрный. Онъ не обращалъ никакого вниманія на то, что совершалось въ Пруссіи и Ливоніи, его не-

сравненно болѣе занимали обострявшіяся отношенія папы къ Италіи и къ тогдашнему французскому королю, Филиппу IV Красивому, чѣмъ борьба ордена съ язычниками въ отдаленныхъ прибалтійскихъ странахъ, или ссоры и распри рижанъ и архіепископа съ ливонскими рыцарями. Это, конечно, знали въ Ливоніи и потому ни орденцы, ни архіепископъ, ни рижскій капитулъ не обращались къ папѣ, не прибѣгали къ его авторитету для рѣшенія споровъ.

Рижскій соборный капитулъ, когда архіепископъ былъ захваченъ магистромъ Бруно, не обратился къ папѣ, но началъ искать защитниковъ рижской церкви среди иноземныхъ государей. Ближайшимъ и естественнѣйшимъ защитникомъ могъ быть король датскій, владѣвшій въ это время Эстоніею, къ нему-то и обратился капитулъ.

Было уже выше сказано (стр. 125), въ какомъ положеніи находилось Датское королевство въ послѣдніе годы XIII столѣтія. Король Эрихъ VII не зналъ покоя ни внѣ, ни внутри своего государства. Разбои пиратовъ, война съ Норвегіею истощали государство, а къ этому присоединялись распри съ архіепископомъ Лундскимъ, папскій интердиктъ и требованіе папы Бонифація VIII, чтобъ король явился въ Римъ. Вотъ въ это-то смутное время, когда Данія находилась въ войнѣ съ Норвегіею и въ борьбѣ съ духовенствомъ и властолюбивымъ Бонифаціемъ, къ королю Эриху VII и прибыли послы отъ рижскаго соборнаго капитула.

Рижскій капитулъ предложилъ королю взять въ свое владѣніе Семигаллію съ землями Налексе и Терике и за то защищать рижскую церковь отъ ордена. Король согласился на это предложеніе и 12-го іюня 1298 г. подписалъ наступательный и оборонительный союзъ съ капитуломъ (см. UrkundenBuch Бунге, № 572). По этому договору король бралъ въ свое владѣніе предлагаемыя ему земли, обязывался смѣнить непокорныхъ архіепископскихъ вассаловъ и замѣнить ихъ другими съ тѣмъ, чтобы новые вассалы дали ленную присягу рижской церкви; городъ Рига и замки, которые будутъ отобраны у ордена, на время войны должны находиться въ распоряженіи королевскаго фохта; никакого мира съ орденомъ, безъ королевскаго согласія, не заключать; король въ предстоящую зиму пришлетъ войско въ Ригу, которое вмѣстѣ со всѣми эстонскими вассалами и ревельскимъ гауптманомъ (намѣстникомъ) будетъ защищать рижскую церковь. Отобранные у ордена замки и укрѣпленія король, по окончаніи войны, передастъ рижской церкви (см. UrkundenBuch Бунге, королевскую грамоту отъ того же 12 іюня подъ № 573).

Договоръ этотъ никогда осуществляемъ не былъ; король датскій, воюя съ Норвегіею, не могъ прислать никакого войска въ Ригу, но союзъ рижскаго духовенства съ Эрихомъ VII встревожилъ великаго магистра, потому что въ случаѣ осуществленія договора дѣла ливонскихъ рыцарей могли принять оборотъ весьма неблагопріятный для всего ордена. Видя, что мирнымъ путемъ не возможно добиться никакого

соглашенія между Рижскимъ архіепископомъ и ливонскимъ орденомъ, Готфридъ Гоэнлоэ донесъ папѣ Бонифацію объ опасномъ положеніи дѣлъ въ Ливоніи, о стремленіяхъ и требованіяхъ ливонскаго духовенства и о трудахъ и заслугахъ ливонской орденской братіи въ дѣлѣ распространенія католичества въ Ливоніи. Папа не могъ, конечно, дать никакого рѣшенія, основываясь лишь на донесеніи одной стороны, и потому двумя буллами отъ 17 января 1299 г., отправленными, одна къ Рижскому архіепископу, а другая къ великому магистру (обѣ буллы см. въ Urkundenbuch Бунге), потребовалъ, чтобы архіепископъ Рижскій и великій магистръ, равно ливонскій магистръ съ тремя командорами, нѣсколько суфрагановъ архіепископской каѳедры и уполномоченные отъ прочаго духовенства прибыли въ Римъ на папскій судъ чрезъ шесть мѣсяцевъ послѣ полученія буллы, въ которой папа грозилъ отлученіемъ отъ церкви и смѣщеніемъ съ должностей, если кто не явится въ Римъ къ назначенному сроку. Если архіепископъ по какимъ либо важнымъ причинамъ прибыть въ Римъ не можетъ, то о томъ обязанъ немедленно донести папѣ и прислать вмѣсто себя свѣдущихъ и почтенныхъ людей, дабы можно было произвести основательное разслѣдованіе всего дѣла и дать справедливое рѣшеніе спору. Въ буллѣ къ великому магистру папа предписывалъ немедленно же освободить Рижскаго архіепископа и занятыя ливонскими рыцарями церковныя имѣнія возвратить Рижской церкви. Обѣ буллы были написаны въ весьма серьезномъ и внушительномъ тонѣ, указывавшемъ, что Бонифацій VIII, независимо донесенія великаго магистра, получилъ и донесенія ливонскаго духовенства, изображавшія ливонскихъ рыцарей далеко не въ благопріятномъ для нихъ видѣ.

Ни ордену, ни архіепископу, конечно, не хотѣлось являться на судъ къ папѣ. Обѣ спорящія стороны хорошо понимали, что онѣ одинаково виновны предъ католическою церковью и въ оправданіе свое не могутъ привести никакихъ уважительныхъ данныхъ. Дѣло шло не объ интересахъ католичества и церкви, а о преобладаніи и власти, о доходности и прибыляхъ, ни о чемъ больше. Орденъ былъ виноватъ въ захватѣ архіепископа, въ ограбленіи архіепископскаго дома, въ присвоеніи церковныхъ имѣній; архіепископъ былъ виновенъ въ томъ, что вошелъ въ союзъ съ язычниками, навелъ ихъ на Ливонію и тѣмъ подвергъ страну жестокому раззоренію, ибо литовцы грабили и истребляли все встрѣчное, не разбирая, орденское-ли оно, или епископское, повыжгли церкви, поубивали священниковъ. Соперники понимали обоюдность вины и потому пришли къ мысли уладить споръ между собою путемъ соглашенія, не доводя дѣла до папскаго суда. Ордену въ особенности было важно не доводить до крайностей раздражительнаго и властолюбиваго Бонифація VIII, авторитетъ котораго въ тогдашнемъ католическомъ мірѣ былъ далеко не маловаженъ.

Архіепископъ Іоаннъ III, графъ Шверинскій, въ это время содер-

жался въ Нейермюленѣ, который литовцы съ рижанами тщетно осаждали съ цѣлію освобожденія высокаго узника и подъ которымъ недавно потерпѣли сильное пораженіе. Здѣсь орденскіе сановники вступили въ переговоры съ архіепископомъ и наконецъ пришли къ соглашенію, главный пунктъ котораго былъ тотъ, что архіепископъ отпускаетъ и прощаетъ орденской братіи всѣ убытки, насплія и неправды, которыя онъ претерпѣлъ или лично, или на своихъ имѣніяхъ и обѣщаетъ не привлекать къ суду никого изъ орденской братіи; орденъ же съ своей стороны возвращаетъ архіепископу всѣ занятые рыцарями замки и укрѣпленія, иринадлежащія рижскому соборному капитулу; вассалы рижской церкви останутся въ вѣдѣніи рыцарей до предстоящаго Мартынова дня и только тогда будутъ отданы капитулу и его вассаламъ, когда они, слѣдуя иримѣру и совѣту архіепископа, войдуть съ орденомъ въ соглашеніе на счетъ мирныхъ отношеній, содѣйствовать чему и будетъ архіепископъ. Далѣе архіепископъ обѣщаетъ до возстановленія мира между орденомъ, городомъ Ригою и прочими его противниками воздерживать ихъ отъ враждебныхъ дѣйствій, не входить съ противниками ордена въ какія либо сообщества и связи, при чемъ архіепископъ можетъ имѣть свое пребываніе, гдѣ ему угодно.

Такова была сущность заключеннаго въ Нейермюленѣ договора, который не дошелъ до насъ, но содержаніе котораго изложено въ современной папской буллѣ къ ливонскому магистру въ документѣ, приведенномъ у Догеля въ его сборникѣ „Codex dipl. regni Poloniae“, томъ V, № 36, стр. 27. Въ документѣ этомъ прямо сказано, что договоръ заключенъ въ Нейермюленѣ — in castro Magistri et Fratrum, quod dicitur Molendinum novum (новая мельница, Neuermühlen), ubi dictus Archiepiscopus captivus detinebatur. Ливонскіе историки Арндтъ, Гіернъ, Гадебушъ и др. о договорѣ этомъ не упоминаютъ ни слова.

Рижскій пріоръ (каѳедральный протоіерей) и рижскій соборный капитулъ не приняли этого договора, какъ явно не выгоднаго для нихъ, ибо по оному ордену предоставлялось право не возвращать церковныхъ имѣній впредь до соглашенія, которое, конечно, могло состояться лишь по всей волѣ орденской братіи, вслѣдствіе чего капитулъ, объявивъ договоръ вынужденнымъ у архіепископа силою, отказался дать свое согласіе на оный и апеллировалъ къ папѣ (см. у Догеля вышеназванный документъ № 36) Въ жалобѣ капитула, врученной папѣ архіепископскимъ прокураторомъ, говорилось (см. Urkundenbuch Бунге, № 584), что орденъ, стремясь къ расширенію собственной власти, пренебрегаетъ подавленіемъ язычниковъ, притѣсняетъ вѣру и ливонскихъ христіанъ и преслѣдуетъ ихъ какъ враговъ при помощи язычниковъ (immo ipsorum infidelium quandoque auxilio advocato fidem orthodoxam et totum populum christianum Livoniae oppresserunt et miserabiliter velut hostes persecuti sunt); магистръ и братья со времени соединенія орденовъ совершали большіе грабежи, хищенія, вымогательства, возмущенія, нестерпимо оскорбляли и тиранили новокрещенныхъ и

разграбляли ихъ имущества (graves rapinas, depredationes, exactiones, seditiones, guerras et intolerabiles tyrranides in totum populum tunc de novo conversum et bona eorum passim exercuerunt hostiliter et de die in diem exercere non verentur); что въ частяхъ ордена не только прекратилось распространеніе христіанства, но въ многихъ мѣстахъ вѣра христіанская потерпѣла невознаградимыя потери (irreparabilia detrimenta); что до соединенія орденовъ всѣ семигаллы были обращены въ христіанство и имѣли епископа, но послѣ соединенія отреклись отъ христіанства и продолжаютъ блуждать въ тьмѣ язычества. Орденскіе сановники съ своей стороны, видя упорство капитула, задержали архіепископа и не выпускали изъ заточенія. Тогда рижскіе бюргеры вооружились, стали жечь и грабить орденскія имѣнія и тѣмъ вынудили магистра Готфрида Рогге выпустить наконецъ архіепископа на волю (см. Арндта томъ II, 72 и вышеназванный документъ № 36 у Догеля). Между тѣмъ орденъ поспѣшилъ донести Бонифацію VIII, еще до истеченія срока явки къ суду, о состоявшемся соглашеніи и примиреніи съ архіепископомъ и просилъ папу отмѣнить распоряженіе вызова къ суду обоихъ магистровъ съ ихъ рыцарями. Папа 13 мая 1299 г. согласился на просьбу, освободилъ обоихъ магистровъ отъ явки къ суду, но съ оговоркою, что если соглашеніе между ливонскимъ орденомъ, епископомъ эзельскимъ и рижскимъ еще не состоялось, то оба магистра обязаны прислать въ Римъ своихъ уполномоченныхъ депутатовъ для разслѣдованія и рѣшенія спора. Было-ли отмѣнено приказаніе являться въ Римъ архіепископу Іоанну III неизвѣстно, но всѣ источники единогласно свидѣтельствуютъ, что архіепископъ Рижскій прибылъ въ Римъ еще въ 1299 году. Но ранѣе прибытія архіепископа и ранѣе полученія орденскаго донесенія о примиреніи съ архіепископомъ, слѣд. не позднѣе апрѣля 1299 года папа получилъ жалобу Эзельскаго епископа Конрада на орденъ, произведшій большія раззоренія въ эзельскомъ епископствѣ въ 1298 г. во время магистерства Бруно (см. выше стр. 147).

Епископъ Конрадъ писалъ Бонифацію VIII (см. Догеля V, № 36 и Urkundenbuch Бунге № 586 и регесты 180—182), что ливонскій орденъ, имѣя право на владѣніе лишь третью Эзеля, вознамѣрился покорить своей власти, лучше сказать „рабству“, весь островъ и напалъ на Эзель. Подъ предлогомъ мирныхъ переговоровъ, орденская братія пригласила 80 мужей (т. е. епископскихъ вассаловъ) въ орденскій замокъ (бургъ) Пейде на островѣ Эзелѣ, говоря, для предупрежденія подозрѣнія, чтобъ они пріѣзжали на совѣщаніе вооруженными. По прибытіи въ Пейде у нихъ, однако, отняли оружіе и всѣхъ ихъ засадили въ башню, а за тѣмъ орденское войско начало жечь и грабить епископскую область. Тогда эзельское духовенство и жители Эзеля обратились къ нему, Конраду, какъ своему епископу, съ просьбою о защитѣ, которая если оказана не будетъ, то они вынуждены будутъ

избрать себѣ другаго властителя, могущаго лучше епископа защитить ихъ. На рѣшеніе епископа, что они могутъ защищать островъ всѣми дозволенными и честными средствами впредь до заключенія мира, магистръ Бруно, показывая видъ, что зачинщикъ всему есть епископъ и что именно епископъ есть нападающая сторона, рѣшился силою принудить епископа къ исполненію его требованій и съ этою цѣлію осадилъ епископа въ Леалѣ. Не имѣя средствъ защищаться и не видя выхода изъ своего положенія, епископъ сдалъ ордену Леаль и другіе замки, а также отдалъ въ управленіе ордена епископскіе доходы (temporalia) и вынужденъ былъ подписать такую сдачу. Пожегши и ограбивъ страну, орденъ разрушилъ многія церкви, похитилъ церковныя сокровища и совершилъ „тиранства, хуже язычниковъ“. А все это произошло по совѣту и наговору эзельскаго пробста Іоанна, который самъ хочетъ сдѣлаться епископомъ и управлять имъ совмѣстно съ орденскою братіею.

Затѣмъ магистръ, писалъ Конрадъ, насильно собралъ эзельскій капитулъ и держалъ его трое сутокъ, добиваясь отъ членовъ капитула отвѣта, будутъ-ли они стоять за епископа, или же пристанутъ къ ордену противъ епископа. Когда же члены капитула сказали, что ихъ дѣло совершать богослуженіе, а не пристават къ какой либо партіи для войны, то получили въ отвѣтъ, что всѣ сторонники епископа сочтутся врагами ордена и будутъ преслѣдуемы какъ лично, такъ и на ихъ имуществахъ. Члены капитула, вслѣдствіе этихъ и другихъ подобныхъ угрозъ, чтобъ спасти свою жизнь и имущество, вынуждены были подписать бумагу, содержащую тяжкія обвиненія противъ епископа. Когда же впослѣдствіи члены капитула, за исключеніемъ предателя пробста Іоанна, обратились по долгу своему къ епископу, то орденъ сжегъ ихъ дома, выгналъ ихъ изъ владѣній, ограбилъ ихъ имущества и составилъ конвентъ изъ орденской братіи. Переведя соборную церковь въ Гансаль, орденъ, научаемый и подкрѣпляемый во всемъ названнымъ эзельскимъ пробстомъ, причинилъ много зла.

Независимо жалобъ рижскаго капитула и эзельскаго епископа, до папы доходили жалобы и рижанъ. Городской прокураторъ докладывалъ, что большое стѣсненіе терпятъ бюргеры отъ ордена тѣмъ, что онъ запираетъ дороги, не пропускаетъ въ городъ съѣстныхъ припасовъ, отчего бюргеры принуждены добывать себѣ съѣстное изъ отдаленныхъ мѣстъ; орденская братія мѣшаетъ торговлѣ, и рыцари не стыдятся вести даже мелочный торгъ овощами и лукомъ.

Куронскій епископъ также жаловался папѣ (см. Urkundenbuch Бунге № 603), что, по приказанію гольдингенскаго командора, рыцари опустошили Нейгаузенскія имѣнія, снесли крестьянскіе амбары, увели лошадей и скотъ. Кромѣ того кощунствуютъ надъ святынею. Такъ

одинъ рыцарь, встрѣтивъ епископскаго разсыльнаго, несшаго въ Амботенъ въ оловянной бутылкѣ вино и облатки для совершенія евхаристіи, отнялъ у него бутылку, выпилъ вино, а облатки отдалъ своему слугѣ, говоря: „вотъ облатки епископа, растопчи ихъ ногами“, слуга и растопталъ, а покровъ съ чаши былъ подаренъ дѣвкѣ, чтобъ она сдѣлала себѣ изъ него головной уборъ.

Во всѣхъ этихъ обвиненіяхъ было, конечно, не мало преувеличеній, но много и правды. Орденъ, дѣйствительно, вопреки своему уставу, гонялся за стяжаніями, велъ торговлю, тѣснилъ рижанъ и дозволялъ себѣ всякія самоуправства и хищенія, доказывая, что само духовенство вынуждало его прибѣгать къ оружію. Такъ, оправдываясь на вышеизложенную жалобу Эзельскаго епископа, орденъ объяснялъ, что онъ согласно привиллегій, данныхъ ему папами и императоромъ, имѣетъ право защищать свои земли, замки и имѣнія и покорять отпадающія. Епископъ Эзельскій, соединившись съ рижанами и литовцами, присвоилъ себѣ треть Эзеля, принадлежавшую ордену, согнавъ съ острова орденскую братію и ограбивъ имущество ея. Когда же на Эзель прибылъ орденскій уполномоченный, чтобы привести къ повиновенію крестьянъ орденской части, епископъ и его вассалы заявили, что не отдадутъ ордену его трети и союза съ рижанами и литовцами не порвутъ. Что же оставалось дѣлать ордену, какъ не прибѣгнуть, къ оружію, чтобы возвратить свою треть острова, при чемъ, конечно, не мало было и перебито народу съ обѣихъ сторонъ, прибавлялъ орденскій защитникъ.

Однимъ словомъ, обѣ враждующія стороны, духовенство и орденъ будучи одинаково неправыми, старались всячески взводить другъ на друга обвиненія въ хищеніяхъ и захватахъ, ибо въ сущности были стоившими другъ друга хищниками, а вовсе не ревнителями католичества и католической церкви. Разсудить обѣ стороны было, однако, не легко, тѣмъ болѣе, что рижскій архіепископъ Іоаннъ III въ іюлѣ 1300 г. умеръ въ Римѣ и пришлось назначать ему преемника, который бы принялъ на себя управленіе рижскимъ архіепископствомъ, въ тѣ времена, при совершенной запутанности отношеній между духовенствомъ и орденомъ въ Ливоніи, составлявшее дѣло весьма трудное. Требовалось назначить человѣка сколько разумнаго, столько же искуснаго и способнаго потушить распрю, зашедшую черезъ-чуръ ужь далеко. Выборъ папы палъ на его капеллана, Изарна Таккони, того самаго, который былъ легатомъ въ Даніи и наложилъ интердиктъ на все датское королевство, не исключая и Эстоніи (см. выше стр. 152). Назначеніе его рижскимъ архіепископомъ послѣдовало 19-го декабря 1300 г. и за тѣмъ папа буллою отъ 18-го апрѣля 1301 года (см. Urkundenbuch Бунге III, регесты № 690, b) далъ такое рѣшеніе относительно владѣній обѣихъ сторонъ: ордену предписывалось всѣ

имѣнія, замки, укрѣпленія и деревни, кои по послѣднему договору съ покойнымъ архіепископомъ Іоанномъ Ш къ большому вреду Рижской церкви, остаются во владѣніи ордена, должны быть безъ всякаго промедленія и оговорокъ возвращены архіепископу Изарну или его уполномоченному; за пользованіе этими имѣніями и доходами съ нихъ орденъ долженъ сполна вознаградить Рижскую церковь. Бонифацій VIII, обѣщая ордену милость и благоволеніе апостольскаго престола за послушаніе, писалъ въ заключеніи: „Если же вы (т. е. орденцы) не исполните этого нашего приказа къ назначенному архіепископомъ сроку, то мы уже уполномочили епископа ревельскаго и деканов церквей Ревеля и Любека публично объявить васъ всѣхъ и каждаго порознь въ опалѣ (отлученіи отъ церкви), какъ только о томъ попроситъ архіепископъ".

Не трудно было предвидѣть, какое дѣйствіе на ливонскихъ рыцарей произведетъ эта булла Бонифація VШ и какое враждебное настроеніе противъ новаго архіепископа можетъ возникнуть во всѣхъ умахъ, потому великій магистръ Гоэнлоэ рѣшился лично побывать въ Ливоніи, чтобы по возможности уладить отношенія между орденомъ и духовенствомъ и не дать вновь разгорѣться враждѣ. Въ сопровожденіи 50 орденскихъ братьевъ, предназначенныхъ поступить въ распоряженіе тогдашняго ливонскаго магистра Готфрида Рогге, великій магистръ прибылъ въ Ливонію. Изарнъ Таккони также прибылъ въ Ригу и скоро оказался по отношенію къ враждующимъ сторонамъ очень ловкимъ и съ большимъ тактомъ человѣкомъ (amicabilis compositor et communis amicus, какъ о немъ отзывались современники).

Ему и великому магистру предстояло теперь примирить орденъ съ рижскимъ духовенствомъ, съ эзельскимъ епископомъ и городомъ Ригою и установить между враждующими сторонами такого рода отношенія и такой modus vivendi, чтобы миръ между ними не нарушался. Начали съ опредѣленія отношеній между орденомъ и духовенствомъ. Туть, конечно, на первомъ планѣ фигурировалъ вопросъ объ имѣніяхъ Рижской церкви, которыми овладѣлъ было орденъ и возвращеніе которыхъ требовалось вышеназванною буллою Бонифація VIII. О возвращеніи не спорили, но постановили, что никакого вознагражденія обѣ стороны требовать другъ съ друга не будутъ. Далѣе рѣшили Георгіевскую церковь въ Ригѣ предоставить по прежнему ордену, но орденской братіи дозволяется пребывать въ Ригѣ въ числѣ не болѣе 10 человѣкъ и они не должны владѣть въ городѣ ни башнями, ни никакимъ укрѣпленіемъ. Мостъ, изъ за котораго пошелъ споръ, остается на своемъ мѣстѣ, имѣя раздвижную часть для прохода судовъ; торговля обѣихъ сторонъ остается свободною и никакими пошлинами не облагается. Касательно орденскихъ имѣній, находившихся въ городской чертѣ, а также имѣній рижскихъ бюргеровъ въ Ливоніи и Куроніи,

отнятыхъ у владѣльцевъ, пусть рѣшитъ папа, но верховное властительство надъ Ригою должно оставаться за архіепископомъ.

Относительно улаженія спора между Эзельскимъ епископомъ и орденомъ, а также между орденомъ и Ригою предоставили рѣшить самому архіепископу, какъ третейскому судьѣ Онъ постановилъ, чтобы орденъ возвратилъ Эзельскому епископу его замки и имѣнія (Гапсаль, Леаль) и на Эзелѣ чтобъ не возводилъ никакихъ новыхъ укрѣпленій (см. UrkundenBuch Бунге № 693). Постановленіе это и было исполнено.

Касательно отношеній между Ригою и орденомъ архіепископъ постановилъ: орденъ обязанъ возвратить Ригѣ ея имѣнія и на свой счетъ построить стѣну между орденскимъ дворомъ и городомъ въ шесть локтей вышиною съ одними лишь воротами. Въ городѣ не могутъ проживать болѣе 20 орденскихъ братьевъ со столькими же служителями; орденскому капитулу дозволяется собираться въ Ригѣ только одинъ разъ въ году и притомъ въ числѣ не большемъ 50 орденской братіи. Въ городѣ и его округѣ орденъ не долженъ возводить никакихъ укрѣпленій. Мостъ на Двинѣ, построенный бюргерами, остается, какъ было, съ раздвижною частію, и орденскія суда имѣютъ проходъ безплатный; торговля между городомъ и орденомъ должна быть свободна отъ всякихъ таможенныхъ сборовъ. Относительно 1500 гаковъ земли въ Куроніи, 100 гаковъ земли на островѣ Эзелѣ, кои городъ требуетъ съ ордена, пусть рѣшитъ папа (см. UrkundenBuch Бунге II, регесты №№ 700 и 701).

Какъ ни выгодны были эти условія для Риги, но рижскіе бюргеры остались недовольны ими и апеллировали папѣ (см. UrkundenBuch Бунге II, регесты № 714). Орденъ за тѣмъ предложилъ городу купить рижскій орденскій замокъ (Георгенбургъ) за 1000 рижскихъ марокъ, но съ тѣмъ, чтобы рижскіе бюргеры въ теченіе годичнаго срока отказались отъ всякаго союза съ литовцами и не заключали съ ними никакого мира и перемирія.

Всѣ постановленія архіепископа Изарна относительно примиренія Риги съ орденомъ остались безъ дѣйствія и исполненія. Рижскіе бюргеры никакъ не хотѣли согласиться на предложенія архіепископа, такъ что миролюбивый Изарнъ, видя, что ему не удается привести къ соглашенію враговъ, рѣшился отказаться отъ своей должности. Съ точностію неизвѣстно, упорство-ли рижанъ къ соглашенію, или какія либо другія обстоятельства побудили Изарна къ отказу, но только онъ въ концѣ 1302 г., съ папскаго разрѣшенія, отказался отъ рижскаго архіепископства и свою должность передалъ архіепископу лундскому, Іоанну (Іенсу) Гранду, тому самому, который ссорился съ королемъ Эрихомъ Менведомъ (см. выше стр 125), по подозрѣнію въ соучастіи съ убійцами короля Эриха VI былъ посаженъ въ тюрьму и бѣжалъ

изъ нея. Пана съ своей стороны назначилъ Изарна легатомъ въ Данію и архіепископомъ Лундскимъ. Такимъ образомъ Іенсъ Грандъ и Изарнъ должны были помѣняться мѣстами, но Іенсъ Грандъ отказался принять на себя архіепископскую должность въ Ригѣ, и вмѣсто Риги уѣхалъ въ 1303 г. въ Римъ; Изарнъ же отправился въ Данію. Цѣлый годъ архіепископская каѳедра въ Ригѣ вслѣдствіе того оставалась незамѣщенною.

Между тѣмъ въ средѣ всего Тевтонскаго ордена совершилась важная перемѣна. На возвратномъ пути изъ Риги, великій магистръ Гоэнлоэ остановился въ орденской крѣпости Мемелѣ и созвалъ сюда орденскій капитулъ, вызвавъ къ участію въ немъ и своихъ провинціальныхъ магистровъ, прусскаго Гельвига Гольдбаха и ливонскаго Готфрида Рогге. Предъ собраніемъ рыцарей Гоэнлоэ высказалъ на сколько упала нравственность среди орденской братіи и указалъ на совершенную необходимость изыскать средства, которыя способны бы были ввести въ орденѣ строгій образъ жизни и законность и пресѣчь распутство. Достигнуть этого, говорилъ великій магистръ, можно усиленіемъ строгости орденскихъ законовъ, усиленіемъ штрафовъ. По всей вѣроятности, Гоэнлоэ заявилъ также капитулу о пользѣ и необходимости перенести главный орденскій домъ изъ Венеціи въ Пруссію. Рыцари съ крайнимъ неудовольствіемъ выслушали планы и предположенія своего великаго магистра и возстали противъ нихъ съ такою силою и рѣзкостію, что Гоэнлоэ призналъ за лучшее отказаться отъ своей должности, — что онъ тогда же и объявилъ собранію. Рыцари, въ виду важности дѣла, постановили созвать новое собраніе, генеральный капитулъ и вызвать къ участію въ немъ всѣхъ важнѣйшихъ орденскихъ сановниковъ. Собраніе назначили быть лѣтомъ 1303 г. въ Эльбингѣ. Къ назначенному сроку сюда съѣхались провинціальные магистры, прусскій, ливонскій и германскій, изъ Венеціи прибылъ тамошній великій командоръ, съѣхались прочіе командоры и фохты, знатнѣйшіе рыцари и прусскіе епископы. Гоэнлоэ также прибылъ въ Эльбингъ и предъ многочисленнымъ собраніемъ формально заявилъ, что отказывается отъ должности великаго магистра. Тогда приступили къ выбору, который и палъ на Зигфрида Фейхтвангенскаго, близкаго родственника а, быть можетъ, и брата бывшаго великаго магистра Конрада Фейхтвангена. Зигфридъ не хотѣлъ было принять должности, но, однакоже, принялъ и уѣхалъ въ главный орденскій домъ, въ Венецію. Рыцари германской провинціи, однакоже, недовольные выборомъ Зигфрида, начали сноситься съ Гоэнлоэ и побудили его снова принять титулъ великаго магистра и стать снова во главѣ ордена. Такимъ образомъ въ 1303 г. явились два великіе магистра, а это уже одно указывало сколь необходимы были реформы въ самомъ уставѣ и законахъ ордена. Важныхъ послѣдствій такое раздвоеніе не имѣло, но Гоэнлоэ все-таки носилъ титулъ великаго магистра до

своей смерти, послѣдовавшей въ 1309 г., когда наконецъ развязались руки Зигфрида для самостоятельныхъ дѣйствій.

Не менѣе серьезныя перемѣны и событія происходили въ Ватиканѣ въ то время, когда архіепископъ Изарнъ прибылъ въ Ригу и старался уладить отношенія между ливонскими властителями. Эти событія были на столько важны, что папѣ Бонифацію VIII было уже не до Ливоніи и не до ливонскихъ дѣлъ. Борьба между папою и французскимъ королемъ Филиппомъ VI Красивымъ, между духовною и свѣтскою властями, къ 1301 г. достигла крайностей. Король обвинялъ французскаго епископа Памье въ разныхъ преступленіяхъ и арестовалъ его. Папа въ декабрѣ 1301 года отправилъ во Францію буллу, въ которой утверждалъ, что папѣ принадлежитъ верховный судъ не только въ духовныхъ, но и въ свѣтскихъ дѣлахъ. Въ февралѣ 1302 г. буллу эту, по королевскому приказанію, сожгли въ Парижѣ. Папа созвалъ въ Римѣ соборъ и потомъ въ апрѣлѣ 1303 г. отлучилъ Филиппа IV отъ церкви, освободилъ его подданныхъ отъ присяги въ вѣрности и потребовалъ въ Римъ французскихъ епископовъ. Король, съ своей стороны, въ іюнѣ 1303 г. созвалъ въ Парижъ депутатовъ дворянства и городовъ, которые и постановили созвать немедленно соборъ для суда надъ Бонифаціемъ, какъ надъ беззаконнымъ папою. Король этимъ не удовольствовался: войдя въ сношеніе съ римскою фамиліею Колонна, онъ успѣлъ захватить папу въ городкѣ Ананьи, но жители этого городка освободили папу, который отправился въ Римъ, и здѣсь 11 октября 1303 году умеръ. Панскій престолъ занялъ доминиканецъ Бенедиктъ XI, который и приложилъ старанія наружною уступчивостію и податливостію примириться съ королемъ и отклонить предстоящій соборъ. Эта борьба съ королемъ Филиппомъ, плѣнъ, а потомъ смерть Бонифація и избраніе ему преемника отвлекали вниманіе римской куріи отъ ливонскихъ дѣлъ и составляли причину, почему архіепископская каѳедра въ Ригѣ была не занята въ теченіе цѣлаго года.

Только послѣ примиренія, хоть и наружнаго съ королемъ Филиппомъ, новый папа могъ заняться дѣлами сѣверныхъ католическихъ странъ и 21 марта 1304 г., по совѣту своего духовника, назначилъ рижскимъ архіепископомъ миноритскаго монаха *Фридриха Лобенштета*, чешскаго дворянина родомъ. Онъ отправился изъ Рима въ Ригу къ мѣсту своего назначенія, но предварительно побывалъ въ Венеціи у великаго магистра Зигфрида Фейхтвангенскаго, обѣщалъ ему уважать права ордена, при чемъ великій магистръ обязался защищать Рижскую церковь отъ враговъ ея. Съ подобающею торжественностію архіепископъ Фридрихъ былъ принятъ въ Ригѣ; городъ и вассалы Рижской церкви присягнули ему безъ всякихъ колебаній и онъ вступилъ во владѣніе замками и землями, принадлежавшими Рижской церкви, со всѣми доходами и нравами мирно и безъ всякихъ противодѣйствій

со стороны ордена (pacifice et quiete сказано въ одномъ изъ документовъ кенигсбергскаго тайнаго архива, ящикъ VI, № 1).

Миръ и спокойствіе продолжались, однако, лишь нѣсколько мѣсяцевъ, потому что въ сущности для прочнаго водворенія мира между ливонскими властителями ничего не было сдѣлано, да едва-ли могло быть что либо сдѣлано при полномъ отсутствіи единой власти и при стремленіи ордена освободиться отъ всякой зависимости отъ епископовъ. Ливонскіе властители, тѣмъ не менѣе, очень хорошо видѣли, что безъ достиженія какого либо единства дѣйствій имъ не сдобровать, что безъ общаго оборонительнаго союза имъ рано или поздно придется пасть подъ ударами враждебныхъ имъ сосѣдей, литовцевъ и Новгородской Руси. И вотъ за мѣсяцъ до назначенія Фридриха архіепископомъ рижскимъ, ливонскіе властители, орденскій магистръ, епископы дерптскій и эзельскій, и датскіе вассалы въ Эстоніи 25-го февраля 1304 года съѣхались въ Дерптѣ и заключили между собою оборонительный союзъ противъ всѣхъ враговъ католичества (см. Urkundenbuch Бунге и Гіерна, стр. 143). То былъ первый договоръ, первая попытка соединенія ливонскихъ властителей между собою для общности дѣйствій при оборонѣ и веденіи войны. Договаривавшіяся стороны пригласили рижанъ отказаться отъ связей съ язычниками и постановили, что споры между союзниками рѣшаетъ третейскій судъ, по шести членовъ отъ епископовъ дерптскаго и эзельскаго, ордена и датскихъ вассаловъ, споры же между орденомъ и Ригою рѣшаетъ третейскій судъ, состоящій изъ епископа дерптскаго, аббатовъ (игуменовъ) динаминдскаго и фалькенаускаго, изъ трехъ прелатовъ, избираемыхъ епископомъ и двѣнадцати человѣкъ датскихъ вассаловъ. Если судъ признаетъ Ригу правою, то епископъ дерптскій и датскіе вассалы остаются нейтральными, если же окажется правымъ орденъ, то прочіе союзники помогаютъ ордену. Войны съ русскими должны быть ведены общими силами. Договоръ этотъ остается лишь памятникомъ стремленій ливонскихъ властителей, ибо никакого практичнаго значенія не имѣлъ и имѣть не могъ, какъ то и обнаружилось не болѣе какъ чрезъ годъ послѣ его заключенія.

Зимою 1304 г., когда рѣки и болота замерзли, литовская партія пробралась чрезъ Семигалліо подъ Ригу и ударила на Динаминдскій цистерціенскій монастырь, основанный еще при епископѣ Альбертѣ (см. томъ I, 110). Внезапное нападеніе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: монастырь былъ ограбленъ до чиста и монахи умерщвлены. Очевидно, монастырь былъ плохо укрѣпленъ и вооруженъ. Орденъ тогда предложилъ Динаминдскому аббату продать монастырь. Тогдашній Динаминдскій аббать Либертъ и аббатъ Фалькенаускаго монастыря Дитмаръ согласились на орденское предложеніе. 26 мая 1305 года Динаминдскій монастырь былъ проданъ ордену со всѣми приписными землями за 400 марокъ, орденъ же взялся укрѣпить монастырь и

посадъ валами для обезпеченія монастыря отъ литовцевъ, вторженіе которыхъ можно было ожидать всякую зиму*). Сдѣлка съ орденомъ была совершена безъ вѣдома Риги и архіепископа и потому была далеко незаконною Еще въ 1263 г. тогдашній Динаминдскій аббатъ Вильгельмъ письменно обязался (письменное обязательство въ подлинникѣ хранится въ рижскомъ городскомъ архивѣ и напечатано въ Monumenta Liv. ant. IV, № 38) никому не продавать ни монастыря, ни земли, приписанной къ монастырю, безъ согласія города. Въ силу этого обязательства городъ возсталъ противъ сдѣлки и возсталъ вполнѣ резонно, такъ какъ Динаминдъ составлялъ гавань Риги и пристань для торговыхъ кораблей, слѣд. орденъ, владѣя Динаминдомъ, всегда могъ пресѣчь доступъ иноземнымъ кораблямъ въ Ригу и слѣд. всегда имѣлъ возможность вредить всей рижской торговлѣ. Не могъ равнодушно относиться къ сдѣлкѣ и архіепископъ Фридрихъ: Динаминдъ находился въ епископской части; приписанныя къ монастырю земли составляли архіепископскую территорію, передача его ордену умаляла архіепископскія владѣнія и наносила несомнѣнный вредъ Ригѣ, городу архіепископскому. Не безъ основаній архіепископъ Фридрихъ называлъ Динаминдскій монастырь и Динаминдскую гавань послѣднимъ утѣшеніемъ и послѣднимъ убѣжищемъ какъ для него самаго, такъ его церкви и его города Риги. Онъ употреблялъ всевозможныя средства, чтобы устранить орденъ отъ владѣнія Динаминдомъ, но, конечно, безъ всякаго успѣха, потому что орденъ купилъ монастырь именно для того, чтобъ держать и рижанъ и торговлю ихъ въ своей зависимости. Не уступая требованіямъ архіепископа относительно Динаминда, орденъ настаивалъ, какъ было положено на прошлогоднемъ дерптскомъ съѣздѣ, чтобы Рига отказалась отъ всякихъ связей съ литовцами, въ противномъ случаѣ орденъ вынужденъ будетъ поступить съ рижанами какъ съ язычниками и врагами церкви. Рижане не хотѣли отказываться отъ союза съ литовцами, и орденцы увѣряли, будто архіепископъ самъ совѣтовалъ рижанамъ не порывать съ литовцами. Въ любопытномъ документѣ, сохранившемся въ кенигсбергскомъ тайномъ архивѣ, ящикъ VI, № 1, содержащемъ въ себѣ объясненія орденскаго прокуратора противъ архіепископа и города Риги именно сказано, что архіепископъ Фридрихъ совѣтовалъ, ргесерit

*) Монахи Динаминдскаго монастыря были цистерціенскаго ордена, который и считалъ всѣ цистерціенскіе монастыри своею собственностію. Ливонскіе рыцари о своемъ предложеніи купить Динаминдскій монастырь и о согласіи на продажу со стороны аббатовъ Либерта (Либеріуса) и Дитмара довели до свѣдѣнія главнаго капитула цистерціенскаго ордена, который и утвердилъ сдѣлку. Рыцари вслѣдствіе этого заняли монастырь и немедленно же приступили къ работамъ по укрѣпленію его. Къ 25 іюля 1305 г. оборонительныя работы были кончены и орденская братія прочно сѣла въ монастырѣ, не боясь уже нападеній литовцевъ и не обращая никакого вниманія на рижанъ и архіепископа, для которыхъ, конечно, не все равно было въ чьихъ рукахъ находится Динаминдъ, въ рукахъ-ли цистерціенскихъ монаховъ безоружныхъ и ни мало не опасныхъ, или въ рукахъ ливонскихъ рыцарей, враждебныхъ и городу и архіепископу.

рижанамъ, дабы они держались съ литовцами и связей съ ними, confederationes factas не нарушали, aliquo modo violarent).

Распря снова загорѣлась и отношенія между архіепископомъ и орденомъ явились вновь въ томъ же самомъ видѣ, какъ были до прибытія въ Ригу архіепископа Изарна. Слѣдующее событіе обострило эти отношенія.

Вскорѣ послѣ нападенія на Динаминдскій монастырь, многочисленная партія литовцевъ (по призыву рижанъ, увѣряли орденцы, но это едва-ли справедливо), переправившись чрезъ Двину, начала жечь и грабить орденскія и земли дерптскаго епископа, забирая въ полонъ людей и захватывая въ добычу, что можно было тащить съ собою. Орденское войско начало преслѣдовать грабителей, стараясь отбить полонъ. Неизвѣстно по какой причинѣ, потому-ли, что обратная переправа чрезъ Двину была уже невозможна за наступленіемъ весенняго времени, или по какимъ либо другимъ обстоятельствамъ, но литовская партія съ захваченнымъ полономъ стала подъ Ригою, быть можетъ, въ надеждѣ получить съѣстные припасы отъ рижанъ, своихъ союзниковъ. Орденское войско также подошло къ Ригѣ съ цѣлію напасть здѣсь на грабителей, но для удачи нападенія было необходимо, чтобъ рижане не оказали никакого содѣйствія литовцамъ (орденцы были вполнѣ увѣрены, что рижане навели литовцевъ, доставляли имъ съѣстные припасы, указывали дороги имъ на орденскія и дерптскія земли: — cives Rigenses, сказано въ вышеназванномъ объясненіи орденскаго прокуратора, dictis Lytuinis infidelibus in adventu et in recessu victualia ministrarunt et vias eundi ad terras dictorum Episcopi et fratrum docerі fecerunt per suos nuntios). Другаго средства разъединить рижанъ съ литовцами не оказалось кромѣ подкупа: орденскіе сановники дали рижанамъ 700 марокъ и этими деньгами купили обѣщаніе рижанъ, что они помогать литовцамъ не будутъ и въ городъ къ себѣ не пустятъ. Заручившись такимъ обѣщаніемъ, рыцари начали бой съ литовцами, которые, видя, что имъ полону не увести домой, перебили плѣнныхъ всѣхъ до единаго. Бой кончился полною побѣдою ордена: литовцы были разбиты на голову, часть ихъ пала въ сраженіи, а другая часть, попавшая въ плѣнъ, была поголовно истреблена рыцарями (см. Urkundenbuch Бунге III, регесты № 707, а). Такимъ образомъ подъ Ригою погибли и всѣ христіане, захваченные въ плѣнъ, и вся литовская партія, ограбившая нынѣшніе рижскій и дерптскій уѣзды; награбленная добыча досталась рыцарямъ.

Тутъ архіепископъ, видя невозможность добиться мирнымъ путемъ отъ ордена обратной уступки Динаминда, рѣшился обратиться къ римской куріи съ жалобою на орденъ и въ сентябрѣ 1305 года отправилъ къ папѣ свою жалобу, лучше сказать, обширный обвинительный актъ противъ ливонскихъ рыцарей.

Было сейчасъ сказано, что преемникомъ Бонифація VIII былъ монахъ Бенедиктъ XI. Онъ старался примириться съ Филиппомъ IV, но скоро, однако, бросилъ политику примиренія, отлучилъ отъ церкви всѣхъ участниковъ въ плѣненіи и оскорбленіи Бонифація VIII, оставилъ въ силѣ знаменитую буллу своего предшественника, извѣстную подъ именемъ Unam Sanctam и подчинявшую свѣтскую власть духовной, и самъ удалился изъ Рима въ Перуджію, гдѣ заболѣлъ и въ іюнѣ 1304 г. умеръ такъ внезапно, что современники приписывали смерть его отравѣ. Одинадцать мѣсяцевъ папскій престолъ оставался вакантнымъ, такъ какъ кардиналы, собравшіеся на выборъ папы въ Перуджіи, никакъ не могли согласиться, кого избрать преемникомъ Бенедикту. Филиппъ IV предложилъ кардиналамъ избрать въ папы архіепископа Бордосскаго Бертрана, зная, что этотъ тщеславный и малодушный гасконецъ изъ за полученія папской тіары согласится на всякія уступки королю, человѣку въ сущности безчестному, жадному на богатства и деньги и, подобно папамъ, не разбиравшему средствъ для достиженія своихъ цѣлей. Кардиналы, не зная характера Бертрана, но зная, что онъ защищалъ Бонифація и былъ противникомъ французовъ, согласились на его выборъ въ папы тѣмъ болѣе, что горожане Перуджіи, соскучившись дожидаться выбора, сняли крышу съ церкви, въ которой засѣдали кардиналы, не давали имъ ѣсть и грозили перебить ихъ всѣхъ, если они не согласятся между собою въ выборѣ новаго папы. Бертранъ въ іюлѣ 1305 г. былъ провозглашенъ папою и вступилъ на папскій престолъ подъ именемъ Климента V, давъ клятвенное обѣщаніе королю Филиппу, что отмѣнитъ всѣ папскія постановленія противъ него, осудитъ покойнаго Бонифація VIII, предоставитъ Филиппу на пять лѣтъ десятины съ духовныхъ имѣній во Франціи и уничтожитъ орденъ храмовниковъ, на богатство которыхъ король Филиппъ давно уже зарился. Вотъ къ этому-то папѣ Клименту V и обратился рижскій архіепископъ Фридрихъ съ жалобою на ливонскихъ рыцарей.

Архіепископская жалоба (см. Urkundenbuch Бунге II, регесты № 710. Оригиналъ этого акта подъ датою: In civitate Rigensi XVIII Calend. Octobr. a. d. 1305 находится въ тайномъ кенигсбергскомъ архивѣ, ящикъ XLI, № 6) взводила на рыцарей тяжкія обвиненія. Орденъ, писалъ между прочимъ архіепископъ, хотя и подвластенъ архіепископу, но стремится выйдти изъ зависимости и всячески оскорбляетъ архіепископа. Орденскіе рыцари принуждали архіепископскихъ вассаловъ и рижскихъ бюргеровъ быть подсудными имъ. Нѣтъ никого въ Ливоніи, кого бы орденская братія не оскорбила. Рыцари самые ожесточенные враги Рижской церкви и вообще враги римской церкви, ибо вслѣдствіе ихъ постуиковъ христіанство въ рижской епархіи большею частію исчезло, вѣра и нравственность почти искоренены. Для новокрещенныхъ орденская братія не строитъ церквей, не ставитъ священниковъ, такъ что народъ остается въ своихъ заблужденіяхъ. Рыцари не дозволяютъ никакому монаху пребывать между новокрещенными; хватаютъ монаховъ-проповѣдниковъ и миноритовъ и воспрещаютъ имъ проповѣдывать слово Божіе язычникамъ и новообращеннымъ. Отлученныхъ отъ церкви орденскихъ братьевъ ставятъ на высшія должности безъ церковнаго разрѣшенія и не со-

блюдаютъ великаго поста. Принуждаютъ епископовъ назначать орденскихъ рыцарей управляющими церковными имѣніями, а тѣ раззоряютъ ихъ вдосталь. Присвоиваютъ себѣ право вмѣшиваться въ управленіе приходами и еще недавно въ Куронскомъ епископствѣ изгнали изъ прихода епископскихъ священниковъ и вмѣсто нихъ поставили каноникова своего ордена. Орденъ поднимаетъ оружіе противъ христіанъ и умерщвляетъ тѣхъ, кто противится ему. Такъ недавно, вопреки договора, заключеннаго съ Ригою, рыцари умертвили трехъ рижскихъ бюргеровъ и перебили многія тысячи народа на Эзелѣ при незаконномъ захватѣ этого острова. Рыцари продаютъ язычникамъ оружіе, желѣзо и другіе товары; съ язычниками находятся въ постоянныхъ связяхъ, продали язычникамъ замокъ Динабургъ за 3000 марокъ и предоставили язычникамъ епископскій замокъ Полоцкъ. Они овладѣли архіепископскимъ замкомъ Икскулемъ и захватили многія архіепископскія столовыя имѣнія и замки, такъ что вмѣсто одной части Ливоніи владѣютъ двумя частями ея, оставляя архіепископу одну треть, да и ту умаляютъ съ каждымъ днемъ. Кромѣ Икскуля, овладѣли они архіепископскими замками Митавою и Кирхгольмомъ, присвоили себѣ Лубанское озеро и землю Астигерве и вопреки обѣщанія, даннаго въ Венеціи, овладѣли архіеписконскимъ замкомъ и монастыремъ Динаминдомъ, чрезъ что архіепископа заперли въ городѣ. Между архіепископомъ и суфраганами, между епископами и ихъ капитулами сѣютъ раздоры, и когда нападутъ язычники и начнутъ грабежи, то орденская братія и не думаетъ противодѣйствовать такимъ нападеніямъ, забывъ цѣль, съ какою они вызваны въ эту землю, и забывъ свою обязанность защищать Рижскую церковь. Преслѣдуютъ они мечомъ всякаго, кто заступается за архіепископа при римскомъ дворѣ, такъ что архіепископъ лишь съ трудомъ находитъ человѣка, который бы доставилъ римскому двору свѣдѣнія о положеніи архіепископа и его церкви. Они убили одного такого человѣка, говоря ему: „папа тебѣ поможетъ“, они приняли языческіе обычаи: добиваютъ своихъ раненыхъ и тѣла не погребаютъ, а сжигаютъ. Въ заключеніе архіепископъ писалъ, что онъ неоднократно напоминалъ и усовѣщивалъ орденъ воздерживаться отъ подобныхъ беззаконій, но все было тщетно и дѣла наконецъ дошли до того, что вѣра, христіанство и нравственность совсѣмъ исчезнутъ въ Рижской церкви, если папа не приметъ мѣръ къ обузданію ор ена. Вслѣдствіе всего этого архіепископъ взываетъ о помощи и защитѣ и просить папу принять подъ свое покровительство его, архіепископа, Рижскую церковь, архіепископскіе города и архіеписконскихъ вассаловъ съ ихъ владѣніями.

Нѣкоторыя изъ этихъ обвиненій были справедливы. Такъ, напримѣръ, орденъ о духовномъ просвѣщеніи новозавоеванныхъ и новокрещенныхъ народцевъ дѣйствительно никогда не заботился, о церквахъ

и вѣрѣ совершенно не радѣлъ, но многія изъ обвиненій были сильно преувеличены, а иныя совершенно не справедливы.

По всей вѣроятности, папа Климентъ V потребовалъ отъ ордена объясненій на жалобу архіепископа. Орденскій прокураторъ, находившійся при римскомъ дворѣ, не замедлилъ представить таковыя (дошли до насъ не въ подлинникѣ, а въ видѣ проекта и безъ даты, но изъ упоминанія въ одномъ мѣстѣ объясненій о томъ, что помезанская епископская каѳедра не замѣщена по смерти епископа Христіана, заключаютъ, что объясненіе было писано въ первой половинѣ 1306 г., ибо епископъ Христіанъ умеръ 14 декабря 1305 г., а избраніе ему преемника послѣдовало въ первой половинѣ 1306 г., слѣд. и объясненіе было составлено около этого же времени. Объясненія эти помѣщены въ Urkundenbuch Бунге II, регесты № 714). Въ своихъ объясненіяхъ орденскій прокураторъ заявлялъ, что орденская братія вовсе не привлекаетъ къ своему суду духовныхъ или свѣтскихъ людей архіепископа; отъ духовной подсудности архіепископу орденъ не уклоняется, хотя орденъ болѣе уже ста лѣтъ освобожденъ отъ всякой юрисдикціи архіепископа и епископовъ (такое заявленіе, конечно, несправедливо, ибо никто и никогда не освобождалъ ордена отъ духовной власти въ чисто духовныхъ дѣлахъ). Рижская церковь владѣетъ въ своей епархіи двумя частями и пользуется доходами съ нихъ, точно также и церковь на Эзелѣ. Въ дерптскомъ же епископствѣ, по папскому распоряженію, епископу принадлежитъ половина епархіи, а другая половина ордену. Въ Куроніи дѣйствительно орденскіе священники занимаютъ мѣста священниковъ приходскихъ, но это произошло съ согласія архіепископа и его капитула и съ согласія куронскаго епископа и его капитула. Орденъ защищаетъ Куронскую церковь отъ вторженій сосѣднихъ язычниковъ и въ бояхъ съ ними потерялъ болѣе 200 рыцарей и болѣе 2000 ратниковъ. Проповѣди орденъ не препятствуетъ, а если Семигаллія и отпала отъ католичества, то это произошло не по винѣ ордена, и если 90 семействъ новокрещенныхъ при рѣкѣ Эвстѣ перешли къ язычникамъ, то потому, что архіепископскій капитулъ не построилъ крѣпости для защиты новокрещенныхъ. Икскульскій замокъ занятъ орденомъ потому, что архіепископскій вассалъ этого замка заложилъ его ордену за деньги, — и тотчасъ же получилъ замокъ обратно, когда выкупилъ его. Мигавскую и Динабургскую крѣпости орденъ строилъ на свой счетъ, а вовсе не архіепископъ. Динабургская крѣпость не была отдаваема язычникамъ, а ее язычники взяли штурмомъ, истребили весь гарнизонъ и крѣпость уничтожили. Никакого архіепископскаго замка въ Полоцкѣ не было (это совершенная правда, ибо нѣмцы впервые лишь въ 1406 г. получили въ Полоцкѣ мѣсто для постройки католической церкви), слѣд. орденъ и не могъ сдавать несуществующаго. Орденъ дѣйствительно поднялъ оружіе противъ Эзеля, но поднялъ потому, что Эзельскій епископъ и

многіе изъ его духовенства вошли въ союзъ и договоръ съ рижанами и литовцами противъ ордена. Впрочемъ Эзельскій епископъ уже вознагражденъ, согласно предложеніямъ архіепископа Изарна. Съ язычниками орденъ не торгуетъ, а торгуютъ, какъ всякому извѣстно, рижскіе бюргеры, которые и доставляютъ язычникамъ оружіе, желѣзо, всякіе товары и съѣстные припасы и не отстаютъ отъ союза съ язычниками до настоящаго времени. Рыцари своихъ раненыхъ не добиваютъ, тѣла не жгутъ, никакихъ обычаевъ и суевѣрій язычества не держатся.

Вообще орденскій прокураторъ опровергалъ архіепископскія обвиненія довольно удачно. Архіепископъ, видя, что бумагами и перепискою многого не достигнешь, рѣшился лично отправиться къ папѣ, чтобы хлопотать о возвращеніи Динамунда. Папа Климентъ V въ Римѣ и не появлялся. Не желая подвергаться опасностямъ, грозившимъ ему въ Италіи, онъ предпочелъ остаться въ южной Франціи, вызвалъ къ себѣ изъ Италіи кардиналовъ и нѣкоторое время разъѣзжалъ изъ города въ городъ. Въ то время, какъ архіепископъ выѣхалъ изъ Риги, папа находился въ Ліонѣ; сюда Фридрихъ и прибылъ. Архіепископъ могъ разсчитывать на успѣхъ своихъ ходатайствъ, потому что Климентъ V совсѣмъ не былъ такъ расположенъ поддерживать военно-монашескіе ордена, какъ поддерживали его предшественники, и начавшійся въ это время сколько громкій, столько же беззаконный и постыдный для короля Филиппа IV и папы Климента V процессъ противъ ордена храмовниковъ указывалъ, что тевтонскому ордену нечего было разсчитывать на расположеніе къ себѣ папы. Климентъ V утвердилъ, правда, права и преимущества тевтонскаго ордена, но его угодничество предъ королемъ Филиппомъ, легкомысліе, съ какимъ онъ, не разбирая дѣла, принималъ всѣ обвиненія противъ храмовниковъ, наконецъ возможность добиться у папы всего, удовлетворяя лишь его жадности къ деньгамъ и тщеславію, не обѣщали ничего добраго ордену.

Архіепископъ Рижскій былъ благосклонно принятъ папою, который и принялъ его сторону въ спорѣ съ орденомъ. Заключить это слѣдуетъ изъ того, что Фридрихъ изъ Ліона прислалъ къ дерптскому епископу Энгельберту грамоту (см. UrkundenbuchBунге II, регесты № 715), коею предлагалъ ему требовать отъ ордена исполненія всего того, что было установлено и приговорено архіепископомъ Изарномъ въ пользу архіепископа. Такая грамота могла состояться только при увѣренности въ поддержкѣ папою архіепископскихъ требованій. Грамота, однако, осталась безъ всякихъ послѣдствій, такъ какъ орденскіе сановники заявили, что не считаютъ себя подчиненными епископской юрисдикціи и не обязаны исполнять епископскія требованія Вслѣдствіе-ли этой архіепископской грамоты, или по какимъ другимъ соображеніямъ, но рижане заплатили ордену 800 марокъ за орденскій

домъ Юргенсгофъ, находившійся въ Ригѣ (сохранилась квитанція въ полученіи этой суммы отъ 6 іюля 1306 г.), но орденскаго дома они все-таки не получили: деньги орденъ взялъ, но Юргенсгофа не отдалъ подъ тѣмъ предлогомъ, что рижане не исполнили главнѣйшаго требованія ордена, не отказались отъ союза съ литовцами. Рижане дѣйствительно не отказывались отъ связей съ литовцами, да и невозможно было отказаться въ виду того, что орденъ занялъ Динаминдъ и слѣд. занялъ угрожающее положеніе и относительно Риги и ея торговли

Годы 1306, 1307 и 1308 прошли въ Ливоніи относительно спокойно*), но отношенія между орденомъ и архіепископомъ и Ригою оставались въ прежнемъ неопредѣленномъ положеніи, споръ оставался не рѣшеннымъ: Динаминдъ находился во власти ордена, который и не думалъ о какихъ либо уступкахъ архіепископу. Между тѣмъ папа съ 1308 г. избралъ окончательно своей столицею Авиньйонъ, принадлежавшій въ то время еще неаполитанскому королю, какъ графу Прованскому, и находившійся подъ верховною властью германскаго императора**). Процессъ храмовниковъ былъ во всемъ разгарѣ, а при папскомъ дворѣ архіепископъ Фридрихъ не переставалъ взводить обвиненія на весь уже тевтонскій орденъ, съ цѣлію если не уничтоженія его, на подобіе ордена храмовниковъ, то по крайней мѣрѣ изгнанія его изъ Пруссіи и Ливоніи.

Если храмовники были не чужды обвиненію въ равнодушіи къ борьбѣ съ невѣрными, то обвинять въ равнодушіи къ борьбѣ тевтонскій орденъ никакъ уже нельзя было, потому что война съ литовцами хоть и мелкая, но ожесточенная и губительная, не стихала ни на одинъ годъ времени въ принѣманскихъ земляхъ отъ Гродны до Куришгафа. Годы 1303—1308 прошли въ набѣгахъ прусскихъ рыцарей на литовцевъ и литовцевъ на земли прусскія. Важныхъ какихъ либо послѣдствій эти набѣги не имѣли, прусскіе рыцари не могли хвалиться какими либо особенными успѣхами надъ Жмудью или надъ литовскимъ княземъ Витеномъ, но за то имѣли важные успѣхи на западныхъ границахъ своихъ владѣній.

Польша въ XIII в. представляла собою картину усобицъ и неурядицъ всякаго рода, повлекшихъ за собою усиленіе вліянія нѣмцевъ на княжескія

---

*) Рюссовъ въ главѣ 22 своей лѣтописи пишетъ, что въ 1307 г. мѣсто ливонскаго магистра получилъ Конрадъ фонъ Іокке, который, собравъ большое войско и по прибытіи изъ Пруссіи вспомогательнаго подъ начальствомъ Кетельгода отряда, пошелъ въ Россію, осадилъ Псковъ, взялъ и разграбилъ его и привезъ съ собою непомѣрно огромную добычу, принудивъ русскихъ такимъ образомъ къ миру. Извѣстіе объ этомъ походѣ находится у Арндта II, 77, у Гіерна, 196 и повторено у Карамзина въ IV томѣ его „Исторіи“. Тѣмъ не менѣе извѣстіе объ осадѣ и взятіи Пскова въ 1307 году едва-ли достовѣрно. Первая псковская и первая Новгородская лѣтописи ни слова не упоминаютъ о войнѣ псковичей съ орденомъ въ 1307 г.; не упоминаетъ также и Вартбергъ. По Вартбергу, Гергардъ Іорке, былъ ливонскимъ магистромъ не въ 1307 г., а въ 1309 г. и война со Псковомъ происходила не въ 1307 г. а въ 1323 г. Сообщеніе Вартберга объ осадѣ Пскова уже вѣрнѣе потому, что подтверждается первою Псковскою лѣтописью. Мы будемъ слѣдовать Вартбергу и о войнѣ орденской братіи съ псковичами скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

**) Авиньйонъ, купленный римскимъ дворомъ въ 1348 г., оставался резиденціею папъ въ теченіи 70 лѣтъ, до 1377 г. Время это названо вавилонскимъ плѣненіемъ папъ, такъ какъ пребываніе папъ въ Авиньйонѣ продолжалось столько же лѣтъ, сколько плѣненіе израильтянъ при Навуходоносорѣ.

отношенія. Совершенно онѣмечепный силезскій князь Генрихъ, вассалъ императора, явился во главѣ Краковскаго княжества. По его смерти въ 1290 г. за Краковъ подняли вражду Пржемыславъ Великоиольскій и Владиславъ Локетекъ Мазовецкій. Краковцы послали къ Вячеславу Чешскому съ предложеніемъ ему короны. Вячеславъ принялъ предложеніе и послѣ долгой усобицы съ Пржемыславомъ и Локеткомъ утвердился наконецъ въ 1300 году въ Краковѣ. Прочіе польскіе князья вынуждены были подчиниться Вячеславу, какъ королю всей Польши, а самъ Вячеславъ былъ вассалъ императора германскаго. Этому Вячеславу подчинилась и Померанія. Воевода гданскій, Свенцо, и его сынъ Петръ оказали королю столь важныя услуги, что онъ не только оставилъ Свенцо воеводою, но и предоставилъ ему въ награду нѣсколько деревень и городъ Нейенбургъ съ землею миль на шесть по берегу Вислы. Орденъ поддерживалъ этого короля въ его борьбѣ съ польскими князьями и онъ въ награду за то подарилъ рыцарямъ разныя имѣнія въ Померапіи. Король Вячеславъ умеръ въ 1305 г., его сынъ, также Вячеславъ по имени, вступилъ на чешскій престолъ. Большая часть Польши пристала къ Владиславу Локетку, объявила его своимъ королемъ, но меньшая часть и Померанія осталась за Вячеславомъ, котораго орденъ также поддерживалъ, какъ поддерживалъ отца и за то получалъ въ Померапіи все новыя и новыя земли. Когда лѣтомъ 1305 года литовцы вторглись въ Польшу и осадили Калишъ, орденъ помогъ прогнать ихъ. Вячеславъ назначилъ главнымъ начальникомъ Померапіи Петра, сына воеводы гданскаго Свенцо, но тутъ заявили свои претензіи на владѣніе Померапіею маркграфы Бранденбургскіе. Король Вячеславъ, не желая войны съ маркграфомъ Бранденбургскимъ и сверхъ того теряя надежду удержаться въ Польшѣ противъ Локетка, согласился отдать маркграфу Померанію, лишь бы онъ отдалъ назадъ королю марграфство Мейсенское, заложенное еще отцомъ его. Интересамъ прусскаго ордена вовсе не соотвѣтствовало, чтобы Померанія переходила подъ власть маркграфа Бранденбургскаго, потому тогдашній прусскій провинціальный магистръ, Конрадъ Закъ, поспѣшилъ устроить перемиріе между Локеткомъ и Вячеславомъ Чешскимъ, съ тѣмъ чтобы во время перемирія обѣ враждующія стороны договорились о мирѣ. Воевода гданскій Свенцо и его сынъ Петръ, главный начальникъ Померапіи, не предвидѣли для себя ничего добраго въ будущемъ мирѣ: если восторжествуетъ Вячеславъ, то онъ отдастъ Померанію маркграфу Бранденбургскому; если восторжествуетъ Локетекъ, то не оставитъ ихъ на своихъ мѣстахъ, какъ приверженцевъ Вячеслава. Они рѣшились спасти во время что было можно и предложили ордену купить ихъ имѣнія въ Померапіи. Орденъ, конечно, воспользовался предложеніемъ и купилъ предлагаемое.

Въ августѣ 1306 г. Вячеславъ Чешскій былъ умерщвленъ. Такимъ образомъ Владиславъ Локетекъ освобождался отъ своего соперника по владѣнію всею Польшею, которая и признала его своимъ королемъ. Локетекъ поспѣшилъ въ Померанію, преклонилъ на свою сторону магнатовъ, которые присягнули ему, какъ своему князю, и явился властителемъ этой страны. Свенцо остался воеводою Гданска, но его сынъ лишился должности главнаго начальника и долженъ былъ сдать Локетку всѣ померанскіе города и крѣпости, которыми онъ завѣдывалъ. Локетекъ тотчасъ же передалъ эти города въ управленіе Пржемыславу и Казиміру Куявскимъ. Такая перемѣна соотвѣтствовала видамъ ордена, не желавшаго, чтобъ Померанія переходила къ маркграфу Бранденбургскому.

Въ то время какъ орденскія дѣла увѣнчивались успѣхами въ Номе-

раніи, дѣла съ литовцами принимали оборотъ неблагопріятный ордену. Получивъ свѣдѣніе, что литовскій князь Витенъ вторгся въ Польшу, магистръ Закъ думалъ воспользоваться этимъ обстоятельствамъ и овладѣть Гродною. Сюда было послано сильное войско, но оно, въ маѣ 1306 г., потерпѣло пораженіе и было съ уономъ отбито. Неудача требовала отмщенія, начались учащенные набѣги на литовцевъ, которые также не оставались въ долгу. Въ этихъ набѣгахъ и войнахъ на нѣманской сторонѣ прошли 1306 и 1307 годы, въ теченіи которыхъ на западной границѣ орденскихъ земель подготовлялись важныя событія для ордена.

Бывшій главный начальникъ Петръ, глубоко оскорбленный лишеніемъ своей должности, потребовалъ отъ Локетка возмѣщенія тѣхъ издержекъ, которыя онъ и его отецъ, воевода гданскій, понесли при защитѣ Помераніи отъ ея враговъ. Локетекъ оставилъ требованіе безъ послѣдствій. Тогда Петръ вошелъ въ тайныя сношенія съ маркграфами Бранденбургскими, предлагая имъ овладѣть Помераніею и обѣщая свое содѣйствіе къ тому. Локетекъ узналъ объ этихъ сношеніяхъ, поспѣшилъ въ Померанію, захватилъ воеводу гданскаго съ сыномъ, и отослалъ ихъ въ Краковъ. По ходатайству польскихъ магнатовъ, онъ ихъ скоро освободилъ, оставивъ у себя заложниками двухъ братьевъ Петра. Лѣтомъ 1308 г. заложники бѣжали изъ подъ стражи и вмѣстѣ съ Петромъ прибыли къ Бранденбургскимъ маркграфамъ, предлагая имъ снова свое содѣйствіе къ овладѣнію Помераніею. Маркграфъ собралъ значительно большое войско, вступилъ въ Померанію, овладѣлъ многими городами. Бранденбургское войско въ началѣ сентября 1308 г. стало наконецъ подъ Гданскомъ, городомъ, по своему положенію при впаденіи Вислы въ Балтійское море, имѣвшемъ важное торговое значеніе. Гданскіе жители, большею частію нѣмцы, добровольно отворили городскія ворота бранденбургскому войску, но городской кремль (бургъ), хорошо укрѣпленный и снабженный польскимъ гарнизономъ, не сдавался. Бранденбуржцы осадили кремль и конечно, овладѣли бы имъ, еслибы одному изъ начальниковъ польскаго гарнизона, Богуссѣ, не удалось проскользнуть чрезъ городъ и бѣжать къ Локетку, который и обѣщалъ немедленно прибыть съ помощію на освобожденіе Гданскаго кремля, какъ только соберетъ войско. Тогда Богусса предложилъ Локетку: не будетъ-ли лучше обратиться за помощью къ прусскому магистру, онъ отъ Гданска не далеко, военную силу всегда имѣетъ подъ рукою, и согласится помочь на легкихъ условіяхъ. Локетекъ согласился на такое предложеніе, не подозрѣвая, конечно, никакихъ дурныхъ послѣдствій, и Богусса отправился къ магистру, которымъ въ то время былъ Генрихъ, графъ Плоцкій (Закъ отказался отъ должности еще въ 1306 г.). Магистръ охотно согласился помочь, съ тѣмъ, что орденъ будетъ защищать Гданскій кремль, и будетъ содержать гарнизонъ въ немъ въ теченіи года, но половину издержекъ на содержаніе уплатитъ Локетекъ. Впредь до уплаты орденъ задержитъ Гданскъ за собою. Богусса согласился на это условіе. Тогда магистръ послалъ кульмскаго командора Гинтера Шварцбургскаго съ довольно сильнымъ отрядомъ войска подъ Гданскъ. Богусса собралъ также польскихъ и померанскихъ людей и съ ними также сталъ подъ Гданскомъ. Союзники вступили въ Гданскій кремль и командоръ Гинтеръ дѣйствовалъ съ такимъ успѣхомъ, что бранденбургское войско было вытѣснено изъ города, маркграфы Бранденбургскіе еще прежде ушли во свояси. Гданскъ былъ освобожденъ и горожане, виновные въ отдачѣ города маркграфамъ Бранденбургскимъ, были казнены. Богусса тогда потребовалъ, чтобы орденцы очистили Гданскій кремль. Командоръ, конечно, не согласился: по договору ему слѣдовало держать въ своей

власти кремль цѣлый годъ и за тѣмъ получить половину издержекъ. Слово за слово, Богусса поссорился съ командоромъ, и тотъ, долго не думая, захватилъ Богуссу, посадилъ его въ тюрьму съ другими польскими и померанскими дворянами и изгналъ польскій гарнизонъ изъ кремля. Магистръ Генрихъ Плоцкій, получивъ донесеніе о случившемся, самъ пошелъ въ Гданскъ, куда съ войскомъ и подошелъ 14 сентября 1308 г. Поляки изъ города и кремля сдѣлали вылазку на магистра, но потерпѣли пораженіе. Магистръ ворвался въ городъ, на улицахъ перебилъ не мало народа и овладѣлъ имъ. Такимъ образомъ весь Гданскъ, городъ и кремль, явился во власти ордена. Чтобъ обезпечить за собою владѣніе Гданскомъ, орденцы овладѣли крѣпостями Диршау и Швецемъ и сдѣлались такимъ образомъ властителями Помераніи. Польскіе князья не могли уже ничего подѣлать противъ магистра, не имѣли денегъ, чтобы заплатить ордену за освобожденіе Гданска и не имѣли достаточной силы, чтобы изгнать орденскую братію изъ занятыхъ ею померанскихъ городковъ и крѣпостей.

Пріобрѣтеніе Гданска послужило къ новому обвиненію ордена. Начали доводить до свѣдѣнія папы Климента V, что рыцари при взятіи Гданска истребили болѣе 10000 католиковъ (см. у Догеля V, № XXXVII папскую буллу, въ которой между прочимъ сказано: Novissime vero ad nostrum pervenit auditum, quod dilecti filii nobilis viri Vladislai Cracoviae et Sandomiriae Ducis terres hostiliter subintrantes, in civitate Gdansko ultra decem milia hominum gladio peremerunt). Это обвиненіе, въ связи со многими предшествовавшими, въ числѣ которыхъ было и то, будто рыцари добивали на полѣ сраженія своихъ раненыхъ товарищей и послѣ ихъ сжигали, было въ тѣ времена весьма серьезнымъ, потому что сожженіе труповъ вмѣсто погребенія ихъ считалось нротиворѣчащимъ ученію о воскресеніи мертвыхъ, слѣд. орденъ могъ быть обвиненъ въ ереси на подобіе того, какъ были объявлены злыми еретиками храмовники.

Долго папа выслушивалъ обвиненія на тевтонскій орденъ, приносимыя архіепископомъ Фридрихомъ, и оправданія орденскаго прокуратора, и наконецъ буллою, состоявшеюся въ Авиньйонѣ 19 іюня 1309 г. (см. у Догеля V, № XXXVII), поручилъ архіепископу Іоанну Бременскому и папскому капеллану магистру Альберту Миланскому, отправиться въ Ливонію и тамъ на мѣстѣ разслѣдовать все дѣло, выяснить преступленія ордена и объ оказавшемся донести папѣ. Тонъ, выраженія, и общій смыслъ буллы показывали, на сколько папа былъ настроенъ враждебно къ ордену; въ буллѣ этой приводятся факты, не подлежащіе будто бы сомнѣнію и спору въ то время, когда эти факты требовали еще доказательствъ, и въ заключеніи было сказано: „Мы должны вырвать изъ виноградника Господня тернія порока и плевелы грѣха, возросшія въ немъ. Уже до нашихъ иредшественниковъ, а нынѣ и до нашего апостольскаго престола доходили неоднократныя извѣстія, что тевтонскіе орденскіе рыцари, поставленные въ Пруссіи и Ливоніи служить мощною защитою церквей, духовенства и исповѣдниковъ вѣры отъ нападеній язычниковъ, сдѣлались къ тяжкому оскорбленію

Спасителя, къ позору всѣхъ вѣрующихъ и ко вреду вѣры, врагами дома и противниками семейства. Они, орденскіе рыцари, вмѣсто того, чтобы во имя Христа возстать на враговъ вѣры, возстали со всею хитростію и коварствомъ противъ Христа, грабятъ церкви и церковныя имущества, ведутъ войны съ христіанами, архіепископовъ и прелатовъ ввергаютъ въ гнусныя тюрьмы и т. д. Церковь Господня въ этихъ земляхъ не только не можетъ при подобныхъ злодѣяніяхъ и преступленіяхъ и заразѣ, свирѣпствующей среди ея, расширяться далѣе, но можетъ разрушиться и Христово имя можетъ въ тѣхъ странахъ совершенно исчезнуть, если не будутъ приняты скорыя спасительныя мѣры противъ того“.

Дѣло становилось не только серьезнымъ, но и опаснымъ, ибо тевтонскій орденъ объявлялся, подобно ордену храмовниковъ, врагомъ христіанства, слѣд. подлежалъ такому же суду, какой въ это время шелъ надъ храмовниками (судъ надъ храмовниками еще не былъ конченъ, а уже въ Парижѣ въ 1309 г. сожгли 54 храмовниковъ) Еще слѣдствіе не начиналось, а ужь папа принималъ вполнѣ доказанными тяжкія обвиненія противъ рыцарей и тѣмъ самымъ указывалъ цѣль, къ какой слѣдствіе должно было довести обвиняемыхъ: изгнаніе и костеръ. Орденскіе прокураторы, какъ ни опровергали показанія и обвиненія архіепископа Фридриха, но ничего не успѣли: папа прямо становился на сторону обвинителей. Не ливонской и не прусской провинціи угрожала опасность гибели, а всему ордену во всемъ его составѣ. Для своего спасенія и избавленія отъ костра орденской братіи надобно было рѣшиться на крайнія мѣры, чтобъ побороть своего врага, архіепископа Фридриха.

Въ первой половинѣ 1309 г., до изданія вышепомянутой буллы, умеръ Готфридъ Гоэнлоэ, отказавшійся было отъ должности великаго магистра, но потомъ снова принявшій этотъ титулъ и признаваемый великимъ магистромъ частію ордена, хотя и малою, но все же признаваемый Его смерть развязала руки великому магистру Зигфриду Фейхтвангену, имѣвшему свое пребываніе въ главномъ орденскомъ домѣ въ Венеціи. Теперь всѣ орденскія провинціи — сицилійская, германская, прусская и ливонская — признали Зигфрида своимъ магистромъ. Зигфридъ не могъ не видѣть, что его пребываніе въ Венеціи не соотвѣтствуетъ уже интересамъ ордена, что главный центръ дѣятельности ордена съ измѣнившимися обстоятельствами перемѣстился изъ Палестины на берега Вислы, что не мѣсто великому магистру пребывать внѣ этого центра, въ особенности теперь, когда и архіепископъ Фридрихъ и папа угрожали самому существованію прусской и ливонской провинціи, быть можетъ, цѣлому ордену. Перемѣнить мѣстопребываніе явилось необходимостію, а предлогъ къ таковой перемѣнѣ представился весною 1309 г.

Въ Феррарѣ издавна принцы дома Эсте враждовали между собою; одинъ изъ этихъ принцевъ продалъ Феррару ьенеціанцамъ, тогда феррарцы, чтобы избавиться отъ власти Венеціи, передались папѣ Венеціанцы не хотѣли уступить этотъ городъ папѣ, тогда Климентъ V предалъ Венецію 27 марта 1309 г. проклятію. Онъ наложилъ на венеціанцевъ интердиктъ, отлучилъ ихъ отъ церкви, объявилъ ихъ лишенными чести и нрава исполнять до четвертаго колѣна какую-бы то ни было духовную или свѣтскую должность и предоставилъ всякому желающему грабить имущества венеціанцевъ и брать ихъ самихъ въ рабство. Всему духовенству, свѣтскому и монашествующему, предписывалось въ теченіе 10 дней покинуть Венецію и прервать всякое общеніе съ венеціанцами. Оставаться въ преданномъ проклятію городѣ великому магистру, какъ члену военно-монашескаго ордена, было нельзя. Чтобы не раздражать папы, Зигфридъ рѣшился перенести главный домъ ордена изъ Венеціи въ Пруссію, гдѣ въ Марбургѣ, по видимому, былъ собранъ генеральный капитулъ, на которомъ Зигфридъ былъ признанъ великимъ магистромъ всѣми его противниками. Орденскіе сановники очень хорошо понимали всю важность и значеніе перенесенія главнаго дома въ Пруссію при тогдашнихъ обстоятельствахъ, потому никто не противился Зигфриду въ исполненіи его намѣренія, какъ прежде противились плану Гоэнлоэ перенести главный домъ въ Мемель.

Мѣстопребываніемъ великаго магистра былъ назначенъ великолѣпный орденскій замокъ Маріенбургъ; сюда въ сентябрѣ 1309 г. Зигфридъ торжественно и вступилъ съ высшими орденскими сановниками и со всею свитою. Съ этихъ поръ Маріенбургъ и сдѣлался главнымъ домомъ (domus principalis ordinis fratrum Teuton.) ордена, центромъ управленія всѣмъ орденомъ, столицею Пруссіи. Утвержденіе орденскаго господства въ Гданскѣ и въ пріобрѣтенныхъ разнаго рода сдѣлками земляхъ Помераніи, а также оправданіе предъ папою во взводимыхъ на орденъ обвиненіяхъ составляли важнѣйшія заботы Зигфрида по переселеніи въ Пруссіи. Благодаря слабости тогдашней Польши, не могшей постоять за себя, и отношеніямъ къ сосѣдямъ, ордену удалось забрать себѣ часть Помераніи, и благодаря ловкости Зигфрида, удалось отклонить и папскую грозу. Онъ преклонилъ на свою сторону тогдашнихъ прусскихъ епархіальныхъ епископовъ: Германа Кульмскаго, Эбергарда Эрмландскаго, Зигфрида Самландскаго и Людовика Помезанскаго и тѣ (кромѣ послѣдняго) 18 октября 1310 г. написали въ коллегію кардиналовъ при панскомъ дворѣ грамоту, въ коей свидѣтельствовали, что взводимыя на тевтонскій орденъ обвиненія и напрасны и неосновательны: орденская братія, какъ истые воины Христовы, усердно ведутъ борьбу съ язычниками, мудро управляютъ покоренными землями, никакихъ сношеній съ язычниками не имѣютъ, христіанской проповѣди не мѣшаютъ, живутъ по христіански. Ника-

кого оружія, ни желѣза, ни съѣстныхъ припасовъ не продаютъ язычникамъ, да и со здравымъ смысломъ не согласно, чтобъ они, ожесточенно воюя съ язычниками, давали язычникамъ средства истреблять орденскую братію. На погребеніе умершихъ орденскихъ братьевъ бываютъ приглашаемы они, епископы; похороны всегда совершаются по христіански, какъ то епископы сами видятъ и знаютъ; въ Гданскѣ были дѣйствительно казнены 15 злоумышленниковъ, но никакого напраснаго и безцѣльнаго избіенія католиковъ не было. Слухи, дошедшіе до папы, объ истребленіи въ Гданскѣ 10000 христіанъ, не имѣютъ никакого основанія. Независимо грамоты епископовъ, прелаты эльбинскаго провинціальнаго капитула подали кардиналамъ свое заявленіе, свою грамоту, въ коей буквально повторяя все сказанное епископами въ оправданіе ордена, въ заключеніе писали: „Колѣнопреклоненно принадаемъ къ стопамъ вашимъ, примите этотъ крѣпкій щитъ (т. е. орденъ) церкви и вѣры въ здѣшней землѣ (Пруссіи) подъ вашу милостивую защиту, помогите ордену противостоять его врагамъ, споспѣшествуйте ихъ дѣлу предъ папою совѣтомъ и помощію на сколько то возможно (обѣ оправдательныя грамоты, епископовъ и прелатовъ капитула, находятся въ кенигсбергскомъ архивѣ въ ящикѣ VI, № 1; XLIII, № 7). Эти защительныя грамоты возымѣли свое дѣйствіе: слѣдствіе было брошено, и назначенные папою слѣдователи, архіепископъ Іоаннъ Бременскій и капеланъ Альбертъ Миланскій, въ Пруссію на слѣдствіе даже и не пріѣзжали.

Прусскіе епископы и прелаты защитили прусскій орденъ, но они не касались дѣлъ ливонской отрасли ордена Ливонской орденской братіи предстояло оправдываться самимъ противъ обвиненій архіепископа Фридриха Рижскаго. Названнымъ слѣдователямъ приходилось ѣхать въ Ригу, но Климентъ V распорядился иначе: буллою отъ 23 ноября 1311 г. (см. UrkundenBuch Бунге II, регесты № 735) пана назначилъ коммисаромъ (нунціемъ) для производства дознанія о дѣйствіяхъ ливонскихъ рыцарей Лаонскаго соборнаго священника Франца Моліано, опредѣливъ сколько свѣтскія и духовныя лица должны платить на содержаніе его суточныхъ денегъ. Папскій коммисаръ прибылъ въ Ригу въ іюнѣ 1712 года и началъ слѣдствіе, которое продолжалось полгода времени до конца ноября 1312 г. Францъ Моліано собралъ за это время 230 свидѣтельскихъ показаній (хранятся въ оригиналѣ въ кенигсбергскомъ архивѣ, напечатаны въ UrkundenBuch Бунге II, регесты № 737; содержаніе этихъ свидѣтельскихъ показаній изложено у Догеля V, № XXVI). Всѣ свидѣтельскія показанія были противъ ордена, но между ними было много совершенно невѣрныхъ, нѣкоторыя касались событій, происходившихъ лѣтъ за 30 и 40 предъ тѣмъ, о которыхъ свидѣтели только слышали, а сами участниками не были. Такъ напр. въ показаніяхъ сказано, будто Полоцкое княжество было подарено Рижской церкви и будто орденская братія тяжко угнетала

жителей этого княжества, но на дѣлѣ этого никогда не бывало: Полоцкое княжество никогда не было подъ властію ордена, никогда и никто не дарилъ его Рижской церкви; сказано, что архіепископа Зуербеера орденъ держалъ въ тюрьмѣ, чего также никогда не было. Вообще показанія были собраны безъ всякаго разбора правды отъ совершенной неправды, такъ что основываться на нихъ, въ сущности, никакъ нельзя было. Коммиссаръ, однако, представилъ папѣ отчеть о слѣдствіи и вмѣстѣ съ тѣмъ предлагалъ ордену возвратить Динаминдскій монастырь. Ливонская орденская братія не слушалась приказа, Динаминда не возвращала, тогда папскій коммиссаръ во время производства слѣдствія наложилъ интердиктъ на великаго магистра и на весь орденъ, который тотчасъ же апеллировалъ папѣ, указывая, что Францъ Моліано никакого слѣдствія о Динаминдѣ не производилъ, назначилъ срокъ для сдачи такой короткій, что сдачи и нельзя было произвести. Великій магистръ поручилъ орденскому прокуратору (повѣренному въ дѣлахъ) при папскомъ дворѣ, Конраду Брюлю, ходатайствовать предъ папою о снятіи съ ордена интердикта. Папа принялъ во вниманіе резоны и ходатайства Брюля, и, какъ ни старался архіепископскій прокураторъ, магистръ Петръ Пипернъ, поддержать интердиктъ, снялъ таковой 11-го мая 1313 года, когда кардиналъ Колонна, которому было поручено разсмотрѣть дѣло, донесъ, что интердиктъ наложенъ неправильно. Между тѣмъ великій магистръ исходатайствовалъ у главнаго аббата цистерціенскаго ордена, Генриха Эйштерца, формальное утвержденіе покупки орденомъ Динаминдскаго монастыря подъ условіемъ папскаго утвержденія сдѣлки, чѣмъ уничтожилось обвиненіе ордена въ насильственномъ захватѣ Динаминда.

Интердиктъ за Динаминдъ былъ снятъ, но вслѣдъ за тѣмъ послѣдовалъ новый интердиктъ, наложенный на великаго магистра и весь орденъ за неуплату папскому коммисару назначенныхъ ему прогоновъ и суточныхъ денегъ. Орденъ заплатилъ все сполна, и тогда 2 октября 1313 года (см. Urkundenbuch Бунге II, регесты № 746) Моліано снялъ интердиктъ *). Теперь предстояло замять все дѣло, оставить безъ послѣдствій всѣ обвиненія и всѣ свидѣтельскія пока-

*) Вартбергъ въ своей лѣтописи разсказываетъ (см. Прib. Сб. II, 98), что въ 1313 г. нѣсколько морскихъ разбойниковъ ограбили на Эзелѣ приходъ Киликунде (на берегу Балтійскаго моря). На возвратномъ пути буря пригнала ихъ къ берегу у Дондангена. Тогда виндавскій командоръ, Эвергардъ Монгеймскій, напалъ на разбойниковъ, взялъ ихъ въ плѣнъ и по отсѣченіи ступней, перевѣшалъ на деревьяхъ за изувѣченныя ноги. Рижане чрезъ своего архіепископа пожаловались папѣ, который и приказалъ Эвергарду явиться къ папскому двору для объясненія. Когда онъ прибылъ и явился къ папѣ, архіепископъ сказалъ: „Святѣйшій отецъ, вотъ тотъ командоръ, который безъ всякой причины велѣлъ повѣсить за шею монхъ рижскихъ гражданъ“. Командоръ отвѣтилъ на это: „Дѣло было такъ, святѣйшій отецъ. Я поймалъ нѣсколько морскихъ разбойниковъ, ограбившихъ приходъ по имени Киликунде; я судилъ ихъ по праву той страны и, какъ они того заслужили, повѣсилъ за ноги на деревьяхъ!“ Тогда папа Климентъ сказалъ: „О, еслибы и у насъ здѣсь были такіе судьи!“ и наложилъ на архіепископа по этому дѣлу вѣчное молчаніе.

занія, которыя хотя и были сильно преувеличены, но все же были непріятны всему ордену. Для этого орденскій прокураторъ прибѣгнулъ къ самому дѣйствительному средству, къ подкупамъ, ибо ему лучше чѣмъ кому либо было извѣстно, что римская курія пасетъ овецъ не безъ шерсти съ нихъ (Curia Romana non pascit ovem sine lana). Въ Кенигсбергскомъ архивѣ (ящикъ XIX) сохранился счетъ деньгамъ и вещамъ, кои были поднесены римской куріи орденскимъ рижскимъ священникомъ Іоанномъ при посредствѣ орденскаго прокуратора Брюля. Изъ счетовъ оказывается, что папа получилъ 4000 золотыхъ гульденовъ, одинъ изъ кардиналовъ 100 золотыхъ дублоновъ, другіе кардиналы получили 487 золотыхъ гульденовъ и 25 золотыхъ дублоновъ. Все это подносилось въ видѣ подарка (ad presentam или pro presenta). Въ другой разъ были поднесены два вызолоченные кубка и одинъ серебряный бокалъ цѣною въ 90 золотыхъ гульденовъ; другіе кардиналы получили 417 золотыхъ дублоновъ. Такія поднесенія наличною золотою монетою показываютъ, что ливонская орденская братія располагала не малыми денежными средствами. Презенты подѣйствовали лучше всякихъ оправдательныхъ документовъ и объясненій Брюля и священника Іоанна: дѣло, поднятое архіепископомъ Фридрихомъ, замяли, бросили безъ всякихъ послѣдствій, чему много помогло и то обстоятельство, что 20 апрѣля 1314 г. папа Климентъ V умеръ, а коллегія кардиналовъ цѣлыхъ два года не могла согласиться между собою на выборъ новаго паны, пока наконецъ кардиналы были заманены въ Лионъ однимъ французскимъ принцемъ, гдѣ ихъ держали въ заперти и тѣмъ вынудили избрать папою Іакова Кагорскаго, француза родомъ, состоявшаго канцлеромъ при Неаполитанскомъ дворѣ. Алчный на деньги, но свѣдущій въ каноническомъ правѣ и богословіи Іаковъ Кагорскій вступилъ на папскій престолъ 7 августа 1316 года подъ именемъ Іоанна XXII.

Еще при жизни Климента V, когда Францъ Моліано кончилъ свое слѣдствіе и донесъ объ оказавшемся папѣ, прочіе ливонскіе властители, епископы Ревельскій и Эзельскій, эстонскіе вассалы и города Ревель и Дерптъ, быть можетъ въ силу постановленія дерптскаго съѣзда властителей, происходившаго въ 1304 г. (см. выше стр. 163), сдѣлали попытку примирить Ригу съ орденомъ. Въ 1313 г. они послали къ рижскимъ бюргерамъ и къ магистру Гергарду Іокке, смѣнившему въ 1309 г. Готфрида, посольство съ предложеніемъ (см. Urkundenbuch Бунге II, регесты № 744 и 745 отъ 15 мая 1313 г.), чтобы обѣ стороны уважали взаимно права и преимущества каждой, чтобы удовлетворили взаимные убытки по дешевой оцѣнкѣ, чтобы рижане отпустили домой литовцевъ, призванныхъ на защиту города, чтобы обѣ стороны присягнули въ сохраненіи между собою мира, подписали грамоту о мирѣ и дали бы заложниковъ. Буде какая сторона не захочетъ мира, то всѣ посредники дѣлаются врагами ея, миръ

же необходимъ, дабы христіанство не страдало отъ продожительнаго раздора.

Посредникамъ удалось кое-какъ примирить соперниковъ, и въ томъ же 1313 году орденская братія отстроила вновь Динабургскій замокъ, который, по показанію Вартберга (см. Приб. Сб. II, 98), рыцари сами разрушили, чтобы освободить рыцаря Іоанна Икскуля, взятаго въ плѣнъ литовцами въ Герсикскомъ замкѣ.

1314 и 1315 годы прошли относительно спокойно въ Ливоніи*). Спокойствіе быть можетъ продолжалось бы и долѣе, но оно было нарушено рижанами: 24 апрѣля 1316 г. они напали на Динаминдскій посадъ, перебили тамъ не мало народа и тѣмъ начали новый раздоръ съ орденомъ. Изъ за чего произошло нападеніе — неизвѣстно, быть можетъ, Динаминдскіе посадскіе при открывшемся судоходствѣ препятствовали проходу иноземныхъ кораблей въ Ригу. Въ это время выборъ папы еще не состоялся, не къ кому было и обратиться съ жалобами, но, когда въ августѣ 1316 г. Іоаннъ XXII вступилъ на папскій престолъ, архіепископъ Фридрихъ, постоянно находившійся при папскомъ дворѣ, началъ опять свои дѣйствія противъ прусскихъ и ливонскихъ рыцарей. Новый папа, по отношенію къ ордену, началъ съ того, что буллою отъ 21 января 1317 г. потребовалъ отъ великаго магистра той суммы, какая издавна была назначена къ уплатѣ римской церкви и которая давнымъ давно не уплачивалась (великимъ магистромъ въ это время былъ Карлъ Трирскій, избранный

---

*) Вартбергъ пишетъ (Приб. Сб. II. 98), что въ 1315 году во время магистерства Гергарда Іорке (Іокке) была дороговизна и голодъ въ Ливоніи, такъ что люди убивали съ голода своихъ дѣтей. вырывали изъ могилъ трупы умершихъ, снимали съ висѣлицъ повѣшенныхъ, варили и пожирали ихъ. Рюссовъ въ своей лѣтописи (Приб. Сб. II. 228), пишетъ, что въ 1315 г. была въ Ливоніи такая неслыханная и ужасная дороговизна на хлѣбъ и др. необходимые продукты, что многія сотни людей умерли съ голода, трупы которыхъ бросали въ большія крестьянскія ямы и хоронили; даже доходило до того, что нѣкоторые родители убивали своихъ дѣтей и ѣли ихъ, а нѣкоторые родители отъ недостатка въ хлѣбѣ запирали своихъ дѣтей въ жаркихъ баняхъ, чтобы дѣти задохлись. Въ то время случилось въ Эстоніи, въ деревнѣ, называвшейся Пуггетъ, что работникъ съ голода убилъ своего отца и хотѣлъ его съѣсть, при этомъ былъ схваченъ и подъ тяжкимъ наказаніемъ былъ замученъ до смерти. И если тогда случалось, что на висѣлицѣ вѣшали вора, то его бѣдные люди ночью снимали и съѣдали. Этотъ голодъ и эта дороговизна продолжались три года по той причинѣ, что хлѣба, рожь, горохъ и ячмень, всякій годъ вымерзали въ полѣ.

Въ 1-й Псковской лѣтописи (П. С. Р. Л. IV, 184) подъ 1314 г. читаемъ: „Изби мразъ всяко жито, и бысть дорогость люта, по пяти гривенъ зобница; и бяше притужно людямъ вельми, бяше же та дорогость много время".

Въ 1-й Новгородской лѣтописи (П. С. Р. Л. III, 71) подъ тѣмъ же годомъ отмѣчено: „Той же зимы хлѣбъ бяше дорогъ въ Новгородѣ, а въ Псковѣ начали грабить недобрые люди села и дворы въ городѣ, и клѣти на городѣ, и избиша ихъ псковичи съ 50 человѣкъ; и потомъ бысть тихо".

Годы 1313—1316 были чрезвычайно неурожайны почти во всей Европѣ. Въ Пруссіи, Польшѣ и Литвѣ въ эти годы свирѣпствовалъ голодъ. Въ 1313 г., къ довершенію бѣдствія въ Пруссіи, сельди, какъ пишетъ Дусбургъ въ гл. 308, удалились отъ береговъ Пруссіи и сельдяной уловъ (captura allecum) прекратился.

въ эту должность послѣ Зигфрида Фейхтвангенскаго, умершаго въ концѣ 1310 или въ началѣ 1311 года); за тѣмъ другою буллою отъ 21 декабря 1317 г. предписалъ немедленно же подъ угрозою интердикта порвать союзъ, какой въ 1316 году заключили между собою рижскій соборный капитулъ, ливонскій магистръ, орденскіе сановники и нѣкоторые вассалы Рижской церкви для защиты противъ литовцевъ и русскихъ, признавая заключеніе подобныхъ союзовъ, имѣющихъ характеръ заговора, дѣломъ противозаконнымъ и вреднымъ Рижской церкви и другимъ епископствамъ. Наконецъ Іоаннъ XXII рѣшился положить конецъ нескончаемой распрѣ ордена съ архіепископомъ Рижскимъ и съ этою цѣлію издалъ буллы отъ 23 февраля и 1 марта 1318 г. (см. Urkundenbuch Бунге II, регесты №№ 769—771), отправленныя къ великому магистру Карлу Трирскому, ливонскому магистру Іокке, командорамъ Динаминдскому, Феллинскому и Венденскому, къ Дерптскому декану Флорентію и др. сановникамъ, въ которыхъ между прочимъ указывалъ, что цвѣтущее нѣкогда состояніе церкви въ принадлежащей св. Петру Ливоніи значительно упало не столько отъ вражды язычниковъ, сколько отъ безбожія самихъ христіанъ (adversus quas plus dicitur desevisse christianorum impietas quam hostilitas paganorum); орденъ, обязанный поддерживать церковь, безчеловѣчно обходится съ духовенствомъ и новокрещенными, чѣмъ отвращаетъ другихъ язычниковъ отъ христіанства, а новокрещенные, оставленные безъ наставленія въ вѣрѣ, впадаютъ снова въ свои языческія заблужденія; орденъ грабитъ принадлежащіе церкви города и имущества и разгоняетъ пастырей. Хотя прежніе папы, въ особенности Бонифацій VIII и Климентъ V, заботились о споспѣшествованіи вѣрѣ и возстановленіи мира въ Ливоніи, но смерть и другія обстоятельства помѣшали осуществленію ихъ заботъ. Побуждаемый сильными жалобами и достовѣрными свидѣтельствами (frequentibus clamoribus validis et incultatis relationibus fidedignis sepius excitati) онъ, Іоаннъ XXII, все вниманіе обратитъ на улучшеніе отношеній въ Ливоніи и Пруссіи и вслѣдствіе того предписываетъ вассаламъ Рижскаго архіепископства (Розенъ, Икскуль, Тизенгаузенъ, Унгернъ, Паленъ) подробно донести римской куріи о положеніи дѣлъ, дабы спасительныя средства къ улучшеніямъ были основаны на такихъ донесеніяхъ. Ордену предписывается возвратить архіепископу Динаминдъ и всѣ другія его имѣнія; великій же магистръ и всѣ тѣ, къ коимъ была обращена и послана булла, обязуются чрезъ шесть мѣсяцевъ лично явиться къ папскому двору для совмѣстнаго обсужденія мѣръ по споспѣшествованію распространенія католичества въ Пруссіи и Ливоніи.

Къ назначенному времени въ Авиньйонъ прибылъ великій магистръ Карлъ Трирскій, одинъ изъ образованнѣйшихъ рыцарей во всемъ орденѣ. Онъ зналъ латинскій и англійскій языки, французскій языкъ былъ его роднымъ языкомъ (онъ былъ французъ родомъ, по прозванію

Беффартъ; прозваніе это по тогдашнему обычаю было замѣнено названіемъ города, гдѣ онъ родился), такъ что съ папою и кардиналами могъ говорить безъ иереводчиковъ; кромѣ того обладалъ ораторскимъ талантомъ, острымъ умомъ и хорошимъ знаніемъ отношеній и обстоятельствъ въ современныхъ ему свѣтскихъ и духовныхъ дѣлахъ государствъ Европы. Съ великимъ магистромъ прибыли орденскіе прусскіе сановники; прибылъ также ливонскій магистръ съ командорами феллинскимъ, венденскимъ и динаминдскимъ, и вообще прибыли всѣ тѣ лица, которыя призывались къ папскому двору вышеномянутыми буллами для объясненій по обвиненію ордена въ преступленіяхъ, взводимыхъ на него архіепископомъ Фридрихомъ. Судя по тону буллъ, которыми вызывались къ папскому суду магистры и сановники ордена, можно бы было полагать, что въ лицѣ Іоанна XXII орденъ встрѣтитъ отъявленнаго врага себѣ, что архіепископъ Фридрихъ восторжествуетъ надъ ливонскою орденскою братіею, но вышло совсѣмъ не такъ: папа явился отмѣнно благосклоннымъ къ ордену и всѣ обвиненія противъ ордена оставилъ безъ послѣдствій. Неизвѣстно, что повліяло на такую перемѣну мнѣній папы объ орденѣ: доказательства-ли и краснорѣчіе великаго магистра, политическія-ли соображенія, или же, быть можетъ, и тайно поднесенные презенты, но только папа не только утвердилъ всѣ права и преимущества ордена, всѣ его владѣнія, не только освободилъ орденъ отъ нѣкоторыхъ взносовъ въ папскую казну, но буллою отъ 12 іюля 1319 г. назначилъ архіепископовъ Зальцбургскаго, Кельнскаго, Магдебургскаго, Трирскаго и Майнцскаго, равно епископовъ Аугсбургскаго, Тридентскаго, Утрехтскаго, Страсбургскаго, Вюрцбургскаго и Мецскаго охранителями ордена, обязанными защищать орденъ отъ всякихъ угнетеній не только духовнымъ оружіемъ (отлученіями, интердиктами), но и съ помощію свѣтской власти. Другою буллою отъ 25 іюня 1319 г. (обѣ эти буллы см. въ UrkundenBuch Бунге II, регесты № 781—785) папа утвердилъ за орденомъ покупку и владѣніе Динаминдомъ, признавъ доводы архіепископа на право владѣнія этимъ монастыремъ неправильными и недостаточными.

Ливонскіе рыцари такимъ образомъ выигрывали свой процессъ съ архіепископомъ: всѣ обвиненіи противъ нихъ оставлялись безъ послѣдствій, и владѣніе Динаминдомъ утверждалось за ними, но выигрышъ этотъ регулировалъ-ли хоть какъ нибудь отношенія рыцарей къ Ригѣ и архіепископу, устранялъ-ли хоть на время причины раздоровъ и споровъ между ними? Ни мало. Окончательный переходъ Динаминда въ орденское владѣніе несомнѣнно стѣснялъ рижскую торговлю; орденъ, владѣя устьемъ Двины, владѣя всѣми окрестностями Риги, держалъ этотъ городъ въ совершенной зависимости отъ себя, ибо могъ во всякое время пресѣчь торговлю и не допустить никакихъ подвозовъ въ городъ, слѣд. могли-ли рижскіе бюргеры, считавшіе

своимъ верховнымъ властителемъ архіепископа, а вовсе не орденъ, порывать свои связи съ литовскими князьями, единственно способными силою сдержать орденъ въ его властолюбивыхъ стремленіяхъ къ захватамъ всякаго рода. Рига и не порывала съ Литвою, которая, ведя непрестанныя войны съ тевтонскимъ орденомъ въ принѣманскихъ мѣстахъ, не ослабѣвала, напротивъ усиливалась со дня на день новыми пріобрѣтеніями русскихъ земель.

Было уже выше разсказано, какимъ образомъ и когда Витенъ явился во главѣ литовскаго княжества. Всю свою жизнь онъ провелъ въ борьбѣ съ тевтонскимъ орденомъ, напиравшемъ на него со стороны Жмуди и Нѣмана, — и, конечно, погибъ бы въ этой борьбѣ, если бы не находилъ себѣ, какъ уже замѣчено выше, поддержки извнѣ, если бы русскія княжества, сосѣднія съ Литвою, не присоединялись постепенно, одно за другимъ, къ ней. Обстоятельства складывались такимъ образомъ, что русскимъ князьямъ, потомкамъ Равноапостольнаго Владиміра, владѣвшимъ кривскими землями, приходилось или подпадать власти татаръ, или приставать къ Литвѣ. Изъ двухъ золъ они выбирали меньшее и начали приставать къ Литвѣ, дѣлаться подручниками литовскаго князя, который въ свою очередь со своими боярами легко подчинялись русской гражданственности, русскому вліянію. Русскія княжескія дружины, своимъ вооруженіемъ и боевыми качествами ни чуть не уступавшія западно-европейскимъ крестоносцамъ, усиливали собою ратныя силы литовскаго князя и вмѣстѣ съ тѣмъ вносили самыя существенныя измѣненія въ характерѣ военнаго дѣла литовцевъ. Безпорядочныя, нестройныя разбойничьи ватаги литовскихъ дикарей смѣняются стройными полками, русскія княжескія дружины приносятъ съ собою и воинское искуство, искуство дѣйствовать стѣнобитными машинами, устраивать лагери, возводить укрѣпленія. Князь литовскій, усиленный русскими дружинами, уже не полагается на естественную защиту своей земли, на лѣса, болота, озера и рѣки, но на границахъ начинаетъ возводить укрѣпленія и вводитъ очередь гарнизонной службы въ нихъ „Было, говоритъ Дусбургъ, у литовцевъ въ обычаѣ, что король ихъ назначаетъ для содержанія стражи въ пограничныхъ укрѣпленіяхъ извѣстное количество ратниковъ, которые, иробывъ на стражѣ въ укрѣпленіи мѣсяцъ или болѣе, смѣняются другими“. Витенъ не ограничивается мелкими набѣгами, но имѣя въ своемъ расиоряженіи уже не дикія ватаги, а порядочное русско-литовское войско, предпринимаетъ отдаленные походы на поляковъ и крестоносцевъ и вторгается въ орденскія прусскія земли, — правда, не всегда съ успѣхомъ, но всегда отважно.

Такъ въ 1311 г., когда неурожай произвелъ сильный недостатокъ въ хлѣбѣ почти повсемѣстно въ Литвѣ и сѣверной Европѣ, Витенъ съ цѣлію добыть хлѣба вторгся о масляной въ Самію и Натангію. Съ необыкновенною быстротою литовцы проходили по деревнямъ и по-

селкамъ, забирая хлѣбъ и скотъ (людей въ плѣнъ брали мало). Девять сутокъ продолжался набѣгъ, и только когда литовцы предприняли возвращеніе домой, за ними погнался кенигсбергскій командоръ по направленію къ Гроднѣ, куда литовцы отступали. Командоръ настигъ литовцевъ, когда они уже перешли свою границу и считали себя безопасными, и разбилъ ихъ. Самъ Витенъ едва спасся, и вся добыча досталась въ руки командора.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ Витенъ собралъ новое войско (тысячи четыре отборной конницы) и вторгся въ Вармію. Опустошивъ здѣсь все встрѣчное, литовцы вступили въ Бартнію, и остановились на отдыхъ близь деревни Воплаукай или Войплочь (см. у Дусбурга, 303) около Растенбурга и окружили свой станъ палисадомъ. Великій командоръ Генрихъ Плоцкій (онъ былъ прусскимъ магистромъ, но съ перенесеніемъ въ 1309 г. главнаго орденскаго дома въ Маріенбургъ, былъ назначенъ великимъ командоромъ) на разсвѣтѣ 7 апрѣля 1311 г. наналъ на литовцевъ и нанесъ имъ сильное пораженіе. Витенъ былъ раненъ и съ трудомъ спасся. Добыча была отбита, литовцы были разсѣяны и въ руки орденцевъ попалось 2800 лошадей. За тѣмъ пошла обычная малая война. Въ 1313 г. великій магистръ Карлъ Трирскій, не упуская изъ вида плана покоренія Жмуди, заложилъ и отстроилъ на лѣвомъ берегу Нѣмана крѣпость Христомемель, и въ томъ же году предположилъ овладѣть литовскими крѣпостями по Нѣману, въ особенности Биссеною, но предпріятіе не имѣло успѣха: орденцы были отбиты съ урономъ. Въ слѣдующемъ 1314 г. Генрихъ Плоцкій напалъ на Новогородокъ, но былъ на голову разбитъ Давидомъ, княземъ и старостою Гродненскимъ (съ этого времени начинается громкая военная слава этого князя). Витенъ въ 1315 г. въ свою очередь сдѣлалъ 15 августа внезапное нападеніе на Рагнитъ и задумалъ было овладѣть новою орденскою крѣпостью Христомемелемъ, но не имѣлъ удачи. Онъ вынужденъ былъ отступить и, по видимому, на этомъ возвратномъ походѣ на 32 году своего княженія былъ убитъ молніею, какъ пишетъ литовскій лѣтописецъ Быховецъ.

Весь вѣкъ свой борясь съ орденомъ, онъ не допускалъ его утвердиться ни въ Жмуди, ни въ Аукстотѣ, и оставилъ послѣ себя значительно уже большее княженіе. Кривская Русь отъ Двины до Новогородка, княжество Туровское и Пинское и Черная Русь въ его время уже вошли въ составъ этого княженія. Вмѣстѣ съ Жмудью и княжествами Дойневскимъ, Нальщанскимъ и Завилейскимъ, русско-литовское княжество, во главѣ котораго стоялъ Витенъ, имѣло уже тысячъ пять квадратныхъ миль пространства.

Въ началѣ 1316 г. въ Керновѣ великимъ княземъ литовскимъ былъ провозглашенъ *Гедиминъ*, приходившійся Витену или сыномъ или братомъ (Быховецъ въ своей лѣтописи Гедимина называетъ сыномъ

Витена; въ грамотѣ же рижскаго магистрата, писанной къ Гедимину въ 1323 г., и помѣщенной въ Русско-Литовскихъ актахъ Нанерскаго подъ № 53, онъ названъ братомъ). Великій магистръ Карлъ Трирскій думалъ было воспользоваться неожиданною смертью Витена и возвести на литовскій престолъ претендента Пелюса (о немъ см. выше стр. 120); съ этою цѣлію онъ въ 1316 г. предпринялъ походъ на Литву, штурмомъ взялъ Ковну, отсюда вступилъ въ Жмудь, но рѣшительныхъ успѣховъ не имѣлъ. Въ слѣдующемъ 1317 г. прусская орденская братія сдѣлала, одинъ за однимъ, три похода на литовско-жмудскія земли, но и эти походы, подобно многимъ предшествовавшимъ, остались безъ всякихъ важныхъ послѣдствій. По обычаю, не оставались въ долгу и литовцы: въ 1319 г. Давидъ, князь Гродненскій, сдѣлалъ набѣгъ на орденскія земли, но также безъ всякихъ послѣдствій. Походъ, предпринятый въ 1320 г. орденскимъ маршаломъ Генрихомъ Плоцкимъ въ глубь Жмуди, былъ весьма неудаченъ: Гедиминъ разбилъ орденское войско подъ Жеймами и заставилъ его отступить къ ближайшей орденской крѣпости. Во время этого отступленія жмудины у озера Бержулы напали на отступавшихъ и истребили ихъ почти всѣхъ поголовно. Маршалъ Генрихъ Плоцкій, тридцать лѣтъ служившій ордену въ самыхъ важныхъ должностяхъ, былъ убитъ въ бою; фохтъ Самбійскій, Гергардъ Риденъ, попался въ плѣнъ и былъ сожженъ живой вмѣстѣ съ его конемъ. Жмудскіе отряды послѣ того вторглись въ орденскія земли, доходили до Рагнита и Тильзита, сжигая и истребляя встрѣчное. Во время этого набѣга были гдѣ-то захвачены претендентъ на литовскій престолъ Пелюсъ съ его сообщниками, Драйко и Свидрилло; всѣхъ ихъ Гедиминъ казнилъ смертію и тѣмъ избавился отъ претендента.

Безпрерывныя войны съ прусскими рыцарями ни мало не препятствовали дальнѣйшему формированію обширнаго русско-литовскаго княжества. Къ литовскому князю постепенно, одинъ за однимъ, продолжаютъ примыкать южно-русскіе и сѣверо-западные князья. Волынь и Кіевское княженіе или собственная Русь пристаютъ къ Литвѣ, входятъ въ составъ владѣній литовскаго князя. Войны съ рыцарями не мѣшали также Гедимину основывать города въ собственной Литвѣ. Около 1320—1321 г. имъ, по сказанію лѣтописцевъ, были основаны Троки близъ озера Гальве и Вильна на берегу рѣки Виліи т. е. Веліи (Великой), составляющей правый притокъ Нѣмана. Въ Вильнѣ Гедиминъ основываетъ свое главное мѣстопребываніе и здѣсь же водворяется криве-кривейто и главное литовское святилище, Ромове. Теперь уже ясно обозначаются два центра, около которыхъ начинаютъ собираться русскія земли, и два князя, готовившіеся быть государями обширныхъ владѣній. Однимъ изъ этихъ центровъ является Москва съ внукомъ Александра Невскаго, Іоанномъ Даниловичемъ Калитою, во главѣ; другимъ Вильна съ Гедиминомъ, еще язычникомъ, но уже

сознающимъ, что вся сила его, все значеніе заключается въ русскомъ народѣ, приставшемъ къ Литвѣ единственно изъ нежеланія быть данникомъ кочевника, татарскаго хана.

Пораженіе и гибель такого орденскаго сановника, какимъ былъ Генрихъ Плоцкій, вторженіе жмудиновъ и набѣги князя Давида — все это требовало отомщенія, но явное усиленіе Гедимина русскими дружинами указывало также, что для успѣшной борьбы съ литовскимъ княземъ требуется цѣлый крестовый походъ. Папа Іоаннъ XXII не замедлилъ предписать монашескому ордену доминиканцевъ въ Германіи проповѣдывать такой походъ въ Пруссію и Ливонію и, обѣщая крестоносцамъ прощеніе грѣховъ, обратился къ разнымъ германскимъ князьямъ съ увѣщаніями и напоминаніями, чтобы они возложили на себя крестъ и шли въ Пруссію на помощь тевтонскому ордену. Папскій призывъ не остался втунѣ.

Въ началѣ зимы 1322 г. собралось значительно большое ополченіе крестоносцевъ, которое подъ предводительствомъ многихъ знатныхъ германскихъ князей прибыло въ Пруссію и, соединившись съ орденскимъ войскомъ, предводимымъ прусскимъ провинціальнымъ магистромъ Фридрихомъ Вильденбергомъ, вступило въ Жмудь въ землю Вайкисъ и за тѣмъ прошло въ нынѣшній Россіенскій уѣздъ, предавая, по обычаю, истребленію все встрѣчное. Достигнутые результаты крестоноснаго ополченія были, однако, совершенно ничтожны: крестоносцамъ сдалась было литовская крѣпость Биссена (Бистенъ), но Гедиминъ немедленно же овладѣлъ ею снова и, не обращая вниманія на крестоносцевъ, вторгся въ началѣ 1323 г. въ Ливонію и страшно опустошилъ (смотри Дусбурга, 334) Дерптское епископство, избивъ и уведя въ полонъ болѣе 5000 народа. Ливонская орденская братія была вполнѣ увѣрена, что архіепископъ Фридрихъ съ рижанами навели Гедимина на Дерптское епископство. Правда-ли это или нѣтъ — неизвѣстно, но что архіепископъ въ это время находился въ сношеніяхъ съ Гедиминомъ, то въ этомъ нѣтъ и сомнѣній.

Въ началѣ 1323 г. новое крестоносное ополченіе, пришедшее изъ Чехіи и Рейнскихъ земель, появилось въ Пруссіи. Магистръ Вильденбергъ повелъ его въ Литву, но въ это время наступили такіе лютые морозы, что продолжать походъ оказалось дѣломъ невозможнымъ. Крестоносцы разошлись по домамъ и походъ кончился ничѣмъ, а между тѣмъ жмудины напали на Мемель, выжгли посадъ его, истребили корабли, стоявшіе въ бухтѣ, раззорили окрестности Велау, а другой отрядъ литовцевъ вторгся въ Добринскую землю и нещадно ограбилъ ее, избивъ и уведя въ полонъ нѣсколько тысячъ народа.

Въ это-то самое время, вдругъ разнеслась неожиданная вѣсть, что Гедиминъ желаетъ принять католичество. Вѣсть оказалась вѣрною:

въ началѣ 1323 г. Гедиминъ обратился къ папѣ Іоанну XXII съ слѣдующимъ письмомъ (сохранилось въ современной копіи на пергаментѣ въ тайномъ кенигсбергскомъ архивѣ въ ящикѣ XXVIII, № 1, и напечатано въ 6-мъ приложеніи къ IV тому Исторіи Пруссіи Фогта): „Превосходительному лицу, господину Іоанну, Римскаго престола первосвященнику, Гедиминъ, литовцевъ и многихъ русскихъ король и пр. Давно уже мы слышали, что всѣ послѣдователи христіанской вѣры должны подчиняться вашей отеческой власти и что сама вѣра католическая управляется подъ заботою римской церкви. Вслѣдствіе сего письмомъ этимъ заявляемъ вашему достопочтенству, что предшественникъ нашъ, король Миндовгъ, со всѣмъ своимъ королевствомъ обратился въ христіанскую вѣру, но чрезъ жестокія несправедливости и безчисленныя вѣроломства магистра и братьевъ Тевтонскаго дома всѣ отступились отъ вѣры, такъ что и мы, даже по сегодняшній день, остаемся въ заблужденіяхъ нашихъ предковъ. Много разъ наши предшественники посылали пословъ своихъ къ архіепископамъ Рижскимъ для заключенія мира, но послы были жестоко умерщвляемы. Такъ, когда при посредствѣ архіепископа Изарна состоялся миръ между литовцами и тевтонскою орденскою братіею, то орденская братія возвращавшихся архіепископскихъ пословъ въ дорогѣ однихъ убила, другихъ перевѣшала или утопила. Равнымъ образомъ, предшественникъ нашъ король Витенъ послалъ письма къ легату Франциску и архіепископу Фридриху, прося, чтобы къ нему прислали двухъ миноритовъ, для которыхъ онъ уже приготовилъ мѣсто и выстроилъ церковь. Узнавъ про то, прусскіе тевтонскіе братья послали войско разрушить и сжечь церковь. Они хватаютъ архіепископа, епископовъ и клериковъ, какъ схватили архіепископа Іоанна, который во времена папы Вонифація умеръ въ Римѣ, съ позоромъ изгнали изъ церкви архіепископа Фридриха. Клерика одного Бертольда въ собственномъ его домѣ умертвили въ Ригѣ. Превращаютъ земли въ пустыни, какъ то было въ Семигалліи и во многихъ другихъ, говоря, что это они дѣлаютъ для защиты христіанства. Святой и преподобный отецъ! Мы христіане не гонимъ и церковь католическую не разрушаемъ, отражаемъ лишь обиды наши, какъ то дѣлаютъ короли и князья христіанскіе, и это явствуетъ изъ того, что при насъ находятся братья ордена миноритовъ и братья ордена проповѣдниковъ (т. е. францисканцы и доминиканцы), коимъ предоставляемъ полную свободу крестить, проповѣдывать и совершать все священное (alia sacra). Мы пишемъ вамъ объ этомъ, преподобный отецъ, дабы вы знали, отчего наши предки умерли въ заблужденіяхъ невѣрія и нечестія. А теперь усердно просимъ васъ, святой и преподобный отецъ, обратить вниманіе на горькое положеніе наше: мы готовы повиноваться вамъ во всемъ, подобно всѣмъ прочимъ христіанскимъ государямъ, мы готовы принять вѣру католическую, если только при этомъ не будемъ

ни въ чемъ обязаны мучителямъ нашимъ (tortoribus), т. е. названному магистру и братьямъ".

Фогтъ полагаетъ, что это гедиминово письмо подложное, что оно выдумано и пущено въ обращеніе высшимъ духовенствомъ Риги. Профессоръ Васильевскій въ своей статьѣ „Обращеніе Гедимина въ католичество", помѣщенной въ Журналѣ Министерств. Народн. Просв. 1872 года, февраль, совершенно справедливо находитъ доказательства Фогта и др. о подложности письма крайне слабыми. Фогтъ, напримѣръ, подозрѣваетъ, что архіепископъ Фридрихъ въ 1323 году нарочно отправился къ папскому двору, чтобъ продолжать начатую интригу, но изъ другихъ документовъ оказывается, что архіепископъ Фридрихъ находился въ Авиньйонѣ уже въ 1322 г. и получилъ отъ папы отпускную грамоту только въ 1324 г. Фогтъ находитъ страннымъ тонъ гедиминова письма, рѣзко обвинительный къ ордену и почти хвалебный въ отношеніи къ архіепископу, но тутъ не слѣдуетъ забывать, что Гедиминъ былъ ожесточеннымъ врагомъ ордену и не порывалъ дружескихъ связей съ архіепископомъ и Ригою, начавшихся еще при Витенѣ.

Одновременно съ грамотою, отправленною къ панѣ, появилась 25 января 1323 г. другая Гедиминова грамота, обращенная ко всѣмъ христіанамъ и въ особенности къ жителямъ ганзейскихъ городовъ — Стральзунда, Магдебурга, Бремена, Любека и Кельна. Въ грамотѣ этой (см. Русско-Ливонскіе акты Наперскаго № 67) Гедиминъ, титулуя себя „Божіею милостію король литовскій и русскій, государь и князь Семигалліи", извѣщаетъ, что отправилъ гонца къ папѣ, ждетъ отвѣта и прибытія папскихъ легатовъ въ Бильну, гдѣ уже построены двѣ церкви, одна для доминиканцевъ, другая для миноритовъ. „Мы съ охотою готовы, писалъ Гедиминъ, принимать у себя епископовъ, священниковъ, монаховъ какого бы то ни было ордена, только бы жизнь ихъ была непорочна, не такая, какъ жизнь тѣхъ, которые строятъ монастыри, а потомъ насильно берутъ милостыню у добрыхъ людей и продаютъ ее. . . Мы открываемъ всѣмъ и каждому доступъ въ земли наши — воинамъ, оруженосцамъ, купцамъ, мастеровымъ и ремесленникамъ всякаго рода — всѣмъ готовы дать земли по достоинству каждаго. Тѣ, которые поселятся у насъ въ видѣ колонистовъ, могутъ пользоваться нашей землею въ иродолженіи десяти лѣтъ безъ всякой подати. Купцамъ мы открываемъ безпрепятственный входъ и выходъ въ нашихъ владѣніяхъ безъ всякихъ пошлинъ и повинностей. Всѣ вообще переселенцы будутъ пользоваться рижскимъ городовымъ правомъ, если не найдутъ болѣе выгоднымъ для себя пользоваться правомъ какого либо другаго города. Мы желаемъ съ настоящаго времени укрѣпить вѣчнымъ союзомъ миръ, братство и любовь со всѣми послѣдователями Христа. Чтобы все оставалось ненреложнымъ, мы дали въ свидѣтельство и подтвержденіе настоящей грамоты нашу печать". Въ концѣ грамоты присоединена просьба, чтобъ управленіе города, въ который прійдетъ грамота, распорядилось

списать ее и конію прибить въ церковнымъ дверямъ, а подлинникъ переслать въ сосѣдній городъ.

Наперскій, нашедшій эту грамоту въ копіи въ архивѣ Рижскаго магистрата и напечатавшій ее въ Русско-Ливонскихъ актахъ, считаетъ оную подложною. Профессоръ Васильевскій въ вышеназванной статьѣ своей не раздѣляетъ такого мнѣнія, указывая, что найденная копія писана почеркомъ XIV ст., что если въ копіи нѣтъ печати, то это объясняется послѣдними словами грамоты. Очень возможно, что подлинникъ былъ пересланъ въ ближайшій городъ, въ архивѣ котораго со временемъ и отыщется съ печатью или со слѣдами оной. Что это не былъ проектъ грамоты, составленный для Гедимина, свидѣтельствуетъ дата: datum in civitate nostra Vilna, matura deliberatione, anno MCCCXXIII in conversatione Sancti Pauli Apostoli. Самъ Гедининъ говорилъ послѣ, что дѣйствительно послалъ грамоты какъ папѣ, такъ и всему міру.

Само собою разумѣется, что интересамъ Тевтонскаго ордена рѣшительно не соотвѣтствовало намѣреніе Гедимина принять католичество, ибо, прими католичество всѣ пруссы и всѣ литовцы, существованіе ордена явится совершенно безцѣльнымъ какъ въ Пруссіи, такъ и въ Ливоніи. Для рыцарей не католичество составляло всю суть ихъ дѣятельности, а покореніе своей власти язычниковъ. Вотъ, почему они крайне неблагосклонно взглянули на попытку Гедимина къ сближенію съ католичествомъ и почему желали бы затормозить это сближеніе. Въ Русско-Ливонскихъ актахъ находимъ извѣстіе, что Гедининъ отправилъ письма къ папѣ чрезъ Ригу съ особымъ посломъ; рыцари гдѣ-то на дорогѣ захватили посла, заперли его въ тюрьму, отобрали у него Гедининову грамоту, сорвали съ нея печать, уничтожили бы и самую грамоту, какъ переполненную обличеніями орденскихъ беззаконій, но повидимому не посмѣли этого сдѣлать. Печать была сломана и брошена въ огонь и грамота Гедининова была доставлена въ Авиньонъ безъ печати все-таки посломъ Гедимина, который очевидно былъ выпущенъ изъ тюрьмы.

Гедининъ не былъ увѣренъ, дойдутъ-ли его грамоты по назначенію, потому въ маѣ того же 1323 года онъ обратился вновь къ папѣ, къ ганзейскимъ городамъ и къ монашескимъ орденамъ. Въ настоящее время извѣстны три грамоты Гедимина, сюда относящіяся: къ доминиканцамъ, къ францисканцамъ и къ городамъ Любеку, Ростоку, Стральзунду, Грейфсвальду, Штетину и острову Готланду (грамоты напечатаны въ Urkundenbuch Бунге II, регесты № №808—811). Содержаніе же втораго Гедининова посланія къ папѣ извѣстно только по отвѣтнымъ булламъ, помѣщеннымъ у Тургенева въ его „Monumenta antiqua“ и у Тейнера въ его „Veter. Monum. Poloniae et Lithuaniae“. Въ грамотахъ этихъ вновь обѣщается принятіе католичества и предоставляются разнаго рода права и преимущества переселенцамъ, которые прибыли бы въ Литву.. Грамоты были отправлены изъ Вильны въ Ригу и отсюда разосланы по назначенію (см. Вартберга, Приб. Сб. II, 99).

Въ Ливоніи въ это время орденскими дѣлами управлялъ вице-магистръ Конрадъ Кетельгодскій или Кессельгутскій. Онъ былъ присланъ въ Ливонію великимъ магистромъ Карломъ Трирскимъ, такъ такъ литовскій магистръ Гергардъ Іокке (Іорке) сложилъ съ себя званіе магистра въ 1322 г. и между литовскими рыцарями, какъ пишетъ Вартбергъ (см. Приб. Сб. II, 99), возникъ раздоръ по поводу выбора преемника Гергарду. Ливонскіе рыцари никакъ не могли согласиться кого выбрать, брата-ли Іоанна Гоэнгорста, или брата Іоанна Унгенаде, потому великій магистръ, чтобы положить конецъ раздору, и прислалъ Конрада вице-магистромъ. Въ то именно время въ Ригѣ въ 1323 г. и были получены Гедиминовы посланія. Рыцарямъ, какъ уже было замѣчено, не могли нравиться эти посланія, но тѣмъ болѣе они должны были нравиться рижскому духовенству (архіепископъ Фридрихъ находился въ Авиньйонѣ) и рижскимъ бюргерамъ, смотрѣвшимъ на литовцевъ какъ на своихъ союзниковъ и, конечно, радовавшимся возможности скрѣпить союзъ съ Литвою узами единовѣрія Но, однако же, въ виду заявленій Гедимина, обращенныхъ и къ ливонскимъ властителямъ, надобно было пользоваться обстоятельствами и выгодами, какія представлялись въ случаѣ принятія католичества литовцами. Вслѣдствіе этого духовные и свѣтскіе властители Ливоніи 6 августа 1323 г. собрались въ одномъ мѣстечкѣ (см. Русско-Ливонскіе акты № 58) для совѣщанія по поводу Гедиминовыхъ писемъ. Рѣшили отправить къ Гедимину мирное посольство, которое и было наряжено 8 сентября (между послами отъ рижскаго архіепископа и рижскаго капитула, города Риги, епископовъ дерптскаго и эзельскаго, города Дерита и дерптскихъ вассаловъ были и два депутата отъ ливонскаго ордена). Гедиминъ принялъ пословъ съ большимъ почетомъ, но когда они прочитали его письма и спросили, будетъ-ли онъ вѣренъ обѣщаніямъ, какія изложены въ его письмѣ, Гедиминъ отвѣчалъ (см. тотъ же № 58 въ Русско-Ливонскихъ актахъ Наперскаго) весьма уклончиво: „Какъ скоро придутъ ко мнѣ послы отъ папы, которыхъ я ожидаю каждый день, тогда все должно будетъ обнаружиться на самомъ дѣлѣ. Что я имѣю теперь на своемъ сердцѣ, то знаетъ Богъ и я самъ. Отъ моихъ прародителей я слыхалъ, что папа есть нашъ общій отецъ, ближайшій за нимъ архіепископъ, за тѣмъ другіе епископы. Каждому человѣку я позволяю жить въ моей землѣ по его обычаю и по его вѣрѣ . . . . Положите, однако, письма и будемъ говорить о мирѣ. Когда онъ будетъ заключенъ, тогда съ Божіею помощью все устроится во благо и къ чести Божіей“.

Повѣрили полномочія пословъ, начали договариваться о мирѣ и наконецъ 2 октября 1323 г. заключили мирный договоръ съ перечисленіемъ земель, на которыя долженъ былъ распространяться оный. Въ договорѣ этомъ (см. Urkundenbuch Бунге II, регесты № 815)

заключались нѣкоторые пункты касательно безопасности путниковъ по дорогамъ, а также касательно судебнаго разбирательства пограничныхъ недоразумѣній, возникающихъ между подданными договаривающихся сторонъ, касательно выдачи бѣглыхъ и пр. Договоръ этотъ перевели съ нѣмецкаго на латинскій языкъ и отправили къ папѣ Іоанну XXII съ усиленною просьбою утвердить оный безъ промедленія времени.

Какъ только въ Пруссіи узнали, что ливонскіе властители, т. е. епископы и орденъ, заключили мирный договоръ съ Гедиминомъ, какъ тотчасъ же прусскіе епископы, Эбергардъ Эрмландскій, Іоаннъ Самландскій и Рудольфъ Помезанскій (Николай Кульмскій не задолго передъ тѣмъ умеръ) съ пробстами своихъ церквей собрались въ Эльбингѣ и отсюда 24 октября 1323 г. послали увѣщательную грамоту къ ливонскимъ властителямъ (оригиналъ грамоты хранится въ тайномъ кенигсбергскомъ архивѣ, ящикъ XI, № 18), въ которой между прочимъ писали: „Великій соблазнъ будетъ въ стадѣ Христовомъ, неисправимый вредъ нашей землѣ, если вы не откажетесь отъ мира съ литовцами. Сіи дѣти сатаны замышляютъ ложь и обманъ. . . . Откормившись, какъ мышь въ мѣшкѣ, какъ змѣя за пазухой, они обратятъ въ ничто съ начала насъ и наши предѣлы, потомъ васъ и ваши провинціи. . . . Не можетъ быть мира у Христа съ Веліаломъ, не должно быть союза у воиновъ Господа съ родомъ грѣховнымъ и мерзкимъ, сынами злодѣянія. . . . Когда они говорятъ, они лгутъ, и когда лгутъ, отъ своихъ глаголятъ, поелику лживъ отецъ ихъ діаволъ, которому они слѣдуютъ“.

Противъ мира съ Гедиминомъ возстали и монахи-миноріты (францисканцы), проживавшіе въ Пруссіи. Ихъ главный начальникъ (custos) и ихъ гвардіаны въ Торнѣ, Кульмѣ, Браунсбергѣ и Нейенбургѣ, отправили къ папѣ 25 ноября 1323 г. посланіе (оригиналъ хранится въ тайномъ кенигсбергскомъ архивѣ, ящикъ XI, №№ 19 и 20), въ которомъ, защищая орденъ отъ взводимыхъ на него обвиненій, между прочимъ писали: „Намъ дѣло извѣстно полнѣе и лучше; Гедиминъ дѣйствительно разослалъ по разнымъ странамъ грамоты, въ которыхъ объявляетъ за себя, за своихъ и за все свое царство желаніе креститься, но, когда къ нему приходили изъ разныхъ мѣстъ торжественныя посольства, то не только увидѣли его лживость въ этомъ отношеніи, но даже услышали, какъ онъ богохульствовалъ противъ нашего Господа Бога! . . . . Пишетъ о желаніи креститься, а въ то же время посылаетъ своихъ драбантовъ на католическія земли (Добринъ), которые перебили восемь тысячь народа, церкви пожгли, увели въ полонъ множество народа и священниковъ въ томъ числѣ“ . . . .

Чрезъ нѣкоторое время, именно 17 января 1324 г. аббаты двухъ цистерціенскихъ монастырей, Оливскаго и Пеплинскаго, писали папѣ тоже самое, что писали миноріты, заклиная пану не вѣрить обвиненіямъ противъ ордена, не вѣрить и Гедимину.

Увѣщательныя грамоты прусскихъ епископовъ не остались безъ дѣйствія въ Ливоніи. Ливонскій вице-магистръ Кетельгодъ въ концѣ 1323 г. обратился къ Ригѣ съ приглашеніемъ отказаться отъ мира, заключеннаго съ Гедиминомъ. Въ началѣ 1324 г. епископъ Павелъ Куронскій писалъ епископу Эзельскому, что если послѣдній не отречется отъ мира, заключеннаго при его участіи, то на него надетъ весь вредъ, понесенный куронскою церковію отъ литовцевъ (см. Хронографію Боннеля, 137). Рижане и слышать не хотѣли порывать только что заключенный миръ, вполнѣ соотвѣтствовавшій ихъ интересамъ Тогда орденскіе сановники написали самому могущественному члену ганзейскаго союза, городу Любеку, расположеніемъ котораго рижане особенно дорожили, посланіе (см. Русско-Ливонскіе акты Наперскаго № 62), въ которомъ заявляли, что грамоты и печати Гедимина поддѣланы въ Ригѣ рижанами, что все дѣло о присоединеніи Гедимина къ католичеству подстроено рижскими купцами ради сквернаго ихъ прибытка отъ торговли съ русско-литовскими землями, что всѣ бѣдствія и кровопролитія, понесенныя христіанами въ земляхъ прусскихъ и польскихъ должны пасть на виновниковъ преступнаго мира съ Гедиминомъ. Рижане на это вполнѣ резонно отвѣчали (см. тотъ же № 62 Русско-Ливонскихъ актовъ), что въ посольствѣ для заключенія мира были и орденскіе депутаты, которые сами видѣли и слышали, какъ Гедиминъ призналъ грамоты и печати своими, что, заключая миръ, они, рижане, имѣли въ виду пользу христіанства, а не свою личную, что литовскіе походы подъ Дерптъ и на Добринскую землю происходили ранѣе заключенія мира, а не послѣ мира. „Для насъ, писали рижане, яснѣе свѣта, что рыцари хотятъ нарушить миръ единственно изъ за того, что у нихъ имѣются товары въ Динабургѣ и Митавѣ, которые они надѣются выгодно сбыть литовцамъ, когда прекратится наша торговля съ Литвою. Рыцари грозятъ намъ войною, мы по необходимости будемъ защищаться и беремъ Бога въ свидѣтели, что не на насъ падетъ отвѣтственность за то, къ чему мы будемъ вынуждены“.

Тевтонскій орденъ не хотѣлъ никакого мира съ Гедиминомъ и доказалъ это раннею весною 1324 г. Въ мартѣ прусскіе рыцари, вспомоществуемые крестоносцами, прибывшими къ нимъ въ видѣ гостей для сдѣланія военной прогулки, рейза (такъ въ то время начали называться набѣги на Литву), напали на удѣлъ своего ожесточеннаго врага князя Давида Гродненскаго, раззорили его имѣніе Давидишки, а въ маѣ внезапно подступили къ предмѣстью замка Гедиминова (suburbium castri Gedimini, пишетъ Дусбургъ въ свой лѣтописи, 342, 344, вѣроятно къ Виленскому посаду), выжгли его, и перебили всѣхъ, кто не успѣлъ бѣжать въ самый замокъ.

Послѣ такого нападенія о мирѣ Гедимина съ тевтонскими рыцарями не могло быть и рѣчи. Между тѣмъ при папскомъ дворѣ въ

Авиньонѣ архіепископъ Фридрихъ возобновилъ свои жалобы на орденъ, были получены посланія Гедимина, выставлявшія орденъ въ крайне неблагопріятномъ для него свѣтѣ, жаловались и польскіе епископы, что въ Помераніи рыцари ихъ обижаютъ, лишаютъ десятины, отбираютъ имѣнія, получена была и грамота русскихъ епископовъ, защищавшая орденъ. Разобраться въ этомъ хаосѣ противорѣчій, отличить правду отъ вымысла и преувеличеній было не такъ легко, но разобраться было необходимо, нужно было наконецъ рѣшиться на что либо по заявленію Гедимина о готовности принять католичество, заявленію важному еще и потому, что изъ за него мелькала надежда подчинить папству и православную церковь въ русскихъ областяхъ, приставшихъ къ Литвѣ. Осенью 1323 г. папа вызвалъ въ Авиньйонъ великаго магистра Карла Трирскаго, находившагося въ это время въ Трирѣ, который и прибылъ къ папскому двору съ нѣкоторыми учеными юристами и орденскими рыцарями. Папа принялъ Карла весьма дружественно, имѣлъ съ нимъ тайный разговоръ (см Фогта Исторію Пруссіи IV, 373, прим. 2) и за тѣмъ поручилъ собранію кардиналовъ обсудить жалобы рижскаго архіепископа на ливонскихъ рыцарей. Архіепископъ Фридрихъ повторилъ все, о чемъ онъ прежде доносилъ и жаловался папѣ: рыцари препятствуютъ проповѣдникамъ распространять католичество между язычниками, не оказываютъ проповѣдникамъ необходимой безопасности въ дорогѣ, когда они проходятъ по орденскимъ землямъ; обременяютъ новокрещенныхъ невыносимымъ игомъ рабства; отказываютъ въ постройкахъ церквей, грабятъ и раззоряютъ церкви, притѣсняютъ и убиваютъ священниковъ, заковываютъ ихъ въ кандалы, грозятъ имъ штрафами; препятствуютъ всякому, кто хочетъ отправиться къ панскому двору; раненыхъ въ въ бою своихъ братьевъ добиваютъ и потомъ тѣла ихъ сжигаютъ; посягаютъ на права Рижскаго архіепископа и его церкви, и на права прочихъ епископовъ; захватываютъ имѣнія рижскихъ бюргеровъ, занимаютъ берега Двины и рижскую гавань и тѣмъ уничтожаютъ всякую торговлю и промыселъ. На всѣ эти обвиненія отвѣчалъ самъ великій магистръ съ обычнымъ ему краснорѣчіемъ, не прибѣгая къ переводчикамъ, и доказывая, что обвиненія противъ ордена несправедливы и вымышлены (обширная защитительная рѣчь Карла находится у Луки Давида V, 212—215). Не смотря на все свое краснорѣчіе, Карлъ едва-ли убѣдилъ папу и кардиналовъ въ совершенной невиновности ордена, но Іоанну XXII въ тѣ времена никакъ не хотѣлось имѣть противъ себя орденъ, ибо именно въ это самое время борьба папы съ императоромъ Людовикомъ Баварскимъ достигла своей высшей степени.

Императоръ Генрихъ VII умеръ въ 1313 г. во время своего похода въ Италію. Въ сентябрѣ 1314 году происходили въ Франкфуртѣ выборы новаго императора и большинство избирателей явилось на сторонѣ Людовика

Баварскаго, который и поспѣшилъ короноваться въ Ахенѣ. Другіе претенденты не хотѣли уступить Людовику, вслѣдствіе чего въ Германіи возникла усобица, лѣтъ на 30 повергшая эту страну въ сущую анархію. Въ 1322 г. Людовикъ осилилъ своего главнѣйшаго противника Фридриха Австрійскаго, но тутъ изъ за италіанскихъ дѣлъ противъ Людовика возсталъ папа и потребовалъ объясненія, по какому праву онъ имянуетъ себя императоромъ, не имѣя на то папскаго разрѣшенія и утвержденія. Около этого же времени часть францисканскихъ монаховъ отдѣлилась отъ ордена, назвала себя миноритами, ввела у себя строгія правила и, проповѣдуя нищету и абсолютную бѣдность, возстала противъ доминиканцевъ и другихъ орденовъ, впавшихъ въ роскошь и распутства. Іоаннъ XXII принялъ сторону доминиканцевъ и объявилъ еретиками всѣхъ тѣхъ, кто утверждалъ, что Христосъ и апостолы находились въ состояніи безусловной бѣдности. Миноріты, имѣвшіе у себя замѣчательныхъ богослововъ, стали на сторонѣ императора и повели дѣла такимъ образомъ, что чуть вся Германія не отпала отъ папы. Императоръ на притязанія папы отвѣчалъ рѣзкимъ протестомъ, за что и былъ отлученъ отъ церкви. Людовикъ, не смущаясь отлученіемъ и подкрѣпляемый миноритами, началъ обличать папу во враждѣ къ миру, даже въ ереси. Императорскіе приверженцы, отрицавшіе свѣтскую власть папы, находили себѣ большое сочувствіе въ тогдашнемъ германскомъ обществѣ, и папѣ было очень хорошо извѣстно, что Людовикъ Баварскій имѣетъ на своей сторонѣ множество сторонниковъ, что даже тевтонскій орденъ стоитъ скорѣе за императора, чѣмъ за папу.

Іоаннъ XXII не хотѣлъ отталкивать отъ себя орденъ, дабы онъ не сталъ рѣшительно на сторонѣ императора, но не имѣлъ и достаточныхъ основаній безусловно оправдать орденъ отъ взводимыхъ на него обвиненій, потому и далъ такую резолюцію, изложенную въ буллѣ отъ 10 февраля 1324 г. (см. Urkundenbuch Бунге II, регесты № 825), которая хотя и не обвиняла орденъ, но и не оправдывала его. „Дошло до нашего слуха, писалъ папа, что рыцари ордена препятствуютъ миноритамъ и доминиканцамъ проповѣдывать евангеліе язычникамъ: если это будетъ продолжаться, то виновные тѣмъ самымъ подвергаются впредь отлученію отъ церкви. Дошло до нашего слуха, что рыцари тевтонскаго ордена безчеловѣчно обходятся съ новокрещенными, притѣсняютъ ихъ всячески и обращаютъ въ рабство, не позволяя духовенству строить для нихъ церкви и отправлять богослуженіе: если это будетъ продолжаться, то виновные тѣмъ самымъ подвергаются отлученію отъ церкви. До нашего слуха дошло, что магистръ, сановники и рыцари позволяютъ себѣ насильственные поступки противъ лицъ духовныхъ, захватываютъ ихъ въ плѣнъ, подвергаютъ темничному заключенію, убиваютъ, разрушаютъ ихъ церкви: такіе поступки на будущее время влекутъ за собою отлученіе отъ церкви и другія болѣе суровыя наказанія. Сверхъ того намъ были принесены еще другія жалобы. Рыцари не пропускаютъ чрезъ свои владѣнія пословъ, отправляемыхъ изъ ихъ земель и сопредѣльныхъ странъ къ римской куріи, и даже пословъ отъ самаго престола апостольскаго, отправляемыхъ въ ихъ страны. Наконецъ ихъ обвиняютъ въ томъ, что„

подражая язычникамъ, съ которыми они ведутъ войну, рыцари убиваютъ своихъ раненыхъ, прежде чѣмъ тѣ умрутъ сами, и тѣла мертвыхъ не предаютъ погребенію, а сжигаютъ на кострѣ; что они усвоили себѣ языческіе обычаи разныхъ гаданій о будущемъ: *) все это преступленія, подлежащія строгому церковному наказанію".

„Нельзя не замѣтить, говоритъ профессоръ Васильевскій въ цитированной выше статьѣ, странной уклончивости и разсчитанной, осторожной нерѣшительности въ этой буллѣ. Обвиненія, на сколько они касаются прошедшаго, прикрываются какимъ-то туманомъ: это слухи, дошедшіе до папскаго престола. Преступленія, взводимыя на орденъ, очень тяжки, но сами рыцари положительно отрицаютъ всякую виновность съ своей стороны. Тѣмъ не менѣе считается возможнымъ повтореніе и слуховъ и жалобъ, и самыхъ возмутительныхъ и преступныхъ дѣйствій, въ которыхъ давно обвиняли орденъ, и слѣдуютъ угрозы проклятіемъ, отлученіемъ отъ церкви. Видно, что какъ ни старались тевтонскіе братья сбыть со своихъ плечъ тяжелыя обвиненія, на нихъ взводимыя, сколько ни заставляли писать епископовъ и монаховъ, находившихся подъ ихъ рукой, они не могли похвалиться полнымъ успѣхомъ своихъ усилій. Папская булла писана тогда, когда безъ сомнѣнія уже успѣли дойти до Авиньйона прусскія бумаги, въ которыхъ такъ хорошо описывалась голубиная невинность ордена; но орденъ все-таки не былъ вполнѣ обѣленъ предъ очами римской куріи".

Обвинить прямо не хотѣлось изъ за политическихъ разсчетовъ, оправдать также нельзя было за дѣйствительною виновностію, потому и прибѣгли къ уклончивости. Угрожая проклятіями и отлученіями, папа тою же буллою предписывалъ ливонской орденской братіи возвратить Рижской церкви, епископамъ и канитуламъ все забранное орденомъ и впредь ни подъ какимъ видомъ не угнетать ихъ. Динаминдъ оставляется за орденомъ, но орденъ не долженъ препятствовать судоходству.

Таково было папское рѣшеніе распри между ливонскою орденскою братіею и Рижскимъ архіепископомъ. Теперь оставалось порѣшить съ Гедиминовыми посланіями, которыя ставили папу опять въ трудное

---

*) Орденская братія объявляла взводимое на нихъ обвиненіе въ томъ, что они сжигаютъ тѣла своихъ убитыхъ и усвоили себѣ языческіе обычаи разныхъ гаданій, клеветою. Но это не такъ. У Вартберга подъ 1375 г. (см. Прib. Сборн. II, 128) читаемъ: „Ландмаршалъ нашелъ тѣла убитыхъ обнаженными и ограбленными: они (т. е. рыцари) сожгли трупы и за тѣмъ пошли дальше". Значитъ обвиненіе въ преданіи тѣлъ сожженію было справедливо. Въ Рифмованной Хроникѣ въ разсказѣ о литовцѣ Ленгевинѣ (см. выше стр. 20) замѣчено: „Плечная кость (гаданіе по плечной кости) многихъ послѣ обманывала, но не обманула Ленгевина". Если обманывала многихъ, то, значитъ, многіе и прибѣгали къ гаданію по кости, слѣд. и тутъ обвиненіе не было злонамѣренною клеветою. По всей вѣроятности архіепископъ Фридрихъ, обвиняя орденъ, представлялъ и фактическія доказательства обвиненіямъ, но папы не давали ходу такимъ доказательствамъ, не желая, чтобы значительно богатый и могущественный орденъ становился въ ряды папскихъ враговъ.

положеніе: принять прямо подъ свое покровительство русско-литовскаго князя значило бы оскорбить орденъ, а это было не разсчетъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ, но съ другой стороны, отказаться отъ пріобрѣтенія католичеству цѣлаго народа, отъ надежды на подчиненіе папству православной церкви въ Кривской и Кіевской Руси, было уже совершенно невозможно. Папа медлилъ, откладывалъ дѣло, и только лѣтомъ 1324 г. рѣшился послать въ сѣверныя страны двухъ высшихъ духовныхъ лицъ въ качествѣ папскихъ нунціевъ. То были епископъ Варѳоломей Алетскій (въ Нарбонской провинціи) и Бернардъ, аббатъ монастыря св. Теофрида въ области Пюи на верхней Луарѣ. Имъ предписывалось отправиться въ Ригу вмѣстѣ съ архіепископомъ Фридрихомъ.

Между тѣмъ въ настроеніи Гедимина на счетъ католичества со времени отправленія посланій къ папѣ и городамъ послѣдовала рѣшительная перемѣна: онъ отдумалъ принимать католичество, если даже допускать, что искренно хотѣлъ принять его, если даже допускать, что состоявшіе при немъ въ качествѣ секретарей для перевода его грамотъ па латинскій языкъ, францисканскіе монахи Бертольдъ и Генрихъ, съ совершенною точностію и буквально написали въ разосланныхъ грамотахъ то, что имъ приказывалъ Гедиминъ. Посылая въ началѣ 1323 г. грамоты, онъ, конечно, разсчитывалъ, что тевтонскій орденъ прекратитъ войну съ литовцами, что пана настоитъ на прекращеніи войны. Ничего подобнаго на дѣлѣ не вышло: война и набѣги продолжались и тевтонскій орденъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергъ всякій миръ съ литовцами, ясно показывая тѣмъ, что конечною цѣлію этихъ войнъ и набѣговъ было не обращеніе язычниковъ въ католичество, а покореніе ихъ и обращеніе въ рабство. Отправивъ грамоты, Гедиминъ скоро убѣдился, что своимъ намѣреніемъ принять католичество онъ одинаково возстановляетъ противъ себя всѣхъ своихъ подданныхъ, и язычниковъ, и православныхъ. Мы уже видѣли, что жмудская старшина была недовольна Миндовгомъ за принятіе католичества (см. выше стр. 45), что жмудское посольство совѣтовало Миндовгу отречься отъ католичества (см. выше стр. 56). Жмудская старшина (бояре, князьки, potentiores de sameytis) осталась и теперь недовольна, когда прослышала, что Гедиминъ хочетъ пойти по слѣдамъ Миндовга и принять католичество. Она прямо заявила (см. Русско-Ливонскіе акты № 67), что если Гедиминъ приметъ католичество, то всѣ жмудины возстанутъ противъ него, лишатъ его престола, истребятъ весь его родъ, заключатъ даже союзъ противъ него съ орденскою братіею (вослѣдствіи достовѣрные свидѣтели утверждали, что рыцари отправили большіе подарки и красивые кафтаны (tunicas) жмудскимъ боярамъ, возбуждая ихъ къ возстанію противъ Гедимина, намѣревавшагося измѣнить своей вѣрѣ). Прусскіе рыцари писали, что къ Гедимину приходили изъ разныхъ мѣстъ торжественныя по-

сольства. Это они писали правду, потому что посольства несомнѣнно приходили изъ Жмуди. Но если жмудины-язычники были недовольны Гедиминомъ за его намѣреніе пристать къ латинству, то еще болѣе были недовольны православные русскіе князья, приставшіе къ Литвѣ. Православное населеніе составляло громадное большинство населенія всего русско-литовскаго княжества Гедиминова. Онъ самъ былъ въ родственныхъ связяхъ съ православными русскими князьями. Сынъ его, Ольгердъ, былъ женатъ на дочери Витебскаго князя, Маріи Ярославнѣ, и въ 1320 г. сдѣлался Витебскимъ княземъ по смерти своего тестя, не оставившаго послѣ себя мужскаго потомства. Другой сынъ Гедиминовъ, Любартъ, былъ женатъ на дочери послѣдняго Волынскаго князя, Льва Юрьевича, по смерти котораго въ 1325 г. Волынь досталась Любарту. Одну свою дочь, Айгусту, Гедиминъ выдалъ за сына московскаго князя Іоанна Калиты, Симеона Іоанновича Гордаго; другую, Марію за тверскаго князя Димитрія Михайловича. Самъ Гедиминъ, оставаясь язычникомъ, имѣлъ православныхъ женъ, Ольгу и Еву. Породнившагося съ православными русскими князьями Гедимина русскіе по справедливости уже не считали чужимъ себѣ человѣкомъ, врагомъ православія, напротивъ считали своимъ Мать городовъ русскихъ, Кіевъ, покорился Гедимину около 1321 г. и кіевское православное духовенство выходитъ ему на встрѣчу съ крестами и иконами. Не мало уже было и коренныхъ литовскихъ князьковъ, принявшихъ православіе, породнившихся съ русскими князьями, усвоившихъ себѣ и русскій языкъ, и русскую гражданственность. Русскіе и православные литовцы имѣли право считать Гедимина, женатаго на православной, почти своимъ единовѣрцемъ, а масса русскаго народа считала его, быть можетъ, и прямо православнымъ. Быть можетъ, приближенные къ Гедимину, православные князья и бояре, уже ждали, что онъ не замедлитъ принять православіе. Профессоръ Васильевскій совершенно справедливо замѣчаетъ въ своей вышецитированной статьѣ, что православные подданные Гедимина не имѣли никакого повода тревожиться ни за себя, ни за православіе, пока онъ не обнаруживалъ намѣренія принять католичество. Русскіе князья и бояре, подвластные Гедимину, зная, что такое католичество, могли ясно предвидѣть, что Гедиминъ — католикъ уже не будетъ говорить, какъ говорилъ доселѣ: позволяю каждому жить въ той вѣрѣ, въ какой онъ хочетъ. Совершенно понятно поэтому, что и русскіе подданные Гедимина съ такою же силою возстали противъ его намѣренія обратиться въ католичество и точно также не удержались отъ угрозъ, какъ и жмудскіе язычники. Similia verba minatoria babuerunt Rutheni contra eum (такія же угрожающія рѣчи говорили противъ него и русскіе), сказано въ Русско-Ливонскомъ актѣ № 67

Независимо угрозъ язычниковъ и православныхъ, Гедиминъ могъ понять, что, прими онъ католичество, противъ него возстанетъ могу-

щественный татарскій ханъ Узбекъ, кочевья подданныхъ котораго начинались тотчасъ за Днѣпромъ, недалеко отъ Кіева. Узбекъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ являлся какъ бы защитникомъ православія, и уже весною 1324 г. посылалъ подвластныхъ ему русскихъ князей воевать Литву, опасаясь, что Гединиъ, въ случаѣ принятія католичества, усилится союзомъ съ католиками во вредъ татарамъ.

Все это, взятое вмѣстѣ, могло подѣйствовать и дѣйствительно подѣйствовало на совершенное измѣненіе мыслей и намѣреній Гедимина на счетъ принятія католичества. При такихъ-то измѣнившихся взглядахъ и намѣреніяхъ Гедимина, епископъ Варѳоломей и аббатъ Бернардъ получили назначеніе ѣхать въ Ригу и Вильну. При отъѣздѣ изъ Авиньйона они получили цѣлый рядъ папскихъ буллъ, предоставлявшихъ имъ обширныя полномочія и авторитетъ власти апостольскаго престола (см. Тургенева Monumenta I, №№ 105—108; Тейнера Veterа Monumenta I, №№ 290—297). Всякій, кто будетъ противодѣйствовать посламъ, подвергается отлученію отъ церкви; послы требуютъ къ отвѣту всякаго, кто будетъ дѣлать имъ непріятности; начальствующія лица изъ орденовъ доминиканскаго и францисканскаго обязаны давать посламъ переводчиковъ съ языковъ литовскаго и русскаго; послы должны имѣть въ виду присоединеніе къ католичеству „схизматиковъ“, т. е. православныхъ; всѣ духовныя и свѣтскія лица въ земляхъ, гдѣ будутъ проходить послы, обязаны давать имъ суточное содержаніе: епископу по 8, аббату по 5 флориновъ въ день. Вмѣстѣ съ тѣмъ послы получили папскія грамоты къ Гедимину и къ магистру ливонскаго ордена для врученія ихъ по принадлежности. Въ грамотѣ къ Гедимину папа писалъ, между прочимъ: „Мы отправили къ тебѣ наставниковъ вѣры, чтобы ты и народъ твой изъ ихъ спасительныхъ ноученій познали сына Божія и удостоились очиститься въ таинствѣ крещенія, такъ какъ вы, быть можетъ, еще не возрождены онымъ“.

Къ магистру ливонскаго ордена (магистромъ въ это время былъ братъ Реймаръ Гане, вице-магистръ же Кетельгодъ возвратился въ Пруссію къ великому магистру, по всей вѣроятности, въ началѣ 1324 г.) папа писалъ, чтобы орденская братія не обижала и не притѣсняла Гедимина, когда онъ приметъ католичество; спорные же пункты ордена съ Гединиомъ папа разберетъ самъ (см. Urkundenbuch Бунге II, регесты 828—830).

Послы еще не уѣзжали изъ Авиньйона, какъ туда прибыли послы отъ города Риги съ просьбою, чтобы папа утвердилъ мирный договоръ, заключенный 2 октября 1323 г. въ Вильнѣ съ Гединиомъ (см. выше стр. 189). Папа утвердилъ этотъ договоръ, обязывая ливонскихъ рыцарей соблюдать оный во имя уваженія къ апостольскому престолу и данной клятвѣ и поручая епископу Эзельскому,

дабы онъ съ двумя членами своего капитула слѣдилъ за орденскою братіею, соблюдаетъ-ли она договоръ и несоблюдающихъ предавалъ церковнымъ наказаніямъ, какія найдетъ полезнымъ употребить, при чемъ никакія апелляціи или ссылки на привиллегіи, данныя ордену, приняты во вниманіе не будутъ.

Папскіе послы вмѣстѣ съ архіепископомъ Фридрихомъ прибыли въ Ригу 22 сентября 1324 г. и прежде всего обнародовали документъ (processus), коимъ предписывалось сохранять миръ съ Гедиминомъ по крайней мѣрѣ въ теченіи четырехъ лѣтъ. Со стороны архіепископа послѣдовали усовѣщиванія и угрозы ордену, если онъ окажется виновнымъ въ нарушеніи мира. Не довольствуясь этимъ, послы заранѣе изрекли проклятіе ливонскому магистру и орденской братіи, если они осмѣлятся нарушить договоръ 2 октября 1323 г., при чемъ рѣшительно объявили, что договоръ этотъ одинаково обязателенъ какъ для Ливоніи, такъ и для Пруссіи, что прусскіе рыцари обязаны соблюдать оный, доколѣ это будетъ угодно папскому престолу (см. UrkundenBuch Бунге II, № 708).

Папскимъ посламъ теперь оставалось ѣхать въ Вильну для личнаго свиданія и переговоровъ съ Гедиминомъ, но они предпочли предварительно послать къ Гедимину свое посольство узнать, остается-ли онъ вѣренъ своимъ намѣреніямъ, которыя въ прошломъ году заявлялъ папѣ и всѣмъ католикамъ*). Посольство это прибыло въ Вильну 3 ноября 1324 г., привезя съ собою грамоты отъ папскихъ легатовъ, отъ архіепископа Фридриха, епископовъ Эзельскаго и Дерптскаго и рижскихъ бюргеровъ (магистрата). Гедиминъ тотчасъ-же позвалъ пословъ къ себѣ, благосклонно принялъ отъ нихъ грамоты, но за позднимъ временемъ дня отложилъ заниматься дѣлами, отпустивъ пословъ. На другой день послы узнали отъ находившихся въ Вильнѣ миноритовъ, что Гедиминъ уже перемѣнилъ свое намѣреніе принять католичество: „вмѣшались другія, новыя лица, и онъ теперь совершенно измѣнился“, говорили миноритовъ. Въ тотъ же день пословъ потребовали къ Гедимину. Они застали его окруженнымъ совѣтниками, которыхъ было до 12 человѣкъ; тутъ же находились и двое миноритовъ, Бертольдъ и Генрихъ, состоявшіе при Гедиминѣ въ качествѣ секретарей для латинской переписки. Послы заговорили о прибытіи въ Ригу папскихъ легатовъ, о процессѣ противъ тевтонскихъ рыцарей, наконецъ о письмахъ Гедимина къ папѣ. „Но знаете-ли вы, что говорилось въ этихъ письмахъ?“ спросилъ Гедиминъ. „Въ нихъ изъявлялось намѣреніе принять вѣру Христа и креститься“, отвѣчали послы. „Я этого не приказывалъ писать! воскликнулъ князь.

*) Донесеніе пословъ о ихъ пребываніи въ Ригѣ напечатано въ Русско-Ливонскихъ актахъ Наперскаго и подробно изложено профессоромъ Васильевскимъ въ его статьѣ, цитированной выше.

Если же братъ Бертольдъ написалъ такъ, то пусть это падетъ на его голову. Если когда либо имѣлъ я намѣреніе креститься, то пусть меня самъ дьяволъ креститъ!“ Затѣмъ Гедининъ болѣе спокойнымъ тономъ продолжалъ: „Я готовъ почитать папу за отца, потому что онъ старше меня; всѣхъ стариковъ, и папу, и Рижскаго архіепископа, и другихъ, я почитаю какъ отцовъ; сверстниковъ своихъ считаю себѣ братьями, а младшихъ меня сыновьями. Я не запрещаю католикамъ служить Богу по ихъ обычаю, не запрещаю русскимъ молиться по ихъ обряду и полякамъ по ихъ обычаю. Предоставьте и намъ почитать Бога по нашему обряду: у всѣхъ насъ одинъ Богъ. И что вы мнѣ говорите о христіанахъ, о нѣмцахъ-католикахъ? Гдѣ больше несправедливости, насилій, злобы и лихоимства, какъ не среди христіанъ, и особенно среди тѣхъ, которые выдаютъ себя за монаховъ, какъ крестоносцы? Нѣтъ зла, котораго бы они не сдѣлали... Съ тѣхъ поръ, какъ завелись здѣсь эти христіане, они никогда не соблюдали того, что обѣщали въ своихъ клятвахъ. Въ прошедшемъ году были здѣсь послы изъ вашей земли; съ общаго согласія, безъ всякаго принужденія, они заключили миръ съ нами отъ имени всего христіанства, подтвердили договоръ клятвою, цѣловали крестъ, и нисколько не сдержали того, что было укрѣплено клятвою. Они убили моихъ пословъ, которыхъ я послалъ для утвержденія мира, и не только ихъ однихъ, но многихъ другихъ и много разъ они убивали, брали въ плѣнъ, держали въ тяжкомъ заключеніи.... Я не вѣрю болѣе ихъ клятвамъ!“

„Въ сильной и одушевленной рѣчи умнаго князя-язычника, говоритъ профессоръ Васильевскій, насъ прежде всего поражаетъ ясное и торжественное провозглашеніе религіозной терпимости, до которой еще была такъ далека христіанская Европа, и еще болѣе поражаетъ то внутреннее, духовное основаніе, которымъ литовскій князь объясняетъ свою готовность оставить каждаго молиться по своему обряду. Вѣротерпимость могла быть закономъ политической необходимости для государя, поставленнаго въ такое положеніе, какъ Гедининъ, но чтобы придти къ сознанію о единствѣ Верховнаго Существа, которому одинаково служатъ и покланяются каждый по своему — и польскій католикъ, и православный русскій, и литовскій язычникъ, для этого Гедининъ долженъ былъ стоять выше своего язычества и даже выше своего времени“.

На другой день, 5 ноября, къ посламъ пришли по приказанію Гедимина его приближенные люди и совѣтники. Они спросили: хотятъ-ли нѣмцы соблюдать миръ, который былъ недавно заключенъ, и если не всѣ хотятъ, то кто именно хочетъ и кто не хочетъ? Послы отвѣчали, что такъ какъ князь оставилъ свое доброе намѣреніе, то они и не знаютъ о теперешнихъ намѣреніяхъ папскихъ легатовъ и архіепископа. Если князь желаетъ, то пусть отправить

своихъ пословъ для разузнанія относительно сохраненія или несохраненія мира. Гедиминъ согласился отправить своихъ пословъ, но съ тѣмъ, чтобы рижскіе послы отвѣчали за безопасность пословъ литовскихъ. Рижскіе послы просили дозволенія переговорить съ Гедиминомъ наединѣ, въ этомъ имъ было отказано; просили, чтобы Гедиминъ письменно отвѣчалъ папскимъ легатамъ, архіепископу и городу Ригѣ. Гедиминъ обѣщался отвѣчать, но, кажется, не нашелъ нужнымъ сдержать обѣщаніе: отвѣтныхъ писемъ никакихъ не было.

Рижскіе послы пробыли еще нѣсколько дней въ Вильнѣ и здѣсь миноріты, Бертольдъ и Генрихъ, секретно сообщили имъ о прямой и рѣшительной оппозиціи со стороны жмудиновъ и русскихъ противъ католическихъ плановъ Гедимина, передали также слухи, что сами тевтонскіе рыцари тайно подстрекаютъ жмудинъ противиться крещенію Гедимина, указывали также, что враги миноритовъ, доминиканцы, проживавшіе въ Вильнѣ, а преимущественно доминиканецъ Николай, способствовали отвращенію Гедимина отъ католичества. Не добившись новаго свиданія съ Гедиминомъ, рижскіе послы оставили Вильну и прибыли въ Ригу 25 ноября 1324 г. Дусбургъ во гл. 352 своей лѣтописи пишетъ, что вмѣстѣ съ ними въ Ригу ирибылъ и посолъ Гедимина, который торжественно заявилъ, что Гедиминъ никогда не давалъ положительнаго обѣщанія принять католичество, напротивъ поклялся богамъ, что никакой другой вѣры исповѣдывать не будетъ кромѣ той, въ которой умерли его предки.

Папскимъ легатамъ теперь ничего не оставалось, какъ возвращаться въ Авиньйонъ, но наступила зима, судоходство прекратилось, и потому они остались въ Ригѣ до весны. Тутъ они имѣли случай убѣдиться, что рыцари своими поступками сами вызываютъ Гедимина на враждебныя противъ католиковъ дѣйствія и тѣмъ самымъ отвращаютъ его отъ крещенія. Такъ они узнали, что рыцари схватили Гедиминова посла, прибывшаго послѣ заключенія и подтвержденія мира, заключеннаго 2 октября 1323 г., прибили его и заковали въ кандалы. Послы принудили рыцарей освободить посла и отдать ему его имущество. Рыцари послушались, освободили посла, возвратили ему пограбленное, но когда товарищи этого посла, коренные русскіе родомъ, прибыли въ Динабургъ, то рыцари снова ихъ ограбили (см. Русско-Ливонскіе акты № 41). Послы узнали также, что когда архіепископъ Фридрихъ вмѣстѣ съ ними прибылъ въ Ригу, то Гедиминъ послалъ гонца узнать о здоровьѣ архіепископа; рыцари схватили и повѣсили этого гонца (см. Русско-Ливонскіе акты № 69). Узнали также, что орденъ и не думаетъ отдавать Гедимину двухъ замковъ, которые должны были отойти къ нему въ силу договора отъ 2 октября 1323 г. Естественно, что Гедиминъ не могъ оставить безъ отмщенія ограбленіе своихъ пословъ, повѣшеніе своего гонца, явное неисполненіе рыцарями договора, поэтому и распорядился по

своему: вслѣдъ за отбытіемъ изъ Вильны пословъ, онъ послалъ свое войско воевать орденскія земли, которое 22 ноября и опустошило Розитенскую землю (нынѣ Рѣжицкій уѣздъ). Въ тоже самое время князь Давидъ Гродненскій пошелъ войною на орденскихъ друзей, князей мазовецкихъ Семовита и Тройдена, взялъ штурмомъ Пултускъ, ограбилъ и сжегъ 130 деревень, разрушилъ 30 церквей, избилъ тысячи двѣ католиковъ и столько же увелъ въ плѣнъ. Изъ взятыхъ въ плѣнъ дѣтей многія погибли отъ голода и холода въ лѣсахъ и были брошены на съѣденіе звѣрямъ (см у Дусбурга, гл 350).

Архіепископъ Фридрихъ съ своей стороны, видя, что орденъ не только не исполняетъ папской буллы о сохраненіи мира съ литовцами, но самъ вызываетъ Гедимина на войну, рѣшился на строгія мѣры. Исчисливъ въ актѣ отъ 4 апрѣля 1325 г. (напечатанъ во многихъ изданіяхъ, между прочимъ напечатанъ вполнѣ въ приложеніи XVI къ 4-му тому соч. Нарбута: „Дѣянія народа Литовскаго“) всѣ прежнія и новыя вины ордена, обиды, наносимыя орденомъ духовенству и городу Ригѣ, объявивъ прямо, что именно поведеніе рыцарей служило и служитъ препятствіемъ къ обращенію Литвы въ христіанство, онъ предалъ проклятію ливонскаго магистра и орденъ, и землю ихъ подвергъ интердикту. Актъ этотъ былъ прочитанъ въ Рижскомъ каѳедральномъ соборѣ въ присутствіи папскаго посла, аббата Бернарда, былъ прибитъ потомъ при воротахъ храма, и потомъ еще разъ былъ прочитанъ въ другой церкви въ переводѣ на языкъ, понятный народу, и наконецъ былъ разосланъ по всѣмъ церквамъ Рижской епархіи съ приказаніемъ читать его какъ можно чаще.

Папскіе послы оставили Ригу 29 мая 1325 г. и отправились моремъ въ Любекъ съ тѣмъ, чтобы оттуда пробраться въ Авиньонъ Они потребовали себѣ, согласно папской буллѣ, назначившей имъ суточное содержаніе (см. выше стр. 197), отъ прусскихъ епископовъ и рыцарей 380 гульденовъ на дорогу. Орденъ отказалъ уплатить эту сумму, тогда и послы съ своей стороны прокляли орденъ (см. Фогта „Исторію Пруссіи“ IV, 397).

Такъ проклятіями ордена и заключилось все дѣло по обращенію Гедимина въ католичество Папская миссія оказалась совершенно безплодною, она осталась безъ всякихъ послѣдствій, но и наложенные архіепископомъ Фридрихомъ и папскими послами интердикты остались также безъ всякихъ дѣйствій.

Вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Риги легатовъ, князья мазовецкіе Семовитъ и Тройденъ, вмѣстѣ съ епископомъ Флоріаномъ Плоцкимъ, обратились къ папѣ Іоанну XXII съ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, писали (см. Фогта IV, 398), что хотя папскіе легаты, въ силу данныхъ имъ полномочій, и заключили между Литвою и орденомъ миръ или перемиріе на четыре года въ надеждѣ, что въ теченіи

этого времени совершится присоединеніе къ католичеству литовскаго князя, но только эта надежда совершенно обманчива (fallaciter promiserunt), ибо князь литовскій только силою оружія и обоюдоостраго меча можетъ быть принужденъ къ перемѣнѣ вѣры. Какими невознаградимыми потерями угрожаетъ этотъ миръ христіанскимъ странамъ, сосѣднимъ съ Литвою, того безъ глубокой печали и слезъ и разсказать нельзя. Довольно вспомнить опустошенія, произведенныя литовцами въ Добринской землѣ, и раззоренія, причиненныя ими подъ предводительствомъ князя Давида Гродненскаго. Если ваше святѣйшество не примете спасительныхъ и быстрыхъ средствъ къ защитѣ христіанъ въ Мазовецкой землѣ и въ особенности въ Плоцкой епархіи, то эти язычники, обогатившись добычею и пріобрѣтя оружіе, усилятся во время перемирія, улучшатъ свои иограничныя укрѣпленія, какъ уже улучшили укрѣпленія Гродны, отстоящей всего въ нѣсколькихъ миляхъ отъ нашей границы, и подъ защитою этой крѣпости начнутъ свои опустошительные набѣги сильнѣе прежняго. Усерднѣйше просимъ потому ваше святѣйшество уничтожить предписанный миръ и поручить магистру и орденской братіи, чтобъ они воевали литовцевъ по прежнему и защищали наши земли и въ особенности Плоцкую церковь противъ вражескихъ вторженій, ибо литовскіе язычники только и боятся, что рыцарей, и трепещутъ предъ ними (письмо, это писанное въ Плоцкѣ 25 августа 1325 года въ копіи хранится въ тайномъ кенигсбергскомъ архивѣ, въ ящикѣ L).

Вслѣдъ за тѣмъ появилось публичное заявленіе со стороны епископа Эбергарда Эрмландскаго (Вармійскаго) и его капитула, въ которомъ было, между прочимъ, сказано такъ: „Находятся люди, которые, подъ вымысломъ тѣхъ, либо другихъ событій, отреклись отъ всякой любви къ ближнему, и въ массѣ простаго народа снискивая недостойныя средства къ своему содержанію, ложно увѣряютъ, будто литовцы, проливавшіе доселѣ столь много христіанской крови, добровольно бы приняли католичество, если бы тому не мѣшали братья Тевтонскаго ордена. Такое увѣреніе мы предъ цѣлымъ свѣтомъ и предъ всѣми вѣрующими объявляемъ явною ложью, какъ то сами невѣрные дѣломъ и словомъ очевиднѣйшимъ образомъ подтверждаютъ, ибо они стремятся, на сколько могутъ, совершенно уничтожить имя Христа и святую католическую вѣру въ христіанскомъ народѣ. Это доказывается ихъ набѣгами и кровопролитіями въ земляхъ Ревельской и Дерптской, въ окрестностяхъ Велау и Мемеля, въ земляхъ Добринской и орденской Страсбургской. Трудно повѣрить какъ много эти язычники и свирѣпо пролили христіанской крови. Потому усердно просимъ не вѣрить клеветамъ на орденскихъ рыцарей и не слушать подобныхъ извратителей правды и справедливости, а если бы пришли къ вамъ, то отвѣчайте имъ, какъ подобаетъ отвѣчать изобличеннымъ и завѣдомо ложнымъ обвинителямъ“.

Съ такою же защитою ордена выступилъ и епископъ Ревельскій Олай съ нѣкоторыми благородными мужими (рыцари Фридрихъ Врангель, Іоаннъ Тизенгаузенъ, Вольдемаръ и Оттонъ Руены, Оттонъ Биксговеде и Рудольфъ Унгернъ; грамота епископа и названныхъ рыцарей отъ 15 сентября 1327 г. помѣщена въ Urkundenbuch Бунге III, регесты № 865, а).

На всѣ эти защитительныя письма папскаго рѣшенія, по видимому, никакого не было, а на архіепископскій интердиктъ орденъ не обращалъ никакого вниманія. Дѣла и отношенія между ливонскими властителями остались въ такомъ же положеніи, какъ и были до прибытія папскихъ легатовъ въ Ливонію. Динаминдъ остался за орденомъ, а Рига не порывала связей съ Литвою, не считая для себѣ полезнымъ порывать мирный договоръ съ Гедиминомъ, заключенный 2 октября 1323 г., но какъ именно эти два обстоятельства главнѣйшимъ образомъ обусловливали враждебное настроеніе между Ригою и орденомъ, потому и вражда между названнымъ городомъ и рыцарями ни мало не стихала; года два, однако, явно не обнаруживалась.

Въ Пруссіи между тѣмъ послѣдовали довольно важныя событія. Великій магистръ Карлъ Трирскій, столь усердно защищавшій орденъ отъ архіепископскихъ обвиненій предъ папою въ Авиньйонѣ, умеръ въ Трирѣ 12 февраля 1324 г. На должность великаго магистра 6 іюля 1324 г. былъ единогласно избранъ великій командоръ маріенбургскій Вернеръ Орзельнскій (de Orsola). Онъ вступилъ въ управленіе орденскими дѣлами въ то время, когда папа снарядилъ посольство къ Гедимину и предписалъ ордену сохранить миръ съ Литвою. Мы видѣли, что посольство это осталось безъ всякихъ послѣдствій, папскіе послы уѣхали изъ Риги и враждебныя дѣйствія между Литвою и орденомъ должны были возобновиться съ новою силою.

Было уже выше сказано, что Гедиминъ, оставаясь язычникомъ, умѣлъ ладить съ православными русскими князьями и охотно роднился съ ними, выдавая своихъ дочерей за русскихъ и женя своихъ сыновей на русскихъ княжнахъ. Умный язычникъ отлично хорошо понималъ пользу такихъ родственныхъ связей и, породнившись съ московскимъ княземъ, не упустилъ случая породниться и съ польскимъ королемъ, Владиславомъ Локеткомъ, тѣмъ самымъ, который послѣ безчисленныхъ затрудненій съ 1319 г. утвердился, наконецъ, на польскомъ престолѣ и вѣчно враждовалъ съ орденомъ изъ за Помераніи. Вражда къ ордену сблизила Гедимина съ Владиславомъ и сближеніе это закрѣпилось родственнымъ союзомъ. Владиславъ, по свидѣтельству польскихъ лѣтописцевъ, послалъ въ Вильну нѣсколькихъ польскихъ магнатовъ сватать Гедиминову дочь, Альдону, за своего единственнаго сына, наслѣдника польскаго престола, королевича Казиміра. Гедиминъ охотно согласился на брачный союзъ, отпустилъ въ Краковъ свою дочь, гдѣ она приняла католичество и въ крещеніи наречена Анною, и въ видѣ вѣна за дочерью освободилъ до 24000 человѣкъ польскаго народа, захваченнаго въ разное время литовцами въ полонъ. Брачное торжество совершилось съ большимъ блескомъ, и 28 іюня 1325 г. Гедиминъ и Владиславъ заключили между собою наступательный и оборонительный союзъ противъ Тевтонскаго ордена*). Тѣже причины, какія побудили Владислава искать

*) Въ память бракосочетанія королевича Казиміра съ Альдоною, Владиславъ учредилъ орденъ Бѣлаго Орла, существующій и по нынѣ въ числѣ Россійскихъ императорскихъ и царскихъ орденовъ.

сближенія съ Гедиминомъ посредствомъ родственной связи, побудили и мазовецкаго князя Тройдена*) сблизиться съ русско-литовскимъ княземъ. Его сынъ, Болеславъ Тройденовичъ, вступилъ вскорѣ послѣ бракосочетанія Казиміра въ бракъ съ другою дочерью Гедимина, въ крещеніи нареченною Маріею, и вслѣдъ за бракомъ послѣдовало и заключеніе союза между Тройденомъ и Гедиминомъ противъ ордена. Къ союзу этому скоро пристали другіе мазовецкіе князья, въ особенности Ванько (Венцеславъ, Вацлавъ) князь Плоцкій. Такимъ образомъ Гедиминъ, вмѣсто прежнихъ враговъ, пріобрѣлъ себѣ союзниковъ, и это, конечно не могло не тревожить великаго магистра и прусскихъ орденскихъ сановниковъ, хорошо понимавшихъ, что вести борьбу съ Гедиминомъ, усилившимся союзомъ съ поляками, будетъ гораздо труднѣе, чѣмъ бывало прежде. Предвидя неизбѣжность литовскихъ вторженій, великій магистръ уже въ 1325 г. началъ принимать мѣры для охраны орденскихъ владѣній въ Пруссіи отъ литовцевъ и поляковъ, изъ коихъ важнѣйшими были постройки новыхъ пограничныхъ крѣпостей и усиленіе прежнихъ. Епископы усердно помогали ордену въ постройкахъ укрѣпленій. Возводя укрѣпленія, великій магистръ не забывалъ поддерживать дружественныя связи съ галицкими князьями, враждебными и Литвѣ и Польшѣ.

Заботы великаго магистра объ усиленіи пограничныхъ крѣпостей были не напрасны: отношенія ордена къ Польшѣ, державшей сторону папы въ его борьбѣ съ императоромъ, обострялись болѣе и болѣе, такъ что можно было ожидать начала военныхъ дѣйствій со стороны короля Локетка, тѣмъ болѣе опасныхъ, что король будетъ дѣйствовать не одинъ, а совмѣстно съ Гедиминомъ. Совмѣстныя дѣйствія поляковъ съ литовцами и начались въ 1326 г., когда король предпринялъ походъ на Бранденбургъ, герцогъ котораго Вальдемаръ умеръ бездѣтнымъ. Гедиминъ послалъ на помощь Локетку 1200 отборныхъ всадниковъ, которые прошли безпрепятственно чрезъ орденскія владѣнія и въ іюнѣ 1326 года жестоко раззорили Бранденбургскую мархію. Литовцы увели плѣнныхъ изъ Бранденбурга до 6000 человѣкъ (на возвратномъ пути изъ этого похода былъ убитъ князь Давидъ Гродненскій, всю жизнь свою проведшій въ непрестанныхъ войнахъ. Его, убилъ изъ за личнаго мщенія мазовецкій шляхтичь, какой-то Андрей, по прозванію Гость или Гостинскій). Въ мартѣ 1327 г. Гедиминъ послалъ въ Бранденбургъ сына своего Ольгерда, который раззорилъ земли до самаго Франкфурта-на-Одерѣ и съ добычею и полономъ безпрепятственно возвратился домой чрезъ орденскія владѣнія.

Война ордена съ Польшею началась лѣтомъ 1327 года и тянулась многіе годы, а вслѣдъ за тѣмъ возобновились и походы на Литву. Война съ Польшею и походы на Литву противъ Гедимина отвлекли вниманіе великаго магистра отъ Ливоніи. но и ливонскіе рыцари не могли принять никакого участія въ прусскихъ дѣлахъ, такъ какъ у себя дома у нихъ было неспокойно и приходилось отбиваться отъ литовцевъ.

Подготовляясь къ войнѣ съ Польшею и Литвою, великій магистръ созвалъ въ 1326 г общій орденскій капитулъ для совѣщаній сколько о внутреннихъ дѣлахъ орденскихъ областей, столько же и о внѣшнихъ политическихъ отношеніяхъ, запутавшихся до послѣдней край-

*) Тройденъ, сынъ Семовита, женатаго на дочери литовскаго князя Тройната. былъ до этого времени въ союзѣ съ Тевтонскимъ орденомъ.

ности со времени борьбы папы Іоанна XXII съ императоромъ. Въ Маріенбургъ на капитулъ съѣхалось болѣе 200 орденскихъ сановниковъ и туть было постановлено по прежнему поддерживать, не обращая вниманія на папскій гнѣвъ, партію императора, поддерживать также маркграфа Людовика Бранденбургскаго (сына императора), укрѣпить союзъ съ королемъ Іоанномъ Чешскимъ противъ Польши, не покидавшей видовъ своихъ на овладѣніе Помераніею. Между прочимъ капитулъ, обсуждая ливонскія дѣла, призналъ необходимымъ назначить въ Ливонію новаго магистра. Престарѣлый и болѣзненный Гергардъ (Конрадъ по Рюссову) Іокке былъ еще живъ и носилъ титулъ магистра; орденскими дѣлами правилъ Реймаръ Гане, быть можеть, не съ такимъ успѣхомъ, какъ того хотѣлось великому магистру. Ливонскимъ магистромъ назначили гольдингенскаго командора, Эбергарда Монгеймскаго, человѣка рѣшительнаго и искуснаго въ воинскомъ дѣлѣ и умнаго администратора.

Эбергардъ Монгеймскій вступилъ въ управленіе орденскими дѣлами въ 1327 году. Первымъ его дѣломъ было уступить прусскимъ рыцарямъ Мемель, крѣпость, построенную ливонскими рыцарями совмѣстно съ епископомъ Куронскимъ въ 1253 г. (см. выше стр. 30). Ливонскіе рыцари находили крайне затруднительнымъ содержать эту важную крѣпость, за слишкомъ большою отдаленностію ея отъ Риги, въ оборонительномъ положеніи, и потому признали лучшимъ отдать ее прусскимъ рыцарямъ, владѣвшимъ уже многими укрѣпленными пунктами по Нѣману. Передача совершилась, кажется, въ томъ же 1327 году и мемельскій гарнизонъ усилилъ собою гарнизоны другихъ ливонскихъ крѣпостей.

Послѣ отъѣзда папскихъ легатовъ изъ Риги (архіепископъ Фридрихъ также уѣхалъ къ папскому двору) года два прошло, говорили мы выше, безъ всякихъ военныхъ столкновеній между ливонскими властителями. Каждая изъ враждовавшихъ сторонъ оставалась при своихъ требованіяхъ и притязаніяхъ и никакого шага къ соглашенію дѣлаемо не было. Архіепископъ наложилъ на орденъ интердиктъ, орденъ на это не обращалъ никакого вниманія, утверждая, что онъ изъятъ отъ всякой епископской подсудности, какъ то и было формально заявлено орденскимъ прокураторомъ Іоанномъ Эльбингомъ при спорѣ, возникшемъ между орденомъ и Дерптскимъ епископомъ (см. UrkundenBuch Бунге, № 838 и документъ отъ апрѣля 1325 г. въ Mitth. VI, 285), и доказывая, что орденъ зависитъ единственно отъ папы (это было справедливо для прусскихъ, а не для ливонскихъ рыцарей, какъ уже было выше замѣчено). Папа предписывалъ ордену отдать архіепископу все захваченное, орденъ не отдавалъ; орденъ требовалъ, чтобы Рига прекратила всякія связи съ литовцами, Рига этихъ связей не только не прекращала, напротивъ всячески старалась поддерживать мирный договоръ съ Гедиминомъ, не безъ основаній

находя, что только союзъ съ литовцами въ состояніи сдерживать рыцарей отъ ихъ дальнѣйшихъ посягательствъ на права и преимущества города, на торговлю рижанъ морскую и сухопутную. Пана оставилъ Динаминдъ за орденомъ, утвердилъ сдѣлку ордена съ цистерціенскими монахами, предписывалъ ордену не мѣшать рижской торговлѣ, но что значили папскія буллы, не подкрѣпленныя оружіемъ? Орденъ, владѣя устьемъ Двины, явился господиномъ рижской заграничной торговли; владѣя замками по Риго-Псковской дорогѣ, являлся господиномъ и торговли рижанъ съ Новгородскою Русью. Все это питало раздраженіе въ рижанахъ, признававшихъ своимъ главою только архіепископа, а вовсе не орденъ, притязанія котораго на городскіе доходы они считали не законными по сущей справедливости. Появленіе и утвержденіе ордена въ Динаминдѣ въ особенности было непріятно рижанамъ, и они одинъ разъ пытались было силою вытѣснить рыцарей съ устья Двины (см. выше стр. 179). Попытка оказалась тщетною, они рѣшились вторично попытаться овладѣть Динаминдомъ и съ этою цѣлію ночью 23 іюня 1328 г. (см. лѣтопись Вартберга въ Приб. Сб. II, 100) напали на него, въ разсчетѣ застать въ расплохъ динаминдскій гарнизонъ. Нападеніе успѣха не имѣло: рижане, правда, овладѣли Динаминдскимъ посадомъ, разрушили передовыя укрѣпленія, возведенныя рыцарями съ большими трудами и издержками, перебили человѣкъ сотню народу, сожгли посадскую церковь, но самаго замка не одолѣли и должны были отступить. Источники не объясняютъ ближайшихъ причинъ нападенія, но, по всей вѣроятности, орденцы оказали какую либо помѣху судоходству и торговлѣ. Орденская братія понесла, пишетъ Вартбергъ, отъ нападенія рижанъ на Динаминдъ убытка болѣе чѣмъ на 400 марокъ и, конечно, не желала оставить этого нападенія безъ отомщенія и вознагражденія. Рижане это очень хорошо знали и потому отправили къ Гедимину посольство (отъ рижскаго магистрата поѣхали къ литовскому князю Генрихъ Траловъ и Бернгардъ Дарзовъ; отъ горожанъ Генрихъ Флиссенбартъ и Эртмаръ Редпенигъ) съ предложеніемъ, что рижане сдадутъ ему, Гедимину, замки и крѣпости, принадлежащіе городу въ Рижскомъ архіепископствѣ, если литовцы помогутъ городу стать противъ ордена. Орденъ провѣдалъ о посольствѣ и заранѣе принялъ мѣры предосторожности: силою отнялъ у рижанъ ихъ замки по Двинѣ и поставилъ въ этихъ замкахъ свои гарнизоны.

Гедиминъ не заставилъ себя долго просить о помощи. Въ апрѣлѣ 1328 г. онъ съ войскомъ подошелъ къ Двинѣ и, узнавъ, что обѣщанные замки находятся въ орденскихъ рукахъ, воспламенился, пишетъ Вартбергъ, яростію и накинулся на уномянутыхъ пословъ съ угрожающими словами. Тѣ въ утѣшеніе ему сказали, что поведутъ его туда, гдѣ онъ можетъ нанести большой вредъ ордену и исполнили обѣщаніе: дали проводниковъ, снабдили литовцевъ провіантомъ и ука-

зали, куда сдѣлать набѣгъ. Гедиминъ послѣдовалъ указанію: 15 сентября 1328 г. литовцы опустошили окрестности Каркуса; 22 сентября опустошили и выжгли приходъ Гельмеіъ, къ которому было приписано 400 гаковъ земли; 23 сентября они опустошили, пишетъ Вартбергъ, приходъ Пейстеле, гдѣ король со своими въ теченіи двухъ ночей пользовался церковью какъ конюшнею, совершая безчисленныя постыдныя дѣла въ присутствіи св. Тайнъ, и выжгли все встрѣчное. Тутъ литовцы умертвили человѣкъ 400 народа, а прочихъ забрали въ полонъ. Отсюда пробрались къ Тарвасту (въ Саккалѣ, недалеко отъ Вирцъервскаго озера), опустошили окрестности, убили двухъ орденскихъ братьевъ-священниковъ и рыцаря Николая Ронскаго, перебили и забрали въ полонъ человѣкъ четыреста Сопротивленія нигдѣ не было, и литовцы съ добычею и полономъ возвратились изъ набѣга домой никѣмъ не преслѣдуемые.

Рижскіе горожане могли быть увѣрены, что орденская братія не спуститъ имъ ни нападенія на Динаминдъ, ни набѣга литовцевъ, и постарается возмѣстить свои убытки на городѣ Ригѣ. Но возмѣщеніемъ убытковъ орденъ уже не могъ удовлетвориться: ему слѣдовало повести дѣло такимъ образомъ, чтобы въ будущемъ лишить Ригу возможности вредить ордену, а этого можно было достигнуть только овладѣніемъ города. Новый магистръ, Эбергардъ Монгеймскій, рѣшился дѣйствовать именно въ такомъ смыслѣ, рѣшился заставить Ригу покориться власти ордена.

Въ Ригѣ очень хорошо видѣли опасность и очень хорошо сознавали, что безъ посторонней помощи городу не сдобровать. Помощи, однако, получить было не откуда. Архіепископъ находился при папскомъ дворѣ, да и какого рода военныя силы онъ могъ выставить противъ ордена, когда его волости и замки находились въ рукахъ орденской братіи. Помощи отъ папы Іоанна XXII и подавно не могло быть никакой: онъ былъ силенъ не войсками, которыхъ у него не было, а тѣмъ, что умѣлъ возбуждать современныхъ ему государей и князей другъ на друга. Не могло быть помощи и отъ Даніи, къ которой нѣкогда обращался рижскій капитулъ (см. выше стр. 153), потому что внутреннее положеніе этой страны въ тѣ времена, какъ увидимъ ниже, не дозволяло королю вмѣшиваться въ какія либо внѣшнія дѣла. Обращались рижане за помощію къ вольнымъ ганзейскимъ городамъ, но и тутъ ничего не получили, потому что оказать военную помощь Ригѣ было уже выше ихъ средствъ и возможности, да къ тому же каждый изъ этихъ городовъ долженъ былъ помышлять о собственной безопасности, о собственной защитѣ противъ своихъ ближайшихъ бароновъ и графовъ, любившихъ въ тѣ времена пожинать тамъ, гдѣ они ничего не сѣяли и брать тамъ, гдѣ они ничего не клали. Рижанамъ оставалось только возложить надежды на крѣпость своихъ городскихъ стѣнъ, да на собственныя силы, далеко не достаточныя для успѣшной борьбы съ орденскою братіею.

Магистру для покоренія Риги не было надобности прибѣгать къ какой либо правильной осадѣ города, хорошо укрѣпленнаго: достаточно было тѣсной блокады, чтобы заставить горожанъ сдаться на всей его волѣ, — достаточно было пресѣчь подвозы съѣстныхъ припасовъ къ городу. Имѣя въ своихъ рукахъ Динаминдъ, онъ имѣлъ возможность не пускать въ городъ ни одного корабля съ хлѣбомъ, и, поставивъ по дорогамъ сторожевые посты, могъ пресѣчь всякое сообщеніе города съ его окрестностями и деревнями. Онъ такъ и сдѣлалъ: въ январѣ 1329 г. обложилъ городъ и пресѣкъ ему всякія сообщенія. Рано или поздно въ городѣ долженъ былъ возникнуть голодъ и орденская братія, не теряя людей, не предпринимая никакихъ осадныхъ работъ, могла разсчитывать, что въ концѣ концовъ горожане сдадутся. Такъ бывало прежде, такъ произошло и теперь.

Тѣсная блокада продолжалась 13 мѣсяцевъ и къ марту 1330 г. въ городѣ оказался уже совершенный недостатокъ съѣстныхъ припасовъ. Когда осталось муки всего $3^1/_2$ ласта для совершенно неимущихъ, магистратъ созвалъ на совѣтъ всѣхъ бюргеровъ. Тогдашній первенствующій бургомистръ Мейе заявилъ собранію, что Рижскій капитулъ не находитъ никакихъ средствъ помочь городу и предоставляетъ самимъ бюргерамъ позаботиться о себѣ. Ратсгеръ Іоаннъ Бельге за тѣмъ изложилъ, что городу нечего расчитывать на какую бы то ни было иноземную помощь, что городу грозитъ голодъ. Собравшіеся на совѣтъ бюргеры вслѣдствіе всего этого постановили, что лучше сдаться на тяжелыхъ условіяхъ, чѣмъ потерять все имущество и жизнь. О какой либо дѣятельной оборонѣ никто не помышлялъ, напротивъ рѣшили отправить къ магистру уполномоченныхъ отъ города для переговоровъ о сдачѣ.

Главная квартира магистра находилась въ Мюльграбенѣ (верстахъ въ 6 отъ города Риги). Сюда и прибыли уполномоченные (см. Арндта II, 87—89). Магистръ прежде всего потребовалъ, чтобы городъ предоставилъ въ распоряженіе ордена двѣ башни, Песочную и Святодуховскую, и чтобы магистратъ въ полномъ составѣ прибылъ въ орденскій станъ въ Мюльграбенъ и у ногъ магистра сложилъ всѣ свои привиллегіи, тогда магистръ посмотритъ, что можно оставить за городомъ, и чего нельзя, и дастъ свою условія; уполномоченнымъ ничего не оставалось какъ согласиться на эти требованія магистра. Они согласились и дали 29 марта 1330 г. въ томъ письменное удостовѣреніе, извѣстное подъ именемъ обнаженной грамоты (nackende Brief). Въ обнаженной грамотѣ было между прочимъ сказано: Subiecimus nos et civitatem nostram Deo et b Virgini Marie matri eius et gratie dictorum preceptorum et fratrum cum omnibus bonis et libertatibus nostris, corporibus tamen nostris salvis, т. е. сдаемся и сдаемъ городъ нашъ со всѣми имуществами и свободами нашими на волю побѣдителей; далѣе сказано: assignavimus ipsis et voluntate spontanea tradi-

dimus ad manus eorum duas turres civitatis nostre, donec deliberaverint, in quo iure vel gratia velint nos et nostram dimittere civitatem, т. е. добровольно уступаемъ двѣ башни, пока рыцари обсудятъ какъ быть съ нами и нашимъ городомъ. Обнаженная грамота была исполнена и магистръ далъ условія, изложенныя въ такъ называемой примирительной грамотѣ (Sühnebrief), въ силу которой городъ обязуется уступить ордену городскую часть св. Духа (гдѣ нынѣ замокъ) и участокъ земли предъ Яковлевскими воротами для возведенія здѣсь новаго замка въ замѣнъ прежняго, разрушеннаго въ городѣ, на содержаніе замка платить въ годъ 100 марокъ и предоставить ордену половину судебныхъ доходовъ. Земельные орденскіе участки въ городской чертѣ должны быть свободны отъ городскихъ сборовъ. Бюргеры и новоизбранные ратсгеры должны присягнуть на вѣрность ордену, дать мѣсто и голосъ орденскому брату въ магистратѣ и судѣ и предоставить ордену десятину съ рыболовства. Городъ обязуется помогать магистру во всѣхъ его войнахъ, кромѣ войны съ архіепископомъ, на сколько можетъ, ландмаршалу же (орденскому командующему войсками) ставить лишь 30 всадниковъ. Для поминовенія убитыхъ учредить пять вкладовъ по 6 рижскихъ марокъ каждый и пр.

Вмѣстѣ съ тѣмъ магистръ приказалъ сдѣлать въ городской стѣнѣ проломъ въ 30 сажень шириною; онъ въѣхалъ въ городъ не черезъ ворота, а черезъ этотъ проломъ. Это, по древнему обычаю, значило, что магистръ является въ городъ побѣдителемъ. Онъ немедленно же приступилъ къ постройкѣ новаго орденскаго замка, дабы поставить здѣсь подъ начальствомъ особаго командора орденскій гарнизонъ для наблюденія за рижанами. Вартбергъ совершенно справедливо замѣчаетъ (см. Приб. Сб. II, 101), что „если бы орденская братія не стала жить съ бюргерами, то не подлежитъ сомнѣнію, что бюргеры снова, какъ и прежде, составляли бы заговоры съ язычниками“. Новый замокъ, господствуя надъ городомъ, удерживалъ рижанъ отъ союзовъ съ литовцами, а орденскій гарнизонъ въ замкѣ составлялъ готовую военную силу для усмиренія непокорныхъ.

Въ то время, когда магистръ блокировалъ Ригу и голодомъ принудилъ ее къ сдачѣ на всей своей волѣ, архіепископъ Фридрихъ ироживалъ при папскомъ дворѣ и усиленно хлопоталъ предъ папою о заступничествѣ за городъ и о возвращеніи захваченныхъ орденомъ архіепископскихъ имѣній. Іоаннъ XXII, отвлекаемый другими болѣе важными дѣлами, не входилъ въ разсмотрѣніе архіепископскихъ жалобъ и только 7-го мая 1330 года, издалъ буллу (см. у Догеля V, № XL, стр. 40), которою требовалъ, чтобы орденъ немедленно же снялъ осаду Риги съ возвращеніемъ архіепископу и его церкви всѣхъ его имѣній, въ противномъ случаѣ орденскіе сановники должны явиться къ папскому двору и ждать папскаго суда. Булла эта пришла, когда Рига уже сдалась магистру, когда условія сдачи уже приводились

въ исполненіе и когда новый орденскій замокъ уже строился*), и слѣд. о снятіи осады уже не могло быть и рѣчи. Тѣмъ не менѣе магистръ изъ буллы этой могъ видѣть, что папа беретъ сторону Риги, потому, не желая черезъ-чуръ раздражать рижанъ и возстановлять противъ себя Іоанна XXII, счелъ благоразумнѣйшимъ дать городу Ригѣ особую льготную, дѣйствительно уже примирительную грамоту. Грамота эта состоялась 15 августа 1330 г. и на долгое время опредѣлила отношенія ордена къ Ригѣ. Въ ней магистръ обѣщаетъ сохранять привиллегіи, свободы и права города на сколько они не противорѣчатъ договорамъ, заключеннымъ между орденомъ и городомъ; возвращаетъ принадлежанціе городу сады, луга и земельные участки; предоставляетъ городу право рыболовства въ орденскихъ водахъ; всѣ орденскіе люди, совершившіе преступленія въ городѣ, судятся по городовому праву и, въ случаѣ отсутствія орденскаго фохта, приговоры фохта (судьи) городскаго имѣютъ полную силу за исключеніемъ уголовныхъ дѣлъ (всѣ три грамоты — обнаженная, примирительная и льготная напечатаны въ Urkundenbuch Бунге II, №№ 874, 875 и 878 и у Арндта стр. 89 и слѣд.).

Магистръ позаботился представить примирительную грамоту на утвержденіе императора, каковое и послѣдовало 9 мая 1332 года. Относительно же возвращенія архіепископу имѣній дѣло затянулось. Между орденомъ и папою возникъ при папскомъ дворѣ цѣлый процессъ, при чемъ обѣ стороны истощались въ усиліяхъ доказать свою правоту какъ на владѣнія имѣніями, такъ и на главенство въ Ригѣ. Въ 1334 г. со стороны папскаго двора было предписано (см. грамоту кардинала Якова отъ 15 апрѣля 1334 г. у Догеля V, № 41) оцѣнить архіепископскіе убытки и обѣимъ сторонамъ представить къ назначенному сроку доказательства ихъ правъ на Ригу, но и это мало помогло. Папа Іоаннъ XXII умеръ въ 1334 году и дѣло рѣшилось только при его преемникѣ, Бенсдиктѣ XII. Орденъ возвратилъ рижскому капитулу его имѣнія и получилъ въ томъ росписку, но Бенедиктъ XII требовалъ, чтобы орденъ возвратилъ и архіепископскія имѣнія. Буллою отъ 15 ноября 1336 года (см. Urkundenbuch Бунге II, № 920) папа предписалъ епископу Дерптскому быть папскимъ экзекуторомъ по дѣлу возвращенія архіепископу имѣній и требовать отъ ордена, подъ угрозою интердикта, чтобы таковыя имѣнія были возвращены. Ордену тогда ничего не оставалось, какъ повиноваться: всѣ захваченныя имѣнія и замки были возвращены архіепископу (см. удостовѣреніе о возвратѣ, данное рижскимъ капитуломъ отъ 2 февраля

*) Впгандъ Марбургскій пишетъ: „Въ день св. Вита и Модеста, братъ Эбергардъ Мунгеймъ положилъ первый камень въ фундаментъ дома въ Ригѣ у св. Духа (apud s. spiritum т. е. въ Святодуховской городской части) и тотъ же магистръ былъ первымъ основателемъ (fundator) этого дома".

1337 г. въ Urkundenbuch Бунге II, № 909 и III, 922, а), но Рига осталась въ рукахъ ордена.

Этимъ собственно и кончилась распря между орденомъ и архіепископомъ Рижскимъ Архіепископъ утратилъ главенство надъ Ригою, а орденъ, пріобрѣвъ Динаминдъ и главенство надъ Ригою, явился самымъ важнымъ и первенствующимъ властителемъ въ Ливоніи. Рига, покорившись главенству ордена, тѣмъ самымъ уже порывала свои связи съ Литвою, противъ которой орденская братія могла уже направить всѣ свои силы.

Ливонскій магистръ, дѣйствительно, вслѣдъ за покореніемъ Риги и началъ военныя дѣйствія противъ Литвы въ отомщеніе за раззоренія орденскихъ земель, произведенныя въ 1328 г. (см. выше стр. 207), но прежде чѣмъ разскажемъ подробности борьбы прусскихъ и ливонскихъ рыцарей съ Гедиминомъ, взглянемъ, что дѣлалось въ Датской Эстоніи и Новгородской Руси во время тридцатилѣтней борьбы ордена съ архіепископомъ Рижскимъ и городомъ Ригою.

VIII. Датская Эстонія, Новгородская Русь и Ливонскій орденъ до общаго возстанія чуди и перехода Эстоніи подъ власть ордена.

Король Эрихъ VII датскій предоставляетъ Эстонію въ ленное владѣніе герцогу Христофору. — Противодѣйствіе тому эстонскихъ вассаловъ. — Они овладѣваютъ королевскими замками и укрѣпленіями въ Эстоніи. — Король Христоферъ II и смуты въ Даніи. — Вступленіе на датскій нрестолъ Вальдемара IV. — Событія въ восточной Россіи и Новгородской Руси. — Псковъ и его войны съ ливонскими рыцарями. — Москва и Тверь. — Войны новгородцевъ со шведами. — Борьба Тевтонскаго ордена съ Литвою. — Смерть Гедимина. — Неопредѣленность положенія Эстоніи. — Общее возстаніе чуди. — Переговоры ливонскаго магистра съ повстанцами въ Вейсенштейнѣ. — Пораженіе повстанцевъ подъ Ревелемъ. — Ревель и Везенбергъ переходятъ подъ покровительство ливонскаго магистра. — Шведскіе фохты въ Ревелѣ. — Войны со Псковомъ. — Возстаніе на Эзелѣ и укрощеніе его. — Окончательное подавленіе возстанія чуди. — Продажа Эстоніи Тевтонскому ордену.

(1303—1347).

Источники: **Бунге.** Urkundenbuch.
Вартбергъ. Лѣтопись.
Реннеръ. Livländische Historien, 1876.
Бунге. Das Herzogthum Estland unter den Königen von Dänemark. 1877, Gotha.
Русскія лѣтописи: Первая Новгородская и первая Псковская.

Датскіе вассалы въ Эстоніи не принимали никакого дѣятельнаго участія въ борьбѣ ордена съ архіепископомъ и Ригою, такъ какъ эта

борьба ни мало не затрогивала ихъ интересовъ и ни мало не касалась Эстоніи. Мы видѣли, что папа Бонифацій VIII снялъ въ 1301 г. съ Эстоніи наложенный на Данію интердиктъ (см. выше стр. 126), видѣли также, что датскіе королевскіе мужи около этого же времени примирились съ новгородцами, скоро и король датскій Эрихъ VII Менведъ примирился съ папою. Въ 1303 г. онъ принялъ Бонифаціеву буллу Unam Sanctam, подчинявшую свѣтскую власть духовной и возбудившую всеобщій протестъ, призналъ папу своимъ судьею, а Бонифацій съ своей стороны, довольный подчиненіемъ короля, сдѣлалъ и ему уступку: удалилъ изъ Даніи Лундскаго архіепископа, Іоанна Гранда, назначивъ его архіепископомъ въ Ригу, а на его мѣсто поставивъ миролюбиваго архіепископа Изарна Рижскаго (см. выше стр. 161). Примиреніе съ папою развязывало руки королю Эриху VII и онъ старался всячески вознаградить себя за сдѣланную папѣ уступку пріобрѣтеніями въ Германіи того, что было потеряно его предшественниками. Ему это и удалось до нѣкоторой степени, удалось придать нѣкоторый блескъ Даніи, не удавалось только главнаго — упроченія внутренняго порядка въ своемъ королевствѣ, укрощенія датскихъ бароновъ также строптивыхъ и своевольныхъ, какъ и бароны германскіе, но болѣе ихъ суровыхъ и грубыхъ, — не удавалось жить въ мирѣ и со своимъ младшимъ братомъ, герцогомъ Христофоромъ, человѣкомъ безпокойнымъ, безхарактернымъ и нелюбимымъ въ самой Даніи.

Герцогъ Христоферъ имѣлъ въ ленномъ владѣніи Самсэ, Гольбекъ и Каллюндборгъ. Королю Эриху было весьма выгодно удалить враждебнаго себѣ брата куда либо подальше отъ Даніи, и онъ рѣшился въ 1303 г. предоставить Христофору въ ленъ на шесть лѣтъ всю датскую Эстонію съ условіемъ, что герцогъ будетъ защищать эту страну отъ всѣхъ враговъ ея, причемъ король окажетъ свое содѣйствіе присылкою войскъ, сколько потребуется, герцогъ же обязуется доставлять королю въ случаѣ его войнъ 50 вооруженныхъ ратниковъ и присягнуть королю въ вѣрности и послушаніи (см. Urkundenbuch Бунге, регесты № 695). Это королевское распоряженіе осталось, однако, и безъ исполненія и безъ всякихъ послѣдствій. Эстонскіе вассалы (мы уже видѣли, что большинство ихъ были не датчане родомъ, а нѣмцы) остались крайне недовольны назначеніемъ къ нимъ герцога Христофора; они побаивались, что присутствіе въ Эстоніи леннаго властителя непремѣнно повлечетъ за собою ограниченіе ихъ правъ и преимуществъ. Имъ было выгоднѣе, чтобы верховный властитель страны находился подальше отъ нея, не вмѣшивался въ дѣйствія и распорядки вассаловъ, и потому рѣшились всячески противодѣйствовать королевскому распоряженію на счетъ герцога Христофора и не допускать его въ Эстонію. Прежде всего они вступили въ связи съ ливонскими властителями и, когда въ Дерптѣ 25 февраля 1304 г. состоялся съѣздъ

этихъ властителей — представителей ордена, епископовъ Дерптскаго и Эзельскаго, ихъ капитуловъ и вассаловъ, — то въ этомъ съѣздѣ (см. выше стр. 163) приняли участіе и эстонскіе вассалы и вступили въ соглашеніе и союзъ съ ними. Въ актѣ союза (см. Urkundenbuch Бунге № 608) между прочимъ относительно эстонскихъ вассаловъ было сказано: „Такъ какъ король датскій своихъ эстонскихъ вассаловъ отчуждаетъ отъ короны, на что не имѣетъ никакого права, ибо они, вассалы, съ самаго начала соединены съ короною датскою въ силу наслѣдственнаго права, потому союзники будутъ противиться подобному, сдѣланному сказаннымъ вассаламъ, насилію и не дозволять, чтобы вассалы какимъ бы то ни было образомъ были отчуждаемы отъ датской короны. Если же кто либо, внѣ или внутри, теперь или послѣ, захочетъ отдѣлить эстонскихъ вассаловъ отъ короны датской, ибо только эта корона признается законною ихъ властительницею, то союзники всѣми своими силами вспомоществуютъ вассаламъ въ ихъ сопротивленіи таковому выдѣленію“. Въ другой статьѣ акта орденъ обязуется явиться на помощь вассаламъ, какъ только они потребуютъ того.

На основаніи такого соглашенія, состоявшагося, однако, безъ вѣдома королевскаго намѣстника (гауптмана), вассалы заняли и забрали въ свое вѣденіе всѣ замки и укрѣпленія Эстонскаго герцогства. Гауптманъ донесъ о томъ королю (см. Исторію Ливоніи Гіерна въ Monum. Livoniae antiqua I, 144). Привлеченные къ отвѣту, вассалы заявили, что они заняли укрѣпленія единственно для своей и страны безопасности и для пользы короля и короны, и что ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ въ виду отдѣлять эти укрѣпленія отъ короны государства, или оказать королю какое либо неуваженіе. Король удовлетворился такимъ объясненіемъ и въ грамотѣ отъ 25 іюля 1305 г. (см. Urkundenbuch Бунге, № 615) объявилъ, что его эстонскіе вассалы, всѣ вмѣстѣ и каждый порознь, совершенно свободны отъ какихъ бы то ни было обвиненій въ занятіи укрѣпленій. По всей вѣроятности дѣло тутъ не обошлось безъ посредничества епископа Генриха Ревельскаго, пользовавшагося большимъ расположеніемъ короля (онъ былъ королевскимъ уполномоченнымъ по дѣлу съ архіепископомъ Іоанномъ Грандомъ Лундскимъ) и полнымъ довѣріемъ вассаловъ. Собравшіеся въ Везенбергѣ вассалы донесли 22 сентября 1306 г. (см. Urkundenbuch Бунге, № 621) королю, что королевскіе замки и укрѣпленія, охраняемые ими на честь короны Даніи, они готовы сдать скорѣе епископу Ревельскому, чѣмъ кому бы то ни было, по причинѣ испытанной вѣрности его, епископа, коронѣ и странѣ. Всѣмъ королевскимъ дѣламъ внутри и внѣ герцогства онъ, епископъ, поспѣшествуетъ по совѣсти и все, что по закону подлежитъ королю и ему, онъ съ кротостію взимаетъ по сей день, не обременяя никого въ Эстоніи и никто на него не можетъ пожаловаться на какую бы то

ни было несправедливость. Вслѣдствіе этого вассалы просятъ короля не давать вѣры никакимъ донесеніямъ, направленнымъ противъ епископа.

Какъ бы то ни было, но предоставленіе Эстоніи въ ленъ герцогу Христофору было, по видимому, отмѣнено королемъ, ибо о дѣятельности герцога въ Эстоніи не сохранилось никакихъ извѣстій, не имѣется никакихъ слѣдовъ. Въ замѣнъ Эстоніи король въ 1307 г. предоставилъ герцогу въ наслѣдственный герцогскій ленъ Зюдгалландъ и Самсэ. Тѣмъ не менѣе сила и значеніе короля, какъ и его намѣстника, много уменьшились съ переходомъ королевскихъ замковъ и укрѣпленій въ вѣденіе вассаловъ, пріобрѣвшихъ тѣмъ существенное вліяніе на управленіе страною. Не лишено вѣроятія и то, что такой переходъ совершился при помощи значительной суммы денегъ, уплаченной вассалами королю, въ чемъ имѣются и доказательства. Такъ королевскій посланникъ Іоаннъ Канне 16 сентября 1310 г. (см. UrkundenbucH Бунге, № 633) далъ квитанцію въ полученіи 82 рижскихъ марокъ серебра, кои королевскіе вассалы, по удаленіи гауптмана Николая Уббесона, не уплатили еще королю.

Вообще король Эрихъ Менведъ благоволилъ къ Эстоніи и ея вассаламъ. Доказательствомъ того служитъ цѣлый рядъ торговыхъ привиллегій, данныхъ Эстоніи (см. UrkundenbucH Бунге, №№ 555, 574, 613, 626, а) и рядъ жалованныхъ грамотъ ревельскому соборному капитулу и духовенству вообще, монастырямъ и городу Ревелю Этому же королю Эстонія обязана начертаніемъ ея древнѣйшаго леннаго права, основаніемъ города Везенберга (см. UrkundenbucH Бунге, № 605), приведеніемъ въ порядокъ школьнаго дѣла (см. тамъ же № 666).

Король Эрихъ Менведъ умеръ 13 ноября 1319 г., переживъ всѣхъ своихъ сыновей. Наслѣдникомъ явился его братъ герцогъ Христоферъ, но датскіе бароны, присвоивъ себѣ власть избирать королей по собственному желанію, не допустили Христофора къ занятію престола до тѣхъ поръ, пока онъ не согласился предоставить новыя права и преимущества дворянству и духовенству въ ущербъ королевской власти и народу и не подписалъ предварительно условія (конституцію), существенно ограничивавшія королевскія права. Только тогда парламентъ, созванный въ Виборгѣ, призналъ 25 января 1320 г. Христофора датскимъ королемъ, а его сына, Эриха, соправителемъ. Со вступленіемъ на престолъ Христофора II смятицы въ Даніи достигли свой высшей степени. Неисполненіе конституціи, имъ самимъ подписанной и утвержденной присягою, возбудило противъ него датское дворянство, стремленіе овладѣть Шлезвигомъ вовлекло его въ войну съ графомъ Голштинскимъ Гергардомъ Недовольные бароны соединились съ Гергардомъ; противъ короля возстали даже крестьяне, выведенные изъ терпѣнія нѣмецкими наемниками.

Королевскаго соправителя, Эриха, крестьяне заключили въ тюрьму, а самъ король съ двумя другими сыновьями бѣжалъ въ Германію. Датскій сеймъ возвелъ на престолъ правнука короля Авеля, малолѣтняго принца Вальдемара, подъ опекою графа Гергарда Голштинскаго. Начались новыя смуты, новыя неурядицы и войны, ибо Христоферъ успѣлъ въ Германіи, при помощи Любека и др. ганзейскихъ городовъ, которымъ онъ обѣщалъ новыя торговыя привилегіи, образовать цѣлый союзъ, съ которымъ и началъ добывать силою возвращеніе себѣ престола. Предпріятіе удалось: въ февралѣ 1330 г. Вальдемаръ III отказался отъ престола и Христоферъ II былъ возстановленъ при самой печальной обстановкѣ. Онъ не имѣлъ средствъ даже прилично содержать себя, не имѣлъ вокругъ себя никакой охраны, даже необходимой прислуги, такъ что однажды два разбойника забрались къ нему въ домъ и увели его въ плѣнъ. Впрочемъ, онъ не долго жилъ послѣ своего возстановленія, умеръ 21 августа 1332 г. (его сынъ и соправитель, Эрихъ, умеръ раньше, въ январѣ 1332 г.) По смерти Христофора II, въ управленіе Даніею снова вступилъ графъ Гергардъ, который своимъ властолюбіемъ и самоуправствами до того возбудилъ противъ себя общую ненависть, что былъ умерщвленъ 1 апрѣля 1340 г. Лишь только послѣ этого убійства могъ состояться выборъ короля. Сеймъ, созванный въ Виборгѣ, въ іюлѣ провозгласилъ датскимъ королемъ сына Христофора II, Вальдемара. Новый король, Вальдемаръ IV Аттердагъ, разными мѣропріятіями утишилъ внутреннія неурядицы и смуты въ своемъ королевствѣ и, смиривъ строптивыхъ бароновъ, поставилъ королевское достоинство снова на подлежащую ему высоту.

Эстонское герцогство и его вассалы, держась въ сторонѣ отъ смутъ, обуревавшихъ Данію со смерти Эриха VII Менведа, не принимали участія и въ распряхъ ливонскаго ордена съ архіепископомъ Рижскимъ и городомъ Ригою. Впрочемъ, одинъ разъ, именно въ 1313 г., епископы Ревельскій и Эзельскій, Ревельскій гауптманъ, эстонскіе и эзельскіе вассалы явились посредниками между орденомъ и городомъ Ригою и имъ удалось примирить на короткое время обѣ враждовавшія стороны (см. Urkundenbuch Бунге, №№ 644, 645 a и b), но этимъ и ограничилось все участіе. Не принимая участія ни въ датскихъ, ни въ ливонскихъ дѣлахъ, датскіе вассалы не трогали и Новгородскую Русь, мира съ которою не порывали лѣтъ двадцать, но и Новгородская Русь находилась не въ такомъ положеніи, чтобы нападать на Эстонію или Ливонію. Слишкомъ слаба она была для наступательныхъ дѣйствій на нѣмцевъ, къ тому же и шведы не давали ей покоя

Было уже выше замѣчено, что въ концѣ XIII в. областнымъ князьямъ нынѣшней Западной Россіи, потомкамъ Равноапостольнаго князя Владиміра, приходилось или признать надъ собою власть татарскаго хана, или пристать

къ Литвѣ. Князья эти изъ двухъ золъ выбираютъ меньшее и пристаютъ къ Литвѣ. Областнымъ же князьямъ Восточной Россіи, потомкамъ того же Равноапостольнаго князя, пришлось покориться власти татарскаго хана, пришлось платить дань хану и получать отъ него ярлыкъ на княженіе, при чемъ ярлыкъ получалъ тотъ, кто въ состояніи былъ дороже заплатить за него, но какъ дороже могъ заплатить только сильнѣйшій и богатѣйшій, потому стремленіе къ силѣ, къ увеличенію собственности на счетъ другихъ, явилось главною задачею тогдашнихъ восточно-русскихъ князей. Старшій или велико-княжескій городъ Сѣверной Руси, Владиміръ, неоднократно раззоренный татарами, постепенно терялъ свое значеніе, младшіе города уже не признаютъ первенства Владиміра, стремятся сами сдѣлаться ядромъ, около котораго собирались бы другія волости. Въ самомъ началѣ XIII в. сильнѣйшими и богатѣйшими князьями явились князья Тверскіе и Московскіе. Князья Тверскіе были потомками младшаго брата Александра Невскаго, Ярослава Ярославича, который по смерти Невскаго былъ его преемникомъ на великомъ княженіи Владимірскомъ; князья же Московскіе были потомками самаго младшаго сына Невскаго, князя Даніила Александровича.

Старшій сынъ Невскаго, великій князь Андрей Александровичъ, умеръ въ 1304 г. и смерть его повлекла за собою коренную перемѣну въ взаимныхъ отношеніяхъ между Москвою и Тверью, при жизни Андрея, дружескихъ и даже союзническихъ между собою. Оба князя, московскій Юрій Даниловичъ и тверской Михаилъ Ярославичъ, отправились въ Орду хлопотать о ярлыкѣ на великое княженіе Владимірское. Старшинство принадлежало Михаилу, но московскій Юрій былъ сильнѣе Михаила и потому считалъ себя вправѣ быть ему соперникомъ. Въ Ордѣ ханскіе вельможи сказали Юрію: „Если ты дашь выходу больше князя Михаила, то дадимъ тебѣ великое княженіе“. Юрій обѣщалъ дать больше Михаила, но тотъ надбавилъ еще больше; Юрій отказался надбавить и Михаилъ получилъ ярлыкъ. Въ 1305 году Михаилъ возвратился изъ Орды, сѣлъ на великое княженіе, а князь Юрій все свое вниманіе обратилъ на усиленіе своей волости, не разбирая средствъ къ тому. Князь Юрій достигъ своей цѣли, усилился и, вмѣшавшись въ новгородскія дѣла, вступилъ въ смертельную борьбу съ своимъ соперникомъ.

Съиздавна великіе князья Владимірскіе стремились подчинить своей власти Новгородъ, но ихъ усилія оставались тщетными: новгородцы успѣшно отстаивали свою независимость, благодаря всегдашней возможности находить себѣ союзниковъ въ лицѣ князей, соперничавшихъ съ великимъ княземъ. По смерти Андрея, когда великокняжескій столъ долженъ былъ по праву старшинства перейти къ князю Михаилу Тверскому, тверичи хотѣли силою ввести въ Новгородъ намѣстниковъ Михаила, но новгородцы не приняли ихъ, отправили войско охранять Торжокъ отъ тверичей. До войны, однако, не дошло: „ссылаючись, послы разъѣхались, докончавше до пріѣзда князей“, сказано въ первой Новгородской лѣтописи (П. С. Р. Л. III, 68), т. е. положили ждать возвращенія князей изъ Орды, кто получитъ ярлыкъ на великое княженіе, тотъ будетъ княземъ и въ Новгородѣ. Ярлыкъ достался князю Тверскому, новгородцы въ 1308 г. и посадили его у себя на столѣ.

По примѣру своихъ предшественниковъ, великій князь поставилъ своихъ намѣстниковъ въ Новгородъ, которые своимъ своеволіемъ скоро вызвали жалобы новгородцевъ. „Одинъ изъ намѣстниковъ, жаловались новгородцы, Новгородскую волость пусту положилъ, другой Корелу всю истерялъ и за нѣмцевъ загналъ, да и на Новгородѣ бралъ больше, чѣмъ слѣдуетъ“ (см. Собраніе госуд. грамотъ и договоровъ I, №№ 9, 10, 11). Года четыре, впрочемъ, прошли мирно, на пятый возникла уже ссора.

Подъ 1312 г. въ первой Новгородкой лѣтописи отмѣчено, что великій князь вывелъ своихъ намѣстниковъ изъ Новгорода, остановилъ подвозъ хлѣба въ Новгородъ. На этотъ разъ новгородцы смирились, приняли снова велико-княжескихъ намѣстниковъ, которые по прежнему стали обижать Новгородъ, брать больше, чѣмъ слѣдовало по договорамъ. Тогда новгородцы прибѣгнули къ старому средству, противъ Михаила призвали его соперника, князя Юрія Московскаго, который въ 1314 г. изгналъ великокняжескихъ (тверскихъ) намѣстниковъ и самъ сѣлъ на Новгородскомъ столѣ. Это обстоятельство и послужило поводомъ къ открытой, ожесточенной борьбѣ между Тверью и Москвою.

Во время этой борьбы, тянувшейся 25 лѣтъ, новгородцы были въ мирѣ и съ датскими вассалами и съ ливонскими нѣмцами, но борьба со шведами не стихала. Мы видѣли, изъ за чего шло все дѣло: шведы добивались овладѣть устьями Невы и Ладогою, чтобы держать въ своихъ рукахъ всю заграничную торговлю Новгородской Руси; новгородцы, конечно, заботились не допустить до этого шведовъ, оставить за собою древнее владѣніе Ладогою, Невою и свободнымъ выходомъ въ Балтійское море для торговыхъ и всякихъ другихъ сношеній съ Западною Европою. Захватить побольше, стать твердо на Финскомъ побережьѣ, добраться до Ладоги было задачею шведовъ; отбить захваченное, раззорять шведскіе поселки и крѣпости — было задачею новгородцевъ. И тѣ и другіе не отступали отъ своихъ задачъ.

Подъ 1310 г въ первой Новгородской лѣтописи (см П. С. Р. Л. III, 69) отмѣчено, что новгородцы въ ладьяхъ и лойвахъ (большія парусныя лодки на Двинѣ и понынѣ называются лайбами) ходили въ Ладожское озеро, вошли въ рѣку Узьерву и тутъ на порогѣ срубили новый городъ, разметавши старый (городъ Корела). Въ слѣдующемъ 1311 г. новгородцы (см. тамъ же) предприняли походъ поважнѣе: подъ начальствомъ князя Дмитрія Романовича Смоленскаго, они пошли за море, на Емь (Финляндію), раззорили снова поселки по Купецкой рѣкѣ, потомъ по Черной рѣкѣ подступили къ городу Ванаю, взяли и раззорили его посадъ, но кремлемъ (бургъ, замокъ, дѣтинецъ) не овладѣли: „бяше бо мѣсто вельми сильно твердо, на камени высоцѣ, не имѣя приступа ни откуда же“ — сказано въ лѣтописи. Шведы, скрывшіеся въ дѣтинцѣ, запросили мира, но новгородцы мира не дали, трое сутокъ раззоряли волость, выжгли села, скота не оставили ни рога. Отсюда по рѣкамъ Кавгалѣ и Пернѣ вышли въ море и благополучно (здорови вси) возвратились въ Новгородъ.

Шведы не остались въ долгу за этотъ набѣгъ: въ 1313 году сожгли Ладогу, но утвердиться здѣсь не смогли. Въ слѣдующемъ 1314 г. новгородцы ходили войною на Корелу, которая избила русскихъ въ Корельскомъ городкѣ и передалась шведамъ. Подъ предводительствомъ велико-княжескаго намѣстника Ѳедора, новгородцы подступили къ этому городу, овладѣли имъ и перебили тутъ шведовъ и перевѣтниковъ корелянъ. Въ 1317 году шведы приходили въ Ладожское озеро и перебили много Обонижскихъ купцовъ Новгородцы не спустили этого шведамъ: въ слѣдующемъ же 1318 г. пошли за

море въ Полную рѣку, и „много воеваша, и взяша Людеревъ (Або), городъ Сумьскаго князя, и пискупль“. Года четыре прошло безъ набѣговъ; въ 1322 г. шведы снова подступили къ Корельскому городу, но взять его не смогли. Тогда новгородцы призвали князя Юрія Московскаго, который велѣлъ строить пороки, и лѣтомъ 1322 года повелъ новгородцевъ къ Выборгу. Изъ шести пороковъ били новгородцы по городу (твердъ бо бѣ, сказано въ лѣтописи), перебили въ городѣ много шведовъ, плѣнныхъ частію перевѣшали, а частію отправили на Низъ (въ Суздальскую землю), но все-таки города не взяли и отступили, потерявъ нѣсколько и своихъ добрыхъ мужей (за грѣхи наша, нѣколико мужъ добрыхъ паде, сказано въ первой Новгородской лѣтописи).

Разсчитывая, что шведы не преминутъ мстить за нападеніе на Выборгъ, новгородцы, предводимые княземъ Юріемъ, поставили городъ (крѣпость) на устьѣ Невы, на Орѣховомъ островѣ (Орѣшекъ), но вмѣсто войска сюда прибыли великіе послы отъ шведскаго короля съ мирными предложеніями. „И докончаша миръ вѣчный съ княземъ и съ Новымъ городомъ по старой пошлинѣ“, сказано въ лѣтописи.

Псковъ не принималъ никакого участія въ войнахъ новгородцевъ со шведами, не принималъ участія и во внутреннихъ новгородскихъ дѣлахъ, живя, какъ бы всторонѣ, своею особою, самостоятельною жизнію. Давно уже Псковъ стремился выйти изъ подъ опеки старшаго своего брата Новгорода. По смерти Довмонта въ 1299 г. стремленія эти не стихли, но еще усилились. Новгородцы, конечно, не могли равнодушно смотрѣть на подобныя стремленія, отсюда являются и натянутыя отношенія и непріятности. Псковъ изстари въ церковномъ отношеніи былъ подвѣдомственъ Новгородскому владыкѣ. Это не нравилось псковичамъ, они хотѣли бы имѣть своего особаго епископа, а это снова возбуждало непріятности. Въ первой Псковской лѣтописи подъ 1307 годомъ отмѣчено (см. П. С. Р. Л. IV, 183): „Бысть псковичамъ немире со владыкою Θеоктистомъ и съ новгородцы“. Но изъ за чего возникло немирье, чѣмъ оно было устранено, лѣтописецъ не объясняетъ.

Псковъ, какъ и Новгородъ, не любили и не могли долго оставаться безъ князя, ибо князь въ то время былъ и предводитель войска и вмѣстѣ съ тѣмъ и главный судья. Князь приводилъ съ собою дружину и былъ обязанъ защищать волость отъ внѣшнихъ враговъ. Псковичи охотно принимали къ себѣ русскихъ князей. Такъ подъ 1293 г. въ первой Псковской лѣтописи читаемъ: „Прибѣжа великій князь Дмитрій Александровичъ въ Псковъ съ Низу, и пріяша и псковичи съ честью“. Въ другой разъ подъ 1323 г. сказано: „Пріѣхаша великій князь Юрій въ Псковъ съ Низу, и пріяша и псковичи съ честью отъ всего сердца“. Но русскіе князья не могли

по долгу оставаться въ Псковѣ: у нихъ идетъ вопросъ, какому княжеству пересилить всѣ остальныя. Они, являясь только по необходимости, на короткое время, не могли защищать Псковъ. Отъ Новгорода также плоха надежда на помощь: тамъ безпрестанныя усобицы и борьба со шведами. А между тѣмъ Псковъ былъ подъ постоянною грозою войны съ рыцарями. Правда съ ливонскими властителями былъ заключенъ миръ, но что значилъ въ тѣ времена миръ, когда его никто и не думалъ исполнять, слѣд. приходилось быть вѣчно на сторожѣ. Къ кому же послѣ этого было обращаться за помощью, если не къ русско-литовскимъ князьямъ, къ тѣмъ преимущественно, которые не покладывали оружія въ борьбѣ съ тевтонскимъ орденомъ. Съ литовскими князьями псковичи и имѣли сношенія, тѣмъ болѣе что въ сосѣднемъ Пскову Полоцкомъ княженіи давнымъ давно сидѣли уже литовскіе князья.

Князь Довмонтъ умеръ въ 1299 г. (см. выше стр. 131). Лѣтъ 20 послѣ того прошло, и у псковичей не было войны ни съ ливонскими рыцарями, ни съ датскими вассалами, по крайней мѣрѣ ни въ псковскихъ, ни въ новгородскихъ лѣтописяхъ ни слова не упоминается о какихъ либо военныхъ дѣйствіяхъ псковичей съ нѣмцами. Военныя дѣйствія возобновились съ того времени, когда возникла рѣчь объ обращеніи Гедимина въ католичество. Въ ливонскихъ документахъ сохранилось извѣстіе (см. UrkundenBuch Бунге № 685), что ливонскіе рыцари и эстонскіе вассалы, встревоженные тѣмъ, что псковичи призвали къ себѣ княземъ непримиримаго врага нѣмцевъ, князя Давида Гродненскаго (см. выше стр. 183), заключили въ январѣ 1323 года съ новгородцами союзъ, въ силу котораго обязались не заключать съ псковичами никакого отдѣльнаго мира, пока Псковъ не подчинится новгородцамъ по старинѣ. 3 февраля 1323 г. князь Давидъ сдѣлалъ набѣгъ на Эстонію, доходилъ до самаго Ревеля, и въ отомщеніе за него замѣститель ливонскаго магистра Кетельгодъ предпринялъ, какъ свидѣтельствуетъ Вартбергъ, большой походъ на Псковъ. О заключеніи союза новгородцевъ съ нѣмцами, новгородскія лѣтописи не уиоминаютъ ни слова, не уиоминаютъ также и псковскія лѣтописи, такъ что приведенный у Бунге вышеназванный документъ № 685 отъ 28 января 1323 г. представляетъ нѣчто невѣроятное. Первая Псковская лѣтопись (см. П. С. Р. Л. IV, 184) причины возобновленія военныхъ дѣйствій излагаетъ совсѣмъ не такъ, какъ слѣдовало бы заключить по нѣмецкому источнику. По этому источнику нѣмцы заключили союзъ съ новгородцами и возобновили военныя дѣйствія, когда князь Давидъ напалъ на Эстонію. По словамъ же псковской лѣтописи дѣло было такъ:

Осенью 1322 г., во время мира, нѣмцы перебили псковскихъ купцовъ на озерѣ и рыболововъ на рѣкѣ Наровѣ и опустошили часть псковской волости (берегъ Черемескъ взяша, сказано въ лѣтописи).

Въ это время въ Псковѣ находился князь Юрій Даниловичъ Московскій. Занятый своими болѣе важными, чѣмъ псковскія, дѣлами, онъ готовился уѣзжать въ Новгородъ, и отомстить нѣмцамъ за избіеніе куицовъ и рыболововъ не могъ. Тогда псковичи послали къ князю Давиду Гродненскому, всегда и всюду готовому биться съ нѣмцами, звать его въ Псковъ. О масляной князь Давидъ пріѣхалъ въ Псковъ и немедленно же съ псковичами (конечно и со своею дружиною) пошелъ за Нарову и опустошилъ датскую Эстонію до Ревеля (плѣни землю ихъ до Колывани, сказано въ лѣтописи). Князь Юрій въ это время уѣхалъ въ Новгородъ.

Въ отмщеніе-ли за этотъ набѣгъ, или и просто чтобъ поживиться на счетъ Пскова, нѣмцы 13 марта 1323 г. со всею силою подошли къ Пскову, стояли у города трое сутокъ и ушли съ позоромъ, отъидоша посрамленни, сказано въ лѣтописи, т. е. были отбиты съ урономъ Князь великій Юрій и новгородцы не помогли, прибавляетъ лѣтописецъ. Давидъ уѣхалъ домой въ Гродну, а между тѣмъ 11 мая нѣмцы снова стали подъ Псковомъ, пришли загордившись, въ силѣ тяжкой, безъ Бога: пришли на корабляхъ, въ лодкахъ и на коняхъ, со стѣнобитными машинами, подвижными городками и со многимъ замышленіемъ, говоритъ псковскій лѣтописецъ. (Вартбергъ пишетъ подъ 1323 г., что походъ на Псковъ предпринялъ замѣститель магистра Кетельгодъ, который завоевалъ псковскую землю и городъ). На первомъ приступѣ осаждающіе убили посадника Семена Олексинича; осада продолжалась 18 дней, при чемъ осаждающіе били стѣны машинами, придвигали городки, приставляли лѣстницы Въ это время много гонцовъ псковичи посылали къ великому князю Юрію и въ Новгородъ, прося помощи, потому очень ужь притужно приходилось Пскову. Одна нѣмецкая дружина стояла за рѣкою Великою и что гдѣ захватитъ въ плѣнъ, человѣческую-ли голову или скотъ, сейчасъ везетъ за Великую. Въ Изборскѣ въ это время находился князь Евстафій (Остафей, по лѣтописи). Поднялъ онъ изборянъ, пошли они на помощь Пскову, кто пѣшій, кто на конѣ. Подойдя къ Завеличью, князь Евстафій оставилъ пѣшихъ ратниковъ за нолемъ, а самъ съ конными ударилъ на нѣмцевъ, и абіе нѣмцы не успѣша ничтоже, говоритъ лѣтопитецъ, князь перебилъ однихъ, другіе утонули въ рѣкѣ, отнялъ полонъ, отогналъ скотъ. Тутъ Божіимъ поспѣшеніемъ пріѣхалъ изъ Литвы князь Давидъ Гродненскій со своею дружиною; ополчился онъ съ псковичами и иомощію святыя Троицы и молитвою князя Всеволода и Тимофея, ирогналъ нѣмцевъ за Великую рѣку, отнялъ у нихъ машины, сжегъ ихъ городки и иныя замышленія, и убѣжали нѣмцы со многимъ стыдомъ и срамомъ А князь великій Юрій и новгородцы не помогли, снова прибавляетъ лѣтописецъ, указывая тѣмъ самымъ, что псковичамъ ничего и не оставалось, какъ обращаться за помощью къ литовско-русскимъ князьямъ.

Хотя Вартбергъ и пишетъ, будто Кетельгодъ завоевалъ псковскую землю и Псковъ, но это совсѣмъ не правда: Псковская волость, конечно, потерпѣла раззоренія, но и только. Псковъ остался цѣлымъ и нѣмцы никакихъ существенныхъ успѣховъ не имѣли, напротивъ, въ скоромъ времени, какъ свидѣтельствуетъ первая Псковская лѣтопись (см. П. С. Р. Л. IV, 185), прислали въ Псковъ большое посольство отъ всей нѣмецкой земли, которое и заключило миръ „по псковской волѣ по всей".

Военныя дѣйствія между Псковомъ и ливонскими властителями стихли въ 1323 г. Во время этой войны со Псковомъ и происходила дѣятельная переписка объ обращеніи Гедимина въ католичество (см. выше стр. 186). Послѣ замиренія съ Псковомъ, всѣ ливонскіе властители и эстонскіе вассалы съѣхались 10 августа 1323 г. въ Эдермесѣ (нынѣ Эрмесъ, недалеко отъ Валка) и здѣсь постановили заключить миръ съ Гедиминомъ. Было для этого снаряжено посольство (отъ датской Эстоніи послами были ревельскій пріоръ братьевъ проповѣдниковъ Арнольдъ и рыцарь Генрихъ Паренбекскій), которое и заключило, какъ уже было разсказано выше (см. стр. 189) договоръ съ Гедиминомъ 2 октября 1323 г. Въ дальнѣйшихъ событіяхъ датскіе властители Эстоніи не принимали никакого участія, напротивъ твердо сохраняли миръ съ Гедиминомъ и поддерживали дружескія связи съ Новгородомъ (см. Urkundenbuch Бунге, №№ 3073, 3074, а также № 692), но далеко не спокойно было въ это время въ Сѣверно-восточной Руси

Вражда между Тверью и Москвою не только не стихала, но разыгрывалась сильнѣе и сильнѣе. Въ 1324 г. Димитрій Тверской убилъ князя Юрія Московскаго, а въ слѣдующемъ 1325 г. былъ самъ убитъ татарами. Ханъ Узбекъ отдалъ, однако, великое княженіе брату Димитрія, князю Александру Михайловичу (сыну князя Михаила Тверскаго, убитаго въ Ордѣ 22-го ноября 1318 году). Тверь такимъ образомъ взяла перевѣсъ надъ Москвою, но очень не на долго. Въ 1327 году пріѣхалъ въ Тверь знатный ордынскій носолъ Чолханъ (Шевкалъ или Щелканъ по нашимъ лѣтописямъ), двоюродный братъ хана Узбека. Татары Чолхановы, по обычаю, начали своевольничать и обижать тверичей, чѣмъ и озлобили иослѣднихъ до крайности. 15-го августа, въ базарный день, какой-то дьяконъ Дюдко повелъ своего молодаго коня поить на Волгу. Крѣпко понравился конекъ татарамъ и они начали отбирать его у дьякона. „Мужи тверстіи, не выдавайте!" завопилъ дьяконъ. Началось смятеніе и тверичи перебили татаръ, сожгли самаго Чолхана съ княжескимъ домомъ, въ которомъ онъ проживалъ. Отъ поголовнаго избіенія спаслись только татарскіе табунщики, пасшіе лошадей за городомъ. Они успѣли бѣжать въ Москву и оттуда дали знать хану о гибели Чолхана. Московскимъ княземъ былъ въ это время князь Іоаннъ Калита, братъ убитаго

Юрія Данпловича. Разгнѣванный Узбекъ прислалъ Калитѣ 50000 татаръ и поручилъ ему наказать тверичей и ихъ князя Александра Михайловича. Калита съ татарами вступилъ въ Тверскую волость, которые и раззорили ее до конца: жители разбѣжались по лѣсамъ, князь Александръ Михайловичъ, видя совершенную невозможность противиться нашествію, со своимъ семействомъ ушелъ въ Новгородъ, но новгородцы, боясь татаръ, не приняли его. Тогда Александръ бѣжалъ въ Псковъ. Въ слѣдующемъ 1328 г. Калита отправился въ Орду. Здѣсь ханъ Узбекъ далъ ему ярлыкъ на великое княженіе Владимірское; брату Александрову, князю Константину Михайловичу далъ Тверь и поручилъ имъ „искать“ Александра, котораго псковичи приняли съ большею честію (нріяша честно, и крестъ къ нему цѣловаша, и посадиша его на княженіе, сказано въ первой Псковской лѣтописи). Вслѣдствіе этого русскіе князья прислали изъ Новгорода въ Псковъ сказать князю Александру, чтобы онъ ѣхалъ въ Орду къ Узбеку. Александръ хотѣлъ ѣхать, но псковичи не пустили, говоря: „Не ѣзди, господине, въ Орду; оже что будетъ на тебѣ, изомремъ, господине, съ тобою во единомъ мѣстѣ“. Тогда Калита уговорилъ митрополита Осогноста послать въ Псковъ проклятіе и отлученіе на князя Александра и на весь Псковъ, если князь Александръ не исполнитъ требованіе князей. „Братья и друзья мои, сказалъ Александръ, не будь на васъ проклятія и отлученія ради меня, ѣду вонъ изъ вашего города и снимаю съ васъ крестное цѣлованіе, толь цѣлуйте крестъ, что не выдадите княгини моей“. Александръ уѣхалъ въ Литву къ Гедимину, а послы псковскіе отправились къ Калитѣ, стоявшему въ Опочкѣ и заявили ему, что князь Александръ уѣхалъ и весь Псковъ, отъ мала до велика, кланяется ему, великому князю. Калита удовольствовался этимъ заявленіемъ и заключилъ съ псковичами миръ вѣчный по старинѣ, по отчинѣ и по дѣдинѣ, а митрополитъ Осогностъ съ новгородскимъ владыкою Мойсеемъ благословили Псковъ.

Князь Александръ полтора года пробылъ въ Литвѣ и когда гроза пріутихла, пріѣхалъ въ Псковъ къ княгинѣ. Псковичи приняли его съ честію и снова посадили у себя на княженіе. Ни Калита, ни Узбекъ не тревожили псковичей за это, и князь Александръ 10 лѣтъ княжилъ во Псковѣ, пребывая въ мирѣ со своими сосѣдями. Однако, онъ скучалъ по своей отчинѣ Твери, его мучила мысль, что дѣти и потомство его лишены княженія въ Тверской землѣ, а Псковъ, по формамъ его быта, не могъ быть наслѣдственнымъ княжествомъ въ его родѣ. Въ 1336 г. онъ послалъ въ Орду своего сына Оедора разузнать, нельзя-ли какъ нибудь умилостивить Узбека и, узнавъ, что надежда на успѣхъ есть, въ 1337 г. самъ поѣхалъ въ Орду. Узбекъ простилъ его и возвратилъ Тверское княженіе. Калитѣ сильно не понравилось возстановленіе Александра на Тверскомъ княженіи, потому что московскому князю пришлось снова вѣдаться съ такимъ

гордымъ и строптивымъ сосѣдомъ, какимъ былъ князь Александръ. Они не поладили между собою, не заключили мира; соперничество между ними возобновилось и могло кончиться только гибелью одного изъ соперниковъ Калита рѣшился предупредить своего врага: въ 1339 г. поѣхалъ къ Узбеку и такъ успѣлъ возстановить хана, что онъ потребовалъ Александра въ Орду. Александръ послушался, прибылъ съ сыномъ Оедоромъ въ Орду, гдѣ оба они были умерщвлены 29 октября 1339 г.

На Тверскомъ столѣ снова сѣлъ смирный, осторожный Константинъ Михайловичъ. Москва восторжествовала и Калита, низложивъ своего соперника, явился самымъ сильнымъ княземъ въ сѣверо-восточной Руси. Новгородцы очень хорошо понимали опасность, которая грозила ихъ самостоятельности со стороны сильнаго Московскаго князя, и ясно видѣли, что имъ такъ или иначе, но придется отказаться отъ своего стариннаго вѣчеваго быта и приравняться къ Москвѣ, если ни откуда не будетъ помощи. Но Тверь пала, прочіе князья безсильны, къ кому-же обратиться за помощію, если не къ Литвѣ, а обратиться необходимо, потому что Московскій князь не даетъ мира, требуетъ денегъ для Орды, для покупки селъ и городовъ въ другихъ княжествахъ. И вотъ подъ 1333 г. въ первой Новгородской лѣтописи сказано, что вложилъ Богъ въ сердце князю Наримонту (въ православіи Глѣбу), сыну Гедимина, прислать въ Новгородъ съ просьбою позволить ему поклониться св. Софіи. Новгородцы послали звать его, и онъ немедленно пріѣхалъ, принятъ былъ съ честію, цѣловалъ крестъ ко всему Новгороду и получилъ пригороды: Ладогу, Орѣшекъ, Корельскій городокъ съ Корельскою землею и половину Копорья въ отчину и дѣдину. Осторожный Калита не желалъ возбуждать противъ себя Гедимина, не противился связямъ новгородцевъ съ Наримонтомъ, напротивъ перемѣнилъ тонъ и помирился съ новгородцами, которые, впрочемъ, сами скоро убѣдились въ ненадежности союза съ Литвою. У нихъ въ 1337 г. началась война со шведами, опять по поводу корелъ, которые перебили новгородскихъ и ладожскихъ купцовъ, находившихся въ ихъ землѣ, и потомъ бѣжали въ Выборгъ, откуда стали выходить и грабить новгородскія земли. Въ слѣдующемъ году новгородцы съ посадникомъ Оедоромъ Даниловичемъ стали подъ Орѣшкомъ и завели переговоры со шведскимъ воеводою Стеномъ. Переговоры кончились ничѣмъ, новгородцы возвратились домой, а шведы съ Корелою продолжали воевать и сожгли посадъ у Ладоги. Въ отомщеніе за это молодцы новгородскіе (такъ сказано въ лѣтописи) съ воеводами повоевали землю около Выборга, хлѣбъ пожгли, скоть изрубили и пришли домой съ полономъ. По ихъ удаленіи, шведы вышли изъ Выборга, воевали Толдогу (между Ямою и Копорьемъ, въ 160 верстахъ отъ Новгорода) и отсюда пошли на Водскую землю, но тутъ ничего не взяли, потому что жители постерегліись, и вслѣдъ за тѣмъ шведы были разбиты

копорьянами. Тогда изъ Выборга пришли шведскіе послы въ Новгородъ отъ воеводы Петрика и объявили, что шведскій князь ничего не знаетъ о войнѣ, началъ войну своевольно Стенъ воевода. Вслѣдствіе такого заявленія новгородцы отправили своихъ пословъ въ Выборгъ, которые и заключили миръ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ помирился князь Юрій Даниловичъ на Невѣ; относительно же Кобылитской Корелы положено было послать къ шведскому князю. Въ слѣдующемъ 1339 г. новгородцы отправили пословъ къ шведскому князю, которые и заключили съ нимъ миръ по старымъ грамотамъ.

Во время этой войны князь Наримонтъ былъ въ Литвѣ; новгородцы много разъ посылали за нимъ, но онъ не только не пріѣхалъ, но и сына своего Александра вывелъ изъ Орѣшка, оставивъ только своихъ намѣстниковъ. Такъ къ чему же послѣ этого служили связи и союзъ съ Литвою? А между тѣмъ Калита потребовалъ отъ новгородцевъ большей суммы денегъ противъ той, какую получалъ на дань хану, подъ тѣмъ предлогомъ, что ханъ увеличилъ свои требованія. Новгородцы отказались давать лишнія деньги, говоря: „Этого у насъ не бывало отъ начала міра; а ты цѣловалъ крестъ по старой пошлинѣ новгородской и по грамотамъ Ярослава“. Калита отозвалъ изъ Новгорода своихъ намѣстниковъ и пошелъ бы на новгородцевъ войною, но умеръ 31 марта 1341 г., не успѣвъ кончить дѣлъ своихъ съ Новгородомъ, но успѣвъ, однако, дать своимъ современникамъ почувствовать добрыя слѣдствія своего усиленія надъ прочими князьями и выгоды единовластія. Съ тѣхъ поръ, какъ московскій князь, Іоаннъ Даниловичъ, сталъ великимъ княземъ, сказано въ Никоновской лѣтописи (III, 141) наступила тишина великая по всей Русской землѣ и перестали татары воевать ее.

Въ томъ же 1341 году, кончилъ свои дни и другой собиратель русскихъ земель, русско-литовскій великій князь Гедиминъ, среди борьбы со своими непримиримыми врагами, рыцарями прусскими и ливонскими.

Ливонскій магистръ, Эбергардъ Монгеймскій, управлявшій орденскими дѣлами въ Ливоніи съ 1328 г. не принималъ никакого участія въ войнахъ прусскихъ рыцарей съ Польшею и Литвою, не трогалъ и псковскихъ земель. Всѣ свои силы онъ долженъ былъ обратить на борьбу съ Ригою, но лишь только Рига ему сдалась, какъ магистръ не замедлилъ отплатить литовцамъ за ихъ набѣги. Въ августѣ 1330 г. онъ сдѣлалъ набѣгъ на Жмудь, при чемъ, какъ пишетъ Вартбергъ, перебилъ до 500 человѣкъ жмудинъ, опустошивъ и раззоривъ ихъ землю. Въ скоромъ времени послѣ этого похода ему пришлось ѣхать въ Пруссію на выборъ новаго великаго магистра, ибо великій магистръ Вернеръ Оргельнскій 19 ноября 1330 г. былъ умерщвленъ орденскимъ братомъ Іоанномъ Эндорфскимъ изъ мщенія за строгое обращеніе съ

нимъ Вернера (убійца былъ признанъ сумасшедшимъ и впослѣдствіи по папскому приговору былъ заключенъ въ тюрьму на всю жизнь).

Капитулъ, собравшійся въ Маріенбургѣ, избралъ 17 февраля 1331 г. великимъ магистромъ Тевтонскаго ордена Христбургскаго командора Лютера (Людера) герцога Брауншвейгскаго. Все вниманіе новаго великаго магистра должно было обратиться на отношенія къ Польшѣ, сторону которой держалъ папа Іоаннъ XXII. Война ордена съ Польшею и ея королемъ Владиславомъ Локеткомъ возобновилась въ томъ же 1331 г. Орденское войско опустошило Куявскую землю, за тѣмъ великій магистръ, усиливъ свои войска наемными ратниками изъ Германіи и вызвавъ въ Пруссію ливонскаго магистра Эбергарда Монгеймскаго съ его братіею и ратниками, въ сентябрѣ 1331 г. распорядился походомъ на Великую Польшу. Орденское войско страшно раззорило земли около Калиша и Гнѣзна, забрало огромный полонъ и добычу. Локетекъ выступилъ противъ орденцевъ и подъ Пловцами (деревня между Радзеевомъ и Брестомъ) 27 сентября 1331 г. дѣло дошло до сраженія. Въ началѣ сраженія орденское войско потерпѣло сильнѣйшее пораженіе, много орденскихъ сановниковъ и самъ главнокомандующій (маршалъ) Дитрихъ Альтенбургскій были захвачены въ плѣнъ, но орденцы оправились, напали на польское войско освободили маршала и разбили поляковъ. Война продолжалась весь 1332 г., орденцы овладѣли всею Куявскою землею; Локетекъ, получивъ помощь изъ Венгріи, вторгся въ Кульмскую землю, но дѣло до рѣшительнаго боя не дошло: при посредствѣ чешскаго и венгерскаго королей начались переговоры о мирѣ. Мира не добились, но заключили перемиріе, а между тѣмъ 2 марта 1333 г. Локетекъ умеръ, на польскій престолъ вступилъ его сынъ, Казиміръ. Перемѣна эта не повлекла за собою, однако же, мира: заключались краткосрочныя перемирія и нарушались вновь. Польша и орденъ такъ и оставались во враждебныхъ отношеніяхъ многіе годы.

Война съ Польшею мѣшала Тевтонскому ордену предпринять что либо важное противъ Гедимина, но мелкая война и набѣги шли своимъ чередомъ. Ливонскій магистръ Эбергардъ въ особенности часто дѣлалъ набѣги на Жмудь. Въ 1332 г , по возвращеніи изъ Пруссіи, онъ, какъ пишетъ Вартбергъ (см. Приб. Сб. II, 102), сдѣлалъ набѣгъ на Жмудь и доходилъ до дворовъ Мозейки и Виндейки (нынѣ Мозейкишки и Виндейки, близь Свѣнты, притока Виліи). Въ слѣдующемъ 1333 г. онъ вмѣстѣ съ прусскими рыцарями сдѣлалъ новый набѣгъ на Жмудь и доходилъ до Вилькенберга (нынѣ Вилкоміръ), и въ томъ же году на ладьяхъ подходилъ къ Полоцку. Въ слѣдующемъ 1334 г. онъ сдѣлалъ набѣгъ къ Вильнѣ, былъ въ четырехъ миляхъ отъ этого города, истребилъ литовцевъ 1200 человѣкъ и ходилъ снова подъ Полоцкъ. Въ походѣ подъ Полоцкъ принималъ участіе графъ Вильгельмъ Аренсбургскій. Въ 1335 г. великимъ постомъ онъ заложилъ

и построилъ въ Семигалліи крѣпость (замокъ) Добленъ для обезпеченія страны отъ литовскихъ набѣговъ.

Само собою разумѣется, что эти набѣги, въ тѣ времена называвшіеся рейзами, не влекли за собою никакихъ важныхъ іослѣдствій. Одинъ изъ такихъ рейзовъ заслуживаетъ упоминанія, чтобы видѣть, до какого ожесточенія доходили въ тѣ времена и христіане, и язычники.

Въ концѣ апрѣля 1335 г. умеръ великій магистръ Лютеръ Брауншвейгскій. По обычаю въ Маріенбургѣ собрались орденскіе сановники изъ Германіи и Ливоніи для выбора новаго великаго магистра. Выборъ палъ на орденскаго маршала Дитриха Альтенбургскаго, человѣка сколько отважнаго, столько же и опытнаго въ военномъ дѣлѣ. Въ это время папскій престолъ въ Авиньйонѣ занималъ Бенедиктъ XII, набожный, безкорыстный монахъ изъ Тулузы. На первыхъ же порахъ своего папства онъ обнаружилъ искреннее желаніе примириться съ императоромъ Людовикомъ, противъ котораго его предшественникъ, Іоаннъ XXII, враждовалъ многіе годы до самой своей смерти, примириться и съ Тевтонскимъ орденомъ, всегда стоявшимъ на сторонѣ императора. Примиреніе съ императоромъ и послѣдовало бы, если бы этому не воспрепятствовали интриги короля Филиппа VI французскаго; къ ордену же Бенедиктъ XII отнесся весьма благосклонно, настаивалъ только, чтобы орденская братія продолжала борьбу съ литовскими язычниками.

Со времени перенесенія главнаго орденскаго дома въ Пруссію, когда Палестина явилась въ рукахъ мусульманъ, паломничество въ Святую Землю знатные рыцари въ Европѣ замѣняли паломничествами въ Пруссію. Они являлись сюда и предпринимали здѣсь военныя путешествія, рейзы, лучше сказать охоту и облаву на литовскихъ язычниковъ, оставаясь въ полномъ убѣжденіи, что ограбленіемъ и умерщвленіемъ язычниковъ, они пріобрѣтутъ и прощеніе грѣховъ себѣ при жизни, и рай по смерти. Для пріема такихъ знатныхъ паломниковъ въ Пруссіи появились въ многихъ мѣстахъ Іерусалимы, побывавъ въ которыхъ паломники шли на берега Нѣмана и участвовали въ пограничныхъ набѣгахъ на Литву. Знатные паломники являлись и въ Ливоніи (графъ Вильгельмъ Аренсбургскій, ходившій съ ливонскимъ магистромъ подъ Полоцкъ, былъ однимъ изъ такихъ паломниковъ), но въ гораздо меньшемъ числѣ, чѣмъ являлись въ Пруссіи. По настоянію ли новаго папы, или же по приглашенію новаго великаго магистра, но только въ февралѣ 1336 г. явилось въ Пруссію человѣкъ 200 весьма знатныхъ паломниковъ — въ числѣ ихъ были: сынъ императора маркграфъ Людовикъ Бранденбургскій, графъ Филиппъ Намюрскій, графъ Геннебергскій и много рыцарей и знатныхъ лицъ изъ Франціи и Германіи. Самъ великій магистръ собралъ значительное число своихъ ратниковъ и рѣшился, ради высокихъ гостей,

устроитъ имъ большую рейзу, большую облаву на язычниковъ. Въ концѣ февраля, когда рѣки и болота замерзли и открылся свободный путь всюду, онъ повелъ паломниковъ и свое войско въ Литву, въ Нальщанское княжество, еще не вдосталь раззоренное. Цѣлію похода было овладѣть литовскою крѣпостью Пулленъ (Пилленонъ, Пилоненъ), въ которой проживала какая-то извѣстная у литовцевъ жрица и пророчица, а уничтоженіе мѣстъ, имѣвшихъ религіозное значеніе у литовцевъ, составляло одну изъ важнѣйшихъ задачъ ордена. Крѣпость Пулленъ была окружена глубокимъ рвомъ и высокими стѣнами изъ толстыхъ бревенъ. Сюда-то въ эту крѣпость собралось изъ окрестностей тысячь до четырехъ народа съ женами, дѣтьми и цѣннымъ имуществомъ, ибо вѣсть о появленіи христіанскаго войска разошлась уже далеко. Мѣстный князекъ (державца) Маргеръ распоряжался обороною. Паломники окружили крѣпость и начали осаду, засыпая ровъ и разбивая бревенчатую крѣпостную стѣну машинами. Осажденные отчаянно защищались, но скоро увидѣли, что имъ не отбиться отъ враговъ, предпочли погибнуть всѣмъ до единаго, чѣмъ сдаваться въ рабство. Они сложили внутри крѣпости огромный костеръ и предварительно сожгли въ немъ свое имущество, потомъ отцы начали избивать своихъ дѣтей, мужья своихъ женъ, и трупы побросали въ костеръ. За тѣмъ литовцы раздѣлились попарно и одинъ другому вонзили мечи прямо въ грудь. Остававшіеся еще въ живыхъ протягивали свои шеи подъ топоръ старой жрицы; исполнивъ свое дѣло, она сама бросилась въ костеръ. Въ это время христіанское войско ворвалось въ крѣпость. Маргеръ поразилъ перваго встрѣчнаго, но видя безполезность сопротивленія, бросился въ подземелья замка, умертвилъ находившуюся тамъ свою жену и закололъ самаго себя. Огонь превратилъ въ пепелъ всѣ трупы и самую крѣпость, отъ которой не осталось и слѣдовъ. Великій магистръ, захвативъ въ полонъ немногихъ жителей, вышелъ изъ страны, получивъ извѣстіе, что король Казиміръ Польскій, воспользовавшись отсутствіемъ магистра, напалъ на орденскія земли.

Литовцы не подали своевременно помощи осажденному Пуллену, но все таки отмстили орденцамъ. Они ограбили ближайшія орденскія земли и увели оттуда большой полонъ.

Въ слѣдующемъ 1337 г. состоялся новый большой походъ на литовскихъ язычниковъ. Подъ главнымъ начальствомъ чешскаго короля Іоанна, въ Чехіи и Силезіи собралось много знатныхъ князей съ многочисленными дружинами. Войско двинулось въ походъ чрезъ Польшу. Великій магистръ встрѣтилъ крестоносцевъ въ Куявахъ. Скоро къ нимъ присоединился король Казиміръ и при посредничествѣ Іоанна возобновилъ миръ съ орденомъ. Впрочемъ, ни чешскій, ни польскій короли въ дальнѣйшій походъ на литовцевъ не отправились; главное начальство надъ войскомъ было поручено герцогу Генриху

Баварскому, который и повелъ его къ устью рѣки Дубиссы. Здѣсь на островѣ онъ отстроилъ крѣпость Маріенвердеръ, за тѣмъ нѣсколько ниже по Нѣману, въ четверти мили отъ литовской крѣпости Велоны онъ построилъ крѣпость, назвавъ ее Байербургомъ, и овладѣлъ Велоною. Эту литовскую крѣпость, названную Фридбургомъ, онъ перестроилъ вновь и продалъ ордену. Такимъ образомъ въ рукахъ ордена явились на правомъ берегу Нѣмана три укрѣпленные пункта, изъ которыхъ важнѣйшимъ былъ Байербургъ. Новыя крѣпости получили и новое вооруженіе: огнестрѣльныя орудія, которыя только что въ это время появились въ Западной Европѣ. Крестоносцы ограничились постройкою крѣпостей; осенью 1337 г. возвратились въ Пруссію, ни разу не встрѣтившись съ литовцами въ открытомъ полѣ.

Ливонскіе рыцари въ этихъ походахъ не только не принимали никакого участія, напротивъ въ 1338 г. заключили договоръ съ Гедиминомъ (см. Русско-Ливонскіе акты, № 68), что, конечно, облегчило Гедимину борьбу съ прусскими рыцарями, которые около этого времени, именно въ 1338 г., получили отъ императора Людовика IV дипломъ на владѣніе всею Литвою. Въ этомъ дипломѣ императоръ, восхваляетъ орденъ за его дѣятельность по распространенію католичества и покоренія язычниковъ, называетъ великаго магистра „княземъ и любезнѣйшимъ членомъ имперіи“ и за тѣмъ даритъ ордену на вѣчныя времена Литву, Жмудь, Карсовію, Русь, т. е. даритъ то, что никогда ему не принадлежало, при чемъ императоръ ставитъ условіемъ, чтобъ Байербургъ былъ столицею орденскихъ владѣній. Само собою разумѣется, что этотъ дипломъ не имѣлъ никакого практическаго значенія.

Появленіе крѣпостей на правомъ берегу Нѣмана не могло не тревожить Гедимина уже потому одному, что прусскіе рыцари, имѣя опору въ нѣмецкихъ крѣпостяхъ, могли распространять свои завоеванія литовскихъ земель дальше и дальше. Вскорѣ за постройкою Байербурга появилась новая крѣпость и въ пограничныхъ съ Ливоніею литовскихъ земляхъ. То былъ замокъ Терветенъ, построенный, какъ пишетъ Вартбергъ, ливонскимъ магистромъ Эбергардомъ Монгеймскимъ въ 1339 г. Отстроивъ крѣпость, магистръ Эбергардъ сдѣлалъ въ томъ же 1339 г. набѣгъ на Жмудь въ обычное въ тѣ времена для подобныхъ набѣговъ время, именно около Срѣтенія (2 февраля). Двое сутокъ онъ грабилъ жмудинъ, но вынужденъ былъ возвратиться домой: наступили холода такіе сильные, что многіе орденскіе ратники замерзли, а другіе поотмораживали себѣ члены. Въ слѣдующемъ 1340 г. онъ предпринялъ новый походъ на Жмудь, который не удался вслѣдствіе наступившей оттепели. Походъ этотъ, пишетъ Вартбергъ, назвали мокрымъ. То былъ послѣдній походъ Эбергарда. Весною 1340 г. онъ былъ отозванъ великимъ магистромъ въ Пруссію, за преклонностію лѣтъ былъ уволенъ отъ дѣлъ, удалился въ Кельнъ, гдѣ и прожилъ на покоѣ свои

послѣдніе дни, состоя, какъ пишетъ Рюссовъ (Приб. Сб. II, 233) командоромъ при кельнской церкви св. Екатерины.

На его мѣсто ливонскимъ магистромъ былъ назначенъ орденскій братъ *Борхардъ Дрейлевенскій*, который прибылъ въ Ригу и вступилъ въ управленіе ливонскими орденскими дѣлами въ Ивановъ день 1340 г. (24 іюня).

Гедиминъ въ это время старался овладѣть орденскими крѣпостями, построенными на правомъ берегу Нѣмана. Онъ осадилъ Байербургъ и тутъ нашелъ свою смерть: каменное ядро, пущенное изъ крѣпостнаго орудія (бомбарды, родъ мортиры; пушки и ружья появились позднѣе) попало въ плечи князя и уложило его на мѣстѣ. Трупъ Гедимина былъ привезенъ въ Вильну и былъ сожженъ по литовско-языческому обычаю и обряду.

Когда именно былъ убитъ Гедиминъ, съ точностію неизвѣстно. Одни лѣтописцы относятъ его смерть къ 1338 г., другіе къ 1337 г., но это невѣрно, ибо Гедиминъ былъ живъ въ 1338 году, доказательствомъ чему служитъ договоръ, заключенный имъ съ Ригою и орденомъ въ этомъ году (см. Русско-Ливонскіе акты № 68). Никоновская лѣтопись относитъ его смерть къ 1340 г., но кажется, что вѣрнѣе всего будетъ сказать, на основаніи показаній другихъ русскихъ лѣтописей, что Гедиминъ былъ убитъ въ 1341 году.

Въ 1340 г. умеръ и великій магистръ Дитрихъ (Теодорихъ) Альтенбургскій. Такимъ образомъ къ 1341 г. почти одновременно сошли съ исторической сцены собиратели русскихъ земель: Гедиминъ Литовскій въ Западной и Іоаннъ Калита Московскій въ Восточной Россіи. Во главѣ тевтонскаго ордена явился новый великій магистръ Лудольфъ Кенигъ Ванцау, и въ главѣ ливонскихъ рыцарей магистръ Борхардъ Дрейлевенскій. Наслѣдіе Калиты перешло къ его дѣтямъ, во главѣ которыхъ сталъ великій князь Симеонъ, по прозванію Гордый; наслѣдіе же Гедиминово явилось въ рукахъ его сыновей. Выступили на историческую сцену новыя лица, но съ перемѣною лицъ ни характеръ отношеній, ни политика преемниковъ Калиты и Гедимина ни мало не измѣнились; точно также не послѣдовало никакой перемѣны въ дѣятельности прусскихъ и ливонскихъ рыцарей по отношенію къ Литвѣ и Россіи съ перемѣною лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія орденскими дѣлами въ Пруссіи и Ливоніи. Овладѣть Жмудью и Литвою — Аукстоте, по прежнему, осталось цѣлію прусскихъ рыцарей; стѣснить псковичей, захватить побольше земель Новгородской Руси имѣли, по прежнему, въ виду ливонскіе рыцари; усилить Москву новыми пріобрѣтеніями, придать дѣйствительную силу московскому княженію осталось, какъ и при Калитѣ, политикою его преемника; отбиться отъ ордена, усилиться пріобрѣтеніями новыхъ русскихъ княжествъ, осталось, какъ и при Гедиминѣ, политикою его преемниковъ. Перемѣнились нравительствующія лица, но не перемѣнились, повторяемъ, ихъ отношенія и стремленія.

Не перемѣнялись отношенія и въ датской Эстоніи. Было уже выше сказано (стр. 214), что эстонскіе вассалы еще при королѣ Эрихѣ VII Менведѣ добились въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ и управленіи большей самостоятельности, которая значительно увеличилась въ правленіе его преемника Христофора II. Король этотъ, даже и во время своего изгнанія и отрѣшенія отъ датскаго престола, титуловалъ себя герцогомъ Эстоніи и всячески старался заполучить съ эстонскихъ вассаловъ деньги, кои подлежали къ уплатѣ его предшественнику королю Менведу. Онъ и получилъ, что слѣдовало, по всей вѣроятности, получилъ несравненно больше, чѣмъ сколько слѣдовало, ибо, по достиженіи вновь датскаго престола, выдалъ 21 сентября 1329 г. въ Копенгагенѣ увѣрительную грамоту (см. Urkundenbuch Бунге, № 737), въ коей заявлялъ, что Эстонія съ находящимися въ ней городами, замками и крѣпостями ни въ какомъ случаѣ не должна быть отчуждаема отъ короны или королевства Даніи ни имъ, ни его преемниками, ни продажею, ни залогомъ, ни соглашеніемъ (contractio), ни какимъ либо другимъ путемъ. Такая увѣрительная грамота ни мало, однако, не помѣшала королю чрезъ нѣсколько недѣль, именно 11-го ноября 1329 г. отдать Эстонію въ ленъ герцогу Гиллонда и Самсэ, Кнуду Порсе*). Впрочемъ, такое пожалованіе осталось безъ всякихъ послѣдствій: Кнудъ Порсе умеръ 30 мая 1330 г., а его сыновья въ послѣдствіи отказались отъ всякихъ правъ на ленное властительство Эстоніею (см. Urkundenbuch Бунге №№ 851, 892 и 893). Эстонскіе вассалы не желали отходить отъ Даніи, но на ихъ желанія не слишкомъ-то обращали вниманіе въ Даніи. Король Христоферъ II, выдавая свою дочь Маргариту за старшаго сына императора Людовика IV Баварскаго, маркграфа Людовика Бранденбургскаго, назначилъ ей въ приданное 4200 марокъ чистаго серебра, изъ коихъ 1200 марокъ обязался выдать послѣ свадьбы немедленно, а 3000 марокъ чрезъ годъ послѣ свадьбы. Бракосочетаніе было совершено въ декабрѣ 1324 г. въ Вордингборгѣ, и въ обезпеченіе приданнаго король заложилъ маркграфу имѣнія въ Эстоніи. По видимому, уплаты приданнаго произведено не было. По смерти Христофора II, послѣдовавшей 21 августа 1332 г., его сынъ Оттонъ, съ согласія своего брата Вальдемара, предоставилъ 6 октября 1333 г. всю Эстонію маркграфу Людовику Бранденбургскому въ видѣ приданнаго за Маргаритою, такъ что Эстонія должна была вслѣдствіе этого совершенно отдѣлиться отъ Даніи. Маркграфу предоставлялось право не только передать Эстонію своимъ за-

*) Этотъ Кнудъ Порсе былъ сыномъ Петра Порсе, одного изъ убійцъ короля Эриха Глипинга. При вступленіи на престолъ Христофора II онъ былъ его приверженцемъ, но впослѣдствіи перессорился съ королемъ и въ 1326 г. былъ въ числѣ главныхъ враговъ этого короля. Въ 1329 г. онъ снова помирился съ королемъ и получилъ въ ленъ Эстонію, по видимому, въ видѣ презента при мировой. Обѣщать и неисполнять обѣщанія въ тѣ времена было вовсе не рѣдкостію.

коннымъ наслѣдникамъ, но и по желанію продать, подарить, промѣнять въ чужія руки. Въ случаѣ жители Эстоніи не захотятъ добровольно подчиниться маркграфу, Оттонъ обязуется силою принудить ихъ къ повиновенію и принесенію присяги (см Urkundenbuch Бунге, № 755). О таковомъ отчужденіи Эстоніи Оттонъ сообщилъ императору (см. Urkundenbuch Бунге № 756, а).

Само собою разумѣется, что подобная сдѣлка была встрѣчена эстонскими вассалами крайне непріязненно; между ними до этой еще сдѣлки, вскорѣ послѣ смерти Христофора II, обнаружились волненія столь сильныя, что датскій королевскій гауптманъ (намѣстникъ), Маркварлъ Брейде, отказался отъ своей должности, а эстонскіе замки предложилъ Тевтонскому ордену. Это уже совершенно запутало отношенія, эстонскіе вассалы совмѣстно съ городомъ Ревелемъ рѣшились обратиться за помощью къ королю Магнусу шведскому. Какъ шли переговоры со шведами и чѣмъ кончились — неизвѣстно, но кажется что ничѣмъ, ибо о послѣдствіяхъ ихъ не имѣется ровно никакихъ свѣдѣній, какъ неизвѣстно, воспользовался-ли Тевтонскій орденъ предложеніемъ гауптмана Маркварда Брейде и занялъ-ли въ Эстоніи замки, или нѣтъ. Кажется, что вовсе не занималъ и лѣтъ шесть прошло безъ всякаго съ чьей-бы то ни было стороны дѣйствія по окончательному рѣшенію вопроса на счетъ дальнѣйшей судьбы Эстоніи. Но, однако же, для Тевтонскаго ордена не все равно было кому принадлежитъ Эстонія — Даніи или Швеціи, или марграфу Бранденбургскому, потому весьма вѣроятно, что орденъ за рѣшеніемъ вопроса о принадлежности Эстоніи обратился къ императору Людовику IV, какъ къ лицу до нѣкоторой степени заинтересованному въ дѣлѣ, ибо его сынъ назначеннаго ему приданнаго не получалъ, а приданнымъ и должна была быть Эстонія.

Императоръ Людовикъ грамотою отъ 9-го марта 1339 года (см. Urkundenbuch Бунге, № 786) поручилъ тогдашнему великому магистру, Дитриху Альтенбургскому, занять Эстонію и городъ Ревель именемъ малолѣтняго короля Вальдемара датскаго, сохранивъ эту страну для названнаго короля; издержки на таковое занятіе императоръ обѣщаетъ возвратить. Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ сообщилъ великому магистру и провинціальному магистру ливонскому, что Эстонія составляетъ приданное жены маркграфа Людовика Бранденбургскаго, потому эту землю, по занятіи оной, слѣдуетъ впослѣдствіи возвратить королю Вальдемару и маркграфу Бранденбургскому, или же уполномоченному императоромъ, дабы маркграфъ могъ быть удовлетворенъ слѣдующимъ ему приданымъ. Но если орденъ желаетъ пріобрѣсти покупкою Эстонію, то и въ этомъ императоръ готовъ оказать ордену свое содѣйствіе (см. Urkundenbuch Бунге № 929, 920).

Имѣли-ли какое практическое примѣненіе подобныя грамоты императора — остается неизвѣстнымъ, но, кажется, что орденъ по

отношенію къ Эстоніи колебался, не дѣлалъ никакихъ рѣшительныхъ шаговъ, вступилъ въ переговоры съ маркграфомъ и Эстоніи не занималъ. Между тѣмъ по умерщвленіи графа Гергарда (1-го апрѣля 1340 г.), Вальдемаръ былъ признанъ королемъ Даніи и явился такимъ образомъ фактическимъ властителемъ Эстоніи. Въ январѣ 1341 г. король Вальдемаръ поручилъ своему гауптману въ Ревелѣ передать Эстонію со всѣми ея укрѣпленіями и принадлежностями маркграфу, по первому его востребованію о томъ (см. Urkundenbuch Бунге, № 789). Но проходили мѣсяцы и вопросъ объ отчужденіи Эстоніи ни мало не подвигался впередъ: маркграфъ во владѣніе не вступалъ, приданнаго не получалъ, а орденъ о покупкѣ Эстоніи не входилъ въ сношенія, хотя и имѣются нѣкоторые поводы полагать, что былъ не прочь купить Эстонію за 13 тысячъ марокъ чистаго серебра, чтобъ изъ этихъ денегъ было уплочено приданное Маргариты (см. Urkundenbuch Бунге № 805). Между тѣмъ въ самой Эстоніи произошло событіе, круто повернувшее всѣ дѣла и приведшее къ быстрому разрѣшенію весь вопросъ объ Эстоніи.

Событіе это было *общее возстаніе чуди**).

Было уже выше сказано, что большинство эстонскихъ вассаловъ (датскихъ королевскихъ мужей) были не датчане, а прирожденные сѣверо-германцы. Пользуясь сумятицами и неурядицами въ Даніи, они овладѣли эстонскими замками и пріобрѣли такую самостоятельность, что зависимость ихъ отъ датской короны была скорѣе номинальною, чѣмъ дѣйствительною. Вотъ почему они такъ заботились, чтобы Эстонія не была отчуждаема отъ датской короны, не переходила подъ чье-либо другое властительство. Чуждые странѣ, не зная надъ собою никакой сильной правительственной власти, эстонскіе вассалы являлись самовластными господами въ своихъ помѣстьяхъ и, заботясь единственно объ увеличеніи доходности со своихъ леновъ, до того угнетали туземцевъ, что довели ихъ до отчаянія. Мы видѣли, что чудь, населявшая Эстонію, упорно отстаивала свою независимость и

---

*) Главнымъ источникомъ для описанія общаго возстанія чуди служитъ ливонская хроника Реннера, найденная въ 1870 г. въ библіотекѣ Бременскаго музейнаго общества и изданная въ Геттингенѣ подъ заглавіемъ „Johann Renner's Livländische Historien". При описаніи событій, происходившихъ въ Ливоніи во второй половинѣ XIII ст., онъ руководился Рифмованною Хроникою; при описаніи же событій, происходившихъ въ Ливоніи въ первой половинѣ XIV ст., онъ руководился, какъ пишетъ въ предисловіи къ своей лѣтописи, Рифмованною Хроникою, написанною священникомъ Варооломеемъ Генекеномъ (Hoeneckeп). Эта вторая Рифмованная Хроника до насъ не дошла, хотя и есть указанія, что она существовала еще въ началѣ XVII ст. Всѣ предпринимавшіеся поиски и разысканія въ древнихъ архивахъ Хроники Генекена оказались тщетными. Со временемъ быть можетъ, она и найдется, но въ настоящее время она извѣстна лишь по тѣмъ выпискамъ, которыя сдѣлалъ изъ нея Реннеръ. Сличеніе разсказа Реннера о возстаніи чуди съ изложеніемъ того же событія у Рюссова показываетъ, что оба они пользовались Рифмованною Хроникою Генекена, съ тою лишь разницею, что Реннеръ сдѣлалъ выписки изъ Генекена несравненно обильнѣе, чѣмъ Рюссовъ. Вся глава о возстаніи чуди, изложенная у Реннера, помѣщена въ переводѣ на русскій языкъ въ Прибалт. Сб. II, 241—247.

покорилась нѣмецкому господству и католичеству, вынужденная къ тому лишь крайностію. Прошло столѣтіе послѣ покоренія Эстоніи нѣмецкому господству, и чудь не могла не видѣть, что завоеватели принесли съ собою къ нимъ не христіанство, не просвѣщеніе, а рабство самое безпощадное и суровое. Не католиками чудь сдѣлалась, а рабочею силою своихъ хищныхъ господъ. Что же удивительнаго, если всякій чудинецъ только и думалъ, какъ бы ему отбиться отъ чуждаго господства, возвратить себѣ и прежнюю вѣру и прежнюю независимость. Но какъ и чѣмъ возвратить, если не поголовнымъ возстаніемъ и не поголовнымъ истребленіемъ властителей духовныхъ и свѣтскихъ, священниковъ и вассаловъ? Но поголовное возстаніе и поголовное истребленіе развѣ могли быть произведены безъ предварительнаго заговора, предварительнаго совѣщанія? Нѣтъ сомнѣнія, что заговоръ былъ, но онъ былъ веденъ въ такой тайнѣ, что никто изъ эстонскихъ властителей ничего не зналъ и никто не подозрѣвалъ даже опасности возстанія со стороны подвластныхъ имъ людей. Первоисточники ни слова не упоминаютъ, какъ подготовлялось возстаніе, указываютъ только, что оно произошло въ то время, когда вопросъ, за кѣмъ быть Эстоніи, былъ далекъ еще до рѣшенія, когда было неизвѣстно, останется-ли Эстонія за Датскою короною, или отойдетъ къ маркграфу Бранденбургскому или къ Тевтонскому ордену, и обнаружилось въ ночь на Юрьевъ день (съ 22 на 23 апрѣля) 1343 г. въ Гарріи.

На одномъ возвышеніи, разсказываетъ Генекенъ, стоялъ домъ; тевтонцы подожгли его и это служило сигналомъ къ рѣзнѣ. Гаррійская чудь кинулась убивать своихъ мучителей, не разбирая ни пола, ни возраста. Въ Падисскомъ монастырѣ они умертвили 28 монаховъ и самый монастырь сожгли, выжгли также всѣ дворянскія усадьбы, умерщвляя всѣхъ попадавшихся имъ нѣмцевъ. Кто изъ нѣмецкихъ женъ и дѣтей спасался отъ чудинъ, тѣхъ умерщвляли чудинки; церкви и обители были преданы огню За тѣмъ повстанцы, выбравъ себѣ въ предводители четырехъ королей, въ числѣ 10000 человѣкъ стали подъ Ревелемъ, осадили этотъ городъ и вмѣстѣ съ тѣмъ послали въ Або къ тамошнему шведскому фохту заявить, что они въ Гарріи умертвили всѣхъ нѣмцевъ за то, что они мучили, истязали, притѣсняли ихъ, такъ что они за великую тяжкую работу свою не имѣли даже мякиннаго хлѣба, а также заявить, что они готовы подчиниться шведамъ, возьмутъ для нихъ Ревель, если абовскій фохтъ подастъ имъ помощь. Фохтъ обѣщалъ придти съ войскомъ.

Чрезъ нѣсколько дней возстаніе обнаружилось въ Вироніи и Викѣ. Повстанцы осадили Гапсаль, умертвивъ въ Викѣ 1800 нѣмцевъ, старыхъ и малыхъ, пишетъ Реннеръ со словъ Риѳмованной Хроники Генекена (число убитыхъ въ Гарріи и Вироніи неизвѣстно) Въ такой бѣдѣ спасался, продолжаетъ Реннеръ, бѣгствомъ, кто только могъ. Многіе нѣмцы, голые и босые, прибѣжали въ Вейсенштейнъ и сооб-

щили тамошнему фохту о рѣзнѣ въ Гарріи; были тамъ получены извѣстія и изъ Вика. Вейсенштейнскій фохтъ немедленно же написалъ ливонскому магистру, Бурхарду Дрейлевенскому, о случившемся. Магистръ съ своей стороны послалъ къ повстанцамъ орденскаго брата, умѣвшаго говорить по чудски и знакомаго имъ, сказать, что онъ, магистръ, прибудетъ въ Вейсенштейнъ въ воскресенье послѣ праздника св. Креста (т. е. 4 мая), что къ этому времени повстанцы могуть прислать туда своихъ пословъ, тамъ магистръ разберетъ дѣло и если окажется, что нѣмцы виноваты, то онъ приложитъ тщаніе опять все поправить къ лучшему. Къ назначенному времени въ Вейсенштейнъ прибыли магистръ, командоры феллинскій и рижскій, другіе сановники ордена и епископъ Ревельскій. Со стороны повстанцевъ прибыли четыре короля съ тремя служителями. Магистръ Бурхардъ спросилъ у королей: „за что про что повстанцы перебили такъ много нѣмцевъ отъ стараго до малаго?“ Одинъ изъ королей отвѣчалъ: „нѣмцы такъ долго мучили и истязали народъ, что больше терпѣть нельзя было.“ Магистръ опять спросилъ: „за что были перебиты монахи въ Падисѣ?“ Короли отвѣчали: „за монахами было вины довольно, и вообще всякій нѣмецъ долженъ быть умерщвленъ, хоть бы онъ былъ и въ локоть длиною, но если магистръ хочетъ принять эстонцевъ въ подданство себѣ, то эстонцы будутъ ему повиноваться, но имѣть у себя баръ или господъ (Junker oder Herren) не желаютъ (т. е. будутъ повиноваться одному магистру, но никакихъ вассаловъ у себя не потерпятъ).“ На это магистръ сказалъ: „не подобаетъ оставлять безъ наказанія нечестивыхъ убійцъ, совершившихъ рѣзню, какой отъ сотворенія міра не было; вы короли, оставайтесь здѣсь, пока я не отмщу эстонцамъ (стоявшимъ подъ Ревелемъ) и не прибуду сюда обратно.“ Само собою разумѣется, что короли разсердились, услышавъ такія слова и потребовали, чтобъ ихъ отпустили къ повстанцамъ. Магистръ, конечно, не отпустилъ, приказалъ ігервенскому фохту стеречь королей, а самъ выѣхалъ изъ Вейсенштейна, по видимому для того, чтобы ускорить сборъ орденскаго войска. Послѣ отъѣзда магистра, одинъ изъ эстонцевъ рѣшился убить фохта, бросился на него, но оруженосецъ заслонилъ своего господина, при чемъ былъ раненъ въ грудь и дважды въ руку. Приспѣла стража фохта и изрубила въ куски какъ королей, такъ и ихъ служителей.

Магистръ между тѣмъ съ большимъ войскомъ направился къ Ревелю, по дорогѣ уничтожилъ двѣ партіи повстанцевъ; въ среду, 14 мая, остановился въ милѣ разстоянія отъ Ревеля и послалъ фохтовъ Трейденскаго и Венденскаго съ двумя отрядами къ Ревелю, чтобы задержать повстанцевъ и не дать имъ возможности скрыться въ недалекое болото. Фохтъ Венденскій объявилъ повстанцамъ, что быть можетъ магистръ помилуетъ ихъ, если они сдадутся безъ боя и выдадутъ зачинщиковъ рѣзни. Повстанцы согласились сдаться. Тогда

фохтъ отправился къ магистру, ведшему главныя силы, и объявилъ ему о томъ. Магистръ созвалъ военный совѣтъ. Онъ былъ не прочь устроить дѣло безъ боя, но прочіе сановники и слышать не хотѣли о помилованіи, говоря, что повстанцы умертвили столько друзей и родныхъ ихъ, сановниковъ, что безъ отмщенія оставаться не могутъ. Фохтъ снова былъ посланъ къ эстонцамъ сказать, что магистръ не согласенъ на помилованіе. Тогда повстанцы бросились бѣжать къ болоту, чтобъ засѣсть тамъ, но было уже поздно: орденское войско отрѣзало отступленіе и въ короткое время истребило до 3000 повстанцевъ, разсѣявъ прочихъ во всѣ стороны. Когда бой кончился, ревельскіе горожане вышли посмотрѣть на убитыхъ. Одинъ горожанинъ сталъ ходить промежь мертвыхъ, какъ вдругъ вскочилъ на ноги эстонецъ, нагой и облитый кровью, и умертвилъ бы того горожанина, если бы не подоспѣлъ всадникъ и не докончилъ эстонца. Такая была у нихъ вражда къ нѣмцамъ, пишетъ Реннеръ, что полумертвый хотѣлъ еще убить горожанина.

Магистръ сталъ въ полѣ предъ Ревельскимъ замкомъ и здѣсь разбилъ свою палатку. Къ нему привели какого-то нѣмца, который, спасая свою жизнь, передался эстонцамъ и въ бою былъ захваченъ въ плѣнъ. Нѣмецъ этотъ на допросѣ сказалъ, что дней черезъ пять прибудетъ къ Ревелю абовскій фохтъ съ большою силою на помощь повстанцамъ, ибо шведы давно уже замышляютъ захватить Ревель. Нѣмца этого повѣсили за ноги, какъ измѣнника (быть можетъ на допросѣ обнаружилось, что онъ ѣздилъ въ Або съ эстонскими посланцами и участвовалъ вообще въ замыслѣ сдать шведамъ Ревель). За тѣмъ къ магистру прибыли изъ Ревельскаго замка королевскодатскіе начальники, благодарили магистра за избавленіе ихъ отъ повстанцевъ и объяснили ему, что не имѣютъ никакихъ средствъ сопротивляться шведамъ и потому просятъ, чтобы магистръ былъ ихъ покровителемъ и далъ бы имъ начальникомъ феллинскаго командора, Госвина Геркскаго (фонъ Герке), съ тѣмъ, чтобы онъ былъ и намѣстникомъ въ Везенбергѣ. Магистръ, пишетъ Ренперъ со словъ Генекена, не имѣлъ охоты накликать на себя опасность и мѣшаться въ дѣла чуждыхъ странъ, но въ виду настоятельной нужды согласился на предложеніе. Вслѣдствіе этого находившіеся въ Ревелѣ королевскіе совѣтники и вассалы 16 мая 1343 г. подписали актъ (см. Urkundenbuch Бунге, № 814) такого содержанія: Такъ какъ они не въ состояніи никоимъ способомъ спасти страну и возстановить въ ней миръ, потому избираютъ ливонскаго орденскаго магистра покровителемъ и гауптманомъ Эстоніи, сдаютъ ему крѣпости (замки) Ревель и Везенбергъ со всѣми принадлежностями съ тѣмъ, чтобы магистръ сохранилъ эти замки для короны государства Датскаго и по востребованію отдалъ бы ихъ въ мѣсячный срокъ обратно Даніи, но полномъ возмѣщеніи, однако, всѣхъ убытковъ и издержекъ, какія магистръ понесетъ по

содержанію тѣхъ крѣпостей, имѣющихъ незначительные доходы. Актъ этотъ (запись) былъ принятъ магистромъ, и Госвинъ Геркскій былъ тогда же назначенъ начальникомъ Ревельской и Везенбергской крѣпостей отъ имени короля Вальдемара датскаго. За тѣмъ были умерщвлены главнѣйшіе эстонцы (изъ попавшихся, конечно, въ плѣнъ) и зачинщики рѣзни.

Въ пятницу, 16 мая, слѣд. въ тотъ же день, когда былъ подписанъ актъ, магистръ снялся съ лагеря и двинулся къ Гапсалю на освобожденіе этого города, въ которомъ заперся Эзельскій епископъ съ своимъ духовенствомъ, отъ осады повстанцами. Эстонцы, замѣтивъ движеніе магистра, разбѣжались въ болота, лѣса и трясины.

Въ воскресенье, 18 мая, къ Ревелю приплылъ Выборгскій фохтъ съ большимъ войскомъ, а въ понедѣльникъ приплылъ Абовскій фохтъ, по имени Николай Сонъ. На ревельскомъ рейдѣ въ это время стоялъ любекскій корабль, шкиперъ съ котораго отправился къ Абовскому фохту и разсказалъ, что повстанцы уже разбиты и что ливонскій магистръ избранъ покровителемъ Гарріи и Вироніи. Фохтъ, пишетъ Реннеръ, разсердился, сталъ грозить, и отправилъ гонца въ Ревель съ требованіемъ свободнаго пропуска. Ревельскій магистратъ далъ пропускъ съ тѣмъ, чтобы фохтъ самъ прибылъ на берегъ Шведскіе фохты, по прибытіи въ Ревель, свидѣлись съ Госвиномъ Геркскимъ и заявили ему, что шведскій король, претерпѣвъ много обидъ отъ короля датскаго, рѣшился отмстить свои обиды, овладѣвъ Эстоніею. Госвинъ отвѣчалъ, что непристойно грозить войною этой землѣ и безъ того уже много потерпѣвшей отъ эстонцевъ, а слѣдуетъ устранить вражду между обоими королями, чему онъ, Госвинъ, и готовъ содѣйствовать. Вслѣдствіи этого шведскіе фохты, вступивъ въ переговоры съ королевско-датскими совѣтниками, городомъ Ревелемъ и вассалами, заключили съ ними 21 мая 1343 года перемиріе до воскресенья середины предстоящаго великаго поста, т. е. до 14 марта 1344 г., но съ тѣмъ, чтобы королевско-датскіе совѣтники снарядили посольство и отправили бы таковое не позднѣе дня св. Мартина, т. е. не позднѣе 11 ноября 1343 г., къ шведскому королю для формальныхъ иереговоровъ о мирѣ (см. UrkundenBuch Бунге, № 815). Перемиріе это, однако, шведы нарушили въ тотъ же день, потому что захватили ревельскій городской скотъ и частію забрали его на свои корабли, а частію убили на мѣстѣ Согласно заключеннаго перемирія, вассалы и городъ Ревель снарядили посольство и отправили его позднимъ лѣтомъ 1343 г. въ Швецію. Послы эти и заключили 5-го сентября 1343 г. съ королемъ Магнусомъ шведскимъ миръ, въ силу коего всѣ распри и ссоры, споры и вражда должны быть прекращены. Всякій нарушитель мира долженъ быть предаваемъ суду той земли, изъ которой онъ происходитъ — шведскому или эстонскому по принадлежности — и дѣло должно быть рѣшаемо въ теченіи однаго

мѣсяца со дня начала онаго (см. Urkundenbuch Бунге, № 817; общій миръ между Швеціею и Даніею состоялся 18 ноября 1343 г.).

Ревель такимъ образомъ освободился и отъ повстанцевъ и отъ шведовъ, военныя тревоги въ сѣверной эстонщинѣ стихли, но за то война обнаружилась въ южной эстонщинѣ, именно въ Дерптскомъ епископствѣ. Реннеръ со словъ Генекена разсказываетъ, что два эстонца изъ Гарріи прибыли (вѣроятно въ то время, когда повстанцы стали подъ Ревелемъ и отправили своихъ гонцовъ къ Абовскому фохту) во Псковъ сказать русскимъ, что всѣ гаррійскіе нѣмцы, ливонскій магистръ и орденская братія умерщвлены, что эстонцы выбрали уже себѣ короля и потому русскіе, если хотятъ славы, могутъ пріобрѣсти себѣ страну. Псковичи, быть можетъ, получивніе извѣстіе о рѣзнѣ въ Эстоніи и изъ другихъ источниковъ, сочли моментъ весьма удобнымъ ударить на своихъ ливонскихъ нѣмецкихъ сосѣдей, съ которыми мира у нихъ не было уже два года.

Было уже выше сказано, что ливонскіе рыцари, занятые сперва борьбою съ архіепископомъ и городомъ Ригою, а потомъ войнами съ Литвою, во все время магистерства Эбергарда Монгеймскаго (1328—1340) не предпринимали никакихъ большихъ походовъ противъ псковскихъ земель, по крайней мѣрѣ о такихъ походахъ не упоминаютъ ни ливонскія, ни псковскія лѣтописи до самаго 1340 г. Большихъ походовъ не было, но рыцари и псковичи не спускали глазъ другъ съ друга. Пользуясь затишьемъ, псковичи старались укрѣпить свои границы. Такъ въ первой Псковской лѣтописи (П. С. Р. Л. IV, 186) подъ 1330 годомъ отмѣчено, что псковичи вмѣстѣ съ изборянами въ Изборскѣ на горѣ на Жеравіи поставили крѣпость, обвели ее каменными стѣнами, вырыли крѣпостные рвы, словомъ привели Изборскъ въ хорошее оборонительное положеніе. Въ это время у нихъ княжилъ Александръ Тверской, о которомъ уже было упомянуто выше (стр. 222).

Псковичи не раскаялись, что построили себѣ пограничную крѣпость, потому что въ 1340 г. у нихъ началась война съ рыцарями. Вартбергъ, отмѣчая, что ливонскимъ магистромъ съ 24 іюня 1340 г. сдѣлался Бурхардъ Дрейлевенскій, говоритъ (см. Пр. Сб. II, 103), что въ его время псковичи вели переговоры съ рижскими капониками и кокенгузенскимъ фохтомъ; для успѣшности переговоровъ магистръ Бурхардъ послалъ въ Псковъ орденскаго брата Генриха, знавшаго русскій языкъ. Когда псковичи собрались и начали совѣщаться съ Генрихомъ, нѣсколько русскихъ тайно проникли на постоялый дворъ, гдѣ пристали нѣмцы, ѣли, пили тамъ и раскидали, что осталось. Пьяные, они начали ругать нѣмцевъ и вступили въ драку съ ними. Поднялся шумъ; нѣсколько русскихъ было убито, крикъ доходилъ до занятыхъ переговорами, они разбѣжались во всѣ стороны. Когда

русскіе не могли отмстить за себя, они напали на Дерптскій округъ (епископство). Орденъ послалъ подъ Киримпе (епископскій замокъ на рѣкѣ Воо, впадающей въ Пейпусъ) 400 человѣкъ, когда же наступила сильнѣйшая нужда, то орденъ послалъ дерптцамъ всѣ свои силы.

Въ разсказѣ этомъ много непонятнаго: какіе переговоры, изъ за чего вели псковичи съ канониками и кокенгузенскимъ фохтомъ, Вартбергъ не объясняетъ, какъ не объясняетъ и дальнѣйшія подробности. Обстоятельно разъясняетъ дѣло первая Псковская лѣтопись. По словамъ ея (П. С Р. Л. IV, 186, 187), нѣмцы безъ объявленія войны, во время мира, убили въ Лотыгорѣ (латыщина) на селѣ на Опочкѣ, псковскихъ нословъ пять человѣкъ. Очень быть можетъ, что эти послы и переговаривали съ рижскими канониками и кокенгузенскимъ фохтомъ о какихъ либо пограничныхъ дѣлахъ, ибо сопредѣльная съ псковскими землями латыщина входила въ составъ земель Рижскаго архіепископа. Въ отмщеніе за убійство своихъ пословъ, псковичи съ княземъ своимъ Александромъ Всеволодовичемъ (неизвѣстнымъ, князь Александръ Тверской, княжившій во Псковѣ лѣтъ 10, былъ убитъ въ Ордѣ 29 октября 1339 г.) повоевали 21 декабря 1340 г. Лотыгору Такъ произошелъ разрывъ (розратье) съ нѣмцами. Князь Александръ за что-то разгнѣвался на псковичей и уѣхалъ изъ Пскова. Просили его псковичи остаться — ничего не помогло. Тогда псковичи, очень хорошо зная, что ливонскіе нѣмцы не подарятъ имъ набѣга на латыщину, начали просить новгородцевъ прислать имъ намѣстника и помощь, но просьба осталась тщетною: новгородцы не дали имъ ни намѣстника, ни помощи. А между тѣмъ нѣмцы въ туже зиму 1340 г., пріѣхавши со всею силою, поставили на рѣкѣ на Пивжѣ, на псковской землѣ, Новый городокъ (Нейгаузенъ или Фрауенбургъ въ области Дерптскаго епископа); псковичи же съ небольшою дружиною отправились за Нарову и выжгли посадъ у Ругодива (Нарвы).

Псковичи, однако, видѣли, что собственными силами имъ не совладать съ нѣмцами, потому послали въ Витебскъ къ князю Ольгерду Гедиминовичу, княжившому туть съ 1320 г. (Ольгердъ былъ женатъ на дочери Витебскаго князя, Маріи Ярославнѣ; Витебскій удѣлъ ему достался по смерти князя Ярослава, не имѣвшаго мужскаго потомства) просить помощи: „Братья наши новгородцы, сказали псковскіе послы Ольгерду, покинули насъ, не помогаютъ намъ; номози намъ, господине, въ се время“. Князь Ольгердъ не оставилъ втунѣ псковскаго слова: немедленно же послалъ во Псковъ воеводу своего князя Юрія Витовтовича, поднялъ на войну брата своего, князя Трокскаго и Жмудскаго Кейстута Гедиминовича, мужей своихъ литовскихъ и видблянъ и вмѣстѣ со всѣми ими и съ сыномъ своемъ Андреемъ (былъ еще не крещенъ, Андрей было ему лишь имя молитвенное, замѣчаетъ псковскій лѣтописецъ) отправился во Псковъ.

Псковичи не бездѣйствовали и въ ожиданіи Ольгердовой помощи начали мелкую войну. Весною 1341 году въ ладьяхъ поѣхали съ Ильею посадникомъ воевать ливонскія села по рѣкѣ Омовжѣ (Эмбахъ); повыжгли села по обѣ стороны этой рѣки до городка до Могилева и въ началѣ мая возвратились во Псковъ добры здоровы Потомъ двое удальцовъ, Филиппъ Ледовичъ и Олферій Селковичъ, съ порѣчанами послали къ островичамъ спросить: „хотите-ли ѣхать воевать Лотыгору (ливонскую латыщину)?“ Островичи согласились и назначили собраться въ данный срокъ на княжемъ селѣ Изгояхъ. Филиппъ и Олферій съ съ 60-ю человѣкъ псковичей поѣхали въ Изгои, но прочіе псковичи и островичи явиться въ срокъ не поспѣли, и между тѣмъ подъ Изгоями появился отрядъ нѣмцевъ и латышей человѣкъ въ 200, который и началъ жечь и опустошать все встрѣчное. Ледовичъ и Селковичъ, никого не ожидая, схватились 5 іюня биться съ нѣмцами, бились съ солнечнаго восхода до полудня. Псковичи потеряли убитыми Ледовича и Селковича и еще семь человѣкъ своихъ, утомились и отступили: „притужно имъ было очень,“ говоритъ лѣтописецъ. Нѣмцы не преслѣдовали псковичей, и начали переправлять трупы своихъ убитыхъ за рѣку Великую. Въ это самое время подошли островичи съ посадникомъ своимъ Василіемъ Онисимовичемъ; они вмѣстѣ съ псковичами ударили вновь на нѣмцевъ, однихъ убили, другіе перетонули въ рѣкѣ, а тѣ, которые переѣхали съ трупами, бросили мертвыхъ и со срамомъ убѣжали помощію святыя Троицы и молитвою святаго отца Николы, говоритъ лѣтописецъ. Въ томъ же іюнѣ 1341 г. пятьдесятъ молодыхъ псковичей сговорились идти на нѣмцевъ подъ начальствомъ калѣки Карпа Даниловича, а въ то самое время нѣмцы переѣхали Нарову рѣку и стали воевать псковскія села по берегу; Карпова дружина встрѣтилась съ ними 24 іюня на Кушели у села на болотѣ, схватились биться крѣпко, и убили на „припорѣ“ 20 нѣмцевъ. Прочіе нѣмцы побѣжали посрамленные, побросавши полонъ и весь добытокъ, а псковичи, говоритъ лѣтописецъ, прогнавъ ихъ за Нарову, забравъ весь добытокъ ихъ и оружіе и порты, возвратились во Псковъ.

20 іюля прибыли въ Псковъ Ольгердъ съ Кейстутомъ и полками русскими и литовскими. Воевода Ольгердовъ, князь Юрій Витовтовичъ, отправился съ псковичами къ Нейгазену добыть языка, но близь Изборска 2 августа натолкнулся на сильную нѣмецкую рать, шедшую къ Изборску. На Мекужицкомъ полѣ у рѣчки Мекужицы произошло сраженіе и Юрій, потерявъ убитыми 60 человѣкъ, бѣжалъ въ Изборскъ. На другой день нѣмцы, по словамъ лѣтописи, „загордившись, въ силѣ тяжкой, безъ Бога, съ пороками, городами и со многимъ замышленіямъ, остунили Изборскъ, хотя плѣнить домъ св. Николы.“ Ольгердъ со всею ратью переправился за Великую и отъ захваченнаго языка узналъ, что нѣмцы осадили Изборскъ. Онъ велѣлъ войску переправиться обратно въ Псковъ, а самъ съ небольшою дружиною отправился

ближе развѣдать о нѣмцахъ. Сынъ полоцкаго князя Воина (братъ Гедимина), князь Любко, неосторожно отъѣхалъ самъ другъ отъ Ольгерда, наткнулся на сторожевой нѣмецкій полкъ и былъ убитъ. „И бысть князю Ольгерду и брату его Кейстуту, и инымъ князьямъ по князю но Любкѣ скорбь и печаль“, говоритъ лѣтописецъ. Притужно пришлось Изборску въ это время, прислали они гонца во Псковъ за помощью, но Ольгердъ съ Кейстутомъ и литовцами не рѣшились пойти противъ нѣмецкой силы. Осторожный, не любившій риска Ольгердъ, по увѣренію Никоновской лѣтописи (III, 177), сказалъ псковичамъ: „Сидите въ городѣ, не сдавайтесь, бейтесь съ нѣмцами, и если только у васъ не будетъ крамолы, то ничего они вамъ не сдѣлаютъ. А если мнѣ пойти на великую ихъ силу, то сколько тамъ иадетъ мертвыхъ, и кто знаетъ, чей будетъ верхъ? Если Богъ дастъ и мы возьмемъ верхъ, то сколько будетъ побито народу, и какая будетъ изъ того польза?“ Псковичи были слишкомъ слабы, чтобы однимъ идти на нѣмецкую рать, потому Изборскъ и остался безъ помощи. Пять дней нѣмцы осаждали Изборскъ и вдругъ отступили, сжегши пороки и города свои, не зная, что въ Изборскѣ воды не было, и что онъ потому долго держаться не могъ. Послѣ этого псковичи стали уговаривать Ольгерда, чтобъ онъ крестился и сѣлъ у нихъ на княженіи. Ольгердъ, сказавъ, что онъ уже крещенъ, отказался отъ псковскаго княженія, но крестилъ сына своего Андрея въ Троицкомъ соборѣ. Псковичи посадили Андрея у себя княземъ, надѣясь на Ольгердову помощь, но ошиблись, ибо Ольгердъ и Кейстутъ, удаляясь изъ Пскова, истребили въ Псковской области хлѣбъ и сѣно, такъ что зимою у жителей пало много лошадей и скота отъ безкормицы. Псковичи, видя, что имъ плоха надежда на Ольгерда, помирились съ новгородцами *).

Зимою 1341 г. мелкая война продолжалась. Посадникъ Володша Стоиловичъ поднялъ псковичей воевать нѣмецкія села. Они отправились въ походъ по льду, по озеру и услышавъ, что нѣмцы воюютъ псковское село Ремду, направились къ этому селу и ударили на нѣмцевъ, при чемъ однихъ перебили, другихъ обратили въ бѣгство, а захваченныхъ въ плѣнъ привели въ Псковъ и казнили.

Вотъ во время этого „розратья“ съ ливонскими нѣмцами и при-

---

*) Въ первой Новгородской лѣтописи (П. С. Р. Л. III, 81) подъ 1342 г. сказано, что прислали псковичи въ Новгородъ съ поклономъ: „идетъ рать нѣмецкая къ Пскову. кланяемся вамъ, господѣ своей, оборопите насъ.“ Новгородцы немедленно же, въ великую пятницу и субботу отправились, но когда дошли до села Мелетова (Псковскаго уѣзда), явились послы псковскіе со словами: „Кланяемся вамъ, рати на насъ нѣтъ пришли нѣмцы, но они ставятъ городъ на рубежѣ, на своей землѣ“. Новгородцы хотѣли было идти въ Псковъ, но послушались просьбы пословъ и возвратились въ Новгородъ всѣ здравы.

Городъ, который поставили въ 1342 г. нѣмцы на своей землѣ въ области братьевч. по словамъ Вартберга, былъ Маріенбургъ.

были въ Псковъ двое гаррійцевъ съ извѣстіемъ, что эстонскіе повстанцы перебили нѣмцевъ, что псковичи могутъ сдѣлать важныя пріобрѣтенія, если, не откладывая, ударятъ на нѣмцевъ съ своей стороны. Псковичи признали моментъ для наступательной войны весьма удобнымъ и подходящимъ, и потому, посовѣтовавшись съ изборянами, подняли, какъ сказано въ первой Псковской лѣтописи (стр. 189) всю область Псковскую и 26 мая 1343 г. поѣхали съ княземъ Иваномъ, съ изборскимъ княземъ Остафьемъ и посадникомъ Володшею воевать нѣмецкую землю. Реннеръ, со словъ Генекена, разсказываетъ (Приб. Сб. II, 245), что русскіе въ числѣ 5000 человѣкъ вторглись въ епископство Дерптское, здѣсь ужасно грабили и жгли, близь Оденпе умерщвляли людей и скотъ, истребляя все, что имъ ни попадалось. Рижскій командоръ, братъ Дитрихъ Рамбовскій, стоялъ въ это время въ Киримпе (епископской крѣпостцѣ, замкѣ). Узнавъ о вторженіи русскихъ, онъ собралъ войско; на помощь ему пришли епископскіе вассалы и ближайшіе фохты: оберналенскій, каркусскій и сакальскій. Написали письмо въ Тарвастъ, чтобъ нѣмцы и оттуда шли на помощь; рыцарь Іоаннъ Икскуль послалъ это письмо съ какимъ-то эстонцемъ, но тотъ дорогою добрался до пива, напился пьянъ, такъ что письмо не дошло до своего назначенія. Братъ Дитрихъ (Диркъ), когда собралось войско, напалъ на русскихъ и разбилъ ихъ, потерявъ въ бою четырехъ рыцарей и 14 человѣкъ нѣмцевъ. Русскіе, потерявъ 1000 человѣкъ, бѣжали въ свою землю.

Иначе разсказываетъ дѣло первая Псковская лѣтопись (стр. 189). По словамъ лѣтописца, псковичи съ изборянами пять дней и пять ночей воевали нѣмецкія села около Медвѣжьей головы (Оденпе), не слазя съ лошадей, гдѣ ни бывали ни отцы, ни дѣды, и со многимъ полономъ поѣхали назадъ въ Псковъ. Нѣмцы между тѣмъ собрали войско, погнались за псковичами и нагнали ихъ недалеко (за два поприща) отъ Нейгаузена (Новаго Городка) на Маломъ Борку. Стали псковичи въ бой, помолились святой Тройцѣ, святымъ князьямъ своимъ, Всеволоду и Тимофею (Довмонту), простились другъ съ другомъ и сказали: „Не посрамимъ отцевъ своихъ и дѣдовъ, потянемъ за св. Тройцу и за св. церкви, за свое отечество!“ 1 іюня произошелъ бой. Была сѣча великая, говоритъ лѣтописецъ, и Богъ помогъ псковичамъ и изборянамъ: побили они нѣмцевъ, а иные прочь побѣжали посрамленные. Стали псковичи на костяхъ, потерявъ въ бою 17 человѣкъ; кромѣ того нѣкоторые отъ безсонницы одурѣли и погибли, блудя по лѣсу; иные впрочемъ вышли послѣ рати. Между тѣмъ въ самомъ началѣ боя, Руда, священникъ Борисоглѣбскій, пригналъ въ Изборскъ и распустилъ лихую вѣсть: всѣхъ псковичей и изборянъ побили; туже вѣсть сказалъ и въ Псковѣ. Поднялся въ Псковѣ плачъ великъ и кричаніе, какъ никогда не бывало; сейчасъ же нарядили въ Новгородъ Ѳому, старосту псковскаго, сказать тамъ:

„Псковичи всѣ побиты, а вы, новгородцы, братья наши, пріѣзжайте скорѣе, чтобы нѣмцы не взяли Пскова прежде вашего прибытія". Опамятовавшись, однако, они Оому не послали въ Новгородъ, а отправили гонцовъ провѣдать, что дѣлается подъ Изборскомъ. Гонцы пріѣхали и нашли, что псковичи отдыхаютъ подъ Изборскомъ въ станахъ своихъ. Тотчасъ же послали въ Псковъ „вѣсть добру, и бысть радость и веселіе во градѣ Псковѣ, а потомъ и сами пріѣхали, князь и посадникъ и псковичи, въ Псковъ къ святой Тройцѣ," говоритъ лѣтописецъ.

Псковичи вовсе не понесли такой большой потери, какъ пишетъ Реннеръ, но, однакоже, не получили никакихъ существенныхъ пріобрѣтеній отъ своего похода. Каждый изъ противниковъ остался при своемъ и лѣтъ шесть послѣ того не трогали другъ друга, не заключая мира, но и не воюя, — да и не до псковичей было ливонскому магистру въ это время.

Мы видѣли, что изъ подъ Ревеля магистръ Бурхардъ Дрейлевенскій отправился къ Гапсалю, гдѣ повстанцы осадили Эзельскаго епископа. Освободить Гапсаль не стоило никакого труда, потому что эстонцы при слухѣ о приближеніи магистра разбѣжались во всѣ стороны. Къ іюню 1343 г. возстаніе въ датской Эстоніи было подавлено и псковичи вышли изъ предѣловъ Дерптскаго епископства, но чрезъ нѣсколько недѣль, именно въ навечеріе дня св. Іакова 1343 г. (24 іюля) вспыхнуло возстаніе туземцевъ на островѣ Эзелѣ, слѣд. въ во владѣніяхъ уже орденскихъ, возстаніе уже потому опасное, что оно легко могло перейти въ мѣстности нынѣшнихъ эстонскихъ уѣздовъ Лифляндской губерніи. Возстаніе на Эзелѣ произошло совершенно также, какъ и въ Гарріи. Какъ гаррійская чудь въ ночь на Юрьевъ день, конечно, по заранѣе составленному плану, одновременно во всей своей землѣ бросилась истреблять нѣмцевъ, такъ точно и эзельцы одновременно на всемъ островѣ въ ночь на 24 іюля бросились умерщвлять своихъ господъ, не разбирая ни пола, ни возраста. Они, разсказываетъ Реннеръ, перебили нѣмцевъ, перетопили священниковъ, разрушая все, что напоминало о католичествѣ, церкви, часовни, монастыри, и осадили орденскую крѣпость (замокъ) Пейде. Въ крѣпости этой заперся фохтъ Арнольдъ съ небольшимъ гарнизономъ. Получить помощь откуда либо ему нечего было и думать, гибель была неизбѣжна, потому на восьмой день осады онъ созвалъ военный совѣтъ для обсужденія, что дѣлать. Рѣшили сдать замокъ на капитуляцію и послали сказать о томъ осаждающимъ. Тѣ согласились выпустить гарнизонъ съ условіемъ, что каждый господинъ (т. е. каждый орденскій рыцарь) имѣетъ право взять съ собою по парѣ лошадей и по одному вьюку, а каждый дворянинъ (т. е. вассалъ, бѣжавшій въ замокъ) можетъ взять съ собою по одной лошади и по мечу. Согласившись на такую капитуляцію, гарнизонъ отворилъ крѣностныя ворота

и выступилъ изъ крѣпости. Эзельцы, однако, не сдержали договора: бросились на отступавшихъ и всѣхъ ихъ перебили каменьями. Фохтъ, пять орденскихъ рыцарей, орденскій священникъ Іоаннъ (о немъ была рѣчь выше на стр. 147, 157) и всѣ орденскіе ратники погибли.

Эзельцы очень хорошо понимали, что ливонскіе рыцари не оставятъ ихъ въ покоѣ, не оставятъ безъ отомщенія истребленіе нѣмцевъ, потому тотчасъ по взятіи Пейде они, какъ пишетъ Вартбергъ, построили себѣ изъ толстыхъ бревенъ обширное укрѣпленіе, въ которомъ могли бы найти убѣжище женщины и дѣти и куда можно бы было свезти имущество. Кажется, что это укрѣпленіе было построено на горѣ въ Карисѣ. Ливонскій магистръ въ это время, по всей вѣроятности, находился въ Ригѣ. Онъ очень хорошо видѣлъ, что лѣтомъ пробраться на Эзель съ войскомъ не было никакой возможности за недостаткомъ, конечно, надлежащаго количества транспортныхъ судовъ, видѣлъ также, что и силы его недостаточны для новаго покоренія большаго острова, жители котораго съиздавна славились своею отвагою и нынѣ отпали отъ христіанства. Онъ послалъ за помощію въ Пруссію къ великому магистру и тотъ не замедлилъ прислать въ Ригу 2 командоровъ, 27 орденскихъ рыцарей и 600 человѣкъ хорошо вооруженныхъ ратниковъ. Этотъ вспомогательный отрядъ, пишетъ Реннеръ, высадился въ Ригѣ въ навечеріе всѣхъ Святыхъ (1 ноября 1343 г.). Магистръ воспользовался прибытіемъ свѣжихъ силъ (молва пронеслась, что великій магистръ прислалъ 10000 человѣкъ) и въ ноябрѣ двинулся въ Гаррію, гдѣ обнаружилось новое возстаніе. Орденское войско страшно опустошило страну, взяло двѣ засѣки, построенныя повстанцами, и перебило множество народа. Возстаніе въ датской Эстоніи этимъ походомъ было окончательно подавлено. Ревельскій начальникъ Госвинъ захотѣлъ узнать, сколько погибло чуди со дня первой рѣзни, послалъ считать изъ деревни въ деревню. Оказалось, что погибло всего, старыхъ и малыхъ, 30000 человѣкъ (цифра, при скудости тогдашняго населенія, весьма значительная).

Усмиривъ Гаррію, магистръ направился къ морю, чтобы вступить на Эзель. Море оказалось не замерзшимъ, потому орденскому войску пришлось отступить. Холода наступили довольно поздно и Зундъ покрылся прочнымъ льдомъ лишь въ февралѣ 1344 г. Магистръ не медлилъ и 17 февраля, на первой недѣлѣ великаго поста, вмѣстѣ съ ирусскимъ вспомогательнымъ отрядомъ, пишетъ Вартбергъ, выступилъ въ іоходъ. Орденское войско по льду прошло на островъ и начало, по обычаю того времени, жечь и грабить все встрѣчное и за тѣмъ подступило къ укрѣпленію, построенному эзельцами, куда сошлось много народа Войско подошло на разсвѣтѣ и тотчасъ же бросилось на приступъ. Часть бруствера удалось растащить крючьями и чрезъ образовавшійся такимъ образомъ проломъ кумпанъ зегевольдскій (товарищъ командора), Арндъ фонъ Герке, съ орденскимъ знаменемъ

въ рукахъ, ворвался въ укрѣпленіе вмѣстѣ съ другими рыцарями и ратниками. Началось свирѣпое истребленіе народа, при чемъ эзельцевъ, какъ пишетъ Реннеръ, погибло 9000 человѣкъ, но и орденцы во время отчаянной схватки и рѣзни въ укрѣпленіи потеряли 3 рыцарей и до 500 ратниковъ. Начальникъ укрѣпленія (король Вессе, какъ его называетъ Вартбергъ) былъ повѣшенъ на осадной машинѣ, послѣ того какъ у него были оторваны ноги. Истребивъ эзельцевъ въ укрѣпленіи (Карисъ), магистръ пошелъ въ деревню Нектисъ. Сюда пришли эзельскіе посланцы, пали въ ноги магистру и просили пощады, обѣщаясь быть покорными и не возставать иротивъ христіанства. Пощада была оказана, магистръ удовольствовался обѣщаніемъ, быть можетъ, единственно потому, что наступила оттепель и ему пришлось торопиться выйти изъ Эзеля, чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ материка. Магистръ вышелъ, а эзельцы снова отпали отъ христіанства. Вслѣдствіе этого въ слѣдующемъ 1345 году зимою магистръ предпринялъ новый походъ на Эзель. Орденское войско стало снова подъ Карисомъ и въ теченіе восьми дней опустошало земли. Эзельцы снова запросили мира, обѣщая принять и сохранить христіанство. Миръ былъ данъ. Эзельцы, пишетъ Вартбергъ, снова были приняты въ лоно церкви, безъ наложенія дальнѣйшаго „вещественнаго“ наказанія (вѣроятно, безъ лишенія имущества). Нѣтъ сомнѣнія, что миръ былъ данъ съ условіемъ возстановленія всѣхъ прежнихъ отношеній туземцевъ къ властителямъ, съ возстановленіемъ правъ властительства ордена и епископа на островѣ, возстановленіемъ прежнихъ даней, повинностей, коими туземцы были обложены въ пользу своихъ господъ.

Для удержанія въ покорности островитянъ магистръ Бурхардъ заложилъ замокъ Зонненбургъ, впослѣдствіи расширенный и превращенный въ порядочную орденскую крѣпость. Къ этому же времени, кажется, слѣдуетъ отнести возстановленіе на Эзелѣ и укрѣпленіе Аренсбурга, епископскаго замка, который былъ основанъ лѣтъ за десять до возстанія и былъ разрушенъ повстанцами.

Возстаніе на Эзелѣ было подавлено. Память объ этомъ возстаніи и кровавомъ усмиреніи его пережила столѣтія и сохранилась даже понынѣ между эзельцами. По народнымъ сказаніямъ, песчаные холмы у Кариса суть могилы убитыхъ при возстаніи туземцевъ.

Реннеръ, со словъ Генекена, разсказываетъ, что эстонскіе повстанцы пытались было овладѣть орденскою крѣпостью Феллиномъ. Видя невозможность взять крѣпость открытою силою, они пустились на хитрости: велѣли посадить себя въ мѣшки съ рожью (которою они ежегодно должны были вносить дань) и такимъ образомъ ввезти въ замокъ. Одна женщина, сынъ которой находился въ числѣ повстанцевъ, открыла замыселъ ихъ рыцарямъ, испросивъ помилованіе сыну.

Рыцари перехватали ввезенныхъ и побросали ихъ въ тайникъ (это былъ очень глубокій погребъ въ замкѣ), гдѣ всѣ они погибли. Кости ихъ и понынѣ тамъ, пишетъ Реннеръ.

Возстаніе чуди съ покореніемъ Эзеля было окончательно подавлено и имѣло своимъ результатомъ лишь то, что датская Эстонія очутилась въ рукахъ ливонскаго магистра. Король Вальдемаръ Датскій, занятый войною со шведами и внутренними неурядицами въ своемъ королевствѣ не обращалъ вниманія на событія въ этой отдаленной странѣ и только 24 іюня 1344 г. написалъ грамоту ливонскому ордену (см. UrkundenBuch Бунге II, регесты № 976), въ коей благодарилъ ливонскихъ рыцарей за подавленіе возстанія чуди, за защиту и охрану замковъ и земли и просилъ орденъ, чтобы онъ, согласно своего обѣщанія, передалъ обратно городъ Ревель, замокъ и всю страну рыцарю Стиготу Андерсону, назначенному гауптманомъ въ Эстоніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ король приказалъ сдѣлать новую печать, которую вручилъ Андерсону и грамотою отъ 1 августа 1343 г. (см. UrkundenBuch Бунге, № 823) заявилъ, что все изданное Андерсономъ и утвержденное этою печатью, онъ, король, утверждаетъ и сохранитъ въ силѣ. Андерсонъ широко воспользовался предоставленнымъ ему правомъ и съ января до іюля 1345 г. издалъ цѣлый рядъ грамотъ, коими подтверждались и расширялись права и преимущества городовъ Ревеля, Везенберга и Нарвы. Не смотря, однакоже, на назначеніе Андерсона гауптманомъ, Госвинъ Гереке сохранялъ за собою титулъ исправляющаго должность гауптмана (loco capitanei Revaliensis existens) и не только не сдавалъ обратно Ревеля и Везенберга королевскому гауптману, но въ январѣ 1345 г. принялъ Нарву подъ свою охрану и защиту для короля Датскаго. Госвинъ не сдавалъ замковъ, но и не долженъ былъ сдавать впредь до того времени, когда ордену будутъ уплачены издержки по содержанію этихъ замковъ, а уплаты именно никакой не было. Въ сентябрѣ 1345 г. король Вальдемаръ самъ пріѣхалъ въ Ревель и по видимому пробылъ въ Эстоніи всю зиму, до мая 1346 г., какъ то доказываютъ его утвержденія указовъ, данныхъ эстонскими гауптманами, а также его жалованныя грамоты, данныя Ревельской церкви, городу Ревелю и Михайловскому монастырю. Лично побывавъ въ Эстоніи, ближе ознакомившись съ этою страною, король могъ убѣдиться, что онъ не въ состояніи держать за собою столь отдаленную отъ Даніи страну, какъ Эстонія, — ни защищать ее отъ внѣшнихъ враговъ, ни управлять ею. Туть-то, какъ нельзя болѣе кстати, и явилось предложеніе королю со стороны ливонскаго магистра продать Эстонію Тевтонскому ордену.

Король Вальдемаръ былъ не прочь отъ продажи, но прежде чѣмъ разскажемъ, какъ совершилась уступка Эстоніи, посмотримъ, что дѣлалось въ Литвѣ и Пруссіи, во время возстанія эстонцевъ и усмиренія ихъ ливонскимъ магистромъ.

Было уже выше сказано (стр. 229), что Гединиъ былъ убитъ въ 1341 г. Еще при жизни, онъ по обычаю, котораго въ тѣ времена держались князья литовскихъ, польскихъ и русскихъ земель, раздавалъ въ управленіе своимъ сыновьямъ литовско-русскія земли. Сыновей же у него было семь: Монвидъ, Наримунтъ, Коріатъ, Ольгердъ, Кейстутъ, Любартъ и Явнутъ.

Они и раздѣлили между собою русско-литовскія земли на семь удѣловъ, а восьмой удѣлъ, иолоцкій, остался во владѣніи племянника Гедининова, Любка Воиновича. Стольный городъ русско-литовскаго княженія, Вильна, съ нѣкоторыми пригородами былъ предоставленъ самому младшему сыну Гедимина, Явнуту, человѣку слабому, не воинственному (въ тѣ времена воинственность и воинское искуство составляли важнѣйшее и необходимѣйшее качество князей). Онъ не пользовался правами старшаго князя и не имѣлъ никакой власти надъ братьями. Недостатокъ единства власти угрожалъ сильнѣйшею опасностью ново-основанному русско-литовскому государству, ибо оно легко могло разложиться на нѣсколько самостоятельныхъ княженій и сдѣлаться легкою добычей Тевтонскаго ордена, но, однако же, ничего подобнаго не случилось, потому что между семерыми братьями нашлись двое, Ольгердъ и Кейстутъ, которые скоро положили конецъ неопредѣленному и смутному положенію дѣлъ въ Литвѣ.

У прусскаго лѣтописца Луки Давида (IV, 145 и 146) находимъ извѣстіе, что сыновья Гедимина, желая отмстить смерть своего отца, предприняли (вѣроятно вскорѣ послѣ смерти Гедимина) большой походъ на земли прусскихъ рыцарей. Собравъ тысячь сорокъ войска, они часть его отправили въ Куронію для наблюденія за ливонскими рыцарями, съ главными же силами подступили къ крѣпости Байернбургу. По видимому, они овладѣли этою крѣпостью и потомъ раздѣлили войско на двѣ части, изъ которыхъ одна часть пошла къ Рагниту, другая направилась въ Мазовію и, вторгшись въ прусскія земли, доходила до Дрингфорта. Походъ этотъ, подобно многимъ предшествовавшимъ, остался безъ всякихъ важныхъ иослѣдствій. Въ слѣдующемъ 1342 г. зимою Ольгердъ съ Кейстутомъ сдѣлали набѣгъ на Пруссію, не достигнувъ никакихъ важныхъ результатовъ.

Эти набѣги, сопровождавшіеся обычными въ тѣ времена опустошеніями, указали тогдашнему великому магистру, Людольфу Кенигу Вейцау, необходимость предпринятія большаго крестоваго похода на Литву для обузданія литовскихъ набѣговъ. Онъ и началъ готовиться къ такому походу. Слухи объ обширныхъ приготовленіяхъ не замедлили дойти въ Литву и побудили князей Ольгерда и Кейстута рѣшиться на государственный переворотъ для сосредоточенія власти въ рукахъ одного князя и достиженія тѣмъ единства въ дѣйствіяхъ въ предстоящей борьбѣ съ орденомъ. За исполненіе переворота взялись Ольгердъ и Кейстутъ Гединиовичи, рожденные отъ одной матери и связанные взаимною дружбою, никогда не порывавшеюся.

Удѣлъ Кейстута составляла Жмудь съ частью Черной Руси и городами Гродною и Берестьемъ. Стольнымъ городомъ этого удѣла были Троки. Ольгердъ владѣлъ частью собственной Литвы (Аукстоте) съ городомъ Крево и Витебскимъ удѣломъ, доставшимся ему по смерти тестя (см. выше стр. 238). Удѣлъ его увеличился цѣлою Полоцкою областью, послѣ того какъ его двоюродный братъ Любко Воиновичъ погибъ въ походѣ, предпринятомъ на помощь Пскову (см. выше стр. 240). Такимъ образомъ большая часть Кривской Руси явилась въ рукахъ Ольгерда Гедиминовича, князя сколько умнаго и дальновиднаго, столько же и необыкновенно дѣятельнаго. Лѣтописцы (Быховецъ, Стрыйковскій) единогласно свидѣтельствуютъ, что Ольгердъ былъ всегда очень остороженъ, скрытенъ (онъ обыкновенно никому изъ приближенныхъ не открывалъ заранѣе своихъ плановъ и когда собиралъ рать, то никто не зналъ, куда онъ поведетъ ее) и всегда трезвъ (черта рѣдкая для князей того времени, любившихъ хмѣльные напитки, Ольгердъ же никогда не пилъ ни вина, ни нива, ни меда). Противоположность Ольгерду составлялъ Кейстутъ, человѣкъ открытый, добродушный и крайне отважный. Ольгердъ, женатый на русской княжнѣ, въ тайнѣ исповѣдывавшій православіе, усвоилъ себѣ русскую гражданственность и былъ скорѣе русскимъ, чѣмъ литовцемъ; Кейстутъ оставался чистымъ литвиномъ, вѣрнымъ языческой религіи своихъ предковъ и среди коренныхъ литовцевъ и жмудинъ пользовался чрезвычайною популярностію. Ольгерда занимали по преимуществу отношенія къ Восточной Руси, къ Новгороду и Пскову; Кейстута по преимуществу отношенія къ прусскимъ и ливонскимъ рыцарямъ, ближайшимъ сосѣдомъ и непримиримымъ врагомъ которыхъ былъ онъ.

Свѣдавъ о вооруженіяхъ прусскихъ рыцарей и готовящемся большемъ крестовомъ походѣ на Литву, Кейстутъ далъ знать о томъ своему другу и брату, Ольгерду, и они условились овладѣть Вильною, произвести новое раздѣленіе удѣловъ и провозгласить великимъ княземъ Ольгерда. Въ 1345 году вдова Гедимина, княгиня Ева, умерла; этимъ моментомъ оба брата и рѣшились воспользоваться. Ольгердъ изъ Витебска прибылъ въ Крево и остановился здѣсь, по свойственной ему осторожности, ждать результатовъ. Кейстутъ же прибылъ изъ Трокъ и ночью въ условленный день овладѣлъ Вильною и ея укрѣпленіями. Князь Явнутъ бѣжалъ, но въ лѣсу (дѣло было позднею осенью, или зимою 1345 г.) былъ схваченъ и привезенъ въ Вильну. Быховецъ разсказываетъ, что Кейстутъ во главѣ литовскихъ бояръ встрѣтилъ Ольгерда предъ воротами Вильны и ввелъ его во дворецъ Гедимина. „Ты старшій братъ въ родѣ нашемъ, сказалъ онъ Ольгерду, ты имѣешь наиболѣе значенія въ народѣ, тебѣ и подлежитъ занять высшее положеніе предъ всѣми. Я же всегда буду съ тобою и при тебѣ“. Ольгердъ былъ провозглашенъ великимъ княземъ русско-

литовскимъ. Оба брата распредѣлили удѣлы и скрѣпили свой союзъ клятвеннымъ договоромъ. Остальные братья волею-неволею должны были признать переворотъ 1345 г., Явнутъ, недовольный полученнымъ небольшимъ удѣломъ (Заславль Литовскій), бѣжалъ въ Москву, тамъ крестился, но послѣ помирился съ братьями и воротился въ свой удѣлъ. Совершивъ переворотъ, братья могли уже разсчитывать на успѣхъ борьбы со своими врагами, прусскими и ливонскими рыцарями, и въ самомъ дѣлѣ разстроили большой крестовый походъ.

Въ крестовомъ походѣ на Литву приняли участіе Іоаннъ, король чешскій, Людовикъ, король венгерскій, Карлъ маркграфъ Моравскій, Вильгельмъ IV графъ Голландскій, графъ Гюнтеръ Шварцбургскій, графъ Генрихъ Голштинскій и много рыцарей. Съ наступленіемъ зимы ополченіе крестоносцевъ вступило въ Литву и осадило иринѣманскую литовскую крѣпость (кажется Юнигеду) съ цѣлію отсюда идти на Вильну. Но осада не удалась, крѣпость защищалась съ необыкновенною стойкостію и задержала предъ собою крестоносцевъ, а между тѣмъ Ольгердъ съ Кейстутомъ вступили въ Самію и подвергли эту страну чрезвычайному опустошенію: выжгли встрѣчные деревни и города, захватили большой полонъ и еще болѣе перебили народу. Крестоносцы сняли осаду и пошли по лѣвому берегу Нѣмана на защиту Саміи, но не успѣли пройти и половины пути, какъ услышали, что литовцы прошли морскимъ берегомъ въ Куронію и напали на земли ливонскихъ рыцарей.

Ливонскій магистръ въ это время находился на островѣ Эзелѣ (см. выше стр. 244) и потому не могъ оказать никакого сопротивленія литовцамъ. Вартбергъ разсказываетъ (см. Приб. Сб. II, 105), что литовцы подступили къ замку Терветенъ, построенному въ 1339 г. магистромъ Эбергардомъ Монгеймскимъ, овладѣли имъ посредствомъ измѣны какого-то семигалла, по имени Поле, сожгли замокъ до тла, перебивъ жителей и гарнизонъ. За тѣмъ литовцы подступили къ Митавѣ, выжгли митавскій посадъ, захватили священниковъ, восемь человѣкъ орденской братіи и человѣкъ 600 народа. Отсюда литовцы прошли къ Ригѣ и чрезъ Нейрмюленъ вступили въ Зегевольдъ. „Здѣсь, говоритъ Вартбергъ, встрѣтилъ литовскаго короля какой-то ливскій старшина съ увѣреніемъ, что онъ изъ новокрещенныхъ и избранъ въ короли надъ всѣмъ ливскимъ народомъ; если литовскій король хочетъ слѣдовать его совѣту, то можетъ подчинить себѣ всю страну. Литовскій же король спросилъ его, что нужно сдѣлать съ ливонскимъ магистромъ. Тогда ливъ отвѣтилъ, что они прогонятъ его вмѣстѣ со всѣми нѣмцами. Но король сказалъ: „Мужикъ! Ты не будешь тутъ королемъ!“ и велѣлъ ему отрубить голову на полѣ предъ замкомъ Зегевольдомъ“.

Изъ подъ Зегевольда литовцы вступили въ область Торейду и Кремонъ, гдѣ разрушили всѣ церкви, перебили священниковъ и тысячи

двѣ народа и, захвативъ немало людей въ полонъ, ушли въ свою землю. Сопротивленія нигдѣ не было.

Крестоносцы, идя по лѣвому берегу Нѣмана, зашли въ это время въ такія болота, что имъ ничего не оставалось, какъ поспѣшно возвращаться назадъ, что они и сдѣлали. Весь большой походъ кончился совершенною неудачею. Прусскіе рыцари, какъ и слѣдовало ожидать, остались крайне недовольны этою неудачею и главную вину въ неудачѣ и въ раззореніяхъ, причиненныхъ литовцами, сваливали на великаго магистра Людольфа и на его раздоры съ королями чешскимъ и венгерскимъ. Упреки и обвиненія побудили Людольфа сложить съ себя санъ великаго магистра. Вслѣдствіе этого, въ Маріенбургѣ былъ созванъ общій капитулъ, на которомъ 13 декабря 1345 г., какъ свидѣтельствуетъ Вартбергъ, былъ избранъ великимъ магистромъ братъ Генрихъ Тусмеръ (Дусемеръ) Арфбергскій, но какъ Ливонскій магистръ Борхардъ Дрейлевенскій также около этого времени сложилъ съ себя должность, потому капитулъ на другой день, 14-го декабря 1345 г., назначилъ магистромъ въ Ливоніи брата Госвина Герекскаго, того самаго, которому во время эстонскаго возстанія были ввѣрены въ управленіе датскіе королевскіе замки въ Эстоніи (см. выше стр. 235). Пребывая въ Эстоніи, Госвинъ хорошо ознакомился съ положеніемъ и бытомъ этой страны, и когда вступилъ въ управленіе орденскими дѣлами, то и возобновилъ дѣло объ уступкѣ Эстоніи Тевтонскому ордену, о чемъ рѣчь заходила, какъ уже было сказано, еще при его предшественникѣ, магистрѣ Борхардѣ.

Король Вальдемаръ Датскій былъ не прочь отъ сдѣлки, но для совершенія ея было необходимо устранить всѣхъ претендентовъ на Эстонію; претендентами же были: 1) сыновья герцога Кнуда Порсе, Гаконъ и Кнудъ; 2) маркграфъ Людвигъ Бранденбургскій и наконецъ 3) старшій братъ короля принцъ (юнкеръ) Оттонъ. Сыновьямъ Кнуда Порсе король предоставилъ въ ленъ герцогство Гольбекское, получивъ которое они отказались отъ всѣхъ своихъ правъ на Эстонію, предоставленныхъ имъ королемъ Христофоромъ II (см. грамоту Вальдемара IV отъ 15 августа 1346 г. въ UrkundenBuch Бунге подъ № 851). Маркграфъ Людвигъ соглашался на продажу Эстоніи, если ему будетъ уплачено (какъ приданное за женою) 6000 марокъ чистаго серебра кельнскаго вѣсу (формальный документъ о томъ отъ 21 сентября 1346 г. см. UrkundenBuch Бунге № 855) Наконецъ третій претендентъ, принцъ Оттонъ, вознамѣрился самъ вступить въ Тевтонскій орденъ*), потому и всѣ его наслѣдственныя права на

*) Впослѣдствіи Оттонъ исполнилъ свое намѣреніе, но когда именно, съ точностію неизвѣстно. У Реннера, со словъ Генекена, указано лишь, что вступленіе Оттона въ орденъ совершилось въ Ригѣ и что онъ затѣмъ былъ фохтомъ въ Каркусѣ.

Эстонію должны были перейти ордену. Такимъ образомъ всѣ претензіи устранялись и сдѣлка могла совершиться безпрепятственно.

Формальная сдѣлка совершилась въ Маріенбургѣ 29 августа 1346 г. (актъ продажи см. въ Urkundenbuch Бунге № 852). По этой сдѣлкѣ король Вальдемаръ продаетъ и уступаетъ на вѣчныя времена великому магистру Генриху Дусмеру и его ордену герцогство Эстонское со всѣми правами и принадлежностями, безъ всякаго ограничительнаго условія, за 19000 марокъ чистаго серебра кельнскаго вѣса, и такъ какъ юнкеръ Оттонъ, которому Эстонское герцогство принадлежитъ по праву наслѣдства, далъ обѣтъ вступить въ Тевтонскій орденъ, потому король Вальдемаръ, съ согласія Оттона, даритъ ордену все, что въ герцогствѣ имѣетъ стоимость выше договоренной суммы, или будетъ имѣть впослѣдствіи. Этотъ актъ продажи, а равно и актъ объ уплатѣ марграфу Людвигу Бранденбургскому 6000 марокъ, были формально утверждены императоромъ Людвигомъ IV 20 сентября 1346 г. (см. Urkundenbuch Бунге № 854), а впослѣдствіи, послѣ того какъ король Вальдемаръ донесъ папѣ Клименту VI о названной сдѣлкѣ, были утверждены и папою 8-го февраля 1348 года (см. Urkundenbuch Бунге № 885).

Уплату 19000 марокъ орденъ произвелъ не сразу, но частями въ 1346 и 1347 годахъ, и послѣднюю 1000 марокъ уплатилъ въ іюлѣ 1349 г. Герцогу Людвигу Бранденбургскому 6000 марокъ были уплачены 18 января 1347 г. Независимо этого ордену пришлось въ 1352 году доплатить королю Вальдемару 645 марокъ за нѣкоторыя имѣнія и нѣкоторые долги, подлежавшіе къ полученію королю, когда онъ былъ герцогомъ Эстонскимъ. Такимъ образомъ орденъ заплатилъ за Эстонію королю и маркграфу всего 25645 марокъ чистаго серебра кельнскаго вѣса (что на нынѣшнія деньги, считая марку въ $13^3/_4$ талеровъ, составляетъ $352{,}618^3/_4$ талеровъ или 330,097 рублей серебромъ).

Королевскій гауптманъ, Стиготъ Андерсонъ, принимавшій участіе въ переговорахъ о продажѣ Эстоніи, происходившихъ въ Копенгагенѣ и Маріенбургѣ, въ октябрѣ 1346 году возвратился въ Эстонію для формальной передачи ордену оной. Пріемщикомъ Эстоніи въ орденское владѣніе великій магистръ назначилъ бывшаго ливонскаго магистра, Бурхарда Дрейлевенскаго, который съ этого времени сталъ носить титулъ ревельскаго провинціала (Provincialis Revaliae, см. въ Urkundenbuch Бунге №№ 859, 861, 869, регесты 1028 и 1029). Передача совершилась въ день всѣхъ святыхъ, 1 ноября 1346 г.; въ этотъ день датскій гарнизонъ очистилъ Ревель и моремъ отправился въ Данію. Съ этого дня кончилось датское господство въ Эстоніи, продолжавшееся со времени его возстановленія въ 1238 г. около 110 лѣтъ. Королевскіе вассалы, ослабленные возстаніемъ эстонскихъ туземцевъ, должны

были покориться обстоятельствамъ и признать своимъ господиномъ великаго магистра и его орденъ (dictum magistrum (scil. generalem) et suum ordinem concorditer et gratanter in dominum acceptarunt, сказано въ грамотѣ ливонскаго магистра Госвина отъ 4-го ноября 1346 г., помѣщенной въ Urkundenbuch Бунге подъ № 859). Они, какъ и городъ Ревель, получили отъ ливонскаго магистра Госвина Герекскаго удостовѣреніе (см. Urkundenbuch Бунге № 861), что всѣ права и преимущества, кои имъ были предоставлены датскими королями, утверждаются великимъ магистромъ и впредь будутъ скорѣе увеличены, чѣмъ уменьшены. Утвержденіе правъ и преимуществъ со стороны великаго магистра Генриха Дусмера послѣдовало 3-го іюня 1347 года, но вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовала и перемѣна отношеній, которая не могла быть пріятною вассаламъ. По акту соглашенія и продажи, Эстонія непосредственно соединялась съ Тевтонскимъ орденомъ въ Пруссіи, слѣд. своимъ властителемъ должна была признавать великаго магистра, пребывающаго въ Маріенбургѣ. Но вѣдать и управлять Эстоніею изъ Пруссіи было для великаго магистра и неудобно, и затруднительно, потому онъ и рѣшился, по совѣту и съ согласія орденскихъ сановниковъ, переуступить Эстонію ливонскому ордену. Вслѣдствіе сего 7 іюня 1347 г. состоялась грамота великаго магистра (см. Urkundenbuch Бунге № 876), въ силу которой вся Эстонія со всѣми замками, городами, доходами, правами и преимуществами передавалась въ охрану ливонскаго орденскаго магистра и его преемниковъ, но съ условіемъ, что эта страна, по первому востребованію, должна быть безпрекословно возвращена великому магистру. Въ случаѣ требованія возврата, великій магистръ обязуется возвратить ливонскому ордену 20,000 марокъ чистаго серебра кельнскаго вѣса, уплаченныя этимъ орденомъ великому магистру на покупку страны*). Въ силу этой грамоты великій магистръ оставался номинальнымъ властителемъ Эстоніи**), но все управленіе ею находилось въ рукахъ ливонскаго магистра. Весьма вѣроятно, что таковая перемѣна подала поводъ эстонскимъ вассаламъ попытаться перейти, при посредствѣ короля Магнуса шведскаго, снова подъ власть Даніи. Вассалы отправили было въ маѣ 1348 г. посольство къ Магнусу съ заявленіемъ, что на основаніи грамоты короля датскаго Христофора II отъ 21-го сентября

*) Эта уплата 20,000 марокъ со стороны ливонскаго магистра была произведена не сразу. Первоначально орденъ въ Вейсенштейнѣ 2 ноября 1346 г. уплатилъ 6,000 марокъ. Остальныя 14,000 марокъ ливонскій орденъ обязался платить великому магистру по 1,000 марокъ въ годъ. Уплата, однако, производилась весьма неисправно, такъ что къ 1375 г. недоимки считалось за ливонскимъ орденомъ 10,000 марокъ. Въ этомъ году, въ день св. Калликста (14 октября), въ Маріенбургѣ происходилъ, какъ пишетъ Вартбергъ, генеральный капитулъ. На этомъ капитулѣ великій магистръ приказалъ ливонскимъ рыцарямъ заплатить 10,000 марокъ, кои остались за орденомъ. Венденскій фохтъ, Альбертъ Бренкенскій, заплатилъ за ливонскихъ братьевъ 5,000 марокъ.

**) Судъ, напримѣръ, происходилъ именемъ великаго магистра, но не именемъ магистра ливонскаго.

1329 года Эстонія не должна быть отдѣляема отъ датской короны. Посольство это и заявленія остались безъ всякихъ иослѣдствій: Эстонія сдѣлалась провинціею ордена, а пріобрѣтеніе ея весьма значительно усилило значеніе и средства ливонскихъ рыцарей между ихъ сосѣдями.

Съ пріобрѣтеніемъ Эстоніи орденъ беретъ рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми епископами въ Ливоніи и достигаетъ высшей степени своего могущества, но прежде дальнѣйшаго изложенія судебъ и отношеній этой страны, вглянемъ на внутреннее состояніе Ливоніи, въ какомъ она находилась за время отъ соединенія орденовъ до включенія Эстоніи въ число орденскихъ владѣній.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Внутреннее состояніе Ливоніи со времени соединенія орденовъ до присоединенія датской Эстоніи къ орденскимъ владѣніямъ.

I. Земля, ея властители и управленіе; туземцы.

Источники: **Рихтера.** Geschichte der deutschen Ostseeprovinzen, томъ I, отдѣлъ 3.
Бунге. Das Herzogthum Estland unter den Königen von Dänemark.

Въ теченіи столѣтія, протекшаго съ 1237 г., со времени соединенія орденовъ, нѣмецкіе завоеватели сдѣлали важныя пріобрѣтенія: подъ ихъ властью къ 1347 г. явились земли, составляющія три нынѣшнія Прибалтійскія губерніи — Курляндскую, Лифляндскую и Эстляндскую — и три уѣзда нынѣшней Витебской губерніи — Динабургскій, Рѣжицкій и Люцинскій. Мы уже видѣли, какъ шло завоеваніе этихъ земель и видѣли, какъ происходилъ дѣлежъ ихъ между орденомъ и епископами Главнымъ властителемъ завоеванныхъ земель явилась ливонская отрасль Тевтонскаго ордена. Къ 1343 г. ей принадлежали двѣ трети Куроніи, одна треть Семигалліи; въ латышскихъ уѣздахъ нынѣшней Лифляндской губерніи ливонской отрасли принадлежали участки земель, уступленныя еще меченосцамъ епископомъ Альбертомъ I; въ эстонскихъ же уѣздахъ этой губерніи рыцарямъ принадлежали земли: Саккала, Угенойсъ, Мокке, Нурмегунде, Алемиоисъ и Вайгеле, а также Ервень, нынѣ входящій въ составъ Эст-

ляндской губерніи. Независимо этого ливонскому ордену принадлежали одна четверть Вика и одна четверть острова Эзеля (именно полуостровъ Сворбенъ). Мы видѣли, что съ 1347 г. и датская Эстонія*) перешла подъ власть ливонскаго ордена, который вслѣдствіе этого и сдѣлался властителемъ такого количества земель, какого не было не только ни у одного ливонскаго епископа, но которое едва-ли не превосходило количества земель всѣхъ епископовъ вмѣстѣ.

По упраздненіи ордена меченосцевъ Ливонія составила отрасль Тевтонскаго ордена, потому и всѣ уставы и всѣ распоряженія великихъ магистровъ этого ордена, опредѣлявшія внутреннюю организацію его, распространялись и на ливонскихъ рыцарей. Было уже выше сказано, когда именно учредился Тевтонскій орденъ и когда былъ утвержденъ уставъ онаго напою. Согласно этого устава Тевтонскій орденъ состоялъ изъ свѣтскихъ братьевъ (рыцарей) и духовныхъ братьевъ священниковъ, обязанныхъ жить вмѣстѣ въ конвентахъ (орденскихъ домахъ). Братья-рыцари обязаны были защищать и распространять христіанство мечемъ, братья-священники обязаны были совершать богослуженія, попеченіе о больныхъ и бѣдныхъ лежало на обязанности и братьевъ-рыцарей и братьевъ священниковъ. И тѣ, и другіе при вступленіи въ орденъ произносили обѣтъ чистоты, бѣдности и повиновенія, орденскимъ же братомъ-рыцаремъ могло быть лишь лицо незапятнаннаго поведенія, нѣмецкаго происхожденія и дворянскаго рода. Вступающій въ орденъ долженъ былъ обѣщать, что онъ безъ позволенія не оставить ордена, затѣмъ ему давался срокъ для изученія законовъ и образа жизни братьевъ. По истеченіи этого срока, вступающій произносилъ предъ капитуломъ (собраніемъ орденскихъ братьевъ) три вышеназванные обѣта, послѣ чего въ церкви возлагали на него орденское одѣяніе и препоясывали освященнымъ рыцарскимъ мечомъ, за тѣмъ священникъ давалъ новопринятому брату цѣловать крестъ. Уставъ возлагалъ на рыцарей тяжелыя обязанности и предписывалъ строгій образъ жизни. Изъ конвентнаго дома, въ которомъ братья-рыцари жили вмѣстѣ съ братьями священниками, братья не могли уходить безъ дозволенія. Часть дня посвящалась богослуженію; одѣяніе у всѣхъ было одинаковое безъ всякой пышности и раздавалось рыцарямъ изъ платянаго

*) Датская Эстонія состояла изъ земель: Гарріи, Ревеліи и Вироніи. Земли эти раздѣлялись на небольшіе округа, называвшіеся у туземцевъ „килегундами“ (Kihlakond, Kihhelkond, Kihhelkund, соединенная общность, общій союзъ). При введеніи христіанства для каждаго такого округа, по всей вѣроятности, строилась церковь, къ которой и причислялись всѣ члены даннаго союза, округа. Образовались церковные приходы, новые церковные союзы, за которыми народъ оставилъ прежнее названіе, слова „приходъ“ и „килегунда“ получили тождественное значеніе. Съ увеличеніемъ числа церквей, увеличивалось и число приходовъ (килегундъ), при чемъ старинные свѣтскіе союзы постепенно исчезали. По катастру Ревельской епархіи (liber census Daniae) въ Виронии килегундъ считалось 5, въ Ревели 3 и въ Гарріи 3.

склада дома (траперіи). Столъ былъ общій, простой и безъ вина. Во время обѣда читались духовныя книги и не допускались никакіе разговоры. Точно также не дозволялось разговаривать съ вечерней до утренней молитвы; произнесшій краткую необходимую рѣчь долженъ былъ немедленно же въ видѣ очищенія себя прочесть одинъ разъ „Отче нашъ“ и „Богородице Дѣво“ (Ave Maria). Спали въ общей спальнѣ на самыхъ простыхъ кроватяхъ. Всякая частная собственность воспрещалась, орденская братія получала отъ конвента лошадей, оружіе, одѣяніе и пищу. Никакихъ собственныхъ денегъ имѣть не позволялось, какъ не дозволялось имѣть своего особаго служителя, посылать безъ дозволенія письма или читать полученныя. Игра на деньги строго воспрещалась, запрещалась также и охота, за исключеніемъ охоты на хищныхъ звѣрей. Братская любовь и чистота поведенія въ особенности рекомендовались братіи; никто изъ братіи не долженъ былъ цѣловать женщину, даже свою мать или сестру. Молодой орденскій братъ могъ выѣхать на прогулку лишь въ сопровожденіи старшаго, по назначенію командора. Старое одѣяніе должно было сдавать завѣдующему платянымъ складомъ (трапиру), который раздавалъ оное или служителямъ, или бѣднымъ. Больные и престарѣлые орденскіе братья призрѣвались въ богадѣльняхъ (фирмеріяхъ), завѣщанія же могли быть дѣлаемы лишь съ дозволенія великаго магистра. По пятницамъ каждый орденскій братъ долженъ былъ для умерщвленія плоти подвергать себя бичеванію; по воскресеньямъ же составлялось собраніе — капитулъ — для обсужденія общихъ орденскихъ дѣлъ. Капитулъ начинался и оканчивался молитвою и во время его прочитывалась какая либо часть орденскаго устава. Если орденскій братъ будетъ уличенъ предъ капитуломъ свидѣтельствомъ двухъ другихъ братьевъ въ нарушеніи орденскаго закона, то капитулъ судилъ и наказывалъ преступника. Проступки и наказанія были раздѣлены на четыре степени: легчайшее наказаніе состояло въ бичеваніи и въ наложеніи покаянія срокомъ отъ одного до трехъ дней; болѣе тяжелое наказаніе состояло въ снятіи орденскаго креста и покаяніи на одинъ годъ, въ теченіе котораго виновный исполнялъ служительскія должности, три раза въ недѣлю содержался на хлѣбѣ и водѣ и каждое воскресенье подвергался въ церкви бичеванію до тѣхъ поръ, пока братія смягчала покаяніе. Наказаніе третьей степени за покаяніе, воровство, распутство, за обнаруженіе тайны ордена, убійство, состояло въ продленіи годоваго покаянія, или въ замѣнѣ таковаго оковами и тюрьмою. Кто вступилъ въ орденъ посредствомъ симоніи или обмана, кто бѣжалъ съ поля сраженія, или предавался содоміи, тотъ былъ выключаемъ изъ ордена. Духовные братья публичнымъ наказаніямъ никогда не подвергались. Право помилованія принадлежало лишь великому магистру или, за его отсутствіемъ, старшему брату, но безъ согласія капитула помилованіе состояться не могло.

Духовные братья подраздѣлялись на братьевъ — священниковъ, служившихъ обѣдни и совершавшихъ таинства, и братьевъ церковнослужителей, исправлявшихъ причетническія обязанности. Безъ дозволенія великаго магистра свѣтскій орденскій братъ не могъ вступить въ духовное званіе, и никто изъ такихъ церковно-служителей не могъ посѣщать высшія школы безъ таковаго же дозволенія. Братья священники по своему сану считались выше братьевъ-рыцарей, но жили совмѣстно съ ними, подчиняясь одинаковой съ рыцарями дисциплинѣ и участвовали въ капитулахъ. При выборѣ великаго магистра долженъ былъ обязательно участвовать одинъ братъ-священникъ. На духовное образованіе орденскихъ братьевъ-священниковъ не обращалось особеннаго вниманія, и хотя великій магистръ по временамъ и посылалъ духовныхъ братьевъ для ученія въ высшія иностранныя школы, но ученые братья не могли учить братьевъ неученыхъ безъ позволенія. Общее число орденской братіи по свѣдѣніямъ, относящимся къ первой половинѣ XV ст. не превосходило 800 (см. Фохта „Исторію Пруссіи“ VI, 464).

Кромѣ братьевъ въ составъ ордена входили „собратья“, кои рыцарями не были и могли быть женатыми. При поступленіи въ орденъ они должны были записать ордену по крайней мѣрѣ половину своего имущества, за что и получали содержаніе отъ ордена. Они носили одѣяніе духовнаго званія (цвѣта, присвоеннаго духовнымъ) съ нашитымъ на одѣяніи полукрестомъ и обязаны были служить ордену, гдѣ и какъ кто можетъ, въ качествѣ или совѣтника, или воина, или жертвователя. Въ число орденскихъ собратьевъ не рѣдко вступали владѣтельные князья. Кромѣ собратій въ орденѣ допускались „полубратья“, кои при поступленіи произносили три обѣта (чистота, бѣдность и послушаніе), но носили присвоенное имъ особое одѣяніе (большею частію сѣраго цвѣта) съ нашитымъ полукрестомъ, обѣдали вмѣстѣ съ рыцарями, но за особымъ столомъ, прислуживали при обѣдняхъ и исполняли всякаго рода подчиненныя службы и работы. Кромѣ собратій и полубратіи въ орденѣ состояли „братья-служители“ изъ бюргеровъ родомъ и „полу-сестры“, родъ монахинь, носившія духовное одѣяніе, коимъ поручался уходъ за больными, а также за скотомъ; полусестры не должны были жить въ орденскихъ бургахъ (замкахъ).

Хотя каждый орденскій братъ былъ обязанъ безусловнымъ повиновеніемъ своему начальству и при вступленіи въ орденъ присягалъ на повиновеніе великому магистру, но орденское управленіе вовсе не было строго монархическимъ. Болѣе обширные орденскіе дома, въ коихъ иногда проживало до 70 рыцарей, находились подъ надзоромъ и управленіемъ *командоровъ* (commendatores, Comptheren); меньшіе дома, въ коихъ проживали отъ 10 до 20 рыцарей, состояли въ вѣденіи *фохтовъ* Командоры и фохты отличались между собою лишь названіемъ да величиною ввѣренныхъ имъ округовъ. Эти сановники, назначаемые

великимъ магистромъ не иначе, какъ съ согласія и желанія провинціальныхъ капитуловъ, обязаны были по временамъ доносить ему о состояніи своихъ конвентовъ (домовъ) и ежегодно представлять орденскому казначею (треслеру) въ Маріенбургѣ счетъ о приходѣ и расходѣ суммъ. Послѣ произведеннаго осмотра и ревизіи орденскихъ домовъ, командоры и фохты слагали съ себя должности, но получали ихъ обратно, смотря по обстоятельствамъ. Командоры и фохты безъ согласія капитула своего конвента (дома) не могли предпринимать ничего важнаго и вмѣстѣ съ капитуломъ въ своихъ рукахъ сосредоточивали власти судебную, полицейскую, финансовую и военную. По всей вѣроятности сановники эти какъ въ Пруссіи, такъ и въ Ливоніи, имѣли главный надзоръ и за городами, подчиненными ордену. Такъ рижскій командоръ съ 1330 года (см. выше стр. 209) имѣлъ мѣсто и голосъ въ рижскомъ магистратѣ. Командорамъ округовъ подчинялись командоры (коменданты) орденскихъ домовъ, которые главнѣйшимъ образомъ завѣдывали хозяйственною частію домовъ. Отдѣльныя отрасли хозяйства напр. кухня, конюшни, сады, хлѣбные амбары и пр. и пр. ввѣрялись надзору и управленію рыцарей, назначенныхъ къ исполненію хозяйственныхъ должностей дома или магистромъ, или командоромъ округа.

Всѣ земли, находившіяся во владѣніи ордена, составляли, какъ уже было прежде замѣчено (стр 149, прим.), четыре провинціи: Германскую, Прусскую, Ливонскую, Сицилійскую. Каждая провинція управлялась особымъ магистромъ; прусская же провинція съ перенесеніемъ главнаго орденскаго дома въ Маріенбургъ состояла подъ управленіемъ великаго магистра всего ордена. Магистры въ своихъ провинціяхъ не могли предпринимать ничего важнаго безъ согласія своего капитула, т. е. своихъ сановниковъ, какъ и самъ великій магистръ не могъ дѣйствовать въ важныхъ случаяхъ по своей волѣ, безъ согласія генеральнаго капитула. Магистры съ капитулами завѣдывали внѣшними дѣлами своей провинціи, заключали союзы и договоры, издавали, согласно привиллегіи императора Фридриха II отъ марта 1222 г., новыя постановленія (novas consuetudines), составляли высшую судебную инстанцію, чеканили монету, утверждали права подчиненныхъ имъ городовъ (такъ напр. ливонскій магистръ Гердтъ фонъ Іокке предоставилъ въ 1318 г. городу Эмбеку, въ послѣдствіи получившемъ названіе Пернова, право апеллировать въ Ригу), и наконецъ во всѣхъ приходахъ своей провинціи имѣли за собою право патронатства.

Ливонскіе магистры по отношенію управленія землями, составлявшими Ливонскую провинцію Тевтонскаго ордена, пользовались тѣми же нравами, какія имѣлъ великій магистръ въ Пруссіи, и подчинялись тѣмъ же самымъ ограниченіямъ власти, какія значились въ орденскомъ уставѣ Вернера Орзеленскаго, состоявшемся въ 1320 году

(см. Index, № 1837). По этому уставу орденскіе сановники были обязаны предостерегать магистра если онъ правитъ черезъ чуръ сурово, или черезъ чуръ снисходительно; производить судъ по орденскимъ законамъ не магистръ, а капитулъ; магистръ предлагаетъ законъ, но законъ входитъ въ силу лишь тогда, когда на него согласны сановники. Магистръ ревизуетъ отъ времени до времени конвенты, но если онъ черезъ чуръ долгое время не возвращается въ главный домъ, то ему посылается приглашеніе возвратиться, не возвращающійся послѣ троекратнаго приглашенія смѣняется съ должности. Съ согласія капитула магистръ смѣняетъ и назначаетъ сановниковъ (такъ великій магистръ смѣняетъ и назначаетъ ливонскихъ магистровъ). Магистръ долженъ примѣняться къ большинству голосовъ капитула, но лишь въ томъ случаѣ если къ большинству принадлежатъ голоса и почетнѣйшихъ братьевъ. По уставу Вернера, великій магистръ обязанъ былъ даже подчиняться контролю германскаго магистра, ибо послѣднему было предоставлено право, вслучаѣ нарушенія или забвенія великимъ магистромъ его обязанностей, призывать великаго магистра на судъ генеральнаго капитула и предлагать смѣщеніе его. Великій магистръ не могъ, подъ угрозою смѣщенія, отчуждать или закладывать орденскія имѣнія безъ согласія на то магистровъ ливонскаго и германскаго. Названный уставъ предоставлялъ германскому магистру значительное вліяніе на выборъ новаго магистра, ибо онъ, съ согласія и совѣта капитула, назначалъ перваго избирателя, первый назначалъ втораго, оба они вмѣстѣ назначали третьяго и такъ далѣе пока число избирателей достигало до 13, кои уже и выбирали великаго магистра. Генеральный и провинціальные капитулы собирались разъ въ годъ и въ такихъ собраніяхъ, между прочимъ, происходилъ пріемъ въ орденъ новыхъ рыцарей.

Важнѣйшимъ орденскимъ сановникомъ въ Ливоніи, послѣ магистра, былъ *ландмаршалъ*. Онъ командовалъ войсками, заботился о вооруженіи войска и въ отсутствіи магистра исполнялъ его должность по управленію. За нимъ слѣдовали *командоры* и *фохты*, управленію коихъ ввѣрялись болѣе или менѣе обширные округа. Во время присоединенія Эстоніи, въ ливонской отрасли Тевтонскаго ордена командоровъ было 15: Венденскій, Зегевольдскій, Ашераденскій, Рижскій, Динабургскій, Динаминдскій, Гольдингенскій, Виндавскій, Добленскій, Митавскій, Маріенбургскій, Феллинскій, Перновскій, Леальскій и Реальскій (съ 1346 г.). Мѣстопребываніемъ командоровъ были замки, по именамъ которыхъ они именовались; каждый же замокъ (домъ) имѣлъ своего особаго коменданта. Фохтовъ было 12; они находились въ Зонебургѣ (Эзель), Ервенѣ (ервенскій фохтъ иногда титуловался вейсенштейнскимъ командоромъ), Везенбергѣ, Каркусѣ, Нарвѣ, Нейшлоссѣ, Оберналенѣ, Розитенѣ, Зельбургѣ, Кандау, Гробинѣ (Дурбенѣ) и Баускѣ. Независимо названныхъ командоровъ и фохтовъ, въ совре-

менныхъ документахъ упоминаются фохты, по видимому временно назначавшіеся и находившіеся въ Нойдѣ (Вейсенштейнѣ), Саккалѣ, Тольсбургѣ, Тукумѣ и Цабельнѣ. Въ Талькгофѣ былъ командоръ.

На содержаніе ордена обращалась десятина съ хлѣба или же другіе сборы, назначавшіеся въ замѣнъ десятины. Сборы эти должны были доставлять туземцы. Въ новозавоеванныхъ земляхъ сборы были очень неопредѣленны и скудны, до того что командорства Гольдингенское и Виндавское не могли существовать сборами съ туземцевъ и требовали поддержки отъ ордена какъ хлѣбомъ, такъ и деньгами. Такую поддержку они и получали ежегодно съ острова Эзеля и отъ фохтовъ Ервенскаго и Пойдескаго. Кромѣ доставки хлѣба, туземцы обязаны были ставить для ордена рабочихъ для обработки полей (барщина), для постройки замковъ и проложенія дорогъ (повинность эта въ особенности была обременительна для туземцевъ), наконецъ обязаны были ставить вслучаѣ войны и пѣшихъ ратниковъ. Получалъли орденъ какіе доходы съ подвластныхъ ему городовъ (въ описываемый періодъ кромѣ Эмбека (Пернова), ливонскому ордену подчинялись города Феллинъ, Венденъ, Вольмаръ, Митава, Гольдингенъ и Кокенгузенъ) съ точностію неизвѣстно.

Получаемые сборы обращались на содержаніе орденскихъ домовъ и между прочимъ на покупку оружія и военныхъ снаряженій и одежды для рыцарей, ибо всѣ подобные предметы, по орденскому уставу, орденъ былъ обязанъ доставлять своимъ членамъ Въ Пруссіи для покупки оружія и одежды назначались особые чиновники и особые торговые агенты въ Нидерландахъ и во Львовѣ, куда шло много янтаря. Чиновники эти продавали поступавшій отъ туземцевъ хлѣбъ и на вырученныя деньги покупали оружіе и одежду для рыцарей. Обязаны-ли были эти чиновники заготовлять оружіе и одежду и для ливонскихъ рыцарей неизвѣстно съ точностію, но, кажется, что ливонскіе конвенты сами продавали хлѣбъ и за вырученныя деньги сами дѣлали необходимыя для себя покупки.

Свободные остатки отъ доходовъ, за уплатою всѣхъ расходовъ, препровождались отъ каждаго командора въ общую орденскую кассу. Сколько такихъ остатковъ поступало въ общую кассу ливонскаго ордена изъ командорствъ неизвѣстно, но командорства прусскаго ордена имѣли не малые ежегодные свободные остатки. Такъ чистый доходъ Эльбинскаго дома (конвента) простирался отъ 3860 до 5149 марокъ, Христбургскаго отъ 2245 до 2350 марокъ, Маріенбургскаго въ началѣ XV ст. отъ 5000 до 8000 марокъ; въ общую прусскую орденскую кассу поступало изъ командорствъ свободныхъ остатковъ иногда свыше 34000 марокъ въ годъ, иногда лишь 12000 марокъ (см. Фогта „Исторію Пруссіи“ VI, 690).

Рыцарю рѣшительно нечего было заботиться о своемъ содержаніи, вооруженіи, помѣщеніи, прислугѣ — все это шло ему и доставлялось

отъ дома, въ которомъ онъ жилъ. Всѣ его заботы были обращены на войну: была войпа, все равно съ кѣмъ-бы то ни было, съ язычниками или съ христіанами, и рыцарь былъ занять, имѣлъ дѣло, но кончался походъ. наступалъ миръ, рыцарь возвращался въ свой домъ и здѣсь впадалъ въ совершенное бездѣйствіе, — окруженный достаткомъ и обиліемъ Результатомъ подобнаго бездѣйствія, при безженной жизни, были излишества всякаго рода и распутство. При излишествахъ и распутствѣ забывались не только три основные обѣта рыцаря, но и весь орденскій уставъ. Къ тому же ливонскимъ и прусскимъ рыцарямъ, терпѣвшимъ значительную убыль въ своихъ рядахъ вслѣдствіе безпрерывныхъ войнъ, набѣговъ и сраженій, нельзя было быть черезъ-чуръ строгими въ пріемѣ новой орденской братіи. По орденскому уставу, орденскимъ тевтонскимъ братомъ могъ быть лишь неопороченный нѣмецкаго происхожденія дворянинъ, но видно охотниковъ къ поступленію изъ неопороченныхъ дворянъ было мало, если папа разрѣшилъ принимать въ орденъ лицъ подвергшихся изгнанію или же обвиненныхъ въ различныхъ преступленіяхъ. Мы видѣли уже въ чемъ именно обвинялъ архіепископъ Фридрихъ ливонскихъ рыцарей (см. выше стр. 166), видѣли также, что, не смотря на защиту орденскихъ рыцарей со стороны прусскихъ епископовъ, папа не призналъ возможнымъ вполнѣ обѣлить орденъ (стр. 194); видѣли также, что самъ великій магистръ Готфридъ Гоэнлоэ (см. выше стр. 161) въ Мемелѣ на орденскомъ капитулѣ указывалъ на упадокъ нравственности среди орденской братіи и для пресѣченія распутства требовалъ усиленія строгости устава, строгости наказаній и штрафовъ. Упреки и требованія не только остались безъ всякихъ послѣдствій, но встрѣтили такое сопротивленіе, что Гоэнлоэ отказался отъ своей должности. Въ 1317 г. генеральный капитулъ избралъ преемникомъ Гердта фонъ Іокке на должность ливонскаго магистра ервенскаго фохта, Іоанна Гоэнгорстскаго, но прочіе ливонскіе сановники не хотѣли признать этого человѣка магистромъ, такъ какъ онъ былъ обвиненъ въ кражѣ 160 марокъ изъ орденской кассы (см. Urkundenbuch Бунге II, регесты № 769). Великій магистръ Вернеръ Орзельнскій былъ умерщвленъ орденскимъ братомъ Эндорфомъ. (см. выше стр. 224) за строгость, съ какою онъ преслѣдовалъ распутство. Уставъ былъ строгъ, но его требованія не исполнялись; обѣты сдѣлались пустою формальностію, и орденская братія, нерѣдко пополнявшаяся людьми недостойными, не только не являлась на высотѣ своей задачи, но сдѣлалась чистымъ соблазномъ и для язычниковъ, и для самихъ христіанъ.

Другимъ властителемъ ливонскихъ земель были епископы. Ко времени присоединенія Эстоніи епископствъ въ Ливоніи было пять:

1) *Архіепископство Рижское.* Оно заключало въ себѣ всѣ земли нынѣшней Лифляндской губерніи по правой сторонѣ Двины, за исклю-

ченіемъ нынѣшнихъ уѣздовъ Дерптскаго и Феллинскаго, а на лѣвой всю Семигаллію отъ Динабурга до Гольдингена.

2) *Епископство Дерптское*, составленное изъ земель нынѣшнихъ Дерптскаго и Феллинскаго уѣздовъ.

3) *Епископство Эзельское*, заключавшее въ себѣ островъ Эзель и юго-западную часть нынѣшней Эстляндской губерніи, т. е. Викъ.

4) *Епископство Куронское.* Оно первоначально простиралось отъ рѣки Виндавы вдоль моря до Нѣмана и Куришгафа, а съ 1329 г. заключало въ себѣ только западную часть нынѣшней Курляндской губерніи, начиная отъ Гольдингена.

По присоединеніи датской Эстоніи, къ этимъ четыремъ епископствамъ прибавилось

5) *Епископство Ревельское*, заключавшее въ себѣ всѣ земли Эстляндской губерніи, кромѣ Вика.

Вотъ въ этихъ-то епископствахъ орденъ и имѣлъ въ своемъ владѣніи опредѣленныя части земель: въ Рижскомъ и Эзельскомъ одну треть, въ Дерптскомъ половину, въ Куронскомъ двѣ трети.

Каждый епископъ управлялъ своею областію независимо отъ прочихъ епископовъ. По духовной іерархіи архіепископъ Рижскій однакоже занималъ первое мѣсто, ибо по дѣламъ церковнымъ всѣ прочіе ливонскіе епископы были подчинены его митрополитской власти. Каждому епископу въ его епископствѣ (епархіи) принадлежали власти: законодательная, судебная и распорядительная и начальство надъ войскомъ, но власть епископа ограничивалась, состоявшимъ при немъ, на основаніи каноническихъ правилъ, *капитуломъ*. Вѣдомству капитула принадлежали: 1) непосредственное участіе въ законодательствѣ и въ дѣлахъ правительственныхъ, въ которыхъ епископъ дѣйствовалъ не иначе какъ съ его согласія (mit Vollwort, consensu, consilio); 2) избраніе епископа и представленіе избраннаго на утвержденіе папы; 3) непосредственное управленіе епископствомъ вслучаѣ отсутствія или смерти епископа. На содержаніе епископа и капитула опредѣлялись особыя имѣнія (деревни), называвшіяся *столовыми* (bona mensae, Tafelgüter). Имѣнія эти состояли въ неносредственномъ владѣніи епископа и капитула и управлялись *епископскими фохтами*, которые также начальствовали и въ отдѣльныхъ замкахъ епископа, строившихся какъ для защиты епископскихъ земель, такъ и для удержанія въ покорности новокрещенныхъ туземцевъ. Столовыя имѣнія, земли которыхъ обработывались новокрещенными туземцами, конечно, безплатно, хорошо обезпечивали жизнь епископовъ и ихъ капитуловъ, да и вообще церкви не могли пожаловаться на какіе либо недостатки или скудость средствъ Церковныя имущества постоянно увеличивались то подарками, то покупками. Такъ напр. въ 1314 г. рижскіе миноритскіе монахи получили отъ одного ревельскаго рыцаря на поминъ душъ его и его родныхъ недвижимость (см. Urkundenbuch

Бунге, II, регесты № 748). Въ 1318 г. цистерціанскій монастырь въ Падисѣ получилъ въ подарокъ отъ ордена двѣ деревни, да ирикупилъ четыре (см. тамъ же № 788). Динаминдскій монастырь продалъ свои недвижимости у Пархима, но за то купилъ другія въ Эстоніи; госпиталь св. Духа въ Ригѣ купилъ деревню Гейлигенгагенъ, и въ началѣ XV ст. продалъ ее двумъ Ростокскимъ патриціямъ. Церкви богатѣли, но духовенству казалось все мало. Мы уже видѣли на что жаловались ливонскіе рыцари (см. выше стр. 138): духовенство гоняется за наживою, освобождаетъ за деньги крестоносцевъ отъ ихъ обѣтовъ, выкуиныя деньги присвоиваетъ себѣ. Впрочемъ, по отношенію къ стяжаніямъ, и рыцари, и духовенство стоили другъ друга, но они стоили другъ друга и по совершенному забвенію своего долга по духовному и нравственному просвѣщенію новокрещенныхъ ливовъ, латышей и эстонцевъ. Папа Гонорій III рекомендовалъ прусскимъ властителямъ учреждать въ ихъ владѣніяхъ школы (scolas Prutenorum instituere puerorum, см. Фогта „Исторію Пруссіи“ III, 557) и, по видимому, не безъ успѣха, но въ Ливоніи по просвѣщенію новокрещеныхъ ровно ничего не дѣлалось: новокрещеные только по имени были христіанами.

Рихтеръ въ своей исторіи (см. томъ I, стр. 239) приводитъ довольно характерные старинные стихи на этотъ счетъ:

Du armer curischer Baur,
Dein Leben wird dir saur,
Du steigest auf den Baum
Und hawest dir Sattel und Zaum.
Du gibst den Paffen auch ihre Pflicht
Und weist von Gottes Wort doch nicht.

т. е. Ты бѣдный куронскій мужикъ, плохое твое житье: влѣзешь ты на дерево, вырубишь себѣ сѣдло и узду, даешь также поиамъ ихъ дани и ничего не знаешь о словѣ Божіемъ.

Впрочемъ, ливонское духовенство ничѣмъ не было хуже прочаго католическаго духовенства въ западной Европѣ. Обезпеченное хорошими доходами, духовенство тамъ небрегло своими обязанностями, предаваясь распутству: развращеніе нравовъ прикрывалось религіею, а схоластика и церковныя учрежденія служили не только для отпущенія грѣховъ, но и для позволенія грѣшить. Рыцари, какъ ливонскіе такъ и прусскіе, также ни чуть не были хуже современнаго имъ всего рыцарства Германіи, которое смотрѣло на убійства и грабежи, какъ на свое ремесло, не стыдясь названія домашнихъ синицъ или разбойниковъ большихъ дорогъ. Понастроивъ на берегахъ судоходныхъ рѣкъ и по большимъ дорогамъ крѣпкіе замки, они хватали путниковъ, налагая на нихъ выкупъ, разбивали купеческіе караваны съ товарами, не признавая никакого закона, никакой власти. „Вы, бюргеры, говаривали такіе рыцари, зарабатываете себѣ хлѣбъ безъ всякой опасности иглою, шиломъ и аршиномъ; намъ рабочій инструментъ есть мечъ, мы и зарабатываемъ имъ“.

И такъ главное управленіе дѣлами въ епископствахъ принадлежало епископамъ и ихъ каиитуламъ; въ орденскихъ же земляхъ магистру и провинціальному капитулу. Въ описываемое время, т. е.

отъ соединенія орденовъ до присоединенія къ орденскимъ владѣніямъ Эстоніи, ливонскій магистръ былъ избираемъ и назначаемъ великимъ магистромъ и главнымъ (генеральнымъ) капитуломъ. Магистръ ливонскій принадлежалъ къ высшимъ сановникамъ ордена, занимая первое мѣсто послѣ провинціальнаго магистра Германіи и имѣя право учавствовать въ совѣщаніяхъ главнаго капитула, которому былъ подчиненъ до начала XV ст. по управленію своею провинціею Подобно тому какъ власть епископа въ епархіяхъ ограничивалъ капитулъ, такъ и власть магистра ограничивалъ провинціальный капитулъ, состоявшій изъ орденскихъ сановниковъ: ландмаршала, командующаго войсками, командоровъ, фохтовъ и простыхъ братьевъ. Предметами совѣщаній капитуловъ были: избраніе командоровъ и фохтовъ, изданіе провинціальныхъ статутовъ съ утвержденія великаго магистра и главнаго капитула, принятіе желающихъ вступить въ орденъ. Съ XIV ст. при магистрѣ учредился орденскій или тайный совѣтъ (Ordensrath, Geheimer-Rath). Онъ состоялъ исключительно изъ орденскихъ сановниковъ и безъ его согласія магистръ не могъ предпринять ничего важнаго.

Иначе было устроено главное управленіе Эстоніею.

Хотя король Вольдемаръ II датскій, приступая къ завоеванію Эстоніи, и обратился къ папѣ съ просьбою о присоединеніи этой страны къ датскому королевству и датской церкви, (см буллу Гонорія III отъ 9 октября 1218 г. въ Urkundenbuch Бунге, № 41, а), но впослѣдствіи, когда Эстонія, перешедшая было подъ власть ордена, снова переходила подъ власть Даніи, папа призналъ страну эту принадлежащею не датскому государству, а датскому королю. Это указано въ буллѣ папы Григорія IX легату Вильгельму Моденскому отъ 10 апрѣля 1236 г. (см. Urkundenbuch Бунге, № 147) и въ Стенбійскомъ договорѣ отъ 7 іюня 1238 г. Вслѣдствіе этого Эстонія составила самостоятельную отъ Даніи область; и какъ датскіе законы въ ней дѣйствія не имѣли, то короли датскіе, принявъ титулъ сперва господина, dominus, а потомъ герцога, dux, Эстоніи, дали этому краю особое устройство, во многомъ отличное отъ устройства другихъ датскихъ областей. За удаленностію Эстоніи отъ Даніи, за трудностію сообщенія между этими странами, король датскій, явившись властителемъ Эстоніи, не могъ иначе управлять оною какъ посредствомъ уполномоченнаго намѣстника. Такъ король Вольдемаръ II, оставляя Эстонію въ 1219 г. (см. томъ I, стр. 205), управленіе ею ввѣрилъ епископамъ, изъ коихъ Андрей, архіепископъ Лундскій, былъ настоящимъ королевскимъ намѣстникомъ. Послѣ Андрея эстонскимъ намѣстникомъ былъ епископъ Туво Рииенскій. Когда Эстонія по Стенбійскому договору отошла къ датскому королю, то главное управленіе ею было ввѣрено намѣстнику, первоначально носившему титулъ *префекта* (praefectus Revaliae), а потомъ съ 1250 г. постоянно име-

новавшемуся королевскимъ *капитаномъ*, королевскимъ *гауптманомъ* (capitaneus regis, königlicher Hauptmann). Къ этому титулу обыкновенно прибавлялось in Revalia или Revaliensis, но иногда прибавлялись и другія наименованія, какъ то: Capitaneus terra Estoniae, terrae Revaliensis, per Estoniam, Harriam et Revallam, in toto ducatu Estoniae. Гауптманъ всегда назначался королемъ и по большей части изъ природныхъ датчанъ и всегда рыцарскаго званія (milles или dominus). Ему ввѣрялась власть правительственная и судебная. „Когда король поставитъ гауптмана судьею и пришлетъ его въ Эстонію и ввѣритъ его управленію замки, землю и людей, то все, что гауптманъ по справедливости присудитъ, порѣшитъ и постановитъ, должно оставаться нерушимымъ (dat sall stede bliven)“, сказано въ 38 главѣ Вольдемаръ-Эрихскаго леннаго права и этими словами очерчивается кругъ власти гауптмана. Изъ дошедшихъ до насъ документовъ отъ датскихъ временъ въ Эстоніи оказывается, что гауптманъ прежде всего былъ судьею. Онъ предсѣдательствуетъ въ высшемъ судѣ, составленномъ изъ королевскихъ совѣтниковъ, предсѣдательствуетъ въ третейскихъ судахъ по пограничнымъ спорамъ; онъ регулируетъ границы, вводитъ во владѣніе; онъ осматриваетъ товары, налагаетъ секвестры и штрафы и пр. А такъ какъ въ тѣ времена судебная власть соединялась съ административною, потому гауптманъ управляетъ королевскими замками, наблюдаетъ за чеканкою монеты, за сборомъ податей, регулируетъ вывозъ хлѣба, охраняетъ берега отъ морскихъ разбойниковъ, вообще вѣдаетъ полицейскія дѣла. Во внѣшнихъ дѣлахъ власть гауптмана была весьма обширною. Онъ заключаетъ союзы съ ливонскими властителями, учавствуетъ, какъ мы видѣли, въ ихъ совѣщаніяхъ на счетъ войны и мира. Вслучаѣ войны гауптманъ созывалъ королевскихъ вассаловъ и принималъ главное начальство надъ войскомъ *).

Первоначально королевскій гауптманъ дѣйствовалъ въ Эстоніи вполнѣ неограниченно, но съ конца XIII ст. въ управленіи страною начинаютъ принимать участіе и сословія, образовавшіяся здѣсь съ теченіемъ времени.

Главную массу населенія Эстоніи составляли древніе насельники этой земли — финскія племена, у русскихъ имѣвшихъ общее названіе чуди. Эта чудь въ Эстоніи разбивалась на племена: ревельцевъ, гарійцевъ и вironцевъ, отъ сосѣднихъ латышей рѣзко отличавшихся не только языкомъ, но и мужествомъ и любовію къ независимости.

*) Въ 6740—6744 Рижской Хроники о гауптманѣ сказано:

Ir hauptmann der hat die craft,
Wan er wil, von des landes wegen
Er brenget manchen stolzen degen
Zu den bruder an ir schar.

Т. е. ихъ гауптманъ имѣетъ право, буде хочетъ, объявить въ землѣ сборъ войска, и многихъ славныхъ бойцовъ доставляетъ въ ряды братьевъ.

Большая ихъ часть занималась хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, но приморскіе жители снискивали себѣ пропитаніе рыболовствомъ и морскими разбоями Какъ шло покореніе ихъ пришельцами было уже разсказано. Главную массу пришельцевъ составляли, какъ уже неоднократно было замѣчаемо, не датчане, а сѣверо-германскіе выходцы. Лучшее доказательство тому представляетъ катастръ Ревельской епархіи (liber census Daniae). Огромное большинство поименованныхъ въ катастрѣ землевладѣльцевъ, судя по ихъ именамъ, были нѣмцы. Точно также жители города Ревеля были по преимуществу нѣмцы, а не датчане. Изъ 70 именъ членовъ ревельскаго мигистрата, упоминаемыхъ за время съ 1298 по 1347 г. только одно — Wernerus de Calwaria — могло принадлежать лицу датскаго происхожденія. Имѣются свѣдѣнія, что въ Эстоніи проживали и шведы и русскіе, но въ столь ничтожномъ числѣ, что ихъ и въ разсчетъ брать нельзя.

Пришельцы въ Эстоніи, какъ и всюду въ Ливоніи, будучи людьми свободными, разбивались на два состоянія: родовыхъ дворянъ (RitterBürtigen) и не дворянъ (Gemeinfreien, вольныхъ разночинцевъ). Мы видѣли при какихъ обстоятельствахъ и когда король Вальдемаръ II датскій предпринялъ завсеваніе Эстоніи (см. томъ I, гл VII). Ему, какъ и его современнику, епископу Альберту Рижскому, воевать и покорять дикарей было не особенно трудно, но удержать за собою завоеванное, держать въ покорности новокрещенныхъ было несравненно труднѣе. И тому и другому приходилось въ новозавоеванныхъ земляхъ дѣла повести такимъ образомъ, чтобы предводители пришельцевъ покорившихъ землю, явились мѣстными, постоянными жителями оной, чтобы этимъ предводителямъ былъ прямой разсчетъ и выгода не уходить на родину, а оставаться въ новозавоеванной землѣ, удерживая въ покорности коренное населеніе ея Раздача покоренныхъ земель въ ленное владѣніе составляла лучшее средство для достиженія этой цѣли. Епископъ Альбертъ прибѣгнулъ къ этому средству тотчасъ же послѣ основанія Риги (см. томъ I, 95), раздачею населенныхъ покоренныхъ земель въ ленное владѣніе началось съ 1219 г. и датское господство въ Эстоніи. Кому именно король Вальдемаръ II раздалъ въ ленное владѣніе новонокоренныя земли въ Эстоніи, кто былъ въ числѣ первыхъ датскихъ вассаловъ въ Эстоніи, первоначально называвшихся *королевскими мужами* (viri regis), свѣдѣній не сохранилось. Имѣются лишь свѣдѣнія, что не всѣ эстонскія населенныя имѣнія были розданы въ лены, многія земли оставались въ непосредственномъ владѣніи короля, который, по понятіямъ того времени, былъ не только государемъ, но и главнымъ собственникомъ покоренной земли. Такіе нерозданныя въ лены имѣнія находились подъ управленіемъ королевскихъ чиновниковъ, фохтовъ (см Urkundenbuch Бунге, № 165 и регесты 185). Само собою разумѣется, что вассалами были лишь родовые дворяне.

Мы видѣли, что въ 1225 г. вассалы дерптскаго епископства (см. томъ I, 241) вторглись въ Виронію, силою овладѣли здѣсь земельными участками и вытѣснили отсюда королевскихъ ленниковъ. Правда, дерптскіе вассалы скоро вынуждены были вытти изъ Вироніи, но очень возможно, что нѣкоторые и остались. Въ 1227 г. меченосцы овладѣли Эстоніею. Нѣтъ сомнѣнія, что они вытѣснили датскихъ королевскихъ вассаловъ, въ особенности тѣхъ, кто былъ датчанинъ родомъ, изъ ихъ леновъ, которые такимъ образомъ перешли къ другимъ лицамъ, по преимуществу къ нѣмцамъ. Такимъ образомъ помѣстья въ Эстоніи очень часто переходили изъ рукъ въ руки, что подавало поводъ къ многимъ спорамъ и пререканіямъ.

Любопытныя подробности о земельныхъ участкахъ въ первые годы вторичнаго датскаго господства въ Эстоніи заключаются въ писцовой книгѣ, дошедшей до насъ отъ XIII ст. подъ именемъ „Liber census Daniae или Kong Waldemar's Jordebog, т. е. земельная книга короля Вальдемара. Книга эта была впервые напечатана въ VII томѣ Scriptores rerum Danicarum Лангебека, стр. 507—543, съ пергаментнаго кодекса, принадлежащаго Стокгольмскому кабинету древностей. Составленіе этой книги несомнѣнно относится къ XIII в., а данныя, касающіяся Эстоніи, по всей вѣроятности къ 1240—1242 г., слѣд. къ первымъ годамъ вторичнаго датскаго господства въ Эстоніи. Въ 1242 г. король Эрихъ Плогпеннигъ постановилъ, чтобы епископъ Ревельскій получалъ доходы съ помѣстій, соразмѣрно съ числомъ гаковъ въ нихъ, слѣд. для епископа необходимо было знать какъ число помѣстій, находившихся въ его епархіи, такъ и число гаковъ земли каждаго помѣстья. Вслѣдствіе этого и полагаютъ, что всѣ данныя, относящіяся къ Эстоніи и включенныя въ „Liber census Daniae“, составлены если не самимъ епископомъ, то по его порученію кѣмъ либо изъ его духовныхъ на основаніи отдѣльныхъ замѣтокъ приходскихъ священниковъ.

Изъ данныхъ, помѣщенныхъ въ „Liber census Daniae“, оказывается, что въ сороковыхъ годахъ XIII ст. въ Гарріи и Вироніи состояло 530 земельныхъ участковъ (помѣстій), въ коихъ было 5495 гаковъ земли (гакъ или гакенъ, uncus, количество земли, обработываемое однимъ илугомъ). Изъ нихъ 111 участковъ съ 1061 гакомъ земли принадлежали королю, 393 съ 4219 гаками частнымъ лицамъ и 26 участковъ съ 215 гаками различнымъ корпораціямъ и учрежденіямъ*). Величина отдѣльнаго участка была весьма различна, отъ 1 до 17 гаковъ; вообще же участки въ Вироніи были больше чѣмъ въ Гарріи. Количество участковъ распредѣлялось между владѣльцами также весьма неравномѣрно. Такъ Тидерикъ Кивель владѣлъ 22 участками съ 403 гаками, Саксо 16 участками, Одвардъ 10 съ 97 гаками и пр. Болѣе крупные землевладѣльцы были по преимуществу въ Вироніи.

*) Монастырю Гутвалю на островѣ Эзелѣ принадлежало 9 участковъ со 113 гаками; динаминдскому монастырю 8 участковъ съ 39 гаками; эстонскому духовенству 3 участка съ 27 гаками; городу Ревелю 5 участковъ съ 31 гаками и ревельскому госпиталю 1 участокъ съ 5 гаками.

Лица, получившія во владѣнія земельные участки, въ видѣ леновъ и были королевскими *вассалами*. Первоначально они не составляли особаго сословія, не имѣли представителей и не собирались для совѣщаній по своимъ общественнымъ дѣламъ, но когда епископъ Ревельскій потребовалъ отъ всѣхъ королевскихъ вассаловъ давать средства на содержаніе церкви, то это требованіе подало поводъ къ первому общему собранію вассаловъ. Въ 1259 г. они устроили общій съѣздъ и въ присутствіи и съ одобренія королевскаго гауптмана составили постановленіе и соглашеніе съ епископомъ. Затѣмъ они донесли объ этомъ соглашеніи королю съ просьбою утвержденія таковаго. Въ этомъ то донесеніи (см. UrkundenBuch Бунге, № 337), они впервые назвали себя „universitas vasallorum regis, per Estoniam constituta". Король, въ присутствіи всѣхъ совѣтниковъ, принялъ снаряженное вассалами посольство, состоявшее изъ знатнѣйшихъ вассаловъ (meliores de Revalia), утвердилъ постановленіе, повелѣвъ всѣмъ и каждому, подъ угрозою потери лена, руководствоваться и дѣйствовать по этому постановленію (см. королевскую грамоту о томъ отъ 11 іюня 1260 г. въ UrkundenBuch Бунге подъ № 352). Съ этихъ поръ эстонскіе вассалы начинаютъ, при различныхъ случаяхъ и поводахъ, выступать какъ самостоятельная, замкнутая корпорація, подъ разными наименованіями, которыя они давали себѣ сами, или давались королемъ или королевскимъ гауптманомъ, какъ то: Universi vasalli terrae Revallae или regis Daciae in Estonia; Communes vasalli regis in Estoniae; Universitas vasallorum in Estonia constituta; Communitas vasallorum regis; Gemeinheit der Ritter und Wapener in Estland. Имѣла-ли корпорація вассаловъ въ тѣ времена свое особое представительство или правленіе — изъ документовъ не видно, но съ 1284 г. она имѣла уже свою печать, какъ то видно изъ многихъ грамотъ.

Корпорація эстонскихъ вассаловъ первоначально не принимала никакого участія въ управленіи страною; но это продолжалось только до тѣхъ поръ, пока правительство въ своихъ дѣйствіяхъ могло обходиться безъ помощи ихъ. Но обойтись безъ помощи оказывалось невозможнымъ, невозможность эта и повлекла за собою учрежденіе *земскаго* или *королевскаго совѣта*. Хотя названіе королевскихъ совѣтниковъ и упоминается въ Вальдемаръ-Эрикскомъ ленномъ правѣ, но едва-ли таковые совѣтники существовали во времена короля Вальдемара II. Первое точное упоминаніе о нихъ относится къ 1282 г., когда королева Маргарита грамотою отъ 22 іюля 1282 г. (см. UrkundenBuch Бунге, № 480) поручила королевскому гауптману, а также „двѣнадцати присяжнымъ" (duodecim iurati regni) и ревельскимъ бюргерамъ озаботиться взысканіемъ нѣкоторыхъ денежныхъ штрафовъ. Эти iurati и были королевскіе совѣтники, какъ то значится въ грамотѣ отъ 1298 г., состоявшейся отъ гауптмана и двѣнадцати „milites, consiliarii domini regis in Estonia iurati". Въ документѣ отъ

1287 г. (см. Urkundenbuch Бунге, № 519) они названы „consules terrae“, ландраты. Въ другихъ грамотахъ и документахъ они значатся обыкновенно подъ именами: Consiliarii regis Danorum per Estoniam или in Estonia; въ одномъ документѣ отъ 16 мая 1343 г. (см. Urkundenbuch Бунге, № 814) они названы: Consiliarii regis et coronae regni Daciae, in Estonia commorantes.

Эти совѣтники и составляли королевскій или земскій совѣтъ (consilium, Landesrath). Они назначались королемъ, кажется пожизненно, изъ числа вассаловъ. Первоначальное число совѣтниковъ было 12, но впослѣдствіи оно возросло до 15. Предсѣдательство въ этомъ совѣтѣ принадлежало королевскому гауптману, который совмѣстно съ совѣтомъ сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ и правительственную и высшую судебную власть.

Сословіе вассаловъ, образовавъ съ 1259 г. изъ себя замкнутую корпорацію, скоро пріобрѣло въ странѣ весьма важное значеніе и силу, дѣйствуя совмѣстно съ королевскими совѣтниками и епископомъ ревельскимъ. Такъ въ 1284 г.,, въ свѣтлое Христово воскресенье, они торжественно заявили, что единодушно соединились между собою на три года и подъ присягою (fide data) обязались защищать и охранять права какъ своихъ государей, такъ и свои собственныя, полученныя по древнимъ законамъ ихъ страны отъ ея государей, противъ всякаго кто будетъ нарушать ихъ (см. Urkundenbuch Бунге, № 491). Неизвѣстно по какому поводу состоялось такое постановленіе, быть можетъ вслѣдствіе предположенія короля отдать Эстонію въ ленъ кому либо или вообще отчуждить эту страну отъ короны датской, ибо за годъ предъ тѣмъ, въ 1283 г., королева Маргарита, которой Эстонія была предоставлена въ пожизненный ленъ (см. выше стр. 74), умерла. Въ Дерптскомъ съѣздѣ ливонскихъ властителей, происходившемъ въ 1304 г. (см. выше стр. 213), учавствуютъ эстонскіе вассалы и дѣлаютъ постановленіе противъ отчужденія Эстоніи отъ датской короны и противъ предоставленія этой страны въ ленъ герцогу Христофору. Учавствовали-ли королевскіе совѣтники въ этомъ съѣздѣ, съ точностію неизвѣстно, но епископъ Ревельскій несомнѣнно держалъ сторону вассаловъ въ обоихъ названныхъ съѣздахъ. Пользуясь неурядицами въ Даніи и ослабленіемъ королевской власти, вассалы въ 1306 г. дѣлаютъ новый шагъ для усиленія своей корпораціи, собираются подъ охраною епископа для совѣщанія и постановленія о земскомъ управленіи (преимущественно по дѣламъ о взысканіяхъ штрафовъ и закладовъ имѣній) Составленное постановленіе должно было имѣть силу въ теченіи двухъ лѣтъ, а если король будетъ согласенъ, то и на дальнѣйшее время. Чрезъ полгода послѣдовалъ новый съѣздъ въ Везенбергѣ, на которомъ вассалы, безъ всякаго участія гауптмана, постановляютъ передать подъ охрану епископа Ревельскаго всѣ королевскіе замки, коими вассалы овладѣли въ 1304 г. (см. выше стр. 213).

О таковомъ постановленіи вассалы донесли королю (см. Urkundenbuch Бунге, № 621) и въ своемъ донесеніи впервые употребили выраженіе: placitum generale (общее собраніе, allgemeiner Landtag). Подобныя собранія съ этого времени начали происходить все чаще и чаще, но всегда съ участіемъ королевскихъ совѣтниковъ. Такъ placitum generale ввѣрило Эстонію, послѣ возстанія чуди въ 1343 г., охранѣ ливонскаго ордена (см. Urkundenbuch, Бунге № 814) и отдало въ закладъ замокъ Нарву (см. тамъ же № 827 и 828). Королевскій гауптманъ въ обоихъ сихъ постановленіяхъ участія не принималъ.

Ко времени присоединенія Эстоніи, датскіе вассалы имѣли уже значительное вліяніе на ходъ внутреннихъ дѣлъ страны и пріобрѣли значительныя сословныя права.

Къ концу датскаго господства въ Эстоніи, значительное вліяніе на ходъ внутреннихъ дѣлъ въ этой странѣ начинаютъ оказывать духовенство и городъ Ревель. Въ 1340 г. королевскіе совѣтники и члены ревельскаго магистрата собрались подъ предсѣдательствомъ королевскаго гауптмана и установили съ „обоюднаго одобренія общинъ“ (вассаловъ и бюргеровъ города) соглашеніе на счетъ пользованія лугами у Ервекюльскаго озера (подъ Ревелемъ; см. Urkundenbuch Бунге, № 792). Послѣ общаго возстанія эстонцевъ въ 1343 г., епископъ ревельскій, игумены трехъ эстляндскихъ монастырей, королевскіе совѣтники, корпорація вассаловъ (universitas vasallorum), а также проконсулы и консулы (бургомистры и ратсгеры) города Ревеля дѣлаютъ общее представленіе королю, въ коемъ излагаютъ причины и поводы, побудившіе ихъ призвать тевтонскій орденъ для успокоенія страны (см. Urkundenbuch Бунге, № 820). Въ 1346 г. снова подъ предсѣдательствомъ королевскаго гауптмана собираются королевскіе совѣтники и члены ревельскаго магистрата для составленія, съ одобренія корнораціи вассаловъ и бюргеровъ, соглашенія по взысканію долговъ, съ предоставленіемъ королю-герцогу права утвержденія таковаго соглашенія (см. Urkundenbuch Бунге, № 846). Если изъ подобныхъ общихъ собраній еще нельзя заключить о существованіи формально организованнаго земскаго управленія, то во всякомъ случаѣ таковыя собранія слѣдуетъ считать началомъ развитія въ Ливоніи трехъ земскихъ сословій: духовенства, дворянства и городовъ; къ числу сословій слѣдуетъ присоединять и орденъ.

Мы уже видѣли, что эстонскіе вассалы доставляли собою значительный и важный контингентъ войска, ведшаго войны съ русскими на востокѣ, съ куронами и литовцами на югѣ, видѣли также, что ливонскіе властители, въ особенности магистры ливонскаго ордена, всегда заботились привлекать эстонскихъ вассаловъ къ участію въ войнахъ. Такъ въ 1290 г. ливонскій магистръ Гальтъ игласилъ въ Ригу на совѣщаніе о походѣ въ Литву не только епископовъ и гауптмана ревельскаго, но и „рыцарей и вассаловъ“ (см. выше стр.

132). Въ Дерптскомъ съѣздѣ 1304 г. эстонскіе вассалы являются главными дѣятелями (см. выше стр. 163 и 213). Въ 1313 г. эстонскіе вассалы съ участіемъ гауптмана, епископовъ Ревельскаго и Эзельскаго, эзельскихъ вассаловъ и городовъ Ревеля и Дерпта являются посредниками между орденомъ и Ригою (см выше стр. 178 и Urkundenbuch Бунге, №№ 644 и 645).

Таково было въ общихъ чертахъ земское управленіе въ датской Эстоніи въ то время, когда страна перешла во власть тевтонскаго ордена. Оно во многомъ отличалось отъ земскаго управленія въ прочихъ ливонскихъ епископствахъ и въ орденскихъ земляхъ. Высшее провинціальное управленіе въ Эстоніи, какъ сейчасъ было сказано, принадлежало королевскому гаунтману и состоявшему при немъ королевскому или земскому совѣту. Для управленія королевскими имѣніями назначались (по всей вѣроятности гауптманомъ) *фохты* (advocati), которые въ одно и тоже время были и администраторами, и судьями, и сборщиками податей во ввѣренныхъ имъ имѣніяхъ. Фохтамъ были подчинены нижніе чиновники, называвшіеся офиціалами (officiales). Въ Ревельскомъ замкѣ, и по всей вѣроятности и въ другихъ замкахъ Эстоніи, назначались особые фохты (advocati castrenses). Епископъ Ревельскій для управленія епископскими имѣніями имѣлъ своего особаго фохта. Вассалы въ своихъ ленныхъ имѣніяхъ съ XIV ст. уже пользовались неограниченною властію; всѣ жители, водворенные въ этихъ имѣніяхъ, были подсудны вассалу, имѣвшему право казнить смертію и миловать своихъ подданныхъ, имѣвшему „alles Recht in Hals und Hand“, какъ сказано въ Вальдемарь-Эрихскомъ ленномъ правѣ въ главѣ 3, § 8.

Въ орденскихъ земляхъ высшее управленіе принадлежало магистру, но его власть ограничивалась провинціальнымъ капитуломъ. Земли эти раздѣлялись на округи, ввѣрявшіеся, какъ уже было сказано, управленію командоровъ и фохтовъ Командоры и фохты сосредоточивали въ своихъ рукахъ, по обычаю того времени, и правительственную и судебную власть, чинили въ ввѣренныхъ имъ округахъ судъ и расправу совмѣстно съ орденскими вассалами, если таковые были въ данномъ округѣ, собирали доходы и начальствовали въ совѣтахъ орденскихъ братьевъ въ ихъ замкахъ.

Высшее управленіе въ епископствахъ принадлежало, какъ мы видѣли, епископу и его капитулу. Въ каждомъ епископствѣ столовыя имѣнія управлялись епископскими фохтами, всѣ же прочія имѣнія раздавались въ ленное владѣніе вассаламъ изъ родовыхъ германскихъ дворянъ. Въ описываемое время ливонскіе вассалы еще не составляли какой либо самостоятельной, замкнутой корпораціи, какъ то уже было въ Эстоніи, но уже изъ тогдашнихъ документовъ видно, что свѣтская власть епископа въ епископствахъ ограничивалась не только капитулами, но и вассалами, ибо вездѣ встрѣчается упоминаніе, что то либо

другое распоряженіе послѣдовало съ совѣта и согласія (mit Rade und Vollbord) не только капитула, но и вассаловъ (мужей, viri, Mannen). Какихъ либо правилъ относительно съѣздовъ вассаловъ и др. властителей на ландтаги въ описываемое время еще не было и съѣздъ 1304 г. былъ лишь зародышемъ будущихъ ландтаговъ.

Отношенія епископовъ къ ихъ воинственнымъ вассаламъ, поддержка которыхъ была для нихъ совершенно необходима, не всегда были дружественныя и мирныя. Такъ мы видѣли, что архіепископъ Рижскій, Іоаннъ II Фехтенъ, въ 1289 г. былъ захваченъ въ плѣнъ своими вассалами (см выше стр 140), подъ предлогомъ, что онъ не обращаетъ вниманія на ихъ жалобы, и вассалы держали его въ заключеніи до тѣхъ поръ, пока онъ не согласился на всѣ ихъ требованія. Возникали и споры съ вассалами. Епископъ Николай предоставилъ бывшій русскій замокъ Кокенгузенъ въ ленъ рыцарю Дитриху (дворянину), зятю рыцаря Іоанна Тизенгаузена. По смерти Дитриха, его вдова вышла вторично замужъ и архіепископъ Альбертъ Зауербееръ утвердилъ владѣніе Кокенгузеномъ за ея мужемъ. Тогда Іоаннъ Тизенгаузенъ силою овладѣлъ леномъ. Архіепископъ Фридрихъ приговорилъ Іоанна къ изгнанію. Тизенгаузенъ сдалъ Кокенгузенъ, но чрезъ нѣкоторое время, при помощи орденской братіи, снова силою овладѣлъ этимъ замкомъ. Его приговорили снова къ изгнанію съ присовокупленіемъ, что всѣ его наслѣдники по мужской и женской линіи до четвертаго колѣна теряютъ права на имѣнія и лены. Впослѣдствіи, по смерти уже Іоанна и архіепископа Фридриха, сынъ этого Тизенгаузена, Энгельбрехтъ, отправился въ Авиньйонъ къ тогдашнему архіепископу рижскому Энгельберту Даленскому и выпросилъ отмѣны опалы, наложенной на потомство Тизенгаузена, но долженъ былъ уплатить архіепископу 400 марокъ серебра въ вознагражденіе убытковъ и отказаться отъ Кокенгузена.

Разсмотрѣвъ какъ было устроено главное управленіе въ ливонскихъ областяхъ ко времени присоединенія Эстоніи, разсмотримъ бытъ и положеніе ливонскихъ туземцевъ за столѣтіе со времени соединенія орденовъ до 1347 г.

Мы видѣли какъ шло постепенное завоеваніе земель ливовъ, латышей, чуди, куроновъ и семигалловъ, видѣли, что появленіе католичества въ этихъ земляхъ сопровождалось немедленнымъ же обложеніемъ дапями новокрещеныхъ, и затѣмъ лишеніемъ ихъ личной свободы. Мы видѣли также, что изъ всѣхъ ливонскихъ туземцевъ чудскія племена оказали наибольшее сопротивленіе завоевателямъ, они мужественно отстаивали свою независимость, не шли ни на какіе договоры и бились съ завоевателями до полнаго изнеможенія и до совершеннаго истощенія силъ. Но какъ отчаянно ни защищались эти племена, они не смогли отбиться отъ завоевателей уже потому одному,

что не имѣя никакой политической связи между собою, они дѣйствовали всегда раздѣльно.

Чудь — ревельцы, гаррійцы и виронцы явились во власти датскаго короля; прочія чудскія племена, населяющія нынѣшніе сѣверные уѣзды Лифляндской губерніи и острова Монъ, Эзель и др. вынуждены были признать надъ собою власть католическихъ епископовъ и орденской братіи. Мы видѣли, что большая часть населенныхъ мѣстъ Эстоніи, вскорѣ по завоеваніи ихъ, была отдана датскими королями въ ленное владѣніе вассаламъ и лишь меньшую часть короли оставили за собою, подъ управленіемъ особо назначаемыхъ королевскихъ фохтовъ. И вассалы, и фохты думали только о личной наживѣ, объ извлеченіи изъ своихъ имѣній и деревень наибольшаго дохода и, обременяя новокрещенныхъ непосильными данями и работами, вызывали безпрерывныя возстанія, за которыми слѣдовали усмиренія и новыя угнетенія.

Уже съ 1240 г. каждый вассалъ въ Эстоніи смотрѣлъ на водворенныхъ въ его имѣніяхъ и деревняхъ чудинцевъ какъ на свою собственность. Многочисленныя подтвержденія тому находимъ въ современныхъ грамотахъ и документахъ. Такъ въ грамотѣ отъ 24 іюля 1240 г. (Urkundenbuch, № 165) сказано: — sicut Estones *dominis suis* redditus suos afferant. Въ другихъ грамотахъ (см. напримѣръ Urkundenbuch № 172, 467) сказано: — Estones pro tot uncis, pro quot *dominis* decimam ipsi . . . Смотря къ какой деревнѣ были приписаны покоренные туземцы, они носили разныя наименованія: господскіе, королевскіе, епископскіе люди — homines или Estones vasallorum, regis, episcopi, fratrum и пр. Такъ въ грамотѣ короля Эриха отъ 17 іюля 1281 г. (см. Urkundenbuch № 475) читаемъ: promiserunt vasalli nostri, quod *Estones suos* (своихъ эстонцевъ) ab antiqua terre pon amoveant. Въ другой грамотѣ отъ іюня 1287 г. (Urkundenbuch № 529) сказано: ad vasallos, qui *homines suos* (своихъ людей) miserunt. Въ документѣ отъ 1 мая 1329 г. (Urkundenbuch № 735) рыцарь Гельмодъ фонъ Сагенъ прямо говоритъ: *mei* Estones (мои эстонцы). Епископъ ревельскій въ грамотѣ отъ 1 іюня 1254 г. (Urkundenbuch № 270) пишетъ: homines *nostri* (наши люди), въ другой грамотѣ отъ 27 апрѣля 1257 г. (Urkundenbuch № 299) говоритъ: Fratres de Dunemunde et homines *ipsorum* (и ихъ люди).

Изъ многочисленныхъ документовъ, въ которыхъ упоминается о властителяхъ (господахъ) въ Эстоніи, видно, что люди, водворенные въ ихъ имѣніяхъ, были ихъ *крѣпостными* людьми. Властитель имѣнія былъ неограниченнымъ господиномъ всѣхъ людей, приписанныхъ къ нему, ибо властителю предоставлялось полное право гражданскаго и уголовнаго суда надъ его людьми. Это ясно и положительно выражено въ гл. 1, § 9 Вальдемаръ-Эрихскаго леннаго нрава. Впрочемъ, имѣются свѣдѣнія, что за крѣпостными людьми оставались ихъ воз-

дѣланныя поля, существовало даже запрещеніе вассаламъ отбирать у ихъ людей такія поля (см. грамату короля Эриха Глипинга отъ 17 іюля 1281 г. въ Urkundenbuch Бунге № 475), не основывать и не учреждать на нихъ новые дворы (аллодіи).

Всѣ приписные къ деревнѣ люди обязаны были первоначально давать своему господину *десятину* съ полевыхъ посѣвовъ, но, по всей вѣроятности, давали десятину со всѣхъ сельскихъ произведеній, по крайней мѣрѣ, въ документахъ не разъ упоминается о десятинѣ съ рыбы. Скоро къ десятинѣ прибавились другія повинности, именно барщина. Водворенные въ деревняхъ люди обязаны были строить своему господину новые дворы и обрабатывать земли, приписныя къ этимъ дворамъ. Люди, водворенные на землѣ, принадлежавшей Падискому монастырю, обязаны были пахать и обрабатывать монастырскія поля и косить сѣно, и независимо того монахамъ отдавать десятину изъ всѣхъ плодовъ и сѣна.

Барщина и самовластіе господъ съ теченіемъ времени не ослаблялись, напротивъ усиливались и вызвали наконецъ въ 1343 г. общее возстаніе чуди (см. выше стр. 232). Возстаніе было усмирено, и положеніе чуди въ Эстоніи ухудшилось уже до того, что они обратились въ чистыхъ рабовъ своихъ господъ, рабовъ, лишенныхъ всякихъ правъ, всякаго имущества, — и вотъ въ какихъ краскахъ изображаетъ ливонскій лѣтописецъ Бальтазаръ Рюссовъ (см. Приб. Сб. II, 260) бытъ и положеніе эстонцевъ въ концѣ XIV столѣтія, въ какомъ они очутились лѣтъ чрезъ пятьдесятъ послѣ присоединенія Эстоніи къ орденскимъ владѣніямъ.

„Каждый дворянинъ въ своемъ помѣстьѣ имѣлъ собственный надворный судъ съ правомъ живота и смерти (met allen rechte in hals und in hante, сказано въ гл. I, § 3 Вальдемаръ-Эрихскаго леннаго права) надъ подвластными ему людьми, и если преступникъ бывалъ захваченъ въ дворянскомъ помѣстьѣ, то подлежалъ суду не начальства, а того дворянина (помѣщикъ, Juncker), въ предѣлахъ и границахъ имѣнія котораго совершилось преступленіе. И чѣмъ щедрѣе ливонское дворянство было одарено привиллегіями, тѣмъ скуднѣе были снабжены судомъ и справедливостью крестьяне въ этой странѣ. Ибо бѣдный крестьянинъ не имѣлъ никакого другого права кромѣ того, что предоставлялъ ему помѣщикъ или фохтъ. И бѣдный человѣкъ не смѣлъ жаловаться ни какой высшей власти на какое бы то ни было насиліе и несправедливость. И если умиралъ крестьянинъ и его жена, оставивъ дѣтей, то опека надъ дѣтьми учреждалась такая, что господа брали себѣ все, что оставалось послѣ родителей, а дѣти должны были расхаживать нагія и босыя у очага помѣщика, или же побираться милостынею по городамъ, лишась всего родительскаго имущества. И все, чѣмъ владѣлъ бѣдный крестьянинъ, принадлежало не ему, а его господамъ И если крестьянину случалось немного провиниться, то

помѣщикъ или ландфохтъ, котораго здѣсь называли ландкнехтомъ, безъ всякаго милосердія и человѣческаго чувства, приказывалъ раздѣть того крестьянина до нага и, не обращая вниманія на возрастъ, стегали его длинными, тонкими прутьями. И никакой крестьянинъ не могъ избѣжать такого тиранства, но богатый могъ во всякое время откупиться приличнымъ иодаркомъ. Бывали многіе и такіе дворяне, которые обмѣнивали и вымѣнивали своихъ бѣдныхъ крестьянъ и подвластныхъ на собакъ и гончихъ. Такія и подобныя своеволія, несправедливости и тиранства должны были терпѣть и переносить бѣдные крестьяне этого края отъ дворянъ и ландкнехтовъ, оставленные властями безъ всякаго вниманія».

Ничто не могло спасти эстонца отъ власти его господина, развѣ только онъ былъ отпускаемъ на волю помѣщикомъ или же успѣвалъ бѣжать въ какой либо городъ, пользовавшійся рижскимъ правомъ; здѣсь ему предстояло укрываться отъ помѣщика два года и если въ теченіе двухъ лѣтъ помѣщикъ не требовалъ его обратно, то бѣглый приписывался къ городу и дѣлался свободнымъ горожаниномъ.

Положеніе крестьянъ въ земляхъ нынѣшней Лифляндской и Курляндской губерній было не столь печальное и бѣдственное какъ въ Эстоніи, гдѣ вассалы и фохты не знали никакой сдержки надъ собою, ибо ихъ ленный сюзеренъ (король датскій) никогда не заглядывалъ въ свое герцогство, да и занятый смутами и неурядицами въ своемъ королевствѣ не обращалъ вниманія на то, что дѣлается у него въ столь отдаленной странѣ, какъ Эстонія.

Тевтонскій орденъ, пріобрѣвъ Эстонію, подтвердилъ всѣ права и преимущества властителей этой земли, вслѣдствіе чего бытъ и положеніе крестьянъ остались безъ всякихъ перемѣнъ. Что было при датскомъ господствѣ, то продолжалось и при орденскомъ.

Мы видѣли уже, что латыши, населявшіе нынѣшніе Рижскій, Венденскій и Валкскій уѣзды, покорились въ 1206 г. нѣмецкому господству и католичеству почти безъ всякаго сопротивленія, вслѣдъ за латышами покорились ливы, но уже не безъ сопротивленія. Покореніе куроновъ стоило ордену уже порядочныхъ трудовъ, а окончательное покореніе семигалловъ совершилось только послѣ десятилѣтней упорной борьбы. Эзельцы покорились, какъ мы видѣли, въ 1227 г. По мѣрѣ покоренія латышскихъ, ливонскихъ, эзельскихъ, куронскихъ и семигальскихъ земель совершался и раздѣлъ ихъ между орденомъ и епископами. Епископы, отдѣливъ въ своихъ частяхъ нѣкоторыя населенныя имѣнія на содержаніе себя и своихъ капитуловъ (столовыя имѣнія), остальныя земли отдавали въ ленное владѣніе вассаламъ, родовымъ нѣмецкимъ дворянамъ, которые такимъ образомъ и явились ближайшими господами новокрещенныхъ. Вассаловъ въ ливонскихъ епископствахъ въ XIII и первой половинѣ XIV ст. было относительно меньше, чѣмъ въ датской Эстоніи; они еще въ это время

не успѣли составить изъ себя замкнутую корпорацію, какую составили вассалы датскіе, еще не оперились, такъ сказать, на столько, чтобы лишить новокрещенныхъ всякой собственности и обратить ихъ въ рабовъ, рабочую силу.

Въ описываемое время ливонскіе земскіе властители еще признавали за новокрещенными туземцами право на владѣніе ихъ полями, лѣсами, пасѣками, признавали за ними право рыболовства. Такъ, напр. въ договорѣ отъ 4 апрѣля 1253 г. о дѣлежѣ Куроніи сказано, что Дурбенское озеро остается въ общемъ владѣніи мѣстнаго епископа, орденской братіи и *куроновъ*. Такое признаніе было повторено и въ 1310 г. при исправленіи границъ, но личное положеніе новокрещенныхъ уже является весьма зависимымъ; епископы и орденъ уже начинаютъ называть новокрещенныхъ „своими людьми“ (homines nostri, homines fratrum); уже начинаетъ проглядывать крѣпостное право, крѣпостническія отношенія. Такъ въ дарственной грамотѣ рижскаго архіепископа, Іоанна Фехтена, отъ 1288 и 1294 г. на замокъ Даленъ уже говорится о принадлежностяхъ къ нему, о приписныхъ къ нему деревняхъ и *людяхъ*.

Тѣмъ не менѣе крѣпостное время въ описываемое время въ Ливоніи еще только начиналось. Новокрещенные ливонскіе туземцы еще сохраняютъ за собою право на поземельную собственность, могущую передаваться по наслѣдству, но права эти изъ года въ годъ постепенно стѣснялись и ограничивались. Эзельцы настойчивѣе и крѣпче всѣхъ другихъ ливонскихъ туземцевъ отстаивали право на свои имущества и земли. Такъ по договору съ магистромъ Анно въ 1255 г. (см. UrkundenBuch Бунге № 488) было постановлено, что никакое наслѣдство на островѣ Эзелѣ не можетъ перейти въ пользу господина страны, если найдется кто либо, могущій на основаніи родства пріобрѣсти это наслѣдство. Далѣе было постановлено, что если кому либо пришлось бы изъ за содомскаго грѣха выселиться съ Эзеля, то наслѣдство его получаетъ наслѣдникъ. Вообще въ Эзельскомъ епископствѣ новокрещенные довольно строго ограждались въ своихъ наслѣдственныхъ правахъ. Здѣсь въ 1254 г. (см. UrkundenBuch Бунге № 2735) было постановлено, чтобы ни епископскіе, ни орденскіе люди не сгонялись со своихъ прежнихъ владѣній; въ 1293 году за туземцами, жившими по рѣкѣ Нерновѣ, было признано право на владѣніе ихъ нолями, лугами и насѣками (см. UrkundenBuch Бунге 3760). Куронамъ въ 1267 году удалось выговорить себѣ право, по которому наслѣдство должно было переходить по преемству до четвертаго колѣна, при чемъ всякій куронецъ, поселившійся на какомъ либо свободномъ мѣстѣ, получаетъ право на вѣчное наслѣдіе этого мѣста.

Въ грамотахъ и документахъ XIII в. еще встрѣчаются упоминанія о собственникахъ-туземцахъ, но съ XIV ст. упоминанія дѣлаются

рѣже и рѣже, число поземельныхъ собственниковъ изъ туземцевъ постепенно умаляется. Въ Эстоніи господа, вопреки запрещеній ревельскаго епископа и датскаго короля Эриха Глиппинга, начали сгонять туземцевъ съ ихъ земель уже во второй половинѣ XIII в. для возведенія на этихъ земляхъ новыхъ дворовъ (аллодій). Въ остальной Ливоніи въ XIV ст. собственниками изъ туземцевъ были лишь не многія лица, принадлежавшія, вѣроятно, къ туземнымъ старшинамъ, да и тѣ владѣютъ мелкими участками на ленномъ уже правѣ. Такъ въ 1268 г. (см. UrkundenbucH Бунге регесты № 463) какой-то знатный латышъ Суха или Николай (nobilis de Lettonia provincia), крещенный въ Кокенгузенѣ, передалъ все свое имѣніе Рижской церкви и получилъ его обратно въ ленъ отъ архіепископа Альберта Зуербеера. Въ 1320 г. нѣкто Тоутегоденъ (см тамъ же № 671) получилъ въ Куроніи въ ленъ два гака земли; въ 1333 г. онъ же получилъ въ ленъ еще два гака земли на погостѣ Сгаллѣ въ вѣчное владѣніе безъ платы подати и отбыванія барщины (absque census solutione et laboris factione), подобно другимъ, новокрещеннымъ въ Куроніи, владѣющими своими феодальными имѣніями (sicut caeteri neophiti Curoniae bona sua feodalia sunt soliti possedere). Послѣднія слова показываютъ, что въ Куроніи вассаловъ изъ туземцевъ было больше, чѣмъ сколько извѣстно изъ документовъ. Подтвержденіемъ такого предположенія служатъ такъ называемые „куронскіе короли“, существующіе въ Курляндіи и въ настоящее время.

Было уже выше упомянуто (стр. 10) когда былъ основанъ Гольдингенъ. То была первая орденская крѣпость и туземцы, жившіе въ окрестностяхъ Гольдингена, съ древнѣйшихъ временъ, едва-ли не съ самаго основанія этого города, пользовались правами земскихъ свободныхъ людей (Freisassen), т. е. были свободны отъ даней и барщины. За что именно они получили такія права, за то-ли что оказали услугу ордену или за податливость къ принятію католичества — неизвѣстно, но только съ давнихъ временъ они получили наименованіе „куронскихъ королей“. Въ настоящее время эти короли обитаютъ въ окрестностяхъ Гольдингена въ 7 деревняхъ, имѣющихъ 42 двора. Деревни эти приравнены къ дворянскимъ помѣстьямъ и земли ихъ, составляя собственность королей, переходятъ по наслѣдству. Въ 1853 г. королей въ 42 деревняхъ жило 153 мущ. и 190 женщ. всего 343. Всѣ они занимаются сельскимъ хозяйствомъ, нанимая батраковъ изъ латышей. Вообще въ 7 деревняхъ жило 807 человѣкъ. Всѣ короли породнились между собою и живутъ между собою въ большомъ согласіи. У нѣкоторыхъ сохранились и понынѣ жалованныя грамоты на землю, выданныя отъ властителей, епископовъ и ордена.

Вообще съ XIV ст. ливонскіе туземцы уже теряютъ право собственности на недвижимыя имѣнія, а съ потерею собственности до рабства одинъ только шагъ.

Подчиненность властителямъ выражалась въ данничествѣ, обязательной работѣ (барщина)[1] и подсудности фохтамъ. Первоначально

дани и барщина были очень умѣрены. Такъ въ 1230 г. было постановлено, что каждый новокрещенецъ былъ обязанъ отработать своему господину въ годъ два лѣтнихъ и два зимнихъ дня и съ каждаго плуга (рабочей лошади) доставить два лофа ржи*). Но не во всѣхъ мѣстностяхъ барщина и сборы были одинаковы. Такъ епископъ Германъ Дерптскій (1224—1245 г., о немъ см. томъ I, 369) писалъ епископу Ревельскому, что въ Дерптскомъ епископствѣ, кромѣ подати, взимается съ каждаго гака земли одинъ кюльметъ**) овса, полкюльмета ржи, четверть кюльмета пшеницы и двадцатая часть воза сѣна. Вообще же сборы и повинности съ новокрещенныхъ были не одинаковы въ разныхъ мѣстахъ и по мѣрѣ упроченія власти господъ возвышались болѣе и болѣе, далеко переходя за норму, которая устанавливалась первоначально договорами съ туземцами при принятіи католичества ими.

Такъ куроны по договорамъ съ легатомъ Балдуиномъ Альнскимъ въ 1230—31 г., обязавшись принять католичество и содержать священниковъ, должны были платить повинности, какія платятъ туземцы на островѣ Готландѣ и какія вообще платятъ христіане (см. Urkundenbuch Бунге, №№ 103 и 104); по договору, заключенному куронами въ 1230 г. съ орденомъ, епископомъ и Ригою (см. тамъ же № 105), повинности опредѣлились яснѣе: съ каждаго гака земли и съ бороны куроны обязуются давать пополушиффунту (novale talentum) пшеницы и столько же ржи*). По раздѣлу Куроніи въ 1253 г. (см. Urkundenbuch Бунге № 248) между епископомъ и орденомъ, куроны, осѣдлые на земляхъ, отошедшихъ епископу (епископъ называлъ ихъ уже homines nostri), должны были платить епископу, а куроны, осѣдлые на земляхъ, отошедшихъ къ ордену (homines fratrum), орденской братіи десятину. Изъ полученной десятины съ полей и луговъ орденская братія получала двѣ трети, а епископъ третью часть. По этому раздѣлу, озеро Дурбенъ признано общимъ достояніемъ и куроновъ къ томъ числѣ, равнымъ образомъ и рѣчки, вытекавшія изъ этого и другого озера Довзаре, были признаны за куронами, имѣвшими въ нихъ право рыболовства до раздѣла, не нарушая этимъ,

---

*) Лофъ (Loof, lop, lopro) — мѣра сыпучихъ тѣлъ была въ общемъ употребленіи въ Ливоніи. Въ Рижскомъ магистратѣ сохранился относящійся къ XIII ст. нормальный лофъ. Это мѣдный, неправильной формы цилиндръ въ 3285 куб. парижскихъ куб. дюймовъ величиною. Нынѣшній рижскій лофъ вмѣщаетъ въ себѣ 2 четверика 5 гарнцовъ

**) Кюльметъ (Külmet, Culmit, Kulemeth) составлялъ часть лофа. Въ разныхъ мѣстностяхъ на лофъ считали не одинаковое количество кюльметовъ. Въ Курляндіи въ XIII ст. въ лофѣ считали 10 кюльметовъ, въ Ригѣ же 4. Въ позднѣйшее время въ Курляндіи и Ригѣ въ лофѣ считали 6 кюльметовъ, въ Дерптѣ 4, въ Ревелѣ 3.

*) Talentum тоже самое, что нѣмецкое punt, punder, pondere, означалъ вѣсъ вообще. Talentum navale — это шиффунтъ; talentum livonicum — это Livischpunt или сокращенно лисфунтъ. Торговый фунтъ звался маркфунтъ или просто маркъ. По всей вѣроятности встарину, какъ и нынѣ, лисфунтъ равнялся 2 торговымъ фунтамъ или маркамъ, а шиффунтъ равнялся 20 лисфунтамъ или 400 маркамъ.

однако, право господъ (salvo jure dominorum), чрезъ землю которыхъ они протекаютъ.

По договору, заключенному съ магистромъ Оттономъ въ 1267 г. (см. Urkundenbuch Бунге № 405) куроны обязались давать орденской братіи съ каждаго гака земли два лофа ржи, или взамѣнъ ея лофъ пшеницы и лофъ ячменя; каждый куронецъ, водворенный на орденской землѣ, обязанъ работать на братію четыре дня (два дня зимою и два дня лѣтомъ, впрочемъ изъ договора неясно, въ годъ-ли это, въ мѣсяцъ-ли, или въ недѣлю). При постройкѣ орденскихъ замковъ отступившіе отъ христіанства работаютъ цѣлый мѣсяцъ на собственный счетъ, но отъ работъ при замкахъ куроны освобождаются на всегда. Къ концу XIII ст. куронскій епископъ, кромѣ десятины хлѣба, получаетъ уже со своихъ людей разную одежду, башмаки и разныя принадлежности домашняго хозяйства. Все это сохранялось въ амбарахъ, построенныхъ въ епископскихъ деревняхъ.

Повинности семигаловъ были опредѣлены въ 1272 г. ливонскимъ магистромъ Вальтеромъ Нортекскимъ (см. Urkundenbuch Бунге № 430). По условіямъ договора, семигаллы должны были давать духовенству съ каждаго гака земли, вмѣсто десятины, по рижскому лофу ржи и лофу ячменя, работать на господъ два дня лѣтомъ и два дня зимою, доставляя въ эти дни и подводы на нужды господина; должны для господина косить сѣно, рубить и привозить дрова. Вслучаѣ неимѣнія хлѣба, господскій человѣкъ могъ давать деньгами, именно за каждый лофъ два рижскихъ артига*) серебра или двѣ куньи мордки или восемь бѣличьихъ шкурокъ.

Повинности эзельцевъ были опредѣлены въ 1241 г. ливонскимъ вице-магистромъ Андреемъ Фельвенскимъ (о немъ см. выше стр. 9). Островъ Эзель, какъ уже было сказано (см. томъ I, 245), былъ покоренъ нѣмцами въ 1227 г., — но дѣлежъ земель его совершился лишь 20 декабря 1233 г.**). Эзельцы въ 1241 г. отложились было

---

*) Въ XIII и XIV ст. въ Германіи и въ Ливоніи деньги считались марками серебра (marca argenti, puri argenti). Марка вѣсила 10 лотовъ (полфунта) и дѣлилась на 4 фердинга (fertones), 8 эровъ (orae или horae), 16 лотовъ (lota) и 192 пфеннига (denarii). Вѣсъ въ Германіи былъ кельнскій, но въ Ливоніи какъ въ Готландѣ и Любекѣ, былъ вѣсъ рижскій, по которому рижская марка вѣсила не 16, а лишь 15 лотовъ. Въ началѣ XIV столѣтія кельнскую марку считали равною одной маркѣ и тремъ лотамъ рижскимъ. Считая кельнскую марку въ 13¾ талеровъ, а талеръ въ 93,6 к., выйдетъ, что кельнская марка составляла 11 р. 95 к. нынѣшнею русскою монетою.

Въ рижской маркѣ серебра считали 24 артига или 36 любекскихъ шиллинговъ. Въ датской Эстоніи чеканили серебряные съ большою примѣсью мѣди пфенниги, считая 6 марокъ пфениговъ за одну марку серебра, но всюду въ Ливоніи ходили артиги и любекскіе шиллинги.

**) См. Bausteine zu einer Geschichte Oesels, стр. 50. Островъ былъ раздѣленъ на три равныя части, изъ которыхъ одна досталась ордену, другая рижскому епископу, третья городу Ригѣ. Въ 1235 г. рижская часть острова перешла къ эзельскому епископу и въ томъ же году по распоряженію папскаго легата Вильгельма Моденскаго, Эзель

отъ католичества, но вице-магистръ Андрей силою принудилъ ихъ къ покорности и заключилъ съ ними договоръ (см. UrkundenBuch Бунге, № 169), въ силу котораго эзельцы обязались съ каждаго гака земли давать полмѣры (называемой обыкновенно тамъ пунтъ, vulgaliter punt) пшеницы; доставленный хлѣбъ они должны были нагрузить на корабли (когги), въ которыхъ уже самъ епископъ или магистръ перевозятъ хлѣбъ куда имъ было нужно въ Ригу или въ Викъ. Корабли для перевозки и матросовъ доставляютъ эзельцы на свой счетъ. Дань уплачивается одинъ разъ въ годъ, при чемъ эзельцы обязаны были принимать къ себѣ фохта, который и производитъ судъ совмѣстно съ туземными старшинами. Любопытны штрафы и наказанія, къ которымъ приговаривались преступники: за убійство ребенка штрафъ 3 эзеринга и тѣлесное наказаніе матери; за принесеніе языческой жертвы штрафъ полмарки серебра и тѣлесное наказаніе; за употребленіе мяса въ посты штрафъ полмарки серебра; за убійство въ дракѣ съ людьми другой земли 10 марокъ. Дани приходскому духовенству и церквамъ остаются тѣже самыя, какъ было до возстанія.

Мы уже видѣли, что пораженіе, понесенное 13 іюля 1260 г. орденомъ подъ Дурбеномъ (см. выше стр. 53), послужило сигналомъ для возстанія въ Пруссіи и Куроніи. Возстали и эзельцы, отреклись отъ католичества, возстановили въ своихъ городахъ язычество и поклоненіе Тарѣ, но въ 1261 г. были побѣждены вице-магистромъ Юрисомъ Эйхштатскимъ, потерпѣли жестокое разореніе своей земли (см. выше стр. 60) и должны были просить мира. Миръ имъ былъ данъ, конечно, по всей волѣ вице-магистра, но были-ли увеличены повинности и дани неизвѣстно. Значительное увеличеніе послѣдовало въ 1284 г. (см. UrkundenBuch Бунге № 490). Въ этомъ году епископъ Германъ съ согласія вассаловъ постановилъ, что эзельцы, кромѣ десятины, должны были давать господамъ съ каждаго гака по $2^1/_2$ марки и по курицѣ; день пахать на господъ своими лошадьми и два дня жать; давать съ каждаго гака два воза сѣна и кубическую сажень дровъ; изъ варимаго пива давать часть господамъ, а десятину обязаны были на свой счетъ доставлять во всѣ мѣста эзельской епархіи. Кромѣ того они обязаны были ставить рабочихъ для постройки замковъ и господскихъ домовъ вслучаѣ разрушенія или сожженія ихъ непріятелями. Что же касается до другихъ служебныхъ обязательствъ (servitia) или подарковъ (donum), то они предоставляются ихъ доброй волѣ и не могутъ быть вынуждаемы кѣмъ либо. Впрочемъ вынуждать было бы напрасно, потому что, обобравъ у новокрещенныхъ

былъ присоединенъ къ Вику (Maritima), съ которымъ и составилось эзельское епископство, просуществовавшее до самаго распаденія Ливоніи. Эзельцы въ 1241 г. отреклись отъ католичества, перебили священниковъ, едва было не умертвили епископа Генриха (см. Вартберга въ Прпб. Сб. II, 92), но были въ томъ же 1241 г. усмирены вице-магистромъ Андреемъ.

хлѣбъ, куръ, сѣно и деньги, на какія еще подарки можно было разсчитывать?

По дошедшему до насъ документу отъ 28 іюня 1341 г. (Urkundenbuch Бунге № 805, а) видно какими данями были обложены жители острова Руно (шведы), принадлежавшіе куронскому епископу. Они обязаны были давать со всѣхъ своихъ дворовъ десятину плодовъ, десятину отъ овецъ и козъ; съ каждаго теленка и жеребенка три фунта масла; съ каждой дойной коровы три фунта масла; съ каждаго поросенка одинъ любекскій пфенигъ; съ тюленей, добываемыхъ островитянами, десятину, наконецъ съ каждаго гака земли по два эра.

Тутъ уже не оставалось никакой отрасли хозяйства или промысла, съ котораго бы господа не брали или натурою или деньгами. Такъ было и вездѣ въ Ливоніи. Первоначально новокрещенные давали десятину съ хлѣба; затѣмъ десятину замѣнили опредѣленною мѣрою, потомъ начали брать со всего, что только имѣлъ новокрещенный, такъ что къ концу XIII ст. едва-ли у новокрещенныхъ былъ хоть какой либо промыселъ, который бы не былъ обложенъ данью въ пользу господъ. Десятина наконецъ перестала быть десятиной, а перешла въ форму повинностей или произвольно налагаемыхъ или опредѣлявшихся договорами. Авторъ Рифмованной Хроники, говоря о покореніи языческихъ эстонцевъ, въ стихахъ 1396—1412 пишетъ, что „съ того времени эстонцы (Esten) стали давать все большую и большую (iimer me) десятину, волею или неволею, со всего своего имущества (von allem irem gute). Для защиты христіанства они должны были строить замки (burge), но этой работѣ они скорѣе предпочли бы муки ада (de helle pin), только бы избѣгнуть ее. Они щедро (mildeclich) даютъ свой хлѣбъ, они по принужденію строятъ церкви въ христіанствѣ, но къ сожалѣнію рѣдко во славу Божію, ибо сказать правду, не принуждай ихъ къ тому господа, они перестали бы строить“.

Независимо даней въ натурѣ и деньгами, независимо обязанности ставить рабочихъ для постройки замковъ и церквей, новокрещенные туземцы Ливоніи обязаны были нести и воинскую повинность, обязаны были являться ратниками въ ополченія, составлявшіяся властителями страны то для набѣговъ на сосѣдей, то для обороны страны отъ непріятельскихъ вторженій. Мы уже видѣли какъ составлялись воинскія ополченія въ первыя времени утвержданія католичества въ Ливоніи (см. томъ I, 312) и видѣли, что отъ воинской повинности освобождались лишь люди, водворенные на земляхъ каѳедральныхъ церквей (см Urkundenbuch Бунге № 83). Папа Григорій IX буллою отъ 24 февраля 1236 г. (см. тамъ же № 146) воинскую повинность распространилъ на всѣхъ новокрещенныхъ, безъ различія какому властителю они принадлежатъ. Въ заключаемыхъ договорахъ съ туземцами включалось и условіе являться на войну по требованію вла-

стителей. Такъ эзельцы по договору съ магистромъ Ано, заключенному 27 августа 1255 г. (см. UrkundenBuch Бунге № 285) обязались клятвою, что будутъ учавствовать вмѣстѣ съ орденскою братіею въ походахъ зимою на коняхъ, лѣтомъ на корабляхъ. Обязательство это было повторено въ 1284 г.

Объ организаціи ополченій, объ ихъ вооруженіи, о способахъ продовольствія въ походахъ сохранилось очень мало извѣстій. Постояннаго войска нигдѣ не было. Задумавъ и составивъ планъ похода, орденскій магистръ разсылалъ гонцовъ во всѣ стороны къ командорамъ и фохтамъ собираться съ ратниками къ назначенному сроку и мѣсту. По всей вѣроятности, существовали росписанія сколько каждый командоръ и фохтъ долженъ былъ выставлять со своего округа конныхъ и пѣшихъ вооруженныхъ ратниковъ, сколько долженъ былъ приводить ратниковъ вассалъ. Походы обыкновенно совершались зимою, когда рѣки и болота замерзали и не составляли препятствія для переходовъ. По окончаніи похода войско распускалось по домамъ.

Ливонскіе властители, требуя отъ подвластныхъ имъ людей даней, поставки рабочихъ и ратниковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ назначали къ нимъ и своихъ судей (фохтовъ) для разбора спорныхъ дѣлъ между новокрещенными. По постановленію папы Григорія IX отъ 1236 г. (см. UrkundenBuch Бунге № 145) новообращенные туземцы въ Ливоніи въ церковныхъ дѣлахъ (in causis spiritualibus) подлежали юрисдикціи мѣстнаго епископа, а въ дѣлахъ гражданскихъ (in causis saecularibus) юрисдикціи свѣтскаго судьи (stent juri coram judice saeculari), на судъ котораго, вслучаѣ несправедливости, они могли апелировать къ епископу. По договору 1241 года свѣтскій судья на островѣ Эзелѣ былъ принимаемъ только разъ въ годъ во время сбора дани и могъ производить судъ только при участіи старшинъ страны (см. UrkundenBuch Бунге № 169). Впослѣдствіи на островѣ Эзелѣ, именно съ 1255 г. свѣтскій судья т. е. орденскій фохтъ долженъ былъ разбирать спорныя дѣла туземцевъ со дня св. Михаила (8 ноября) до мясопуста (carniprivium), но если не кончалъ къ этому сроку всѣхъ дѣлъ, то могъ и продлить оный (см. UrkundenBuch Бунге № 285), и только тогда эзельцамъ предоставлялся ихъ собственный судъ.

Относительно судопроизводства у куроновъ и семигалловъ свѣдѣній не сохранилось. Извѣстно только, что въ 1272 г. семигаллы обязались (см. UrkundenBuch Бунге № 430) ежегодно три раза принимать судей орденскихъ или епископскихъ (смотря по тому кому принадлежала земля); судьямъ было вмѣнено въ обязанность не нарушать правъ и обычаевъ туземцевъ. На первое время фохты, быть можетъ, и не нарушали обычнаго права туземцевъ, но съ постепеннымъ возрастаніемъ силы завоевателей, съ постепеннымъ лишеніемъ туземцевъ собственности, произволъ началъ господствовать въ судахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ появились и злоупотребленія и вымогательства до того, что папа

въ 1257 и 1260 г. (см. Urkundenbuch Бунге №№ 306 и 346) былъ вынужденъ особыми буллами воспрещать ливонскому духовенству привлекать орденскихъ людей на свой судъ за преступленія, не имѣющія церковнаго характера, и вымогать у нихъ чрезъ это большія суммы денегъ.

II. Ливонскіе города и ихъ управленіе.

Источники: **Бунге.** Das Herzogthum Estland unter den Königen von Dänemark, отдѣлъ 2-й, статья 5.

Рихтеръ. Geschichte der dem russischen Kaiserthum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen, томъ I, 3-й отдѣлъ, глава 6.

Въ то время, когда земское управленіе въ Ливоніи принимало болѣе и болѣе опредѣленныя формы, когда завоеватели болѣе и болѣе упрочивали свою власть въ земляхъ ливонскихъ туземцевъ и для удержанія въ покорности новокрещенныхъ строили замки и крѣпости, развивались и городскія учрежденія и возникали новые города всегда подъ защитою замковъ или крѣпостей, составляя какъ бы ихъ предмѣстія. Изъ всѣхъ ливонскихъ городовъ въ описываемое время, какъ и въ послѣдствіи до нашихъ дней, *городъ Рига* во всѣхъ отношеніяхъ былъ важнѣйшимъ. Изъ маленькаго укрѣпленнаго поселка, заложеннаго въ 1201 г., Рига, пользуясь выгодами своего мѣстоположенія, разросталась постепенно въ большой укрѣпленный торговый городъ, территорія котораго постепенно увеличивалась новыми пріобрѣтеніями. Въ описываемое время городскія земли простирались отъ устья Экау и рѣки Курляндской Аа до Даленской границы и отъ Набы до Путилена и кромѣ того городу принадлежала шестая часть Эзеля. Хотя Рига и признавала надъ собою главенство архіепископа Рижскаго, но въ сущности сохраняла за собою самоуправленіе и рижане зорко смотрѣли за тѣмъ, чтобы земельные участки въ городѣ не ускользали изъ ихъ рукъ, и добились на то соотвѣтственнаго распоряженія своей высшей власти, епископа. Въ 1244 г. епископъ Николай, съ согласія своего капитула и всего бюргерства, издалъ постановленіе, въ силу котораго бюргерамъ, подъ угрозою изгнанія, воспрещалось дарить или продавать ордену или монастырямъ, ихъ земельные участки, находящіеся въ самомъ городѣ, дабы городъ не лишался тѣмъ защитниковъ и не впалъ въ бѣдность. Продать участокъ дозволялось только свѣтскому лицу, и тогда уплоченная сумма передавалась

церкви или ордену; магистратъ былъ обязанъ произвести такую продажу, если даритель въ теченіе годичнаго срока не исполнитъ продажи самъ. Хотя папа Иннокентій IV и потребовалъ отмѣны воспрещенія дѣлать дарственныя записи (см. Urkundenbuch Бунге буллу отъ 8-го февраля 1251 г.), тѣмъ не менѣе архіепископъ Альбертъ Зуербееръ въ 1256 г. подтвердилъ такое запрещеніе (см. документы о томъ въ Monumenta Liv. ant. IV, №№ 28 и 30). Орденскій магистръ въ 1268 г. съ своей стороны, для сохраненія мира съ рижскимъ капитуломъ, воспретилъ орденской братіи пріобрѣтать земельные участки какъ въ рижскомъ епископствѣ, такъ и въ городской чертѣ (маркѣ, городскомъ округѣ). Архіепископскіе вассалы, какъ свидѣтельствуютъ современные документы (см. Urkundenbuch Бунге Ш, №№ 951, 1008, 1044, 1059, 1061, 1186), владѣвшіе недвижимостями въ Ригѣ, обязывались не отчуждать своихъ дворовъ и домовъ въ руки духовенства. Въ 1252 г. третейскимъ судомъ между городомъ и архіепископомъ (см. Monumenta Liv. ant. IV, № 36) было постановлено, чтобы свѣтскія лица по денежнымъ обязательствамъ съ духовенствомъ подлежали суду свѣтскаго судьи. Болѣе важное постановленіе состоялось въ декабрѣ 1268 г., когда архіепископъ Альбертъ Зуербееръ въ 1267 г. задумалъ избрать покровителемъ и защитникомъ Рижской церкви графа Гунцелина Ш Шверинскаго (см. выше стр. 139). И городъ, и орденъ, и самый архіепископскій капитулъ возстали противъ такаго покровительства, конечно, изъ опасеній, что иностранный владѣтельный князь, располагая своимъ войскомъ, можетъ явиться полновластнымъ господиномъ всего архіепископства. Архіепископъ уступилъ общей опозиціи, не настаивалъ на назначеніи покровителя, напротивъ, совмѣстно съ магистромъ, способствовалъ соглашенію между городомъ и архіепископскимъ капитуломъ, въ силу котораго было постановлено впредь не призывать никакого иноземнаго владѣтельнаго князя или государя въ покровители церкви, ордена или города, при чемъ капитулъ обѣщалъ всѣ споры съ городомъ рѣшать или обыкновеннымъ судомъ или выборнымъ судомъ третейскимъ безъ всякаго вмѣшательства папы или какого бы то ни было владѣтельнаго князя (см. Codex dipl. Догеля № 30).

Всѣ подобныя распоряженія ясно указываютъ на стремленія рижскихъ бюргеровъ составить изъ себя замкнутую корпорацію, придать общинѣ устойчивость и сохранить за собою тѣ права и преимущества, кои уже были предоставлены городу архіепископами, въ особенности же предоставленное городу бывшимъ легатомъ Вильгельмомъ Моденскимъ право пользоваться готландскимъ городовымъ положеніемъ (правомъ). Городъ не упускалъ изъ вида, чтобы архіепископы, при своемъ вступленіи въ должность, подтверждали городскія привиллегіи, и получали таковыя иодтвержденія въ 1275, 1296 и 1305 годахъ, какъ то и видно изъ грамотъ, относящихся къ этимъ годамъ и по-

мѣщеннымъ во II томѣ Urkundenbuch Бунге и Livl. Jahrbücher Гадебуша I, 364.

Мы видѣли, что съ 1330 года Рига была вынуждена признать надъ собою главенство ордена (см. выше стр. 210); съ этого времени комендантъ рижскаго орденскаго замка получилъ мѣсто и голосъ въ засѣданіяхъ рижскаго городоваго магистрата, а съ 1349 году въ городской гербъ были включены подъ крестообразно сложенными ключами орденскій крестъ и въ воротахъ львиная голова въ знакъ подчиненія города ордену. Было уже выше сказано, что льготною грамотою отъ 15 августа 1330 г. магистръ оставилъ за городомъ всѣ его права и преимущества, потому и въ городскомъ управленіи не произошло никакихъ существенно важныхъ перемѣнъ Главное управленіе городомъ сосредоточивалось, по прежнему, въ магистратѣ, состоявшемъ первоначально изъ однихъ ратсгеровъ (consules, Rathsherren), но съ 1230 г. въ составѣ магистрата кромѣ ратсгеровъ появляются бургомистры (proconsules, Bürgermeister), какъ то значится въ обнаженной грамотѣ отъ 23-го марта и въ примирительной отъ 30 марта 1230 г., въ которыхъ за подписью городскаго фохта слѣдуютъ подписи бургомистровъ, а за подписями бургомистровъ подпись первенствующаго бургомистра (worthabender Bürgermeister).

Городской фохтъ (судья, iudex civitatis, advocatus, Vogt) занималъ первое мѣсто въ магистратѣ. Первоначально городской фохтъ былъ избираемъ самими бургерами, но впослѣдствіи былъ избираемъ магистратомъ изъ бургомистровъ и утверждаемъ въ должности архіепископомъ. Ему принадлежалъ судъ въ первой инстанціи какъ по гражданскимъ, такъ и по уголовнымъ дѣламъ. Производя судъ по городскимъ законамъ, онъ собственною властію могъ назначить себѣ помощника и субститута; его суду по преступленіямъ, учиненнымъ въ городѣ или въ городскомъ округѣ, подлежали не только бюргера, но и лица, состоявшія подъ непосредственнымъ вѣдомствомъ архіепископа и ордена; духовенство, однакоже, городскому суду не подлежало.

Дѣло, рѣшенное фохтомъ, могло быть перенесено въ магистратъ въ полномъ его составѣ. То было вторая инстанція суда. Недовольный же рѣшеніемъ и фохта и магистрата, если рѣшеніе вело за собою лишеніе чести или совершенное разореніе, могъ съ жалобою обращаться къ архіепископу и магистру. Фохтъ и магистратъ съ своей стороны могли также обращаться къ архіепископу и магистру вслучаѣ неслушанія бюргеровъ или сопротивленія противъ постановленія, вошедшаго въ силу закона. Апеляціи въ иностранные суды первоначально допускались, но впослѣдствіи были строго воспрещены.

Было уже выше сказано (томъ I, стр. 325), что магистратъ въ первое время по своемъ учрежденіи избирался на одинъ годъ. Члены, выходя, назначали сами своихъ преемниковъ изъ гражданъ древнихъ родовъ (cives). Граждане же древнихъ родовъ, по всей вѣроятности,

принадлежали, какъ и въ другихъ городахъ сѣверной Германіи, по своему происхожденію къ рыцарству (родовымъ дворянамъ), отъ того они сначала считались на равнѣ съ вассалами и пользовались одинаковыми съ ними правами. Граждане древнихъ родовъ составляли первое городское сословіе, отдѣльное отъ купцовъ и ремесленниковъ. Впослѣдствіи, съ развитіемъ торговли и возросшимъ значеніемъ купечества, граждане древнихъ родовъ постепенно сливались съ купечествомъ и, отдѣлясь отъ вассаловъ, составили особое сословіе, коего представителемъ былъ магистратъ, назначавшій самъ своихъ членовъ изъ этого именно сословія. Магистратъ въ свою очередь постепенно забиралъ въ свои руки и администрацію и судъ въ городѣ, началъ избираться пожизненно и сдѣлался наконецъ первенствующимъ городскимъ сословіемъ, въ каковомъ видѣ является и въ наши дни.

Въ то самое время, когда магистратъ постепенно дѣлался первенствующимъ правительствующимъ сословіемъ, въ городѣ учреждались различныя *гильдіи* т. е. товарищества или общества, члены которыхъ соединялись между собою или для какого либо промысла съобща, или съ цѣлями религіозными или и просто съ цѣлями увеселительными и общительными. Такія товарищества, союзы существовали съ XIII ст. во всѣхъ нѣмецкихъ городахъ и имѣли цѣлію взаимное вспомоществованіе, или поддержаніе какой либо отрасли промысловъ, или удержаніе какой либо монополіи, а то и защиту отъ притѣсненія другихъ гражданъ. Изъ дошедшихъ до насъ древнихъ грамотъ и документовъ видно, что въ Ригѣ въ началѣ XIV ст. уже существовали гильдія (союзъ) купцовъ и гильдія ремесленниковъ. Первая гильдія собиралась въ домѣ, называвшемся Мюнстерскимъ (Мюнстерея, Haus von Münster), вторая т. е. ремесленная собирались въ домѣ Сестскомъ (Haus von Soest). О Сестскомъ домѣ упоминается въ 1330 году (см. Monumenta Liv. ant. IV, № 56), въ домѣ этомъ происходили общія собранія бюргеровъ. Не безъ основаній полагаютъ, что названія домовъ, Мюнстерскій и Сестскій, происшедшія отъ названія городовъ Мюнстера и Сеста, указываютъ, что дома эти принадлежали первоначально бюргерамъ названныхъ городовъ.

Каждая изъ учреждаемыхъ гильдій имѣла свой уставъ, называемый шрагами (Schragen), свое управленіе, свои собранія. Многія изъ старинныхъ гильдій исчезли, не оставивъ по себѣ никакихъ слѣдовъ, но многія пережили столѣтія и подъ именемъ гильдій и цеховъ существуютъ и по нынѣ. Важнѣйшими изъ нихъ были и остаются нынѣ гильдіи купеческая и ремесленная. О старинной внутренней организаціи ихъ извѣстно очень мало; древній уставъ малой гильдіи не дошелъ до насъ вовсе, но старинный уставъ купеческой гильдіи, получившей впослѣдствіи названіе „большой“ или гильдіи Пресвятой Дѣвы Маріи, дошелъ. Онъ относится къ 1354 г. и изданъ эльтерманомъ Фрелихомъ въ 1610 году съ прибавленіемъ въ хронологичес-

комъ порядкѣ всѣхъ дополненій, сдѣланныхъ по общему согласію членовъ съ 1354 г. Нѣтъ сомнѣнія, что статьи, включенныя въ этотъ уставъ (см. Monum Liv. ant. IV, № 69), имѣли силу гораздо ранѣе, быть можетъ, соблюдались при самомъ учрежденіи гильдіи (время учрежденія неизвѣстно). Изъ статей этихъ оказывается, что старинная большая гильдія, въ уставѣ названная компаніею (Kumpanie) состояла изъ нѣмцевъ (§ 6) и именно изъ купцовъ (§ 42), ремесленники и духовные не принимаются (§ 5). Новые члены принимаются съ согласія всего общества по предложенію трехъ членовъ. Предлагаемый членъ долженъ быть человѣкъ законнорожденный, благочестивый и неопороченный. Кто представитъ въ члены человѣка незаконнорожденнаго или опороченнаго, тотъ самъ подвергается денежному штрафу (§§ 1 и 2). Общество управляется выборнымъ эльтерманомъ (старшиною) и нѣсколькими засѣдателями, также называвшимися эльтерманами (§§ 11 и 44), при общихъ собраніяхъ они садятся за одинъ столъ (§ 28). Эльтерманъ созываетъ собраніе, а кто не придетъ, или оставитъ произвольно собраніе, подвергается штрафу (§§ 10 и 13). Споры, возникающіе въ компаніи, должны быть прекращаемы въ самой гильдейской комнатѣ, а кто пойдетъ жаловаться въ судъ, тотъ платитъ денежный штрафъ, подъ угрозою исключенія (§ 15). Всякій, кто хочетъ вступить въ общество и имѣетъ вражду съ какимъ либо членомъ, долженъ примириться съ нимъ до постунленія (§ 4). За оскорбленіе членовъ или неприличное поведеніе въ увеселительныхъ собраніяхъ или пиршествахъ (Trünken), на которыхъ можно танцовать и нельзя играть въ кости, а также за неявку въ собранія налагается штрафъ воскомъ или медомъ. Гостей дозволялось вводить, но гости должны быть люди неопороченные и не слуги (§§ 3 и 25).

Изъ устава этого не видно, чтобы купеческая гильдія пользовалась какими либо особыми политическими правами или участвовала въ городскомъ управленіи. Первоначально въ гильдію принимались холостые и женатые купцы и ихъ прикащики, но впослѣдствіи въ гильдію стали принимать лишь женатыхъ купцовъ; младшіе и холостые купцы и прикащики выдѣлились въ особое общество, получившее названіе по мѣсту своихъ собраній на рынкѣ въ новомъ домѣ, „компаніи новаго дома“. Оно дало начало особому обществу, получившему названіе *черноголовыхъ* (Schwarzenhäupter), вѣроятно, отъ желѣзныхъ шлемовъ, которые надѣвали на себя его члены, когда выступали въ походы, ибо купцы, какъ уже было сказано (томъ I, 327), участвовали въ походахъ и обязаны были ставить въ городское войско опредѣленное число ратниковъ. Черноголовые составляли военное братство, но впослѣдствіи утратили всякое военное значеніе и въ наши дни существуютъ какъ общество младшихъ и не женатыхъ купцовъ.

Въ то время, когда купцы соединялись въ отдѣльное товарищество и братство, въ отдѣльную гильдію, составлялись отдѣльные

союзы или *цехи* ремесленниковъ по особымъ уставамъ (шрагамъ). Изъ такихъ цеховыхъ шраговъ дошелъ до насъ отрывокъ изъ шрага цеха сапожниковъ, относящагося къ описываемому времени. По этому уставу сапожники должны были выдѣлывать кожу (дубить) для сапоговъ лишь въ особомъ дубильномъ домѣ на Двинѣ, не должны были дубить кожъ больше, сколько нужно для ихъ сапожныхъ издѣлій, и въ городѣ работать только съ готовымъ товаромъ. Имѣются указанія, что въ XIII ст. въ Ригѣ существовалъ уже цехъ ткачей, которые изъ своей среды избирали двухъ старшинъ или мастеровъ, обязанныхъ наблюдать, чтобы выдѣлываемыя ткачами полотна имѣли надлежащую ширину и доброту, имѣли бы клеймо; старшины опредѣляли и поденную плату ткачамъ.

Кромѣ купеческой и ремесленной гильдій существовали и другія. Такъ напр. существовала гильдія или братство св. Духа, уставъ которой, относящійся къ 1252 г., былъ впослѣдствіи принятъ братьями и сестрами св. Креста и св. Троицы (уставъ см. въ Monumenta Liv. ant. IV, № 79). У нихъ была своя свѣча предъ распятіемъ въ церкви св. Іакова, которую они и зажигали по праздникамъ, ежегодно въ Троицынъ день служили панихиды по умершимъ членамъ, оказывали вспомоществованія своимъ членамъ, выкупали плѣнныхъ и пр. Существовали также, какъ и въ большей части германскихъ городовъ, *календные братства* (Calendbrüderschaften), члены которыхъ въ первое число каждаго мѣсяца (Calendae) собирались на пирушки. Одно изъ подобныхъ обществъ купило домъ близъ церкви св. Іоанна съ условіемъ нести общественныя городскія повинности (см. Monum. liv. ant. IV, № 67).

Въ теченіе столѣтія, протекшаго со времени соединенія орденовъ до присоединенія датской Эстоніи, въ земляхъ нынѣшнихъ Лифляндской и Курляндской губерній основалось и учредилось нѣсколько городовъ. Въ 1265 г. магистръ Конрадъ Мандернскій, съ согласія своихъ сановниковъ, предоставилъ городу Эмбеку (Перновъ впослѣдствіи) участокъ земли съ правомъ рыболовства и треть судебныхъ доходовъ (см. въ Urkundenbuch Бунге грамоту отъ апрѣля 1265 г.). Въ 1318 г. магистръ Гердтъ фонъ Іоке предоставилъ этому городу право апелировать въ Ригу, чрезъ что въ этомъ городѣ постепенно и распространилось употребленіе рижскаго права. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ предоставилъ городу половину судебныхъ доходовъ, но уголовныя дѣла подлежали вѣдомству командора и орденскіе люди не могли быть арестованы за долги прежде принесенія жалобы ихъ господамъ (см. Бунге Urkundenbuch II, регесты № 777).

Епископъ Эзельскій Германъ основалъ въ 1279 г. каѳедральный соборъ въ *Гапсалѣ* и отвелъ мѣсто для постройки города. Онъ предоставилъ этому городу въ городской чертѣ рыболовство, лѣса и

луга, а также и рижское право. Ратманы избираютъ фохта, который и утверждается въ его должности епископомъ; апеляція подлежала епископу. Городъ получилъ при своемъ основаніи и письменные городскіе законы, заимствованные большею частію изъ древняго рижскаго нрава. Это гапсальское городовое право 1279 г. было переработано въ 1294 г. и формально предоставлено городу епископомъ Іоанномъ. Оно состояло изъ 70 статей, при чемъ нѣкоторыя статьи изъ прежняго нрава были выпущены, а другія добавлены. Скоро, впрочемъ, въ Гапсалѣ вошли въ употребленіе и позднѣйшіе рижскіе законы.

Кромѣ Пернова и Гаисаля въ описываемое время основались и учредились города: *Венденъ*, *Вольмаръ*, *Валкъ*, *Феллинъ*, *Митава*, *Газенпотъ*, *Гольдингенъ*, *Виндава* и *Кокенгузенъ*. Всѣ они образовались изъ поселковъ, которые появлялись у замковъ, составляя какъ бы ихъ предмѣстья (Hakelwerken, слово часто употребляемое въ Ригмованной Хроникѣ и происходящее отъ слова Нас). Съ теченіемъ времени поселки у замковъ разростались, число жителей въ нихъ увеличивалось, и наконецъ поселки постепенно обращались въ города, получая учрежденія, сходныя съ рижскими, отъ магистровъ или отъ епископовъ. Въ этихъ малыхъ городахъ городское управленіе находилось въ рукахъ мѣстнаго магистрата, составъ котораго былъ различенъ, смотря по обширности и многолюдству города; судебная власть принадлежала городскому фохту, избираемому мѣстнымъ магистратомъ; въ нѣкоторыхъ городахъ допускалась апеляція въ рижскій магистратъ.

По мѣрѣ расширенія города Риги, по мѣрѣ развитія торга и промысловъ, старинное готландское право, введенное вскорѣ по основаніи города (см. томъ I, 327), требовало дополненій и измѣненій. Когда Гапсалю въ 1279 г. было представлено право пользоваться рижскимъ правомъ, то въ доставленныхъ сюда тогдашнихъ городскихъ законахъ уже включены разныя измѣненія и дополненія, послѣдовавшія съ теченіемъ времени въ готландскомъ правѣ. Эти рижскіе законы, введенные въ Гапсалѣ въ 1279 г., могутъ быть названы дополненнымъ и улучшеннымъ „риго-готландскимъ“ городовымъ правомъ.

Въ 1270 г. въ Гамбургѣ появились городскіе статуты, отличавшіеся и полнотою и своими достоинствами. Эти гамбургскіе статуты и послужили для составленія рижскаго городоваго статута, котораго нѣсколько рукописныхъ экземпляровъ было найдено въ послѣднее время. Статутъ этотъ, напечатанный Пуфендорфомъ подъ заглавіемъ „Statuta Rigensia“, состоитъ изъ 169 статей, кои всѣ заимствованы изъ гамбургскихъ 1270 г. статутовъ. Онъ дѣйствовалъ въ Ригѣ, повидимому съ 1279 г. по 1293 г., когда подвергся новой переработкѣ и дополненіямъ. Въ такомъ дополненномъ видѣ рижскіе статуты явились въ концѣ XIII в. и съ того времени вступили въ силу. Подлинная рукопись ихъ донынѣ хранится въ рижской городской библіотекѣ; они писаны на нижне-саксонскомъ нарѣчіи и раздѣлены на

11 частей и 205 главъ; за всякою частію оставлены пробѣлы, въ которыхъ, какъ видно, впослѣдствіи вписывались дополненія*). Эти статуты въ первый разъ были напечатаны въ 1773 г. въ Бременѣ Гергардомъ Эльрихсомъ, отъ чего и получили названіе *Эльрихскихъ статутовъ*. Они опредѣлили городское устройство и управленіе на долгое время, ибо имѣли силу до восьмидесяхъ годовъ XVII столѣтія, когда появились и вошли въ дѣйствіе статуты, пересмотрѣнные и разработанные вновь членомъ рижскаго магистрата Мейеромъ.

Эльрихскіе статуты (содержаніе ихъ изложено ниже въ отдѣлѣ о законодательствѣ и судоустройствѣ въ Ливоніи) съ точностію опредѣлили порядокъ выборовъ членовъ магистрата и пріема въ бюргерство. По этимъ статутамъ выборы въ члены магистрата должны были происходить не за долго до дня св. Михаила послѣ того какъ бургомистры, камериры (завѣдующіе городскими сборами) и фохтъ сложатъ свои должности. Четверо младшихъ ратсгеровъ должны пригласить нѣсколькихъ старшихъ ратсгеровъ и совмѣстно съ ними избираютъ двухъ новыхъ бургомистровъ на одинъ годъ, за тѣмъ назначаютъ изъ членовъ магистрата фохта и двухъ камериpовъ. Городской фохтъ по новому закону уже не избирается бюргерами, а назначается магистратомъ и утверждается въ должности архіепископомъ; его судъ составляетъ уже первую истанцію, а все это указываетъ на возросшую уже къ концу XIII ст. силу магистрата. Фохтъ самъ назначаетъ себѣ замѣстителей. Его юрисдикція распространяется не только на бюргеровъ, но по контрактнымъ и уголовнымъ дѣламъ на лицъ, подвластныхъ ордену и епископу, за исключеніемъ духовенства.

Проживающіе въ городѣ иноземцы, какъ то паломники-крестоносцы и др. гости, выбираютъ съ согласія магистрата своего фохта, который обязанъ судить по городскимъ законамъ (вотъ гдѣ начало нынѣшняго ландфохтейскаго суда). Если иноземецъ проживетъ въ Ригѣ болѣе одного года, то не можетъ ни торговать, ни заниматься ремесломъ, не вступивъ въ бюргерство. Нововступившій бюргеръ уплачиваетъ бюргерскаго сбора 12 эровъ (полторы готландскихъ марки). Всѣ постановленія и приговоры магистрата составляются по большинству голосовъ Ратманъ, соприкасающійся къ какому либо дѣлу, не имѣетъ

*) Первыя три книги содержатъ въ себѣ процессъ; три слѣдующія имущественное право; седьмая книга трактуетъ объ спекахъ и завѣщаніяхъ; восьмая, девятая и десятая содержатъ въ себѣ уложеніе о наказаніяхъ; одиннадцатая глава содержитъ въ себѣ морское право. Изъ 205 главъ, 79 заимствованы цѣликомъ изъ гамбурго-рижскихъ статутовъ, 38 изъ риго-гапсальскихъ, 2 изъ древнихъ рижскихъ статутовъ; нѣкоторыя главы взяты цѣликомъ изъ старинныхъ текстовъ любекскаго права, другія очень близки къ нему. Нѣкоторыя главы, вписанныя въ оригинальную рукопись по составленіи ея, основаны по всей вѣроятности на магистратскихъ постановленіяхъ, другія имѣютъ или этотъ источникъ или взяты изъ другихъ старинныхъ городскихъ законовъ. Изъ главныхъ источниковъ, риго-гапсальскихъ и риго-гамбургскихъ статутовъ, многое выпущено, прочіе же источники сопровождены дополненіями и объясненіями и приведены въ систематическій порядокъ.

голоса въ немъ. Неявка въ засѣданія, нарушеніе порядка въ нихъ или неисполненіе порученій бургомистра влекли за собою денежный штрафъ. Засѣдателями у фохта были ратманы.

Эльрихскіе статуты начали входить въ общее употребленіе въ ливонскихъ городахъ съ начала XIV столѣтія и повлекли за собою одинаковое вездѣ городское устройство и управленіе.

По обширности и значенію вторымъ послѣ Риги городомъ въ Ливоніи былъ Дерптъ. Онъ былъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ русской торговли и составлялъ военный оплотъ противъ Новгородской Руси. Его городское устройство и управленіе было такое же какъ и въ Ригѣ; онъ признавалъ главенство надъ собою мѣстнаго епископа и былъ епископскимъ городомъ во все время самостоятельнаго существованія Ливоніи.

На города въ датской Эстоніи дѣйствіе рижскихъ статутовъ не распространялось. Тутъ были въ употребленіи другіе законы, близкіе къ рижскимъ, но все таки другіе. Къ городамъ датской Эстоніи и перейдемъ теперь.

Города въ Эстоніи — Ревель, Везенбергъ и Нарва — основались совершенно такъ какъ малые города въ Ливоніи. Для военныхъ цѣлей строился замокъ (бургъ, крѣпость). Подъ защиту его стѣнъ являлись насельниками люди торговые или занимающіеся промыслами и обстроивались подъ замкомъ. Являлся крѣпостной поселокъ, который, разрастаясь больше и больше, обращался наконецъ въ городъ, которому властитель страны предоставлялъ извѣстныя права и преимущества, управленіе и городскіе законы.

Ревельскій замокъ былъ построенъ датчанами въ 1219 г., меченосцы овладѣли имъ въ 1227 г. и застали уже подъ замкомъ поселенцевъ, которые въ слѣдующемъ же 1228 г. (см томъ I, 329) обратились въ рижскій магистратъ съ просьбою о доставленіи имъ списка рижскихъ законовъ, дабы и они, ревельскіе поселенцы, могли пользоваться ими. Когда по Стенбійскому договору Ревель снова отошелъ къ Даніи подъ власть датскаго короля, то изъ поселка уже образовался цѣлый городъ; въ договорѣ уже ясно обозначается: munitio et civitas Revaliensis, замокъ и городъ Ревельскій. Городскія права на замокъ не распространялись вовсе. Замокъ или крѣпость служилъ резиденціею королевскаго гауптмана; ревельскій же епископъ проживалъ въ собственномъ замкѣ, въ округѣ, приписанномъ къ епископскому замку, гдѣ находился каѳедральный соборъ (Domkirche) и нѣкоторыя жилыя зданія Этотъ-то округъ, получившій названіе Домберга или просто Дома и составилъ большую крѣпость (magnum castrum), а собственно замокъ малую крѣпость (parvum castrum). Большой замокъ въ началѣ XIV ст. былъ окруженъ крѣпкою въ 6 локтей вышиною стѣною и составилъ со своими предмѣстіями особую часть города, на которую, однако, дѣй-

ствіе городскихъ законовъ не распространялось, какъ и на малый замокъ.

Когда были построены Везенбергскій и Нарвскій замки съ точностію неизвѣстно. Названіе Везенберга впервые въ документахъ встрѣчается въ 1252 году (см. Urkundenbuch Бунге № 239), какъ названіе укрѣпленнаго пункта. Въ русскихъ лѣтописяхъ Везенбергъ называется Раковоромъ отъ эстонскаго названія Rakwerre, и о немъ упоминается подъ 1268 г. (см. выше стр 84), но безъ объясненія былъ-ли Раковоръ замокъ, деревня или городъ. Въ 1287 году снова упоминается о Везенбергѣ (см. Urkundenbuch Бунге № 519), но опять безъ указанія былъ-ли то замокъ или городъ. Въ 1302 г. король Эрихъ Менведъ грамотою отъ 12 іюня (см. тамъ же № 605) предоставилъ везенбергскимъ бюргерамъ всѣ права, преимущества и законы, коими пользуются ревельскіе бюргеры. Съ этого времени Везенбергъ называется то civitas, то oppidum (oppidum, wikbilde встарину называлось малое поселеніе, пользовавшееся городскими правами).

О Нарвѣ впервые упоминается въ 1329 г. (см. Urkundenbuch Бунге № 738); въ 1333 г. упоминается (см. тамъ же № 755 и 756, a) снова, при чемъ именуется castrum et civitas, но впослѣдствіи еще называется просто oppidum. Въ 1345 г. король Вальдемаръ IV предоставилъ нарвскимъ бюргерамъ (oppidani nostri Narvienses) тѣже преимущества, свободы и письменные законы, кои имѣютъ ревельцы (см. тамъ же № 834) Какъ не велико было число этихъ oppidani можно заключить изъ того, что въ жалованной грамотѣ имъ разрѣшалось, вслучаѣ если ихъ поселеніе разрушатъ русскіе, со всѣми домами и постройками переселиться въ крѣпостное предмѣстіе (praeurbium), гдѣ они и будутъ пользоваться тѣми же самыми нравами, какія имѣли въ прежнемъ городѣ.

Какъ Рига послужила образцомъ для учрежденія городскаго управленія въ малыхъ ливонскихъ городахъ, такъ точно и Ревель служилъ образцомъ для устройства управленія въ малыхъ городахъ датской Эстоніи — Везенбергѣ и Нарвѣ. Разсмотримъ же устройство ревельскаго городскаго управленія.

Было уже сказано, что городъ Ревель первоначально принялъ рижское городское право, но рижскіе городскіе законы здѣсь дѣйствовали не болѣе 20 лѣтъ. Въ 1248 г. король Эрихъ Плогненигъ, съ согласія ревельскаго магистрата, предоставилъ (см. королевскую грамоту отъ 15 мая 1248 г въ Urkundenbuch Бунге № 199) Ревелю право пользоваться городскими законами города Любека, дѣйствовавшими въ то время въ многихъ сѣверо-германскихъ городахъ. Лѣтъ черезъ девять, именно въ 1257 г король Христофоръ I подтвердилъ употребленіе любекскихъ городскихъ законовъ въ Ревелѣ и препроводилъ сюда на латинскомъ языкѣ сводъ этихъ законовъ, состоявшій изъ 103 статей. Въ 1282 г. любекскій магистратъ, по просьбѣ королевы Маргариты

и ревельскихъ бюргеровъ, издалъ въ улучшенной редакціи на нижненѣмецкомъ языкѣ таковой сводъ, состоявшій изъ 168 статей (оба эти свода хранятся въ архивѣ Ревельскаго магистрата и напечатаны въ изданіи Бунге „Quellen des Revaler Stadtrechts“ I, 1—70). По образцу Любека устроилось и ревельское управленіе, въ силу котораго горожане составили изъ себя замкнутую корпорацію, городскую общину (communitas civitatis или civium), съ собственною юрисдикціею (iurisdictio et pax), во главѣ которой находилась коллегія, составленная изъ членовъ общины (совѣтъ, магистратъ, consules, consilium). Коллегія эта, кромѣ участія въ судѣ, управляетъ общественнымъ имуществомъ, охраняетъ порядокъ и безопасность въ городской чертѣ — infra terminos pacis или infra pacem civitatis.

Когда именно и изъ какихъ лицъ составился первоначальный ревельскій магистратъ — свѣдѣній не сохранилось. По всей вѣроятности магистратъ учредился вслѣдъ за принятіемъ рижскихъ законовъ въ 1228 г. по выбору бюргеровъ (отъ XIII ст. сохранилось имя единственнаго члена ревельскаго магистрата: Генриха фонъ Вердена). Съ XIV ст. ревельскій магистратъ состоялъ среднимъ числомъ изъ 24 членовъ (въ Ревелѣ какъ и въ Любекѣ въ старину число членовъ магистрата не было опредѣлено), кои назывались *ратманами*, consules. Они избирались пожизненно, но изъ нихъ только половина составляла „присутствующій совѣтъ“ (sitzenden Rath). Во второе воскресенье послѣ Михайлова дня опредѣлялось, вѣроятно всѣмъ магистратомъ, кому изъ членовъ магистрата входить на предстоящій годъ въ составъ присутствующаго совѣта. По истеченіи года большая часть ихъ выступала и давала мѣсто старому совѣту, т. е тѣмъ членамъ, кои составляли присутствующій совѣтъ за годъ до того. Однакоже, два консула или болѣе оставались членами присутствующаго совѣта два года подъ рядъ или и болѣе. Открывающіяся вакансіи замѣщались по выбору самого магистрата. Четыре члена магистрата, обыкновенно старшіе, имѣли преимущества иредъ прочими членами и назывались проконсулами или бургомистрами; двое или трое бургомистровъ были постоянными членами присутствующаго совѣта и одинъ изъ нихъ былъ предсѣдателемъ онаго. Отецъ и сынъ, а также и два брата не могли быть одновременно членами магистрата. Каждому ратману подлежалъ титулъ „господина“ (dominus). Всякій проступокъ, совершенный въ его присутствіи при исполненіи служебныхъ обязанностей, облагался двойною пенею; за оскорбленіе ратмана взималась пеня не только для оскорбленнаго, но и для прочихъ членовъ магистрата. Свидѣтельство ратмана имѣло особенную важность.

Ревельскій магистратъ, какъ и рижскій, былъ представителемъ города во внѣшнихъ сношеніяхъ. Онъ издавалъ постановленія, называвшіяся *вилькиріями* (Willküren, arbitria); издавалъ всякаго рода полицейскія распоряженія, называвшіяся *гражданскимъ словомъ* (Burs-

praken, civiloqnia), они ежегодно прочитывались публично; уставы (шраги, скра) бюргерскихъ обществъ или издавались самимъ магистратомъ или утверждались имъ. Какъ судебное мѣсто магистратъ завѣдывалъ расправою въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ и былъ въ общемъ составѣ своемъ второю инстанціею для дѣлъ, производившихся городскимъ судьею. Магистрату принадлежало право смягченія наказаній и самого помилованія. Онъ составлялъ высшую инстанцію для мелкихъ городовъ, Везенберга и Нарвы, пользовавшихся ревельскимъ правомъ. Онъ принималъ въ гражданство и ему же предоставлялись наблюденіе за порядкомъ и безопасностію въ городѣ, наблюденіе за городскими стѣнами и башнями, за пожарными инструментами, наблюденіе за правильностію мѣръ, вѣсовъ и монеты, наконецъ наблюденіе за богоугодными заведеніями. Однимъ словомъ ревельскій магистратъ, какъ и рижскій, сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ власти административную, полицейскую и судебную въ городѣ.

Всѣ свои обязанности магистратъ исполнялъ или самъ въ полномъ своемъ составѣ или посредствомъ особыхъ чиновниковъ, назначавшихся или изъ его среды, или со стороны. Къ числу такихъ чиновниковъ принадлежали:

1) *Городской фохтъ* (судья, advocatus seu iudex civitatis). Первоначально городской фохтъ былъ королевскимъ чиновникомъ и, по видимому, стоялъ во главѣ магистрата, по крайней мѣрѣ въ документахъ, гдѣ онъ упоминался совмѣстно съ членами магистрата, его имя или должность ставились впереди всѣхъ, но уже въ 1265 г. королева Маргарита грамотою отъ 13 августа (см. UrkundenBuch Бунге № 390) дала магистрату удостовѣреніе въ томъ, что противъ воли и одобренія магистрата никто не будетъ назначаемъ городскимъ фохтомъ. Вслѣдствіе этого магистратъ могъ оказывать большое вліяніе на назначеніе фохта, но самостоятельное право назначенія фохта магистратъ пріобрѣлъ не ранѣе 1346 г., когда въ эту должность вступилъ ратманъ Іоаннъ Альбусъ или Витте. Съ этого времени городской фохтъ былъ назначаемъ магистратомъ и явился лицомъ ему подчиненнымъ. Судъ въ первой инстанціи принадлежалъ именно фохту.

2) *Камериры* (Kämmerer, camerarii). То были два члена магистрата, обязанность коихъ была взимать городскіе доходы, производить платежи и вообще наблюдать за городскимъ имуществомъ.

По всей вѣроятности существовали и другія отрасли городскаго управленія, ввѣрявшіяся отдѣльнымъ членамъ магистрата, но въ современныхъ документахъ не имѣется прямыхъ указаній на это.

Изъ второстепенныхъ должностей встрѣчаются упоминанія о *боделѣ* (bodel, praeco). Это былъ подчиненный городскаго фохта. Его обязанности были: вызывать къ суду, помогать при арестахъ, стеречь обвиненныхъ, приводить въ исполненіе приговоры и пр. Домъ, въ которомъ онъ жилъ (bodehus), былъ и городскою тюрьмою. Бодель су-

дилъ мелкія тяжбы, въ коихъ стоимость иска не превышала 6 пфениговъ. Оскорбленіе боделя наказывалось двойною пенею. Одинъ разъ встрѣчается упоминаніе о палачѣ (tortor, Henker).

Всѣ свободные жители города, безъ различія состоянія*), составляли собою *городскую общину* Всякій, желавшій поселиться и обстроиться въ городѣ, могъ быть членомъ общины, но полноправнымъ членомъ дѣлался только тогда, когда получалъ права бюргерства (concivium) и только тогда могъ именоваться бюргеромъ (Bürger, civis, burgensis). Пожалованіе бюргерствомъ составляло право магистрата, который, однако, не могъ отказать въ этомъ правѣ совершеннолѣтнимъ дѣтямъ бюргера и обязанъ былъ предоставлять бюргерское право иноземцамъ. Принимаемый въ бюргеры, по всей вѣроятности, въ тѣ времена, какъ и впослѣдствіи, былъ обязанъ принести присягу въ томъ, что будетъ исполнять обязанности бюргера, и внести въ пользу города опредѣленное количество денегъ, внести такъ называемыя бюргерскія деньги (Bürgergeld)**). Совокупность бюргеровъ и составляло въ тѣсномъ и настоящемъ значеніи городскую общину, communitas civium.

Права и обязанности каждаго бюргера состояли въ слѣдующемъ:

Бюргеръ могъ быть судимъ лишь городскимъ фохтомъ; всякое обращеніе къ другому судьѣ въ тяжбѣ съ бюргеромъ воспрещалось подъ угрозою штрафа; бюргеръ имѣлъ исключительное право на „бюргерское пропитаніе“, т. е. вести торговлю и заниматься городскими промыслами; бюргеръ освобождался отъ таможенныхъ пошлинъ и пользовался лугами, сѣнокосами и рубкою дровъ на городской землѣ; право на полученіе лена предоставлялось только бюргеру изъ родовыхъ дворянъ. Имѣя права и преимущества, бюргеръ съ своей стороны былъ обязанъ нести городскую сторожевую службу (такую службу долженъ былъ нести лично всякій домовладѣлецъ и только въ исключительныхъ случаяхъ разрѣшалось домовладѣльцу имѣть для сторожевой службы „надежнаго кнехта“ (guten Knecht); былъ обязанъ становиться на защиту города отъ непріятельскаго нападенія (отъ воинской службы внѣ города бюргеръ освобождался) и уплачивать различные городскіе сборы (Ungeld, tallia).

Ко времени перехода датской Эстоніи городская община уже является корпораціею; въ соглашеніяхъ ревельскаго магистрата съ вассалами по долговымъ взысканіямъ, относительно пользованія, напримѣръ,

---

*) Что туземцы, чудь, были членами ревельской городской общины, доказывается ревельскими городскими книгами. Изъ нихъ видно, что чудинцы платили городскія подати, одинъ чудинецъ былъ домовладѣльцемъ, одинъ былъ формально включенъ въ бюргерство.

**) Въ городскихъ книгахъ обозначались поступленія „pro concivio“. Это и есть бюргерскія деньги. Кто въ назначенный срокъ не уплатитъ „pro concivio“, тотъ платилъ вдвое сколько слѣдовало (см. Urkundenbuch Бунге, № 924).

городскими землями, уже учавствуетъ вся община. При изданіи вилькирныхъ постановленій также участвуетъ община. Сохранились королевскіе документы, изъ коихъ видно, что запрещеніе вывоза хлѣба, состоявшееся въ 1297 г. (см. UrkundenBuch Бунге № 565), допущеніе иноземцевъ къ промысламъ, состоявшееся въ 1279 и 1282 г. (см. тамъ же №№ 463 и 478), происходили съ одобренія всей общины. Кто былъ представителемъ общины въ подобныхъ случаяхъ, имѣлали община своихъ собственныхъ старшинъ, извѣстій о томъ не имѣется.

Въ Ревелѣ, чуть лишь бюргерство начало складываться въ замкнутую корпорацію, появляются, какъ и въ Ригѣ, отдѣльныя товарищества между бюргерами, братства (fraternitates) или гильдіи, учреждаемыя съ цѣлями или взаимной защиты или помощи, или же и для веселаго препровожденія времени. Такъ существовала гильдія Тѣла Господня (Heiligen Leichnams-Gilde), скра т. е. шрагъ или уставъ которой относится къ XIII столѣтію (см. UrkundenBuch Бунге, № 593). Въ XIV ст. находились гильдіи св. Канута и св. Олая, владѣвшія собственными домами, гильдейскими комнатами (GildestuBen), существовавшими конечно, раньше XIV ст. О внутренней организаціи гильдій свѣдѣній не сохранилось: извѣстно только постановленіе (см. UrkundenBuch Бунге № 982), въ силу коего бюргеръ могъ принадлежать только къ одной гильдіи.

Какъ только основался Ревельскій городъ, въ немъ начали появляться иноземцы или гости. Для новоучрежденнаго города было весьма важно, чтобы прибывающіе гости дѣлались постоянными жителями онаго, потому-то городская община и прилагала старанія, чтобы гости пріобрѣтали бюргерскія права, дѣлались бюргерами. Съ этою цѣлію было издано постановленіе, въ силу котораго (см. UrkundenBuch Бунге тотъ же № 982) иноземецъ или гость ие могъ пользоваться бюргерскимъ пропитаніемъ (т. е. вести торговлю и заниматься городскими промыслами), не вступивъ въ бюргерство. Иноземцамъ только съ особаго разрѣшенія магистрата и бюргерства дозволялась оптовая торговля, всякій же торгъ въ розницу разрѣшался единственно бюргерамъ.

Ревельское городское имущество составляли первоначально земли, отведенныя городу, въ общей своей совокупности составлявшія городскую территорію. Нѣкоторые земельные участки отдавались подъ постройки, другими участками пользовался самъ городъ для постройки на нихъ общественныхъ зданій, напр. ратуши, консисторіи, церквей, а также для постройки домовъ и лавокъ (bodae), отдаваемыхъ въ наемъ купцамъ и промышленникамъ. Такъ напр. были построены мясные ряды, сдававшіеся въ наемъ мясникамъ; построены сапожныя лавки и пр. Погреба въ ратушѣ сдавались подъ виноторговли. Арендныя деньги съ лавокъ, поземельныя деньги и съ домовъ поступали въ

опредѣленные сроки въ городскую кассу, какъ равно въ городскую же кассу поступали и сборы съ различныхъ городскихъ промысловъ.

Независимо этого городъ получалъ доходъ отъ чеканки монеты; судебные платежи, штрафы и пени, налагаемые городскимъ судьею, поступали также въ городской доходъ. Относительно расходованія поступленій точныхъ свѣдѣній не сохранилось. По всей вѣроятности, большая часть доходовъ обращалась на постройки городскихъ стѣнъ, публичныхъ зданій, церквей и пр. и на содержаніе богоугодныхъ заведеній.

III. Церкви, церковные приходы и церковныя учрежденія.

Источники: **Бунге**, Urkundenbuch.
Наперскій. Beiträge zur Geschichte der Kirchen und Prediger in Livland, 4 Hefte 1843—52.
Георгій Трусманъ. Введеніе христіанства въ Лифляндіи, Спб. 1884.

Мы видѣли какъ и когда появилось католичество въ Ливоніи, видѣли также какъ изъ ливонскаго городка Икскуля, гдѣ была построена въ концѣ XII ст. первая католическая церковь и появился первый католическій приходъ, католичество распространилось сперва у подвинскихъ ливовъ, а потомъ и у латышей. Мы видѣли какъ оно распространялось: латыши приняли къ себѣ католическихъ священниковъ добровольно, но отнюдь не по убѣжденію, а изъ разсчетовъ получить помощь отъ завоевателей; прочіе ливонскіе народцы приняли священниковъ, вынужденные къ тому открытою силою и оружіемъ. Не разъ они возставали противъ католичества, не разъ и русскіе, и литовцы вторгались въ новоучрежденные ливонскіе католическіе приходы, выжигали церкви, умерщвляли священниковъ, но ничего уже не могли подѣлать съ завоевателями, умѣвшими каждый свой шагъ впередъ закрѣплять постройками замковъ и крѣпостей. Не успѣла отстроиться первая католическая церковь въ Икскулѣ, какъ тамъ же появился и первый замокъ, первая крѣпостца. Затѣмъ въ 1201 г. появился первый для своего времени порядочно укрѣпленный городъ Рига и монастырь въ Динаминдѣ, служившій какъ бы приморскимъ передовымъ укрѣпленіемъ Риги. Никогда бы католичество не удержалось въ земляхъ ливовъ, если бы первый магистръ меченосцевъ, Винно фонъ Рорбахъ, не озаботился постройкою замковъ (предъ 1208 г.) Ашераденскаго, Зегевольдскаго и Араша (старый Венденъ). Не удержаться бы католичеству и въ подвинскихъ мѣстахъ, если бы въ 1208 году

русскій городокъ, Кукейносъ, не былъ обращенъ епископомъ Альбертомъ въ сильную крѣпость. Не удержали бы за собою завоеватели чудскихъ земель, если бы не озаботились обратить въ 1224 году въ крѣпости русскій Юрьевъ, Оденпе и Феллинъ, если бы въ 1226 г. не выстроили ближе къ псковскимъ границамъ замка Кирпмпе.

По мѣрѣ дальнѣйшихъ завоеваній, появлялись и отстраивались новые замки и крѣпости*). Въ замкахъ и крѣпостяхъ устраивались часовни и церкви для гарнизоновъ. Съ появленіемъ замковъ, начали появляться и поселки около нихъ, въ видѣ предмѣстій. При многихъ замкахъ, если они занимали выгодные для торговли или промысловъ пункты, поселки расширялись и обращались наконецъ въ города. Таково именно и было происхожденіе всѣхъ такъ называемыхъ малыхъ городовъ въ Ливоніи. Когда число жителей въ нихъ уже было на столько велико, что замковой часовни или церкви уже оказывалось недостаточно, то строились новыя церкви и явились такимъ образомъ *городскіе приходы*.

Замки и крѣпости строились съ прямою и непосредственною цѣлію удерживать въ покорности и повиновеніи новокрещенныхъ, но они вмѣстѣ съ тѣмъ служили и для охраны страны отъ непріятельскихъ вторженій. Литовскимъ партіямъ, напримѣръ, нельзя уже было заходить слишкомъ далеко внутрь страны, оставляя за собою нетронутыми крѣпости, гарнизоны которыхъ были всегда готовы не только защитить крѣпость, но и преградить отступленіе непріятелю. Замки и крѣпости упрочивали господство завоевателей, а упрочиваніе влекло за собою и церковное устроеніе между новокрещеннымп, устроеніе *сельскихъ приходовъ*.

Къ срединѣ XIV ст., къ тому времени, когда датская Эстонія перешла подъ власть ордена, епископства уже размежевались между собою и мы видѣли (см. выше стр. 260) каковы были предѣлы каждаго изъ пяти епископствъ. Теперь разсмотримъ какіе были въ

---

*) Вотъ списокъ ихъ за время отъ соединенія орденовъ до конца XIV столѣтія, когда датская Эстонія вошла въ составъ орденскихъ владѣній:

Адзель (1238 г.). Гольдингенъ, Ангермюнде, Амботенъ (построены въ 1242 г.); малый Падисъ (1246 г.); Мезотенъ (1250 г.); Юргенсбургъ (1251 г.); Грезенъ, Мемельбургъ (въ 1253 г.); Кандау (1254 г.); Дурбенъ (1257 г.); Добенъ (1260 г.); Большой и Малый Роопъ и Руенъ (въ 1258 г.); Георгенбургъ (1260 г.); Гельметъ (1261 г.); Ронненбургъ (1262 г.); Либава (1263 г.); Митава и Вейсенштейнъ (въ 1266 г.); Оберпаленъ (1266—1269 г.); Спарненъ и Терветенъ (1271 г.); Динабургъ (1272 г.); Эдваленъ (1275 г.); Гапсаль (1279 г.); Варбекъ (1279 г.); Руэнталь (1280 г.); Алленкюль (1281 г.); Вольмаръ (1283); Гейлигенбергъ (1286 г.); Сагницъ (1287 г.); Ранденъ (1288 г.); Буртнекъ, Трикатенъ, Розитенъ (1284 г.); Добленъ (1290 г.); Фикель (1292 г.); Эцъ (1293 г.); Маріенгаузенъ (1293 г.); Пильтенъ (1295 г.); Туккумъ (1299 г.); Любанъ (1304 г.); Перновъ (городъ въ 1255 г., замокъ въ 1311 г.); Эрмесъ (1329 г.); Роденпойсъ (1322 г.); Аренсбургъ (1334 г.); Маріенбургъ и Фрауэнбургъ (въ 1341 г.); Пебальгъ (1340 г.); Зонненбургъ (1345 г.); Карриссъ (1345 г.); Эрла, Берзонъ и Альтеносъ (1354 г.); Каркусъ и Зербенъ (1357 г.); Кавелехтъ (1361 г.); Смильтенъ (1367—1370 г.); Альсвангенъ (1372 г.); Газенпотъ (городъ 1378 г.).

нихъ приходы и церкви, и начнемъ съ архіепископства Рижскаго, какъ главнаго изъ всѣхъ епископствъ.

Дошедшія до насъ свѣдѣнія о церквахъ и приходахъ въ Рижскомъ архіепископствѣ до крайности скудны, такъ что трудно сказать какіе именно приходы существовали въ этомъ архіепископствѣ въ XIII и первой половинѣ XIV ст. Архіепископъ Фридрихъ упрекалъ ливонскій орденъ въ томъ, что онъ небрежетъ о постройкахъ церквей на своихъ земельныхъ участкахъ, но у Вартберга сохранилось свидѣтельство, что орденъ не совсѣмъ пренебрегалъ церковное дѣло. Такъ онъ пишетъ (см. Приб. Сб. II, 96), что магистръ Вилликинъ Эндернскій въ восьмидесятыхъ годахъ XIII ст. построилъ и освятилъ церкви въ Вольмарѣ, Венденѣ, Буртнекѣ и Трикатенѣ; въ орденскихъ земляхъ и крѣпостяхъ были всюду устроены если не церкви, то часовни; были устроены церкви и въ архіепископскихъ замкахъ, по всей вѣроятности, были церкви и для новокрещенныхъ по деревнямъ, ибо въ извѣстіяхъ о набѣгахъ литовскихъ упоминается, что литовскія партіи сжигали церкви. Скудость извѣстій о церковномъ строительствѣ въ Рижскомъ архіепископствѣ въ XIII и XIV столѣтіяхъ заставляетъ предполагать, что учрежденіе сельскихъ приходовъ въ немъ плохо подвигалось впредъ, что если военно-монашескій орденъ мало заботился о церковномъ устроеніи среди новокрещенныхъ на своихъ земляхъ, то не болѣе его заботилось и само духовенство.

Рига служила главнымъ мѣстопребываніемъ архіепископа и его капитула. Здѣсь со временъ еще епископа Альберта I уже существовалъ каѳедральный соборъ, церковь св Петра, церковь св Іакова; орденская братія имѣла свою церковь св. Георгія*). Епископъ Николай въ 1245 г. для усиленія средствъ каѳедральнаго собора подарилъ ему 200 гаковъ земли въ Куроніи (см Urkundenbuch Бунге, № 179, а). Церковь св. Петра имѣла также участокъ земли въ Куроніи въ 25 гаковъ, подаренный ей легатомъ Балдуиномъ въ 1234 г. Имѣются извѣстія, что кромѣ этихъ церквей въ Ригѣ существовала церковь св. Павла**) и церковь св. Іоанна***), церковь миноритовъ (францисканцевъ), церковь св. Духа, церковь св Гертруды. Рига, однимъ словомъ, недостатка въ церквахъ не имѣла

*) Орденская церковь св. Георгія была разрушена рижанами въ 1297 г.; вмѣсто нея въ 1330 г. была устроена церковь св. Андрея въ новомъ рижскомъ орденскомъ замкѣ.

**) О ней упоминается въ 1263 г. (см. Urkundenbuch Бунге № 378). Она находилась близь ратуши и когда капитулъ заспорилъ съ орденомъ на счетъ владѣнія этою церковію, то папа въ 1321 г. рѣшилъ споръ въ пользу города. Объ этой церкви въ послѣдній разъ упоминается въ 1410 г., затѣмъ ея дальнѣйшая судьба неизвѣстна, должно быть была упразднена и разобрана.

***) Полагаютъ, что церковь св. Іоанна была построена въ 1227 г., но въ документахъ о ней упоминается только въ 1312 г. и затѣмъ въ 1324 г. когда какая-то вдова пожертвовала три марки на постройку въ этой церкви новыхъ хоровъ. Нынѣшній свой видъ церковь св. Іоанна получила гораздо позднѣе.

Независимо церквей въ Ригѣ, въ архіепископскихъ земляхъ и вообще въ архіепископствѣ, Рижской церкви была подчинена на островѣ Готландѣ въ Висби церковь св. Іакова Церковь эту легатъ Вильгельмъ Моденскій еще въ 1225 г подчинилъ рижскому епископу, хотя она и находилась въ предѣлахъ Линконійской епархіи (см. Urkundenbuch Бунге № 73, а и 101, а), причемъ церкви этой было предоставлено право содержать школы и учить въ нихъ учениковъ какой угодно націи. Линконійскій епископъ въ 1272 г заявилъ претензію на право патронатства въ этой церкви, по этому поводу возникла переписка, но какъ архіепископъ Рижскій ничего не отвѣтилъ на запросы, священниковъ въ церковь не назначалъ, потому Линконійскій епископъ, считая церковь св. Іакова (впрочемъ въ 1272 г. она называется часовнею) оставленною архіепископомъ, передалъ ее приходскому священнику Генриху при церкви св. Троицы въ Висби Была и другая церковь въ Висби, подчиненная архіепископу Рижскому, церковь Пресвятой Дѣвы Маріи, но ея судьба неизвѣстна; вѣроятно была приписана къ какому либо висбійскому приходу.

Въ Ригѣ не было недостатка и въ монастыряхъ.

Самымъ древнимъ монастыремъ въ Ливоніи былъ, безспорно, цистерціенскій монастырь въ Дипамипдѣ, основанный при епископѣ Альбертѣ I, вскорѣ послѣ основанія Риги. Монастырь владѣлъ землями при устьѣ Двины и островомъ Рамесгольмомъ Обстроившись и укрѣпившись, монастырь этотъ служилъ, какъ уже было замѣчено, какъ бы нередовымъ укрѣпленіемъ Риги, и его игуменъ (аббатъ) въ совѣщаніяхъ рижскаго капитула игралъ всегда выдающуюся роль, бывая очень часто посредникомъ въ безконечныхъ спорахъ ордена съ духовенствомъ и города Риги съ орденомъ. Динаминдскій монастырь былъ одаряемъ землями какъ въ сѣверной Германіи, такъ и въ Эстоніи (см Urkundenbuch Бунге № 80). Въ своемъ мѣстѣ было разсказано (стр. 163 и слѣд.) какимъ образомъ Динаминдскій монастырь явился во власти ордена.

Въ самой Ригѣ первый монастырь появляется почти одновременно съ основаніемъ города. То былъ премонстратепскій монастырь Пресв. Дѣвы, отстроенный кажется только въ 1223 г., ибо только въ этомъ году епископъ Альбертъ I отвелъ мѣсто для постройки монастыря (см. Urkundenbuch Бунге, № 56). Монастырь уже существовалъ въ 1263 г. Первоначально одежда канониковъ была черный кафтань и черная монашеская шляпа, какъ у августинцевъ, но когда епископъ Альбертъ I превратилъ свой капитулъ въ премонстратенскій орденъ, то всѣ каноники стали носить бѣлое одѣяніе. Вопросъ объ одѣяніи не разъ возникалъ между рижскими канониками: они возвращались къ черному одѣянію, но были вынуждаемы носить бѣлое. Вопросъ объ одѣяніи для многихъ былъ важенъ въ томъ смыслѣ, что съ пере-

мѣною одѣянія измѣнялся и уставъ, а каноникамъ не все равно было подчиняться-ли уставу августинцевъ или уставу другаго монашескаго ордена.

Съ 1232 г. начинаютъ возникать въ Германіи женскіе цистерціенскіе монастыри по уставу, данному для нихъ въ этомъ году папою Григоріемъ IX. Одинъ изъ такихъ монастырей былъ основанъ въ Ригѣ въ 1256 г. архіепископомъ Альбертомъ Зуербееромъ съ предоставленіемъ монахинямъ церкви св. Іакова. Новому монастырю были предоставлены довольно большія права и преимущества: ни епископъ и никакое частное лицо не вмѣшиваются во внутреннія дѣла монастыря; монастырю полагалось держаться правилъ св. Бенедикта и постановленій цистерціенскаго ордена; запрещенія и интердикты не могли быть налагаемы на монастырь; во время всеобщаго интердикта, въ монастырѣ богослуженіе не прекращалось; монастырь имѣлъ право убѣжища (см. UrkundenBuch Бунге № 283, а). Вскорѣ послѣ основанія монастырь получилъ отъ архіепископа на свое содержаніе подъ Кукейносомъ землю въ одну квадр. милю пространствомъ, а въ 1257 г. монастырь пріобрѣлъ отъ архіепископа дворъ Блюмендаль, островъ Динагольмъ, деревню Пебогольтъ, 100 гаковъ земли въ Семигалліи, 50 гаковъ въ Герсикѣ и столько же въ землѣ Опемелѣ. Въ 1259 г. папа утвердилъ за монастыремъ всѣ его привиллегіи и поземельныя владѣнія (см. Бунге UrkundenBuch, № 338, а).

Въ половинѣ XIII ст. въ Ригѣ появляются монахи орденовъ доминиканскаго и францисканскаго. Доминиканскіе монахи, по одѣянію, назывались черными братьями, черными монахами (swarte broder, swarte monniken). Доминиканцы на островѣ Висби прочно утвердились въ 1243 г.; полагаютъ, что вскорѣ послѣ этого они появились и въ Ригѣ. Первоначально они не имѣли монастыря въ Ригѣ, но впослѣдствіи свой монастырь пристроили къ церкви св. Іоанна внутри города. Объ этомъ монастырѣ впервые упоминается въ 1330 г. Онъ существовалъ еще въ 1422 г. при названной церкви, имѣя у себя библіотеку и садъ. Доминиканскій монастырь назывался монастыремъ братьевъ-проповѣдниковъ, большихъ братьевъ, черныхъ монаховъ, иногда просто черными.

Францисканцы (называвшіеся сѣрыми братьями, сѣрыми монахами (grawe broder) появились въ Ригѣ одновременно съ доминиканцами и первоначально не имѣли монастыря, но въ 1258 г. купили отъ капитула для себя каменный домъ. Въ 1314 году ревельскій рыцарь (дворянинъ) Іоаннъ подарилъ имъ въ Ригѣ землю при церкви св. Екатерины внутри города. На этой землѣ и былъ построенъ францисканскій монастырь, о которомъ, однакоже, впервые упоминается лишь въ 1366 г. Одежда францисканцевъ состояла изъ сѣраго шерстянаго кафтана; они препоясывались веревкою, на которой висѣла плеть; монастырь же ихъ назывался монастыремъ минориговъ, меньшихъ братьевъ, иногда монастыремъ св. Екатерины или просто сѣрымъ.

Имѣются свѣдѣнія, что въ Ригѣ существовалъ въ XIII ст. конвентъ бегинокъ при церкви св. Петра, занимавшихся ухаживаніемъ за больными. Имѣются также свѣдѣнія, что въ Ригѣ былъ монастырь и сѣрыхъ сестеръ или францисканокъ, занимавшихся обученіемъ дѣвицъ и ухаживаніемъ за больными. Повидимому, монастырь сѣрыхъ сестеръ замѣнилъ собою конвентъ бегинокъ.

На содержаніе монастырей отводились земли, въ которыхъ монастыри были такими же господами какъ и прочіе ливонскіе властители Водворенные на этихъ земляхъ новокрещенные должны были давать на монастыри такія же дани, какія давались господамъ въ другихъ мѣстахъ, и называясь монастырскими людьми, были въ положеніи ничуть не лучшемъ, если только не худшемъ, въ какомъ находились люди орденскіе или епископскіе.

Теперь обратимся къ Дерптскому епископству, образовавшемуся еще при жизни епископа Альберта I. Первый епископъ дерптскій Германъ, учредивъ въ 1224 г. свою каѳедру въ Юрьевѣ, много заботился о постройкахъ церквей въ Угауніи и Сакалѣ, вообще въ земляхъ своего епископства, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Генрихъ Латышскій (гл. XVIII, 9), но церкви эти едва-ли были центрами правильно организованныхъ сельскихъ приходовъ, во первыхъ потому, что чудь, обитавшая въ тѣ времена земли Дерптскаго епископства, далеко не вся приняла еще католичество, а во вторыхъ земли эти служили мѣстомъ безпрерывныхъ столкновеній между псковичами и нѣмцами, а при непрестанныхъ военныхъ дѣйствіяхъ нельзя было и думать о какой либо правильной организаціи приходовъ. Въ замкахъ и крѣпостяхъ, которые строились въ Дерптскомъ епископствѣ, были, конечно, часовни и церкви; очень возможно, что замки съ теченіемъ времени сдѣлались средоточіемъ и церковныхъ приходовъ, для которыхъ строились и приходскія церкви, но прямыхъ данныхъ объ томъ нѣтъ. Въ Оденпэ ливонскіе рыцари утвердились съ 1224 г., Оденпэскій приходъ могъ учредиться скоро послѣ этого; быть можетъ и въ самомъ дѣлѣ учредился въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ XIII в., но свѣдѣній о томъ нѣтъ. Объ Оденпэской церкви св. Елисаветы впервые упоминается лишь въ 1417 году (см. Urkundenbuch Бунге № 2151), а объ Оденпэскомъ приходѣ лишь въ 1457 году. Многіе нынѣшніе церковные приходы въ Дерптскомъ и Феллинскомъ уѣздахъ учредились очень давно, въ XIII, въ XIV столѣтіяхъ, но документальныя упоминанія о нихъ относятся лишь къ позднѣйшему времени, къ XV и XVI столѣтіямъ.

Съ перенесеніемъ епископской каѳедры въ Юрьевъ, епископъ Германъ основалъ здѣсь и свой каѳедральный соборъ. Когда онъ былъ построенъ — неизвѣстно, полагаютъ, что между 1224—1230 годами. Древній дерптскій каѳедральный соборъ былъ построенъ на Домбергѣ и просуществовалъ до временъ Іоанна Грознаго, когда былъ разрушенъ

и съ того времени не возстановлялся. Были въ Дерптѣ и др церкви. Пресвятой Дѣвы, св. Іоанна, церковь черныхъ братьевъ, церковь св. Духа и св. Іоанна, церкви св. Николая и св Екатерины, но о времени ихъ основанія нельзя сказать ничего вѣрнаго.

Были и монастыри въ Дерптскомъ епископствѣ Самый древній изъ нихъ былъ построенъ верстахъ въ 15 къ сѣверу отъ Дерпта епископомъ Германомъ и назывался Фалькенау. Монастырь этотъ былъ, какъ и Динамундскій, цистерціенскій. Время его основанія относятъ къ 1224 г. Рюссовъ въ своей лѣтописи (см Пр. Сб II, 189) пишетъ, что епископъ Германъ въ 1245 г., вслѣдствіе старости и слѣпоты, удалился на покой въ Фалькенаускій монастырь и здѣсь кончилъ свою жизнь. Около 1300 г. въ Дерптѣ былъ основанъ доминиканскій монастырь, а впослѣдствіи и женскій монастырь.

Эзельское епископство учредилось послѣ Дерптскаго. Въ составъ этого епископства входилъ островъ Эзель съ Мономъ и Викъ. Генрихъ въ своей лѣтописи разсказываетъ (гл. XXX, 45), что послѣ овладѣнія въ 1227 г. Эзелемъ, пять или шесть священниковъ обошли округи этого острова, называвшіеся килегундами, и крестили нѣсколько тысячъ народа; послѣ замиренія эзельцы приняли въ свои городки католическихъ священниковъ. Эти городки, въ коихъ появились священники, и сдѣлались центрами сельскихъ эзельскихъ приходовъ. Изъ акта отъ 1284 года (см. UrkundenBuch Бунге № 490) видно, что островъ Эзель былъ въ то время раздѣленъ на семь округовъ (килегундъ), что эти округи и составляли церковные приходы. Въ актѣ этомъ сказано, что приходскіе священники (plebanis etiam in his septem kilegundis constitutis) обязаны были прочесть въ своихъ церквахъ договоръ, заключенный въ этомъ году съ эзельцами Въ документахъ, относящихся ко второй половинѣ XIII ст. упоминается о существованіи въ 1254 г. священниковъ въ Килегундскомъ приходѣ, который, по свидѣтельству Вартберга (см Прib. Сб. II), былъ въ 1313 году ограбленъ морскими разбойниками. Если въ 1284 году во всѣхъ эзельскихъ округахъ были приходскіе священники (plebani), то, конечно, были и приходскія церкви.

Около половины XIII в. эзельскій епископъ Генрихъ избралъ мѣсто для постройки своей каѳедральной церкви между рѣкою Пернавою и гаванью по причинѣ красоты мѣстоположенія и другихъ очевидныхъ выгодъ (inter flumen Pernam et portum maris illi vicinum propter loci amoenitatem et alias evidentes utilitates, сказано въ современномъ актѣ, помѣщенномъ въ UrkundenBuch Бунге подъ № 2740). Здѣсь онъ основалъ въ 1251 г. каѳедральную церковь, поставилъ въ ней 12 канониковъ, назначивъ деревни на содержаніе ихъ. Церковь эта, по распоряженію папы Александра IV, получила наименованіе Эзельской соборной церкви. Существованіе этой церкви продолжалось

не долго: жмудскій князь Тренята въ началѣ 1263 г. (см. выше стр. 64) вторгся въ Викъ и разрушилъ ее. Полагаютъ, что на мѣсто разрушеннаго собора была построена приходская церковь св. Оомы. Основаніе нынѣшняго Пернова относятъ къ 1265 г., весьма возможно, что около этого времени были построены въ Перновѣ и двѣ церкви — св. Николая и св. Іоанна — существующія и понынѣ.

Каѳедра эзельскаго епископа въ 1279 г. была перенесена въ Гансаль. Но всей вѣроятности, тогда же было приступлено и къ постройкѣ здѣсь каѳедральной церкви, но о ней упомянуто впервые только въ 1312 г (см Urkundenbuch Бунге № 638). Изъ документовъ XIV ст. видно, что въ XIV ст. во многихъ деревняхъ эзельскаго епископства существовали уже церкви, слѣд. были уже устроены церковные приходы.

Относительно церквей въ Куроніи извѣстно, что по акту соглашенія между куронскимъ епископомъ Генрихомъ и Эбергардомъ Сейненскимъ (о немъ см. выше стр. 30), состоявшемуся 18 октября 1252 г. (см. Urkundenbuch Бунге № 240) было постановлено, чтобы и епископъ и рыцари въ своихъ частяхъ строили церкви и для содержанія каждой церкви отводили по четыре гака пахатной земли, сѣнокоса на 30 возовъ сѣна, каждому священнику отпускали отъ епископа или ордена, смотря на чьей землѣ церковь, по ласту ржи, ячменя, овса и три фердинга денегъ. Прихожане возрастомъ 14 лѣтъ должны ежегодно платить своему священнику три рижскихъ пфенига въ качествѣ жертвенныхъ денегъ (vor opfergpfenninge), возрастные же прихожане должны давать на церковь съ гака земли по кильмету ячменя и овса, считая десять кильметовъ на одинъ лофъ Едва-ли это соглашеніе было приводимо въ исполненіе въ XIII ст , ибо южная Куронія долго была театромъ непрерывныхъ войнъ и набѣговъ, во время которыхъ нельзя было и думать о постройкахъ церквей и учрежденіи приходовъ. Приходскія церкви и приходы начинаютъ появляться гораздо позднѣе, когда войны и набѣги нѣсколько стихли.

Въ замкахъ и крѣпостяхъ, которые строились въ XIII и XIV ст. въ земляхъ нынѣшней Курляндской губерніи, несомнѣнно существовали церкви и часовни, какъ и во всѣхъ другихъ замкахъ.

Ревельское епископство, по отношенію своего управленія, во многомъ отличалось отъ прочихъ ливонскихъ епископствъ. Въ составъ этого епископства входила вся датская Эстонія и земля Ервенъ, находившаяся въ орденскомъ владѣніи, самое же епископство принадлежало къ провинціи архіепископа Лундскаго Ревельское епископство было основано въ 1219 г. королемъ Вальдемаромъ II, назначившимъ сюда и перваго епископа Весцелина. Послѣ вторичнаго перехода Эстоніи подъ власть Даніи по Стенбійскому договору, король Вальдемаръ II назначилъ въ 1240 г. епископомъ въ Ревель изъ Рипенской епархіи Торкиля, и затѣмъ постановилъ, что датскіе короли,

какъ патроны Ревельской церкви, должны избирать на открывающіяся въ Ревелѣ вакансіи, епископа, представляя избраннаго на утвержденіе и посвященіе Лундскому архіепископу, какъ митрополиту Ревельской епархіи. Но это постановленіе было поколеблено при открывшейся въ 1263 году вакансіи. Папа Урбанъ IV буллою отъ 13-го сентября 1263 г. (см. Urkundenbuch Бунге № 379) объявилъ, что право выбора епископа принадлежитъ исключительно духовнымъ учрежденіямъ, а отнюдь не королю или учрежденіямъ свѣтскимъ, вслѣдствіе чего и утвердилъ ревельскимъ епископомъ Рэскильдскаго каноника, Тругота, рекомендованнаго папѣ королевою Маргаритою. Повидимому эта булла и побудила королеву въ 1277 г. передать право выбора ревельскаго епископа учрежденному въ этомъ году въ Ревелѣ соборному капитулу, причемъ право короля избирать и представлять на утвержденіе епископа навсегда отмѣнялось. Такую отмѣну подтвердили ея сынъ Эрихъ Глипингъ въ 1283 году, и его преемникъ Эрихъ Менведъ въ 1289 г. (см. Urkundenbuch Бунге № 483 и 528). Не смотря, однакоже, на такую отмѣну права выбора, король Эрихъ Менведъ въ 1297 г. на открывшуюся въ Ревелѣ вакансію назначилъ своего кандидата брата ордена проповѣдниковъ, Канута. Папа Бонифацій VIII кассировалъ этотъ выборъ и на должность епископа назначилъ своего духовника, миноритскаго монаха Генриха, который съумѣлъ пріобрѣсти къ себѣ и довѣріе короля, и вассаловъ Эстоніи (см. выше стр. 213). По его смерти (около 1320 г.) начались опять разногласія въ выборѣ. Ревельскій соборный капитулъ избралъ въ епископы своего каноника Оттона, король же Христоферъ II представилъ на утвержденіе Лундскому архіепископу Рескильдскаго каноника Олая. Дѣло снова пошло на разбирательство папы Іоанна XXII, который кассировалъ королевскій выборъ, и собственною властію въ ревельскіе епископы назначилъ все-таки королевскаго кандидата каноника Олая, а избранному капитуломъ канонику Оттону ввѣрилъ Кульмское епископство. Это былъ послѣдній выборъ Ревельскаго епископа при датскомъ господствѣ въ Эстоніи. Не смотря, однакоже, ни на предшествовавшую отмѣну королевскаго права избирать епископа въ Ревель, не смотря на неоднократныя папскія буллы, отрицавшія это право, король Вальдемаръ IV передавая тевтонскому ордену Эстонію, въ актѣ отъ 29 августа 1346 г. (см. Urkundenbuch Бунге № 496) ясно высказалъ, что передаетъ ордену страну съ правомъ выбирать и предоставлять на утвержденіе епископа (ius presentandi episcopum).

Ревельскій епископъ не былъ, какъ ливонскіе епископы, земскимъ (леннымъ господиномъ) властителемъ, не имѣлъ и княжескаго достоинства. Король Вальдемаръ II, въ 1240 г. предоставилъ ревельскому епископу на его содержаніе 80 гаковъ земли подъ Ревелемъ и 14 гаковъ въ Вироніи (см. Urkundenbuch Бунге № 166) Дотація эта

была подтверждена королемъ Эрихомъ Плогпеннигомъ въ 1249 г. съ прибавкою еще 14 гаковъ въ Куатѣ. Только въ этихъ дотоціонныхъ земляхъ епископъ и имѣлъ свѣтскую власть, право свѣтскаго суда. Епископъ ревельскій не былъ, однакоже, единственно духовнымъ пастыремъ въ своей епархіи, онъ, подобно прочимъ датскимъ епископамъ, имѣлъ мѣсто и голосъ на рейхстагахъ и принадлежалъ къ числу королевскихъ совѣтниковъ Въ началѣ ревельскіе епископы не имѣли никакого вліянія на внутреннія дѣла въ Эстоніи, но впослѣдствіи, съ конца XIII ст., ревельскіе епископы, именно Іоаннъ и Генрихъ, нерѣдко вступали въ союзы и соглашенія съ вассалами и совмѣстно съ ними не безъ успѣха отстаивали права вассаловъ и въ особенности отстаивали неотчуждаемость Эстоніи отъ короны датской.

Первоначально при ревельскомъ епископѣ не было никакого капитула. При епископѣ, конечно, состояло нѣсколько духовныхъ лицъ въ качествѣ его помощниковъ при управленіи епархіею, но они не составляли коллегіи. Соборный капитулъ въ Ревелѣ учрежденъ впослѣдствіи, именно королевою Маргаритою въ 1277 г. (см. UrkundenbucH Бунге № 455), предоставившею капитулу право выбора епископа О числѣ членовъ и устройствѣ этого ревельскаго капитула свѣдѣній не сохранилось. Извѣстно только, что во главѣ ревельскаго капитула стоялъ не пробстъ (praepositus, каѳедральный протоіерей), какъ въ другихъ соборныхъ капитулахъ, а деканъ, въ другихъ капитулахъ занимавшій второе мѣсто послѣ пробста.

Независимо земельныхъ участковъ, предоставленныхъ епископу, на содержаніе его и духовенства обращались разныя приношенія, и главнѣйшимъ образомъ „церковная десятина“, установленная въ Даніи еще со временъ св Канута (1080—86) и распространенная на Эстонію буллами папы Григорія IX отъ 19 и 24 февраля 1236 г. (см UrkundenbucH Бунге, №№ 144 и 145). Церковная десятина въ Эстоніи первоначально состояла, по видимому, изъ полевыхъ плодовъ, и ее должны были давать всѣ землевладѣльцы и всѣ вассалы, ибо, какъ было заявлено королемъ Эрихомъ Плогненнигомъ въ 1240 г. (см. UrkundenbucH Бунге, № 165), имъ предоставлено владѣніе землею съ условіемъ внесенія церковной десятины Но какъ доходы вассаловъ въ тѣ времена составлялись изъ десятины (свѣтской), взимаемой съ крестьянъ, потому вассалы и вообще землевладѣльцы (король датскій былъ самъ землевладѣлецъ въ Эстоніи, ввѣряя управленіе королевскими имѣніями особымъ чиновникамъ) должны были давать епископу десятину отъ десятины (decimam decimarum). Такія десятины десятинъ должны были доставляться епископу въ Ревель Вслучаѣ если подданные вассаловъ или короля замѣнятъ десятину чѣмъ либо другимъ — деньгами или землею — то и епископъ получаетъ десятину съ того, что получили вассалы.

Года чрезъ два, именно въ 1242 г., [redacted] по совѣту своихъ эстонскихъ управляющихъ, вошелъ въ сог[redacted]е съ епископомъ, въ силу коего было постановлено давать епис[redacted] виредь до того времени пока онъ, король, самъ прибудетъ въ Эстонію, какъ съ королевскихъ, такъ и съ ленныхъ владѣній съ каждыхъ 20 гаковъ земли по шиффунту ржи и ячменя, и этотъ хлѣбъ долженъ быть доставляемъ въ Ревель; епископъ же съ своей стороны обязуется при отправленіи разныхъ церковныхъ обязанностей, визитацій и объѣздовъ, не требовать отъ своихъ подданныхъ болѣе того, что получаетъ епископъ Германъ въ Дерптскомъ епископствѣ (сколько же получалъ епископъ Германъ указано выше на стр. 277). Вассаламъ при этомъ соглашеніи не присутствовавшимъ, предписывалось (см. Urkundenbuch № 172) безотговорочно и непремѣнно исполнять оное.

Король Эрихъ посѣтилъ Эстонію въ 1249 г., но послѣдовали-ли какія измѣненія въ этомъ соглашеніи неизвѣстно. Лѣтъ черезъ десять, въ 1259 г., вассалы, при посредничествѣ дерптскаго епископа, условились съ епископомъ давать ежегодно послѣднему за двѣ визитаціи по кюльмета ржи съ каждаго гака. Это условіе получило въ 1260 г. королевское утвержденіе (см. Urkundenbuch Бунге № 352), подтвержденное королемъ Эрихомъ Менведомъ въ 1304 г. (см. тамъ же № 611). Но это условіе касалось только визитацій, но не церковной десятины, постановленія о которой оставались безъ перемѣнъ. Пока вассалы не трогали людей, водворенныхъ въ ихъ ленныхъ помѣстьяхъ, споровъ съ епископомъ изъ за десятинъ не возникало, но когда вассалы начали. сгонять крестьянъ съ ихъ земель, обращая крестьянскія земли подъ сооруженія новыхъ дворовъ (алодій), то десятина съ крестьянъ, вносимая ленному господину, вслѣдствіе такого уменьшенія ихъ нахатныхъ земель, умалилась, а слѣдовательно умалилась и церковная десятина, т. е. десятина съ десятины. Изъ за умаленія доходности возникли пререканія и споры между епископомъ и вассалами, кончившіеся въ 1280 г. соглашеніемъ между ними, утвержденнымъ въ 1281 году не только королемъ, но и архіепископомъ лундскимъ и прочими датскими епископами (см. Urkundenbuch Бунге №№ 467, 475). Въ силу этого соглашенія, королевскіе чиновники (homines regis, это управляющіе королевскими имѣніями) и вассалы купили 60 гаковъ земли въ деревняхъ Ветелѣ и Коддилѣ и представили эту землю въ вѣчное владѣніе епископу въ качествѣ столоваго имѣнія, въ замѣнъ десятины съ десятины, которая отмѣняется. Чиновники и вассалы при этомъ обязались не сгонять крестьянъ съ ихъ земель, новыхъ дворовъ не возводить, а крестьяне, водворенные въ имѣніяхъ вассаловъ, должны давать епископу въ годъ за визитацію по два кюльмета съ гака и за столько гаковъ, за-сколько они даютъ десятину своему господину.

Къ тому времени когда датская Эстонія перешла подъ власть

ордена, въ Ревелѣ существовало уже нѣсколько церквей и часовень (каиеллъ). Полагаютъ, что самая древняя церковь въ Ревелѣ есть соборъ, посвященный Пресвятой Дѣвѣ, хотя объ немъ упоминается впервые лишь въ 1319 г. (см. Urkundenbuch Бунге № 666). Ганзенъ въ своей монографіи о ревельскихъ церквахъ и монастыряхъ, изданной въ Ревелѣ въ 1863 г., полагаетъ, что эту церковь отстроилъ король Вальдемаръ II. Другая церковь была во имя св. Николая, патрона мореходцевъ. Объ ней впервые упоминается только въ 1315 г., но она безъ сомнѣнія была построена гораздо ранѣе. Церковь св. Олая построена кѣмъ либо изъ датскихъ королей, ибо эту церковь королева Маргарита и ея сынъ Эрихъ Глипингъ въ 1267 г. подарили (см. Urkundenbuch Бунге № 404) Михайловскому монастырю въ Ревелѣ съ нравами приходской церкви. Ганзенъ полагаетъ, что старинная церковь св. Олая сгорѣла въ 1288 г. и возобновлена въ нынѣшнемъ видѣ около 1300 года. Церковь св. Духа принадлежитъ также къ весьма древнимъ, хотя о ней впервые упоминается въ 1316 г. Впослѣдствіи эта церковь именовалась магистратскою капеллою (Rathskapelle), въ ней ежегодно совершалось торжественное богослуженіе во вторникъ послѣ Крещенія для членовъ магистрата, начинавшихъ съ этого дня свою судебную дѣятельность, продолжавшуюся до Оомина дня. Кромѣ того существовали двѣ капеллы, посвященныя св Варварѣ и св. Лаврентію; первая была построена на кладбищѣ Николаевской церкви. Ревель, слѣд., никакъ не терпѣлъ недостатка въ церквахъ.

Въ описываемое время въ Ревелѣ уже существовало два монастыря. Одинъ изъ нихъ былъ доминиканскій. Ганзенъ говоритъ, что въ 1229 г. датскіе монахи основали въ Ревелѣ монастырь недалеко отъ Домберга, гдѣ нынѣ домское (соборное) училище, но скоро покинули монастырь вслѣдствіе варварства и жестокости чуди. Въ 1246 г. доминиканцы прибыли изъ Даніи и построили монастырь во имя св. Екатерины на Монастырской улицѣ. Датскіе короли при самомъ основаніи монастыря одарили его землями и лугами. Другой монастырь былъ женскій цистерціанскій. По всей вѣроятности, онъ былъ основанъ королемъ Эрихомъ Плогпеннигомъ около 1250 года и былъ освященъ во имя св. Михаила. Первоначально этотъ монастырь былъ внѣ города, но когда въ 1310 г. городская граница была расширена, то онъ сталъ внутри города за городскою стѣною. Короли датскіе одарили монастырь землями; впослѣдствіи монастырь увеличилъ свои земли покупками, такъ что явился значительнымъ землевладѣльцемъ въ Эстоніи. Папы Александръ IV въ 1255 году и Мартинъ IV въ 1282 г. (см. Urkundenbuch Бунге №№ 283 и 484) предоставили монастырю право подчиняться единственно игуменьѣ своего ордена и быть независимымъ отъ другихъ духовныхъ особъ.

Въ Ревелѣ уже въ 1237 г. былъ основанъ госпиталь для прокаженныхъ (domus leprosorum). Онъ находился внѣ городскихъ

стѣнъ и при немъ была устроена капелла во имя Іоанна Крестителя*). Въ самомъ городѣ существовалъ госпиталь св. Духа, о которомъ упоминается въ 1316 г. и въ которомъ также была капелла.

Въ малыхъ городахъ Эстоніи — Нарвѣ и Везенбергѣ — существовали церкви, время построенія которыхъ хотя и неизвѣстно, но которыя по всей вѣроятности уже были въ то время, когда названнымъ городамъ было предоставлено право пользоваться ревельскими городскими законами. Изъ грамоты короля Вальдемара IV отъ 2 февраля 1345 г. (см. UrkundenBuch Бунге, № 829) видно, что Нарвская церковь была вмѣстѣ съ тѣмъ и приходскою для новокрещенныхъ чудинцевъ, жившихъ въ окрестностяхъ города. Въ силу этой грамоты нарвскій королевскій фохтъ обязанъ былъ содержать священниковъ Нарвской церкви на королевскій счетъ, снабжать ихъ ежегодно туникой изъ хорошаго сукна и чрезъ два года тогой, отпуская и другія необходимыя вещи. Фохтъ обязанъ былъ также держать въ замкѣ пару лошадей для разъѣздовъ священника, „дабы души новообращенныхъ не были пренебрегаемы въ исповѣди и въ отправленіи церковныхъ таинствъ“. О Везенбергской церкви впервые упоминается въ 1385 г. (см. UrkundenBuch № 1230), но, конечно, церковь была построена гораздо ранѣе, быть можетъ тогда, когда Везенбергскій поселокъ еще не имѣлъ правъ города.

Катастръ Ревельской епархіи указываетъ, что датская Эстонія была уже въ срединѣ XIII столѣтія раздѣлена на 14 приходовъ (кирхшпилей); въ Гарріи было семь приходовъ и столько же въ Вироніи. Сколько именно было сельскихъ приходовъ къ срединѣ XIV ст. свѣдѣній не сохранилось. Само собою разумѣется, что каждый приходъ имѣлъ и свою церковь. По мнѣнію Бунге (см. его книгу „Das Herzogthum Estland“, стр. 196), если не всѣ, то большая часть приходскихъ церквей въ Эстоніи были основаны и одарены датскими королями, ибо послѣдніе претендуютъ на право патронатства въ нихъ и дѣйствуютъ сообразно съ этимъ правомъ. Такъ король Вальдемаръ IV предоставилъ каѳедральному собору въ Ревелѣ право (см. UrkundenBuch Бунге № 847) пользоваться доходами съ приходской церкви въ Каткулѣ. Священники сельскихъ приходскихъ церквей въ Эстоніи (rectores ecclesiarum) имѣли привиллегію, утвержденную за ними королемъ Вальдемаромъ IV (см. UrkundenBuch Бунге № 844), пользоваться годомъ милости (annus gratiae). По этой привиллегіи, всѣ доходы ихъ церквей въ теченіе одного года времени, считая со дня смерти каждаго, могли быть употреблены съ движимымъ имуще-

*) Въ Ригѣ также находился госпиталь (домъ) для прокаженныхъ — domus leprosorum sancti Johannis. — Онъ былъ построенъ недалеко отъ церкви св. Іоанна; въ немъ также находилась капелла, въ которой богослуженіе совершалъ священникъ названной церкви.

ствомъ покойнаго на покрытіе погребальныхъ расходовъ, уплату долговъ и подачу милостыни.

Два цистерціенскіе монастыря, Динаминдскій и Гутвальскій (Guthval или Roma на островѣ Готландѣ), владѣли въ Эстоніи значительными земельными участками. Короли датскіе неоднократно подтверждали за названными монастырями ихъ владѣнія, но на ленномъ правѣ, въ силу котораго эти монастыри, какъ и всѣ прочіе вассалы, должны были вслучаѣ войны ставить опредѣленное число ратниковъ для войска; отъ другихъ же податей и сборовъ монастырскія имѣнія освобождались. Мы видѣли, что Динамипдскій монастырь въ 1305 г. (см. выше стр. 163) былъ купленъ ливонскимъ орденомъ. Динаминдскіе монахи еще въ 1303 г. думали переселиться въ свои эстонскія помѣстья, но такое переселеніе совершилось лишь нѣсколько лѣтъ спустя. Окончательная передача Динаминдскаго монастыря ордену была утверждена въ 1313 г. (см. выше стр. 177). Въ 1317 г. король Эрихъ Менведъ разрѣшилъ построить въ Падисѣ (почти на полпути отъ Гапсаля въ Ревель) каменныя зданія для монастыря, перевести куда Динаминдскій монастырь было окончательно разрѣшено папою Іоанномъ XXII въ 1319 г. (см. Urkundenbuch Бунге № 670). Послѣдніе монахи переселились изъ Динаминда въ Падисъ въ 1321 г. и съ этого времени Падисскій монастырь вошелъ въ составъ Ревельской епархіи. Ливонскій магистръ подарилъ Падисскому монастырю двѣ деревни, да самъ монастырь купилъ другія двѣ, и скоро расширилъ свои земельныя владѣнія, выпросивъ у шведскаго короля право патронатства въ Виргоской церкви въ Финляндіи и посредствомъ покупки пріобрѣвъ здѣсь недвижимую собственность въ двухъ приходахъ.

Теперь нѣсколько словъ о школахъ, которыя по обще-принятому правилу въ Западной Европѣ, обязательно должны были учреждаться при каѳедральныхъ церквахъ.

Мы уже видѣли (см томъ I, 306), что папскій легатъ Вильгельмъ еще въ 1226 г. предоставилъ орденской Георгіевской церкви въ Ригѣ право содержать школу для обученія дѣтей. Была-ли открыта такая школа, существовала-ли она — ничего неизвѣстно, но за то имѣются свѣдѣнія, что при церкви св. Петра въ Ригѣ существовала школа въ срединѣ XIII столѣтія, — потому что сохранился документъ (Urkundenbuch Бунге № 946), свидѣтельствующій, что въ 1253 г. собраны были ножертвованія въ количествѣ 26 марокъ на постройку школы при означенной церкви. По всей вѣроятности, при каѳедральномъ соборѣ въ Ригѣ существовала школа гораздо ранѣе Петровской. Заключить это можно изъ спора, возникшаго въ 1391 г. между рижскимъ соборнымъ капитуломъ и рижскимъ магистратомъ изъ за правъ на распоряженіе школою и школьными порядками. Капитулъ утвер-

ждалъ, что съ незапамятныхъ временъ настоятели собора (praepositus) пользовались исключительнымъ правомъ содержать одну школу при соборной церкви, а другую близъ кладбища приходской церкви св. Петра какъ для юношей, такъ и для всякаго, кто желалъ учиться „граматикѣ, логикѣ, музыкѣ и другимъ первопачальнымъ и свободнымъ искуствамъ и наукамъ". Магистратъ оспоривалъ исключительное право капитула на школьное дѣло и утверждалъ, что назначеніе ректора въ Петровскую школу и распоряженіе школьными порядками принадлежитъ не капитулу, не схоластику (члену капитула, завѣдующаго школьнымъ дѣломъ), а городу Ригѣ, вслѣдствіе чего магистратъ постановилъ, чтобы всѣ желающіе въ Ригѣ получить свѣдѣнія въ искуствахъ и наукахъ не посѣщали подъ страхомъ наказанія соборную школу, а только Петровскую. Споръ о иравахъ перешелъ и на школьную дисциплину, и наконецъ былъ представленъ на рѣшеніе папѣ. Папа Бонифаціи IX рѣшилъ споръ въ пользу духовной власти. Кто были преподавателями въ названныхъ школахъ, кто учился въ нихъ, какъ шло преподаваніе — свѣдѣній о томъ никакихъ не сохранилось.

Мы видѣли (стр. 287), что Эзельскій епископъ основалъ каѳедральную церковь въ Гапсалѣ въ 1279 г. Съ отстройкою и открытіемъ собора, вѣроятно, учредилась при немъ и школа, но свѣдѣній о томъ нѣтъ. Извѣстно, однако, что школа существовала въ первой половинѣ XIV вѣка, только школьное дѣло въ ней шло плохо (см. UrkundenBuch Бунге, № 3078). Учитель въ этой школѣ, какъ изъ документа этого видно, совершенно пренебрегалъ школою, имѣлъ жену и дочь, велъ себя дурно и все занятіе свое, по мнѣнію лучшихъ гражданъ, „окончилъ позорно".

Въ Ревелѣ при учрежденіи соборнаго капитула была также, какъ и при другихъ соборахъ, учреждена школа подъ надзоромъ и руководствомъ схоластика. Эта школа такъ и называлась соборною (Domschule). Но вѣроятно, въ Ревелѣ до учрежденія соборной школы и послѣ того существовали другія школы (объ одной, учрежденной братьями-проповѣдниками, упоминается въ 1365 г.), дѣлавшія подрывъ соборной, на что и жаловались королю епископъ и капитулъ. Вслѣдствіе такихъ жалобъ, король Эрихъ Менведъ грамотою отъ 3 января 1319 г. (см. UrkundenBuch Бунге, № 666) постановилъ, чтобы никакой ревельскій бюргеръ, какого бы онъ состоянія не былъ, не посылалъ своихъ дѣтей, пасынковъ, внуковъ или пансіонеровъ въ другія школы, кромѣ соборной, подъ опасеніемъ штрафа въ 10 марокъ серебра. Вмѣстѣ съ тѣмъ король беретъ подъ свою защиту дѣтей и ихъ родителей и родственниковъ отъ могущихъ возникнуть противъ нихъ съ чьей бы то ни было стороны враждебныхъ дѣйствій изъ за исполненія этого постановленія. По видимому, королевское постановленіе осталось безъ послѣдствій, потому что въ послѣдующія времена возникали нерѣдкія жалобы капитула на возникновеніе другихъ школъ, чрезъ что подры-

вается соборная школа. Капитулъ уже въ 1421 году просилъ папу Мартина V утвердить постановленіе короля Эриха Менведа отъ 1319 г. Папа поручилъ разслѣдовать дѣло архіепископу рижскому. Оказалось, что соборная школа въ Ревелѣ находилась на значительномъ разстояніи отъ города и соединялась съ нимъ до того дурною и грязною дорогою, что ученики по цѣлымъ мѣсяцамъ не могли ходить въ эту школу. Кромѣ того школа построена на горѣ такой крутой и высокой, что взобраться на нее стоило не мало трудовъ и даже опасно: часть учениковъ переломала себѣ ноги, отчего нѣкоторые умерли на мѣстѣ, нѣкоторые умерли дома, нѣкоторые ученики остались хромыми; нѣкоторые утонули, упавъ въ прудъ, нѣкоторые замерзли. Какъ же послѣ этого не быть другимъ школамъ?

Вотъ и все, что извѣстно о школахъ и школьномъ дѣлѣ въ Ливоніи за время отъ соединенія орденовъ до средины XIV ст. Существовали-ли какія школы въ другихъ городахъ, гдѣ не было соборныхъ церквей, были-ли какія школы при сельскихъ церквахъ — ничего этого неизвѣстно, какъ рѣшительно ничего неизвѣстно способствовало-ли приходское духовенство хоть чѣмъ нибудь просвѣщенію простаго народа. Тщетно искать хоть какихъ бы то ни было указаній на этотъ счетъ въ дошедшихъ до насъ современныхъ декументахъ, потому что въ сущности и указывать было не на что. Церквей и монастырей появилось довольно, недостатка въ священникахъ и монахахъ не было, но стояли-ли они сами на высотѣ своей задачи, могли-ли они быть учителями новокрещенныхъ? Ни мало.

Въ постановленіяхъ рижскаго провинціальнаго собора 1428 г. въ гл. 3-й выражено сожалѣніе, что ливонскіе священники до того невѣжественны, что имъ нужно было указывать какія слова произносятся при крещеніи, выражено также сожалѣніе, что они по незнанію туземныхъ языковъ не могутъ разговориться съ новокрещенными, вслѣдствіе чего новокрещенные никакого понятія даже о христіанствѣ не имѣютъ. Фактъ указанъ вѣрно. Въ орденъ часто вступали люди недостойные, а въ Ливоніи священниками и монахами являлись вовсе не лучшіе люди изъ католическаго духовенства, въ тѣ времена вообще растлѣннаго и развращеннаго до крайности. Но если бы въ Ливонію являлись изъ Германіи и лучшіе люди, то чтобы они могли сдѣлать для просвѣщенія новокрещенцевъ, если бы даже и хотѣли? Книгъ не было, богослуженіе могло быть совершаемо не иначе какъ на языкѣ латинскомъ, переводы какихъ бы то ни было книгъ богословскихъ или каноническихъ на народные языки воспрещались, выучиться туземнымъ языкамъ было негдѣ, да и латышской или эстонской грамотности не существовало. При такихъ условіяхъ о школьномъ дѣлѣ, о просвѣщеніи туземцевъ не могло быть и рѣчи. Ихъ, какъ уже было неоднократно замѣчено, зачислили въ католики, ни мало не

обращая вниманія на то, что они по зачисленіи все-таки остаются язычниками, какими были. Въ дальнѣйшемъ изложеніи исторіи Ливоніи мы приведемъ и документальныя свидѣтельства тому.

Приводимъ въ заключеніе списокъ епископовъ, управлявшихъ ливонскими епархіями съ основанія ихъ до середины XIV ст.

I. *Архіепископство рижское.*

Епископы:

1) Мейнгардъ съ 1183 по 1196 г. Умеръ въ октябрѣ 1196 г.
2) Бертольдъ съ 1197 по 1198 г. Убитъ 24 іюля 1198 г.
3) Альбертъ I Апельдернъ или Буксгеденъ, съ 1199 по 1229 г. Умеръ въ Ригѣ 17 января 1221 г.
4) Николай, каноникъ Магдебургскій съ 1229 г. по 1253 г.

Архіепископы:

5) Альбертъ II Зуербееръ, съ 1254 по 1274 г.
6) Іоаннъ I Линенскій съ 1274 по 1285 г.
7) Іоаннъ II Фехтенскій съ 1285 по 1294 г.
8) Іоаннъ III, графъ Шверинскій, съ 1294 по 1300 г.
9) Изарнъ Таккони, съ 1300 по 1304 г.
10) Фридрихъ Лобенштетъ съ 1304 по 1340 г.
11) Энгельбертъ Даленскій съ 1340 по 1348 г.
12) Фромгольдъ Фифгузенскій съ 1348 по 1369 г.

II. *Епископство Дерптское.*

Епископы:

1) Германъ I, братъ епископа рижскаго Альберта I. Посвященъ въ епископа Леальскаго въ 1219 г. Прибылъ въ Ливонію въ 1224 г. и по взятіи Юрьева перенесъ сюда епископскую каѳедру. Онъ рѣдко живалъ въ своей епархіи, пребывая большею частію въ Германіи. За преклонностію лѣтъ и слѣпотою отказался отъ епископства въ 1245 г. Онъ удалился въ основанный имъ Фалькенаускій монастырь и тамъ умеръ. Годъ его смерти не извѣстенъ. О немъ см. томъ I, 369 и слѣд.
2) Бернгардъ I, съ 1245 по 1263 г.
3) Александръ съ 1263 по 1268 г. Убитъ 18 февраля 1268 г. въ битвѣ съ русскими подъ Везенбергомъ (см. выше стр. 87).
4) Фридрихъ Газельдорпъ съ 1268 по 1290 г. Годъ смерти съ точностію неизвѣстенъ; имѣются указанія, что онъ умеръ 4 декабря 1289 г. О немъ см. томъ I, 392.

5) Бернгардъ II, съ 1290 по 1303 г.
6) Дитрихъ I, съ 1303 по 1306 г.
7) Энгельбертъ, съ 1306 по 1315 г.
8) Николай, съ 1315 по 1323 г.
9) Энгельберть II Даленскій, съ 1323 по 1341 г.
10) Весцель (Іоаннъ I?), съ 1341 по 1355 г.
11) Генрихъ I, съ 1355 по 1357 г.
12) Іоаннъ II, съ 1357 по 1369 г.

III. *Епископство Эзельское*

учредилось въ 1228 г. по завоеваніи въ 1227 г. острова Эзеля.

1) Готфридъ, съ 1228 по 1234 г. О немъ см. томъ I, стр. 373.
2) Генрихъ I, съ 1234 по 1262 г. Въ 1251 г. онъ основалъ церковь между рѣкою Пернавою и гаванью, которая, по распоряженію папы, получила названіе „Эзельскаго собора". О немъ см. томъ I, 377.
3) Германъ Буксгевденъ, съ 1262 по 1285 г.
4) Генрихъ II, съ 1285 по 1294 г.
5) Конрадъ I, съ 1294 по 1307 г.
6) Гартунгъ, съ 1310 по 1320 г.
7) Іаковъ I, съ 1322 по 1337 г.
8) Германъ Оснабрюгге, съ 1338 по 1362 г.

IV. *Епископство Куронское*

окончательно учредилось въ 1253 г. послѣ дѣлежа земель нынѣшней Курляндской губерніи.

1) Генрихъ Люттельбургскій, съ 1253 по 1263 г. О немъ см. томъ I, 388.
2) Эмундъ Вердскій, съ 1263 г. Годъ смерти его неизвѣстенъ. О немъ см. томъ I, 390.
3) Іоаннъ I (?), съ 1291 по 1298 г.
4) Бурхардъ, съ 1300 по 1317 г
5) Павелъ, съ 1317 по 1326 г.
6) Іоаннъ II, съ 1326 по 1330 г.
7) Бернгардъ, съ 1330 по 1332 г.
8) Іоаннъ III, съ 1332 по 1353 г.
9) Людольфъ, съ 1353 по 1357 г.
10) Вильгельмъ Бальдинусъ (?) Іаковъ, съ 1357 по 1374 г.

V. *Ревельское епископство*

Начало епископства относится къ 1219 г.

1) Весселинъ (Guicelinus), съ 1219 по 1227 г. О немъ см. томъ I, стр. 372.

2) Торхиль, съ 1240 г. Умеръ въ 1260 г.
3) Труготъ, съ 1263 г. Умеръ въ 1279 г.
4) Іоаннъ I, съ 1280 по 1287 г. Умеръ, кажется, позднѣе.
5) Іоаннъ II Тристевере, избранъ въ 1297 году и въ томъ же году умеръ.
6) Генрихъ, съ 1298 по 1320 г.
7) Іоаннъ III, избранъ въ 1320 г. и въ томъ же году умеръ.
8) Олай, съ 1323 г. по 1350 г.
9) Людвигъ, съ 1355 г. по 1364 г.

IV. Сословія, суды и законы въ Ливоніи.

Источники: **Бунге.** Beiträge zur Kunde der Liv-, Esth- und Kurländischen Rechtsquellen, Дерптъ, 1831 г.

Бунге. Geschichtliche Entwickelung der Standesverhältnisse in Liv- Esth- und Kurland bis zum Jahr 1561. Дерптъ, 1838.

Историческія свѣдѣнія объ основаніяхъ и ходѣ мѣстнаго законодательства губерній остзейскихъ, изданныя въ 1845 г. 2-мъ отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи какъ введеніе къ 1 и 2 частямъ свода мѣстныхъ узаконеній губерній остзейскихъ вступившаго въ дѣйствіе съ 1 января 1846 г.

Изъ всего разсказаннаго о покореніи земель ливонскихъ туземцевъ, къ срединѣ XIV ст почти завершавшагося, ибо далѣе предѣловъ нынѣшнихъ Эстляндской, Лифляндской и Курляндской губерній съ тремя нынѣшними уѣздами Витебской губерніи — Динабургскимъ, Рѣжицкимъ и Люцинскимъ — нѣмецкое господство не пошло, уже ясно можно видѣть въ составѣ всего населенія завоеванныхъ земель двѣ группы, рѣзко отдѣленныя другъ отъ друга: побѣдителей и побѣжденныхъ. Первые чуть лишь успѣли обложить данями и повинностями побѣжденныхъ, зачисливъ ихъ въ католики, смотрятъ на послѣднихъ, какъ на своихъ подвластныхъ, крѣпостныхъ людей и мы уже видѣли, что въ офиціальныхъ документахъ, епископскихъ и орденскихъ, побѣжденные уже не признаются свободными людьми, а называются уже людьми или епископскими или орденскими, смотря потому, на чьихъ земляхъ живутъ. Побѣдители — являются *господами* (domini); изъ побѣжденныхъ появляется состояніе *подчиненныхъ людей* (subditi, крестьянъ*).

*) Подвластные люди начали называться крестьянами *баурами* (Paur, Paurschaft, Bauer) со второй половины XV ст.; они назывались также съ того времени и *насльд-*

Завоеватели изъ покоренныхъ земель не составили государства, не составили и изъ себя никакого общаго, самостоятельнаго состоянія. Ливонія въ ихъ рукахъ явилось не монархіею и не республикою, а просто *нѣмецкою колоніею*, въ которой колонисты, чуть лишь утвердились, какъ разбились на двѣ группы, рѣзко отличавшіяся между собою: колонисты, сѣвшіе въ городахъ, положили начало сословію *бюргеровъ*, гражданъ; колонисты, забравшіе въ свои руки земли внѣ городовъ и городскихъ земель, явились родоначальниками *сословія дворянъ*. Колонисты — бюргеры — это Stadt; колонисты — земскіе — это Land.

Властителями Stadt'а и Land'а и de jure и de facto признавались или епископы, или орденъ (въ датской Эстоніи — датскій король). Властители не могли удержать въ повиновеніи подвластныхъ имъ сосѣдей, новокрещенныхъ туземцевъ, не прибѣгая къ раздачѣ новопокоренныхъ земель въ управленіе и владѣніе на ленномъ правѣ, вполнѣ уже развившемся въ западной Европѣ, *вассаламъ*, которые въ свою очередь, получивъ во владѣніе земли, не замедлили составить изъ себя замкнутую корпорацію (universitas vasallorum). Такимъ образомъ къ срединѣ XIV ст., когда вполнѣ закончилось покореніе ливонскихъ, латышскихъ, чудскихъ, куронскихъ и семигалльскихъ земель, образовались сословія: 1) духовенство; 2) орденъ; 3) вассалы; 4) бюргеры или граждане; 5) подвластные люди или крестьяне.

Духовенство, т. е. епископы съ ихъ капитулами и всѣми священно-служителями приходскихъ церквей, первенствовало между всѣми названными сословіями. Устройство и права духовнаго сословія опредѣлялись, какъ и во всѣхъ католическихъ земляхъ, каноническими правилами и уставами духовныхъ орденовъ. Мы уже видѣли какъ и когда учредились въ Ливоніи епископства, видѣли и кругъ дѣйствій и обязанностей епископскихъ капитуловъ, учредившихся въ каждомъ епископствѣ на общихъ каноническихъ правилахъ.

Любопытны подробности учрежденія эзельскаго капитула, — который появился, какъ уже было сказано, въ 1251 г. вмѣстѣ съ основаніемъ Эзельской соборной церкви. До насъ дошелъ, утвержденный папою и архіепископомъ рижскимъ, какъ митрополитомъ подвѣдомственныхъ ему церквей — Рижской, Дерптской, Куронской и Эзельской, актъ основанія капитула (см. Bausteine zu einer Geschichte Oesels, 61). Изъ акта этого оказывается, что въ учреждаемомъ при каѳедральномъ Эзельскомъ соборѣ капитулѣ должно состоять 12 канониковъ, коимъ предоставляется право избирать епископа. Въ числѣ канониковъ первенствующее мѣсто занимаетъ пробстъ, потомъ деканъ, потомъ схоластеръ, обязанный вести церковную переписку, наблюдать за школою, обучать учениковъ, снабжать школу книгами; ключарь (custos) завѣдуетъ церковнымъ имуществомъ, свѣчами,

---

ственными людьми (Erbleute). Бауры, водворенные на земляхъ, назывались *гакенмеперами* (Hakenmänner); бауры, пеимѣвшіе осѣдлости, звались *лосбиндерами*, *лострейберами* (Losbinder, Lostreiber). Наконецъ бауры, лишенные за преступленія всякихъ правъ, обращались въ полныхъ рабовъ своего господина и носили названіе *дреллов* (Drellen).

книгами, ризницею и пр., при помощи двухъ звонарей содержитъ въ порядкѣ церковь.

Всѣ каноники имѣютъ общую спальню и въ опредѣленное время должны ложиться спать безъ шума. Кто безъ дозволенія декана или безъ основательной причины проведетъ ночь внѣ общежитія, тотъ долженъ за заутренею дать объясненіе декану и предъ завтракомъ прочесть 50 разъ „Отче нашъ“. При всѣхъ богослуженіяхъ, дневныхъ и ночныхъ, каноники должны пѣть и читать истово и благочестиво, какъ то совершается въ Любекской церкви. Кто не придетъ къ обѣднѣ, того усовѣщиваетъ деканъ. Самъ пробстъ не могъ безъ разрѣшенія декана отдѣляться отъ прочихъ канониковъ или пропускать обѣдни, въ противномъ случаѣ онъ подвергается отвѣтственности предъ епископомъ. По праздникамъ каноники обѣдаютъ вмѣстѣ въ рефекторіумѣ. Кто въ одѣяніи и тонсурѣ дозволитъ себѣ отступленіе отъ постановленій и уставовъ и не послушается предостереженій епископа, тотъ наказывается лишеніемъ бенефиціи (предоставленной ему доходной статьи). Кромѣ 12 канониковъ, составляющихъ капитулъ, при соборной церкви должны состоять 4 священника, 3 діакона, 3 иподіакона и 2 помощника. На содержаніе соборной церкви и духовенства при немъ назначается 300 гаковъ земли, кромѣ того каждому каноніику въ бенефицію дается имѣніе съ условіемъ, чтобы водворенные въ имѣніи томъ крестьяне давали приходскому священнику обычныя дани и несли воинскую повинность. Въ заключеніе акта сказано, что въ день смерти учредителя капитула, каноники ежегодно служатъ заупокойную обѣдню и имѣютъ общій столъ въ рефекторіумѣ (трапезной).

Второе сословіе составлялъ орденъ, объ организаціи котораго было уже сказано выше (стр. 253 и слѣд.). По обѣту нищеты (votum paupertatis) орденскіе братья не могли владѣть лично никакимъ имуществомъ; каждый орденскій конвентъ (домъ) содержался доходами съ опредѣленнаго округа, которымъ управлялъ командоръ или фохтъ, начальствовавшій въ замкѣ. Орденскія земли составляли общественную собственность ордена, управлялись орденскими сановниками и служили на содержаніе всего орденскаго сословія и на его общественныя надобности. Впослѣдствіи, когда учредились ландтаги (съ половины XV ст.), на нихъ орденъ являлся, какъ особое сословіе, представляемое магистромъ, орденскими командорами и фохтами и нѣсколькими другими братьями ордена.

Третье сословіе образовалось изъ совокупности *вассаловъ*, лицъ, получившихъ во владѣніе имѣнія съ главнымъ обязательствомъ нести воинскую службу, являясь лично по требованію властителя на службу и приводя съ собою опредѣленное по пространству имѣнія (лена) число вооруженныхъ конныхъ и пѣшихъ ратниковъ изъ подвластныхъ ему людей. Мы уже видѣли, когда именно появились вассалы въ Ливоніи. Первоначально они не составляли никакого особаго сословія, но съ теченіемъ времени и съ усложненіемъ отношеній вассалы начали стремиться къ составленію изъ себя замкнутой корпораціи, особаго сословія. Мы видѣли, что въ датской Эстоніи вассалы составили изъ себя замкнутую корпорацію гораздо ранѣе, чѣмъ вассалы въ прочихъ

ливонскихъ епископствахъ, и хотя въ документахъ, относящихся къ XIII ст., ясно уже видно, что ливонскіе епископы по свѣтскимъ дѣламъ въ своихъ епископствахъ дѣйствуютъ всегда съ одобренія и согласія не только своихъ капитуловъ, но и вассаловъ, тѣмъ не менѣе ленныя отношенія ливонскихъ вассаловъ къ ихъ властителямъ не были формулированы съ такою опредѣленностію, какъ въ датской Эстоніи. Никакого письменнаго права у ливонскихъ властителей въ теченіе всего XIII и первой половины XIV столѣтія не было, хотя въ современныхъ документахъ и упоминается уже о существовавшихъ правовыхъ обычаяхъ (ius patriae, commune ius terrae), но въ датской Эстоніи уже было, и отсюда распространилась постепенно и повсемѣстно во всей Ливоніи, потому съ датскихъ вассаловъ мы и начнемъ изложеніе подробностей о сословіи вассаловъ.

Завоеваніе ливонскихъ земель происходило въ то время, когда въ западной Европѣ уже образовалось сословіе родоваго рыцарства, несшаго конную службу своему земскому властителю. Вассалами въ Ливоніи и явились лица, принадлежавшія именно къ этому сословію и званіе вассала до такой степени совпадало со званіемъ родоваго рыцарства, что въ современныхъ документахъ всѣ родовые, потомственные рыцари называются вассалами, хотя бы они и не имѣли въ своемъ владѣніи никакого лена. Права состоянія пріобрѣтались рожденіемъ отъ родовыхъ рыцарей и сохранялись до тѣхъ поръ пока родовой рыцарь велъ образъ жизни, свойственный своему званію. Родовой рыцарь могъ поселится въ городѣ, могъ занять тамъ городскую должность, не утрачивая своего званія до тѣхъ поръ, пока онъ не дѣлался купцомъ или не сталъ заниматься ремесломъ или вообще какимъ нибудь промысломъ.

Съ XIV столѣтія родовые рыцари перестаютъ уже называться вассалами; вмѣсто названія „вассалъ“ появляются наименованія „milites et armigeri“, рыцари и оруженосцы. Родовое рыцарство несло конную службу во время войны и званіе рыцаря получалъ тотъ, кто состоялъ извѣстное время при другомъ рыцарѣ въ качествѣ оруженосца. Рыцарь въ войскѣ былъ старшій, оруженосецъ младшій; первый имѣлъ титулъ „dominus“ (госиодинъ) или strenuus vir (мужъ въ строгомъ смыслѣ) и имѣлъ исключительное право вступать въ число братіи Тевтонскаго ордена, ибо уставомъ онаго опредѣлялось, что орденскимъ братомъ могло быть лишь лицо, принадлежащее къ родовому рыцарству. Оруженосца могъ возвести въ званіе рыцаря лишь рыцарь. Впрочемъ, права состоянія рыцаря и оруженосца были одинаковы; для нользованія этими правами не требовалось достиженія званія рыцаря, и многіе родовые рыцари, даже большинство ихъ, во всю жизнь оставались оруженосцами.

Родовой рыцарь, былъ-ли онъ miles или armiger, имѣлъ исключительное право на полученіе лена отъ земскаго властителя, только

лица, принадлежащія къ родовому рыцарству, имѣли гербы и право изображать этотъ гербъ въ своей печати, и только родовые рыцари могли быть судьями и засѣдателями въ судѣ. По всей вѣроятности, родовые рыцари были свободны отъ всякихъ податей и сборовъ*).

Мы уже видѣли, что въ датской Эстоніи вассалы составили изъ себя замкнутую корпорацію гораздо ранѣе, чѣмъ въ прочихъ областяхъ Ливоніи и въ началѣ XIV ст. уже получили сводъ законовъ, опредѣлявшихъ ихъ права. Этотъ сводъ законовъ, составленный въ 1315 году по повелѣнію короля Эриха VII Менведа, заключаетъ въ себѣ постановленія короля Вальдемара II о правахъ вассаловъ, и потому называется *Вальдемаръ-Эрихскимъ леннымъ правомъ*. Основаніемъ этому праву служило ленное право саксонское, и предметами его составляли: 1) ленная инвеститура; 2) наслѣдованіе въ ленныхъ владѣніяхъ; 3) постановленіе касательно опеки надъ малолѣтними, опредѣленіе ихъ возраста, а также правъ и обязанностей опекуновъ; 4) назначеніе королевскаго гауптмана, и наконецъ 5) постановленія о судопроизводствѣ.

Вальдемаръ-Эрихское право въ подлинникѣ не существуетъ; древнѣйшая копія его находится въ ревельской *Красной Книгѣ*, названной такъ по своему переплету. Книга эта есть не что иное какъ сборникъ всѣхъ грамотъ и привиллегій, дарованныхъ эстляндскому рыцарству королями датскими, епископами ревельскими и орденскими магистрами. Сюда включены выписки изъ Ломбардскаго леннаго права, опредѣленія ландтаговъ и нѣкоторыя постановленія Гаррійскаго и Вирнскаго рыцарствъ. Сборникъ этотъ, первоначально именовавшійся судебною книгою (Richtbuch), былъ составленъ, по требованію гаррійскихъ и вирнскихъ ландратовъ, секретаремъ рыцарства Вольфингомъ Шеффелемъ, во время магистра Брюгенея. Шеффель внесъ въ сборникъ грамоты на нижне-саксонскомъ нарѣчіи, частію переписывая ихъ съ оригиналовъ, частію переводя съ латинскаго, и 4 сентября 1546 г. написалъ предисловіе къ сборнику. Подлинникъ Красной книги хранится въ архивѣ Эстляндскаго дворянскаго общества въ Ревелѣ. Она долго служила единственнымъ основаніемъ правъ и преимуществъ Эстляндскаго дворянства, а впослѣдствіи была важнѣйшимъ источникомъ Эстляндскаго рыцарскаго и земскаго права, составленнаго во время шведскаго правленія.

Вальдемаръ-Эрихское право, помѣщенное въ копіи въ Красной Книгѣ, было напечатано Шварцомъ въ Neue Nordische Miscellen, V, VI, стр. 257—275 и Эверсомъ въ его изданіи Эстляндскаго рыцарскаго и земскаго права, стр. 46—54.

По Вальдемаръ-Эрихскому праву основою ленныхъ отношеній вассала къ королю служило пожалованіе или *инвеститура* лена. Король, какъ земскій властитель (dominus) страны, жаловалъ, передавалъ въ пользованіе жалуемому родовому рыцарю земельный участокъ, при каковомъ пожалованіи должны были присутствовать по меньшей мѣрѣ два вассала въ качествѣ свидѣтелей. Пожалованіе ут-

*) Въ концѣ XV ст. для означенія сословія вассаловъ начало входить въ употребленіе названіе *дворянства* (nobiles, Adel, gemeiner Adel, Adelschaft); слово Adel смѣнило слово miles и armiger, какъ сіи послѣдніе смѣнили первоначальныя для означенія родоваго рыцарства слова vir, vasallus, Mann, gut Mann.

верждалось земскимъ властителемъ т. е. королемъ *ленною грамотою* (LehnBrief). Чрезъ пожалованіе (инвеституру) вассалъ получалъ право (Were или Gewere) принять въ свое владѣніе жалуемый ленъ (землю, деревню и пр.) и защищать его отъ стороннихъпритязаній. Если въ теченіе года и шести недѣль пожалованный ленъ оставался во владѣніи вассала безъ всякихъ оспариваній съ чьей бы то не было стороны, или какъ выражались тогда, имѣлъ ленъ in Were, тогда вассалъ пріобрѣталъ уже полное право на владѣніе леномъ (rechte Gewere), въ силу коего могъ отклонять всякое притязаніе на ленъ, даже самаго земскаго властителя.

Вассалъ, принимая во владѣніе ленъ, приносилъ властителю *ленную присягу* (iuramentum fidelitatis), коею обязывался пребывать вѣрнымъ властителю, т. е. королю, поддерживать его словомъ и дѣломъ, избѣгать всего, что можетъ послужить во вредъ ему. Въ частности же вассалъ присягою обязывался нести ленную службу прежде всего и главнѣйшимъ образомъ воинскую (являться по требованію на войну, приводя съ собою назначенное количество вооруженныхъ пѣшихъ и конныхъ ратниковъ), и потомъ нести службу судебную, быть судьею (манрихтеромъ).

Вассалъ подчинялся суду земскаго властителя и при всякой перемѣнѣ властителя былъ обязанъ въ теченіе года со днемъ исходатайствовать себѣ возобновленіе инвеституры (вслѣдствіе отдаленности датской Эстоніи отъ королевской резиденціи и опасеній непріятельскихъ вторженій, датскимъ вассаламъ давалось три года сроку на возобновленіе инвеституры).

Властитель земли, принявъ отъ вассала присягу въ вѣрности, со своей стороны обязывался споспѣшествовать вассалу во всемъ, что клонится къ его благу, и охранять владѣніе леномъ. Въ пожалованномъ же ленѣ вассалъ получалъ право (dominium utile) пользоваться всѣми находящимися въ предѣлахъ лена деревнями, полями, лѣсами и водами; онъ собираетъ подати и десятину, ему же предоставляется судъ и расправа по всѣмъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, какія бы ни возникали въ его ленѣ. Получивъ ленъ въ полное владѣніе (rechte Gewere), вассалъ и защищаетъ свои права, не прибѣгая уже къ посредству властителя земли.

Пожалованный ленъ вассалъ могъ продать, заложить, подарить, передать въ ленъ другому, лишь бы чрезъ то не нарушались права земскаго властителя, но такое отчужденіе совершалось лишь при соблюденіи извѣстныхъ формъ: вассалъ долженъ былъ явиться въ судъ и здѣсь торжественно заявить, что свой ленъ поручаетъ или и совсѣмъ передаетъ другому, о чемъ и составлялся судебный актъ (Auftrags или Auflassungsbrief).

По Вольдемаръ-Эрихскому ленному праву наслѣдство въ ленахъ ограничивалось лишь мужескимъ поломъ; отъ отца ленъ переходилъ

къ сыну, внуку и т. д., но уже въ 1329 г. король Христоферъ II право наслѣдства въ ленахъ, которое было ограничено однимъ мужескимъ поломъ, распространилъ на женскій. Если вассалъ умиралъ бездѣтнымъ, то его лень возвращался властителю земли; если же оставлялъ по себѣ нѣсколькихъ сыновей, то они могли владѣть леномъ сообща, не раздѣляя его на части, въ такомъ случаѣ ленъ являлся, по тогдашнему выраженію, въ союзномъ наслѣдованіи (die samende или gesamte Hand, coniuncta manus). Старшій изъ братьевъ ходатайствуетъ о возобновленіи инвеституры, и когда кто изъ братьевъ умретъ, то его доля переходила къ остальнымъ братьямъ Братья могли и подѣлить между собою ленъ, въ такомъ случаѣ право союзнаго наслѣдованія устранялось, и каждый выдѣленный братъ передавалъ свою часть по наслѣдству мужескому полу. Впрочемъ, союзное наслѣдованіе могло оставаться и послѣ дѣлежа, если только король, какъ земскій властитель, ясно предоставитъ право союзнаго наслѣдованія братьямъ и другимъ людямъ, т. е. отдаленнымъ роднымъ. Вообще въ Вальдемаръ-Эрихскомъ правѣ постановленія о наслѣдованіи въ ленахъ, о вдовахъ и малолѣтнихъ приведены съ особенною подробностію Ленныя отношенія прекращались, когда земскій властитель отнималъ права нользованія леномъ, или когда вассалъ желалъ получить ленъ въ собственность посредствомъ такъ называемой апропріаціи или алодификаціи, прекращались и въ томъ случаѣ, если вассалъ своевременно не исходатайствуетъ себѣ утвержденія лена.

Въ ливонскихъ епископствахъ раздача леновъ происходила на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ датской Эстоніи, какъ и вездѣ въ Германіи. Здѣсь первоначально не было никакого письменнаго законоположенія о ленахъ, но съ теченіемъ времени образовались мѣстные законы и обычаи, которые, потомъ, по примѣру также Германіи, были собраны въ особыя книги, называемыя книгами правъ (Rechsbücher). Изъ такихъ книгъ извѣстны *право рыцарское* и *Викъ-Эзельское ленное право*.

Книга „право рыцарское дошла“ до насъ въ трехъ разныхъ видахъ: древнее, среднее и исправленное. *Древнее рыцарское право* имѣется въ двухъ спискахъ на нѣмецкомъ языкѣ XVI ст., изъ коихъ одинъ хранится въ архивѣ лифляндскаго дворянства въ Ригѣ, а другой въ Императорской публичной библіотекѣ. Заглавіе этихъ списковъ: Das älteste und erste Livländische Ritter- und Landrecht, wie solches von weiland Bischof Albrecht dem ersten zu Riga mit dem Rath Meister Volquins und seines Ordens auch Bewilligung seines Adels und anderer zugezogenen gesetzt, aufgesetzt und publicirt worden ist, ums Jahr nach Christi Geburt 1228, т. е. древнѣйшее и первое лифляндское рыцарское и земское право, въ томъ видѣ какъ оно было составлено и обнародовано бывшимъ епископомъ рижскимъ Альбертомъ съ совѣта магистра Волквина и его ордена и съ согласія его дворянства и посто-

роннихъ къ тому приглашенныхъ лицъ въ 1228 году. О происхожденіи и времени составленія этой книги ничего вѣрнаго неизвѣстно. Бунге и др. не безъ основаній полагаютъ, что заглавіе книги подложно, самая же книга составлена не въ XIII, а развѣ въ XIV ст. когда и число вассаловъ увеличилось и ленныя отношенія къ властителямъ выяснились и опредѣлились. Какъ бы то ни было, но именно эта книга служила основаніемъ прочимъ узаконеніямъ въ Ливоніи. Древнее рыцарское право состоитъ изъ 67 статей, которыя относятся къ инвеституръ на лены, къ правамъ и обязанностямъ вассаловъ по владѣнію ленными имѣніями, къ опекѣ на ленномъ правѣ; къ гражданскому судопроизводству по дѣламъ о ленахъ, къ суду уголовному, владѣнію крестьянами и т. д.

Среднее рыцарское право было издано впервые въ 1537 г. подъ заглавіемъ: De gemeinen stichtischen Rechte uss Sticht von Ryga, geheten dat Ridderrecht, т. е. общіе законы епископства рижскаго, называемые рыцарскимъ правомъ. Кѣмъ книга эта была составлена и когда съ точностію неизвѣстно; полагаютъ, однако, что книга эта была составлена какимъ нибудь частнымъ лицомъ и первоначально служила для вассаловъ архіепископства рижскаго. Она состоитъ изъ 60 статей древняго рыцарскаго права, размѣщенныхъ между прочими довольно произвольно, изъ 186 статей, заимствованныхъ съ нѣкоторыми измѣненіями изъ германскаго свода законовъ, извѣстнаго подъ именемъ „Зерцала Саксонскаго“, и изъ 3 статей, основанныхъ на установившемся съ теченіемъ времени постоянномъ обычаѣ. Кодексъ средняго рыцарскаго права, называемый просто *правомъ рыцарскимъ*, съ XV ст. дѣйствовалъ уже во всей Ливоніи.

Исправленное рыцарское право есть не что иное какъ попытка также какого-то частнаго лица привести въ порядокъ и систему статьи средняго рыцарскаго права. Полагаютъ, что это сочиненіе относится къ XV столѣтію. Оно раздѣлено на три книги: въ первой 33, во второй 40, въ третьей 28 статей. Въ предисловіи къ сочиненію сказано: въ случаяхъ, для которыхъ нѣтъ въ семъ кодексѣ узаконеній, должно употреблять общее цесарское право (die gemeinen beschriebenen Kaiserlichen Rechte), а это служитъ доказательствомъ, что римское право въ томъ видѣ, какой оно имѣло въ Германіи, употреблялось и въ Ливоніи.

Викъ-Эзельское ленное право имѣетъ своимъ заглавіемъ: Dies sindt die Lehnrechte beide Deutsch und Undeutsch in der Wiech und im Sichticht von Oesel. Оно было впервые издано въ 1821 году профессоромъ Эверсомъ вмѣстѣ съ Эстляндскимъ рыцарскимъ и земскимъ правомъ, и раздѣляется на пять книгъ. Три первыя книги заключаютъ въ себѣ всѣ статьи средняго рыцарскаго права, заимствованныя изъ Зерцала Саксонскаго, съ нѣкоторыми неважными измѣненіями; въ четвертой книгѣ заключаются постановленія для крестьянъ Эзель-

скаго епископства; въ пятой содержится древнее рыцарское право съ нѣкоторыми только сокращеніями.

Сличая названные кодексы между собою и леннымъ правомъ Вальдемара-Эриха, въ основу котораго легло ленное право саксонское, многіе изслѣдователи ливонскаго права приходятъ къ заключенію, что Вальдемаръ-Эрихское право, опредѣлившее права и преимущества вассаловъ датской Эстоніи, вскорѣ послѣ своего появленія распространилось и по ближайшимъ къ датской Эстоніи мѣстностямъ, но не въ первоначальномъ своемъ видѣ, а съ нѣкоторыми измѣненіями и переработками. Указываютъ, что пятая книга Викъ-Эзельскаго леннаго права и древнее рыцарское право прямо и буквально взяты изъ Вальдемаръ-Эрихскаго права съ замѣною лишь словъ „король“ словомъ „епископъ“, съ пропускомъ статей, неподходящихъ къ епископствамъ, напр. о королевскомъ гауптманѣ и королевскихъ совѣтникахъ, о переѣздахъ моремъ за полученіемъ инвеституры, и со включеніемъ статей, составлявшихъ уже обычное право. Вмѣстѣ съ тѣмъ полагаютъ, что Викъ-Эзельское ленное право, постепенно распространяясь въ ливонскихъ епископствахъ, дополнялось, безъ нарушенія, однако, основъ леннаго права, и со включеніемъ дополненій составило наконецъ среднее рыцарское право, съ XV ст. начавшее дѣйствовать во всей Ливоніи.

Какъ бы то ни было, но права и преимущества и узаконенія ливонскихъ и датскихъ вассаловъ близки между собою, какъ происходящія изъ одного и того же источника, именно леннаго права, дѣйствовавшаго въ Германіи. Вассаломъ почитался каждый ленный владѣлецъ рыцарскаго происхожденія, ленное же владѣніе установлялось инвеституроюю, т. е. пожалованіемъ, въ датской Эстоніи отъ короля, а въ ливонскихъ епископствахъ отъ мѣстнаго епископа или ордена. Инвеститура въ ливонскихъ епископствахъ имѣла два вида: ленъ жаловался или одному лицу или нѣсколькимъ лицамъ въ совокупности, при чемъ ленъ оставался въ общемъ ихъ владѣніи, и по прекращеніи мужескаго пола одного изъ числа пожалованныхъ, участокъ его переходилъ къ прочимъ владѣльцамъ. Этотъ второй видъ лена назывался *инвеституроюю на союзное наслѣдованіе* (Samende Hand, investitura simultanea). Получившій ленъ отъ епископа или ордена давалъ ему присягу на службу и вѣрность съ обязанностію личной *службы на конѣ* и содержанія на свой счетъ опредѣленнаго числа вооруженныхъ ратниковъ для защиты края и для походовъ противъ непріятеля. Въ замѣнъ службы вассалъ дѣлался полнымъ владѣльцемъ пожалованнаго ему лена съ правомъ пользоваться всѣми доходами съ лена и правомъ суда надъ всѣми людьми, водворенными на пожалованной землѣ. При всякой перемѣнѣ властителя, епископа или магистра, вассалы должны были испрашивать отъ новаго властителя подтвержденія правъ на владѣніе ленами и принести присягу на

службу и вѣрность. Первоначально наслѣдство въ ленахъ было очень ограниченное. Обыкновенные лены переходили только къ сыновьямъ, а лены съ правомъ союзнаго наслѣдованія только къ получившимъ совокупную инвеституру. Право распоряжаться ленами было ограничено двумя условіями: 1) при продажѣ или отдачѣ въ заставу лена требовалось предварительно предложить оный властителю области; 2) при всякомъ переходѣ лена для новаго владѣльца, купившаго ленъ, было необходимо получить на владѣніе инвеституру отъ властителя. Впослѣдствіи всѣ эти ограниченія, какъ увидимъ, потеряли свою силу, а въ послѣдніе годы самостоятельности Ливоніи ленныя имѣнія вассаловъ могли переходить въ наслѣдство до пятаго колѣна въ обоихъ полахъ, слѣд. почти уже не могли сдѣлаться выморочными и возвратиться къ властителю области. Неся военную службу, вассалы были за то свободны отъ податей и чрезвычайныхъ налоговъ и въ порядкѣ суда и дѣлъ уголовныхъ имѣли свою особую подсудность.

Было уже замѣчено, что по Вольдемаръ-Эрихскому праву вассалы въ датской Эстоніи, кромѣ военной службы, должны были нести и службу судебную. Первоначально въ датской Эстоніи судебная власть сосредоточивалась въ рукахъ королевскаго гауптмана и назначаемыхъ имъ фохтовъ (advocati), которые, управляя королевскими имѣніями, были въ нихъ и судьями. Въ ленахъ судьями были вассалы. Въ Вальдемаръ-Эрихскомъ правѣ уже упоминается о существованіи, кромѣ фохтовъ, особыхъ судей (iudices). Они впослѣдствіи получили названіе: iudices vasallorum, манрихтеровъ. Судя по названію, а также изъ актовъ, оставленныхъ ими и дошедшихъ до насъ, надобно заключить, что предметомъ ихъ вѣдомства и суда были лишь дѣла по ленамъ. Имѣются документы, изъ которыхъ видно, что манрихтеръ назначался гауптманомъ (см. Urkundenbuch Бунге № 346, а) изъ числа вассаловъ (это доказываютъ имена лицъ, бывшихъ манрихтерами во времена датскаго господства въ Эстоніи: Альвенъ, Келе, Лоде, Мекесъ, Парембеке, Тойсъ — все это фамиліи извѣстныхъ вассаловъ). Повидимому, судебная власть манрихтера не ограничивалась однимъ округомъ, а простиралась на всю Эстонію. Такъ въ документахъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ Бунге подъ №№ 845 и 848, а, встрѣчается наименованіе: iudex in terra Estoniae. О продолжительности судебной дѣятельности судьи трудно сказать что либо опредѣленное. Для производства суда манрихтеръ приглашалъ въ качествѣ засѣдателей (assessores, Dingesliide, Bisitter, Beisitzer) двухъ вассаловъ. На рѣшенія манрихтера апелляція могла быть приносима въ королевскій совѣтъ, составлявшій такимъ образомъ вторую инстанцію суда. Когда совѣтъ являлся судебнымъ присутствіемъ (въ послѣдствіи онъ именовался высшимъ или рыцарскимъ судомъ), то въ немъ королевскій

гауптманъ исполнялъ должность предсѣдателя, а сами совѣтники являлись его ассесорами.

Всѣ споры о границахъ между ленами внутри страны, а равно пограничные споры съ другими ливонскими властителями рѣшались *третейскимъ судомъ,* членовъ въ который избирали спорящія стороны и предсѣдателемъ въ которомъ былъ королевскій гауптманъ. Такъ въ документѣ отъ 1 іюня 1254 г. (Urkundenbuch № 270) сказано: mediantibus et discriminantibus viris — vasallis Danie regis, quatuor hinc et quatuor inde, et super eos domino Saxone, capitaneo, constituto и пр. 15 іюня 1314 г. (см. Urkundenbuch Бунге, регесты № 751) король Эрихъ Менведъ условился съ ливонскимъ магистромъ, что пограничные споры между королевскими и орденскими подданными улаживаются коммисіею, состоящею изъ королевскаго гауптмана, трехъ королевскихъ вассаловъ и четырехъ человѣкъ орденской братіи.

Вотъ и все, что извѣстно о судоустройствѣ въ датской Эстоніи: вассалъ былъ безапеляціоннымъ судьею въ своемъ ленѣ; такимъ же судьею въ королевскихъ имѣніяхъ былъ фохтъ. Спорныя же дѣла между вассалами рѣшалъ манрихтеръ, составлявшій судъ первой инстанціи, и королевскій совѣтъ, составлявшій вторую инстанцію. Споры о границахъ рѣшалъ третейскій судъ.

Ленныя отношенія въ ливонскихъ епископствахъ опредѣлились совершенно на тѣхъ же основахъ, какъ и въ датской Эстоніи, потому и первоначальное судоустройство въ епископствахъ было такое же какъ и въ Эстоніи. Первоначально вассалъ въ своемъ ленѣ былъ судьею по всѣмъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ; въ земляхъ епископскихъ, въ лены не отданныхъ, судили епископскіе фохты; въ орденскихъ же земляхъ судьями были командоры и фохты. Тяжебныя дѣла между вассалами рѣшали манрихтеры, назначавшіеся властителемъ области изъ ея вассаловъ. Манрихтеръ самъ уже призывалъ къ себѣ изъ вассаловъ же двухъ засѣдателей и нѣсколькихъ присяжныхъ, — и такимъ образомъ составлялось судебное присутствіе — мангерихтъ. То была первая инстанція суда. Впослѣдствіи, когда въ епископскихъ областяхъ образовались совѣты епископа, а въ орденскихъ владѣніяхъ совѣты орденскіе, дѣла изъ мангерихтовъ переносились въ эти совѣты, какъ вторую инстанцію. Третью и послѣднюю инстанцію въ тяжебныхъ дѣлахъ составляли общіе ландтаги; апеляціи въ имперскіе суды не допускались. Судъ уголовный въ орденскихъ земляхъ принадлежалъ командорамъ и фохтамъ, а въ епископскихъ епископскимъ фохтамъ съ засѣдателями изъ вассаловъ; они съ тѣмъ вмѣстѣ наблюдали и за общественнымъ благоустройствомъ и благочиніемъ. Судебныя засѣданія манрихтера открывались каждыя шесть недѣль въ каждомъ округѣ.

Общія судебныя засѣданія или такъ называемыя *мантаги*, на которыя являлись всѣ вассалы области, учредились гораздо позднѣе

описываемаго времени, какъ позднѣе, именно въ концѣ XV ст., были установлены *гакенрихтеры* для разбора дѣлъ о владѣніи крестьянами, о выдачѣ бѣглыхъ и объ опредѣленіи штрафовъ за ихъ передержательство.

Письменнаго устава судопроизводства не было очень долгое время. Такой уставъ появился лишь въ послѣдніе годы ливонской самостоятельности. То было сочиненіе синдика ливонскаго ордена Діонисія Фабри, составленное въ 1533—38 годахъ и напечатанное въ 1539 году подъ заглавіемъ Formulare procuratorum — правила для адвокатовъ или уставъ судопроизводства. Въ этомъ сочиненіи изложены правила судопроизводства, дѣйствовавшія въ тѣ времена во всей Ливоніи, въ Гарріи и Вироніи.

Вышеприведенные кодексы заключали въ себѣ и гражданскіе и уголовные законы, на основаніи которыхъ и составлялись судебные приговоры. За тяжкія преступленія, убійство, измѣну, ограбленіе церкви виновный приговаривался къ колесованію; за разбой, нападеніе и воровство выше однаго фердинга виновнаго постигала смертная казнь. Пени и штрафы (Bussen und Wedden) налагались за непредумышленное убійство и нораненіе.

Почти во всѣхъ перечисленныхъ выше кодексахъ, на города не распространявшихся и касавшихся собственно людей высшаго состоянія (вассаловъ и родоваго рыцарства), встрѣчаются также постановленія и о крестьянахъ, ихъ правахъ, какъ личныхъ, такъ и по имуществу, но кромѣ того существовали и особыя узаконенія, лучше сказать, уложенія о наказаніяхъ для ливонскихъ подвластныхъ людей. Отъ древнѣйшихъ временъ дошло до насъ четыре такихъ краткихъ уложенія, тексты которыхъ весьма близки другъ къ другу. Одно изъ такихъ уложеній находится въ „Красной Книгѣ“ и озаглавлено: „Das ist das weltliche Recht, das gesetzt ist von einem Herrn Bischofe zu Livland und von den ältesten Liven, von dem Bauerrechte, wie in Livland gewöhnlich zu halten“. По видимому, это уложеніе имѣло силу въ датской Эстоніи. Другая редакція этого уложенія, найденная въ тайномъ орденскомъ архивѣ въ Кенигсбергѣ и въ Дрезденской королевской библіотекѣ, по видимому, была составлена для орденскихъ земель. Третья редакція подъ заглавіемъ: „Das gemeine Land Recht was die Alten bewilligt haben und in Liefl- und Curland und Semgallen in üblichen Braug gewesen“, по видимому, была составлена для Куроніи и Семигалліи. Уложеніе это дополнено нѣкоторыми гражданскими постановленіями (обѣ эти редакціи напечатаны въ книгѣ Бунге „Beitragen zur Kenntniss der esth-, liv- und kurländissen Rechtsquellen“, 1831). Четвертая редакція сообщена въ хроникѣ Арндта подъ заглавіемъ: „Das weltliche Bauerrecht, wie es von den ältesten Liven vor

Burrecht gehalten und vor den Bischöfen in Livland bestätigt und genehmigt worden", и, по видимому имѣла силу въ епископствахъ. Изъ всѣхъ этихъ четырехъ текстовъ, первый и четвертый самые подробные и наиболѣе близки между собою; самый краткій текстъ орденскій; курляндскій текстъ составляетъ середину между ними и также сходенъ съ ними какъ по содержанію, такъ и по расположенію статей. Предположеніе, что первое крестьянское уложеніе составлено епископомъ Альбертомъ I не имѣетъ за собою никакихъ доказательствъ, какъ равно несправедливо и предположеніе, что всѣ постановленія составляли обычное право ливонскихъ туземцевъ, ибо опредѣленіе пеней за убійства и пораненіе, составляющее главное содержаніе крестьянскаго уложенія, именно 40 марокъ за убійство, и колесованіе по эстляндскому и епископскому текстамъ за убійство, святотатство и ограбленіе мельницъ, а также сожженіе еретиковъ и колдуновъ несомнѣнно германскаго происхожденія. Въ заглавіяхъ крестьянскихъ уложеній упомянуто, что въ составленіи ихъ участвовали туземные старшины. Это очень возможное дѣло, потому что изъ дошедшихъ до насъ документовъ отъ 1253, 1255, 1262 и 1272 г. видно, что судъ надъ ливонскими туземцами долженъ былъ происходить по ихъ обычаямъ, что судебные приговоры фохты должны были давать согласно обычному праву туземцевъ. Можно даже предполагать, что первоначально судъ надъ туземцами происходилъ при участіи ихъ старшинъ, какъ то и было упомянуто въ договорѣ съ эзельцами въ 1241 г. Съ теченіемъ времени вассалы сдѣлались полновластными господами въ своихъ ленахъ; когда-же судъ и расправа по всѣмъ гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ въ ленахъ сосредоточились въ рукахъ вассаловъ, на обычное право туземцевъ уже никто не обращалъ вниманія и объ участіи туземныхъ старшинъ въ судѣ уже и помину не было*).

Сличая между собою всѣ четыре текста древнихъ крестьянскихъ законовъ, мы находимъ въ нихъ буквальное сходство во многихъ мѣстахъ, а это обстоятельство подаетъ поводъ полагать, что основою имъ всѣмъ служилъ одинъ и тотъ же текстъ, быть можетъ, кенигсбергскій, видоизмѣнявшійся и пополнявшійся по мѣрѣ того, какъ онъ распространялся по разнымъ частямъ ливонскихъ земель.

Было уже выше замѣчено (стр. 281), что ливонскіе властители, требуя отъ новокрещенныхъ даней, поставки рабочихъ и ратниковъ,

---

*) Рюссовъ въ своей лѣтописи пишетъ (см. Прибл. Сб. II, 260), что „между крестьянами въ Ливоніи было (въ концѣ XIV ст.) въ обычаѣ языческое, противное христіанскому ученію право (въ чемъ винить слѣдуетъ не столько крестьянъ, сколько господъ, позволявшихъ такія вещи), потому что если кто нибудь былъ убитъ и лишенъ жизни, то ближайшіе друзья убитаго употребляли свой собственный судъ и расправу и убійцу на томъ мѣстѣ, гдѣ его найдутъ и поймаютъ, немедленно казнили безъ палача, хотя бы онъ совершилъ убійство, защищая свою жизнь. И если настоящаго убійцу нельзя было поймать, то за него нерѣдко расплачивался его ближайшій другъ, а иногда даже дитя въ колыбели убивали вмѣсто отца".

вмѣстѣ съ тѣмъ назначали къ нимъ и своихъ судей (фохтовъ) для разбора спорныхъ дѣлъ и преступленій. Судьи, быть можетъ, на первое время и основывали свои приговоры на названныхъ уложеніяхъ, но по мѣрѣ того, какъ завоеванныя земли обращались въ лены, передававшіяся въ пользованіе вассаламъ, новокрещенные теряли всѣ права, какія на первое время признавали за ними завоеватели, теряли свой судъ, свое самоуправленіе. Какая надобность властителямъ была назначать своихъ судей къ новокрещеннымъ, когда вассалъ, получивъ въ пользованіе ленъ, получалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и право суда и расправы надъ подвластными ему людьми, право живота и смерти надъ ними, какъ сказано въ 1 гл. § 3 Вальдемаръ-Эрихскаго леннаго права. Договоры съ туземцами были, но что въ нихъ было толку, если они не исполнялись; положенія о даняхъ и повинностяхъ были, но что значили эти положенія, когда дани и повинности властители стали назначать по своему усмотрѣнію. Судъ, законы, постановленія.... но все это пустыя слова, ибо новокрещенный туземецъ, какъ свидѣтельствуетъ Рюссовъ (см. выше стр. 273), не имѣлъ никакого другого права и закона кромѣ тѣхъ, кои ему представлялъ по своему усмотрѣнію вассалъ, а жаловаться на несправедливости и насилія было некому. Жаловаться на вассала мѣстному епископу, какъ главному властителю было безполезно, потому что онъ самъ нуждался въ поддержкѣ вассаловъ и въ сущности не могъ ничего сдѣлать безъ согласія своего капитула и своихъ же вассаловъ. Жаловаться въ орденскихъ земляхъ на командоровъ и фохтовъ магистру было также безполезно, потому что орденскій обѣтъ безусловнаго повиновенія (votum obedientiae passivae) въ сущности ничего не значилъ: магистръ безъ согласія своего капитула, т. е. своей же орденской братіи, обязанной ему по уставу безусловнымъ повиновеніемъ, не могъ предпринять ничего важнаго (см. выше стр. 257).

Узаконенія для вассаловъ т. е. право рыцарское и узаконенія для крестьянъ нимало не распространялись на города. Въ нихъ дѣйствовали, какъ мы уже видѣли, другія узаконенія: Эльрихскіе статуты въ Ригѣ и малыхъ ливонскихъ городахъ; любекское право въ Ревелѣ и малыхъ городахъ Эстоніи. Разсмотримъ ближе эти законы.

Было уже выше сказано, что Рижскіе законы въ своей окончательной переработкѣ вступили въ дѣйствіе въ концѣ XIII ст. (см. стр. 288) и состояли изъ 11 книгъ. Въ первыхъ двухъ книгахъ опредѣлялся составъ городскаго управленія, порядокъ выборовъ, назначеніе городскаго судьи и городское судоустройство и судопроизводство. О городскомъ управленіи и фохтѣ было уже упомянуто (см. выше стр. 289). Представимъ теперь нѣкоторыя подробности о городскомъ судѣ. Бюргеръ, подъ угрозою денежной пени, немогъ

приносить жалобу на своего собюргера въ какой либо другой судъ, кромѣ городскаго, не могъ также по свѣтскому дѣлу жаловаться въ духовный судъ. Всякое самоуправство воспрещалось подъ угрозою смертной казни. Принуждать кого либо къ подачѣ жалобы запрещалось, но однакоже слухи о причиненномъ кому либо насиліи не должны были оставаться безъ судебнаго разслѣдованія. Сосѣди, не явившіеся на помощь лицу, терпящему насиліе, облагаются денежною пенею. Тяжущіяся стороны имѣютъ своихъ защитниковъ. Постановленія о судебномъ взысканіи долговъ изложены во 2-ой книгѣ. Несостоятельнаго должника, не могущаго представить поручительство за себя, сажали въ городскую тюрьму или же выдавали кредитору, чтобы онъ стерегъ его. Кредиторъ въ уплату своего долга могъ по судебному приговору забрать имущество должника, но съ женщинъ могъ взять только ихъ верхнюю одежду. У должника, не явившагося къ суду, конфискуется его имущество на уплату долга и пр.

Вся третья книга посвящена постановленіямъ о свидѣтеляхъ и свидѣтельскихъ показаніяхъ.

Четвертая, пятая, шестая и седьмая книги заключаютъ въ себѣ частное право. Въ четвертой книгѣ изложены постановленія о раздѣлѣ имуществъ, о продажѣ, покупкѣ и закладѣ ихъ; въ пятой имущественныя права лицъ, состоящихъ въ брачномъ союзѣ, ихъ дѣтей, вдовцовъ и вдовъ; въ шестой также идетъ рѣчь объ этихъ правахъ, причемъ изложены нѣкоторыя гражданскія и уголовныя постановленія по брачному союзу. Здѣсь между прочимъ постановлялось, что слуга или служанка, желающіе вступить въ бракъ, должны были оставить свою службу, разсчитавшись съ хозяиномъ. Кто выдастъ бѣжавшаго крѣностнаго человѣка, тотъ получаетъ опредѣленную награду; кто вольнаго человѣка сдѣлаетъ своимъ крѣпостнымъ, тотъ подвергается пенѣ въ 10 марокъ серебра или смертной казни. Если слуга оскорбитъ своего хозяина и за то будетъ побитъ, но безъ синяковъ и не до крови, то хозяинъ не подвергается никакой пени. Если кого застанутъ въ чужомъ домѣ при женщинѣ, тотъ долженъ на ней жениться или заплатить 10 марокъ серебра. Насилованіе наказывалось смертію. Седьмая книга трактовала объ опекѣ и завѣщаніяхъ. Совершеннолѣтіе мужскаго пола начиналось съ 18 лѣтъ отъ роду, женскаго съ 14 (по ревельскому праву съ 12). Опекунами могли быть лишь бюргера, несущіе подати. Выморочныя имущества переходятъ въ собственность города.

Слѣдующія три книги 8, 9 и 10-я содержатъ въ себѣ уголовное право. Восьмая книга трактуетъ о поддѣлкахъ, девятая о проступкахъ, десятая о грабежахъ и воровствѣ. Восьмая и въ особенности девятая книги содержатъ въ себѣ постановленія, изложенныя въ гапсальскомъ правѣ, десятая составлена, по видимому, изъ мѣстныхъ вилькирныхъ постановленій. Чрезвычайно строги наказанія за под-

дѣлки монеты, мѣръ и вѣсовъ. Если поддѣлано монеты на два эра, то поддѣлыватель подвергается пени въ марку серебра, поддѣлыватель монеты на фердингъ платилъ пять марокъ серебра или же у него отрубалась рука. Кто поддѣлалъ монеты больше чѣмъ на фердингъ, тотъ подвергался смертной казни (живаго варили въ котлѣ). Если рижскій монетный мастеръ будетъ чеканить марку съ недовѣсомъ въ 1 лотъ, то теряетъ руку, но можетъ отдѣлаться отъ отсѣченія руки вносомъ пени въ пять марокъ серебра; если недовѣсу больше 1 лота, то никакого освобожденія отъ отсѣченія руки не полагалось. Кто употребляетъ фальшивые на одинъ фунтъ вѣса, тотъ платитъ пени одну марку серебра; употребленіе фальшиваго локтя, на одинъ палецъ короче установленнаго, влекло за собою смертную казнь или пеню десять марокъ серебра. Всякая поддѣлка подъ стоимость менѣе полуфердинга наказывалась пенею въ одну марку серебра, поддѣлка подъ стоимость въ одинъ фердингъ влекла за собою отсѣченіе руки или пеню пять марокъ; поддѣлка подъ стоимость выше фердинга наказывалось смертною казнію. Строгость наказаній за поддѣлки мѣръ и вѣсовъ объясняется тѣмъ, что Рига была торговымъ городомъ, интересъ котораго былъ тѣсно связанъ съ вѣрностію мѣръ, вѣсовъ и монеты.

Наказанія за убійства назначались очень строгія. Убійцамъ отрубали головы; тайное убійство наказывалось колесованіемъ. Кто помѣшаетъ поимкѣ убійцы, тотъ платитъ пеню. Если убійство совершилось на ностояломъ дворѣ и хозяинъ присягнетъ, что не слышалъ криковъ или же не могъ задержать убійцу, то хозяинъ пени не подвергался. Избившій человѣка, который черезъ двѣ недѣли выздоровѣетъ отъ побоевъ и потомъ умретъ, не считался убійцею, а подвергался пени, положенной за проступки. Нанесшему кому либо рану острымъ оружіемъ отсѣкали руку; но съ согласія потерпѣвшаго онъ могъ отдѣлаться отъ наказанія внесеніемъ пени въ пять марокъ. Увѣчье, причиненное въ раздраженіи, пораненіе не острымъ оружіемъ и ругательства наказывались денежными пенями. Проступки, совершенные на кладбищѣ, рынкѣ, предъ судомъ или въ банѣ наказывались двойною пенею. Кто нанесетъ рану по неосторожности, тотъ платитъ половинную пеню въ пользу потерпѣвшаго, при чемъ въ пользу фохта или города ничего не полагалось, ибо отъ всѣхъ налагаемыхъ пеней установленная часть шла городскому фохту, другая часть городу и наконецъ послѣдняя лицу потерпѣвшему.

Святотатцевъ казнили смертію, какъ только стоимость покраденнаго составляла лотъ серебра. Воровъ, совершавшихъ кражу вещей стоимостью въ одинъ фердингъ, вѣшали; мелкихъ воровъ изгоняли изъ города. Кража дровъ, сѣна, съѣстныхъ припасовъ или дворовой птицы наказывалась выставленіемъ вора у позорнаго столба, но онъ могъ освободиться отъ этого внесеніемъ денежной пени. Тѣла самоубійцъ пробивали коломъ и выбрасывали въ поле.

Одиннадцатая книга рижскихъ законовъ содержала въ себѣ морское право, большею частію заимствованное изъ гамбургскаго. Кто зафрахтуетъ корабль и велитъ его разгружать до выхода въ море, тотъ платитъ половину фрахта. Корабли, вышедшіе въ море, по ночамъ обязаны были зажигать фонарь; если корабль, имѣвшій зажженный фонарь, столкнется съ кораблемъ, фонарь на которомъ зажженъ небылъ, то послѣдній никакого вознагражденія за понесенный отъ столкновенія вредъ не получаетъ. Если корабль чрезъ мѣру нагруженъ и во время бури вынужденъ будетъ выбрэсить часть груза за бортъ, то шкиперъ платитъ за выброшенный грузъ если будетъ доказано, что онъ до выхода въ море быль нагруженъ чрезъ мѣру. При кораблекрушеніи шкиперъ спасаетъ прежде пассажировъ, потомъ товары, и потомъ уже такелажъ. Кто найдетъ что либо на морскомъ берегу, тотъ о своей находкѣ долженъ заявить ближайшимъ жителямъ и за тѣмъ отдать за положенное вознагражденіе владѣльцу найденнаго, доказавшему свое право свидѣтелями. Кто найдетъ что либо въ морѣ, тотъ получаетъ въ награду четвертую часть находки; кто же скроетъ находку, тотъ признавался воромъ и несъ наказаніе какъ за воровство.

Эти рижскіе законы распространялись на малые ливонскіе города. Любекское право, дѣйствовавшее въ городахъ датской Эстоніи, имѣло очень много сходныхъ чертъ съ правомъ рижскимъ, потому что источниками тѣхъ и другихъ законовъ были одни и тѣже, это законы, дѣйствовавшіе въ германскихъ городахъ. Конечно, между законами, дѣйствовавшими въ эстонскихъ городахъ и законами, дѣйствовавшими въ городахъ ливонскихъ, были и отличія, но изложеніе ихъ уже выходитъ за предѣлы этого сочиненія, имѣющаго спеціальною и главнѣйшею цѣлію изложеніе политической исторіи Прибалтійскаго края.

V. Торговля.

Источники: **Нурдъ фонъ Шлецеръ.** Die Hansa und der deutsche Ritter-Orden in den Ostseeländern. Berlin, 1851.
Германъ Гильдебрандъ. Das Rigische Schuldbuch (1286—1352).
Наперскій. Русско-Ливонскіе акты.
И. Андреевскій. О договорѣ Новгорода съ нѣмецкими городами и Готландомъ, заключенномъ въ 1270 г. С.-Петербургъ, 1855 г.
Сборникъ грамотъ, касающихся отношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и ганзейскими городами въ XIII и XIV ст. Грамоты эти были найдены Наперскимъ въ архивѣ рижскаго магистрата и изданы въ 1857 г. С.-Петербургскою археографическою коммиссіею.

Мы видѣли, что выгоды, получаемыя отъ торговли съ Русью, побудили сѣверо-германскихъ купцовъ искать удобной гавани на ли-

вонскомъ побережьи, гдѣ бы можно было учредить постоянные склады товаровъ и конторы для прямыхъ торговыхъ сношеній съ русскими, минуя всякое посредничество купцовъ острова Готланда. Такіе склады и конторы появились первоначально въ ливонскомъ поселкѣ Икскулѣ, верстахъ въ 40 отъ устья Двины. Мы видѣли также, что именно побудило епископа Альберта I основать укрѣпленный городъ поближе къ морю и видѣли, что этотъ городъ, получившій названіе Риги, съ первыхъ же годовъ своего основанія явился торговымъ городомъ по преимуществу. Сюда начали прибывать торговые суда изъ Полоцкой Руси, отсюда пошли заграничные товары сухопутьемъ чрезъ ливскія и латышскія земли въ Псковъ и далѣе въ Новгородъ. Городъ росъ и богатѣлъ, и торговля его постепенно расширялась, такъ что Рига лѣтъ чрезъ 50 послѣ своего основанія занимаетъ уже видное мѣсто въ ряду другихъ сѣверо-германскихъ приморскихъ городовъ, начавшихъ возвышаться съ того времени какъ нодупали города Шлезвигъ, Юлинъ и Сигтуна (см. томъ I, 46). Изъ такихъ сѣверо-германскихъ городовъ, по отношенію къ Ливоніи, со второй же половины XIII ст. важнѣйшимъ является *Любекъ*. Любекскіе городскіе законы вводятся въ Ревелѣ; Рига во всѣхъ важныхъ случаяхъ обращается за посредничествомъ и помощію въ Любекъ, который въ свою очередь занялъ первенствующее мѣсто въ ряду торговыхъ городовъ, вошедшихъ въ составъ знаменитаго въ средніе вѣка торговаго союза, извѣстнаго подъ именемъ *ганзы*. Любекъ и ганза играли въ описываемый періодъ времени и долгое время послѣ столь важную роль въ торговыхъ сношеніяхъ Ливоніи, Полоцкой и Новгородской Руси съ заграницею, что объ этомъ городѣ и ганзейскомъ союзѣ необходимо сказать прежде, чѣмъ излагать подробности о ливонской торговлѣ со времени соединенія орденовъ до средины XIV ст.

Городъ Любекъ основанъ на его нынѣшнемъ мѣстѣ въ 1158 г. герцогомъ Генрихомъ Львомъ, мѣстѣ весьма выгодномъ для торговли. Герцогъ, по основаніи новаго города, разослалъ пословъ въ сѣверныя страны — Данію, Швецію, Норвегію и Новгородскую Русь съ извѣщеніемъ объ открытіи новой гавани въ устьѣ рѣки Травы и съ приглашеніемъ купечества этихъ странъ являться для торга въ новый городъ. Лѣтъ чрезъ пять ольденбургскій епископъ иерепесъ свою каѳедру изъ Ольденбурга въ Любекъ, и около этого же времени герцогъ Левъ предоставилъ этому городу самоуправленіе и тѣ городскіе законы, въ силу которыхъ городская коллегія — магистратъ явился руководителемъ всѣхъ городскихъ дѣлъ (судебная часть осталась, однако, въ рукахъ герцогскаго фохта). Выгодное приморское положеніе, покровительство, оказываемое герцогомъ Львомъ торговлѣ новаго города, права и преимущества, дарованныя куицамъ и горожанамъ, привлекли въ Любекъ много поселенцевъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ къ лю-

бекскому порту начали прибывать купеческіе корабли изъ сѣверныхъ странъ. Герцогъ Генрихъ, располагавшій судьбами всей сѣверной Германіи, не удержался на высотѣ своей власти и могущества: онъ вступилъ съ 1176 г. въ борьбу съ императоромъ Фридрихомъ, теріѣлъ пораженіе за пораженіемъ и кончилъ свои тревожные дни въ 1195 г. Герцогскій Любекъ явился имперскимъ городомъ. Въ 1200 г. Любекъ подпалъ власти короля датскаго Вальдемара II, того самаго, который чуть было не явился властителемъ всей Ливоніи (см. томъ I, 217) и сдѣлался бы непремѣнно, если бы въ ночь на 7 мая 1223 г. (см. томъ I, 229) не былъ захваченъ въ плѣнъ графомъ Шверинскимъ. Событіе это было сигналомъ для низверженія датскаго господства въ земляхъ сѣверной Германіи. Любчане возстали противъ датчанъ, вытѣснили датскій гарнизонъ изъ своего города, который такимъ образомъ явился снова имперскимъ городомъ. Любекскіе бюргеры, тотчасъ по освобожденіи, отправили къ императору Фридриху II, находившемуся въ это время въ Италіи, пословъ съ просьбою принять Любекъ подъ императорскую защиту и подтвердить всѣ права и преимущества, дарованныя городу прежними властителями и императоромъ Фридрихомъ I. Просьба была не только уважена, но императоръ Фридрихъ грамотою, состоявшеюся въ іюнѣ 1226 г., возвелъ Любекъ на степень *вольнаго имперскаго города*. Король Вальдемаръ II, по освобожденіи изъ плѣна, рѣшился возвратить Даніи ея бывшія владѣнія въ сѣверной Германіи, въ томъ числѣ и Любекъ, но 22 іюля 1227 г. былъ разбитъ на голову подъ Борнгсведомъ и долженъ былъ отказаться отъ всѣхъ своихъ плановъ (въ томъ же 1227 г. меченосцы овладѣли Ревелемъ и вытѣснили датчанъ изъ Эстоніи).

Съ этого именно времени Любекъ начинаетъ развивать свою торговую дѣятельность въ весьма большихъ размѣрахъ. Въ 1231 г. любекскіе купцы въ Ригѣ учредили свой собственный гостинный дворъ (Kaufhof), въ 1237 г. любчане основали портъ въ Эльбингѣ, и скоро вошли въ связи и торговыя сношенія съ прусскою орденскою братіею, съ князьями рюгенскими, мекленбургскими, поморскими, вездѣ получая разныя торговыя выгоды, въ видѣ освобожденія отъ пошлинъ и сборовъ, обезпеченія торговыхъ путей и пр. Въ Англіи, Голландіи и Даніи любчане получили разныя льготы. Ихъ торговля, ихъ городъ процвѣтали, а городскія учрежденія и законы до того славились своимъ совершенствомъ, что къ 1248 г. любекское право было принято въ городахъ Килѣ, Ростокѣ, Гадебушѣ, Вольгастѣ, Анкламѣ, Стральзундѣ, Эльбингѣ и Ревелѣ; любекскій оберъ-гофъ (высшій судъ) пріобрѣлъ авторитетъ при рѣшеніи запутанныхъ тяжебныхъ дѣлъ, а скоро къ названнымъ городамъ, въ которыхъ дѣйствовало любекское право, примкнули города Мемель, Висмаръ, Кольбергъ, Бартъ, Кеслинъ, Диршау и Гданскъ. Такъ полагалось начало торговому союзу сѣверо-германскихъ городовъ, во главѣ которыхъ сталъ Любекъ, союзу,

незамедлившему пріобрѣсти важное политическое значеніе. Устья важнѣйшихъ рѣкъ, впадающихъ въ Балтійское море — Траве, Одера, Вислы, Нѣмана и Двины — сдѣлались торговыми гаванями, пристанями для кораблей, развозившихъ товары по Балтійскому морю.

Къ концу XII ст., когда католичество только что появилось у ливовъ, городъ Висби на островѣ Готландѣ былъ центральнымъ пунктомъ всей торговли сѣверныхъ странъ. Сюда свозились товары изъ западно-европейскихъ странъ, сюда же прибывали и русскіе товары изъ Новгорода, Смоленска и Полоцка (см. томъ I, 49). Бойкая торговля привлекла на жительство въ Висби многихъ нѣмецкихъ купцовъ, число которыхъ къ срединѣ XIII ст. до того увеличилось, что они начали принимать участіе въ городскомъ управленіи. Въ 1263 г. любекскіе купцы имѣли уже въ висбійскомъ магистратѣ свое представительство, такъ называемую *скамью*, и торговля нѣмецкихъ купцовъ съ Новгородомъ приняла значительно обширные размѣры.

Сношенія Новгорода съ нѣмецкими купцами начались съ XI в., со временъ Ярослава I; въ XII ст., а быть можетъ и гораздо ранѣе, въ Новгородѣ были два иноземные купеческіе двора: готскій и нѣмецкій, и каждый дворъ имѣлъ свою церковь — готскій во имя св. Олафа и нѣмецкій во имя св. Петра. Нѣтъ сомнѣнія, что иноземные гостинные дворы въ Новгородѣ первоначально были незначительны, но со времени возвышенія Любека дворы расширялись и торговля принимала большіе и большіе размѣры. Нѣмецкимъ куицамъ съ давняго времени въ Новгородѣ было предоставлено право отправленія торга и собственнаго управленія на основаніи законовъ, постановлявшихся на общихъ съѣздахъ нѣмецкихъ купцовъ въ Любекѣ и изложенныхъ въ такъ называемыхъ *скрахъ* (шрагъ, уставъ). Когда торговля была незначительна и число нѣмецкаго купечества невелико, не требовалось никакого договора, который бы обезпечивалъ эту торговлю, но съ XIII ст., когда число нѣмецкихъ купцовъ увеличилось весьма значительно, пришлось яснѣе и точнѣе опредѣлить отношенія нѣмецкаго купечества къ Новгороду, обезопасить торговые пути, установить правила для торговыхъ сдѣлокъ. Вслѣдствіе этого въ 1270 г. и состоялся торговый договоръ между Новгородомъ и нѣмецкими городами слѣдующаго содержанія: *)

---

*) Рукопись договора 1270 г. на нижне-нѣмецкомъ языкѣ хранится въ Любекскомъ архивѣ и напечатанъ въ сочиненіи Сарторіуса „Urkundliche Geschichte des Ursprunges der Deutschen Hanse“ и въ „Codex juris diplomaticus Lubecensis“. Полный переводъ этого договора на русскій языкъ сдѣланъ профессоромъ Андреевскимъ и помѣщенъ въ его изслѣдованіи объ этомъ договорѣ, изданномъ въ 1855 г. Здѣсь и представленъ именно этотъ переводъ.

Но еще ранѣе 1270 г. нѣмецкіе города предложили новгородцамъ договорныя условія, сохранившіяся въ Любекскомъ архивѣ и напечатанныя у Сарторіуса и въ др. изданіяхъ. Объ этихъ условіяхъ существуютъ два противоположныя мнѣнія: одни писатели (Сарторіусъ, Каль, Шлецеръ, Карамзинъ) признаютъ ихъ лишь за проектъ трактата; другіе (Лербергъ, Славянскій) за подлинный договоръ. Относительно времени, когда онъ состоялся, мнѣнія также различны. Кругъ относитъ его къ 1231 г., Сарторіусъ ко времени не ранѣе 1229 г. и не позднѣе 1293 г.; Славянскій относитъ этотъ документъ къ 1229 г.; Ризенкампфъ къ 1231 г.

Профессоръ Андреевскій въ изслѣдованіи своемъ о договорѣ 1270 г. признаетъ, что договорныя условія составляютъ лишь проектъ договора и находитъ, что указанія

Введеніе. Я, князь Ярославъ, князя Ярослава сынъ, съ посадникомъ Павломъ, съ тысячскимъ — господиномъ Ратиборомъ, со старѣйшинами и со всѣми Новгородцами и съ Нѣмецкимъ посломъ Генрихомъ Вулленпундъ изъ Любека, съ Лудольфомъ Добрике и съ Яковомъ Куринге — Готландцами, разсмотрѣли и утвердили миръ и подписали нашу правду, согласно съ вашими письмами, для васъ, Нѣмецкихъ сыновъ и Готландцевъ и всѣхъ Латинскихъ языковъ.

I. (Подписали) Старый миръ о пути по Невѣ, между Кетлингеномъ отъ Готланда и опять отъ Новгорода до Кетлингена (островъ Котлинъ, гдѣ нынѣ Кронштатъ), такъ, что если гостю тамъ что либо приключится, то за это должны отвѣтствовать лѣтнему гостю князь съ Новгородцами, а гости зимніе должны пріѣзжать съ порукою князя, посадника и всѣхъ Новгородцевъ, согласно съ прежнимъ миромъ, безъ всякихъ препятствій, и должны брать, согласно съ прежнимъ миромъ, Новгородскаго пристава и Новгородскихъ купцовъ; а если они Новгородскаго пристава не возьмутъ, и имъ что либо приключится между Новымъ городомъ и Кетлингеномъ, то князю и Новгородцамъ до того дѣла нѣтъ; еслиже Новгородцы пристава не вышлютъ, и ихъ купцы не выѣдутъ, и Нѣмцы отправятся безъ пристава, то должны ѣхать безпрепятственно къ Кетлингену, согласно съ прежнимъ миромъ. Если какой нибудь Нѣмецъ или Готландецъ для торговыхъ дѣлъ отправится въ Карелію, и ему тамъ что либо приключится, то Новгородцамъ до того дѣла нѣтъ. Еслиже Новгородцы по своей волѣ не захотятъ обратно съ кораблями ѣхать, то должны за каждый поѣздъ платить половину марки серебра.

II. Когда гость прибудетъ въ Неву и будетъ имѣть нужду въ деревѣ или мачтѣ, то имѣетъ право рубить таковыя по обоимъ берегамъ воды, гдѣ хочетъ.

III. Если будетъ (пойманъ) воръ между Кетлингеномъ и Альдагеномъ (Ладогою), то его должно везти въ Альдагенъ, а тамъ должно судить его по его *пошлинѣ* (закону); а если воръ будетъ пойманъ между Альдагеномъ и Новымъ городомъ, то его должно судить въ Новѣгородѣ по его *пошлинѣ* (закону).

IV. Когда Нѣмцы и Готландцы придутъ въ Волховъ къ порогу, то должны требовать пороговыхъ лоцмановъ безотлагательно, и принимать добрыхъ людей на свои корабли и брать изъ нихъ столько, сколько брали издавна, но не болѣе.

V. И когда такимъ образомъ гость пріѣдетъ вверхъ, въ Гестевельдъ (это Гостиннопольская пристань на правомъ берегу Волхова, на 34 верстѣ отъ Ладожскаго озера), то долженъ платить (пошлинъ) столько, сколько платилось издавна, но не болѣе.

VI. И лоцманъ, нанятый на проѣздъ по Невѣ внизъ и опять вверхъ, долженъ на харчъ получить пять марокъ кунъ, или одинъ окорокъ; а если онъ нанятъ отъ Новгорода до Альдагена и назадъ, то на харчъ (долженъ получить) три марки кунъ или полъ окорока.

VII. Если разобьется барка, отправившаяся за товарами, или нагруженная ими, то за барку не должно платить, а за наемъ барки должно заплатить.

времени, когда предложенъ былъ этотъ договоръ, чрезвычайно произвольными. „Лѣтописи, говоритъ онъ, не представляютъ намъ касательно сего почти никакихъ данныхъ. Съ достовѣрностію можно сказать только, что сей договоръ предложенъ былъ послѣ 1209 г., такъ какъ только до этого времени Константинъ (упоминаемый въ договорѣ) былъ княземъ въ Новгородѣ, и ранѣе 1270 г., ибо въ семъ году былъ заключенъ дѣйствительный договоръ съ нѣмецкими городами".

VIII. Если напротивъ вышеупомянутые лоцманы на проѣздѣ, вверхъ и внизъ, съ гостями поссорятся, и дорогою же примирятся, то на этомъ должно стоять; еслиже дорогою примириться не успѣютъ, то должны явиться къ судебному сего дѣла разбирательству передъ тысячскимъ и Новгородцами во дворъ св. Іоанна.

IX. Извозчики въ Новгородѣ должны получать съ каждой, отъ берега въ Новгородъ приводимой барки — ко двору Нѣмецкому 15 кунъ, ко двору Готландскому — 10 кунъ; а съ отходящихъ — до полумарки кунъ съ каждой барки.

X. Если Новгородецъ сдѣлаетъ долгъ въ Готландіи, то его (за оный) нельзя посадить въ погребъ (тюрьму). Равнымъ образомъ не должно дѣлать сего въ Новгородѣ Нѣмцамъ или Готландцамъ; также нельзя посылать къ нимъ бирича, ни брать ихъ за одежду, но съ каждой стороны должно требовать пристава тысячскаго.

XI. Если возникнетъ между Нѣмцами и Новгородцами ссора, то она должна быть покончена во дворѣ св. Іоанна, при посадникѣ, тысячскомъ и при купцахъ.

XII. Если кто нибудь прндетъ въ Нѣмецкій дворъ съ обнаженнымъ оружіемъ и тамъ кого либо ранитъ, съ намѣреніемъ похитить товаръ, или въ Готландскій дворъ, и будетъ схваченъ, то его предать суду и судить по пошлинѣ.

XIII. Кто сломаетъ ворота или ограду, того должно судить по пошлинѣ, а если ограда съ давнихъ поръ стояла около двора, то гдѣ выломана старая ограда, тамъ должно поставить новую, и ничего болѣе за это не взыскивать.

XIV. Луга, которыми Нѣмцы или Готландцы владѣютъ, должны имъ принадлежать въ собственность, тамъ, гдѣ они ихъ объявятъ.

XV. Если возникнетъ ссора во время лѣтняго цоѣзда, то зимнему поѣзду до нея дѣла нѣтъ; въ случаѣ ссоры въ зимнемъ поѣздѣ, лѣтнему поѣзду до нея дѣла нѣтъ.

XVI. Въ случаѣ, если бы лѣтніе и зимніе гости имѣли въ чемъ либо раздѣлаться судомъ, то они должны это покончить предъ тысячскимъ, старшинами и Новгородцами и должны безъ препятствій ѣхать своею дорогою. Гдѣ потому ссора возникнетъ, тамъ должно ее покончить.

XVII. Если возникнетъ споръ изъ-за ареста имущества, то въ первый годъ должно объявить объ этомъ, но товары не должны быть арестованы; также и на второй годъ; но если споръ не рѣшится и на третій годъ, то должно взять товаръ и подвергнуть аресту.

XVIII. Въ случаѣ вражды (войны) между Новгородцами и странами окрестными, гость долженъ безпрепятственно ѣздить водою и сухимъ путемъ, такъ далеко, какъ простирается господство Новгородцевъ. Такъ, приходящій въ Неву долженъ итти далѣе по Невѣ; приходящій сухимъ путемъ долженъ безпрепятственно этимъ путемъ ѣхать далѣе.

XIX. Въ случаѣ, тогда двое, именно Нѣмецъ и Новгородецъ, должны представить свидѣтелей, и оба представятъ въ свидѣтели одно и тоже лицо, то таковому должно вѣрить. Но, если поссорятся и не представятъ одного и того же свидѣтеля, то они должны бросить жребій, и чей жребій выпадетъ, на сторонѣ его свидѣтеля и право.

XX. Кто, вступивъ съ Нѣмцемъ или Готландцемъ въ торговыя дѣла, испортитъ или растратитъ его товаръ, долженъ прежде всего удовлетворить гостей, а потомъ другихъ, коимъ долженъ.

XXI. Если жена поручится за мужа, то должна вмѣстѣ съ нимъ отвѣчать за долгъ своимъ лицомъ, если заплатить не въ состояніи. Если же жена не поручилась за мужа, то за долгъ его не отвѣтствуетъ.

XXII. Если Новгородскій посолъ будетъ убитъ за моремъ, то за него должно заплатить двадцать марокъ серебра; такъ и за Нѣмецкаго посла въ Новѣгородѣ и его области платится столько же.

XXIII. Сіе сказанное возмездіе должно производить и за священника и за ольдермана каждому двору — двадцать марокъ серебра, а за купца — десять марокъ серебра.

XXIV. Кто ранитъ человѣка острымъ оружіемъ, или копьемъ, тотъ долженъ заплатить ему полторы марки серебра.

XXV. Если одинъ ударитъ другаго въ ухо, или по шеѣ, то долженъ ему заплатить три фердинга.

XXVI. Вѣсы и гири для серебра и для другаго товара, который на вѣсахъ вѣсится, должно держать ровно и правильно. Капь должна заключать въ себѣ вѣсу 8 ливонскихъ фунтовъ.

Этотъ договоръ, хотя не въ прямыхъ выраженіяхъ, но подтвердилъ нѣмецкимъ купцамъ право руководствоваться въ дѣлахъ дворовыхъ законами скры съ предоставленіемъ правъ въ Новгородѣ гражданамъ не однаго какого либо города, но всѣмъ нѣмецкимъ, всѣмъ латинскимъ языкамъ; за тѣмъ ясно и точно опредѣлилъ образъ дѣйствій при торговыхъ и другихъ сношеніяхъ нѣмецкихъ купцовъ съ новгородцами.

Особенную силу и прочность торговому союзу сѣверо-германскихъ городовъ придала борьба ихъ съ Норвегіею, возникшая въ 1283 г. изъ за гавани норвежскаго города Бергена. Съ давняго времени сюда приставали купеческіе корабли разныхъ народовъ; англійскіе купцы привозили сюда хлѣбъ, купцы сѣверо-германскихъ народовъ доставляли сюда вино и пиво, получая въ обмѣнъ мѣха и сушеную рыбу. Въ 1271 г. король Магнусъ норвежскій предоставилъ нѣмецкимъ купцамъ право привозить въ Бергенъ и вывозить отсюда въ лѣтнее время, съ 3 мая по 14 сентября, всѣ товары безъ взиманія пошлинъ. Вслѣдъ за тѣмъ король дозволилъ нѣмецкимъ купцамъ зимовать въ Бергенѣ, вслѣдствіе каковаго дозволенія нѣмецкіе купцы и завели въ этомъ городѣ свои дома и конторы. Король Магнусъ умеръ въ 1280 г., а его сынъ и преемникъ, Эрихъ, ни мало не слѣдовалъ политикѣ своего отца. Онъ началъ нападать на купеческіе корабли, затѣмъ воспретилъ достунъ сѣверо-германскимъ купцамъ въ гавани своего королевства и тѣмъ, конечно, убилъ всю торговлю сѣверо-германскихъ городовъ съ Норвегіею. Тогда сѣверо-германскіе города въ 1283 г. на общемъ съѣздѣ своихъ представителей въ Ростокѣ рѣшились составить между собою вооруженный союзъ, снарядить корабли и силою заставить короля Эриха къ возстановленію торговыхъ сношеній съ Норвегіею. Въ 1284 г. города въ союзѣ съ Даніею открыли военныя дѣйствія и союзные флоты пресѣкли всякіе подвозы въ Норвегію хлѣба и пива. Въ Норвегіи вслѣдствіе прекращенія подвоза хлѣба возникъ голодъ столь сильный, что королю Эриху ничего не оставалось какъ согласиться на требованія сѣверо-германскихъ городовъ. 13 марта 1285 г. въ Бер-

генѣ онъ написалъ грамоту въ союзные города — Любекъ, Гамбургъ, Висмаръ, Ростокъ, Бременъ, Стральзундъ, Грейфсвальдъ, Штетинъ, Демминъ, Анкламъ, Эльбингъ, Висби, *Ригу* и *Ревель**), — въ которой обязался охранять въ своихъ земляхъ торговлю купечества названныхъ городовъ съ условіемъ, чтобы и норвежское купечество пользовалось въ этихъ городахъ такою же охраною.

Часть союзныхъ городовъ удовольствовалась этою грамотою, но пять вендскихъ (славянскихъ) городовъ — Любекъ, Висмаръ, Ростокъ, Стральзундъ и Грейфсвальдъ, составившихъ между собою тѣсный союзъ, не удовлетворились грамотою, а совмѣстно съ городами Висби и Ригою, потребовали, чтобы король Эрихъ возвратилъ конфискованные во время войны товары и суда сѣверо-германскихъ городовъ и вознаградилъ убытки, причиненные войною купечеству этихъ городовъ. Требованія были столь настойчивы, что король Эрихъ согласился все дѣло передать на третейскій судъ королю Магнусу шведскому. Переговоры начались осенью 1285 г. въ Кальмарѣ, куда прибыли король Магнусъ, послы отъ городовъ и два депутата отъ короля Эриха. Конференціи продолжались 3—4 недѣли, и наконецъ 31 октября король Магнусъ далъ свое рѣшеніе спору: король Эрихъ долженъ возвратить все конфискованное, уплатить городамъ 6000 марокъ въ возмѣщеніе ихъ военныхъ убытковъ, утвердить всѣ права и преимущества, какія имѣли нѣмецкіе купцы въ Бергенѣ и предоставить этимъ купцамъ во всѣхъ норвежскихъ гаваняхъ разныя льготы. Этотъ Кальмарскій договоръ имѣлъ важное политическое значеніе уже въ томъ смыслѣ, что купцы сѣверо-германскихъ городовъ въ немъ признаются и считаются членами одного и того же союза. Сомнительно, чтобы этотъ союзъ началъ называться съ этого только времени *ганзою*, ибо союзы западно-германскихъ городовъ въ Фландріи и Лондонѣ назывались этимъ именемъ гораздо ранѣе 1285 г., наименованіе же ганзы союзу сѣверо-германскихъ городовъ сѣверные государства начали офиціально придавать только съ половины XIV ст., какъ то значится въ современныхъ документахъ.

Норвежская война 1284 г., вызвавшая впервые вооруженное, соединеніе приморскихъ Балтійскихъ городовъ и кончившаяся такимъ успѣхомъ для нихъ, указала какихъ важныхъ результатовъ можетъ достигнуть торговля при хорошо организованномъ союзѣ городовъ. Пять вендскихъ городовъ — Любекъ, Висмаръ, Ростокъ, Грейфсвальдъ и Стральзундъ — еще до войны находившіеся между собою въ болѣе тѣсномъ союзѣ, чѣмъ съ прочими приморскими городами, послѣ войны еще болѣе сблизились между собою и чрезъ нѣсколько десятилѣтій привлекли къ союзу съ собою всѣ приморскіе Балтійскіе города отъ

*) Изъ этой грамоты видно, что Рига и Ревель въ 1285 г. принадлежали уже къ союзу сѣверо-германскихъ городовъ, во главѣ котораго былъ Любекъ.

Бриля до Ревеля и очень много городовъ, находившихся въ Германіи вдали отъ моря. Къ половинѣ XIV ст. въ союзѣ учавствовало 58 городовъ, а въ 1364 г. число союзныхъ городовъ возросло до 77. Весь союзъ раздѣлялся на три части (трети): вендскую, вестфальско-прусскую и готландскую. Къ вендской трети, кромѣ вышеназванныхъ пяти городовъ, принадлежали города Помераніи и Мархіи; города Вестфаліи и Нидерландовъ съ Кельномъ во главѣ и прусскими городами составили вестфальско-прусскую треть союза; готландская треть состояла изъ городовъ Висби, Риги, Ревеля, Дерпта и Пернова. Главное руководство всѣми дѣлами союза сосредоточивалось въ Любекѣ какъ вольномъ имперскомъ городѣ, безспорно превосходившемъ всѣ прочіе города какъ своимъ богатствомъ, такъ и силою. Для обсужденія дѣлъ, касавшихся всего союза, Любекъ по преимуществу созывалъ общіе съѣзды (Tagefahrt) представителей всѣхъ городовъ. Такіе съѣзды обыкновенно происходили въ Любекѣ, но бывали и въ другихъ вендскихъ городахъ; представителями же городовъ на съѣздахъ бывали почти исключительно члены отъ ихъ магистратовъ.

Въ 1343 г. союзъ нѣмецкихъ городовъ впервые былъ названъ иноземнымъ государемъ именемъ *ганзы* (слово „ганза“, по объясненію Якова Гримма, есть старинное германское, означающее банду или общество). Король Магнусъ норвежскій употребилъ это названіе для означенія всѣхъ городовъ, коимъ онъ въ то время предоставилъ новыя торговыя льготы въ Шоніи. Прочіе государи послѣдовали этому примѣру и съ тѣхъ поръ союзъ городовъ, ганза, началъ признаваться самостоятельною политическою единицею, государственною корпораціею.

Главною цѣлію ганзейскаго союза было обезпеченіе торговли взаимною поддержкою, исходатайствованіе по возможности исключительно для себя торговыхъ привиллегій и наконецъ устраненіе внутреннихъ споровъ въ городахъ посредствомъ третейскихъ приговоровъ, исполнять которые города обязывались подъ страхомъ исключенія изъ союза. Для достиженія этихъ цѣлей города, сообразно своихъ средствъ, доставляли союзу корабли съ вооруженнымъ экипажемъ и вносили опредѣленный сборъ со всѣхъ ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ. Города, вступая въ союзъ, ни мало не теряли своей самостоятельности и не связывали себя никакими договорами съ союзомъ. Города могли посылать и не посылать своихъ представителей на общіе съѣзды, но если и посылали, то постановленія съѣзда только тогда могли получить силу въ союзномъ городѣ, когда были одобрены его магистратомъ. Впрочемъ, въ теченіе XV ст. состоялись нѣкоторыя распоряженія, въ силу которыхъ союзные города должны были обязательно присылать своихъ представителей на общіе съѣзды. Ганза никогда не имѣла никакого наружнаго знака или символа единства своего союза, ни своей печати, ни герба. Каждый городъ къ постановленію съѣзда привѣшивалъ свою печать и каждый городъ чеканилъ у себя монету

подъ своимъ гербомъ. Купеческіе корабли каждаго города имѣли свои флаги. Вымпелъ любекскихъ кораблей былъ красный съ бѣлымъ, гамбургскихъ красный, рижскихъ черный съ бѣлымъ крестомъ. Военные ганзейскіе корабли (когги) тоже не имѣли никакого общаго флага. Въ средніе вѣка вообще флагу не приписывали такого значенія, какое оно имѣетъ у народовъ въ наши дни.

Надобно отдать справедливость ганзейскому союзу: онъ отличался дѣятельнымъ и предпріимчивымъ духомъ. Изъ Англіи ганзейцы выписывали шерсть, выдѣлывали у себя въ городахъ изъ него сукна и развозили ихъ по свѣту; изъ Новгорода получали невыдѣланные кожи и мѣха, обрабатывали ихъ и въ обработанномъ видѣ продавали на рынкахъ; изъ Швеціи получали металлы, выдѣлывали изъ нихъ оружіе и всякаго рода инструменты и развозили ихъ по сѣвернымъ странамъ. Нѣкоторые города пріобрѣли себѣ извѣстность отдѣльными отраслями промышленности. Такъ любекское пиво славилось по всѣмъ сѣвернымъ странамъ; вестфальское полотно, мархійскія и торнскія сукна пользовались хорошею репутаціею, хотя и не могли соперничать съ фландрскими. Въ искуствѣ солить и упаковывать сельди никто не могъ сравниться съ ганзейцами.

Расширивъ торговлю, увеличивъ торговый и военный флотъ, ганзейскій союзъ сдѣлался къ срединѣ XIV ст. властелиномъ всей торговли на Балтійскомъ морѣ.

Чтобы судить какими силами располагалъ къ этому времени ганзейскій союзъ, разскажемъ нѣсколько подробностей о войнѣ союза съ королемъ датскимъ Вальдемаромъ IV, тѣмъ самымъ, который продалъ Эстонію въ 1346 г. тевтонскому ордену. Въ 1360 г. онъ, говоритъ любекскій лѣтописецъ, францисканскій каноникъ Детмаръ, собралъ многочисленное войско, говоря, что „поведетъ его въ такую страну, гдѣ много золота и серебра, гдѣ даже свиньи ѣдятъ изъ серебряныхъ корытъ“. Такая богатая страна былъ островъ Готландъ и его главный городъ Висби. Король безъ большаго труда овладѣлъ островомъ и въ 1361 г. ограбилъ Висби до чиста: огромная добыча золотомъ, мѣхами, серебряными сосудами изъ церквей и монастырей досталась побѣдителю. Сѣверо-германскіе купцы при этомъ разгромѣ Висби понесли огромныя потери деньгами, товарами и всякимъ имуществомъ. Любекъ, фактически стоявшій во главѣ ганзейскаго союза, тотчасъ же по полученіи вѣсти о судьбѣ богатѣйшаго и важнѣйшаго города въ союзѣ, разослалъ гонцовъ во всѣ союзные города съ предложеніемъ выслать представителей на съѣздъ въ Грейфсвальдъ и прекратить всякія торговыя сношенія съ Даніею. За тѣмъ союзъ вошелъ въ переговоры съ королями Магнусомъ шведскимъ и Гакономъ норвежскимъ о совмѣстномъ дѣйствіи противъ Даніи. Названные короли прибыли лично въ Грейфсвальдъ и 8 августа 1361 г. заключили съ вендскими города — Любекомъ, Гамбургомъ, Анкламомъ, Штетиномъ, Кольбергомъ, Бременомъ и Килемъ — наступательный союзъ противъ Вальдемара IV. Короли обязались выставить войско силою въ 2000 человѣкъ, а города снарядить флотъ изъ 27 военныхъ кораблей (коггъ) и 26 шникъ съ 2740 чел. экипажа, съ надле-

жащимъ количествомъ стѣнобитныхъ и метательныхъ машинъ (Любекъ обязался поставить отъ себя 6 коггъ, 6 шникъ съ 600 чел. экипажа, одну стѣнобитную и одну метательную машины, Гамбургъ 2 когги, Бременъ одну и пр.). Для покрытія расходовъ всѣ города должны были вносить сборъ съ вывозимыхъ отъ нихъ товаровъ, такъ называемую фунтовую пошлину (Pfundzoll), до Михайлова дня 1362 г.

Въ маѣ 1362 г. ганзейскій флотъ двинулся въ Зундъ. Любекскую эскадру повелъ любекскій бургомистръ Іоаннъ Виттенбергъ, командованіе же всѣмъ флотомъ было ввѣрено графу Генриху Голштинскому, за военное искуство и неустрашимость прозванному Желѣзнымъ. Нападающіе вторглись въ Зеландію, прогнали датскій флотъ, ограбили Копенгагенъ, поснимали колокола съ церквей и отправили ихъ вмѣстѣ съ большею добычею въ Любекъ. Отсюда ганзейцы направились въ Шонію, гдѣ по договору должно было собраться шведско-норвежское вспомогательное войско, но оно не явилось. Тогда ганзейцы приступили къ осадѣ Гельсингборга, при чемъ бургомистръ Виттенбергъ имѣлъ неосторожность высадить съ кораблей большую часть людей на берегъ для участія въ осадѣ. Король Вальдемаръ воспользовался этимъ, внезапно напалъ на ганзейскій флотъ, овладѣлъ 6—12 лучшими коггами, на которыхъ находился провіантъ и оружіе, и увелъ ихъ въ свое королевство. Ганзейцамъ теперь ничего не оставалось дѣлать какъ снять осаду Гельсинборга и на остаткахъ флота возвратиться въ Любекъ. Виттенберга казнили, а съ Вальдемаромъ заключили перемиріе до 1364 г., впослѣдствіи продолженное до 1368 г. По условіямъ неремирія, торговое судоходство возстановлялось на прежнихъ основаніяхъ, но о вознагражденіи за потерю Готланда не было и рѣчи. Неудачный походѣ 1362 г. причинилъ ганзейцамъ большіе убытки: одинъ Любекъ заплатилъ датчанамъ за выкупъ своихъ плѣнныхъ 40000 марокъ, да израсходовалъ на снаряженіе флота 38000 марокъ. Король Вальдемаръ, не смотря на перемиріе, не переставалъ враждовать съ нѣмцами и въ 1367 г., вопреки перемирія и прежнихъ договоровъ, наложилъ на нѣмецкихъ купцовъ, торговавшихъ въ Шоніи*), новыя подати, ограбилъ ганзейскіе корабли въ Зундѣ и Бельтѣ и когда ганзейскіе послы явились къ нему за объясненіями его непріязненныхъ дѣйствій, онъ не только не далъ никакихъ объясненій, но и выругалъ ихъ**).

Новая война являлась неизбѣжною. Въ Кельнѣ состоялся съѣздъ представителей 12 городовъ и тутъ было рѣшено поднять на войну весь ганзейскій союзъ. Вендскіе и ливонскіе города должны были выставить 10 коггъ, 10 шкунъ и 10 шниковъ, съ 100 чел. экипажа на каждой коггѣ. Шесть прусскихъ городовъ — Кульмъ, Торнъ, Гданскъ, Эльбингъ, Браунсбергъ и Кенигсбергъ — обязаны были снарядить пять коггъ; прочіе города должны были снарядить кто по одной, кто по двѣ когги. На каждой коггѣ должно находиться ио 20 добрыхъ стрѣлковъ съ самострѣлами. На покрытіе военныхъ издержекъ наложенъ сборъ съ вывозимыхъ товаровъ. Для дальнѣйшихъ обсужденій похода состоялся 8 декабря 1367 г. съѣздъ въ Любекѣ, а потомъ 1 января 1368 г. въ Ростокѣ Ганзейцы, не приступая къ войнѣ, послали къ Вальдемару предложеніе, что они помирятся съ

---

*) Шонія (южная часть Швеціи) въ тѣ времена принадлежала датчанамъ. У шонійскихъ береговъ происходилъ важнѣйшій ловъ сельдей, составлявшихъ важнѣйшую статью торга ганзейскихъ купцовъ. Сельдяной торгъ обогощалъ купцовъ, потому они и дорожили шонійскими берегами и льготами, какими пользовались здѣсь.

**) „Семьдесятъ семь ганзейскихъ городовъ (Hänsen) для меня все равно, что семьдесятъ семь гусей (Gänsen)“ выражался король, играя словами Hansa и Gans.

нимъ, если онъ къ 2 февраля заплотитъ 200000 марокъ чистаго серебра за убытки, причиненные купцамъ. Король, конечно, отказалъ въ подобномъ требованіи, да и откуда бы онъ могъ взять такую для того времени большую сумму денегъ.

Ганзейцы преклонили на свою сторону ютландскихъ, голштейнскихъ и мекленбургскихъ дворянъ. О союзѣ съ Норвегіею не могло уже быть и рѣчи: король Гаконъ норвежскій вступилъ въ бракъ съ дочерью Вальдемара, Маргаритою, столь знаменитою впослѣдствіи, и поддерживалъ своего тестя. За то ганзейцы могли разсчитывать на содѣйствіе Швеціи: король Магнусъ былъ низложенъ съ престола своимъ же сеймомъ еще въ 1364 г. и шведскій престолъ занялъ его племянникъ, сѣверо-германскій князь Альбертъ мекленбургскій, стоявшій на сторонѣ нѣмцевъ. Въ мартѣ 1368 г. ганзейцы объявили войну королю Вальдемару IV, и въ апрѣлѣ открыли военныя дѣйствія. Король не выждалъ нападенія. Онъ покинулъ Данію, высадился въ началѣ апрѣля на поморскій берегъ, и отсюда прибылъ въ Бранденбургъ, предоставивъ маршалу Геннингу Подобуско управлять государствомъ съ правомъ вести переговоры и заключить миръ съ ганзейцами. Соединенный флотъ ганзейцевъ пошелъ прежде всего на южные берега Норвегіи и страшно опустошилъ ихъ въ отомщеніе Гакону, совмѣстно съ Вальдемаромъ грабившему корабли ганзейскихъ купцовъ. За тѣмъ флотъ направился къ Даніи. Копенгагенъ былъ снова опустошенъ, при чемъ много торговыхъ пунктовъ въ Зундѣ были захвачены ганзейцами. Въ то же время король шведскій овладѣлъ Иштамомъ и Лундомъ, а готландскіе и голштейнскіе дворяне проникли до Виборга и Аальборга. Съ наступленіемъ зимы военныя дѣйствія стихли и возобновились съ весны 1369 г. Ганзейцы и ихъ союзники одерживали успѣхи за успѣхами и вынудили наконецъ датскаго маршала Геннинга Подобуско и датскихъ королевскихъ совѣтниковъ искать мира. Въ концѣ ноября 1369 г. они прибыли въ Стральзундъ и здѣсь открыли переговоры о мирѣ съ ганзейцами. Переговоры тянулись всю зиму и наконецъ въ маѣ 1370 г. кончились заключеніемъ мира, въ силу котораго шонійскіе замки — Гельсингборгъ, Мальмэ, Сканэръ и Фальстазбоде съ принадлежащими къ нимъ землями и двумя третями доходовъ отдавались въ пользованіе ганзейцамъ на 15 лѣтъ въ возмѣщеніе убытковъ, понесенныхъ ганзейскимъ купечествомъ до и во время войны съ Даніею. Стральзундскій миръ былъ подписанъ Подебуско, высшимъ датскимъ духовенствомъ, королевскими датскими совѣтниками и отъ имени ганзы 37-ю ганзейскими городами. Король Вальдемаръ во все время войны находился внѣ Даніи, пребывая то въ Бранденбургѣ, то въ Помераніи, то въ Мейсенѣ, то въ Прагѣ у императора Карла IV, и не находя нигдѣ помощи вынужденъ былъ 27 октября 1371 г. подтвердить Стральзундскій миръ, по которому ганзейскій союзъ пріобрѣталъ небывалое до того времени значеніе и силу. Ганзейцы во второй половинѣ XIV ст. явились господами Зунда и властителями Балтійскаго моря.

Теперь обратимся къ Ливоніи.

Основаніе Ревеля совпало съ тѣмъ временемъ, когда торговыя сношенія сѣверо-германскаго купечества съ Новгородомъ достигли уже значительной степени развитія. Союзъ этого купечества въ то время еще не носилъ наименованія ганзы, а назывался „universitas mercа-

torum, mare Orientale (или terram Gottlandiae) frequentantium (см. Urkundenbuch Бунге №№ 452, 457, 542, 559 и др). Ревель со своею удобною гаванью, со своимъ нѣмецкимъ населеніемъ, занялъ на торговомъ пути съ Новгородомъ выгодную станцію, и потому чуть лишь городъ обстроился, купечество его не замедлило войти въ тѣсныя связи съ сѣверо-германскимъ купечествомъ и въ особенности съ Любекомъ, отъ котораго заимствовалъ его городскіе законы. Уже въ 1259 г. ревельцы писали въ Любекъ (см. Urkundenbuch Бунге № 215): nolimus a vestra communione ac civitatis omniumque vobis bene volentiam aliquo modo segregari, immo in causis iustis et honestis, — que communitatem mercatorum tetigerint, parati simus infatigabiliter vobiscum perseverare и пр. Вступили-ли ревельцы тогда же въ купеческій союзъ (universitas mercatorum) неизвѣстно, но ихъ участіе въ общихъ предпріятіяхъ союза упоминается въ 1285 г. (см. Urkundenbuch Бунге № 495). Года чрезъ два вышла размолвка съ Любекомъ: гдѣ-то у Виронскихъ береговъ любекскій корабль потерпѣлъ крушеніе, товары съ этого корабля были, вопреки морскаго права, ограблены, и ревельскіе купцы купили ограбленное. Любекъ потребовалъ возврата ограбленнаго подъ угрозою исключенія Ревеля изъ союза (см. Urkundenbuch Бунге № 518), но ревельскій магистратъ принялъ подъ свою защиту ревельскихъ купцовъ. Чѣмъ кончилось дѣло неизвѣстно, но дружественныя сношенія съ Любекомъ вскорѣ возобновились.

Короли датскіе предоставляли торгующему купечеству въ Эстоніи и Ревелѣ различныя права и льготы, оказывая защиту и охрану въ случаяхъ крушеній кораблей, освобождая отъ пошлинъ и пр. Доказательствомъ тому служатъ грамоты, состоявшіяся въ 1248, 1279, 1294, 1297, 1338 г. (см. Urkundenbuch Бунге №№ 199, 465, 555, 564, 782).

Тѣмъ не менѣе подробностей о торговлѣ Ревеля сохранилось не много. Изъ документовъ, относящихся къ 1312 и 1326 г. (см. тамъ же №№ 640, 725), оказывается, что ревельскіе купцы владѣли большими купеческими кораблями (liburnae) на которыхъ и являлись къ берегамъ сѣверной Германіи, Норвегіи, Швеціи и въ особенности Финляндіи и Новгородской Руси Въ Финляндскіе города ревельскіе купцы привозили иноземные товары: сукно, соль, хмѣль, воскъ, мѣха; изъ мѣстныхъ эстскихъ произведеній вывозили хлѣбъ, быть можетъ, ленъ и тюленій жиръ. Нѣтъ сомнѣнія, что ревельскіе купцы направляли товары главнѣйшимъ образомъ въ Новгородъ какъ водою чрезъ Финскій заливъ, Невою, Ладожскимъ озеромъ и Волховымъ, такъ и сухопутьемъ чрезъ Нарву. Извѣстій о торговыхъ сношеніяхъ Ревеля съ Ригою не сохранилось; быть можетъ, такихъ сношеній и вовсе не было.

Рижское купечество, подобно любекскому и купечествамъ другихъ сѣверо-германскихъ городовъ, не упускало случаевъ ходатайствовать

предъ властителями странъ, съ которыми происходили торговыя сношенія, о льготахъ и обезпеченіи торговли. Ходатайства ихъ не оставались безуспѣшными, какъ то доказываютъ дошедшіе до насъ современные документы о торговыхъ льготахъ купечеству. Такъ рижскій епископъ Николай въ 1250 г. предоставилъ рижскимъ бюргерамъ и купцамъ, мѣстнымъ и иностраннымъ, право вести въ Ливоніи вольную торговлю, отправляются-ли товары сухопутьемъ или водою. Право это было подтверждено магистромъ Вальтеромъ Иордекскимъ въ 1273 г. За тѣмъ 29 марта 1277 г. орденскій магистръ Эрнстъ Рацебургскій совмѣстно съ архіепископомъ Іоанномъ рижскимъ и епископомъ Германомъ эзельскимъ предоставили купечеству, ведшему морскую торговлю и торговавшему въ Ливоніи, привиллегію, въ силу которой оно освобождалось отъ пошлинъ и береговаго права, получало право пользоваться лѣсомъ для починки судовъ, имѣть свой купеческій судъ. Иностранные государи для оживленія торговли въ своихъ земляхъ не жалѣли предоставлять купечеству ганзейскихъ городовъ разныя льготы и привиллегіи, распространившіяся и на ливонскіе города, какіе только были членами ганзейскаго союза.

Ганзейскіе города своимъ богатствомъ и процвѣтаніемъ обязаны были торговлѣ, потому и магистраты этихъ городовъ развитіе и обезпеченіе торговли считали своею важнѣйшею обязанностію, да и самые магистраты составлялись почти исключительно изъ купцовъ; ратманы магистратовъ были купцы. Какъ ни просты были купеческія отношенія въ XIII ст., но купцы и въ тѣ времена не могли обходиться безъ того, чтобы не отпускать товаровъ въ долгъ покупателямъ и въ свою очередь не получать товаровъ тоже въ долгъ, не могли слѣд. обходиться безъ кредита. Регулированіе кредита, обезпеченіе взысканія долговыхъ обязательствъ для купечества составляло дѣло первостепенной важности, но это дѣло не могло обойтись безъ веденія книгъ, въ которыхъ бы записывались долговыя обязательства и сроки выполненія ихъ. Такія книги подъ названіемъ долговыхъ и велись при магистратахъ. Долговая книга велась и при рижскомъ магистратѣ; она дошла до насъ и издана въ 1872 г. докторомъ Германомъ Гильдебрандомъ подъ заглавіемъ «Das rigische Schuldbuch». Объ этой книгѣ мы уже упоминали (томъ I, 337.) Это есть не что иное какъ списокъ должниковъ, съ указаніемъ какой у кого товаръ или деньги взяты въ долгъ и къ какому сроку должна быть произведена уплата долга деньгами или товаромъ. Началась книга въ 1286 г. и послѣдняя запись относится къ 1352 г. Изъ книги этой оказывается, что въ тѣ времена торговлею занимались не одни только купцы, но также рыцари и вассалы, каноники, священники и монахи, но иначе и не могло быть: доходы на ихъ содержаніе получались въ натурѣ, хлѣбомъ, воскомъ и пр., но всѣ эти предметы нужно было продать, чтобы получить деньги на другія необходимыя потребности. Такъ для

орденской братіи приходилось выписывать лошадей изъ за границы, ибо мѣстныя лошади были слишкомъ малорослы и слабосильны для тогдашней воинской службы, необходимо было выписывать и оружіе, точно также и духовенство для своихъ нуждъ прибѣгало къ выпискѣ необходимыхъ предметовъ изъ за границы, но купить нужное безъ продажи того, что оказывалось ненужнымъ, было невозможно, потому и орденской братіи и вассаламъ и духовенству невозможно было обойтись безъ веденія торговыхъ оборотовъ Мы видѣли, что рижане съиздавна враждовали съ орденскою братіею изъ за торговли и не безъ основаній упрекали другъ друга, что изъ за торговыхъ выгодъ тѣ и другіе входили въ союзы съ язычниками, доставляя имъ военные снаряды.

Изъ книги этой видно, что воскъ былъ важнѣйшею статьею торговли. Другія статьи торговли были лѣсъ, поташъ, хлѣба, ленъ, медъ, мѣха. Мѣховая торговля была почти исключительно въ русскихъ рукахъ. Изъ за границы привозились сукна, полотна, соль, желѣзо, лошади, шафранъ, сѣра.

Заграничные товары, привозимые въ Ригу, находили себѣ сбытъ въ Литвѣ и главнѣйшимъ образомъ въ земляхъ Двинскаго бассейна. Торговый договоръ 1229 г. (см. томъ I, 331) сохранялъ свою силу очень долгое время. Однимъ изъ главнѣйшихъ условій договора былъ безпошлинный и свободный проѣздъ по Двинѣ купцамъ какъ рижскимъ, такъ и нѣмецкимъ. Условіе это было подтверждено въ 1264 г. княземъ Герденомъ (см. Приб. Сб. II, 77): нѣмецкому гостю въ полоцкую землю вольно ѣхати и торговати, такожъ полочанамъ и видиблянину вольно гостити въ Ригу и на готскій берегъ. Полоцкій князь Изяславъ предложилъ (см. тамъ же) ливонскимъ властителямъ: «На семъ ко мнѣ цѣловати крестъ въ правду, любовь имѣти и миръ: какъ было при первыхъ князьяхъ полоцкихъ, полочаномъ, видиблянномъ вольно торговати въ Ригѣ, на Готскомъ берегу и въ Любцѣ, а рубежи не дѣяти. А кому съ кѣмъ тяжа, судъ дати безъ перевода, а суженаго не посуживати, а гдѣ кому годно, ту тяжется; поручники и должники и холопы выдати. А что ся въ рать дѣяло и въ рубежахъ, про то вамъ не мщати, ни намъ вамъ мещати. Чего ся есма отступили въ Ризѣ, къ тому вамъ не пріискивати ни людей, ни земли, ни воды, ни борти. На семъ же цѣлуйте ко мнѣ крестъ по любви во правду, безъ всякаго извѣта». Было ли исполнено это предложеніе — документовъ о томъ не сохранилось. Любопытно письмо полоцкаго епископа Іакова, посланное въ Ригу около 1300 года (см. Русско-ливонскіе акты № 38):

„Поклонъ и благословеніе отъ Якова, епископа полоцкаго, пробстови намѣстнику бискуплю, и дѣтямъ моимъ ратманамъ. Былъ есмь не дома, во отца своего митрополита, а нынѣ есмь на своемъ мѣстѣ у Святой Софіи. А нынѣ есмь увидалъ любовь ваша правая съ сыномъ моимъ, съ

Витеномъ (литовскій князь, съ 1285 по 1315 г., преемникомъ ему былъ Гедеминъ. Въ 1326 г. удѣльнымъ княземъ полоцкимъ былъ Войно, сынъ Витеня); также, дѣти была любовь ваша первая съ полочаны, съ дѣтьми моими, что вамъ было надобно, то было ваше. А нынѣ что дѣтямъ моимъ надобно, того имъ не бороните; а нынѣ абы есме пустили жито у Полотеско. А язъ кланяюсь и благословляю, и Бога молю за васъ, дѣти своя.

Аже будетъ полочанинъ чѣмъ виноватъ рижанину, я за тѣмъ не стою своими дѣтьми, исправу дамъ. Аже будетъ рижанинъ чѣмъ виноватъ полочанину, вы дайте имъ исправу также. А язъ вамъ кланяюся, дѣтямъ своимъ, и благословляю и Бога молю".

Не менѣе любопытна и жалоба рижскаго магистрата, обращенная къ витебскому князю Михаилу Константиновичу. Жалоба эта, писанная на пергаментѣ около 1300 г. хранится въ архивѣ рижскаго магистрата и гласитъ такъ (см. Русско-Ливонскіе акты № 49 и Urkundenbuch Бунге VI, № 3059):

„Поклопъ отъ ратмановъ рижскихъ и отъ всѣхъ горожанъ ко князю витебскому Михаилу. И нынѣ пришли предъ насъ наши горожане и то намъ повѣдали съ великою жалобою: которые были зимусь (прошлою зимою) съ тобою въ Витебскѣ, какъ ты еси товаръ у нихъ отнялъ силою и неправдою. То было и первое: былъ у тебя одинъ дѣтина, нашъ горожанинъ, иногды (прежде) не бывалъ у васъ; тогда рать была литовская подъ городомъ, онъ же хотѣлъ въ рать (къ литовцамъ) итти — дѣвки купить, и взялъ мечь (мечь) собою, по нашей пошлинѣ (обычаю). Тогда идя путемъ, заблудилъ къ монастыреви, и выскочивша 3 чернеца, же четвертый человѣкъ иный съ ними, ту его, емъше, били и рвали, и мечь вызетили (отняли) сплою у него. И потомъ, княже, ты на другой день емъ его, оковалъ еси и держалъ его еси до тогоже дня, а товара еси отъялъ на 3 берковьскы (берковца) воску. Княже, ты еси неправду дѣялъ. Забылъ еси, княже, своего крестнаго цѣлованія, занеже самъ вѣдаешь, какъ не тако есть миръ докончанъ. Миръ докончанъ на старый миръ, и на томъ крестъ цѣлованъ, какъ то намъ вашей братьи правду дати, а обиды не створити, ни малу ни велику, нашей братьи правду дать, товара силою не грабить, человѣка не мучить безъ вины. Княже, слышишь самъ отъ своей братьи, какъ мы вашей братьи не обидѣли, не грабили товара силою безъ правды, како ты, княже, дѣешь.

А се тебѣ повѣдываемъ другую обиду: за грѣхи приводилось (случилось) такъ: какъ то сидѣла дружина, въ пирѣ піючи, другъ друга зарѣзилъ (рашилъ) до смерти; и какъ тотъ бой удѣялся, тогда онъ, убоявся живота, утеклъ (бѣжалъ) къ тебѣ, княже. Нѣмцы же, то увѣдавше, ажо (что) къ тебѣ утеклъ разбойникъ, и пришли предъ княжо нѣмцы и молися тебѣ: выдай намъ разбойника. И ты, имъ выдавъ разбойника, потомъ, княже, шелъ еси въ разбойникову клѣть, товаръ еси разбойниковъ взялъ, и иныхъ людей товаръ былъ тутъ, и то поималъ (взялъ) еси, княже. Тутъ еси неправду дѣялъ. Ты самъ вѣдаешь, какъ то не такъ есть миръ докончанъ межь землей. Аже другъ друга убьетъ до смерти, и имутъ того человѣка, кто разбой учинитъ, тому дати вину, по его дѣлу, а товаръ его свободенъ своему племени. И нынѣ мы молимся тебѣ, абы тотъ товаръ отдалъ его племени.

А се тебѣ третью обиду повѣдываемъ про тую дѣтину, что товаръ его былъ съ разбойниковымъ товаромъ въ клѣти, какъ тотъ поѣхалъ изъ

Витебска въ Смоленскъ, попустилъ же въ разбойниковой клѣти волны (шерсти) же овчины на пять серебра. Онъ же въ Смоленскѣ услышавъ, аже ты его товаръ съ разбойниковымъ товаромъ взялъ, и онъ уборзѣ (немедля) на конь всѣдъ, поѣхалъ въ Витебскъ, и молился тебѣ, княже, абы ты его товаръ отдалъ, что еси взялъ съ разбойниковымъ товаромъ изъ клѣти, то ты ему не далъ. Ты еси, княже, не правду дѣялъ. И нынѣ, княже, мы ся тебѣ молимъ, какъ то тотъ товаръ отдай, что еси взялъ безвинной вины сей.

Еще, княже, мы тебѣ повѣдаемъ четвертую обиду, въ чемъ ты еси неправду дѣялъ, какъ ты нынѣ новую правду ставилъ, какъ то есме не чували (слышали) отъ отцовъ, ни отъ дѣдовъ, ни отъ прадѣдовъ нашихъ! Аже ты велишь кликать сквозь торгъ: гость съ гостемъ не торгуй. Княже, въ томъ еси неправду дѣялъ. Княже, аже еси такъ въ своемъ сердцѣ, такъ то еси неправою думою думалъ. Будутъ (буде) тебѣ, княже, лишіе (злые) люди ту думу поддали, то не въ честь тебѣ дали ту думу; то есть тебѣ, княже, достойно, аже бы ты тые (тѣхъ) люди казнилъ, какъ то бышь новые люди боялися, кто лихую думу поддаваетъ. Княже, нашъ горожанинъ Фредрикъ*) продалъ человѣку мѣхъ соли, и онъ услышалъ, аже ты не велѣлъ гостеви съ гостемъ торговать, и обвѣстился тебѣ, княже, и ты ему велѣлъ продать, и онъ шелъ съ тѣмъ человѣкомъ соль вѣсить, какъ то еще соли не вѣсили. Твои дворяне стояли тутъ во дворѣ: у Фредрика ключъ взяли силою клѣтной и пошли прочь. Потомъ твой дѣтскій (изъ боярскихъ дѣтей) Плосъ, пришедъ, реклъ Фредрику: пойди ко князю! И онъ пошелъ къ тебѣ, по твоему слову. И какъ то пришелъ мосту, реклъ Плосъ: пойди семо, здѣсь князь, не ведя его къ тебѣ, княже, же къ себѣ въ истобку (избу), ту порты съ него снемъ, за шею оковалъ, и руки, и ноги, и мучилъ его такъ, какъ то буди Богу жаль. И потомъ ты дѣтскіе свое (боярскихъ дѣтей) послалъ на его подворье, и велѣлъ еси товаръ его разграбить, на четыре капи (32 лисфунта) воску. И нынче мы ся тебѣ молимъ, абы ты тотъ товаръ отдалъ, княже. И самъ вѣдаешь, аже неправдою еси свое крестное цѣлованье забылъ.

И се нынѣ пятую обиду повѣдываемъ: какъ то нѣмцы послали своихъ копей изъ Смоленска въ Витебскъ, то ты, княже, тѣхъ коней обозрѣлъ, и улюбилъ еси одного коня, тотъ конь былъ Герлаховъ**), то ты его хотѣлъ безъ измѣны. Тѣ люди рекли: княже, мы коня не дамы, ни продамы его, не смѣемъ: конь Герлаховъ. И ты, княже, давалъ еси на коня 10 изроевъ, и они не взяли. То ты реклъ, княже: дайте вы мнѣ коня, я васъ провожу изъ Смоленска и сквозь Касплю, а учаны (лодки) хочу проводить съ коньми и до Полоцка. Тѣ дали тебѣ коня, по твоему слову, княже; далъ же еси приставъ своего человѣка Прокопія, и пріѣхалъ Прокопій къ Смоленску той первое, и дали ему скорлата портъ же чаторъ (пурпуровую одежду). Прокопьева слово такъ: въ который день вы будете готовы, я съ вами готовъ буду. Въ тотъ же день, по его слову, приготовились есме были, и рекле есме Прокопію: се мы готовы, поѣдемъ! Прокопьево тако: не могу я изъ свѣта къ тьму ѣхати. Прокопій, на конь свой всѣдъ, поѣхалъ въ Витебскъ, а нашу братью попустилъ (оставилъ). Княже, тѣмъ словомъ не дослужился еси того коня. Аже бы ты въ своемъ словѣ стоялъ, и нашу братью проводилъ бы, мы быхомъ не поминали того коня. И нынѣ мы ся тебѣ молимъ, какъ то отдай Герлаху коня, а либо 10 из-

*) Dominus Friedericus Institor, бывшій въ Полоцкѣ въ 1297—1299 году.
**) Герлахъ Розе былъ рижскимъ ратсгеромъ съ 1286 по 1307 г.

роевъ, что еси самъ первое давалъ на коня. Или (если) того не дашь, ни коня ни серебра, Герлахъ хочетъ своего коня искать, какъ можетъ.

А се еще шестую обиду повѣдаемъ, про Ильбранта *), что твой братъ торговалъ съ нимъ на 30 изроевъ: 17 заплатилъ, а 13 изроевъ не заплатилъ. И нынѣ, мы ся тебѣ молимъ: отдай Ильбранту товаръ своего брата души постерегая.

И нынѣ седьмую обиду повѣдываемъ, какъ то были нашей братьи поѣхали изъ Витебска въ Смоленскъ, тогда Литва изъимала ихъ на пути, въ твоемъ городѣ, княже, вязали ихъ и мучили, и товаръ отъимали у нихъ. А въ твоей волости ся то дѣяло. Товара взяли тутъ на 50 гривенъ серебра корнаго и на 3 серебра. Княже, тебѣ было той обиды постеречь. Аже бы ся то дѣяло при твоемъ отцѣ, Константинѣ, той бы обиды николи же была нашей братьи, какъ ся тогда удѣяло. И нынѣ, княже, мы ся тебѣ молимъ, какъ то тѣмъ людямъ отплати тотъ товаръ, которымъ то дѣялось въ твоей волости и въ твоемъ городѣ. И нынѣ, княже, пришелъ предъ насъ шахматъ же Фредрикъ, и то намъ повѣдалъ съ жалобою, какъ ты еси торговалъ съ нимъ и не заплатилъ. Княже, то было тебя достойно, у кого купить, тому заплати, то они бы на тя не жаловали.

И нынѣ восьмую обиду повѣдываемъ, про вѣсы, какъ то слышимъ отъ своей братьи, аже ты, княже, лишнее емлешь, какъ то есме не чували пи отъ отчины, ни отъ дѣдовъ, ни отъ прадѣдовъ. И нынѣ мы ся вамъ молимъ всѣмъ сердцемъ, княже, какъ то есть миръ докончень и крестъ цѣлованъ на старый миръ, тако и нынѣ, княже, отложи лишнее и всяку неправду: атъ стоитъ старый миръ твердо, какъ докончапо. И нынѣ, княже, то буди тебѣ вѣдомо: аже не отложишь лишняго дѣла и всякую неправду, мы хочемъ Богу жаловаться, и тѣмъ, кто правду любитъ, а кривду пенавидитъ. Мы своей обиды не положимъ, а болѣе не можемъ терпѣть".

Смоленскъ, по видимому, въ началѣ XIII ст. болѣе всего привлекалъ къ себѣ нѣмецкихъ купцовъ, но впослѣдствіи торговое значеніе этого города упало и нѣмецкіе купцы своимъ главнымъ мѣстопребываніемъ избрали Полоцкъ. Здѣсь съ теченіемъ времени образовалась цѣлая контора, получившая отъ рижскаго мигистрата въ 1393 г. особый уставъ (см Русско-Ливонскіе акты № 117).

Сколько можемъ судить по дошедшимъ до насъ документамъ отъ XIII и XIV ст., то въ торговыхъ сношеніяхъ между Ригою и землями Двинскаго бассейна въ тѣ времена различались лѣтнія и зимнія поѣздки: лѣтомъ по Двинѣ, зимою по сухопутнымъ дорогамъ. Ежегодно при полноводьи, нагруженныя товарами ладьи сплавлялись въ Ригу, здѣсь выгружали ихъ и нагружали вновь заграничными товарами для отправленія вверхъ по Двинѣ; съ наступленіемъ зимы товары перевозились въ саняхъ. Водяной путь по дешевизнѣ и удобству, конечно, предпочитался сухопутному. Доставка товаровъ въ Смоленскъ производилась обыкновенно по рѣчному пути, при чемъ приходилось на волокѣ между Двиною и Днѣпромъ перегружать товары на телѣги.

*) Ильбрандтъ — это рижскій бюргеръ Гильдебрандъ, бывшій въ Полоцкѣ въ 1293 г. (См. 6-ю ч. Бунге, стр. 163).

Ни у русскихъ, ни у нѣмецкихъ купцовъ не было собственныхъ людей: они нанимали суда и судорабочихъ у полоцкихъ судовщиковъ, промыселъ которыхъ составлялъ рѣчной сплавъ. Купцы обыкновенно сами сопровождали свои товары или посылали съ ними своихъ прикащиковъ. Въ Ригѣ пристанью для русскихъ судовъ былъ Ризинговъ ручей; въ Полоцкѣ же нѣмецкіе товары выгружались на берегъ русскими носильщиками и складывались по дворамъ нѣмецкихъ купцовъ, а то и въ церкви. Изъ Риги въ земли Двинскаго бассейна шли заграничные товары: соль, сукна, полотна, сельди, вино, пиво, различные металлы. Въ Ригу же по преимуществу отправляли воскъ, мѣха, сало, поташъ, деготь. Пенька и ленъ появились на рынкахъ въ большомъ количествѣ лишь въ концѣ XV ст. Хлѣбъ вовсе не былъ вывознымъ товаромъ изъ земель Двинскаго бассейна, напротивъ туда везли хлѣба изъ Ливоніи во время неурожаевъ. Золота, серебра, монетъ въ Россіи было мало въ обращеніи до самого XV ст., потому внутренняя торговля въ Россіи основывалась на простой мѣнѣ. Нѣмецкіе купцы охотно соглашались на мѣновую торговлю, потому что при посредствѣ ея находили большой сбытъ товаровъ. Хотя серебро въ тѣ времена и не имѣло значенія денегъ, тѣмъ не менѣе составляло товаръ, имѣвшій большой спросъ въ Россіи. Оно и ввозилось сюда въ большомъ количествѣ, не смотря на сдѣланныя впослѣдствіи ганзою запрещенія ввозить въ Россію серебро.

О торговыхъ сношеніяхъ Риги съ Псковомъ и Новгородомъ почти ничего неизвѣстно. Быть можетъ, купеческіе караваны и отправлялись сухопутьемъ въ земли Новгородской Руси, но при тогдашнихъ постоянно враждебныхъ отношеніяхъ между ливонскими нѣмцами и псковичами едва-ли торговыя сношенія бывали часто.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Орденское господство въ Ливоніи отъ пріобрѣтенія Эстоніи до нравленія Вольтера Плетенберга.

(1347—1494).

I. Борьба тевтонской орденской братіи съ Литвою и Псковомъ до Торнскаго мира.

Походы на Литву. — Сраженіе у рѣки Стравы. — Войны со Псковомъ. — Плѣнъ и освобожденіе Кейстута. — Ковна. — Готесвердеръ. — Бой при Рудавѣ. — Походы. — Смерть Ольгерда. — Кейстутъ и Ягайло. — Смерть Кейстута. — Витовтъ. — Польско-литовская унія. — Война. — Жмудь. — Столкновеніе Тевтонскаго ордена съ Витовтомъ и Ягайломъ. — Грюнвальдская битва. — Миръ въ Торнѣ.

(1347—1411).

Источники: Лѣтопись Вартберга.
Фохтъ. Geschichte Preussens, томы 5 и 6.
Нарбутъ. Dzieie narodu Litewskiego, томы 5 и 6.
Лѣтописи: новгородскія и псковскія.

Въ предшествовавшей главѣ было уже разсказано (стр. 247) какимъ образомъ Ольгердъ Гедиминовичъ въ 1345 г. былъ превозглашенъ великимъ княземъ русско-литовскимъ, было разсказано также (стр. 249), что въ декабрѣ 1345 г. въ Маріенбургѣ былъ избранъ великимъ магистромъ Генрихъ Дусмеръ Арфбергскій, а провинціальнымъ магистромъ въ Ливоніи былъ назначенъ орденскій братъ Госвинъ Герекскій. Вступивъ въ уиравленіе дѣлами, оба они по отношенію къ сосѣдямъ явились продолжателями политики своихъ предшественниковъ, стремившихся распространить власть ордена на литовскія и русскія земли. Мы видѣли, что не интересы католичества руководили орденскою братіею въ непрерывныхъ войнахъ съ Литвою и Псковомъ, а единственно завоеваніе во что бы то ни стало запѣманскихъ и псковскихъ земель. Овладѣніе Жмудью въ особенности

было выгодно, даже необходимо ордену для обезпеченія его владѣній въ Пруссіи, Куроніи и Семигаліи, на Жмудь и направлялись главнѣйшимъ образомъ походы (рейзы) орденской братіи, но походы, однакоже, не влекли за собою ожидаемыхъ послѣдствій: литовско-русскіе князья мало того, что съ успѣхомъ отбивали нападенія, но и сами вторгались въ орденскія владѣнія, истребляя, по обычаю, все встрѣчное. Русско-литовскій князь Гедиминъ былъ уже очень опаснымъ сосѣдомъ орденской братіи, еще болѣе опасными сосѣдями явились русско-литовскіе князья, когда Ольгердъ былъ провозглашенъ великимъ княземъ литовскимъ, и когда его братъ и неизмѣнный другъ, Кейстутъ Гедиминовичъ, человѣкъ необыкновенно отважный и предпріимчивый, сѣлъ прочно въ своемъ удѣлѣ, къ которому принадлежала вся Жмудь съ частью Черной Руси. Троки сдѣлались стольнымъ городомъ Кейстута и слышать не хотѣвшаго о католичествѣ или мирѣ съ нѣмцами, и въ то время когда Ольгердъ въ тайнѣ исповѣдывалъ православіе, крестилъ въ православіе своихъ сыновей и главное вниманіе обращалъ на утвержденіе своего господства въ русскихъ княжествахъ, Кейстутъ остался язычникомъ и въ силу географическаго положенія своего удѣла сталъ на стражѣ Литвы отъ тевтонскихъ рыцарей, съ которыми и велъ непримиримую борьбу до самой своей смерти. Своею неустрашимостію и отвагою онъ пріобрѣлъ чрезвычайную популярность между литвинами и этою популярностію объясняется много въ его жизни, преисполненной воинскихъ тревогъ, иодвиговъ личнаго мужества и приключеній необыкновенныхъ.

Разстроивъ большой крестовый походъ, предпринятый на Литву въ 1345 г. (см. выше стр. 248) и опустошивъ Куронію и Торейду, Ольгердъ и Кейстутъ разошлись по своимъ удѣламъ.

Кейстутъ удалился въ Троки, а Ольгердъ пошелъ войною на новгородцевъ. Ему сильно не нравилось, что московскій князь Симеонъ Іоанновичъ Гордый пріобрѣлъ большое вліяніе въ Новгородѣ, побывалъ здѣсь лично и былъ торжественно посаженъ на новгородскій столъ. Ольгердъ рѣшился ослабить московскую партію въ Новгородѣ и лѣтомъ 1346 г., когда великій князь Симеонъ уѣхалъ изъ Новгорода, съ большою силою вступилъ въ Новгородскую землю,ославъ сказать новгородцамъ, что идетъ на нихъ отомстить свою личную обиду: „лаялъ ми посадникъ вашъ Остафей Дворянинецъ, назвалъ мя псомъ“, говорилъ Ольгердъ (см. первую Новгородскую лѣтопись, стр. 83). Онъ взялъ на щитъ (разорилъ) Шелону и Лугу, а взявъ съ Порхова и Опочки окупъ ушелъ назадъ въ свою землю съ добычею и полономъ. Новгородцы вышли было противъ Ольгерда въ Лугу, но воротились съ дороги, созвали (позвониша) вѣче и убили Дворянинца, говоря ему: „изъ за тебя пропали наши волости“ (см. тамъ же).

1346 годъ прошелъ для прусскихъ и ливонскихъ рыцарей спокойно. Ольгердъ и Кейстутъ не двигались, военныхъ дѣйствій не возобновляли, но очень не на долго: въ февралѣ 1347 г. они вторглись въ Самію, выжгли много деревень, перебили не мало народу и съ богатою добычею и полономъ воротились въ Литву. Великій магистръ

Дусмеръ не могъ оставить этого набѣга безъ отмщенія и разослалъ гонцовъ по Германіи и въ другія страны съ приглашеніемъ ко всему войнолюбивому народу, къ рыцарямъ (дворянамъ) и кнехтамъ собираться на зиму въ Пруссію для большой рейзы на Литву. Въ іюнѣ 1347 г. былъ созванъ генеральный капитулъ въ Маріенбургѣ сколько для обсужденій плана задуманнаго похода, столько и для внутренняго устроенія страны. На этомъ капитулѣ присутствовали провинціальные магистры германскій (Вольфрамъ Неленбургскій) и ливонскій (Госвинъ Герекскій) и здѣсь-то между прочимъ былъ рѣшенъ вопросъ объ Эстоніи и состоялись грамоты, касавшіяся этой страны (см. выше стр. 251). Пока орденскіе сановники судили и рядили, пока собиралось войско на рейзу, Кейстутъ въ началѣ октября снова появился въ орденскихъ прусскихъ владѣніяхъ, захватилъ и сжегъ городъ Велау и, сильнѣйшимъ образомъ опустошивъ мѣстности по рѣкѣ Алле, возвратился къ зимѣ домой.

Между тѣмъ начали подходить въ Пруссію охотники перевѣдаться съ литовскими язычниками. Прибыли рыцари (дворяне) съ дружинами изъ Германіи, Франціи и Англіи. Выступили въ походъ и прусскіе командоры со своими дружинами, такъ что къ началу 1348 года составилось войско, для того времени весьма большое, ибо число ратниковъ доходило до 40000 человѣкъ. Самъ великій магистръ принялъ главное начальство надъ этимъ войскомъ и повелъ его на столицу Кейстута, Троки. 26-го января 1348 году великій магистръ перешелъ чрезъ Вилію нѣсколько выше Ковны и орденское ополченіе начало опустошеніе литовскихъ земель, недавая никому пощады. Pagani utriusque sexus, senes cum iunioribus occisi sunt et terra igne vastata — пишетъ современный лѣтописецъ. На восьмой день появилось и литовское войско, предводимое самимъ Ольгердомъ, который, конечно, зналъ о готовящемся походѣ и заблаговременно озаботился сборомъ войска изъ всѣхъ подвластныхъ ему земель и княжествъ. На рѣкѣ Стравѣ, впадающей въ Нѣманъ, между Жижморами и Стречунами (Трокскаго уѣзда) сошлись оба ополченія; русско-литовское войско превосходило численностію войско орденское, но Ольгердъ занялъ невыгодную позицію, ибо оставилъ за собою рѣку Страву, плохо замерзшую и потому не надежную для перехода вслучаѣ отступленія. 2 февраля 1348 году Ольгердъ повелъ русско-литовскихъ ратниковъ въ атаку, которая была произведена съ чрезвычайною стремительностію и отвагою. Замѣтивъ въ срединѣ орденскаго войска большое знамя, Ольгердъ направилъ сюда главный ударъ, чтобы овладѣть знаменемъ, но это именно и послужило во вредъ русско-литовскому ополченію. Сосредоточивъ свои силы противъ непріятельскаго центра, Ольгердъ чрезъ мѣру ослабилъ свое правое крыло, чрезъ что далъ возможность лѣвому крылу орденцевъ сдѣлать обходное движеніе, отрѣзать правое крыло русско-литовскаго войска и ударить въ свою

очередь на главныя силы Ольгерда, имѣвшія рѣку за собою. Завязался ожесточенный бой и русско-литовское войско принуждено было къ отступленію чрезъ рѣку. Ледъ проломился и множество народа перетонуло въ рѣкѣ. Въ числѣ утонувшихъ былъ и брать Ольгердовъ, Наримунтъ. Ольгердъ, потерявъ изъ своего войска тысячь 18 человѣкъ, отступилъ, но отступилъ, полагать надобно, въ порядкѣ, ибо орденцы, понесшіе въ битвѣ убыль до 4 тысячь человѣкъ, не осмѣлились преслѣдовать войска Ольгерда, и послѣ сраженія отступили за Нѣманъ. Слава о побѣдѣ, одержанной надъ Ольгердомъ, разнеслась по всей Европѣ, но то была въ сущности пустая слава, ибо побѣда на Стравѣ не повлекла за собою никакихъ особенно важныхъ послѣдствій.

Началась снова мелкая война. Два раза прусскіе рыцари лѣтомъ 1348 г. вторгались въ Жмудь, но важныхъ результатовъ не достигли. Въ мелкой войнѣ принималъ участіе и ливонскій магистръ Госвинъ. Онъ, какъ пишетъ Вартбергъ, разорилъ Саульскую (Шавельскую землю), жители которой помогали литовцамъ, сдѣлалъ походъ и противъ жмудинъ со стороны нынѣшняго Бауска, но раззореніями всѣ дѣла и ограничивались*).

Малая война не принесла никакой существенной пользы ни прусской, ни ливонской орденской братіи, но и эта война стихла года на три времени, въ теченіе котораго ни орденская братія на Литву, ни русско-литовскіе князья на Пруссію и Ливонію не дѣлали набѣговъ. Было-ли заключаемо какое перемиріе или нѣтъ — документальныхъ свидѣтельствъ на это не имѣется; вѣрнѣе всего предположить, что военныя дѣйствія въ принѣманскихъ и жмудскихъ мѣстахъ стихли вслѣдствіе обстоятельствъ, отвлекавшихъ вниманіе и Ольгерда и ордена отъ войны между собою.

Въ Германіи въ это время послѣдовала важная перемѣна: тамъ среди всеобщей неурядицы, вызванной ожесточеннымъ споромъ между папою и императоромъ, 11 октября 1347 г. скоропостижно умеръ императоръ Людовикъ Баварскій, всегда оказывавшій Тевтонскому ордену свое покровительство и пріязнь. Было уже выше сказано (стр. 210), что папскій престолъ по смерти Іоанна XXII, послѣдовавшей въ 1334 г., занялъ тулузскій монахъ Бенедиктъ XII, человѣкъ кроткій и набожный. Онъ искренно желалъ примиренія съ императоромъ, но интриги французскаго короля Филиппа VI разстроили все дѣло, примиренія не состоялось. Бенедиктъ XII умеръ въ апрѣлѣ 1342 г. и его мѣсто занялъ расточительный французскій дворянинъ Климентъ VI. Новый папа съ ожесточеніемъ возобновилъ споръ съ императоромъ и споръ дошелъ до того, что въ январѣ 1346 г. разослалъ по всѣмъ епископамъ Германіи, Италіи, Сициліи и Франціи посланіе, предававшее императора проклятію,

---

*) Вартбергъ пишетъ (Приб. Сб. II, 107), что 1348 г. отличался большимъ урожаемъ: послѣ Иванова дня былъ уже новый хлѣбъ и плоды, а вина было привезено такое изобиліе, что въ Ригѣ и другихъ городахъ было записано (вѣроятно, при взятіи таможенныхъ пошлинъ) больше бочекъ вина, чѣмъ пива.

а въ апрѣлѣ 1347 г. разрѣшилъ отъ присяги всѣ имперскіе города, требуя, чтобы и города и князья выбрали другаго императора. Курфирсты трирскій, кельнскій, чешскій и саксонскій и Герлахъ Нассаускій сошлись въ Рензе и на мѣсто Людовика Баварскаго, переставшаго, какъ они говорили, царствовать со времени указовъ Іоанна XXII, избрали императоромъ *Карла IV*, сына короля чешскаго Іоанна, приверженца папы. Другіе германскіе князья не признали этого выбора. Вслѣдствіе этого поднялась страшная сумятица, въ разгарѣ которой и умеръ императоръ Людовикъ. Смерть его ни мало не утишила усобицъ и войнъ; князья, не признававшіе выбора Карла, выбрали въ январѣ 1349 г. императоромъ графа Гюнтера Шварцбургскаго. Карлъ IV, чтобы удержать за собою своихъ приверженцевъ, прибѣгалъ ко всевозможнымъ средствамъ и возбудилъ въ Германіи сущую анархію своими дѣйствіями и манифестами. Во время этихъ-то неурядицъ и безпокойствъ мало находилось охотниковъ, которые бы шли въ Пруссію для походовъ на Литву. Этимъ и объясняется почему великій магистръ, одержавъ побѣду надъ Ольгердомъ, не продолжалъ военныхъ дѣйствій: не было пришлыхъ охотниковъ на рейзы, а собственные силы прусской орденской братіи были недостаточны для борьбы съ Ольгердомъ и Кейстутомъ. Пришлось, слѣд. по неволѣ бездѣйствовать. Къ чести великаго магистра слѣдуетъ упомянуть, что временнымъ затишьемъ онъ воспользовался для внутренняго устроенія своей страны и въ особенности для устроенія судебной части, въ чемъ и достигъ не малыхъ успѣховъ. За сумятицами и усобицами въ Германіи число охотниковъ на рейзы противъ язычниковъ уменьшилось, а тутъ къ довершенію бѣдствій развилась съ 1350 г. безпримѣрно лютая эпидемія, извѣстная подъ именемъ *черной смерти*. Болѣзнь эта, занесеная въ Сирію изъ Китая и Индіи, была на корабляхъ завезена въ южную Европу и въ 1350—51 годахъ обошла всю западную Европу, всюду истребляя громадное количество народа. Появившись въ орденскихъ владѣніяхъ въ Пруссіи, эпидемія свирѣпствовала здѣсь съ чрезвычайною силою. Въ одинъ годъ въ Гданскѣ умерло болѣе 13000 человѣкъ, въ Торнѣ болѣе четырехъ тысячъ, въ Эльбингѣ до 6000 чел., въ Кенигсбергѣ 8000 чел. Орденской братіи отъ эпидеміи умерло 170 человѣкъ. Число народа, умершаго по деревнямъ, было несчетное. Въ 1351 г. черная смерть на корабляхъ была завезена въ Ливонію, въ 1352 г. появилась въ Псковѣ, а за тѣмъ въ 1353 г. обошла всю Россію, всюду причиняя неслыханную смертность. Эта эпидемія истребила по меньшей мѣрѣ треть всего населенія Европы, истребила множество народа въ Пруссіи и Ливоніи, такъ что и ратниковъ не откуда было брать: приходилось отложить попеченіе о войнахъ.

Другія обстоятельства и условія побуждали Ольгерда оставить на время въ покоѣ прусскихъ и ливонскихъ рыцарей. Дѣло въ томъ, что во время наступившаго затишья съ прускою и ливонскою орденскою братію русско-литовскимъ князьямъ пришлось обратить свои силы для военныхъ дѣйствій противъ короля польскаго, Казиміра Великаго, сына и преемника Локетка, того самаго Казиміра, за котораго Гедиминъ выдалъ свою дочь (см. выше стр. 203). Поводомъ къ столкновенію послужили событія, совершившіеся въ Галицко-волынскомъ княженіи.

Было уже выше сказано (стр. 196) что сынъ Гедимина, Любартъ, былъ женатъ на дочери послѣдняго волынскаго князя Льва Юрьевича. По смерти этого князя, часть его удѣла отошла къ Любарту, остальныя же галицко-волынскія земли сосредоточились подъ властію Юрія II Андреевича (внука Юрія I Львовича). Юрій II умеръ около 1337 г., не оставивъ потомства, тогда галицкіе бояре посадили на галицкое княженіе мазовецкаго князя Болеслава Тройденовича. — Князь этотъ изъ православія перешелъ въ като

личество, но своею безпутною жизнію и расточительностію до того вооружилъ противъ себя бояръ, что тѣ въ 1340 г. отравили его. Тутъ-то возникъ вопросъ о галицко-волынскомъ наслѣдствѣ. Ближайшимъ преемникомъ явился сынъ Гедимина, Любартъ, но онъ встрѣтилъ сильнаго себѣ соперника въ мужѣ своей сестры, королѣ Казимірѣ польскомъ. Поляки издавна уже стремились къ захвату русскихъ земель. Потерявъ Балтійское поморье, отнятое у нихъ прусскими рыцарями, потерявъ Силезію, они искали лишь случая поживиться на счетъ русскихъ земель, и какъ только Болеславъ Тройденовичъ умеръ, король Казиміръ немедленно овладѣлъ галицко-волынскимъ княженіемъ. Гедиминовичи возстали противъ захвата, пошли войною на Казиміра и отвоевали у него къ 1345 г. большую часть захвата; за Казиміромъ осталось владѣніе только Львовскою землею. Но вотъ 2 февраля 1348 г. литовскіе князья потерпѣли пораженіе на рѣкѣ Стравѣ, — Казиміръ не замедлилъ возобновить войну. Быстрымъ походомъ онъ овладѣлъ многими волынскими городами, въ томъ числѣ и Брестомъ, принадлежавшимъ Кейстуту. Ольгердъ не двигался, выжидая, по своему обычаю, удобнаго момента для нападенія на польскаго короля, захватившаго волынскія земли, гдѣ уже владѣлъ Любартъ Гедиминовичъ. Кейстутъ вошелъ въ сношенія съ Казиміромъ о возвращеніи ему Бреста съ Полѣсьемъ; Король, по всей вѣроятности, писалъ Кейстуту, что если онъ хочетъ владѣть Брестомъ, то пусть принимаетъ католичество, въ такомъ случаѣ не только возвратитъ себѣ Брестъ съ Полѣсьемъ, но получитъ титулъ короля литовскаго и помощь всего христіанства для утвержденія независимости. Кейстутъ, по видимому, склонялся на предложенія, но никакого положительнаго обѣщанія не давалъ, тѣмъ не менѣе король Казиміръ написалъ папѣ Клименту VI, что Кейстутъ принимаетъ католичество, что ему слѣдуетъ дать королевскій титулъ и что значительная часть Литвы послѣдуетъ примѣру своего князя и пристанетъ къ католичеству. Папа, конечно, обрадовался такому извѣстію, и въ октябрѣ 1349 г. писалъ и королю и Кейстуту, обѣщая послѣднему королевскую корону. Ничего, однако, изъ этаго не вышло: Кейстутъ и не думалъ о принятіи католичества, напротивъ, выждавъ удобный моментъ, напалъ въ концѣ 1349 г. съ помощію другихъ своихъ братьевъ на Волынь и вытѣснилъ оттуда поляковъ. За тѣмъ въ 1350 г. Ольгердъ, Кейстутъ и Любартъ опустошили часть польскихъ земель за Бугомъ и осадили Львовъ. Взять этого города имъ не удалось, но за то они взяли Холмъ, Владиміръ и Брестъ, выжгли множество деревень и увели большой полонъ. Тогда папа Климентъ VI назначилъ Казиміру десятую часть церковныхъ доходовъ и велѣлъ польскимъ епископамъ проповѣдывать крестовый походъ на Литву. Началась война. Король призвалъ къ себѣ на помощь своего племянника и наслѣдника польской короны угорскаго короля Людовика и въ 1350 г. напалъ на Любарта. Кейстутъ поспѣшилъ на помощь брату, сразился съ королемъ, но неудачно: онъ потерпѣлъ пораженіе и вмѣстѣ съ братомъ попался въ плѣнъ. Любарта освободили, взявъ съ него слово, что онъ уплатитъ выкупъ, а Кейстуту удалось какими-то судьбами бѣжать. Въ 1351 г. война стихла; враждующія стороны подѣлили между собою Волынь, — а Ольгердъ послѣ того успѣлъ подчинить своей власти Подолію.

Таковы были обстоятельства, мѣшавшія и рыцарямъ и литовскимъ князьямъ дѣйствовать другъ противъ друга въ теченіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ.

Въ концѣ лѣта 1351 г. великій магистръ Дусмеръ, за преклонностію лѣтъ и болѣзнею, отказался отъ своей должности. На гене-

ральномъ капитулѣ, происходившемъ въ сентябрѣ этого года, на должность великаго магистра былъ избранъ *Винрихъ Книпродскій* (von Kniprode), занимавшій до того въ орденѣ высшую послѣ великаго магистра должность великаго командора. Онъ вступилъ въ управленіе орденскими дѣлами съ 14 сентября 1351 г. Черная смерть еще продолжала свирѣпствовать въ прусскихъ орденскихъ владѣніяхъ; смертность была громадная, за чрезвычайною смертію всякіе промыслы и торговля прекратились, а тутъ на небѣ засіяла большая комета, наводившая въ тѣ времена всеобщій ужасъ, страшая буря разразилась надъ Гданскомъ. Чѣмъ же было умилостивить очевидный гнѣвъ Божій? Въ другихъ западно-европейскихъ странахъ думали заслужить милость Божію избіеніемъ евреевъ и паломничествомъ въ святыя мѣста*), въ Пруссіи орденская братія думала умилостивить Создателя избіеніемъ литовскихъ язычниковъ, съ которыми не было войны три года. Новый великій магистръ былъ не прочь возобновить войну, тѣмъ болѣе, что время для нападенія казалось ему очень благопріятнымъ: русско-литовскіе князья были заняты войною съ Казиміромъ, а тутъ подошли съ дружинами и знатные гости изъ Германіи, бургграфъ Этингенскій и др., давшіе обѣтъ сдѣлать походъ на язычниковъ. Великій магистръ собралъ войско и зимою 1351—1352 года повелъ его на Жмудь по направленію къ нынѣшнимъ Россіенамъ. Начались обычныя опустошенія, выжиганія и умерщвленія всего встрѣчнаго. Походъ, однако, кончился полною неудачею: пошли дожди, разошлись рѣки и орденское войско должно было поспѣшно отступать къ Рагниту. По дорогѣ пришлось бросить захваченный скоть и добычу; отъ недостатка фуража лошади гибли сотнями, множество народа погибло съ голоду или перетонуло въ рѣкахъ, великій магистръ привелъ обратно скудные остатки своего войска въ самомъ печальномъ видѣ.

Ольгердъ и Кейстутъ, раздраженные подобнымъ набѣгомъ, не замедлили отмщеніемъ. Зимою 1351 года война съ Казиміромъ стихла; оба брата воспользовались этимъ, и съ собраннымъ войскомъ въ февралѣ 1352 года вторглись въ орденскія владѣнія. Раздѣливъ войско на четыре отряда, они предали чрезвычайнымъ опустошеніемъ земли до Куришгафа, перебили множество народа, и захвативъ въ полонъ женщинъ и дѣтей (мущинъ, по обычаю, умерщвляли), множество скота и др. добычи, возвратились домой довольные успѣхомъ.

Съ этого времени начинается рядъ опустошительныхъ набѣговъ

*) Въ 1350 году папа объявилъ празднованіе юбилейнаго года. Вслѣдствіе этого массы паломниковъ отправились въ томъ году въ Римъ на поклоненіе тамошнимъ святынямъ.

рынарей на Жмудь и русско-литовскихъ князей на орденскія владѣнія. Начались частыя рейзы, обыкновенно зимою, около Срѣтенія и обыкновенно безплодныя. Король Казиміръ польскій въ это время началъ снова воевать съ Ольгердомъ изъ за Волыни, сильно обвиняя орденъ предъ папою, что онъ мирволитъ язычникамъ, не дѣйствуетъ энергически какъ бы слѣдовало. Война Ольгерда съ Казиміромъ тянулась до 1356 г., когда обѣ стороны заключили между собою неремиріе, при чемъ каждая осталась при томъ, чѣмъ владѣли въ 1345 г., т. е. за королемъ осталась львовская земля, а волынскія земли остались за русско-литовскими князьями. Ольгердъ иногда входилъ въ сношенія съ великимъ магистромъ, одно время былъ непрочь совсѣмъ помириться съ орденомъ, и съ этою цѣлію въ іюлѣ 1358 г. отправилъ въ Нюренбергъ къ императору Карлу IV посольство, во главѣ котораго находился знаменитый Кейстутъ. Посольство заявило императору, что русско-литовскій князь Ольгердъ готовъ примириться съ орденомъ, что онъ непрочь и присоединиться къ римской церкви. Императоръ чрезвычайно обрадовался предложенію, немедленно же назначилъ комисарами архіепископа Эрнста Пражскаго, герцога Болько Швейдницкаго и германскаго провинціальнаго магистра Вольфрама Неленбурга, которые должны были отправиться въ Литву и войти въ ближайшія соглашенія съ Ольгердомъ. Имѣются извѣстія (см. Исторію Пруссіи Фохта, V, 128, примѣч. 1), что Ольгердъ поручилъ комисарамъ заявить императору, что онъ около Рождества прибудетъ въ Бреславъ, гдѣ желалъ-бы свидѣться съ императоромъ и тамъ принять католичество. Императоръ къ назначенному сроку прибылъ въ Бреславъ и тутъ узналъ, что Ольгердъ соглашается принять католичество только въ такомъ случаѣ, если орденъ возвратитъ Литвѣ всѣ завоеванныя имъ литовскія земли, въ томъ числѣ Куронію и Семигалліо. Само собою разумѣется, что изъ всего дѣла ровно ничего не вышло. Быть можетъ Ольгердъ и Кейстутъ и хотѣли примириться съ орденомъ, но чтобы серъезно думали о принятіи католичества, то это болѣе чѣмъ сомнительно. Кейстутъ во всю свою жизнь и слышать не хотѣлъ о христіанствѣ, а Ольгердъ слишкомъ хорошо понималъ свое положеніе, чтобы рѣшиться на принятіе католичества и тѣмъ возбудить противъ себя и язычниковъ и русскихъ. Ольгердъ исповѣдывалъ православіе, какъ о томъ заявилъ псковичамъ еще въ 1342 году, крестилъ своего сына Вингольда (Андрея) въ православіе (см. выше стр. 240), въ 1349 г. женился на православной княжнѣ, Юліанѣ Тверской, дворъ которой сдѣлался средоточіемъ православія въ Вильнѣ. Вѣрнѣе всего предполагать, что все дѣло о католичествѣ Ольгердъ съ Кейстутомъ затѣяли, чтобы только выиграть время, дать вздохнуть ихъ литовскимъ подданнымъ хоть бы годъ, другой времени. Князья достигли своей цѣли: 1358 и 1359 годы прошли спокойно, войны съ прусскими рыцарями не было, хотя и не было заключаемо ника-

кого формальнаго мира или перемирія. Противники, очевидно, собирались съ силами, чтобы продолжать борьбу *).

Въ борьбѣ съ Литвою ливонская орденская братія или не принимала вовсе участія или же припимала весьма слабое и ничтожное. Въ битвѣ на Стравѣ ливонскіе рыцари не учавствовали совсѣмъ, а за тѣмъ лѣтъ десять, до самаго 1358 г., никакихъ непріязнаенныхъ дѣйствій съ Литвою не предпринимали.

Было уже выше сказано (стр. 242), что послѣ столкновенія съ Псковомъ въ 1343 году, во время общаго возстанія чуди, орденская братія лѣтъ шесть не трогала псковичей, но и псковичи не тревожили нѣмцевъ: мира не было, но и открытой войны обѣ стороны не начинали. Такое иоложеніе продолжалось бы и болѣе, если бы шведскій король не задумалъ обратить въ католичество новгородцевъ.

Мы уже видѣли чего именно добывались шведы, воюя съ новгородцами. Малая война продолжалась почти всю первую половину XIV в.; новгородцы хаживали разорять шведскія поселки въ Финляндіи, осаждали Выборгъ, но неудачно; шведы въ свою очередь хаживали подъ Ладогу. Чтобы затруднить шведамъ доступъ въ Ладожское озеро, новгородцы въ 1323 году построили Орѣшекъ (см. стр. 218). Нѣсколько разъ обѣ стороны заключали миръ и постоянно его нарушали, ибо шведы, подстрекаемые папскими буллами къ распространенію католичества, постоянно стремились обратить въ католичество новгородскихъ данниковъ, корелу, принявшую православіе. Войны изъ за овладѣнія устьемъ Невы и Ладоги начинали принимать религіозный характеръ, который съ особенною силою выразился въ 1348 году. Въ это время шведскимъ и норвежскимъ королемъ былъ Магнусъ Эрихсонъ, человѣкъ расточительный и своею безпутною жизнію

---

*) Вотъ что пишетъ Вартбергъ (Прибалт. Сборн. II, 108) въ своей лѣтописи подъ 1358 г., когда зашла было рѣчь о принятіи католичества Ольгердомъ и Кейстутомъ. „Тогда же (1358 г.) случилось, что одинъ мнимый родственникъ императора, измѣнившій ордену человѣкъ, по имени Плаве, распространилъ для поруганія ордена между приближенными императора слухъ о томъ, будто литовцы хотятъ креститься въ католическую вѣру. Императоръ, легковѣрно повѣривши ему, послалъ для изслѣдованія дѣла архіепископа пражскаго, герцога троппаускаго и нѣмецкаго магистра. Великій магистръ, доставивши надежныхъ проводниковъ, препроводилъ ихъ съ большими издержками къ литовцамъ, гдѣ они объяснили цѣль своего посольства. Но литовцы потребовали слѣдующей пограничной линіи: сначала начиная отъ Мазовіи до верховья рѣки Алле; затѣмъ по Алле внизъ до впаденія Алле въ рѣку Прегель, затѣмъ рѣкою Прегелемъ до Фришъгафа; далѣе до моря и оттуда вдоль моря до того мѣста, гдѣ Двина впадаетъ въ море; затѣмъ по Двинѣ вверхъ до того мѣста, гдѣ въ Двину впадаетъ рѣчка, вытекающаго изъ озера Лубана, и отъ этой рѣчки вдоль названнаго озера по прямой дорогѣ въ Россію. Далѣе они потребовали, чтобы орденъ, для защиты ихъ отъ нападенія татаръ, былъ переведенъ въ пустыни между татарами и русскими, и чтобы вся Россія нѣликомъ принадлежала литовцамъ, и сказали: „Если мы достигнемъ нашихъ требованій, то исполнимъ волю императора“. Вслѣдствіе этого послы, ничего не сдѣлавши, возвратились назадъ, такъ какъ нашли требованія литовцевъ несоразмѣрно великими.“

возбудившій противъ себя неудовольствіе шведовъ. Желая чѣмъ нибудь загладить неудовольствіе, онъ вдругъ обнаружилъ чрезвычайную ревность къ распространенію католичества и затѣялъ предпринять крестовый походъ на новгородцевъ, десятина на который была собрана въ Швеціи еще во время его малолѣтства. Въ 1348 г. онъ прислалъ въ Новгородъ пословъ съ неожиданнымъ предложеніемъ (см. первую Новгородскую лѣтопись, стр. 83): „Пришлите на съѣздъ своихъ философовъ, и я пошлю своихъ; пусть поговорятъ о вѣрѣ; а я хочу знать, какая вѣра будетъ лучшая: если ваше окажется лучшею, то я иду въ вашу вѣру, если же наша лучше, то вступайте въ нашу вѣру и будемъ всѣ какъ одинъ человѣкъ; если не пойдете въ единачество, пойду на васъ со всею моею силою". Новгородскій владыка Василій, посадникъ Ѳедоръ Даниловичъ, тысяцкій Аврамъ и всѣ новгородцы, подумавши, дали такой отвѣтъ: „Если хочешь узнать, какая вѣра лучше, наша или ваша, то пошли въ Царьградъ къ натріарху, потому что мы приняли отъ грековъ православную вѣру, а съ тобою намъ нечего спорить о вѣрѣ; если же тебѣ есть какая обида отъ насъ, то о томъ шлемъ тебѣ на съѣздъ", и послали къ королю Аврама тысяцкаго, Кузьму Твердиславля и другихъ бояръ. Король въ это время со всею своею силою стоялъ уже у Березоваго острова, противъ Выборга. Новгородскіе послы прибыли въ Орѣховецъ и отсюда отправились къ королю. Магнусъ сказалъ Кузьмѣ: „Обиды мнѣ отъ васъ нѣтъ никакой; ступайте въ мою вѣру, а не пойдете, такъ иду на васъ со всею силою". Онъ отпустилъ пословъ, которые и воротились въ Орѣховецъ. Король осадилъ эту новгородскую крѣпость и разослалъ во всѣ стороны военные отряды крестить ижорянъ въ католичество, а всѣмъ попадавшимся русскимъ велѣлъ остригать бороды и силою присоединять къ латинству. Но русскіе скоро показали, что у нихъ бороды опять отросли — говоритъ шведская хроника. Новгородцы отправили противъ шведовъ небольшую дружину подъ начальствомъ Онициfора Лукинича, которому и удалось перебить человѣкъ 500 нѣмцевъ, находившихся въ крестовомъ ополченіи Магнуса, захватить нѣсколькихъ въ плѣнъ и казнить перевѣтниковъ. Малая дружина, конечно, не могла отбить короля отъ Орѣшка. Между тѣмъ посадникъ Оедоръ Даниловичъ собралъ войско и съ небольшимъ числомъ псковичей и новоторжцевъ отправился въ Ладогу,ославъ въ Москву сказать великому князу Симеону Іоанновичу: „Пойди, княже, къ намъ боронити своея отчины, яко идетъ на насъ король свейскій, нарушивши крестное цѣлованіе". Симеонъ пошелъ было съ войскомъ, но, отвлекаемый другими дѣлами, воротился съ дороги, ввѣривъ войско своему брату Іоанну, который и прибылъ въ Новгородъ, но въ Ладогу къ новгородскому войску не пошелъ. Король между тѣмъ овладѣлъ Орѣшкомъ, захватилъ здѣсь въ плѣнъ тысяцкаго Аврама, Кузьму Твердиславича и восьмерыхъ другихъ бояръ и, по-

ставивъ въ Орѣшкѣ шведскій гарнизонъ, самъ ушелъ домой въ Швецію, увезя съ собою плѣнныхъ бояръ. Братъ великаго князя, человѣкъ вовсе не воинственный, услышавъ о взятіи Орѣшка, ушелъ съ московскимъ войскомъ обратно въ Низовую землю.

Такимъ образомъ новгородцы были предоставлены самимъ себѣ. Вмѣстѣ съ псковичами они осенью 1348 г. пошли къ Орѣшку и по дорогѣ дали жалованье (заключили договоръ, см. П. С. Р. Л. V, 226) Пскову. По этому договору Псковъ признавался младшимъ братомъ Великаго Новгорода; новгородцы отказывались отъ права назначать посадниковъ въ Псковъ; владычнимъ намѣстникомъ на церковномъ судѣ во Псковѣ долженъ быть природный псковичъ, а въ Новгородѣ псковичи не могли быть призываемы къ суду какъ свѣтскому чрезъ подвойскихъ, извѣтниковъ и биричей, такъ и церковному чрезъ софьянъ или владычнихъ людей. Новгородское ополченіе съ псковичами подступили къ Орѣшку, въ которомъ заперся шведскій гарнизонъ силою въ 800 человѣкъ. Началась осада; вдругъ псковичи получили извѣстіе, что ливонскіе нѣмцы пришли воевать псковскую землю одновременно въ разныхъ мѣстахъ. Псковичи, конечно, всполошились, и собрались уходить на защиту своей земли. Тщетно новгородцы упрашивали ихъ остаться, псковичи не остались и ушли изъ подъ Орѣшка и при томъ не ночью, а въ полдень, при звукѣ трубъ, бубновъ и „посвистѣлей“.

Вѣсти оказались вѣрными: ливонскіе нѣмцы (см. Псковскую первую лѣтопись, стр. 189) въ іюнѣ 1348 г. въ то время, когда псковичи стояли подъ Орѣшкомъ, перешли чрезъ Нарову, повоевали псковскія села, за тѣмъ воевали села около Острова, подходили къ Пскову, сожгли хоромы на Завеличьи, потомъ подошли къ Изборску и пожгли изборскія села. Князя Андрея Ольгердовича во Псковѣ въ это время не было, онъ находился въ Полоцкѣ, а Псковомъ правилъ его намѣстникъ князь Юрій Витовтовичъ. Лѣтописецъ не упоминаетъ, чтобы псковичи съ намѣстникомъ ходили отмстить нѣмцамъ этотъ набѣгъ, но разсказываетъ, что 15 апрѣля слѣдующаго 1349 г. нѣмцы подступили къ Изборску, куда въ то время прибылъ князь Юрій Витовтовичъ для освященія церкви. Князь съ псковичами и изборянами выступилъ противъ нѣмцевъ, но при первой же схваткѣ былъ убитъ. „Бысть же тогда во Псковѣ скорбь и печаль велика, проводиша князя все поповство и иоложиша въ святой Троицѣ“, говоритъ лѣтописецъ. Того же лѣта, продолжаетъ онъ, нѣмцы поставили городъ надъ Паровою противъ посада псковскаго; псковичи подняли тогда всю свою волость, поѣхали кто въ ладьяхъ, кто на коняхъ къ нѣмецкому городу и зажгли его. Нѣмцы и чудь, которые были въ городкѣ частію сгорѣли, а частію побѣжали, но псковичи всѣхъ ихъ перебили. Послѣ этого псковичи, видя что отъ князя Андрея Ольгердовича и литовцевъ помощи никакой нѣтъ, послали въ Полоцкъ сказать ему: „Тебѣ бы, княже, слѣдовало сидѣть въ Псковѣ и на-

мѣстниковъ не держать, нынѣ тебѣ не угодно сидѣть въ Псковѣ, княжишь себѣ въ другомъ мѣстѣ, а Псковъ бросилъ, этимъ ты самъ себя лишилъ Пскова, а намѣстниковъ твоихъ не хотимъ". Князь Андрей и отецъ его, Ольгердъ, конечно, разсердились на псковичей. Ольгердъ велѣлъ захватить находившихся въ Литвѣ псковскихъ купцовъ, отнять у нихъ товаръ и коней и самихъ засадить въ тюрьмы, но, потомъ, взявши съ нихъ выкупъ, отпустилъ, а потомъ въ 1350 г. князь Андрей съ полочанами напалъ на сосѣднюю псковскую волость Ворначъ и повоевалъ ее. „Сей первое нача войну", — говоритъ лѣтописецъ. Впослѣдствіи псковичи отмстили Андрею набѣгомъ на полоцкую волость.

Между тѣмъ новгородцы, оставшись одни подъ Орѣшкомъ, не снимали осады, напротивъ дѣятельно продолжали оную всю осень и зиму, и наконецъ 24 февраля 1349 г зажгли городъ и ворвались въ него. Шведы думали спастись въ каменную башню, но были частію изрублены, частію взяты въ плѣнъ. Орѣшекъ по прежнему явился во власти новгородцевъ. Король Магнусъ лѣтомъ 1349 г. снова приплылъ къ русскимъ берегамъ, подступилъ было къ Копорью, но, узнавъ о приближеніи новгородскаго войска, ушелъ къ своимъ кораблямъ, стоявшимъ въ устьѣ Наровы. Буря разбила много кораблей, и Магнусъ ушелъ въ Швецію. Новгородцы въ 1350 г. подступили къ Выборгу, выжгли посадъ его, повоевали окрестныя села, захватили въ плѣнъ не мало шведовъ. Война, конечно, затянулась, если бы въ Швеціи не произошло въ это время переворота: недовольные магнаты низвели Магнуса съ престола, въ Норвегіи посадили королемъ его младшаго сына Гакона, а въ Швеціи старшаго Эриха. По всей вѣроятности, они предложили новгородцамъ помириться, быть можетъ, при посредствѣ ливонскаго магистра, ибо съѣздъ уполномоченныхъ для заключенія мира состоялся, какъ указано въ первой Новгородской лѣтописи (стр. 58) въ Юрьевѣ. Въ іюнѣ 1350 г. миръ былъ заключенъ: размѣнялись плѣнными, а границѣ между шведскими и новгородскими владѣніями положили быть по рѣкѣ Сестрѣ, впадающей въ Финскій заливъ. Этотъ миръ на долго опредѣлилъ границы и отношенія между Швеціею и Новгородомъ. Изъ лѣтописи не видно, что бы на Юрьевскомъ съѣздѣ заходила рѣчь и о примиреніи псковитянъ съ ливонскими нѣмцами. По всей вѣроятности и рѣчи о примиреніи не было. Отношенія между Псковомъ и Ливоніею остались послѣ 1350 г. прежнія: военныя дѣйствія стихли, но и мира не было, и такъ продолжалось лѣтъ тринадцать, въ теченіе которыхъ орденская братія не трогала псковичей, а псковичи не безпокоили своихъ ливонскихъ сосѣдей. Такое неопредѣленное положеніе продолжалось до 1363 года. Подъ этимъ годомъ въ первой Новгородской лѣтописи отмѣчено слѣдующее любопытное извѣстіе (см. П. С. Р. Л. III, 88): „Пріѣхали, говоритъ лѣтописецъ, послы нѣ-

мецкіе, юрьевскіе и вельневедскіе (феллинскіе) въ Новгородъ на смолвку (переговоры) съ псковичами; пришли также и псковичи въ Новгородъ, и повѣствовавше много, пошли прочь, и миру не докончивъ, въ Юрьевѣ приняли гостей (купцовъ) новгородскихъ. Того же лѣта новгородскіе послы, изъ концовъ по боярину, ходили въ Юрьевъ нѣмецкій, и смолвили нѣмцевъ съ псковичами въ любовь, и бысть между ими мирно; и псковичи пустили отъ себя нѣмецкихъ гостей, а нѣмцы пустили новгородскихъ гостей".

Новгородскіе послы, очевидно, были посредниками между псковичами и ливонскими властителями; очевидно также, что торговый интересъ побуждалъ ихъ къ посредничеству. Было уже неоднократно замѣчено, что псковичи постоянно жаловались, что новгородцы или совсѣмъ не поддерживаютъ ихъ въ борьбѣ съ ливонскою орденскою братіею или поддерживаютъ крайне плохо, что обстоятельство это побуждаетъ Псковъ обращаться за помощію къ литовскимъ князьямъ. Жалобы были не безосновательны: новгородцы дружили съ нѣмцами, старались поддерживать торговыя связи съ ними, не даромъ у нихъ былъ нѣмецкій дворъ. Война Пскова съ орденскою братіею прерывала сношенія съ Юрьевомъ, вотъ почему новгородцамъ было важно, чтобы псковичи жили въ мирѣ съ нѣмцами. Псковичи первоначально не соглашались на смолвку, „повѣствовавше много", говоритъ лѣтописецъ, конечно о томъ, что орденская братія не желаетъ мира, да и не соблюдаетъ его. Впрочемъ, кое-какъ помирились. Миръ, однако, продолжался не болѣе пяти лѣтъ. Объ этомъ разскажемъ ниже, а теперь обращаемся къ прерванному разсказу о борьбѣ ордена съ Литвою.

Король польскій Казиміръ, называемый Великимъ, хотя для поляковъ и Польши не сдѣлавшій ничего великаго, враждуя съ русско-литовскими князьями изъ за Волыни, писалъ папѣ, что тевтонскій орденъ мирволитъ литовскимъ язычникамъ, не дѣлаетъ на нихъ походовъ, не заботится о распространеніи католичества между ними. Подобныя жалобы имѣли свои основанія: орденская братія дѣйствительно года два, въ 1358 и 1359 г., не тревожила литовцевъ, рейзовъ на Жмудь и Литву не предпринимала, — да и предпринимать не считала соотвѣтственнымъ своимъ интересомъ Дѣло въ томъ, что ордену одинаково было невыгодно и усиленіе Польши и усиленіе Литвы. По Калишскому договору, заключенному въ 1343 г., Польша хотя и получила Куявы и землю Добрынскую, но за то потеряла Гданское Поморье, лишилась Валтійскаго прибрежья, слѣд. и выгодъ морской торговли. Дать усилиться польскому королю, это значило бы дать ему средства возвратить себѣ Гданскъ; такъ съ какой стати нападать на Литву и обезсиленіемъ русско-литовскихъ князей усиливать Польшу, пусть лучше Польша и Литва враждою и войною между

собою обезспливаютъ другъ друга. Вотъ причина почему орденская братія въ концѣ пятидесятыхъ годовъ XIV ст. не тревожила Литву, и если ливонская братія и дѣлала набѣги на Жмудь, то совершенно ничтожныя. Такъ Вартбергъ въ своей лѣтописи (см. Прпб. Сб. II, 107) отмѣчаетъ, что въ 1358 г. ливонскій магистръ Госвинъ разрушилъ жмудскій городокъ Добиценъ въ саулинской землѣ (вѣроятно нынѣшній Подубисъ въ шавельскомъ уѣздѣ), въ слѣдующемъ 1359 г. дѣлалъ походъ на Попиленъ (Попели въ одной милѣ отъ семигальской границы).

Этотъ походъ былъ послѣднимъ походомъ Госвина. Онъ умеръ 10 сентября 1359 г., и ливонскимъ магистромъ былъ назначенъ маріенбургскій командоръ *Арнольдъ Фитингофъ*, по словамъ Вартберга, искусный воинъ.

Въ 1360 г. сильное моровое повѣтріе опустошало Литву. Это не было черная смерть, но скорѣе чума, причинившая огромную смертность*). Съ 1360 г. возобновились и набѣги на Литву: но уже съ цѣлями прочно утвердиться въ ней. Въ этомъ году прусскими рыцарями было сдѣлано два похода на Жмудь; во время весенняго похода были заложены на правомъ берегу Нѣмана двѣ крѣпости: Нейгаузъ и Винденбургъ; другой походъ происходилъ осенью, когда въ Пруссію прибыли заграничные гости, Оттонъ, по прозванію Стрѣлокъ, ландграфъ Гессенскій, вмѣстѣ съ аббатомъ Фульдскимъ.

Этотъ второй походъ происходилъ въ то самое время, когда чешскіе и имперскіе войска ходили войною противъ герцога Эбергарда Вюртембергскаго, самаго отъявленнаго разбойника въ южной Германіи, котораго даже въ то время, когда разбой считался рыцарскимъ промысломъ прозвали Свирѣпымъ. Этотъ Эбергардъ, назначенный, впрочемъ, самимъ императоромъ Карломъ IV намѣстникомъ Швабіи, до того грабилъ богатые швабскіе города, что противъ него пришлось употребить силу. Имѣются свѣдѣнія, что Ольгердъ прислалъ императору вспомогательный литовскій отрядъ на усмиреніе Эбергарда. Такимъ образомъ въ то самое время, когда литовцы ходили на помощь имперскимъ людямъ, имперскіе люди ходили грабить литовцевъ.

Не пребывалъ въ покоѣ и новый ливонскій магистръ, Арнольдъ Фитингофъ. По словамъ Вартберга (Приб. Сб. II, 109), онъ сдѣлалъ походъ на дворъ какого-то жмудскаго боярина Эгинтена, хвалившагося что можетъ изгнать и изгонитъ изъ Ливоніи всѣхъ христіанъ и нѣм-

---

*) Въ первой Новгородской лѣтописи подъ 1360 г. отмѣчено (см. П. С. Р. Л. III. 87): Того же лѣта былъ моръ сильный въ Псковѣ; и прислали пословъ псковичи къ владыкѣ съ мольбою и челобитьемъ, чтобы ѣхалъ въ Псковъ, и ихъ бы благословилъ. И владыка Алексѣй послушалъ мольбы ихъ и моленія, пришедши, благословилъ ихъ отъ велика даже и до убога; и обходилъ съ крестами весь городъ Псковъ, и три литургіи совершилъ въ святыхъ Божіихъ церквахъ, и оттолѣ пошелъ къ Новугороду, къ своему престолу; а псковичамъ оттолѣ начала лучше бывать милость Божіе, перешелъ моръ у нихъ".

Былъ-ли этотъ моръ въ Ливоніи — неизвѣстно, но онъ изъ Литвы распространился далеко въ польскихъ и прускихъ владѣніяхъ.

цевъ и уже назначившаго разные замки своимъ роднымъ и друзьямъ. Магистръ опустошилъ этотъ дворъ и окрестную мѣстность, но не остался безъ отмщенія: въ сентябрѣ того же 1360 г. литовцы сильно опустошили ливонскія орденскія владѣнія, повыжгли церкви; въ февралѣ 1361 г. сдѣлали новый набѣгъ, сожгли церковь въ Леневарденѣ, и съ добычею и полономъ безнаказано воротились въ свою землю.

Въ 1361 г. прусскіе рыцари сдѣлали три похода на Литву, но неудачные.

Въ этомъ году Кейстутъ попался было въ плѣнъ рыпарями, но ушелъ изъ плѣна при обстоятельствахъ, заслуживающихъ упоминанія (см. Фохта «Исторія Пруссіи», V, 143—149): Былъ попечителемъ Растенбургскаго конвента нѣкто Генрихъ Кранихфельдъ, чедовѣкъ смѣлый и рѣшительный. Онъ уже былъ въ плѣну у литовцевъ, но какими-то судьбами ушелъ изъ плѣна. Предъ Пасхою 1361 г. онъ подобралъ себѣ отважныхъ товарищей и съ большою партіею предпринялъ набѣгъ на окрестности Бѣльска. Рѣка Наревъ въ это время была въ разливѣ; переправиться чрезъ нее не было возможности, потому партія вынуждена была придти въ ближайшую орденскую крѣпость Экерсбергъ. Отсюда Кранихфельдъ выслалъ разъѣздъ провѣдать нельзя-ли гдѣ пробраться въ Литву у Леценбурга. Разъѣздъ этотъ наткнулся на слѣды литовской конницы и узналъ, что то были человѣкъ 500 литовскихъ всадниковъ, среди которыхъ находились Ольгердъ и Кейстутъ со своимъ сыномъ Патиргомъ (Патрикіемъ), забавлявшіеся охотою. Начальникъ разъѣзда, нѣкто Белеръ, тотчасъ послалъ гонца въ Экерсбергъ дать знать объ оказавшемся. Кранихфельдъ со своимъ отрядомъ и нѣкоторые экерсбергскіе рыцари выступили къ тому мѣсту, гдѣ охотились литовскіе князья и встрѣтили ихъ подъ деревнею Милкунами. Немедленно же произошла сильная схватка; литовскій отрядъ былъ разбитъ, при чемъ Кейстутъ былъ выбитъ изъ сѣдла и захваченъ въ плѣнъ Кранихфельдомъ. Знаменитаго плѣнника съ торжествомъ привезли 13 марта 1361 г. въ Маріенбургъ къ великому магистру и заключили въ замкѣ. Два раза изъ Литвы являлось посольство для освобожденіи князя, но орденская братія не соглашалась отпустить своего непримиримаго врага. Такъ какъ Кейстутъ по нѣмецки не зналъ, потому великій магистръ Винрихъ и приставилъ къ плѣннику въ качествѣ своего слуги довѣреннаго молодаго крещенаго литовца, по имени Альфа. При видѣ знаменитаго народнаго вождя, при звукахъ роднаго языка, въ Альфѣ пробудилась любовь къ отечеству и они съ княземъ рѣшились бѣжать. Въ комнатѣ, въ которой содержался Кейстутъ, къ сторонѣ крѣпостнаго рва, находилось заложенное кирпичемъ окно и завѣшенное ковромъ. Альфъ доставилъ князю кирку и тотъ началъ по ночамъ пробивать заложенное окно. Альфъ, прибирая комнату по утрамъ, когда рыцари сбирались къ заутрени, выносилъ соръ. За ковромъ нельзя было видѣть приготовленнаго пролома. Когда проломъ былъ готовъ, Кейстутъ въ полночь на 16 ноября спустился по веревкѣ въ ровъ, гдѣ уже его ждалъ Альфъ. Оба они переодѣлись орденскими рыцарями, въ бѣлые плащи съ черными крестами, и сѣли на коней, взятыхъ съ конюшни великаго магистра. Сторожъ отворилъ мнимымъ рыцарямъ ворота и они поскакали по пути въ Мазовію, князь которой, Янушъ, былъ женатъ на дочери Кейстута, Данутѣ. По дорогѣ бѣглецамъ попадались рыцари, которые привѣтствовали ѣхавшихъ по рыцарскому обычаю, но никто не узналъ бѣглецовъ. По прибытіи въ Либштатъ, Кейстутъ отослалъ великому магистру взятыхъ у него коней, а самъ съ Альфомъ пробрался къ зятю, а

отъ него благополучно воротился въ Литву. Высланная погоня не нагнала Кейстута, и скоро великій магистръ получилъ изъ Трокъ письмо, въ которомъ Кейстутъ благодарилъ его за хорошій пріемъ и помѣщеніе, присовокупляя, что если боги позволятъ ему поймать самаго Книпрода или кого либо изъ орденскихъ сановниковъ, то онъ, Кейстутъ, озаботится дать имъ у себя болѣе надежное помѣщеніе. Кейстутъ пробылъ въ плѣну восемь мѣсяцевъ.

Не такой былъ человѣкъ Кейстутъ, чтобы спустить обиду врагу. Собравъ отборную дружину, онъ въ томъ же 1361 г. вступилъ въ орденскія земли съ цѣлію схватить гдѣ либо Кранихфельда. Онъ разорилъ нѣсколько зямковъ, но нигдѣ не нашелъ Кранихфельда, и самъ вторично попалъ въ плѣнъ, изъ котораго какими-то судьбами снова освободился, бѣгствомъ-ли или подкупомъ — неизвѣстно.

Неудачи походовъ, предпринимаемыхъ на Литву, указывали орденской братіи, что имъ слѣдуетъ или заключить миръ съ русско-литовскими князьями, или продолжать настойчивѣе вести войну, годъ отъ году, по мѣрѣ усиленія русско-литовскихъ князей, дѣлавшейся болѣе и болѣе трудною. О мирѣ нечего было и думать: Иннокентій VI, вступившій на папскій престолъ въ 1352 г. послѣ Климента VI, и слышать не хотѣлъ о мирѣ съ язычниками, приходилось браться за оружіе.

До сихъ поръ прусская орденская братія въ войнахъ съ Литвою ограничивалась по большей части опустошеніями Жмуди, не влекшими за собою никакихъ существенно важныхъ результатовъ. Жмудь, вслѣдствіе непрерывныхъ набѣговъ, представляла собою уже порядочную пустыню; обезсилить литовскихъ князей было невозможно, не перенеся театра войны за жмудскіе предѣлы, въ мѣстности за рѣкою Виліею. Но утвердиться тутъ было невозможно безъ овладѣнія литовскою крѣпостію Ковною, построенною при впаденіи Виліи въ Нѣманъ. Только съ покореніемъ Ковны можно было открыть путь къ завоеваніямъ въ самой Литвѣ, потому великій магистръ и рѣшился овладѣть этою крѣпостью. Зимою 1361 г. послали развѣдчиковъ узнать о состояніи Ковны, о числѣ ея гарнизона и средтсвахъ къ оборонѣ, за тѣмъ начали заготовлять осадныя машины, провіантъ и собирать войска. Сборнымъ пунктомъ назначили Кенигсбергъ. Сюда въ февралѣ 1362 г. прибыли ратники изъ Германіи, Италіи, Англіи и Даніи. Весна началась рано и дозволила предпринять походъ подъ Ковну въ началѣ марта. Самъ великій магистръ принялъ главное начальство надъ собравшимся многочисленнымъ и хорошо вооруженнымъ войскомъ и изъ Кенигсберга повелъ его къ Рагниту. Здѣсь 13 марта большая часть войска сѣла на приготовленныя суда; оружіе, машины, запасы везли на парусныхъ плоскодонныхъ судахъ (батахъ). Другая часть войска шла по лѣвому берегу Нѣмана. Орденское войско скоро стало подъ Ковною, начальникомъ гарнизона въ которой былъ сынъ Кейстута, Войдатъ.

Началась осада. Ольгердъ и Кейстутъ поспѣшили на помощь къ Ковнѣ, вступили въ сраженіе, но потерпѣли пораженіе и должны

были отступить на правый берегъ Виліи. Осаждающіе подступили къ крѣпостнымъ стѣнамъ и начали разбивать ихъ стѣнобитными машинами; осажденные оборонялись съ необыкновеннымъ упорствомъ, но ничего не могли подѣлать противъ разрушительнаго дѣйствія машинъ. Стѣны и башни валились подъ ударами таранов; съ вербнаго воскресенья, 10 апрѣля, начались рѣшительные приступы и когда осаждающіе успѣли зажечь крѣпость, гарнизону ея ничего не оставалось дѣлать какъ сдаться. Ковна послѣ 25 дневной осады была взята въ великую субботу. Войдатъ и съ нимъ 36 бояръ были взяты въ плѣнъ (о ихъ дальнѣйшей судьбѣ ничего вѣрнаго неизвѣстно), изъ гарнизона, численность котораго не превосходила 3000 человѣкъ, мало кто остался въ живыхъ; осаждающіе же понесли потерю, по всей вѣроятности, вдвое большую.

На другой день, въ свѣтлое Христово Воскресенье, 16 апрѣля, на развалинахъ крѣпости былъ воздвигнутъ алтарь и епископъ самландскій отслужилъ обѣдню, а за тѣмъ великій магистръ распорядился совершеннымъ уничтоженіемъ остатковъ крѣпости: засыпали рвы, сожгли мосты, уничтожили всѣ укрѣпленія, такъ что и слѣдовъ отъ крѣпости не осталось. Христіанское войско, по уничтоженіи Ковны, возвратилось домой.

Слухъ о паденіи важной языческой крѣпости быстро распространился по Германіи. Явилось не мало охотниковъ продолжать войну, и тѣмъ самымъ явилась возможность великому магистру произвесть вторженіе уже въ самую Литву. Въ слѣдующемъ 1363 г. онъ предпринялъ новый походъ, давъ приказъ ливонскому магистру, Арнольду Фитингофу, чтобы онъ съ ливонскими ратниками шелъ на соединеніе съ прусскою орденскою братіею между рѣками Невяжею и Виліею. Въ январѣ 1363 г. великій магистръ опустошилъ окрестности Эйраголы, разбилъ литовскій отрядъ, перешелъ Невяжу и направился къ Жеймамъ, предавая огню и мечу все встрѣчное. Ливонскій магистръ прибылъ также на театръ войны: пожаръ Жеймовъ указалъ ему гдѣ былъ великій магистръ. Они свидѣлись между собою и условились куда идти каждому. Великій магистръ направилъ свое войско на опустошеніе Свилонской и Шадовской волостей. Тутъ ему удалось поймать какого-то языческаго жреца, который служилъ ему проводникомъ, водилъ нѣмцевъ изъ деревни въ деревню и указывалъ мѣста, гдѣ скрывались жители. Восемь дней продолжался грабежъ и истребленіе; край этотъ никогда еще не испытывалъ непріятельскихъ нашествій, былъ не тронуть, а потому нѣмцы собрали здѣсь огромную добычу и полонъ. Множество дѣтей и женщинъ пошли въ неволю, а число убитаго народа нельзя и счесть, говоритъ лѣтописецъ. Все это разореніе происходило въ концѣ января и началѣ февраля 1363 г. Въ какихъ мѣстахъ грабилъ и жегъ ливонскій магистръ, къ ополченію котораго пристало много заграничныхъ гостей, неизвѣстно, но, кажется,

что ему не слишкомъ повезло, иначе нѣмецкіе лѣтописцы не обошли бы молчаніемъ его дѣйствій въ Литвѣ.

Не успѣлъ великій магистръ воротиться домой съ литовскаго набѣга, столь для него удачнаго, какъ къ нему явились новые гости изъ Англіи и Шотландіи для войны съ язычниками. Великимъ постомъ въ 1363 г. съ прибывшими гостями прусская орденская братія дѣлала походъ на Гродну и противъ мазовецкаго князя Семовита, находившагося въ дружескихъ связяхъ съ литовцами. Ольгерда въ это время въ Литвѣ не было: онъ предпринялъ походъ на Крымъ для защиты Подоліи отъ татарскихъ набѣговъ, предоставивъ оборону Литвы отъ орденской братіи Кейстуту, который послѣ паденія Ковны не бездѣйствовалъ, напротивъ заложилъ новую крѣпость при впаденіи Невяжи въ Нѣманъ, назвавъ оную Новою Ковною. Крѣпость эта угрожала орденскимъ владѣніямъ сильнѣе бывшей Ковны, потому великій магистръ рѣшился во что бы то ни стало уничтожить ее. Съ этою цѣлію осенью 1363 г. онъ предпринялъ походъ, и воспользовавшись оплошностью Кейстута, оставившаго для прикрытія строющейся крѣпости небольшія силы, разорилъ и сжегъ до тла Новую Ковну. Кейстутъ, узнавъ про это, поспѣшилъ усилить гарнизоны крѣпостей Биссены (Бистена) и Веллоны, но это не помогло: великій магистръ овладѣлъ этими крѣпостями и сжегъ ихъ до основанія.

Кейстутъ не оставилъ этихъ разореній безъ отмщенія. Онъ сдѣлалъ въ 1364 г. набѣгъ на земли самландскаго епископа, выжегъ и ограбилъ нѣсколько деревень, и въ слѣдующемъ 1365 г. литовско-русскіе князья, Ольгердъ, Кейстутъ, Патиргъ и Александръ Коріатовичъ четырьмя колонами вторглись въ орденскія земли, опустошили ихъ до самаго Куришгафа, выжгли предмѣстья Рагнита и Тильзита и съ большимъ полономъ воротились домой, отблагодарнвъ боговъ жертвоприношеніями, при чемъ сожгли одного плѣннаго рыцаря со всѣмъ его оружіемъ и конемъ.

Съ этого временн начинаются изъ года въ годъ повторявшіеся набѣги прусскихъ и ливонскихъ рыцарей на Литву и литовцевъ на орденскія земли, набѣги, влекшія за собою большія разоренія, но и ничего больше. Рыцарямъ не только не удавалась далеко проникнуть и утвердиться въ Литвѣ, но приходилось подумывать о своей безопасности, потому что литовское княжество въ теченіе этихъ войнъ съ рыцарями изъ года въ годъ усиливалось новыми пріобрѣтеніями русскихъ земель. Обстоятельства складывались такимъ образомъ, что русскимъ князьямъ ничего не оставалось какъ подчиняться литовскому главенству. Такъ Южная Русь, угнетаемая непосредственно татарскими ордами, легко склонялась къ Литвѣ, чтобы только избавиться отъ татарскихъ разореній. Кіевская область уже при Гедиминѣ находилась въ полузависимости отъ Литвы, Ольгердъ явился уже окончательно княземъ кіевскимъ, отдавъ Кіевъ въ удѣлъ своему сыну

Владиміру, — а за тѣмъ отвоевалъ у татаръ земли между Бугомъ и Днѣпромъ до самаго Чернаго моря и явился такимъ образомъ властителемъ Подоліи и нынѣшней Новороссіи. При Ольгердѣ же въ составъ литовскаго княженія вошла Чернигово-Сѣверская земля, обезсиленная не столько татарскими набѣгами, сколько усобицами своихъ князей; вся Кривская Русь явилась подручною великому князю литовскому, владѣнія котораго къ семидесятымъ годамъ XIV ст. составили весьма обширную территорію. Вокругъ литовскаго князя сосредоточилась вся Западная Россія, блистательная будущность могущественнаго православнаго государя открывалась великому князю литовскому, но ни самъ Ольгердъ, ни его преемники не стояли на высотѣ своей задачи: они сгубили и себя и свое княженіе единственно тѣмъ, что не послѣдовали примѣру московскихъ государей, слышать не хотѣвшихъ о какихъ нибудь сдѣлкахъ или соглашеніяхъ съ католичествомъ. Твердо стоялъ Ольгердъ противъ нѣмецкихъ рыцарей, противъ католической Польши, но не былъ такъ твердъ противъ католическихъ монаховъ, съумѣвшихъ вкрасться въ Вильну. Правда, еще при Гедиминѣ въ Вильнѣ были два католическіе монастыря, но въ началѣ княженія Ольгерда католичества въ Вильнѣ не было; оно появилось вновь во вторую половину его княженія и появилось на пагубу Литвы при помощи одного изъ любимцевъ великаго князя, Гаштольда. Этотъ Гаштольдъ, будучи старостою т. е. велико-княжескимъ намѣстникомъ въ Каменцѣ-Подольскомъ, женился на дочери польскаго пана Бучацкаго съ условіемъ, что приметъ католичество. Онъ сдержалъ условіе, принялъ католичество и, переведенный изъ Каменца воеводою въ Вильну, призвалъ сюда 14 францисканскихъ монаховъ, для которыхъ, съ дозволенія Ольгерда, около 1365 г. построилъ монастырь Богородицы*). Появленіе монаховъ не обошлось даромъ Ольгерду. Двое сыновей его, Корригелло-Константинъ и Бутавъ-Борисъ, крещенные въ православіи, составили въ 1365 г. заговоръ съ нѣкоторыми литовскими боярами съ цѣлію обратиться къ тевтонскому ордену, измѣною ввести рыцарей въ Литву, овладѣть Вильною и верховною властію, а съ тѣмъ вмѣстѣ и великимъ княженіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что заговоръ былъ

*) Виленскіе литовцы лучше чѣмъ Ольгердъ и Гаштольдъ понимали опасность появленія католическихъ монаховъ въ ихъ городѣ. Въ 1368 г., когда Ольгердъ и Гаштольдъ пошли въ походъ на Москву, они сожгли монастырь, семерыхъ монаховъ убили, а другихъ привязали къ деревяннымъ крестамъ и пустили внизъ по Вили, говоря: „вы пришли къ намъ съ заката солнечнаго — на западъ и ступайте". По возвращеніи изъ похода, Гаштольдъ пожаловался Ольгерду на истребленіе монаховъ. Ольгердъ переказнилъ человѣкъ 500 народу, а Гаштольдъ призвалъ въ Вильну вновь францисканцевъ и вновь построилъ имъ монастырь, но уже не въ центрѣ города, а на окраинѣ, „на пескахъ", гдѣ у него былъ свой дворъ. Гаштольдъ въ своемъ ослѣпленіи забылъ или не хотѣлъ помнить, что папа Иннокентій VI буллою, состоявшеюся въ 1363 г. (см. Raynald, Annal, eccles, № 12) даровалъ прощеніе грѣховъ на 12 лѣтъ всякому католику, который пойдетъ на защиту короля Казимира польскаго, и въ войнѣ съ литовцами, татарами и другими невѣрными, а также со схизматиками (т. е. съ русско-православными людьми) будетъ убитъ или раненъ.

веденъ при посредствѣ монаховъ и тайныхъ орденскихъ агентовъ, ибо былъ весь основанъ на призваніи и участіи въ переворотѣ орденской братіи. Велико-княжескій намѣстникъ въ Вильнѣ, Дирсунасъ, во время открылъ заговоръ, арестовалъ было Бутава-Бориса, но не принялъ, надлежащихъ мѣръ предосторожностей. Заговорщики убили Дирсунаса, освободили арестованнаго, и всѣ бѣжали въ Пруссію. Съ величайшими почестями великій магистръ принялъ бѣжавшихъ къ нему князей; въ Кенигсбергѣ ихъ присоединили къ католичеству, но, однакоже, никакого ходу и службы въ орденѣ не давали *). Ольгердъ прислалъ посольство съ требованіемъ выдачи бѣглыхъ, но ихъ, разумѣется не выдали.

Заговоръ сыновей Ольгерда остался безъ всякихъ послѣдствій единственно потому, что былъ открытъ во время, но онъ могъ показать Ольгерду, что съ проникновеніемъ католичества въ Вильну, въ велико-княжескую семью и дружину, великому княжеству литовскому, кромѣ лишенія независимости и рабства, нельзя ожидать ничего путнаго; но видно Ольгердъ не сознавалъ ясно, какого рода смуты готовятся въ будущемъ для всего княжества, когда католичество усилится и накинется на православное населеніе русскихъ земель, приставшихъ къ Литвѣ. Онъ не тронулъ католическихъ монаховъ въ Вильнѣ, продолжалъ давать льготы католическимъ переселенцамъ въ свои города, но продолжалъ, однако, неутомимо борьбу съ орденскою братіею.

Князь Кейстутъ, вслѣдъ за отказомъ ордена выдать бѣжавшихъ князей, вторгся въ 1365 г. въ орденскія владѣнія, добылъ и сжегъ Іоганисбургъ, но въ томъ же году послѣдовалъ и большой походъ крестоносцевъ на Литву. Въ срединѣ августа 1365 г. великій магистръ съ прибывшими иноземными гостями вступилъ въ Литву, сжегъ Керновъ, доходилъ до самой Вильны, но не отважился напасть на литовскую столицу, ограничившись опустошеніями окрестностей. Изъ подъ Вильны онъ двинулся обратно къ Нѣману, опустошилъ нынѣшній Ковенскій уѣздъ и прибывъ къ Нѣману, нагрузилъ добычею сплавленныя къ назначенному мѣсту ладьи, отправилъ ихъ въ Кенигсбергъ, а самъ съ войскомъ воротился домой сухопутною дорогою.

Ливонская орденская братія также не бездѣйствовала Вартбергъ пишетъ (Приб. Сб. II. 111) что ливонскій магистръ въ 1364 г. послѣ срѣтенія ходилъ вмѣстѣ съ великимъ магистромъ Винрихомъ подъ литовскій замокъ Вилькенбете (вѣроятно, нынѣшній Вилкоміръ), здѣсь они девять дней грабили, жгли, убивая большую часть людей,

*) Корригелло впослѣдствіи помирился съ отцомъ и воротился въ Литву, а Бутавъ отправился въ Германію, гдѣ подъ именемъ Генриха князя Литовскаго, состоялъ до 1370 г. при дворѣ императора Карла IV, потомъ отправился въ Венгрію къ королю Сигизмунду, гдѣ, по видимому, и кончилъ жизнь.

и уводя прочихъ въ плѣнъ. Кейстутъ преслѣдовалъ отступавшихъ, сжегъ и истребилъ съѣстные припасы орденцевъ и фуражъ для лошадей, но не могъ отбить добычи и полона.

11 іюля 1364 г. ливонскій магистръ Арнольдъ умеръ, и на его мѣсто магистромъ былъ избранъ орденскій братъ Вильгельмъ Фримерсгеймскій, который и вступилъ въ управленіе дѣлами съ 29 сентября 1364 г. Онъ, подобно своему предшественнику, не оставлялъ въ покоѣ Литву. Въ 1365 г. сдѣлалъ походъ въ литовскую землю Онитенъ (Упита), а въ августѣ того же года, въ то время когда великій магистръ ходилъ подъ Вильну, гольдингенскій командоръ Зиффридъ сдѣлалъ также походъ на Литву, при чемъ, какъ пишетъ Вартбергъ, перебилъ человѣкъ 400 литовцевъ и потерялъ въ битвахъ одного орденскаго брата и одинадцать своихъ ратниковъ.

Весь 1366 г. прошелъ въ безпрерывныхъ нападеніяхъ орденцевъ на Литву и литовцевъ на орденскія земли, нападеніяхъ всегда опустошительныхъ, но остававшихся безъ всякихъ важныхъ послѣдствій. Еще тревожнѣе прошелъ 1367 г. Въ началѣ этого года великій магистръ заложилъ на Нѣманѣ (недалеко отъ Ковны) крѣпость Маріенбургъ, опустошилъ окрестныя земли миль на 10 вокругъ, до тла разрушилъ Новую Ковну, овладѣлъ въ Трокеляхъ княжескимъ конскимъ заводомъ. Въ мартѣ того же года ливонскій магистръ Вильгельмъ ходилъ подъ Упиту; осенью великій магистръ сдѣлалъ опять набѣгъ на Литву въ тѣ мѣста, гдѣ уже побывалъ зимою. Серьезнаго сопротивленія нигдѣ не было, потому что литовскіе князья были заняты войною съ королемъ Казиміромъ польскимъ, все изъ за обладанія Волынью.

1368 г. прошелъ за то тихо: никакихъ рейзовъ на Литву не предпринималось, быть можетъ, по причинѣ неблагопріятной погоды, а быть можетъ и потому, что не являлось достаточнаго количества гостей. Ольгердъ и Кейстутъ также не трогали орденскую братію: послѣдній въ этомъ году ходилъ на Мазовію, а Ольгердъ былъ занятъ борьбою съ великимъ княземъ московскимъ Димитріемъ Іоанновичемъ.

Военныя дѣйствія между Литвою и орденомъ возобновились въ 1369 г. Въ самомъ началѣ этого года въ Пруссію прибыло много заграничныхъ гостей. Великій магистръ повелъ ихъ въ январѣ къ Нѣману, забравъ съ собою мастеровыхъ, рабочихъ и матеріалы для закладки крѣпости на правой сторонѣ Нѣмана въ самой Литвѣ. Новая крѣпость была заложена на мѣстѣ, гдѣ была Новая Ковна, и названа Готесвердеромъ (Божій островъ). Ольгердъ прислалъ спросить великаго магистра: по какому праву онъ строитъ крѣпость на чужой землѣ? Великій магистръ далъ отвѣтъ, что буде Ольгердъ хочетъ запретить постройку, то пусть приходитъ. Литовцы, однако, не пришли, чѣмъ великій магистръ и воспользовался: отстроилъ крѣпость, поставилъ въ ней сильный гарнизонъ и снабдилъ всѣмъ нуж-

нымъ для обороны. Гарнизонъ новой крѣпости оставался въ покоѣ не болѣе двухъ мѣсяцевъ; литовцы осадили ее и вынудили гарнизонъ сдаться. Не успѣли литовцы занять Готесвердеръ и отправить ея гарнизонъ въ глубь Литвы, какъ предъ крѣпостью явился орденскій маршалъ съ многочисленнымъ войскомъ. Началась новая осада, и чрезъ пять дней Готесвердеръ былъ опять въ орденскихъ рукахъ, и всѣ литовцы перебиты поголовно. Кейстутъ прибылъ на помощь, но уже было поздно; ему пришлось теперь спѣшить на помощь Байербургу, который въ это время осадилъ орденскій маршалъ (Байербургъ былъ возобновленъ литовцами), но и тутъ опоздалъ: крѣпость была взята, сожжена и весь ея гарнизонъ истребленъ.

Ольгердъ и Кейстутъ, конечно, не желали и не могли оставить безъ отмщенія этихъ походовъ великаго магистра. Въ томъ же 1369 г. они начали стягивать со всѣхъ своихъ земель ратниковъ. Такимъ образомъ составилось для того времени весьма многочисленное войско, тысячь въ 70 человѣкъ. Въ составъ войска вошли литовцы, жмудины, русскіе, даже татары (вѣроятно изъ подольскихъ кочевьевъ). Великій магистръ зналъ о иригotовленіяхъ князей, потому и съ своей стороны не упустилъ собирать ратниковъ. Сборнымъ пунктомъ былъ назначенъ Кенигсбергъ. Въ январѣ 1370 г. литовскія войска двинулись на Пруссію. Кейстутъ выступилъ изъ Гродна, напалъ на Ортельсбургъ, сжегъ эту крѣпость, съ необыкновенною быстротою прошелъ чрезъ всю Пруссію и сталъ у Куришгафа, куда прибылъ и Ольгердъ со своимъ войскомъ, отдѣльными начальниками въ которомъ были его сынъ, Ягайло, и сынъ Кейстута, Витовтъ, уже въ то время снискавшій себѣ репутацію смѣлаго воина. Великій магистръ съ своей стороны выступилъ изъ Кенигсберга на отпоръ литовцамъ съ войскомъ, силою тысячь въ 40 человѣкъ. 17 февраля 1370 г., въ воскресенье, великій магистръ прибылъ къ деревнѣ Кведенау, откуда были видны огни, разложенные литовцами. Орденскій маршалъ, Шиндекопфъ, тотчасъ же отправился на рекогносцировку, добылъ языка, и донесъ великому магистру, что литовскіе князья стоятъ на сильной позиціи подъ деревнею Рудавою. Было рѣшено атаковать литовцевъ, не откладывая времени. Подъ Рудавою и произошелъ ожесточенный бой. Обѣ стороны понесли большія потери: у литовцевъ выбыло изъ фронта одними убитыми 5—6 тысячъ человѣкъ; въ орденскомъ войскѣ былъ убитъ маршалъ, 26 человѣкъ орденской братіи, около 400 человѣкъ высшихъ и до 5 тысячъ простыхъ ратниковъ. Бой кончился тѣмъ, что литовскіе князья отступили и воротились домой, никѣмъ однако не преслѣдуемые. Они если и не выиграли сраженія, то причинили ордену большую убыль и увели изъ Пруссіи не малый полонъ.

Слава о побѣдѣ (хотя далеко не рѣшительной), одержанной

подъ Рудавою распространилась по Европѣ и привлекла въ Пруссію много знатныхъ гостей, желавшихъ идти на язычниковъ.

Между гостями были герцогъ Леопольдъ австрійскій, герцогъ Стефанъ баварскій и мн. др. Осенью 1370 году они выступили въ походъ на Литву, дней шесть грабили тамъ; Кейстутъ въ свою очередь за набѣгъ отплачивалъ набѣгомъ. Малая война пошла своимъ чередомъ и стихла нѣсколько къ 1373 г.

Въ то время, когда дѣйствія прусскихъ рыцарей противъ Литвы на Нѣманѣ принимали болѣе и болѣе настойчивый характеръ, ливонскіе рыцари хотя и дѣлали по временамъ набѣги на литовскія земли, но все ихъ вниманіе и усилія были обращены къ Пскову, съ которымъ вражда не прерывалась.

Было уже выше сказано (стр. 361), что въ 1363 году новгородцамъ удалось кое какъ смолвить нѣмцевъ съ псковичами „въ любовь“, какъ отмѣчено въ первой Новгородской лѣтописи. Бысть между ними мирно: псковичи пустили отъ себя нѣмецкихъ гостей, а нѣмцы новгородскихъ гостей отпустили, говоритъ лѣтописецъ.

При неопредѣленности отношеній, при отсутствіи естественныхъ границъ между волостями псковскими и владѣніями ливонской орденской братіи и дерптскаго епископа, трудно было держаться миру. Въ особенности были часты столкновенія рыболововъ на большомъ Пейпусскомъ озерѣ: то русскіе рыболовы заберутся на нѣмецкую сторону для промысла, то орденскіе и епископскіе люди, промышлявшіе рыболовствомъ, заберутся на русскую сторону. Отсюда споры, а иногда и схватки. Вартбергъ пишетъ (см. Приб Сб. II, 114), что русскіе въ 1367 г. въ третій разъ помѣшали орденскимъ братьямъ и дерптскому епископу въ рыболовствѣ на Пейпусѣ. Однажды рыбаки епископа и братьевъ встрѣтили русскихъ рыбаковъ на этомъ озерѣ, при чемъ заспорили, и рыбаки нѣмецкіе частію перетопили, частію перевѣшали русскихъ, разоривъ и сжегши ихъ хижины и сѣти. Псковичи не спустили этого насилія, и разорили какую-то деревню розитенскаго (рѣжицкаго) фохта, не объявивъ, говоритъ Вартбергъ, предварительно войны братьямъ. Возникло уже серьезное столкновеніе. Съ Низу пріѣхалъ посолъ великаго князя Димитрія Іоанновича, по имени Никита, и отправился въ Юрьевъ, чтобы уладить споры. Много дней онъ пробылъ въ Юрьевѣ, пишетъ псковскій лѣтописецъ (см. П. С. Р. Л. IV, 192), но не „учинивъ ничтоже на добро ни мало“ возвратился въ Псковъ. Тогда ливонскій магистръ, Вильгельмъ Фримерсгеймскій, послѣ дня св. Мавринія (22 сентября) вступилъ въ псковскую землю. Въ первую же ночь, говоритъ Вартбергъ, онъ достигъ Изборска, во вторую шелъ по дорогѣ къ Пскову, а въ третью достигъ Пскова, сжигая по пути деревни. Нѣмецкая рать, по словамъ

псковскаго лѣтописца, сожгла посадъ у Пскова, простояла тутъ одну ночь и до свѣту ушла, „учинивше дѣлъ велику на крестномъ цѣлованіи, не вѣрующе поганіи Христу“. Князя Александра и псковичей (военной дружины) за грѣхи наши въ городѣ не было, прибавляетъ лѣтописецъ. Въ то же время магистръ послалъ другую рать нѣмецкую, подъ начальствомъ орденскаго маршала, Андрея Штернбергскаго, и зегевольдскаго командора, которая направилась къ Вельи (Опочецкаго уѣзда) развѣдать броды по рѣчкамъ. Русскіе вышли на встрѣчу со знаменемъ, но были опрокинуты и перебиты. „По грѣхамъ нашимъ бысть непособье Божіе, много головъ паде и добрыхъ людей“, говоритъ псковскій лѣтописецъ. Маршалъ возвратился къ своимъ съ отобранными знаменами и оружіемъ. Магистръ шесть дней опустошалъ и жегъ деревни по обѣ стороны рѣки Великой (Моде, какъ ее называетъ Вартбергъ). Одновременно, по приказанію магистра, ревельскій командоръ съ фохтами гаррійскимъ и виронскимъ, ервенскимъ и оберъ-паленскимъ перешелъ Нарову и шесть дней опустошалъ и жегъ земли Водской пятины, а динабургскій командоръ, Дитрихъ Фридахъ, съ розитенскимъ фохтомъ жгли и грабили въ теченіе двухъ дней въ Опочецкомъ уѣздѣ Воронецъ и Велію (Варненъ и Велинъ по Вартбергу). На возвратномъ пути, русскіе (еретики какъ называетъ ихъ Вартбергъ) преслѣдовали динабургскаго командора, нагнали его и напали, но были отбиты, потерявъ 29 человѣкъ.

Псковичи не оставили безъ отомщенія этихъ набѣговъ. Они отправили пословъ въ Новгородъ сказать новгородцамъ: „Господа братья! Какъ вы заботитесь объ насъ, своей братьи младшей?“ Въ то время, замѣчаетъ новгородскій лѣтописецъ (см. П. С. Р. Л. III, 89), гостей новгородскихъ приняли въ Юрьевѣ и по всѣмъ городамъ нѣмецкимъ, а новгородцы приняли гостей нѣмецкихъ, крестнаго цѣлованія Новгорода съ нѣмцами развержено не было (т. е. объявленія войны не было), и потому новгородцы не пошли на помощь. Псковичи пошли въ походъ одни. Князь Александръ 27 октября осадилъ орденскій замокъ Фрауенбургъ, сжегъ деревню предъ нимъ и разослалъ отряды воевать чудскую землю, при чемъ небольшой отрядъ охочихъ людей подъ начальствомъ Селила Скертовскаго направился на Киримпе (Кирьипиге, по псковской лѣтописи), здѣсь наткнулся на дерптскій отрядъ и былъ разбитъ имъ, потерявъ 100 человѣкъ. Князь Александръ пріѣхалъ на мѣсто битвы, похоронилъ убитыхъ, собралъ раненыхъ, разсѣявшихся по лѣсу, и возвратился домой. Одновременно псковскій отрядъ былъ посланъ на ладьяхъ подъ Нарву. 2 ноября отрядъ этотъ выжегъ форштадтъ и окрестности замка, а въ то же время третій отрядъ сжегъ приходскую церковь въ Леве (въ Виронiи). Везенбергскій фохтъ, Германъ Фрилингузенъ, съ другими орденскими братьями вышелъ на встрѣчу русскимъ, и въ происшедшей схваткѣ былъ убитъ вмѣстѣ съ другими пятью орденскими рыцарями.

У устья рѣки Наровы была новая схватка, при чемъ русскіе потеряли, по словамъ Вартберга, триста человѣкъ.

Наступившая зима прекратила военныя дѣйствія.

Военныя дѣйствія возобновились въ іюнѣ 1368 года. Магистръ Вильгельмъ съ дерптскимъ епископомъ Іоанномъ повели большое войско на русскихъ — говоритъ Вартбергъ; въ силѣ великой, со многимъ запасомъ замышленій своихъ, съ пороки великими и съ грады и заворы — пишетъ псковскій лѣтописецъ. Они, говоритъ Вартбергъ, осаждали замокъ Изборскъ впродолженіе двухъ недѣль машинами и другими военными снарядами, но не имѣли никакого успѣха. Псковскій лѣтописецъ пишетъ, что нѣмцы стояли 18 дней „пороки шибаючи во градъ, възгради привлачающеся, сами о стѣну толкуще, и много безумніи всуе трудишася, не могоша зла ничтоже сотворити, Богъ бо храняше градъ отъ супротивныхъ супостатъ иноплеменныхъ нѣмецъ“.

Нѣмцы отступили, и послѣ того новгородцы, говоритъ Вартбергъ, послали гонцовъ посредниками для мирныхъ иереговоровъ, но съ вѣроломнымъ намѣреніемъ: ни епископъ, ни магистръ не знали о посольствѣ, а между тѣмъ эти новгородцы, заранѣе снабженные оружіемъ, тайно поспѣшили во Псковъ и намѣревались освободить осажденныхъ въ замкѣ (Изборскѣ) русскихъ. Гораздо проще объясняетъ дѣло первая Псковская и первая Новгородская лѣтописи: никакого посольства не было, а просто нѣмцы (пискупъ, и местеръ, и кумандери) отступили отъ Изборска, уничтоживъ свои машины (пороки посѣкли, сказано въ первой Новгородской лѣтописи, стр. 189), когда прослышали, что во Псковъ пришелъ новгородскій вспомогательный отрядъ.

Псковичи, хотя и получили помощь, но, вѣроятно, слишкомъ малочисленную, чтобы выступить противъ нѣмцевъ. Они ничего не предпринимали для отомщенія, а этимъ магистръ и воспользовался: въ сентябрѣ 1368 году сдѣлалъ, пишетъ Вартбергъ, второй походъ противъ еретиковъ въ землѣ Астрове (это, конечно, Островъ), пробылъ тамъ шесть дней и возвратился назадъ съ добычей и плѣнными; въ то же самое время, 8 сентября, дерптскій епископскій фохтъ былъ подъ Изборскомъ и увелъ много скота и плѣнныхъ. Чрезъ мѣсяцъ, въ октябрѣ 1368 г., сдѣланъ былъ набѣгъ на Велію въ Опочецкомъ уѣздѣ Ландмаршалъ съ орденскою братіею и ратниками изъ Зегевольда, Розитена, Ашерадена и Динабурга, пишетъ Вартбергъ, ходилъ на веліенскихъ еретиковъ, которыхъ хотя и нашелъ предупрежденными, но оставался тамъ двѣ ночи, умерщвляя и опустошая все. Онъ увелъ съ собою скотъ и около 100 плѣнныхъ, потерявъ съ своей стороны 6 человѣкъ.

Въ слѣдующемъ году, 24 февраля 1369 г., магистръ Вильгельмъ ходилъ воевать въ Опочецкій уѣздъ противъ Воронца, гдѣ четверо

сутокъ происходило большое кровопролитіе и уведено въ плѣнъ 50 чел Въ то же время и ревельскій командоръ сдѣлалъ набѣгъ (вѣроятно на русскія земли за Наровою), четверо сутокъ опустошалъ, перебилъ людей и увелъ въ плѣнъ 300 человѣкъ. Объ этихъ набѣгахъ псковская и новгородская лѣтописи умалчиваютъ. Вартбергъ (его свидѣтельство въ особенности важно, потому что онъ былъ современникомъ этихъ событій и состоя капеланомъ магистра хорошо зналъ подробности его походовъ) пишетъ далѣе, что въ то самое время, когда магистръ и ландмаршалъ ходили воевать Опочецкій уѣздъ, Ольгердъ опустошилъ земли Ашерадена и Цизегаля (нынѣ Сиссегаль), а равно имѣнія монахинь въ Пефольтѣ (вѣроятно деревню Пебогольтъ, нынѣ Пебалгъ, монахини же были женскаго цистерціенскаго монастыря св Маріи въ Ригѣ, о которомъ упомянуто выше на стр. 300), и воротился домой съ добычей и полономъ. Когда же магистръ вышелъ изъ Оночецкаго уѣзда, псковичи въ день св. Пасхи, 31 марта, подступили къ Киримпе, разорили этотъ городокъ и увели съ собою полонъ.

Въ концѣ іюня 1369 г. ливонскій магистръ, по словамъ Вартберга, снова повелъ войско на псковичей, пробылъ въ псковской землѣ 9 дней и причинилъ псковичамъ много убытку. Псковскій лѣтописецъ говоритъ, что нѣмцы стояли подъ Псковомъ три дня, да двѣ ночи, и ушли, ничего не взявши; за рѣкою за Псковою убили нѣсколько псковичей, одного живаго, какого-то Луку Писоломинича, увели въ свою землю и тамъ затравили (замучили).

Въ сентябрѣ 1369 г. орденскій магистръ ходилъ всевать Велію, а нарвскій фохтъ ходилъ за Нарову, но не удачно: русскіе убили у него человѣкъ 50, да сожгли три его деревни, въ которыхъ убили 100 человѣкъ Нарвскій фохтъ въ отомщеніе за это въ январѣ 1370 г. ходилъ снова за Нарову, перебилъ въ деревняхъ нѣсколькихъ псковичей, да увелъ въ плѣнъ человѣкъ 200. Въ февралѣ 1370 г. ливонскій магистръ ходилъ опять на Велію. Земля была сильно опустошена, говоритъ Вартбергъ.

Лѣто 1370 г., по его словамъ, было дождливое, потому ливонская братья и не предпринимали никакихъ походовъ. Зимою пришли новгородцы на помощь псковичамъ и они вмѣстѣ пошли къ Новому городку (Нейгаузенъ) отмстить нѣмцамъ за ихъ нападенія, но не взяли его, потому что былъ твердъ и нѣсколько людей застрѣлили съ города, говоритъ новгородскій лѣтописецъ, а псковскій жалуется на новгородцевъ, за чѣмъ они отъ Городка не пошли дальше въ нѣмецкую землю, а возвратились назадъ, не учинивъ псковичамъ пособія ни мало Псковичи одни пошли подъ Кирьипигу (Киремпе), выжгли этотъ городокъ, много полона взяли; однихъ нѣмцевъ перебили, а другихъ пожгли въ погребахъ (аки свинія ногорѣша, говоритъ лѣтописецъ) и съ полономъ возвратились въ Псковъ.

Такіе набѣги не влекли за собою никакихъ важныхъ послѣдствій, кромѣ большихъ разорсній, одинаково убыточныхъ враждовавшимъ

сторонамъ. Много бѣдъ въ тѣ лѣта претерпѣли, сказано во 2-ой Псковской лѣтописи (П. С. Р. Л. V, 16) болѣзнями и моромъ и ратьми. Но война, тянувшаяся съ 1367 года, причинила вредъ и убытки торговлѣ между нѣмецкими и новгородскими купцами; причинила бы вреда и разореній больше, если бы въ дѣло не вступилось ганзейское купечество. Оно предложило устроить съѣздъ для переговоровъ, который и состоялся предъ замкомъ Фрауэнбургомъ 23 іюня 1371 года.

На съѣздъ этотъ, говоритъ Вартбергъ (Приб Сб. II, 120) прибыли ливонскій магистръ Вильгельмъ съ орденскими сановниками, епископъ Іоаннъ дерптскій со своими канониками, викарій и пробстъ Риги, вассалы, любекскій ратманъ, Іоаннъ Шепенстеде, и другіе нѣмецкіе купцы (присутствіе на съѣздѣ любекскаго ратмана и нѣмецкихъ купцовъ подаетъ поводъ подозрѣвать, что именно ганзейскіе купцы и предложили съѣздъ, такъ какъ возобновленіе мира и правильныхъ торговыхъ сношеній съ Новгородомъ и Псковомъ наиболѣе соотвѣтствовало ихъ интересамъ) Прибыли на съѣздъ важные и высокопоставленные русскіе изъ Новгорода и Пскова, пишетъ Вартбергъ. Въ первой Новгородской лѣтописи отмѣчено, кто именно поѣхалъ на съѣздъ; то были дѣйствительно важныя и высоко-поставленныя лица: Юрій Ивановичъ посадникъ новгородскій, Елисей тысячскій, бояре Селиверстъ Лентіевичъ и Александръ Колывановъ. Переговоры продолжались цѣлый мѣсяцъ и наконецъ 28-го іюля 1371 г.*) заключили миръ, условіями котораго по указанію Вартберга были: магистръ и дерптскій епископъ прощаютъ русскимъ всѣ причиненные ими до начала войны несправедливости и убытки. Магистръ возвращаетъ купцамъ всѣ ихъ имѣнія, цѣною въ 30000 марокъ, которыя были у нихъ задержаны во время войны, когда незаконнымъ образомъ, тайно и противъ позволенія магистра, но съ вѣдома тѣхъ купцовъ, эти земли были сторгованы и куплены русскими. Далѣе было опредѣлено, что обѣ стороны удержатъ свои земли и границы въ рыболовствѣ, рѣкахъ и все какъ было по прежнему.

Псковская и новгородская лѣтописи, упоминая о заключеніи мира, ни слова не упоминаютъ объ его условіяхъ, быть можетъ именно потому, что все осталось по прежнему, какъ было до войны. Миръ этотъ продолжался, однако, не долго: въ 1377 г , какъ означено въ первой Новгородской лѣтописи (стр. 91), изъ Новгорода „молодые люди“ ходили къ Новгородку нѣмецкому (Нейгаузенъ), на Овлѣ на рѣкѣ, и стояли подъ городомъ много дней, и посадъ весь взяли, и волость всю разорили (иотравиша), и полона много привели въ городъ, а сами пришли всѣ здравы въ Новгородъ. Изъ за чего произошелъ этотъ набѣгъ въ лѣто-

*) Въ первой Софійской лѣтописи (П. С. Р. Л. V, 231) сказано: докончаша съ нѣмцы миръ подъ Новымъ Городкомъ въ Филипово говѣнье, мѣсяца декабря, предъ Рождествомъ Христовымъ.

писи не объяснено, Вартбергъ также не упоминаетъ о немъ, и съ особенною подробностію отмѣчая походы ливонской орденской братіи на Литву, происходившіе въ семидесятыхъ годахъ XIV ст., не указываетъ, чтобы въ это время орденская братія хаживала воевать псковскія или новгородскія земли.

Мы видѣли, что въ войнѣ Пскова съ ливонскими властителями новгородцы оказывали помощь очень слабую, со стороны же московскаго великаго князя помощи и никакой не было, да напрасно было-бы и обращаться въ Москву за помощью, потому что тамъ приходилось думать о собственной безопасности и отбиваться отъ нашествій, какихъ Москва не испытывала уже лѣтъ сорокъ.

По смерти Калиты (см. выше стр. 224), всѣ русскіе князья отправились въ Орду за ярлыкомъ на великое княженіе Владимірское, но соперничество ихъ съ богатымъ и сильнымъ московскимъ княземъ было уже невозможно: ханъ объявилъ великимъ княземъ Владимірскпмъ старшаго сына Калиты, Симеона. Благодаря усиленію Москвы, это уже не былъ теперь одинъ только титулъ, говоритъ нашъ историкъ (см. Соловьева III, 310), но чего опасались князья еще со временъ Мстислава Храбраго, то исполнилось: они перестали быть родичами равноправными и стали подручниками: „всѣ князья русскіе даны были подъ руку Симеона", говорятъ лѣтописи. Что князья хорошо понимали эту перемѣну, что сынъ Калиты заставилъ ихъ ее почувствовать, доказательствомъ служитъ прозваніе Гордаго, котораго они ему дали. Есть извѣстіе (Татищевъ IV, 146), что Симеонъ, созывая князей для извѣстныхъ цѣлей своихъ, напоминаетъ имъ, что Русь была только тогда сильна и славна, когда князья безпрекословно повиновались старшему, а что теперь только такимъ же безпрекословнымъ повиновеніемъ ему, Симеону, они могутъ освободиться отъ татарскаго ига; но князья знали разницу между прежними и настоящими отношеніями; знали къ чему поведетъ такая покорность. Какъ бы то ни было, князья повиновались Симеону; Тверь не думала о борьбѣ; въ 1347 г. Симеонъ, какъ мы видѣли, сѣлъ и на Новгородскій столъ.

Московскій князь видимо усиливался, вокругъ Москвы стала собираться русская земля, но въ то же время другая западная половина русскихъ земель собиралась вокругъ литовскаго князя. Явились два центра. Пока ихъ раздѣляла широкая полоса независимыхъ земель, смоленскихъ, черниговско-сѣверскихъ, оба собирателя русскихъ земель не сталкивались между собой, но столкновеніе было неизбѣжно, когда московскія владѣнія сблизились съ литовскими, когда возникъ вопросъ: кому же быть княземъ „всея Руси". Гедиминъ и Калита сошли въ могилу одновременно; преемники ихъ, Ольгердъ и Симеонъ, по женамъ состояли въ свойствѣ между собою, ибо Симеонъ былъ женатъ на дочери Гедимина, а Ольгердъ женатъ на витебской княжнѣ Маріи. Свойство не мѣшало, однако, соперничеству. Ольгердъ въ 1349 году задумалъ было погубить московское княжество посредствомъ татаръ: послалъ своего брата Коріада къ хану Чанибеку просить помощи на Симеона. Но ничего изъ этого не вышло. Симеонъ во время предупредилъ хана: „Ольгердъ уже опустошилъ твои улусы на юго-западѣ, вывелъ ихъ въ плѣнъ, тоже хочетъ сдѣлать и съ Москвою, чтобы, разбогатѣвши, вооружиться и противъ тебя самаго". Ханъ понялъ справедливость предостереженія, задержалъ и выдалъ Коріада московскому князю. Ольгердъ примирѣлъ на время, прислалъ пословъ въ Москву съ дарами и челобитьемъ, прося освободить брата. Симеонъ не только исполнилъ просьбу, но еще и усилилъ родственные связи съ литовскимъ княземъ. Ольгердъ и его братъ, князь Любартъ Волынскій, овдовѣли въ 1349 г. и прислали къ

Симеону просить за себя двухъ его родственницъ: Любартъ племянницу, княжну ростовскую, а Ольгердъ свояченицу, княжну тверскую Юліанію Александровну. Митрополитъ разрѣшилъ оба эти брака, и такимъ образомъ Симеонъ и Ольгердъ явились въ двойномъ свойствѣ между собою.

Не присмирѣлъ бы Ольгердъ, если бы на западѣ его владѣній, на Нѣманѣ, ему не приходилось отбиваться отъ вторженій тевтонской братіи, дѣлавшихся изъ года въ годъ настойчивѣе и настойчивѣе.

Въ 1353 г. умеръ отъ эпидеміи черной смерти великій князь Симеонъ Іоанновичъ. Преемникомъ ему и главою княжескаго семейства явился Іоаннъ Іоанновичъ, князь кроткій, тихій и милостивый, по выраженію лѣтописи. Обстоятельства рѣшительно складывались въ пользу усиленія Москвы: въ Ордѣ начинались смуты, Ольгердъ за войнами съ рыцарями и Польшею никакъ не могъ употребить всѣхъ своихъ силъ на пріобрѣтенія на Востокѣ, и Москва дѣйствительно усиливалась и крѣпла. Іоаннъ княжилъ не болѣе шести лѣтъ; онъ умеръ на 33 году отъ роду въ 1359 г., оставивъ по себѣ двухъ малолѣтнихъ дѣтей, Димитрія и Іоанна, и малолѣтняго племянника, Владиміра Андреевича. Казалось, что ранняя смерть Іоанна будетъ гибельна для Москвы, потому что могъ ли малолѣтній Димитрій хлопотать въ Ордѣ, могъ ли бороться съ притязаніями другихъ князей? И дѣйствительно ханъ отдалъ было великое княженіе Владимірское князю суздальскому не по отчинѣ и дядинѣ, какъ сказано въ лѣтописи, и князь суздальскій Димитрій Константиновичъ сѣлъ было уже во Владимірѣ, Москвѣ грозило униженіе, дѣло объединенія пошатнулось, но тутъ выручили московскіе бояре. Воспользовавшись тѣмъ, что въ Ордѣ началась, по выраженію нашихъ лѣтописей, „великая замятня“ т. е. цѣлый рядъ кровавыхъ переворотовъ, они добыли ярлыкъ у хана, посадили на коней всѣхъ трехъ малолѣтнихъ князей своихъ, Димитрія, Іоанна и Владиміра, и повели московскіе полки на Дмитрія Константиновича, который не могъ уже противиться московской силѣ: внукъ Калиты, Димитрій, въ 1362 г. получилъ великое княженіе Владимірское, и скоро, за смертію брата Іоанна, присоединилъ къ своимъ владѣніямъ его удѣлъ и такимъ образомъ явился сильнѣйшимъ княземъ въ Восточной Россіи. Орда, изнуряемая усобицами, слабѣла изъ года въ годъ; русскіе начинаютъ вмѣшиваться въ ханскія распри, начинаютъ подготовлять способы къ низверженію ига, ибо никогда не мирились съ этимъ игомъ. Но прежде чѣмъ очередь дошла до открытой борьбы съ Ордою, Москвѣ пришлось возобновить упорную борьбу со своею старинною соперницею, Тверью, во главѣ которой сталъ одинъ изъ замѣчательныхъ князей, Михаилъ Александровичъ. Въ тверскомъ княженіи между его князьями возникли распри. Москва вмѣшалась; великій князь юный Димитрій и митрополитъ Алексѣй позвали Михаила Тверскаго на третейскій судъ въ Москву съ его двоюроднымъ братомъ Еремеемъ. Здѣсь, когда Михаилъ не хотѣлъ отступиться отъ спорнаго удѣла, его схватили и заключили въ тюрьму. Его, правда, скоро освободили, выпустили изъ Москвы, но Михаилъ не могъ забыть оскорбленія. Онъ рѣшился на открытую борьбу съ Москвою, но видя, что ему борьба не подъ силу обратился за помощію къ своему шурину, князю Ольгерду, который и взялся помочь, склоненный къ тому своею супругою, княгинею Юліаніею, сестрою князя Михаила. Произошло первое столкновеніе между двумя собирателями Руси.

Ольгердъ въ 1368 г., въ то самое время когда между Псковомъ и ливонскими рыцарями шла война, предпринялъ первый походъ на Москву. Вмѣстѣ съ братомъ Кейстутомъ, молодымъ сыномъ его Витовтомъ, своими сыновьями и Михаиломъ Тверскимъ, Ольгердъ быстро вступилъ въ московскіе предѣлы, разбилъ 21 ноября московское войско и ставъ подъ Москвою, оса-

дилъ Кремль, гдѣ заперся князь Димитрій московскій. Ольгердъ три дня стоялъ подъ Кремлемъ, но овладѣть имъ не смогъ, за то страшно опустошилъ московскія окрестности, захватилъ въ плѣнъ множество народа и собралъ огромную добычу. Онъ не могъ стоять подъ Кремлемъ дольше, ему приходилось спѣшить на западъ перевѣдаться съ прусскими рыцарями. Димитрій московскій отступился отъ вмѣшательства въ тверскія дѣла, но не на долго. Въ 1370 г., въ то самое время когда Ольгердъ съ Кейстутомъ вторглись въ прусскія орденскія владѣнія (см. выше стр. 370) и потерпѣли пораженіе подъ Рудавою, московскія войска воевали смоленскія области, мстя ихъ князю за союзъ съ Ольгердомъ, а въ августѣ 1370 г. Димитрій московскій пошелъ войною на Тверь. Князь Михаилъ Тверской ушелъ опять въ Литву, опять сталъ кланяться Ольгерду о помощи и тотъ, какъ ни былъ ослабленъ недавнимъ походомъ на Пруссію, зимою 1370 г. вторично пошелъ на Москву, которую и осадилъ 6 декабря. Осада опять была неудачною; Ольгердъ опять опустошилъ страну, но заслышавъ, что князь Владиміръ Андреевичъ собираетъ рать и готовится ударить на литовцевъ, поспѣшилъ заключить перемиріе съ великимъ княземъ Димитріемъ и ушелъ домой, двигаясь съ большею осторожностію, боясь погони. Въ слѣдующемъ году перемиріе было скрѣплено бракомъ князя Владиміра Андреевича съ дочерью Ольгерда, Еленою.

Испытавъ два раза нашествія Ольгерда, могла-ли Москва оказать хоть какую-либо помощь Пскову въ его борьбѣ съ ливонскими рыцарями? Вотъ почему псковичамъ пришлось вѣдаться съ ливонскими властителями лишь собственными силами.

Борьба Москвы съ Тверью на этотъ разъ не кончилась. Чрезъ два года, въ 1372 г, война возобновилась и Ольгердъ въ третій разъ пошелъ на Москву, но теперь ему не удалось даже и грабежа. Молодой московскій князь уже пріобрѣлъ военную опытность, самъ выступилъ противъ Ольгерда и разбилъ его сторожевой полкъ подъ селомъ Любудскимъ въ Калужскомъ уѣздѣ. Ольгердъ отступилъ за оврагъ; литва и москвичи простояли другъ противъ друга въ бездѣйствіи нѣсколько дней, наконецъ заключили перемиріе и разошлись. Борьба же съ Тверью тянулась до 1375 г., пока наконецъ Димитрій осадилъ Тверь. Тутъ только князь Михаилъ Тверской смирился и запросилъ мира, который ему и былъ данъ. По заключенному договору, тверской князь призналъ себя младшимъ братомъ московскаго князя, равнымъ удѣльному князю Владиміру Андреевичу; обязался давать военную помощь Димитрію и отказался отъ всякихъ притязаній на великое княженіе Владимірское и Новгородъ. Великій князь московскій осилилъ своего опаснаго соперника и Москва скоро послѣ этого начала освободительную борьбу съ Золотою Ордою.

Теперь обратимся къ дальнѣйшему разсказу о борьбѣ Тевтонскаго ордена съ Литвою.

Вѣсть о побѣдѣ, одержанной 17 февраля 1370 г. крестоносцами надъ литовцами, быстро распространилась по Европѣ и привлекла въ Пруссію не мало знатныхъ особъ, желавшихъ продолжать войну съ язычниками. Сборнымъ мѣстомъ служилъ обыкновенно Кенигсбергъ. Сюда къ осени 1370 г. и собрались конные ратники подъ предводительствомъ герцоговъ Леопольда австрійскаго, Стефана баварскаго и др. Число ратниковъ простиралось до полуторы тысячи человѣкъ. Они

двинулись въ походъ на Литву, подъ Рагнитомъ перешли чрезъ Нѣманъ, соединились съ войскомъ, приведеннымъ великимъ магистромъ, и раздѣлившись на два отряды, начали опустошать все встрѣчное Набѣгъ, однако, оказался неудачнымъ: жители во время узнали о нападеніи, скрыли свои имущества, женъ и дѣтей въ лѣсныхъ трущобахъ, такъ что для грабежа осталось не много. Набѣгъ продолжался дней шесть, не болѣе, и ратники возвратились въ Пруссію. Заграничные гости расположились въ ожиданіи зимы лагеремъ подъ Кенигсбергомъ, но распутица въ этотъ годъ продолжалась очень долго. Въ лагерѣ крестоносцевъ пошли неурядицы, ссоры съ орденскою братіею и родовитые гости поспѣшно оставили Пруссію.

Кейстутъ, не смотря на распутицу, сдѣлалъ таки набѣгъ на орденскія земли, захватилъ кое-какой полонъ, но далеко не заходилъ. Ему приходилось совершить другіе походы, болѣе важные.

5 ноября 1370 г. умеръ король польскій Казиміръ Великій*). Польскій престолъ переходилъ къ его племяннику, королю Людовику венгерскому, этимъ обстоятельствомъ и задумалъ воспользоваться Любартъ, чтобы отнять у поляковъ волынскія земли. Онъ немедленно же вызвалъ къ себѣ на помощь Кейстута, взялъ Владиміръ Волынскій и потомъ вмѣстѣ съ Ольгердомъ сдѣлалъ набѣгъ на польскія земли и опустошилъ люблинскія и сандомірскія волости. Въ концѣ ноября Ольгердъ и Кейстутъ уже были въ походѣ на московскаго князя, а 6 декабря 1370 г. стояли, какъ было сказано, подъ Москвою. Надобно удивляться какъ необыкновенной дѣятельности этихъ князей, такъ и чрезвычайной подвижности ихъ войска всегда, впрочемъ, коннаго.

Въ 1371 г. малая война между Литвою и орденскою братіею шла своимъ чередомъ. Орденскій священникъ Вигандъ пишетъ, что въ этомъ году Кейстутъ чрезъ лѣса пробрался въ орденскія земли къ замку Сестеиу, сжегъ посадъ и повоевалъ окрестности. Ливонскій же лѣтописецъ Вартбергъ отмѣчаетъ, что въ августѣ этого года великій магистръ ходилъ воевать земли нынѣшняго Россіенскаго уѣзда, и въ то же время ливонскій магистръ, по заключеніи мира съ псковичами (см. выше стр. 375), ходилъ воевать земли нынѣшняго Поневѣжскаго уѣзда.

1372 г. не прошелъ безъ набѣговъ. Ливонскій магистръ Вильгельмъ послѣ масляницы собралъ, пишетъ Вартбергъ, войско на ли-

---

*) Его поляки называютъ Великимъ, хотя въ сущности онъ не заслуживалъ такого прозванія. Онъ прикрѣпилъ кметей (земледѣльцевъ) къ землѣ и тѣмъ положилъ начало полному порабощенію ихъ, разрѣшилъ шляхтѣ пользоваться нѣмецкимъ правомъ, гдѣ оно было введено, чѣмъ положилъ начало безправію, ибо шляхта начала ссылаться на нѣмецкое и на польское право, смотря потому что было выгоднѣе. Въ угоду своей любовницѣ, еврейкѣ Есфири, онъ надавалъ льготъ евреямъ и тѣмъ способствовалъ какъ внѣдрѣнію въ Польшѣ евреевъ, такъ и захвату ими всѣй торговли и промысловъ въ Польшѣ къ явному ущербу и леховъ (шляхты) и кметей и пр. Онъ собственно и полагалъ начало разложенію Польшѣ, потакая возвышенію шляхты, порабощенію кметей, отдачѣ въ руки евреевъ экономическихъ силъ края и легкому обращенію съ закономъ.

товцевъ, выступилъ было въ походъ, но за болѣзнею возвратился въ Ригу, а вмѣсто себя послалъ орденскаго маршала, Андрея Штернберга, воевать литовскую землю, сосѣднюю съ орденскими землями нынѣшней Курляндіи. Маршалъ двое сутокъ воевалъ и увелъ много плѣнныхъ, лошадей и скота. Великій же магистръ съ своей стороны въ августѣ (вѣроятно, провѣдавъ, что Ольгердъ съ Кейстутомъ въ то время воевали съ московскимъ княземъ Димитріемъ и находились, какъ уже было сказано выше, у Любудскаго села въ Калужскомъ уѣздѣ) сдѣлалъ нападеніе на земли Россіенскаго уѣзда, гдѣ грабилъ дней десять, а ливонскій маршалъ, Андрей Штернбергъ, дней девять опустошалъ земли по верхнему и среднему теченію рѣки Невяжи.

Вартбергъ разсказываетъ слѣдующій эпизодъ: Въ 1372 г. ливонскій магистръ и орденскіе сановники были вызваны въ Маріенбургъ на общій капитулъ*), происходившій въ началѣ октября. На возвратномъ пути ливонскій магистръ получилъ отъ мемельскаго командора письмо, въ которомъ онъ писалъ, что 350 литовскихъ разбойниковъ устроили засаду гдѣ то на морскомъ берегу на магистра и что объ этомъ писано уже и гробинскому фохту. Мы, пишетъ Вартбергъ, прибыли въ Мемель на канунѣ дня 11000 дѣвъ (20 октября), насъ встрѣтилъ гробинскій фохтъ съ нѣсколькими братьями и ратниками съ заявленіемъ, что по дорогѣ все безопасно. Посланные лазутчики показали точно тоже. Тоже самое увѣрялъ и братъ Генрихъ Рамбовскій, съ нѣкоторыми другими встрѣтившій насъ у рѣки Святой Аа. Но вотъ! Какъ только телѣги и нѣкоторые изъ пѣшихъ переправились чрезъ рѣку, непріятель бросился на насъ, убилъ десятерыхъ пѣшихъ и ранилъ названнаго брата Генриха. Принужденные отступить и собрать свои силы, мы совѣтовались, что дѣлать дальше. Когда же враги увидѣли, что мы не менѣе ихъ храбры, то съ обѣихъ сторонъ поднялся воинственный крикъ, продолжавшійся съ девяти часовъ до вечера; наши помѣрились съ врагами, внушили имъ страхъ и обратили въ бѣгство, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ были убиты или погибли въ рѣкѣ.

Вартбергъ отмѣчаетъ, что въ 1372 г. великій магистръ въ день всѣхъ святыхъ (1 ноября) велъ переговоры съ Ольгердомъ и Кейстутомъ, при чѣмъ обѣ стороны обмѣнялись плѣнными.

Слѣдующій 1373 г. не обошелся безъ набѣговъ. Въ февралѣ великій магистръ воевалъ земли между верхнимъ теченіемъ рѣки Свѣнты и Виліи, а ливонскій маршалъ, Андрей Штернбергъ, разграбилъ и сжегъ одну литовскую деревню. Въ августѣ великій магистръ снова сдѣлалъ набѣгъ, воевалъ землю Сейменъ (нынѣ Сеймы). Подъ Динабургомъ также было неспокойно: сюда приходилъ воевать сынъ Ольгерда, Свидригайло, и потомъ полоцкій князь Андрей. Ничего они не сдѣлали Динабургскому замку, сожгли только нѣсколько домовъ въ посадѣ, да захватили нѣсколько лошадей.

---

*) Дѣло шло объ улаженіи споровъ между орденомъ и епископомъ Эрмландскимъ о границахъ владѣній церковныхъ и орденскихъ.

Не излишне замѣтить, что въ 1373 г. папа обращался къ Кейстуту, Ольгерду и Любарту съ предложеніемъ принять католичество.

Папскій престолъ занималъ въ это время Григорій XI. Распространеніе католичества на востокѣ Европы и подчиненіе папской власти восточной церкви составляло предметъ всегдашней заботливости папъ, и мы видѣли съ какою готовностію они проповѣдывали крестовые походы на Литву. Съ половины XIV ст. папамъ открылись блестящіе виды на подчиненіе восточной церкви, когда османскіе турки начали угрожать существованію Греческой имперіи. Предшественникъ Григорія XI, Урбанъ V (1362—1370) уже проповѣдывалъ всеобщій крестовый походъ на турокъ и находилъ, что дальнѣйшее пребываніе папъ въ Авиньйонѣ не соотвѣтствуетъ ни времени, ни обстоятельствамъ. Онъ задумалъ перенести обратно въ Римъ папскую резиденцію, въ томъ вниманіи, что руководить крестовымъ походомъ было несравненно удобнѣе въ Италіи, чѣмъ въ какомъ либо другомъ мѣстѣ; руководить задуманною уніею греческой церкви съ римскою было также удобнѣе изъ Италіи, наконецъ бродившія по Франціи наемныя шайки угрожали безопасности Авиньйона. Какъ ни старались французскій король Карлъ V и коллегія кардиналовъ удержать папу въ Авиньйонѣ, но не могли ничего подѣлать съ Урбаномъ V. Въ концѣ апрѣля 1367 г. онъ отправился въ Марсель, 4 іюня прибылъ въ Геную, оттуда въ Витербо и наконецъ вступилъ въ Римъ, гдѣ былъ встрѣченъ съ восторгомъ народомъ. Пробылъ онъ въ Римѣ, однако, не болѣе двухъ лѣтъ: безпорядки и тревоги въ этомъ городѣ были столь часты, столь велики, что Урбанъ V возвратился въ Авиньйонъ, гдѣ и умеръ въ 1370 г.

Преемникъ его, Григорій XI, остался въ Авиньйонѣ и по отношенію къ крестовому походу на турокъ и къ соединенію церквей продолжалъ политику своего предшественника.

Новый папа не могъ не видѣть, что крестовые походы въ Пруссію отвлекаютъ силы западно-европейскихъ народовъ отъ крестоваго похода на турокъ, похода несравненно важнѣйшаго всякихъ походовъ на язычниковъ, ибо изъ за него мелькала возможность подчинить главенству папы весь православный Востокъ, не могъ не видѣть и того обстоятельства, что тевтонскіе рыцари, неутомимо и настойчиво воюя съ Литвою, мало заботятся, лучше сказать, вовсе не заботятся о распространеніи католичества, ограничиваясь лишь грабежами, да опустошеніями, которые только ожесточаютъ язычниковъ и не привлекаютъ ихъ къ католичеству. Не могли укрыться отъ вниманія Григорія XI и то, что какъ ни часты, какъ ни настойчивы были походы прусскихъ и ливонскихъ рыцарей и крестоносцевъ на русско-литовскихъ князей, но эти походы и войны ни мало не ослабляли ихъ. Литва усиливалась присоединеніями русскихъ княжествъ и не только съ успѣхомъ отражала нападенія, но и переходила въ наступленія болѣе и болѣе опасныя для покоренныхъ католичеству орденскихъ владѣній. Не могло оставаться неизвѣстнымъ папѣ, что Ольгердъ, хотя и исповѣдывалъ православіе и былъ женатъ на православной княжнѣ, но относился къ католичеству и францисканскимъ

монахамъ, появившимся въ Вильнѣ, очень индиферентно, не мѣшалъ католической пропагандѣ въ Вильнѣ, хладнокровно смотрѣлъ, что близкій ему бояринъ, Петръ Гаштольдъ, былъ не только католикомъ, но и ревностнымъ пособникомъ католичества въ Вильнѣ. Вслѣдствіе всего этого Григорій XI рѣшился обратиться прямо къ русско-литовскимъ князьямъ, Ольгерду, Кейстуту и Любарту, съ предложеніемъ мира съ тевтонскими рыцарями подъ условіемъ принятія князьями католичества. Посланіе о томъ было написано въ Авиньйонѣ (см. Фохта „Исторію Пруссіи“ V, 256, прим. 2) въ ноябрѣ 1373 г. Въ ней папа заявлялъ свое горячее желаніе, чтобы тяжкая и кровопролитная война между князьями и орденскою братіею была прекращена, чтобы названные князья съ ихъ народомъ приняли вѣру, внѣ которой нѣтъ спасенія, и таковымъ принятіемъ на вѣки спасли бы свои души отъ власти сатаны и положили бы конецъ войнамъ, кровопролитіямъ, убійствамъ, грабежамъ, опустошеніямъ и всѣмъ слѣдствіямъ войны. Онъ, Григорій XI, охотно пришлетъ къ князьямъ благочестивыхъ и свѣдущихъ въ законѣ христіанскомъ людей для наученія и проповѣди христіанства, а также и для посредничества при заключеніи мира съ орденомъ и другими сосѣдними съ Литвою христіанскими народами, если только князья заявятъ свою готовность принять католичество краковскому пробсту, который будетъ присланъ къ нимъ. Папа предполагалъ назначить посредниками въ дѣлѣ заключенія мира и присоединенія Литвы къ католичеству короля венгерскаго и польскаго Людовика, королеву венгерскую Елисавету, князя опольскаго Владислава и князя мозавецкаго Семовита, много помогавшаго францисканцамъ, отправлявшимся въ Вильну.

Это папское посланіе осталось безъ всякихъ послѣдствій. Былъ-ли какой отвѣтъ ничего неизвѣстно, даже неизвѣстно было-ли оно доставлено Ольгерду. Одно лишь извѣстно, что о мирѣ между Литвою и орденомъ и рѣчи не заходило.

1374 годъ, подобно предшествовавшимъ, не обошелся безъ набѣговъ. Рагнитскій командоръ, Герардъ Лензенъ, лѣтомъ ходилъ воевать Жмудь, въ окрестностяхъ Колтунянъ набралъ было и добычи и полонъ, но на возвратномъ путп былъ разбитъ литовцами: въ происшедшемъ сраженіи онъ былъ убитъ съ 12-ю другими рыцарями, а изъ его ратниковъ мало кто спасся бѣгствомъ. Кейстутъ отплатилъ этотъ набѣгъ набѣгомъ же: въ августѣ 1374 г. онъ пробрался чрезъ Мазовію въ орденскія земли, выжегъ 40 деревень и, перебивъ не мало народу, захватилъ въ плѣнъ человѣкъ 900, и съ этимъ полономъ воротился домой.

Вартбергъ въ своей лѣтописи пишетъ (Приб. Сб. II, 125), что и ливонскій магистръ не бездѣйствовалъ въ 1374 году. Онъ ходилъ воевать жмудскія земли, въ теченіе пяти дней и ночей опустошалъ страну, убилъ нѣсколькихъ, другихъ увелъ въ плѣнъ. Въ то время

въ Ливоніи, продолжаетъ Вартбергъ, измѣннически убѣжали къ литовцамъ два орденскіе брата, Іоаннъ Ланценбергъ и Фридрихъ Миссепъ, съ проводникомъ, по имени Биллене, а также со всѣмъ оружіемъ и вещами, изъ которыхъ ничего не оставили дома, и со многими лошадьми, не только собственно имъ принадлежащими, но и съ украденными ими у магистра и кандаускаго фохта. Вартбергъ не объясняетъ причины, побудившей этихъ рыцарей бѣжать въ Литву, отмѣчаетъ только, что въ 1378 г. Ланценбергъ возвратился обратно въ Ливонію.

Подъ Динабургомъ было также безпокойно, какъ и въ предшествовавшемъ году. Динабургскій командоръ враждовалъ съ полоцкимъ княземъ Андреемъ Ольгердовичемъ, хаживалъ воевать полоцкія земли; князь Андрей въ отмщеніе хаживалъ подъ Динабургъ, но эти набѣги были слишкомъ ничтожны, чтобы повлечь за собою какія либо важныя слѣдствія.

Наступилъ 1375 г., и вмѣстѣ съ тѣмъ начались и походы, которые были особенно многочисленны въ этомъ году. Велиній магистръ, снарядивъ войско тысячъ въ 10 человѣкъ и давъ знать, чтобы и ливонскій магистръ выступилъ въ походъ, двинулся въ началѣ февраля воевать Литву. Когда войско подошло къ Нѣману, наступила оттепель; магистръ, боясь, чтобы рѣки не вскрылись, границы не переходилъ, но поручилъ своему маршалу, Готфриду Линдену, чтобы онъ съ нѣкоторыми командорами и заграничными гостями шелъ воевать ближайшія литовскія земли. Линденъ исполнилъ порученіе: распустилъ загоны до Трокъ, подходилъ къ Вильнѣ, и, воротившись къ Трокамъ, жегъ и грабилъ все встрѣчное въ теченіе 10 дней. За тѣмъ переправился обратно за Нѣманъ, не встрѣтивъ нигдѣ серьезнаго сопротивленія. Одновременно и ливонскій магистръ, собравъ многочисленное войско, въ началѣ февраля вступилъ въ литовскія земли по направленію въ Вилкоміру. Магистръ воевалъ тутъ въ теченіе 10 дней, по обычаю, сжигая и истребляя встрѣчное. Онъ увелъ полону человѣкъ 600 и воротился домой съ потерею лишь одного человѣка. Стоялъ, пишетъ Вартбергъ, ужасный холодъ и снѣгъ былъ столь глубокъ, что все войско могло подвигаться только по одиночкѣ одинъ за другимъ. По дорогѣ, орденскій маршалъ, Андрей Штернбергъ, двадцать одинъ годъ искусно исправлявшій свою должность, былъ убитъ деревомъ, неожиданно обрушившимся на него.

Надобно полагать, хотя Вартбергъ и не пишетъ этого, что это дерево считалось у литовцевъ священнымъ, что маршалъ велѣлъ срубить его и по неосторожности попалъ подъ дерево, когда оно валилось.

Кейстутъ не спустилъ ливонскому магистру его нападенія. Въ началѣ марта, онъ съ тремя сыновьями Ольгерда и съ княземъ полоцкимъ Андреемъ вторгся въ Ливонію, перейдя чрезъ Двину у нынѣшняго Крейцбурга, сильно опустошилъ деревни рижскаго архіепископа,

Ордену, однако, литовцы, пишетъ Вартбергъ, не смогли нанести никакого вреда по трудности пути и по причинѣ глубокаго снѣга; цѣлую недѣлю они воевали архіепископскія земли, но и сами понесли потери: человѣкъ 50 было убито, человѣкъ 50 утонуло въ Двинѣ при переправѣ близь Герсикскаго замка.

Въ апрѣлѣ прусскіе рыцари сдѣлали небольшой набѣгъ на Литву, и въ апрѣлѣ же розитскій фохтъ воевалъ полоцкую землю Вѣроятно, въ отмщеніе за этотъ набѣгъ, человѣкъ 300 отборныхъ литовцевъ, сдѣлавъ себѣ челноки, подплыли по Двинѣ на нихъ къ нынѣшней Ликснѣ, здѣсь спрятали свои челноки, а сами пошли воевать земли розитскаго фохта. Динабургскій командоръ, провѣдавъ о литовцахъ, сначала уничтожилъ ихъ лодки, потомъ отрѣзалъ имъ отступленіе, отнялъ награбленную добычу, перебилъ человѣкъ 200; прочіе разбѣжались и погибли за тѣмъ въ пустынѣ, говоритъ Вартбергъ.

Въ іюлѣ рагнитскій командоръ ходилъ воевать Литву, но зашелъ черезъ-чуръ далеко: литовцы окружили его отрядъ, при чемъ самъ командоръ съ 11 братьями былъ убитъ, одинъ орденскій братъ попался въ плѣнъ, прочіе разбѣжались, покинувъ добычу и полонъ.

Въ сентябрѣ маршалъ ливонскій Робинъ, занявшій эту должность по смерти Андрея Штернберга, ходилъ воевать литовцевъ подъ Упиту. Нѣсколько человѣкъ изъ его отряда подошли къ литовской засѣкѣ, за которой спрятались литовцы съ женами, дѣтьми и имуществомъ; они бросились на засѣку, овладѣли было засѣкой, но литовцы отняли у нихъ добычу, перебили ихъ самихъ въ числѣ 25 человѣкъ. Одинъ только тяжело раненный съ трудомъ добрался ночью до войска маршала и разсказалъ о случившемся. Утромъ маршалъ нашелъ тѣла убитыхъ обнаженными, сжегъ ихъ трупы (см. выше стр. 194) и пошелъ къ Упитѣ. Здѣсь онъ провелъ только одну ночь, во первыхъ потому, что его войско было малочисленно, во вторыхъ страна была уже предупреждена за шесть дней впередъ, слѣд. надежды на добычу было мало.

Въ ноябрѣ полоцкій князь подступалъ, пишетъ Вартбергъ, къ Динабургу, сжегъ командорское сѣно, угналъ скотъ, но ничего замку не сдѣлалъ. Цѣлый годъ послѣ того командоръ терпѣлъ недостатокъ въ скотѣ.

1376 годъ для жителей нынѣшней Ковенской губерніи и нынѣшнихъ уѣздовъ Динабургскаго и Рѣжицкаго былъ такой же тревожный какъ и предшествовавшій, потому что набѣги и соединенныя съ ними опустошенія ни чуть не стихали. Было уже выше сказано, что прусскіе рыцари разорили до основанія Ковну, но литовцы успѣли снова отстроить эту крѣпость и занять этотъ весьма важный стратегическій пунктъ. Великій магистръ, чтобы уничтожить крѣпость, въ началѣ 1376 г. предпринялъ походъ на Жмудь, гдѣ жегъ и грабилъ все встрѣчное втеченіе восьми дней, 10 февраля сталъ подъ Ковною и

тотчасъ же началъ осаду. Ковенскій гарнизонъ, однакоже, защищался съ такимъ мужествомъ и вылазками наносилъ орденскому войску такую убыль, что великій магистръ вынужденъ былъ бросить осаду и удалиться въ свои земли. Вслѣдъ за тѣмъ пошли другіе набѣги, незначительные правда, но далеко распространявшіеся. Такъ балгскій командоръ, Дитрихъ Эльнеръ, воевалъ мѣстности около Бѣльска и Каменца. Въ апрѣлѣ ливонскіе рыцари, подъ предводительствомъ добленскаго командора, Дитриха Гольтейскаго, сдѣлали также набѣгъ. Они, пишетъ Вартбергъ, пробыли въ литовскихъ предѣлахъ всего одну ночь, но нанесли вреда не мало: захватили человѣкъ 40 народу, угнали 59 лошадей и 40 головъ рогатаго скота. Набѣгъ былъ произведенъ на дворъ какого-то литовскаго боярина, Дринигайло, котораго рыцари также увели въ плѣнъ.

Ольгердъ и Кейстутъ не оставили этихъ набѣговъ безъ отмщенія. Собравъ войско, они вмѣстѣ съ литовскиимъ княземъ, какимъ-то Свердейко, вступили въ прусскія орденскія земли въ началѣ іюня, когда никто не ждалъ нападенія. Раздѣлившись на три отряда, они пошли жечь и грабить во всѣ стороны. Давно уже Пруссія не испытывала такого опустошенія, какое причинили Ольгердъ и Кейстутъ: множество народа было или истреблено, или уведено въ плѣнъ, пишутъ прусскіе лѣтописцы. Не успѣли жители опомниться отъ этого разгрома, какъ литовцы, подъ предводительствомъ сына Кейстутова, молодаго князя Витовта, чрезъ три недѣли послѣ того какъ Ольгердъ и Кейстутъ ушли въ свои земли, снова появились въ прусскихъ предѣлахъ. Стояло знойное лѣто, уцѣлѣвшіе отъ Ольгерда жители начали жать уцѣлѣвшій хлѣбъ, но ничего не сжали: Витовтъ появился въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ воевалъ его отецъ, разорилъ и выжегъ все, что уцѣлѣло.

Кейстутъ не спустилъ и ливонскимъ рыцарямъ ихъ набѣга: въ августѣ онъ, пишетъ Вартбергъ, былъ подъ Митавою, сжегъ митавскій посадъ, угналъ лошадей и скотъ; былъ подъ Добленомъ, сжегъ сѣно, захватилъ въ полонъ человѣкъ 40.

Подъ Динабургомъ шла малая война своимъ чередомъ. Верстахъ въ 70 отъ Динабурга на Двинѣ русскіе нѣсколько лѣтъ тому назадъ выстроили свою крѣпость, которую Вартбергъ называетъ Новымъ Замкомъ. Изъ этой именно крѣпости русскіе и дѣлали набѣги на земли Динабургскаго командора, которому, конечно, было важно овладѣть ею. Онъ и въ предшествовавшіе годы дѣлалъ къ тому попытки, но всегда неудачно: русскіе отбивали нападенія и въ свою очередь тревожили Динабургскій замокъ. Въ срединѣ августа 1376 г. командоръ, собравъ ратниковъ изъ Рѣжицы и Зельбурга, а также ратниковъ изъ земель рижскаго архіепископа, пошелъ на Новый Замокъ, но также не достигъ никакихъ существенныхъ результатовъ: выжегъ хлѣба и сѣно подъ замкомъ, сжегъ мостъ, убилъ человѣкъ 13, да лошадей 20, тѣмъ и

удовольствовался. Вартбергъ отмѣчаетъ, что въ это время орденскій братъ, какой-то Іоаннъ Вловеръ, убѣжалъ измѣнникомъ къ русскимъ въ Новый Замокъ. По какому поводу бѣжалъ, Вартбергъ не объясняетъ. Полоцкій князь Андрей около этого же времени осадилъ Розитенскій замокъ, но безуспѣшно. Онъ отступилъ, ограничившись опустошеніемъ окрестностей, потомъ задумалъ было сдѣлать нападеніе на Динабургъ, къ Новому Замку сплавилъ было до 100 ладей, но динабургскій командоръ подплылъ на своихъ ладьяхъ, уничтожилъ нѣкоторыя изъ полоцкихъ ладей, а другія увелъ со всѣмъ грузомъ.

Осенью 1376 г. русско-литовскіе князья Кейстутъ, Любартъ, Ягайло, Витовтъ и Юрій Наримундовичъ сдѣлали большой набѣгъ на люблинскую и сандомірскую земли. Причиною и поводомъ похода былъ все тотъ же вопросъ о волынско-галицкомъ княженіи. Князья причинили здѣсь огромныя опустошенія. Польскій лѣтописецъ Длугошъ (I, кн. X, 33) пишетъ, что литовцы дѣлали свои нападенія разбойничьимъ образомъ: захвативъ добычу, они уносили ее въ лѣсныя трущобы, болота и недоступныя мѣста; искусно избѣгая встрѣчъ съ польскими войсками, они рѣдко несли пораженія. Чуть провѣдаютъ, что преслѣдовавшее ихъ польское войско отступило, они выходили изъ своихъ убѣжищъ и снова распускали свои загоны. Танія нападенія причиняли полякамъ не мало вреда, тѣмъ болѣе, что нельзя было за болотами и рѣками предпринять противъ нихъ наступательной войны, ни преслѣдовать убѣгавшихъ. Литовцы такъ изловчились въ своихъ набѣгахъ и такъ умѣли распорядиться, что ихъ труднѣе было настичь, чѣмъ побѣдить. Къ тому же раздоры и и неурядица въ Польшѣ способствовали успѣхамъ этихъ наѣздниковъ болѣе, чѣмъ ихъ врожденная воинственность.

Неурядицы въ Польшѣ достигали дѣйствительно большихъ размѣровъ. Король Людовикъ венгерскій, вступившій въ 1370 г. на польскій престолъ по смерти послѣдняго пястовича, Казиміра, оставался чужимъ человѣкомъ для Польши. Послѣ коронованія, онъ тотчасъ же уѣхалъ въ Венгрію и увезъ съ собою всѣ королевскія регаліи изъ опасенія, чтобы поляки не короновали кого нибудь другаго изъ родственниковъ умершаго Казиміра, князя силезскаго, мазовецкаго или князя Владислава Бѣлаго изъ старшей линіи, изъ которой происходилъ Локетекъ и Казиміръ Управленіе Польшею онъ поручилъ своей матери, Елисаветѣ (сестра Казиміра), и за тѣмъ только и думалъ какъ бы обезпечить польскую корону за одною изъ своихъ дочерей (сыновей у него не было, а по договору 1355 г. его дочери устранялись отъ польскаго наслѣдства). Сначала онъ хлопоталъ о своей старшей дочери, Екатеринѣ, но та умерла именно въ то время, когда хлопоты увѣнчались успѣхомъ. У него остались еще двѣ дочери: Марія и Ядвига Начались новыя хлопоты, ибо великопольская шляхта никакъ не хотѣла видѣть на престолѣ женщину. Но, однако же, предоставленіемъ разныхъ льготъ шляхтѣ, королю Людовику удалось таки въ 1374 г. склонить на свою сторону шляхтичей, и тѣ на сеймѣ въ Кошицахъ согласились признать своей королевой одну изъ дочерей Людовика по выбору ихъ отца, матери или бабки. Поляки были крайне недовольны управленіемъ Елисаветы (въ ея то время литовцы и сдѣлали набѣгъ).

Литовскій набѣгъ причинилъ сильныя опустошенія. Вартбергъ пишетъ, что литовцы произвели такое пораженіе между польскими рыцарями (шляхтою), дворянами, дѣвушками и почтенными женщинами, о какихъ никогда не было слыхано въ прежнія времена. Король Людовикъ собрался было въ походъ на Литву, прибылъ въ Сандоміръ, но сюда пріѣхалъ Кейстутъ въ качествѣ посредника и въ 1377 г. Людовикъ заключилъ миръ съ Ольгердомъ. По этому миру Волынь отошла къ Литвѣ, а галицкое княженіе съ холмскимъ и бельзскимъ удѣлами осталось за Польшею. Людовикъ представилъ управленіе Галиціею одному изъ силезскихъ князей, Владиславу Онольскому, на правахъ удѣльнаго князя.

1377-й годъ, какъ и предшествовавшіе ему, начался войною. Въ Пруссію въ концѣ 1376 г. прибыли съ ратниками знатные гости, графъ Гюнтеръ Гоэнштейнскій, графъ Эбергардъ Каценельбогенскій и др Великій магистръ собралъ войско тысячъ въ 12 человѣкъ и отправилъ орденскаго маршала въ обычное время, въ началѣ февраля, въ походъ. Цѣлію похода было овладѣніе Троками, гдѣ начальствовалъ самъ Кейстутъ. Крестоносцы осадили замокъ, но ничего не могли ему сдѣлать, сожгли только посадъ и окрестныя деревни. Отступивъ отъ Трокъ, они направились къ Вильнѣ, гдѣ заперся Ольгердъ. И здѣсь они выжгли посадъ, но укрѣпленному городу также ничего не могли подѣлать, отрядили только часть войска воевать виленскія волости, куда крестоносцы никогда прежде не заходили. Тутъ Ольгердъ прислалъ къ главнокомандующему войскомъ, маршалу Готфриду Линдену, предложеніе заключить перемиріе и вступить въ переговоры. Маршалъ согласился. Ольгердъ пригласилъ маршала и его спутниковъ къ себѣ во дворецъ къ столу. Въ сопровожденіи великаго командора и знатныхъ заграничныхъ гостей, маршалъ прибылъ къ Ольгерду, который ихъ принялъ гостепріимно и одарилъ, по обычаю, подарками. За тѣмъ условились, что орденское войско выйдетъ изъ Литвы, никого и ничего не трогая. Изъ Вильны маршалъ съ его свитою и войскомъ отправился въ Троки, гдѣ всѣхъ ихъ принималъ и угощалъ Кейстутъ. Это была первая мирная сходка между непримиримыми до сего времени врагами, — ничего путнаго, однако, изъ нея не вышло: Витовтъ съ пятью стами коннаго войска въ то самое время когда крестоносцы, выйдя изъ Трокъ и никого не трогая, подходили къ Нѣману, разграбилъ и уничтожилъ всѣ запасы провіанта и фуража, какіе крестоносцы заготовили въ своихъ складочныхъ пунктахъ (этапахъ) за Нѣманомъ, чтобы не нуждаться въ иродовольствіи на возвратномъ пути.

Ливонскій магистръ не бездѣйствовалъ: въ февралѣ одновременно съ крестоносцами, ходившими воевать подъ Троки и Вильну, онъ вторгся, пишетъ Вартбергъ, въ литовскую землю (вѣроятно, въ Поневѣжскій уѣздъ), четверо сутокъ жегъ и грабилъ, перебилъ и увелъ

въ плѣнъ до 300 человѣкъ, но не могъ долго оставаться тутъ по причинѣ глубокихъ снѣговъ. Кейстутъ не остался въ долгу: на канунѣ вербнаго воскресенья, 21 марта, онъ внезапно подступилъ къ Гольдингену, и нанесъ, говоритъ Вартбергъ, въ окрестностяхъ неисправимый вредъ опустошеніемъ, грабежомъ и избіеніемъ людей и скота. Число убитыхъ и плѣнныхъ доходило до 700, но попались въ плѣнъ и нѣсколько литовцевъ, между которыми и былъ одинъ бояринъ, Пексте, трокскій фохтъ короля литовскаго, гнусный презритель и мучитель плѣненныхъ христіанъ. Плѣнныхъ, какъ водилось въ тѣ времена, умертвили.

Какъ только Кейстутъ вышелъ изъ орденскихъ и епископскихъ владѣній нынѣшней Курляндской губерніи, орденскій маршалъ Робинъ, въ концѣ мая съ ратниками изъ Вендена, Зегевольда, Кандова, Митавы и Доблена пошелъ воевать Упитскую землю. Набѣгъ былъ удаченъ: маршалъ выжегъ все встрѣчное, захватилъ въ полонъ человѣкъ 120, угналъ 280 боевыхъ коней и 260 головъ крупнаго скота; захватилъ въ плѣнъ также жену какого то литовскаго боярина, Канталге, съ сыновьями и всею челядью. Черезъ нѣсколько времени бояринъ этотъ получилъ отъ магистра пропускъ, прибылъ въ Ригу и чтобы освободить семью обѣщалъ принять католичество.

Между тѣмъ въ Пруссію прибылъ герцогъ Альбрехтъ III австрійскій съ 2000 отборнаго коннаго войска въ сопровожденіи многихъ (62) знатныхъ графовъ и дворянъ изъ Германіи.

Былъ этотъ герцогъ, разсказываетъ очевидецъ событій Захенвиртъ (см. Фохта «Исторію Пруссіи» V, 277), человѣкъ вовсе не военный, посвящалъ онъ все свое время наукамъ и религіознымъ упражненіямъ, уговорили же его предпринять крестовый походъ на язычниковъ тѣ, коимъ хотѣлось получить званіе рыцаря подъ его знаменами. Снаряженіе войска стоило ему большихъ денегъ: онъ долженъ былъ занять 16000 венгерскихъ червонцевъ. Такой гость былъ принятъ великимъ магистромъ со всѣмъ великолѣпіемъ, какое только было возможно въ тѣ времена въ Пруссіи. Въ Торнѣ герцога встрѣтила орденская братія съ большимъ торжествомъ: въ честь его былъ данъ пиръ, во время котораго женщины и дѣвушки, украшенныя жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, тапцовали. Въ Маріенбургѣ гостей встрѣтилъ самъ великій магистръ, Книпроде, и въ честь ихъ далъ два великолѣпныя пиршества. Отсюда войско пошло въ Кенигсбергъ. Здѣсь пиры и банкеты слѣдовали одинъ за другимъ, пока наконецъ очередь дошла до герцога. Онъ далъ пиръ отъ себя, и его пиръ блескомъ и великолѣпіемъ превзошелъ всѣ пиры, какіе только бывали доселѣ: дорогія вина разносились въ золотыхъ и серебряныхъ кубкахъ, украшенныхъ драгоцѣнными камнями, гремѣла музыка, возбуждая гостей къ веселью; при концѣ пира, по знаку герцога, внесли множество золотыхъ и серебряныхъ вещей для почетныхъ подарковъ. Дней черезъ десять въ Кенигсбергѣ же великій магистръ давалъ, по старому обычаю, «почетный столъ» (mensam honoris, Ehrentisch). Такой столъ накрывался только на 10—12 кувертовъ, и мѣста за нимъ занимали только тѣ лица изъ князей, графовъ, рыцарей и дворянъ, кои прославились боевыми подвигами и кои вызывались къ столу герольдами. Первое мѣсто предоставлялось наиболѣе знаменитому войну по храбрости и рыцарской добродѣтели. Такимъ

лицомъ оказался нѣкто Конрадъ Крейскій, австріецъ родомъ, онъ и занялъ первое мѣсто (высшая почесть, какая только была доступна рыцарю). Почетный столъ ставился на возвышеніи и украшался со всѣмъ великолѣпіемъ и богатствомъ, какое только было въ тѣ времена. На столъ ставились золотые и серебряные приборы; огромные серебрянные кубки были въ обиліи, ибо таковъ былъ обычай, что кто выпьетъ кубокъ, тотъ долженъ былъ и принимать его себѣ въ подарокъ; предъ нимъ тотчасъ же ставился другой наполненный виномъ кубокъ, тому была и слава и честь (да и прибыль) кто больше опорожнитъ кубковъ. За другими столами, разставленными ниже почетнаго, сидѣли другіе благородные гости, также роскошно угощаемые и одариваемые. Не было недостатка въ музыкѣ и пѣніи и пиръ продолжался часовъ 5—6 *).

Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ Пруссіи къ Кенигсбергу подходили вооруженные ратники; провіанта и фуража заготовили на три недѣли. Въ началѣ сентября войско двинулось въ іоходъ подъ главнымъ начальствомъ самого великаго магистра и герцога Альбрехта на Инстенбургъ, съ тѣмъ чтобы отсюда идти прямо къ Нѣману. Отправили 1000 человѣкъ внередъ расчищать дорогу. Наконецъ войско достигло Нѣмана и переправилось чрезъ рѣку на ладьяхъ, заранѣе сплавленныхъ. Войско вступило въ Жмудь (in ein lant, daz haist Sameyt — пишетъ очевидецъ Захенвиртъ). Въ первой встрѣчной по пути какой-то жмудской деревнѣ, на которую напали крестоносцы, была свадьба. Деревня была сожжена и человѣкъ 60 пировавшихъ на свадьбѣ язычниковъ было убито. По истребленіи деревни и язычниковъ въ ней, графъ Германъ Цилли явился въ собраніе предводителей, на которомъ провозгласилъ герцога Альбрехта рыцаремъ, исполнивъ обычный обрядъ посвященія (ударъ обнаженнымъ мечомъ по плечу со словами: Рыцарь лучше кнехта) Герцогъ Альбрехтъ съ своей стороны возвелъ въ званіе рыцарей въ честь Богородицы 74 человѣка дворянъ.

На слѣдующій день войско раздѣлилось на отряды, которые и пошли жечь и грабить все встрѣчное. Нигдѣ не ждали нападенія, потому и добыча была не малая. На третій день войско вступило въ нынѣшній Россіенскій уѣздъ, но тутъ уже нечего было грабить: жмудь попряталась въ лѣсныхъ трущобахъ и нигдѣ уже нельзя было встрѣтить ни живой души. Тутъ богатый графъ Цилли далъ пиръ для новопосвященныхъ рыцарей, которыхъ оказалось 82 человѣка. Вслѣдъ за тѣмъ послѣдовали новыя посвященія, такъ что число рыцарей возрасло до 108. Этимъ достигалась главная цѣль похода знатныхъ заграничныхъ гостей, состоявшая въ томъ, чтобы получить званіе рыцаря. Войско пробыло въ литовскихъ предѣлахъ восемь дней и возвратилось къ Нѣману, когда пошли дожди. Герцогъ Альбрехтъ съ ближайшими къ нему лицами отправились въ Кенигсбергъ по Нѣману, а прочее войско шло по испортившимся отъ дождей доро-

*) О почетномъ столѣ въ Пруссіи подробности см. у Фохта въ 5 приложеніи къ 5 тому его исторіи Пруссіи, стр. 712—719.

гамъ. Изнуренное походомъ, и потерявъ не мало лошадей, войско достигло наконецъ Кенигсберга. Герцогъ Альбрехтъ роздалъ князьямъ почетныя награды, состоявшія изъ золотыхъ и серебряныхъ кубковъ, и, назначивъ начальникомъ возвращающагося крестоноснаго войска Конрада Крея, самъ возвратился домой чрезъ Польшу и Моравію.

Походъ этотъ, воспѣтый придворнымъ поэтомъ герцога Альбрехта Захенвиртомъ, остался подобно многимъ предшествовавшимъ ему, безъ всякихъ послѣдствій.

Въ августѣ ливонскій магистръ съ большимъ войскомъ ходилъ осаждать русскій Новый Замокъ за Динабургомъ. Поставили четыре осадныя машины; магистръ, пишетъ Вартбергъ, дней тринадцать тщетно осаждалъ замокъ; русскіе отбили нападеніе и магистръ долженъ былъ возвратиться домой, не достигнувъ никакихъ результатовъ.

1377-й годъ былъ послѣднимъ годомъ жизни Ольгерда. Въ этомъ году онъ умеръ въ Вильнѣ (день его смерти неизвѣстенъ, полагаютъ, что смерть послѣдовала въ концѣ 1377 г. на 81 г. отъ рода), не только въ православной вѣрѣ, но и принялъ предъ смертью схиму, по увѣщанію своей супруги Юліаны и ея духовника, печерскаго архимандрита Давида. По словамъ Никоновской лѣтописи, тѣло его было погребено въ храмѣ Пресвятой Богородицы (впослѣдствіи Пречистенскій соборъ), имъ же самимъ созданномъ. Всю жизнь свою проведя въ неустанныхъ войнахъ съ сосѣдями, онъ успѣлъ почти докончить собираніе Западной Руси подъ Литовскою династіею и оставилъ по себѣ въ наслѣдіе сыновьямъ *) обширное государство отъ Балтійскаго моря до Чернаго и отъ Западнаго Буга до Оки.

Въ Литовскомъ княженіи, какъ и въ древней Руси, господствовала удѣльная система, но порядокъ въ наслѣдованіи великимъ столомъ еще не успѣлъ получить опредѣленнаго вида. По смерти Ольгерда, какъ и послѣ Гедимина, возникъ вопросъ о старшинствѣ. Старшимъ въ родѣ гедиминовичей былъ Кейстутъ, ему и подлежалъ великій столъ, но онъ не добивался старшинства; еще при жизни

*) У Ольгерда было 12 сыновей и 5 дочерей. Сыновья отъ перваго брака были: старшій Владиміръ, князь кіевскій, родился въ 1316 г.; второй Іоаннъ, князь подольскій, умеръ въ 1358 г.; третій Симеонъ, князь мстиславскій, умеръ въ 1370 г.; четвертый Андрей, князь полоцкій, род. въ 1325 г., убитъ въ сраженіи на Ворсклѣ въ 1399 г.; пятый Константинъ, князь черниговскій и чарторижскій, умеръ въ 1390 г.; шестой Борисъ — Генрихъ Бутавъ.

Отъ втораго брака сыновья: Ягайло или Ягелло (въ православіи Іаковъ, потомъ въ католичествѣ Владиславъ) родился въ 1350 г., ум. въ 1434 г.; второй Скиргайло—Казиміръ, родился въ 1352 г., ум. въ Кіевѣ въ 1394 г.; третій Свидригайло (Левъ въ православіи, Болеславъ въ католичествѣ), род. въ 1356 г., ум. въ 1452 г.; четвертый Димитрій Корибутъ род. въ 1357 г., ум. въ 1399 г.; пятый Димитрій князь Корецкій, род. въ 1359 г., убитъ въ сраженіи на Ворсклѣ въ 1399 г.; шестой Василій, умеръ отъ яда въ 1392 г.

Дочери Ольгерда: старшая Агрипина, род. отъ перваго брака и была въ замужествѣ за княземъ суздальскимъ Борисовъ; прочія четыре: Марія, Александра, Елена и Ѳеодора родились отъ втораго брака.

Ольгерда онъ призналъ старшинство племянника, одного изъ ольгердовичей, и остался по прежнему удѣльнымъ княземъ Трокскимъ. Выборъ Ольгерда, подъ вліяніемъ княгини Юліаніи, палъ не на старшаго изъ его сыновей, Андрея Полоцкаго, а на старшаго сына отъ втораго брака, на Ягайла (Ягелло, въ православіи Яковъ). Ягайло былъ иризнанъ великимъ княземъ какъ Кейстутомъ, такъ и прочими князьями и боярами, которые, собравшись по смерти Ольгерда въ Вильнѣ, и возвели его на великокняжескій столъ.

Ягайло не походилъ на отца и дѣда своего: былъ лѣнивъ, любилъ удовольствія, неимѣлъ твердаго характера, вовсе не обладалъ воинскими и государственными талантами своего отца. Пока былъ живъ Ольгердъ, согласіе въ его семьѣ не нарушалось. Онъ былъ силенъ этимъ согласіемъ; всѣ усилія тевтонскаго ордена сломить Литву оказывались тщетными, но выборъ на великое княженіе Ягайла нарушилъ это согласіе: въ семьѣ появился раздоръ, а съ появленіемъ раздора ордену открылись богатые виды на овладѣніе литовскими землями.

Князь Андрей Полоцкій не присутствовалъ въ Вильнѣ при провозглашеніи Ягайла великимъ княземъ, но онъ и не думалъ уступать своего старшинства младшему брату. Не имѣя достаточно силъ для борьбы съ Ягайломъ, котораго поддерживалъ Кейстутъ, онъ удалился въ Псковъ, гдѣ былъ крещенъ въ православіе и былъ княземъ въ своей юности (см. выше стр. 240). Псковичи приняли его и посадили на княженіе (см. первую Псковскую лѣтопись, 193) въ 1377 г., надобно полагать вскорѣ по смерти Ольгерда. Но могъ-ли Псковъ оказать какую либо серьезную поддержку князю Андрею при своихъ ничтожныхъ сравнительно съ литовскими силахъ? Конечно не могъ, и потому Андрей не замедлилъ отправиться въ Москву, къ князю Димитрію Іоанновичу, который хотя и помирился съ Ольгердомъ пять лѣтъ тому назадъ, въ 1372 г. (см. выше стр. 378), но никакъ не покидалъ мысли усилить московское княженіе новыми пріобрѣтеніями. Въ Москвѣ приняли Андрея благосклонно: подручничество князя, враждебнаго Ягайлѣ, было весьма выгодно для дальнѣйшихъ видовъ московской политики.

На первое время по смерти Ольгерда въ сношеніяхъ между Литвою и Орденомъ не послѣдовало никакой перемѣны. Наступилъ 1378 годъ, и въ обычное время въ февралѣ начались набѣги. Прусскіе рыцари въ разныхъ мѣстахъ приходили воевать пограничныя литовскія земли; одинъ отрядъ ихъ доходилъ до Каменца. Одновременно и ливонскій магистръ, въ половинѣ февраля, ходилъ воевать Упитскую землю: девять дней и ночей онъ тамъ убивалъ, жегъ и опустошалъ, пишетъ Вартбергъ, двое сутокъ стоялъ подъ Вилкенбергомъ (Вилкоміръ), забралъ въ полонъ болѣе 500 человѣкъ народу, захва-

тилъ 723 лошади (на описаніи этого похода и заканчивается лѣтопись Вартберга).

Не успѣли прусскіе рыцари возвратиться съ набѣга домой, какъ къ нимъ прибылъ герцогъ Альбертъ Лотарингскій съ семью стами конныхъ ратниковъ. Великій магистръ, по обычаю, собралъ свое войско и устроилъ для гостей рейзу на Литву. Четырьмя отрядами войско это воевало земли Кейстута и, конечно, причинило не мало убытковъ. Серьезнаго сопротивленія нигдѣ не встрѣчалось. Ольгерда не было въ живыхъ, а Кейстутъ уже не находилъ такой поддержки, какая бывала прежде отъ его воинственнаго брата: Ягайло больше думалъ объ охотѣ, чѣмъ о ратныхъ дѣлахъ, и не выходилъ въ поле перевѣдаться съ рыцарями, — отмстить ихъ набѣги. Это чрезвычайно ободрило рыцарей. Въ слѣдующемъ 1379 г. они усилили набѣги, доходили до Каменца и Бреста, разорили окрестности Дрогичина до Буга и ушлись добычею, уведя полонъ.

Въ томъ же году въ декабрѣ пошелъ войною на Литву и московскій князь. Московское войско, предводимое княземъ Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ, княземъ Димитріемъ Михайловичемъ Волынскимъ и княземъ Андреемъ Ольгердовичемъ Псковскимъ, завоевало и отняло у Литвы Трубчевскъ и Стародубъ, причемъ братъ Ягайлы, Димитрій — Корибутъ, владѣвшій Трубчевскимъ удѣломъ, не только не оказалъ никакого сопротивленія московскому войску, но, по примѣру брата Андрея, со своимъ семействомъ и дружиною вступилъ въ службу къ великому князю московскому Димитрію и получилъ отъ него въ намѣстничество Переяславль-Залѣскій.

Такимъ образомъ два брата отдѣлились отъ Ягайла. Кейстутъ ничего не могъ подѣлать съ этимъ, онъ негодовалъ на бездѣйствіе и неспособность Ягайла, но чувствовалъ, что ему одному не сдобровать, не устоять противъ рыцарей, — и онъ, какъ свидѣтельствуетъ Длугошъ, вознамѣрился бросить все, спасти хоть часть своего народа, и выселиться изъ подъ Трокъ куда либо въ другое мѣсто, куда перенести и свою вѣру и вѣчный огонь Знича и основать новую Литву. Но, однакоже, учащенные набѣги рыцарей не дозволили ему исполнить этого намѣренія: онъ поднялся на защиту литовцевъ, собралъ войско, и лѣтомъ 1379 г., въ Тройцынъ день, вторгся въ прусскія орденскія владѣнія, овладѣлъ Экерсбергомъ, но, конечно, не смогъ сдѣлать ничего важнаго. Между тѣмъ орденскій маршалъ, Куно Гатенштейнъ, вступилъ въ Жмудь съ цѣлію окончательнаго завоеванія ея, и разоривши не мало деревень, направился къ Ковнѣ, чтобы овладѣть этимъ ключемъ къ Литвѣ. Подходя къ Виліи, онъ узналъ, что Кейстутъ съ большимъ войскомъ идетъ ему на встрѣчу. Скоро появился и литовскій авангардъ, но вмѣсто боя Кейстутъ прислалъ парламентера съ предложеніемъ свиданія и мира. Свиданіе состоялось на какомъ-то островѣ на рѣкѣ Виліи. Условились обмѣняться

плѣнными и заключить потомъ настоящій миръ (см. Фохта V, 293) съ великимъ магистромъ.

Въ концѣ лѣта 1379 г. на берега рѣки Нарева, недалеко отъ Іоганисбурга, прибылъ великій магистръ съ орденскими сановниками, Кейстутъ съ сыномъ Витовтомъ и Ягайло. Здѣсь происходили переговоры о перемиріи, которое и было заключено, но уже въ Трокахъ въ день св. Михаила 1379 г. Это былъ довольно странный трактатъ (подлинникъ хранится въ кенигсбергскомъ тайномъ архивѣ, ящикъ 52, № 3): перемиріе заключалось на 10 лѣтъ, но оно относилось не ко всѣмъ землямъ, а только къ нѣкоторымъ пограничнымъ областямъ съ той и другой стороны (уѣзды Волковыйскій, Суражскій, Дрогичинскій, Мѣльницкій, Бѣльскій, Брестскій, Каменецкій и мѣстность около Гродны съ литовской, и земли Остероды, Ортельсбурга, Аленштейна, Гунлаукена и Зеебурга съ орденской стороны); договаривающіяся стороны обязались не воевать только въ этихъ, а не въ другихъ мѣстахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что во время свиданій и переговоровъ съ русско-литовскими князьями орденскіе сановники имѣли случай и возможность ближе ознакомиться съ отношеніями между князьями и видѣть, что настоящаго согласія между ними нѣтъ, что изъ отсутствія единодушія между ними можно извлечь большую пользу для Ордена, если только умѣючи взяться за дѣло, и возбудивъ открытую вражду между дядею и племянникомъ, вмѣшаться въ распрю.

Между тѣмъ въ московскомъ княженіи подготовлялись весьма важныя событія. Князь Димитрій Іоанновичъ усилился уже на столько, что могъ предпринять серьезныя попытки къ сверженію ненавистнаго татарскаго ига, тѣмъ болѣе, что въ Ордѣ въ это время продолжались неурядицы и самая орда раздробилась между нѣсколькими ханами — соперниками. Распоряжавшійся въ Ордѣ именемъ послушныхъ ему хановъ, темникъ Мамай, замыслилъ рядомъ рѣшительныхъ ударовъ ослабить могущество Димитрія, и весною 1377 г., еще при жизни Ольгерда, послалъ войско воевать Суздальско-Нижегородское княжество. Набѣгъ былъ удаченъ для татаръ, 2 августа на рѣкѣ Пьянѣ (притокъ Суры) русскіе потерпѣли сильное пораженіе и земли княжескія подверглись жестокому разоренію. Лѣтомъ слѣдующаго 1378 года Мамай отправилъ большое войско воевать Рязань и Москву, князь Димитрій московскій выступилъ ему на встрѣчу и 11 августа на рѣкѣ Вожѣ (притокъ Оки) на голову разбилъ татаръ. Это была первая рѣшительная побѣда Руси надъ кочевниками. Мамай, въ это время успѣвшій возстановить единовластіе въ Золотой Ордѣ и присвоить себѣ ханскій титулъ, рѣшился отмстить московскому князю и напомнить Руси времена Батыевы. Онъ поднялъ на Москву всю Орду, усилилъ свое войско разными наемными отрядами и заключилъ союзъ съ Ягайломъ Ольгердовичемъ. Огромное татарское войско снарядилось къ походу, но приготовился и Димитрій къ отраженію. Онъ разо-

слалъ всюду гонцовъ собираться на войну. Многіе областные князья, рязанскій, тверской, нижегородскій, новгородцы на помощь Москвѣ не пришли, но оба Ольгердовича, князь Андрей Полоцкій, княжившій въ Псковѣ, и Димитрій-Корибутъ Брянскій, пришли 20 августа 1380 года князь Димитрій московскій съ войскомъ для того времени многочисленнымъ выступилъ противъ татаръ. 8 сентября на Куликовомъ полѣ, при впаденіи Непрядвы въ Донъ, произошло кровопролитнѣйшее, какое только знаетъ исторія, побоище и князь московскій восторжествовалъ: татары были разбиты на голову. Куликовская побѣда, имѣющая въ исторіи Восточной Европы тоже значеніе, какъ для Западной Европы побоища Каталонское и Турское, прославила Димитрія, снискала ему прозваніе *Донскаго*, положила предѣлъ наступательному движенію Азіи на Европу, усилила общее народное сочувствіе къ Москвѣ и много способствовала дѣлу нашего государственнаго объединенія. Подвигъ Донскаго составляетъ нашу національную гордость во всѣхъ отношеніяхъ, и Донской есть такой же нашъ національный герой, какъ и его знаменитый предокъ Невскій. Оба Ольгердовича, Андрей и Димитрій-Корибутъ, оказали важныя услуги Димитрію въ Куликовскомъ побоищѣ какъ своими совѣтами, такъ и прямымъ участіемъ въ бою. Ягайло со своимъ вспомогательнымъ отрядомъ 8 сентября только на одинъ день пути находился отъ мѣста Куликовской битвы. Услыхавъ о пораженіи Мамая, онъ поспѣшно удалился въ Литву, будто за нимъ кто гнался, хотя князь московскій и не думалъ его преслѣдовать.

До отправленія въ походъ на помощь Мамаю, Ягайло вступилъ въ тайное соглашеніе съ тевтонскими рыцарями, имѣвшее весьма важныя послѣдствія.

Ягайло своимъ великокняжескимъ столомъ былъ обязанъ Кейстуту, который очень часто пріѣзжалъ въ Вильну, и видя бездѣятельную жизнь племянника, не могъ не упрекать его за то и не могъ не принимать участія въ управленіи дѣлами великаго княженія. Племянникъ видѣлъ, что при жизни Кейстута, столь любимаго литовскимъ народомъ, ему придется всегда играть второстепенную роль, а тутъ нашлись и люди, которые изъ личныхъ видовъ старались ссорить дядю съ племянникомъ Между фаворитами лѣниваго и слабаго Ягайлы находился бояринъ Войдыло. Этотъ Войдыло (см. лѣтопись, изд. Даниловичемъ, 40) служилъ у Ольгерда хлѣбникомъ, полюбился онъ великому князю, изъ хлѣбниковъ былъ сдѣланъ княжескимъ постельникомъ, виночерпіемъ, наконецъ Ольгердъ далъ ему держать городъ Лиду Силенъ былъ Войдыло, говоритъ лѣтописецъ, при Ольгердѣ, еще сильнѣе сталъ при Ягайлѣ, который около 1379 г. выдалъ за него свою сестру, Марію, овдовѣвшую послѣ какого-то русскаго князя Давида. Очень не понравилось старому Кейстуту, что племянницу его выдали за холопа; сталъ онъ попрекать и вдовѣ

Ольгердовой, и Ягайлу, и самой племянницѣ. Отсюда пошла ненависть между Кейстутомъ и Войдылою, и послѣдній сталъ думать какъ бы избавиться отъ старика. Прежде всего онъ сталъ внушать Ягайлу, что Кейстутъ готовитъ великокняжескій столъ для своего сына Витовта, что ему, Ягайлѣ, на всякій случай совершенно необходимо имѣть для себя опору, а лучшей опоры нѣтъ какъ Тевтонскій орденъ, всегдашній врагъ Кейстута. Ягайло не только внималъ подобнымъ внушеніямъ, но уже и дѣйствовалъ сообразно имъ: послѣ заключенія 10-ти-лѣтняго перемирія между Орденомъ и Литвою (см. выше стр. 393), онъ вошелъ въ тайное соглашеніе съ ливонскимъ магистромъ Вильгельмомъ Фримерсгеймомъ, въ силу котораго магистръ могъ воевать Жмудь, принадлежащую Кейстуту, а онъ, Ягайло, тому препятствовать не будетъ (договоръ объ этомъ состоялся въ Ригѣ, in castro Rigae A. D. 1380 feria proxime, qua cantatur oculi post Dominicam, и помѣщенъ у Кромера Index № 502 и у Догеля въ Codex dipl. Reg. Polon. V, № 58). Подобное же отдѣльное соглашеніе задумалъ произвести Войдыло и съ прусскими рыцарями. Для этаго онъ тайно поѣхалъ въ Маріенбургъ къ великому магистру съ предложеніемъ заключить тайный договоръ съ Ягайломъ отдѣльно отъ Кейстута, на подобіе договора уже заключеннаго съ ливонскимъ магистромъ (надобно полагать, что во всей этой интригѣ не обошлось безъ участія тайныхъ агентовъ Ордена и католическихъ монаховъ, которыхъ Ольгердъ имѣлъ неосторожность допустить въ Вильну). Великій магистръ, разумѣется, охотно согласился на предложеніе: назначили время и мѣсто сходки, установили предварительныя условія и проч. Орденскіе уполномоченные должны были выѣхать на охоту въ Давидишки, мѣстность нейтральную, на которую распространялось дѣйствіе перемирія 1379 г. Сюда же подъ предлогомъ охоты пріѣдетъ и Ягайло съ Войдыломъ и др. приближенными людьми. Такъ и сдѣлали. Къ назначенному сроку Ягайло прибылъ, пригласивъ на охоту для отвода подозрѣній Кейстута, его сына Витовта и внука Іоанна (сына Патрикія — Патирка). Въ Давидишкахъ главный орденскій уполномоченный, великій командоръ Эльнеръ, далъ великолѣпный пиръ Ягайлу и за тѣмъ началась охота, продолжавшаяся нѣсколько дней. Пока охотники гонялись за звѣремъ, ихъ повѣренные въ глубочайшей тайнѣ составили договоръ (въ подлинникѣ хранится въ тайномъ кенигсбергскомъ архивѣ, ящикъ 52, № 4) слѣдующаго содержанія: „Великій князь обѣщаетъ Тевтонскому ордену въ Пруссіи и Ливоніи полное спокойствіе и безопасность какъ землямъ, такъ и людямъ; если Орденъ пойдетъ войною на Кейстута либо его дѣтей, а великій князь двинетъ въ поле свои войска, то миръ чрезъ это никакъ не нарушается, такъ какъ великій князь не будетъ допускать никакого военнаго столкновенія съ Орденомъ и никакой обиды орденскимъ войскамъ причинять не будетъ. Плѣнные изъ ор-

денскаго войска должны быть освобождены немедленно и безъ всякаго окупа. Если орденскіе ратники, по незнанію, нападутъ на владѣнія великаго князя и тѣмъ причинятъ ущербъ и полонъ захватятъ, то чрезъ это миръ не нарушается: таковые плѣнные отпускаются безъ всякаго окупа. Но дабы такое соглашеніе не обнаруживалось, надобно поступать такъ, что бы со стороны думали, что за плѣнныхъ выкупъ уплоченъ". Дата договора: на полѣ подъ Давидишками, въ лѣто господне 1380, въ октаву Божьяго Тѣла.

Витовтъ и не подозрѣвалъ, что Ягайло, съ которымъ онъ жилъ въ самой тѣсной дружбѣ, измѣняетъ его отцу, измѣняетъ и отечеству, и уже привѣсилъ свою печать къ договору.

Коварство и предательство Ягайлы скоро, однако, обнаружились. Чуть лишь наступилъ 1381 г., какъ начался и набѣги прусскихъ рыцарей съ заграничными войсками, но исключительно на волости Кейстута, а не велико-княжеснія. Одновременно и ливонскій магистръ напалъ на Жмудь и увелъ оттуда въ плѣнъ человѣкъ 700 народа и множество лошадей. Не успѣлъ кончится одинъ набѣгъ, какъ въ февралѣ послѣдовалъ другой въ мѣстности на рѣкѣ Стравѣ, весьма опустошительный, за тѣмъ послѣдовалъ третій, а потомъ четвертый. Старикъ Кейстутъ удивлялся, почему это орденское войско тщательно обходитъ и не трогаетъ волостей Ягайла, но, однако, все еще колебался заподозрить Ягайлу. Онъ, по обычаю, рѣшился отмстить рыцарямъ; съ величайшею осторожностію пробрался въ окрестности Велау, захватилъ было кой-какой полонъ, но услышавъ, что рыцари уже предупреждены и идутъ на него, отступилъ и вслѣдъ за тѣмъ попытался сдѣлать набѣгъ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ по его расчетамъ никто не могъ ждать его. Онъ выступилъ, но, къ удивленію, вездѣ находилъ, что рыцари готовы къ отраженію. Это обстоятельство заставило Кейстута подозрѣвать, что рыцарей кто нибудь да предъувѣдомляетъ о его замыслахъ и направленіи, куда онъ идетъ. Подозрѣнія его утвердились вѣстями, полученными отъ его кума, командора Остеродскаго Куно Либштейна, крестившаго его дочь Дануту, когда она выходила замужъ за князя мазовецкаго. Прислалъ кумъ сказать Кейстуту (см. лѣтопись Быховца, 44): „Ты ничего не знаешь, какъ Ягайло безпрестанно посылаетъ Войдылу къ намъ и уже договоръ съ нами написалъ, чтобы отнять у тебя волости и ему отдать". Кейстутъ немедленно же послалъ къ Витовту сказать: „Ты живешь съ Ягайломъ въ тѣсной дружбѣ, а онъ договорился съ нѣмцами на наше лихо". Витовтъ отвѣчалъ отцу, что ничему не надобно вѣрить, что онъ живетъ съ Ягайломъ душа въ душу, знаетъ всѣ его думы.

Старикъ успокоился, и, провѣдавъ, что орденская крѣпость Байербургъ плохо охраняется, задумалъ овладѣть ею и послалъ къ Ягайлѣ сказать, чтобы онъ немедленно же спѣшилъ съ своимъ войскомъ на помощь къ нему, Кейстуту, чтобы овладѣть Байербургомъ. Ягайло

не пришелъ, но прислалъ, однако, вспомогательный отрядъ. Кейстутъ пошелъ, осадилъ Байербургъ, и опять нашелъ, что рыцари предупреждены, и спѣшатъ на выручку крѣпости. Онъ отступилъ, ушелъ домой, но неприбытіе Ягайла показало ему ясно, что Ягайло измѣняетъ отечеству. Вслѣдъ за тѣмъ произошло слѣдующее:

Послѣ того какъ князь Андрей Полоцкій ушелъ во Псковъ, а потомъ въ Москву, его полоцкій удѣлъ былъ отданъ сыну Кейстута, Андрею, по прозванію Горбатому. Ягайло задумалъ отнять у Андрея Полоцкъ и отдать своему брату Скиргайлѣ. Полочане, старые вѣчники, не только не приняли Скиргайлу, но съ позоромъ выгнали его изъ своего города. Ягайло тогда рѣшился овладѣть Полоцкомъ силою; далъ Скиргайлѣ войско и послалъ его добывать Полоцкъ. Къ литовскому войску присоединились ливонскіе рыцари какъ бы случайно, но въ сущности по приглашенію Ягайла. Андрей заперся въ городѣ и такъ удачно и храбро оборонялся, что Скиргайло и ливонскій магистръ ничего не могли подѣлать городу; шестнадцать недѣль они осаждали Полоцкъ и все напрасно. Узналъ про осаду Полоцка Кейстутъ, послалъ за Витовтомъ и сказалъ ему (см. лѣтопись Быховца, 45): „Видишь какъ Ягайло обижаетъ меня: за Войдыла отдалъ мою племянницу, уговорился съ нѣмцами на мое лихо; а вотъ теперь.... съ кѣмъ мы воевали? съ нѣмцами? а онъ съ ними за одно добываетъ Полоцка“. Витовтъ отвѣчалъ, что все еще не вѣритъ коварству Ягайла, и уѣхалъ къ себѣ въ Гродну. Кейстутъ, однако, не раздѣлялъ сомнѣній своего сына; для собственной безопасности онъ рѣшился на крайнюю мѣру: въ половинѣ августа 1381 г. внезапно подступилъ къ Вильнѣ, овладѣлъ ею, взялъ въ плѣнъ Ягайла со всѣмъ его семействомъ и дворомъ, захватилъ всѣ грамоты, и, между прочимъ, послѣдній договоръ Ягайлы съ нѣмцами.

Витовтъ, извѣщенный чрезъ гонца о происшедшемъ, въ одинъ день ирискакалъ изъ Гродны въ Вильну. Кейстутъ показалъ ему грамоту: „Ты мнѣ не вѣрилъ, а вотъ тебѣ и грамота на лицо; написали на наше лихо, да Богъ насъ остерегъ. А я великому князю Ягайлу за это никакого зла не сдѣлалъ, не дотронулся ни до имѣнія его, ни до стадъ, а самъ онъ у меня не въ плѣну, ходитъ только за малою стражей; отчину его — Витебскъ и Крево (нынѣ мѣстечко Ошмянскаго уѣзда, Виленской губ.), и всѣ мѣста, что отецъ его держалъ, все отдаю ему, и ни во что его не вступаюсь; а что я теперь сдѣлалъ, того нельзя было мнѣ не сдѣлать: берегъ свою голову“ (см. лѣтопись Быховца, 45—46). Ягайло ирисягнулъ, что никогда не вооружится противъ Кейстута и нев ыйдетъ изъ его воли, послѣ чего Кейстутъ освободилъ Ягайла, который со всѣмъ своимъ семействомъ и уѣхалъ на жительство въ Крево. Всѣ плѣнники получили свободу, кромѣ Войдылла, котораго Кейстутъ приказалъ повѣсить.

Кейстутъ, пользовавшійся, какъ уже было замѣчено, чрезвычайною популярностію у литовцевъ, явился такимъ образомъ великимъ княземъ. Онъ немедленно же послалъ въ Полоцкъ дать знать о происшедшемъ переворотѣ. Литовское войско, осаждавшее городъ, и полочане, съ радостію возгласили Кейстута великимъ княземъ; ливонскіе рыцари поспѣшили переправиться за Двину и ушли домой; Скиргайло отправился вмѣстѣ съ ними. Сдѣлавшись великимъ княземъ, Кейстутъ тотчасъ же возобновилъ военныя дѣйствія съ прусскими рыцарями: въ декабрѣ 1381 г. онъ послалъ въ орденскія владѣнія литовское войско, которое овладѣло городомъ Остерадою и сожгло его. Въ началѣ 1382 г. литовцы сдѣлали набѣгъ въ глубь Варміи, а предъ самою осенью Кейстутъ лично повелъ войско подъ Георгенбургъ (Юрбургъ). Онъ осадилъ эту крѣпость, но былъ отбитъ и снялъ осаду. Великій магистръ въ свою очередь подступилъ къ Трокамъ, но удачи не имѣлъ; ливонскій маршалъ, Робинъ Эльцъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, весною 1382 г. сдѣлалъ набѣгъ на Жмудь, пережегъ и награбилъ не мало; на возвратномъ пути, однако, потерпѣлъ неудачу: литовцы разбили его отрядъ, умертвили 36 человѣкъ рыцарей. Послѣ всего этого послѣдовалъ размѣнъ плѣнныхъ; у рыцарей оказалось плѣнныхъ больше, Кейстутъ занлатилъ за оказавшійся излишекъ три тысячи гривенъ, да остался долженъ тысячу.

Ягайло, между тѣмъ, получившій свободу и значительный удѣлъ въ свое распоряженіе, воспользовался ими для того, чтобы низвергнуть своего великодушнаго дядю. Онъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Крево, завязалъ тайныя сношенія съ Орденомъ при посредствѣ своего брата, Свидригайла, котораго отправилъ въ Ригу съ письмомъ къ магистру Вильгельму. Здѣсь онъ получилъ письма къ великому командору, имѣвшему пребываніе въ Кенигсбергѣ, къ которому и отправился. Изъ Кенигсберга съ большею честію его отправили въ Маріенбургъ, гдѣ онъ и объяснилъ великому магистру цѣль своего прибытія: мать и братъ потеряли престолъ, унаслѣдованный отъ отца, пусть Орденъ поможетъ Ягайлѣ возвратить потерянное и тогда въ награду за помощь Орденъ получитъ значительныя земельныя пріобрѣтенія въ литовскомъ княжествѣ. Великій магистръ и орденскіе сановники, по совѣщаніи между собою, отвѣтили, что орденъ не откажетъ Ягайлѣ въ помощи и постарается всѣми своими силами возвратить ему потерянный престолъ, но въ такомъ только случаѣ, если онъ, Ягайло, дастъ вѣрное завѣреніе, что въ теченіе четырехъ лѣтъ онъ съ своимъ государствомъ приметъ католичество. Скиргайло согласился на все, и отъ имени своего брата далъ подписку съ обѣщаніемъ принятія католичества на бланкѣ, который онъ привезъ съ собою и къ которому заранѣе уже была привѣшена печать Ягайлы Изъ Маріенбурга послали гонца въ Крево съ письмомъ, извѣщавшемъ о совершившемся договорѣ, а между тѣмъ великій магистръ отправилъ въ Ригу къ ли-

вонскому магистру съ порученіемъ быть готовымъ къ назначенному сроку въ походъ на Литву, и самъ началъ собирать войско. Войска собрались, но, однако, не приступали ни къ какимъ дѣйствіямъ, да и трудно было начинать что либо пока Кейстутъ жилъ въ Вильнѣ. Но вотъ Кейстутъ узналъ, что князь сѣверскій Димитрій — Корибутъ Ольгердовичъ не только не признаетъ его великимъ княземъ, но еще занялъ нѣкоторыя литовскія земли, къ Сѣверскому княжеству вовсе не принадлежавшія. Кейстутъ пошелъ войною на Димитрія, приказавъ Ягайлу, чтобъ и онъ со своею дружиною шелъ въ походъ въ Сѣверщину, и оставивъ подъ Вильною сына Витовта съ значительнымъ отрядомъ войска. Ягайло собралъ свое войско, но вмѣсто того, чтобы идти къ Кейстуту, подошелъ къ Вильнѣ и внезапно напалъ на Витовта, никакъ не ожидавшаго нападенія. Произошла сильная схватка; Ягайло потерялъ человѣкъ до тысячи изъ своего войска, но все-таки одолѣлъ Витовта, который вынужденъ былъ къ отступленію. Начальникъ виленскаго гарнизона Гануль или Гамилонъ сдалъ Вильну Ягайлѣ, а Витовтъ ушелъ въ Троки. Прусскіе и ливонскіе рыцари какъ только узнали о происшедшемъ, поспѣшили на помощь Ягайлѣ; Витовтъ же, забравъ съ собою свою мать и сокровища, ушелъ въ Гродну.

Узнавъ о происшедшемъ, Кейстутъ снялъ осаду Новгорода-Сѣверскаго и поспѣшилъ прибыть въ Гродну, такъ какъ Ягайло соединившись съ рыцарями, успѣлъ уже овладѣть Троками. Кейстутъ отправивъ жену въ Брестъ, обратился за помощью къ своему зятю, князю Янушу мазовецкому, но тотъ самъ наровилъ какъ бы поживиться на счетъ тестя и не только не оказалъ помоши, напротивъ напалъ на Прибужскія земли Кейстута и овладѣлъ городами Дрогичиномъ, Мѣльникомъ, Суражемъ и Каменцомъ. Кейстутъ ни мало не потерялъ своего обычнаго мужества и энергіи: удалился въ Жмудь, собралъ здѣсь войско, соединился съ Витовтомъ и подступилъ къ Трокамъ. Ягайло съ своими союзниками приготовился сразиться со своимъ дядею, но, не отваживаясь на рѣшительную битву, прибѣгъ къ вѣроломству. Онъ обратился къ Витовту, какъ къ своему прежнему другу, и просилъ помирить его съ дядею. Довѣрчивый Витовтъ уговорилъ отца помириться и ѣхать въ лагерь къ Ягайлу для личнаго свиданія съ нимъ. Кейстутъ согласился, тѣмъ болѣе, что къ нему прибылъ Скиргайло, и именемъ Ягайла поклялся въ безопасности какъ его, Кейстута, такъ и Витовта. На старика нашло какое-то затмѣніе: онъ, никогда не нарушавшій честнаго слова, повѣрилъ клятвамъ предателей, и съ Витовтомъ поѣхалъ въ лагерь къ Ягайлѣ. Здѣсь ихъ тотчасъ окружили, сказали, что для переговоровъ необходимо отправиться въ Вильну, за тѣмъ объявили жмудскому войску, что бы оно расходилось по домамъ, такъ какъ князья уже уѣхали въ Вильну для заключенія мира. Войско разошлось, Кейстута съ Витовтомъ привезли въ Вильну, здѣсь Витовта заключили въ тюрьму, а Кейстута

заковали въ кандалы и отправили въ Крево, въ тамошній замокъ, гдѣ и бросили въ смрадную подземную темницу. На пятую ночь въ темницу прибыли „коморники“ (придворные) Ягайла, и удавили старика золотымъ шпуркомъ отъ его собственной ферязи.

Такъ погибъ знаменитый литовскій герой, сдѣлался жертвою вѣроломства и предательства своего коварнаго племянника. Въ народѣ пустили слухъ, будто Кейстутъ самъ лишилъ себя жизни. Тѣло его привезли въ Вильну и предали торжественному погребенію по литовскому языческому обряду, возлѣ главнаго святилища на долинѣ Свинторога. Витовтъ, узнавъ объ участи отца, проклиналъ предателя Ягайлу и впалъ въ горячку. Его больнаго привезли въ Крево, гдѣ, конечно, умертвили бы, если бы не спасла его жена, княжна Анна Смоленская. Получивъ дозволеніе видѣть мужа, она однажды пришла къ нему со служанкою Еленою, переодѣла его въ платье этой служанки, и въ такомъ костюмѣ вывела изъ башни, гдѣ онъ содержался. Въ ту же ночь Витовта въ корзинѣ спустили съ замковой стѣны, гдѣ его ждали приготовленныя лошади. Онъ бѣжалъ первоначально къ мужу своей сестры, князю Янушу мазовецкому, а отсюда удалился въ Плоцкъ. Его жена, Анна, еще прежде получила позволеніе уѣхать въ Мазовію, куда и уѣхала немедленно же послѣ бѣгства Витовта, а служанка Елена, оставшаяся въ башнѣ, такъ умѣла притвориться, что обманъ открылся только на третьи сутки. Этимъ и объясняется, почему не было погони ни за Витовтомъ, ни за его женою: погоня была безполезною, потому что оба они были за границею. Елену, конечно, умертвили немедленно же Прусскіе и ливонскіе рыцари, помогавшіе Ягайлѣ, ушли домой.

Все это происходило въ первой половинѣ октября 1382 г.

Между тѣмъ въ средѣ Тевтонскаго ордена произошла важная перемѣна: въ Маріенбургѣ 23 іюня скоропостижно умеръ великій магистръ Винрихъ Книпродскій, съ честію управлявшій орденскими дѣлами болѣе 31 года. Со времени Германа Зальцы никто изъ великихъ магистровъ не стоялъ во главѣ ордена столь продолжительное время; справедливость требуетъ сказать, что не многіе великіе магистры равнялись съ Винрихомъ военными и административными способностями. Не ушла бы Жмудь и Аукстоте отъ орденской власти, не спаслась бы отъ Винриха, если бы онъ не встрѣтилъ достойныхъ себѣ противниковъ въ лицѣ сколько неустрашимыхъ, столько же дѣятельныхъ и способныхъ русско-литовскихъ князей, Ольгерда и Кейстута. Никогда орденъ не достигалъ такой славы въ Европѣ, какъ во времена Винриха, и никогда прусскія орденскія владѣнія не управлялись столь разумно, какъ при немъ. Съ величайшими почестями и непритворнымъ прискорбіемъ прусская орденская братія похоронила своего знаменитаго магистра, и за тѣмъ былъ созванъ генеральный капитулъ въ Маріенбургъ для выбора новаго великаго магистра. Сюда,

по обычаю, съѣхались орденскіе сановники, прибылъ также ливонскій магистръ, Вильгельмъ Фримерсгеймскій, съ ливонскимъ ландмаршаломъ, Робиномъ Эльцскимъ, и здѣсь 5 октября 1382 г. почти единогласно былъ избранъ на должность великаго магистра бывшій орденскій трапиръ и христобургскій командоръ, *Конрадъ Цельнеръ Ротенштейскій* (родомъ изъ Вюрцбургскаго епископства). За тѣмъ послѣдовали выборы и назначенія другихъ должностныхъ лицъ при великомъ магистрѣ. Такъ должность маршала (командующаго войсками) занялъ шлохаускій командоръ, Конрадъ Валенродъ, должность орденскаго транира занялъ Генрихъ Гансъ Веберштетенскій.

Конрадъ Цельнеръ вступилъ въ управленіе орденскими дѣлами въ то время, когда самый сильный и самый непримиримый врагъ ордена Кейстутъ погибъ въ Крево, когда Витовтъ бѣжалъ изъ Литвы и когда Ягайло вторично сѣлъ на велико-княжескомъ русско-литовскомъ столѣ.

По умерщвленіи Кейстута *) и казни нѣкоторыхъ знатныхъ жмудиновъ, Ягайло отдалъ удѣлъ Кейстута т. е. Трокское княженіе и Жмудь своему брату Скиргайлу; Витовтъ, написавъ Ягайлу письмо, въ которомъ признавалъ послѣдняго великимъ княземъ, обѣщалъ ему повиновеніе съ условіемъ, чтобы ему былъ возвращенъ отцовскій удѣлъ. Ягайло, разумѣется, не согласился на подобное условіе, а чтобы обезпечить свои владѣнія отъ дальнѣйшихъ набѣговъ прусскихъ и ливонскихъ рыцарей, рѣшился заключить съ ними миръ и союзъ, съ цѣлію отвлечь Орденъ отъ Витовта, на случай если бы тотъ обратился за помощію къ рыцарямъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній онъ написалъ великому магистру, что желаетъ видѣться съ нимъ. Конрадъ Цельнеръ отправилъ на свиданіе съ Ягайломъ своихъ сановниковъ, въ томъ числѣ и магистра ливонскаго Вильгельма съ его маршаломъ Робиномъ. Свиданіе состоялось въ первыхъ числахъ ноября 1382 г. на островѣ Дубиссы, при впаденіи этой рѣки въ Нѣманъ, и здѣсь Ягайло вмѣстѣ со своими братьями и нѣкоторыми знатными литовскими боярами заключилъ съ Орденомъ договоръ (документы о томъ хранятся въ кенигсбергскомъ тайномъ архивѣ въ ящикѣ 52 подъ №№ 5, 6, 7 и 8), въ силу котораго онъ уступалъ Тевтонскому ордену западную часть Жмуди до рѣки Дубиссы, обѣщалъ принять католи-

---

*) Кейстутъ былъ женатъ на дочери жмудскаго князька Видымунда, Бирутѣ, въ юности своей бывшею вайделоткою, т. е. дѣвственною жрицею при святилищѣ богини Праурimы близъ гавани Полонги. Кейстутъ, возвращаясь съ похода въ Пруссію, увидѣлъ Бируту, плѣнился ея красотою, насильно увезъ ее въ Троки и женился на ней. У нихъ были дѣти: 1) Войтвилъ, умеръ въ 1387 г. (о семъ подробностей не сохранилось), 2) Патиргъ или Патрикій, 3) Войдатъ, род. въ 1342 г., ум. въ 1381 г.; 4) Витовтъ или Витольдъ, род. въ 1344 г., ум. въ 1430 г.; 5) Сигитасъ—Сигизмундъ, род. въ 1348 г., убитъ въ Трокахъ въ 1440 г.; 6) Товтивиллъ род. въ 1350 г., убитъ подъ Вильною въ 1390 г. Дочерей у Кейстута были четыре.

Бирута по однимъ извѣстіямъ была утоплена врагами Кейстута; по другимъ болѣе вѣроятнымъ, она умерла въ 1416 г.

чество со всѣмъ своимъ народомъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, обязывался въ теченіе этихъ четырехъ лѣтъ не тревожить орденскихъ владѣній въ Пруссіи и Ливоніи, помогать Ордену въ его войнахъ, въ замѣнъ чего Орденъ не будетъ нападать въ теченіе означеннаго времени на Литву и поможетъ Ягайлу въ его войнахъ. Однимъ словомъ Ягайло и Орденъ заключили между собою наступательный и оборонительный союзъ на четыре года.

Обѣ стороны могли считать договоръ этотъ выгоднымъ для себя: Орденъ пріобрѣталъ часть Жмуди, къ овладѣнію которою онъ съиздавна стремился; Ягайло же уступкою этой части пріобрѣталъ увѣренность, что западныя предѣлы его владѣній не будутъ тревожимы рыцарями и Орденъ не будетъ помогать Витовту. Миръ съ Орденомъ для него былъ въ настоящую минуту важенъ еще и потому, что онъ боялся вторженія татаръ въ свои владѣнія.

Послѣ Куликовскаго побоища, происходившаго 8 сентября 1380 г., Мамай началъ собирать новое войско, чтобы снова идти на Москву, но во время сборовъ на него напалъ заяицкій ханъ Тохтамышъ, и разбилъ его на голову. Мамай бѣжалъ въ Крымъ къ генуэзцамъ, которые и убили его. Тохтамышъ овладѣлъ Золотою Ордою и 24 августа 1382 г. напалъ на Москву, которую защищалъ внукъ Ольгерда, князь Остей. Тохтамышъ 26 августа овладѣлъ Москвою, убилъ князя Остея, и страшно опустошилъ множество городовъ. Вотъ вторженія этого-то Тохтамыша въ Литву и опасался Ягайло.

Надежды Ягайла ни мало, однако, не исполнились. Орденъ помогъ ему сгубить Кейстута, но дальнѣйшее утвержденіе и усиленіе Ягайла было рѣшительно не въ интересахъ рыцарей. Ягайло, правда, уступилъ часть Жмуди, обѣщалъ принять католичество, но, усилившись, могъ и отобрать уступленное, могъ и не исполнить своего обѣщанія; имѣть слабаго сосѣда во всякомъ случаѣ гораздо было выгоднѣе, чѣмъ имѣть сосѣда сильнаго, а ослабить сосѣда съ большимъ удобствомъ и безъ всякаго риска можно было поддержаніемъ въ его владѣніяхъ смуты и усобицы. Отличный случай къ поддержанію смуты въ Литвѣ представился чрезъ нѣсколько недѣль послѣ заключенія договора съ Ягайломъ, и Орденъ не замедлилъ воспользоваться имъ.

Витовтъ добивался, чтобъ Ягайло возвратилъ ему отцовскій удѣлъ, т. е. Трокское княжество и Жмудь. Ягайло, разумѣется, не только не хотѣлъ возвращать удѣла, но въ началѣ 1383 г. пошелъ войною на князя Януша мазовецкаго, который, какъ было сказано выше (стр. 399), овладѣлъ Прибужскими городами, Дрогичиномъ, Суражомъ, Мельникомъ и др. Орденъ далъ въ займы Янушу семь тысячъ венгерскихъ червонцевъ на войну съ Ягайломъ, но денежная помощь, однако, не помогла: Ягайло овладѣлъ городами. Витовтъ, между тѣмъ, видя, что на возвращеніе удѣла ему никакой надежды нѣтъ, рѣшился обратиться къ Ордену. Князь Янушъ поѣхалъ въ Пруссію и устроилъ

свиданіе Витовта съ орденскимъ маршаломъ, Конрадомъ Валенродомъ, въ Инстербургѣ. Витовтъ съ братомъ Товтивилломъ заявили, что желаютъ, дабы великій магистръ похлопоталъ у Ягайла возвращенія имъ отцовскаго удѣла и если возвращеніе послѣдуетъ, то въ награду за ходатайство и хлопоты, они примутъ отцовскій удѣлъ изъ рукъ ордена на ленныхъ правахъ, слѣд. заранѣе уже отдавали себя въ зависимость Ордена. Предложеніе было очень заманчиво: Ягайло уступалъ часть Жмуди, а Витовтъ отдаетъ все.

Великій магистръ принялъ охотно предложеніе Витовта, призвалъ его въ Маріенбургъ и за тѣмъ потребовалъ, чтобы Ягайло возвратилъ обоимъ кейстутовичамъ ихъ отцовскій удѣлъ. Ягайло отвѣчалъ отказомъ; тогда великій магистръ предложилъ ему снова съѣхаться на прежнемъ же островѣ, на Дубиссѣ; съѣздъ не состоялся, и великій магистръ объявилъ Ягайлѣ войну. Собралось орденское войско, собралъ и Витовтъ своихъ приверженцевъ. Военныя дѣйствія, открывшіяся въ августѣ 1383 г. были сначала удачны для Витовта и рыцарей. Великій магистръ овладѣлъ Троками, сжегъ предмѣстье Вильны и, расположившись на берегахъ Виліи, объявилъ Витовта великимъ княземъ литовскимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ, что Жмудь присоединяется къ орденскимъ владѣніямъ (жмудины о такомъ присоединеніи и слышать не хотѣли), послѣ чего возвратился домой въ Маріенбургъ.

Между тѣмъ Ягайло собралъ свое войско, овладѣлъ обратно Троками и началъ тѣснить Витовта. Тотъ, чтобы болѣе привлечь на свою сторону Орденъ, принялъ католичество 21 октября 1383 г. въ Таплавѣ, при чемъ былъ нареченъ Вигандомъ, и за тѣмъ 30 января 1384 г. далъ формальную запись ордену (напечатана въ 4 приложеніи къ 5-му тому Нарбута „Dzieie narodu Litewskiego“), по которой весь свой удѣлъ отдавалъ ордену съ тѣмъ, чтобы таковой получить обратно отъ Ордена, но уже въ качествѣ орденскаго лена. Лучшая половина Литвы и Жмудь, къ овладѣнію которыми Орденъ стремился цѣлое столѣтіе, переходили такимъ образомъ къ Ордену пока еще на бумагѣ, но очень легко могли перейти и на дѣлѣ, дѣйствуй только рыцари энергически и настойчиво. Но именно этого и не было: рыцари дѣйствовали вяло, нерѣшительно и тѣмъ сами повредили собственному своему интересу. Они, однакоже, не оставались въ полномъ бездѣйствіи и рѣшились возстановить старую Ковну, возстановить ту самую литовскую крѣпость, которую разрушили въ 1362 г. (см. выше стр. 365), чтобы имѣть для себя прочную опору въ Литвѣ. Съ этою цѣлію въ маѣ 1384 г. они предприняли строительную экспедицію, отправили вверхъ по Нѣману цѣлую флотилію ладей, нагруженныхъ строительными матеріалами, и за тѣмъ на развалинахъ Ковны заложили новую крѣпость. Работы производились подъ надзоромъ самаго великаго магистра съ чрезвычайною поспѣшностію, чрезъ шесть не-

дѣль новая крѣпость была отстроена. Она была названа *Маріенвердеромъ* (островъ Маріи), ибо стояла при сліяніи Дубиссы съ Нѣманомъ; кромѣ того былъ прокопанъ ровъ между этими рѣками, такъ что дѣйствительно новая крѣпость стояла на островѣ. Здѣсь въ этой новой крѣпости великій магистръ подписалъ договоръ съ Витовтомъ, коимъ Орденъ бралъ на себя обязанность помогать Витовту добыванію его отцовскаго удѣла, который онъ и приметъ отъ Ордена на ленномъ основаніи. Если Витовтъ не оставитъ по себѣ потомства, то всѣ его владѣнія, согласно его записи, перейдутъ въ непосредственное владѣніе Ордена; если оставитъ по себѣ дочь, то Орденъ возьметъ ее въ опеку, выдастъ за мужъ за знатнаго человѣка и оставитъ ее при отцовскомъ наслѣдіи; если она умретъ бездѣтною, то мужъ никакого права на ея владѣнія не имѣетъ, которыя и перейдутъ къ Ордену. Если же братъ Витовта, Сигитасъ (Сигизмундъ) приметъ католичество, и у Витовта не будетъ потомства, то всѣ владѣнія переходятъ къ Сигитасу съ тѣми правами, службами и обязанностями, какія Витовтъ принялъ на себя (договоръ этотъ въ древней коніи хранится въ тайномъ кенигсбергскомъ архивѣ въ фоліантѣ привиллегій, стр. 251).

Великій магистръ, снабдивъ крѣпость всякаго рода военными запасами и поставивъ въ ней гарнизонъ, уѣхалъ домой, донеся папѣ обо всемъ случившемся.

Въ это время въ католическомъ мірѣ начался такъ называемый *великій расколъ* или раздвоеніе папской власти, имѣвшее весьма важное вліяніе на судьбу католической церкви. Папа Григорій XI (см. выше стр. 381) пробылъ въ Авиньонѣ до 1376 года. Въ началѣ 1377 г. онъ снова возвратился въ Римъ, чтобъ спасти хоть остатки свѣтской власти папы въ Италіи. Въ мартѣ 1378 г. Григорій XI умеръ и на его мѣсто папою былъ избранъ калабріецъ Приньяно, принявшій имя Урбана VI. Новый папа рѣзко обращался съ кардиналами, намѣреваясь возстановить ослабѣвшую съ вѣками дисциплину духовенства, и оскорбилъ французскихъ кардиналовъ, которые объявили выборъ Урбана VI незаконнымъ и въ сентябрѣ 1378 г. выбрали папою кровожаднаго и жестокаго кардинала Роберта Женевскаго, который и принялъ имя Климента VII. Такимъ образомъ къ великому соблазну католическаго міра явился расколъ: Неаполь, Испанія и Франція признали Климента, имѣвшаго пребываніе въ Авиньонѣ, остальная Европа стояла за Урбана, пребывавшаго въ Римѣ. Тевтонскій орденъ былъ на сторонѣ Урбана; великій магистръ и обращался къ нему.

Сторону Витовта держали очень многіе литвины и почти вся Жмудь. Ягайло ясно видѣлъ какъ опасенъ для него его бывшій другъ и потому послѣ отъѣзда великаго магистра прислалъ къ Витовту тайныхъ пословъ сказать, что если Витовтъ отстанетъ отъ Ордена, то получитъ отцовское наслѣдство не какъ орденскій вассалъ, а какъ самостоятельный удѣльный князь. Витовтъ не долго раздумывалъ: онъ далъ Ордену запись и обѣщаніе, заключилъ договоръ, но перспектива орденскаго вассала его ни мало не привлекала, да еще согласятся ли жмудины и литовцы подчиниться Ордену. Онъ покинулъ

рыцарей, съ 400 отборными всадниками вышелъ 12 іюля 1384 г. изъ Пруссіи подъ видомъ набѣга на Литву, сталъ подъ Юрбургомъ, ограбилъ и сжегъ этотъ замокъ, захватилъ и, конечно, ограбилъ Байербургъ и присталъ къ Ягайлу, — порвавъ всякія связи съ Орденомъ, по отношенію къ которому явился сущимъ измѣнникомъ и предателемъ, но въ тотъ вѣкъ измѣны и предательства были столь часты, столь обыденны, что никого нимало не удивляли.

Витовтъ помирился съ Ягайломъ, который и тутъ не упустилъ, чтобы не совершить обмана: обѣщалъ отдать все отцовское наслѣдіе, а отдалъ только русскія владѣнія Кейстута: Брестъ, Дрогичинъ, Гродну, Мельникъ, Каменецъ и др., но не Троки, которые остались во владѣніи Скиргайла, брата Ягайлова. Витовтъ до поры до времени скрылъ свое неудовольствіе на обманъ и сталъ дѣятельно помогать Ягайлѣ, отъ котораго кромѣ измѣны и предательства ничего не видѣлъ, надѣясь наверстать все въ будущемъ (въ чемъ, какъ увидимъ, и не ошибся). Вступивъ во владѣніе русскими городами и порвавъ съ Орденомъ, Витовтъ порвалъ и съ католичествомъ: присоединился къ православію и католическое имя Виганда перемѣнилъ на православное Юрія (Георгія).

Ягайло и Витовтъ, сдѣлавшись снова союзниками, прежде всего рѣшились добыть орденскую крѣпость, Маріенвердеръ, дѣйствительно составлявшую ключъ къ Литвѣ. Они очень хорошо знали, что новую крѣпость, возведенную и укрѣпленную по всѣмъ правиламъ тогдашней фортификаціи, взять будетъ не легко, потому и поднялись со всѣми силами, какія были въ ихъ распоряженіи. Надобно было дѣйствовать смѣло и рѣшительно и иритомъ быстро, чтобы орденъ не могъ подать помощи гарнизону. Въ концѣ сентября 1384 г. они, запасшись осадными машинами, а также пушками и мортирами (порохъ въ тѣ времена вошелъ уже въ употребленіе), окружили Маріенвердеръ и тотчасъ же приступили къ осадѣ. Орденскій гарнизонъ, состоявшій подъ начальствомъ Генриха Клее, защищался отчаянно. Три недѣли прошли въ непрерывныхъ бояхъ. Орденскій маршалъ, Конрадъ Валенродъ, поспѣшилъ на помощь, но ничего не могъ подѣлать. 25 октября 1384 г. Маріенвердеръ былъ взятъ русско-литовскими войсками послѣ кровопролитнаго общаго штурма, при чемъ Орденъ понесъ большую потерю: въ битвахъ и при штурмѣ было убито 150 чел. орденской братіи и множество простыхъ ратниковъ; 55 орденскихъ рыцарей, 250 рыцарей свѣтскихъ дворянскаго званія и полторы тысячи ратниковъ были взяты въ плѣнъ, и что всего важнѣе, въ рукахъ русско-литовскихъ князей явилась сильная крѣпость со всѣмъ вооруженіемъ, ибо при штурмѣ она пострадала не особенно много.

Оставить безъ отмщенія паденіе важной крѣпости Орденъ, конечно, и не помышлялъ, но зима 1384 г. была теплая, для походовъ совершенно не подходящая, къ тому же и заграничныхъ гостей яви-

лось слишкомъ мало, чтобы предпринять что либо серьезное. Пришлось отложить походъ до слѣдующаго 1385 г., а тутъ произошли новыя событія, весьма важныя и крайне непріятныя Ордену: подходило къ концу рѣшеніе польскаго вопроса и для Ягайлы открылись виды на польскую корону. События эти оказали такое рѣшительное вліяніе на судьбу всего Тевтонскаго ордена, что необходимо упомянуть о нихъ.

Было уже выше сказано (стр. 386), что король Людовикъ много заботился, чтобы одна изъ его дочерей была признана наслѣдницей польскаго престола. Заботы не оказались безплодными: на сеймѣ въ Кошицахъ въ 1374 г. поляки согласились признать своей королевой одну изъ дочерей Людовика по выбору ихъ отца, матери или бабки. Король Людовикъ умеръ 14 сентября 1382 г., завѣщавъ предъ смертью польскую корону дочери Маріи, обрученной съ бранденбургскимъ маркграфомъ Сигизмундомъ, сыномъ императора Карла IV, а венгерскую корону отказалъ младшей своей дочери, Ядвигѣ, повѣнчанной въ 1378 г. съ герцогомъ австрійскимъ Вильгельмомъ, когда имъ обоимъ было не болѣе какъ по семи лѣтъ отъ роду. Венгры, находя, что 12-ти лѣтняя Ядвига слишкомъ молода для занятія престола, провозгласили вопреки завѣщанія Людовика своею королевою Марію. Тогда поляки, нежелавшіе чтобы ихъ королевство вошло въ составъ королевства мадъярскаго, объявили вдовѣ Людовика, что они признаютъ своею королевою ту изъ дочерей, которая обяжется жить въ Польшѣ. Мнѣнія раздѣлились: часть великополянъ стала на сторонѣ Сигизмунда и Маріи; мазуры выставили кандидатомъ въ короли своего князя Семовита (Семку), какъ природнаго пяста. Партіи не замедлили взяться за оружіе, чтобы разореніями земель своихъ противниковъ доказать свою правду. Началась кровавая усобица и продолжалась до тѣхъ поръ, пока вдова Людовика, королева Елисавета, назначила наконецъ наслѣдницею своего мужа на польскомъ престолѣ младшую дочь Ядвигу и отпустила ее въ Польшу. 15 сентября 1384 г. въ Краковѣ совершилось коронованіе Ядвиги. Ей было въ то время 14 лѣтъ отъ роду. Но тутъ возникъ самый важный вопросъ: кому быть супругомъ польской королевы? Юная королева, отличавшаяся сколько красотою, столько же и ревностью къ католичеству, считала себя законною супругою принца Вильгельма австрійскаго, такъ какъ была уже повѣнчана съ нимъ семь лѣтъ тому назадъ, хотя и въ дѣтствѣ, но повѣнчана вполнѣ законно. Польскіе магнаты, однако, и знать не хотѣли этого обстоятельства: Вильгельмъ былъ государемъ отдаленной небольшой земли, былъ нѣмецъ по ироисхожденію, какой пользы ждать отъ него; для польской королевы надобенъ болѣе выгодный бракъ. Возникло нѣсколько партій, каждая со своимъ кандидатомъ въ женихи.

Великопольскіе магнаты стали на сторонѣ князя Семовита мазовецкаго, малопольсніе магнаты выставили кандидатомъ въ женихи великаго князя литовскаго Ягайлу и ихъ сторона скоро превозмогла всѣ прочія. И въ самомъ дѣлѣ Ягайло своею силою и значеніемъ далеко превосходилъ всѣхъ кандидатовъ. Онъ былъ великимъ княземъ земель всей нынѣшней Западной Россіи и самымъ опаснымъ сосѣдомъ Польши. Его предки, предпріимчивые и дѣятельные русско-литовскіе князья, Гедиминъ и Ольгердъ, уже ясно показали полякамъ, чего имъ ждать отъ дальнѣйшаго объединенія Западной Руси подъ властью гедиминова дома. Русско-литовскіе князья уже отвоевали Волынь, на этомъ несомнѣнно не остановятся, отберутъ Львовскую землю, не оставятъ въ покоѣ и польскихъ земель, будутъ продолжать свои вторженія, всегда опустошительныя и въ концѣ концевъ покорятъ всю Польшу, безсильную бороться съ русско-литовскими ратниками. Ягайло, какъ нарочно, не помышляя вовсе о польской коронѣ, въ 1384 г., одолѣвъ князя Януша мазовецкаго, вторгся въ Малую Польшу подъ предлогомъ, что поляки помогали Янушу, сильнѣйшимъ образомъ разорилъ ее, доходилъ даже до Вислицы, въ 9 миляхъ отъ Кракова, и безнаказанно ушелъ въ свои предѣлы съ огромною добычею и полономъ. Малопольснія земли постоянно страдали отъ литовскихъ вторженій, чѣмъ-же избавиться отъ разореній, чѣмъ обратить опаснаго и сильнаго сосѣда изъ врага въ союзника и защитника? При тогдашнихъ обстоятельствахъ, бракъ юной королевы съ Ягайломъ былъ наиболѣе подходящимъ, наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ. Безчисленныя выгоды и пользы представлялись Польшѣ вслучаѣ осуществленія такого союза: во первыхъ страна освободится отъ литовскихъ набѣговъ, ибо Ягайло самъ сдѣлается защитникомъ поляковъ, во вторыхъ, сочетайся бракомъ Ягайло съ Ядвигою, можно было разсчитывать и на соединеніе громаднаго русско-литовскаго княженія съ Польшею, слѣд. на образованіе со временемъ сильнаго польско-литовскаго государства. Польское высшее католичество съ особенною ревностію ухватилось за мысль соединить бракомъ Ягайлу съ Ядвигою; бракъ могъ быть предложенъ лишь подъ условіемъ перехода Ягайла въ католичество, литовцы были еще язычниками, — съ переходомъ Ягайла можно будетъ и всѣхъ литовцевъ сдѣлать католиками, далѣе мелькало уже осуществленіе завѣтной мысли всѣхъ папъ — присоединеніе къ католичеству и всѣхъ русско-православныхъ людей, составляющихъ громадное большинство населенія всего русско-литовскаго княжества. Что было толку въ соединеніи съ Венгріею? Король Людовикъ не жилъ въ Польшѣ, пренебрегалъ ею, правилъ посредствомъ намѣстниковъ, былъ безсиленъ защитить Польшу отъ рыцарей и Литвы. Всѣ кандидаты на бракъ съ Ядвигою — сущее ничтожество предъ Ягайломъ, полуварваромъ, правда, но тѣмъ лучше: онъ не окрѣпъ еще въ православіи, не сроднился съ православіемъ, какъ сроднились коренные

русскіе князья, рюриковичи, еще гедиминовичи не подчинились вполнѣ русской гражданственности; съ переходомъ въ католичество, они неизбѣжно подчинятся вліянію польской гражданственности, дадутъ полякамъ возможность пользоваться ближайшими землями въ Юго-Западной Руси, присоединятъ къ католичеству своихъ языческихъ подданныхъ, задавятъ православіе и у своихъ русскихъ подданныхъ, — слѣд. надобно только умно повести дѣло.

Поведено было дѣло дѣйствительно умно. Источники не указываютъ, какъ начались и происходили переговоры о бракѣ Ягайла съ Ядвигою, но они увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ, ибо Ягайло, долго не раздумывая, согласился рѣшительно на все, что не потребовали отъ него поляки: согласился изъ православія перейти въ католичество, согласился крестить языческихъ литовцевъ въ католичество, соединить Литву съ Польшею въ одно государство, возвратить плѣнныхъ, отвоевать назадъ польскія земли, захваченныя сосѣдями, преимущественно рыцарями, заплатить королевѣ-матери 200,000 червонцевъ, обѣщанныхъ отцомъ герцога Вильгельма австрійскаго. Что именно побуждало Ягайла согласиться на всѣ эти условія опять же неизвѣстно, быть можетъ, и это очень вѣроятно, что его соблазнила польская корона.

Послѣ примиренія съ Витовтомъ и взятія Маріенвердера (Ковны), послѣ коронованія Ядвиги, Ягайло въ началѣ 1385 г. отправилъ въ Краковъ своего брата князя Скиргайлу Полоцкаго и Трокскаго, съ двумя другими братьями, Борисомъ (Генрихъ-Буславъ) и Вигундомъ (Василій-Александръ) и виленскаго старосту Гамилона въ качествѣ свиты. Польскіе магнаты не рѣшались, однако, покончить дѣло безъ согласія королевы-матери, потому снарядили соединенное польско-литовское посольство въ Пештъ, гдѣ находилась королева Елисавета. Королева, конечно, согласилась на бракъ въ виду его очевидной выгоды. Заручившись согласіемъ матери, польскіе магнаты созвали сеймъ въ Краковѣ и здѣсь рѣшили вопросъ о супругѣ королевы Ядвиги въ пользу Ягайла. Послѣ этого было снаряжено торжественное посольство къ Ягайлѣ съ отвѣтомъ, что на его бракъ съ Ядвигою препятствій нѣтъ. Посольство около Благовѣщенія, 25 марта 1385 г., прибыло въ Крево, гдѣ проживалъ Ягайло, и здѣсь получило отъ него письменное подтвержденіе всѣхъ его обѣщаній, какія были сдѣланы уже его сватами въ Краковѣ польскимъ магнатамъ и въЕштѣ королевѣ-матери. Ягайлѣ оставалось теперь ѣхать въ Краковъ, чтобы повѣнчаться. Само собою разумѣется, что Ядвигу и не спрашивали будетъ-ли она согласна на бракъ съ Ягайломъ, котораго она не знала и въ глаза не видала.

Ядвига, однако, считала себя замужнею, ибо была уже повѣнчана съ Вильгельмомъ австрійскимъ. Не всѣ поляки были согласны на задуманный бракъ. Подкоморій краковскій, Гнѣвошъ, далъ знать

Вильгельму, что его жену выдаютъ за Ягайлу. Онъ прибылъ въ Краковъ, чтобы соединиться съ своею супругою. Его не впустили въ Краковъ, тогда Ядвига, въ сопровожденіи придворныхъ дамъ, сама пошла къ Вильгельму, котораго вполнѣ справедливо считала своимъ законнымъ супругомъ. Свиданія устраивались во францискапскомъ монастырѣ, при чемъ молодыя дамы и кавалеры, составлявшіе свиту, услаждали себя въ мѣстѣ отшельничества и молитвы музыкою и танцами. Между статнымъ Вильгельмомъ и красавицею Ядвигою не замедлила возникнуть сердечная привязанность и австрійскій герцогъ пробрался тайкомъ въ королевскій замокъ и нѣкоторое время скрывался здѣсь, сдѣлавшись дѣйствительнымъ супругомъ Ядвиги. Краковскіе магнаты, узнавъ о томъ, выгнали Вильгельма изъ замка и велѣли не выпускать свою королеву изъ замка. Вильгельму ничего не оставалось, какъ уѣхать изъ Польши (оставайся онъ въ Польшѣ, его бы убили), онъ и уѣхалъ. Тогда магнаты и духовенство принялись усовѣщивать и уговаривать Ядвигу, которая возмущалась при при одной мысли о новомъ бракѣ послѣ совершившагося дѣйствительнаго супружества Духовенство постаралось успокоить ея совѣсть доказательствами, что вѣнчаніе, совершенное въ дѣтствѣ, не законно, и представляло ей какую великую заслугу она окажетъ церкви, если обратитъ въ католичество цѣлый языческій народъ и слѣд. сколько душъ спасетъ отъ вѣчной муки. Магнаты указывали ей на смутное положеніе королевства, единственный выходъ изъ котораго есть соединеніе Польши съ русско-литовскимъ государствомъ. Ядвигѣ ничего не оставалось какъ покориться и согласиться на убѣжденія магнатовъ и духовенства. Она уступила и согласилась выпти за мужъ за Ягайлу, послала только одного изъ своихъ приближенныхъ, Завишу Олесницкаго, собрать свѣдѣнія о наружности и характерѣ ея новаго жениха, котораго она воображала себѣ дикимъ варваромъ. Ягайло принялъ посла очень ласково, и зная о его иорученіи, пошелъ съ нимъ въ баню, чтобы показать ему свои тѣлесныя качества. Воротясь въ Краковъ, Завиша успокоилъ юную королеву, описавъ ей привлекательными чертами наружность, характеръ и обхожденіе Ягайла.

Польскіе магнаты, конечно, заранѣе освѣдомились о характерѣ и нравственныхъ качествахъ Ягайла, когда такъ настойчиво хлопотали о бракѣ его съ Ядвигою. Будущій король оказывался какъ разъ по нихъ Лѣнивый на всякій трудъ, онъ до страсти любилъ охоту. Въ дѣтствѣ и юности онъ былъ баловнемъ своихъ родителей, отличался распущенностію и безчисленными сусвѣріями, по польски не зналъ и не получилъ ровно никакого образованія, не выучился даже читать и писать по русски, а это князю было необходимо, ибо русскій, а не литовскій, языкъ былъ официальнымъ языкомъ въ его княженіи. Коварный и вѣроломный, онъ подозрѣвалъ всѣхъ въ коз-

няхъ и окружалъ себя предосторожностями, чтобы не быть захваченнымъ въ расплохъ, и въ то же время старался всѣхъ задабривать. При наружной мягкости, онъ нерѣдко раздражался до бѣшенства, а изъ политическихъ видовъ былъ готовъ на всякую жестокость. Когда обстоятельства требовали, онъ покидалъ лѣнь и тогда являлся дальновиднымъ политикомъ и правителемъ, доказательство, что былъ одаренъ отъ природы недюжиннымъ умомъ. Устраняясь по лѣни отъ дѣлъ, стараясь задобрить всѣхъ, чтобы устранить козни, онъ былъ крайне щедръ на раздачи земель, на подарки вельможамъ, на расширенія ихъ правъ и преимуществъ и безъ того уже большихъ, а этого именно магнатамъ и было нужно, этого они и ждали отъ своего будущаго короля.

Слухи о предстоящемъ бракосочетаніи Ягайла съ Ядвигою и соединеніи русско литовскаго княженія, т. е. Западной Россіи съ Польшею не могли не дойти до Ордена и не встревожить орденскихъ сановниковъ. Главною задачею Тевтонскаго ордена хотя и было распространеніе католичества между язычниками, но эта задача значилась только въ уставѣ, на дѣлѣ же главною цѣлію рыцарей было покореніе своей власти языческихъ земель. Ягайло переходилъ въ католичество и обѣщалъ присоединить къ католичеству всѣхъ своихъ языческихъ подданныхъ, слѣд. у Ордена отнимается всякій предлогъ къ захватамъ въ Литвѣ. Далѣе и это всего важнѣе, соединенія Литвы съ Польшею совершенно измѣняло отношеніе силъ и грозило опасностями не только владѣніямъ, но и самому существованію Ордена, слѣд. необходимо помѣшать браку Ягайлы, отвратить образованіе литовско-польскаго государства, но чѣмъ помѣшать, какъ отвратить? Другаго способа не было, какъ разстроить бракъ, обезсилить Ягайла войною, выставить наконецъ претендента на всѣ его владѣнія.

Первоначально Орденъ принялъ сторону Вильгельма герцога австрійскаго; Вильгельмъ, какъ мы видѣли, явился было въ Краковъ, но ничего изъ этого не вышло: онъ долженъ былъ уйти изъ Польши. Вмѣстѣ съ тѣмъ великій магистръ разослалъ гонцовъ по Германіи съ извѣщеніемъ, что Польша, стремясь къ соединенію съ Литвою, стремится сама къ язычеству и низверженію католичества въ Пруссіи и Литвѣ, что необходимо спѣшить на помощь Ордену для спасенія католической церкви (см. Фохта V, 718). Воззванія не остались безъ дѣйствія: въ августѣ 1385 г. подъ Кенигсбергомъ собралось значительное число крестоносцевъ. Здѣсь былъ устроенъ великолѣпный „почетный столъ“ для прибывшаго рыцарства, которое вмѣстѣ съ орденскими ратниками и выступило въ походъ на Литву. Крестоносцы переправились чрезъ Нѣманъ, обошли Ковну и стали надъ Виліею, переправу чрезъ которую защищалъ князь Скиргайло трок-

скій. Послѣ упорнаго боя, Скиргайло долженъ былъ отступить съ потерею даже своего богатаго багажа. Крестоносцы, перейдя чрезъ Вилію, раздѣлились на шесть отрядовъ и начали опустошать и грабить удѣлъ Скиргайлы, за тѣмъ пошли воевать подъ Крево волости Ягайла. Подъ Медникомъ великій магистръ далъ большое пиршество, за которымъ происходили съ обычными обрядами посвященія въ рыцари. Ягайло между тѣмъ не бездѣйствовалъ, собралъ войско, зашелъ въ тылъ крестоносцамъ и занялъ всѣ переправы чрезъ Нѣманъ, чрезъ что отрѣзалъ отступленіе крестоносцамъ. Великій магистръ явился въ весьма опасномъ положеніи, но на свое счастье нашелъ проводниковъ, которые и указали ему удобный пунктъ для переправы. Великій магистръ воспользовался указаніемъ и послѣ четырехъ-недѣльнаго похода возвратился домой, не достигнувъ никакого существенно важнаго результата. Правда, убытковъ и разореній было причинено не мало, но этимъ ни чуть не измѣнялся ходъ дѣлъ по соединенію Литвы съ Польшею. Дѣлалось очевиднымъ, что подорвать силу и значеніе Ягайла могли не рейзы иностранныхъ гостей, а развѣ внутреннія усобицы и смуты въ самой Литвѣ, возбуждать и вмѣшиваться въ которыя Орденъ всегда старался. Мы видѣли какъ поддерживалъ орденъ Витовта въ его распряхъ съ Ягайломъ; поддержка и вмѣшательство никакой существенной пользы Ордену не принесло, но единственно потому, что Ягайлу удалось примириться съ соперникомъ. Кромѣ Витовта былъ и другой соперникъ, очень подходящій для возбужденія смуты, къ нему-то и обратились рыцари.

Мы видѣли (стр. 391), что Андрей Ольгердовичъ, князь полоцкій, былъ крайне недоволенъ вступленіемъ на велико-княжескій престолъ Ягайла. Андрей былъ старшій въ родѣ, ему и подлежало великокняжеское достоинство, но онъ былъ обойденъ, и конечно не призналъ Ягайла великимъ княземъ Противиться, однако, онъ былъ не въ силахъ, потому, покинувъ Полоцкъ, ушелъ во Псковъ, гдѣ и былъ принятъ псковичами (см. стр. 391). Но какую же помощь и содѣйствіе могли ему оказать псковичи, едва успѣвавшіе и то съ трудомъ отбиваться отъ ливонскихъ рыцарей? Андрей ушелъ въ Москву, но и тутъ никакой существенной поддержки себѣ ожидать не могъ: тамъ не могли и думать о разрывѣ съ литовскимъ великимъ княземъ. Куликовскій бой былъ лишь зарею освобожденія отъ татаръ, но далеко еще не фактическимъ освобожденіемъ. Было уже сказано, что 26 августа 1381 г. самая Москва была взята и разграблена Тохтамышемъ, при чемъ страшно пострадали многіе города и земли московскаго княженія. Гдѣ ужь тутъ защищать права Андрея на Литву.

При жизни отца, князь Андрей, владѣя Полоцкомъ, вѣчно враждовалъ съ ливонскими рыцарями, стремившимися распространить свои владѣнія на счетъ Полоцка, все далѣе и далѣе вверхъ по Двинѣ. Ливонскіе рыцари, однакоже, особенной удачи не имѣли, далѣе Ди-

набурга и Рѣжицы имъ никакъ не удавалось утвердиться; князь Андрей отбивалъ ихъ набѣги, въ свою очередь дѣлалъ набѣги и самъ съ цѣлію овладѣть Динабургомъ и Рѣжицею, и также не имѣлъ удачи: динабургскій командоръ и рѣжицкій фохтъ съ успѣхомъ отбивали нападенія полочанъ на ихъ замки. Малая война тянулась цѣлыми годами, не стихая, но и не принося никакихъ существенныхъ результатовъ ни полочанамъ, ни рыцарямъ. Воюя съ ливонскими рыцарями, князь Андрей зналъ, конечно, ихъ силы и средства; зналъ, конечно, съ какою охотою Орденъ поддерживалъ Витовта, и потому когда обнаружилось, что помощи отъ Москвы ему не будетъ, онъ задумалъ поступить точно такъ, какъ не задолго предъ тѣмъ поступилъ Витовтъ, задумалъ обратиться за поддержкою къ Ордену. Онъ прибылъ во владѣнія смоленскаго князя Святослава Іоанновича, обиженнаго еще Ольгердомъ, отнявшимъ у смоленскихъ князей многія волости, въ томъ числѣ и городъ Мстиславль, и отсюда завязалъ сношенія съ ливонскимъ магистромъ, Вильгельмомъ Фримерсгеймскимъ, — вѣроятно, при посредствѣ нѣмецкихъ купцовъ, торговавшихъ въ Полоцкѣ и Смоленскѣ, при чемъ, конечно, вошелъ въ союзъ и съ названнымъ смоленскимъ княземъ. Андрей Ольгердовичъ написалъ 9 октября 1385 г. письмо къ Вильгельму, въ которомъ просилъ помощи къ овладѣнію его бывшимъ полоцкимъ удѣломъ, обѣщая въ награду за помощь предоставить Полоцкое княженіе во владѣніе Ордену, съ тѣмъ что Орденъ отдастъ ему это княженіе на ленныхъ правахъ, а онъ, князь Андрей, и его потомки, въ качествѣ вассаловъ, будутъ служить Ордену съ падлежащею вѣрностію. О томъ же онъ 11 октября тогоже 1385 г. написалъ и великому магистру (см. Formularbuch, стр. 62 въ тайномъ кенигсбергскомъ архивѣ и Index. corp. dipl. Напер-скаго № 445).

Предложеніе являлось какъ нельзя кстати и Орденъ, конечно, не задумался воспользоваться имъ, чтобы выставить Ягайлѣ соперника и замутить Литву. Смута и усобица начались бы немедленно, если бы смоленскій князь Святославъ со стороны Смоленска, а ливонскій магистръ со стороны Динабурга напали одновременно и не откладывая времени на Ягайлу для отобранія у него полоцкаго удѣла, но зима 1385 г. была очень теплая, за бездорожьемъ и распутицею пришлось отложить походъ до слѣдующаго года, а это и дало возможность Ягайлу покончить дѣло и съ бракомъ и съ соединеніемъ Литвы съ Польшею.

Когда Ядвига согласилась на бракъ съ Ягайломъ, польскіе паны отправили пословъ къ Ягайлѣ, съ приглашеніемъ прибыть въ Краковъ для бракосочетанія. Послы застали Ягайла въ Волковыскѣ. Здѣсь именно и послѣдовали окончательныя условія: Ягайло приметъ

католичество, вступитъ въ бракъ съ Ядвигою и будетъ провозглашенъ королемъ польскимъ. 10 февраля 1386 г. Ягайло съ братьями и многочисленными литовскими боярами прибылъ въ Краковъ и остановился гдѣ-то на предмѣстіи, гдѣ принималъ духовенство, сенатъ и откуда послалъ Витовта привѣтствовать юную королеву. 14 февраля состоялся торжественный въѣздъ Ягайла въ Краковъ и его присоединеніе къ католичеству, при чемъ его православное имя Іаковъ было перемѣнено на Владислава *). Примѣру Ягайла послѣдовала и его свита: почти всѣ поприсоединились къ католичеству. Присоединился и Витовтъ. Онъ, какъ мы уже видѣли, крестился изъ язычества въ католичество въ Пруссіи; получивъ въ удѣлъ русскія владѣнія своего отца, принялъ православіе, а теперь изъ угожденія Ягайлу вновь перешелъ въ католичество и получилъ имя Александра. 18 февраля совершился торжественный бракъ Ягайла съ Ядвигою. Въ тотъ же день онъ издалъ грамоту, расширявшую права и привиллегіи польскихъ пановъ и шляхты, дарованныя королемъ Людовикомъ на Кошицкомъ сеймѣ въ 1374 г.—4 марта послѣдовало коронованіе Ягайла польскою короною. Торжество сопровождалось шумнымъ веселіемъ въ Краковѣ: пиры, танцы, рыцарскіе турниры, пѣвцы и скоморохи поочередно смѣняли другъ друга.

Соединеніе Литвы съ Польшею состоялось. Оно было пока на бумагѣ, но все же состоялось. Ягайло и его братья, конечно, не подозрѣвали даже, какую тяжелую долю они приготовили русско-православному народу своимъ присоединеніемъ къ католичеству и Польшѣ, исконнымъ врагамъ православія и русской народности.

Во время свадебныхъ пиршествъ и торжествъ, въ Краковъ пришла вѣсть, что ливонскій магистръ съ княземъ Андреемъ Ольгердовичемъ перешелъ Двину, воюетъ литовскія владѣнія со стороны Динабурга и что князь Святославъ смоленскій осадилъ Мстиславль. Вѣсти оказались вѣрными. Это было осуществленіе плана, задуманнаго въ прошломъ году, по возвращенію при помощи ливонскихъ рыцарей князю Андрею его бывшаго полоцкаго удѣла. Этотъ князь всюду объявилъ, что Ягайло, измѣнивъ православію, теряетъ чрезъ это право владѣнія русскими землями, что никто изъ русско-православныхъ людей не долженъ повиноваться ни Ягайлѣ, ни его братьямъ, впадшимъ въ

*) Не излишне отмѣтить, что Ягайло, отправляясь въ Краковъ, послалъ приглашеніе къ великому магистру быть его крестнымъ отцомъ и присутствовать на свадьбѣ. Великій магистръ, конечно, не поѣхалъ: во первыхъ его отъѣзду воспротивились всѣ орденскіе сановники, во вторыхъ великій магистръ не хотѣлъ возбуждать противъ себя нѣмецкихъ князей, оскорбленныхъ изгнаніемъ герцога Вильгельма австрійскаго изъ Кракова, который по прибытіи домой разослалъ письма ко всѣмъ князьямъ съ жалобами на поляковъ. Да и какимъ образомъ великій магистръ могъ выѣхать изъ орденскихъ владѣній, когда въ это самое время въ тайнѣ замышлялось уже нападеніе на Литву.

католичество, что вслѣдствіе этого русско-православные люди должны признавать своимъ княземъ его, Андрея, во первыхъ какъ старшаго въ родѣ, и во вторыхъ, какъ князя, православію не измѣнявшаго. Нѣтъ сомнѣнія, что князь Андрей Ольгердовичъ нашелъ бы себѣ сторонниковъ и приверженцевъ, потому что населеніе русскихъ областей, приставшихъ къ Литвѣ, относилось къ измѣнѣ Ягайла православію весьма не сочувственно, но Андрей своимъ союзомъ съ рыцарями — католиками самъ испортилъ свое дѣло: къ нему мало кто приставалъ. Онъ съ рыцарями овладѣлъ только Лукомлемъ, доходилъ до нынѣшнихъ Ошмянъ, разорилъ 18 волостей и воротился обратно за Двину, уведя въ полонъ 3000 человѣкъ народу и пригнавъ болѣе 2000 коней. Походъ продолжался три недѣли и ограничился единственно разореніями. Ливонскіе рыцари съ наступленіемъ весны ушли въ свои предѣлы, и Андрей остался въ полоцкихъ земляхъ съ цѣлію добывать Полоцкъ, который защищалъ намѣстникъ Ягайла, Андрей Горбатый.

Ягайло, узнавъ въ Польшѣ о событіяхъ, происшедшихъ въ его княженіи, отправилъ въ Литву Скиргайла съ братьями Димитріемъ-Корибутомъ и Симеономъ-Лугвеномъ. Скиргайло *) съ большимъ литовскимъ войскомъ 29 апрѣля 1386 г. подошелъ къ Мстиславлю, который былъ осаждаемъ княземъ Святославомъ, и на берегахъ рѣчки Вехры (правый притокъ Сожа) вступилъ въ бой со смолянами. Князь Святославъ былъ разбитъ на голову и палъ въ бою; оба его сына, Юрій и Глѣбъ, попали въ плѣнъ. Скиргайло вылечилъ Юрія отъ ранъ и посадилъ его на смоленскомъ столѣ, удержавъ Глѣба въ плѣну. За тѣмъ трокскій князь обратился на князя Андрея, стѣснившаго Полоцкъ до того, что городъ этотъ чуть было не сдался ему. Андрей ушелъ въ Лукомль, но не могъ уже обороняться: Скиргайло захватилъ его въ плѣнъ, заковалъ въ кандалы и отправилъ въ Польшу къ Ягайлѣ, который и велѣлъ заключить своего плѣннаго брата въ польскую крѣпость, Хенцинъ, гдѣ и продержалъ его нѣсколько лѣтъ.

Замыселъ князя Андрея полоцкаго рушился, а съ тѣмъ вмѣстѣ рушились и надежды Ордена произвести смуту и усобицу въ русско-литовскомъ княженіи. Ягайло, чтобы наградить брата Скиргайлу за храбрость и вѣрную службу, назначилъ его *королевскимъ намѣстникомъ* въ Литву, слѣд. предоставилъ ему первенствующее значеніе между всѣми русско-литовскими князьями. Витовтъ страшно обидѣлся этимъ назначеніемъ, но до поры до времени скрылъ свое неудовольствіе. Витовтъ въ это время уже не былъ довѣрчивымъ и

*) Скиргайло православію не измѣнилъ. Онъ, по свидѣтельству современниковъ, былъ отважный и искусный воинъ, но предавался пьянству и „во хмѣлю былъ очень не спокоенъ". Хмѣльной бросался съ оружіемъ на своихъ собутыльниковъ, и кого поранитъ, того на другой день, отрезвившись, принимался самъ и лечить, ибо зналъ цѣлебныя свойства травъ и претендовалъ на искуство врачеванія ранъ.

неопытнымъ юношею, какимъ онъ былъ во время борьбы Ягайла съ Кейстутомъ, опытъ и разныя превратности образовали въ немъ безстрашный и энергичный характеръ. Превосходя образованіемъ всѣхъ своихъ братьевъ (онъ не только умѣлъ читать и писать по русски, но зналъ языкъ нѣмецкій и отчасти латинскій, учась въ юности у какого то плѣннаго тевтонскаго рыцаря еще при жизни отца), онъ былъ чрезвычайно властолюбивъ; подобно Ольгерду, былъ воздержанъ въ образѣ жизни и въ достиженіи своихъ цѣлей былъ неутомимъ.

Послѣ празднествъ и пиршествъ, послѣ объѣзда Великой Польши, въ которой продолжались еще смуты и усобицы, Ягайлу приходилось исполнять обѣщанія, данныя польскимъ панамъ, изъ которыхъ соединеніе Литвы съ Польшею и крещеніе языческихъ литовцевъ въ католичество были главнѣйшія. Онъ началъ съ крещенія. Написавъ въ концѣ 1386 г. письмо къ великому магистру съ извѣщеніемъ, что ѣдетъ въ Вильну для крещенія язычниковъ, онъ просилъ магистра (см. хронику Бѣльскаго, стр. 273) не трогать ни Литвы, ни Жмуди, напротивъ помогать въ утвержденіи здѣсь католичества *), за тѣмъ въ началѣ 1387 г. Ягайло съ супругою, архіепископомъ гнѣзненскимъ, Бодзентою, и многочисленною свитою изъ польскихъ пановъ и духовныхъ прибылъ въ Вильну. Здѣсь былъ созванъ сеймъ, на который съѣхались братья Ягайловы (Скиргайло Трокскій, Владиміръ Кіевскій, Димитрій-Корибутъ Новгородъ-Сѣверскій, Витовтъ Гроднен-скій), многіе другіе удѣльные князья, также князья мазовецкіе Янушъ и Семовитъ, и множество литовскихъ бояръ. На сеймѣ этомъ было рѣшено крестить въ католичество всѣхъ литовскихъ язычниковъ. Чтобы пріохотить къ принятію католичества литовскихъ бояръ, составлявшихъ военно-служилое сословіе, виленскихъ горожанъ и простой народъ, отступникъ отъ православія, Ягайло, не щадилъ обѣщаній и льготъ. Боярамъ, которые примутъ католичество, было обѣщано приравненіе въ правахъ къ польской шляхтѣ, свобода распоряжаться имуществомъ, оставлялась за ними только обязанность строить княжіе замки и нести военную службу на свой счетъ. Горожанамъ было обѣщано введеніе магдебургскаго городоваго права, какъ только они примутъ католичество; простой народъ, одѣвавшійся въ полушубки и грубыя свитки, заохочивали къ католичеству раздачею хорошихъ бѣлыхъ свитокъ (кафтановъ), которыя Ягайло привезъ съ собою изъ Польши.

Крещеніе въ Вильнѣ начали съ того, что погасили священный огонь, Зничъ, вырубили священные дубы, перебили священныхъ ужей.

---

*) Отвѣчалъ-ли что великій магистръ — неизвѣстно, но цѣлый 1387 г. ни прусскіе, ни ливонскіе рыцари на Литву и Жмудь набѣговъ не дѣлали.

Простой народъ былъ смущенъ безсиліемъ своихъ боговъ и потому легче склонялся на убѣжденія католическихъ священниковъ. Крещеніе язычниковъ въ Вильнѣ совершалось безъ сопротивленія; въ назначенные дни язычники собирались къ рѣкѣ Виліи, ихъ раздѣляли на группы, священники окропляли святою водою, читали молитвы и цѣлымъ группамъ давали какое либо одно христіанское имя. Окончивъ крещеніе въ Вильнѣ, Ягайло ѣздилъ крестить народъ въ трокскихъ и виленскихъ земляхъ и въ короткое время окрестилъ до 30000 литовскихъ язычниковъ. Жмудь на этотъ разъ не тронули, не трогали и православныхъ (половина жителей Вильны въ это время были православные), но относительно православныхъ бояръ были принужденія. Такъ въ первой Софійской лѣтописи (П. С. Р. Л. V, 242) подъ 1387 г. читаемъ: „И два литвина у него (Ягайла) больніи его (бояре), а тѣ крестишася въ христіанскую вѣру (православіе), онъ же хотѣ ихъ крестити въ свою же вѣру въ латинскую, они же не послушавше, король же Ягайло казни ихъ многими муками и смерти повелѣ предати“.

Такое начало не обѣщало ничего добраго православному народу, скоро увидѣвшему, что ему не ужиться съ католиками.

Заложивъ въ 1387 г. на мѣстѣ Перкунова святилища въ Вильнѣ католическій каѳедральный соборъ во имя св. Станислава, Ягайло сдѣлалъ распоряженія о постройкѣ другихъ католическихъ храмовъ въ Литвѣ, назначивъ деревни на содержаніе храмовъ и духовенства. Первымъ виленскимъ енископомъ въ Вильнѣ и первымъ главою литовской католической церкви былъ назначенъ монахъ-францисканецъ, Андрей Басило, полякъ родомъ. Полагаютъ, что этотъ Андрей, бывшій до того времени настоятелемъ францисканскаго монастыря, построеннаго Гаштольдомъ (см. стр. 367), служилъ едва-ли не самымъ дѣятельнымъ посредникомъ между Ягайломъ и польскими магнатами во время переговоровъ о бракѣ съ Ядвигою. Большинство первыхъ священниковъ въ новокрещенной странѣ были поляки, и только немногіе были набраны изъ нѣмцевъ.

Весь 1387 г. Ягайло провелъ въ Литвѣ (Ядвига воротилась въ Польшу вскорѣ послѣ крещенія виленскихъ язычниковъ). Онъ побывалъ въ Витебскѣ и Полоцкѣ и когда возвратился въ Вильну, созвалъ сеймъ. На сеймѣ этомъ Скиргайло былъ возведенъ въ достоинство *великаго князя литовскаго* съ оставленіемъ за нимъ и Трокъ. Такое назначеніе ясно показывало, что Ягайло былъ не въ силахъ исполнить свое главное обѣщаніе, данное польскимъ магнатамъ, т. е. соединить великое княжество литовское съ польскою короною. Буквальное исполненіе обѣщанія грозило большими мятежами и смутами, ибо въ русско-литовскихъ областяхъ во всей силѣ господствовала

удѣльная система, а удѣльные князья *) и слышать не хотѣли о какихъ-бы то ни было новыхъ порядкахъ, при которыхъ нарушались бы ихъ права или вводились новыя обязанности. Всякій удѣльный князь легко могъ находить поддержку и въ собственной землѣ и у сосѣднихъ князей вслучаѣ если бы верховный государь обидѣлъ кого либо изъ нихъ. Ягайло не могъ круто нарушить старыхъ порядковъ, сдѣлалъ только своего брата Скиргайлу общимъ намѣстникомъ королевскимъ въ русско-литовскихъ земляхъ, а потомъ и великимъ княземъ литовскимъ съ условіемъ, конечно, подчиненія королю. Витовтъ съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на такое значеніе. Помогая усердно Ягайлу достигнуть польской короны, онъ надѣялся, что отцовскій удѣлъ, Трокское княжество, будетъ предоставленъ ему за помощь и содѣйствіе, и ошибся въ расчетахъ: Троки остались за Скиргайломъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Витовтъ не скрывалъ своего неудовольствія, а этимъ самымъ возбуждалъ подозрѣніе къ себѣ въ Ягайлѣ и Скиргайлѣ, боявшихся какъ бы Витовтъ не сталъ добывать своего наслѣдія, Трокъ, открытою силою. Они знали, что Витовтъ былъ не такой человѣкъ, чтобы легко отступить отъ того, что считалъ своимъ правомъ. Новое обстоятельство усилило подозрѣніе: въ Луцкъ, гдѣ проживалъ Витовтъ со своею семьею, въ тотъ самый годъ, когда Скиргайло былъ объявленъ великимъ княземъ литовскимъ, прибылъ старшій сынъ московскаго князя Димитрія, князь Василій Димитріевичъ, и здѣсь посватался на дочери Витовта, Анастасіи.

Послѣ московскаго разгрома, произведеннаго въ 1382 г. Тохтамышемъ, русскіе князья, соперничавшіе съ Димитріемъ (рязанскій, суздальско-нижегородскій и тверской), отправились на поклонъ въ Орду, а тверской князь возобновилъ свои старинныя домогательства о ярлыкѣ на великое княженіе Владимірское. Надобно было помѣшать такимъ домогательствамъ, потому Димитрій и отправилъ въ 1383 г. къ Тохтамышу своего старшаго сына, Василія. Татаринъ остался доволенъ изъявленіемъ покорности сильнаго московскаго князя, оставилъ за нимъ великое княженіе Владимірское, но Василія задержалъ въ Ордѣ, требуя за него выкупа 8000 руб. Года два князь Василій Димитріевичъ пробылъ въ плѣну у Тохтамыша, наконецъ бѣжалъ изъ Орды въ Подолію, откуда ушелъ въ землю Волошскую и потомъ прибылъ въ Краковъ, а затѣмъ на возвратномъ пути въ Москву прибылъ въ Луцкъ.

Сватовство князя Василія Димитріевича было принято, помолвка совершилась въ Луцкѣ, но совершеніе брака отложено на время. Витовтъ отпустилъ своего нарѣченнаго зятя въ Москву съ большою че-

*) Найболѣе сильными удѣльными князьями въ русско-литовскихъ земляхъ были *гедиминовичи*: Ѳедоръ Любартовичъ, владѣвшій Владиміромъ Волынскимъ; Владиміръ Ольгердовичъ, сидѣвшій въ Кіевѣ; Александръ Наримунтовичъ въ Пинской области; братья Коріатовичи на Подольи; Витовтъ въ Берестейской, Гродненской и Луцкой землѣ; Димитрій-Корибутъ въ Новгородъ-Сѣверской; Михаилъ Явнутовичъ въ Заславскомъ удѣлѣ; Вигантъ въ Керновскомъ; Спмеонъ-Лугвень Ольгердовичъ былъ тогда княземъ въ Великомъ Новгородѣ. Кромѣ того на Полѣсьѣ было много мелкихъ удѣльныхъ князей изъ потомковъ Равноапостольнаго князя Владиміра: князья Бельзскіе, Пинскіе, Слуцкіе, Острожскіе и др.

стію въ сопровожденіи польскихъ и литовскихъ бояръ. Помолвка эта крайне не понравилась Ягайлѣ и Свидригайлѣ: они крѣпко боялись, что Витовтъ усилится союзомъ съ Москвою, и потому стали слѣдить за дѣйствіями Витовта, окружили его шніонами, запретили сношенія съ Пруссіею и Москвою. Ягайло отказалъ присоединить къ Витовтову удѣлу волости князя Любарта Волынскаго, на которые опъ имѣлъ право, заключилъ въ оковы посланца Витовтова, вымучивая у него показанія о сношеніяхъ Витовта съ Москвою. Все это раздражало властолюбиваго сына Кейстута и безъ того уже недовольнаго отнятіемъ у него Трокъ. Малаго не доставало, что бы Витовтъ не взялся за оружіе. 1388 г. прошелъ, однако, спокойно.

Между тѣмъ великій магистръ, Конрадъ Цельнеръ, прилагалъ всякія старанія помѣшать во что бы ни стало тѣсному соединенію Литвы съ Польшею. Съ этою цѣлію онъ писалъ и папѣ и германскимъ князьямъ, что поляки препятствуютъ прибытію крестоносцевъ въ Пруссію, что присоединеніе къ католичеству Ягайла и его братьевъ есть одно лицемѣріе, соединенное даже съ позоромъ для церкви, ибо бракъ Ягайла съ Ядвигою нельзя считать законнымъ, какъ совершеннымъ при жизни герцога Вильгельма, вѣнчаннаго уже съ Ядвигою и съ нею не разведеннаго, что самое крещеніе литовскихъ язычниковъ есть не что иное какъ театральное представленіе, устроенное съ цѣлію отвратить отъ язычниковъ оружіе Ордена. Подобныя письма не влекли за собою какихъ либо важныхъ послѣдствій. Волею-неволею Ордену приходилось мириться съ совершившимся фактомъ, потому что и въ самомъ дѣлѣ какъ было начать войну съ Ягайломъ, сдѣлавшимся католикомъ и начавшимъ уже обращать язычниковъ въ католичество. Не о войнѣ или набѣгахъ приходилось теперь думать, а уже о заключеніи союза между Орденомъ и Литвою. Къ этому и приступили обѣ стороны. Орденъ, воспользовавшись наступившимъ съ 1387 г. затишьемъ, возстановилъ Юрбургскій замокъ, разрушенный Витовтомъ (см. выше стр. 405) и за тѣмъ предложилъ устроить съѣздъ уполномоченныхъ въ Торнѣ для веденія переговоровъ о мирѣ. Въ январѣ 1388 года уполномоченные съѣхались въ Торнѣ. То были со стороны Ягайла: архіепископъ гнѣзненскій Бодзента со многими польскими панами и литовскими боярами; со стороны ордена: великій командоръ, Конрадъ Валенродъ, съ нѣсколькими орденскими сановниками. Уполномоченные условились, что до заключенія мира будетъ дѣйствовать перемиріе, во время котораго послѣдуетъ размѣнъ плѣнныхъ; о самомъ же мирѣ пусть договариваются король Ягайло съ самимъ великимъ магистромъ. Вслѣдствіе этого Ягайло прибылъ въ Раціонжъ, а Конрадъ Цельнеръ въ Торнъ и отсюда чрезъ пословъ начали переговоры. Орденъ формулировалъ свои требованія слѣдующими тремя условіями (см. Фохта V, 502): 1) всѣ плѣнные, какъ орденскіе братья, такъ ленники и прочіе

орденскіе подданные*), которыхъ король со времени присоединенія своего къ католичеству содержалъ гораздо хуже, чѣмъ прежде, должны быть освобождены немедленно посредствомъ-ли обмѣна или выкупа или и даромъ, какъ бывало при предшественникахъ Ягайла и великаго магистра; 2) границы и орденскія земли король долженъ обезпечить отъ всякаго вреда, даже и въ томъ случаѣ, еслибы литовцы и русскіе снова отпали отъ католичества, какъ то, къ сожалѣнію, неоднократно бывало; наконецъ 3) король не долженъ быть противникомъ великаго магистра и Ордена по отношенію правъ, кои имъ принадлежатъ или могли бы принадлежать**). Дней десять судили и рядили объ этихъ трехъ нунктахъ и ровно ничего не достигли: обѣ договаривавшіяся стороны разошлись, ничего не рѣшивъ.

Прекращеніе переговоровъ подало поводъ великому магистру донести папѣ Урбану VI, что Ягайло лишь лицемѣритъ, задумалъ обмануть Орденъ и все христіанство, что отпаденіе отъ христіанства и поляковъ и литовцевъ слѣдуетъ ожидать ежеминутно, что папѣ слѣдуетъ спѣшить съ помощію Ордену, находящемуся въ такой опасности, въ какой Ордену еще не приходилось бывать ранѣе. Письмо это (см. FormularbuchL, стр. 23 въ кенигсбергскомъ архивѣ) представилъ папѣ орденскій прокураторъ, учавствовавшій въ переговорахъ и потому могшій словесно дополнить и разъяснить папѣ недосказанное въ письмѣ. Между тѣмъ великій магистръ спѣшилъ вооружаться: 30 апрѣля 1388 г. вошелъ въ соглашеніе съ поморскими князьями на счетъ найма у нихъ вооруженныхъ ратниковъ, не жалѣлъ денегъ на наемъ ратниковъ и въ другихъ мѣстахъ, однимъ словомъ приготовился воевать съ Ягайломъ. За иредлогомъ къ войнѣ дѣло не стало: русско-литовскіе князья, Витовтъ, Корибутъ и какой-то Конрадъ, вели въ іюлѣ 1388 г. свои войска чрезъ Мазовію, чтобы сопровождать Ягайла въ Венгрію на открывавшійся тамъ съѣздъ. Проходя мимо крѣпостцы Визны, заложенной Ордену, князья, по видимому, были задѣты гарнизономъ и долго не думая овладѣли крѣиостцею. Орденскимъ сановникамъ только этого и нужно было: великій магистръ 10 августа 1388 г. донесъ папѣ (см. FormularbuchL, стр. 38) о случившемся, какъ о явной измѣнѣ литовцевъ и чрезвычайной опасности для церкви, отвратить которую только и можно самыми рѣшительными военными дѣйствіями. Осенью 1388 г. орденское войско открыло войну подъ иредлогомъ отнятія Визны, но къ Визнѣ не пошло, а вступило въ

*) По словамъ древней прусской хроники (см. Фохта V, 402, прим. 3), у Ягайла въ это время находилось въ плѣну 60 человѣкъ орденской братіи, содержавшихся въ тяжкомъ заключеніи, и много другихъ христіанъ, съ которыми Ягайло со времени своего крещенія сталъ обращаться гораздо немилосерднѣе, чѣмъ обращался до крещенія.

**) Въ подлинникѣ сказано: insuper et tertio eciam extitit petitum, ut mihi et ordini meo de iure quod nobis competeret vel competere posset, faverent. Тутъ, по видимому, умышленно допущена, неясность и неопредѣленность: не договорено о какихъ это правахъ идетъ рѣчь, о какія такія права могли бы еще принадлежать Ордену.

Жмудь, направляясь къ Виліи и предавая обычному опустошенію все встрѣчное. Великій князь Скиргайло съ княземъ Александромъ-Вигунтомъ керновскимъ, поспѣшили на встрѣчу орденцамъ, не пустили ихъ за Вилію, но не могли воспрепятствовать орденцамъ опустошать земли между Невяжею и Дубиссою. Вся осень и зима прошла въ малой войнѣ и набѣгахъ. Великій магистръ видѣлъ, однако, что дѣла его плохи: папа участія не оказывалъ (да и не до прусскихъ дѣлъ ему было въ то время при расколѣ въ церкви), поморскіе князья брали только задатки на наемъ и вербовку ратниковъ, не пропуская, однако, въ Пруссію иноземныхъ гостей. Въ виду всего этого, а также и въ виду того, что война съ Ягайломъ не достигаетъ никакихъ результатовъ, а подаетъ лишь поводъ грабить прусскихъ купцовъ въ Польшѣ, онъ рѣшился сдѣлать попытку помириться съ Ягайломъ и предложилъ устроить новый съѣздъ для переговоровъ. О Тройцѣ 1389 г. съѣздъ состоялся въ Нейденбургѣ. Сюда прибыли уполномоченные Ягайла: великій князь литовскій Скиргайло, князь Семовитъ мазовецкій, епископъ Доброгустъ познанскій и др.; со стороны ордена явился великій командоръ Валенродъ съ нѣкоторыми орденскими сановниками. Валенродъ снова предложилъ прежнія три пункта, формулировавъ ихъ на этотъ разъ такъ: 1) освобожденіе или размѣнъ плѣнныхъ; 2) обезпеченіе во всѣхъ отношеніяхъ границъ и орденскихъ владѣній, что и представить на дальнѣйшее разсмотрѣніе и распоряженіе папы и императора; 3) признаніе правъ, дарованныхъ Ордену папскими breve и императорскими привиллегіями. Переговоры продолжались шесть дней; на счетъ первыхъ двухъ пунктовъ соглашеніе состоялось, но когда очередь дошла до третьяго пункта, то уполномоченные Ягайловы совершенно справедливо заявили, что не понимаютъ даже какого рода права король Ягайло долженъ признать за Орденомъ. Орденскіе уполномоченные отвѣчали, что добиваются признанія тѣхъ правъ, кои подлежатъ Ордену въ силу жалованныхъ грамотъ бывшаго литовскаго короля Миндовга, состоявшихся въ 1253, 1255, 1257, 1259 и 1260 годахъ (объ этихъ грамотахъ сказано выше, стр. 42), а также въ силу грамотъ папъ Инокентія IV и Александра IV и императора Фридриха II, утвердившихъ за Орденомъ безусловное владѣніе языческими землями, какія только ни покорены орденскимъ оружіемъ. „Теперь мы ясно видимъ, отвѣчали Ягайловы уполномоченные, что Орденъ ведетъ войну съ Ягайломъ вовсе не ради католичества, а ради овладѣнія Литвою“. Переговоры были прерваны и съѣздъ разошелся, ровно ничего не достигнувъ, какъ и въ первый разъ. Тогда великій магистръ опять обратился къ нѣмецкимъ князьямъ съ жалобами на Ягайла, и съ такою же жалобою обратился къ императору.

Императоръ Карлъ IV умеръ въ ноябрѣ 1378 г.; императорскій престолъ занялъ его старшій сынъ, восемнадцатилѣтній Венцеславъ (Венцель,

Вацлавъ, Вячеславъ). Новый императоръ былъ человѣкъ не безъ способностей, но, къ сожалѣнію, былъ одержимъ такою страстью къ охотѣ и вину, что не могъ заниматься государственными дѣлами съ тѣмъ вниманіемъ, съ какимъ бы слѣдовало въ тѣ безпокойныя времена.

Императоръ Венцеславъ, вслѣдствіе жалобы великаго магистра, написалъ Ягайлу письмо изъ Праги (см. Фогта V, 519 прим. 1), въ которомъ укорялъ польскаго короля за неосвобожденіе нѣмецкихъ плѣнныхъ, за бездѣятельность въ утвержденіи литовцевъ въ католичествѣ,— за вражду съ орденомъ. Императорское посланіе, не подкрѣпленное силою, конечно, осталось безъ всякихъ результатовъ; Ордену приходилось бросать всякіе замыслы на пріобрѣтенія въ Литвѣ, приходилось отказываться отъ Жмуди, къ овладѣнію которою прусскіе и ливонскіе рыцари потратили столь много усилій, средствъ и людей, но тутъ, когда уже всякія надежды на пріобрѣтенія разлетались прахомъ, въ Литвѣ произошли событія, подавшія поводъ Ордену къ новымъ вмѣшательствамъ и къ новымъ завоевательнымъ планамъ.

Было уже выше сказано, что честолюбивый Витовтъ остался недоволенъ тѣмъ, что большую часть его отцовскаго удѣла, именно княженіе Трокское, Ягайло отдалъ Скиргайлѣ, — недоволенъ былъ и тѣмъ, что ему пришлось подчиняться Скиргайлѣ. Неудовольствіе усилилось, когда Ягайло отказалъ Витовту присоединить къ его удѣлу наслѣдіе Любарта. Ягайло и его братъ не довѣряли Витовту, боялись его и въ особенности боялись его связей съ Москвою. Его страшились и обижали отказами, и наконецъ неудовольствія, таившіеся со времени назначенія Скиргайла великимъ княземъ литовскимъ, обнаружились открытою враждою, въ особенности когда Витовтъ узналъ, что Скиргайло замышляетъ на его жизнь. Вслѣдствіе этого, Витовтъ рѣшился дѣйствовать, свергнуть Скиргайла, овладѣть Вильною и сдѣлаться самому независимымъ отъ Ягайла великимъ княземъ. Онъ очень хорошо зналъ, что въ Вильнѣ было не мало народа, недовольнаго Скиргайломъ, зналъ и то, что Жмудь и жмудскіе князья плохо повинуются, лучше сказать совсѣмъ не повинуются ольгердовичамъ, считая сына своего бывшаго князя, Кейстута, столь популярнаго и столь любимаго народомъ, настоящимъ жмудскимъ княземъ. Зная все это, Витовтъ въ концѣ 1389 г. приступилъ къ исполненію своего плана. Изъ Крево, гдѣ онъ проживалъ въ это время *), онъ неожиданно прибылъ въ Гродну, собралъ здѣсь своихъ приверженцевъ и, отправивъ свою мать изъ Бреста въ Жмудь, съ войскомъ сталъ подъ Вильною, воспользовавшись тѣмъ, что Скиргайло находился въ это

*) Нарбутъ (V, 434) полагаетъ, что Витовтъ не по своей волѣ проживалъ въ Крево, городѣ къ его удѣлу не принадлежащемъ. Быть можетъ, Витовту назначили жить въ Крево, чтобы легче было наблюдать за нимъ.

время въ Полоцкѣ. Замыселъ овладѣть Вильною хитростію *) не удался. Витовту ничего не оставалось, какъ бѣжать со всѣми своими приверженцами къ сосѣдямъ, такъ какъ Скиргайло получилъ уже вѣсть о нападеніи и спѣшилъ съ войскомъ къ Вильнѣ. Снабдивъ гарнизонами свои крѣпости, Гродну, Брестъ, Каменецъ и др., Витовтъ удалился къ князьямъ мазовецкимъ, Янушу и Семовиту. Янушъ ѣздилъ въ Краковъ, чтобы помирить Витовта съ Ягайломъ, но изъ такаго посредничества ничего не вышло. Онъ только тайно далъ знать женѣ Витовта, княгинѣ Аннѣ Святославовнѣ, чтобы она поскорѣе уходила въ Пруссію. Въ началѣ января 1390 г. семья Витовта (жена, дочь Анастасія, малолѣтніе сыновья, Іоаннъ и Юрій, и княжна Рынгала) въ сопровожденіи его брата, Сигизмунда Кейстутовича, прибыла въ орденскія владѣнія. Съ ними находился и князь смоленскій, Глѣбъ Святославичъ. Они явились къ великому магистру въ качествѣ посредниковъ и поручителей искренности новыхъ переговоровъ о союзѣ противъ Ягайла и Скиргайла. Орденъ очень хорошо помнилъ недавнюю измѣну Витовта, но предложеніе союза открывало такія блистательныя виды на вмѣшательство въ литовскія дѣла и на ослабленіе силъ Ягайла, что великій магистръ ни мало не задумался заявить, что готовъ не только гостепріимно принять Витовта, но дать 30 тысячъ копъ грошей Витовту подъ залогъ Жмуди.

Витовтъ въ это время находился въ Гроднѣ. Сюда прибыли орденскіе уполномоченные для переговоровъ съ Витовтомъ и гдѣ-то въ мѣстности надъ рѣкою Лыкъ 19 января 1390 г. возобновили союзъ Ордена съ Витовтомъ съ возстановленіемъ всѣхъ тѣхъ условій и записей, какіе были даны послѣднимъ Ордену въ 1384 г. (см. выше, стр. 403; запись эта и возобновленіе ея помѣщены въ 4 и 7 приложеніяхъ къ 5-му тому соч. Нарбута „Dzieie narodu Litewskiego“). За болѣзнею великаго магистра всѣми орденскими дѣлами управлялъ орденскій маршалъ, Конрадъ Валенродъ. Онъ и распорядился стянуть войско къ литовской границѣ; къ нему присоединился и Витовтъ со своими людьми. Войско это разорило нѣсколько литовскихъ мѣстностей, но скоро возвратилось во свояси. Витовтъ прибылъ въ орденскія владѣнія, здѣсь его свиту размѣстили по разнымъ городамъ, а двухъ малолѣтнихъ его сыновей, подъ предлогомъ обученія и образованія, отправили въ Кенигсбергскій конвентъ. Орденъ, конечно, не довѣрялъ Витовту и его сыновья должны были служить заложниками въ исполненіи записей и договорныхъ условій

Ягайло между тѣмъ, узнавъ о возобновленіи Витовтомъ связей съ Орденомъ, овладѣлъ крѣпостями, Гродною, Брестомъ и Каменцемъ, въ которыхъ находились Витовтовы гарнизоны, самъ же Витовтъ отправился въ Жмудь и здѣсь склонилъ бояръ въ семи жмудскихъ

*) Предположено было ввести войска въ телѣгахъ, нагруженныхъ будто бы съѣстными припасами. Стражи у воротъ открыли хитрость и ударили тревогу.

уѣздахъ заключить оборонительный и наступательный союзъ съ Орденомъ. Союзъ былъ заключенъ въ Кенигсбергѣ 26 мая 1390 г.

Орденъ такимъ образомъ, подъ видомъ поддержки Витовта, получилъ возможность вмѣшаться въ литовскія дѣла и главное получилъ возможность разстроить соединеніе Литвы съ Польшею, столь сильно угрожавшее безопасности и самому существованію Ордена. Конрадъ Валенродъ началъ готовиться къ войнѣ съ Ягайломъ, собралъ войско, пригласилъ къ участію въ войнѣ ливонскаго магистра, нанялъ ратниковъ въ Помераніи и когда въ августѣ 1390 г. въ Пруссію прибыли изъ Германіи, Франціи и Англіи многочисленные иноземные гости со своими военными отрядами (въ числѣ гостей находился старшій сынъ герцога Ланкастерскаго, графъ Генрихъ Дербійскій, впослѣдствіи король англійскій Генрихъ IV), двинулъ все ополченіе въ Литву. Съ орденскимъ ополченіемъ выступилъ въ походъ и Витовтъ со своимъ войскомъ. Главное начальство было ввѣрено орденскому маршалу Энгельгарду Рабе. Цѣлію похода было овладѣніе Вильною, возведеніе на литовскій престолъ Витовта и уничтоженіе такимъ образомъ соединенія Литвы съ Польшею, ибо Витовтъ долженъ былъ быть самостоятельнымъ княземъ.

Подъ Новою Ковною къ орденскому ополченію присоединился ливонскій магистръ, Вильгельмъ Фримерсгеймскій со своими ратниками; Скиргайло занялъ позицію подъ Старою Ковною, чтобы воспрепятствовать орденскому ополченію переправиться чрезъ Вилію, но 27 августа потерпѣлъ пораженіе и долженъ былъ отступить къ Вильнѣ. 4 сентября орденское ополченіе обложило Вильну и начало осаду этого города. 6 сентября осаждающіе овладѣли нижнимъ замкомъ, при чемъ погибло отъ меча и пламени множество народа; въ числѣ убитыхъ находился и братъ Ягайла, Коригайло, главный начальникъ гарнизона. Верхній замокъ, гарнизонъ котораго составляли поляки подъ начальствомъ Николая Москоровскаго, устоялъ противъ всѣхъ приступовъ, не смотря на то, что нѣмцы имѣли уже у себя пушки, изъ которыхъ громили стѣны. Оборонѣ много способствовалъ Скиргайло, занимавшій третій замокъ, временно выстроенный между верхнимъ и нижнимъ. Не смотря на тяжелую головную рану, которую онъ получилъ въ сраженіи во время попытки отстоять переправу непріятеля чрезъ Вилію, онъ дѣлалъ частыя вылазки и сильно вредилъ осаждающимъ. Пять недѣль продолжалась осада и когда наступилъ октябрь, а съ тѣмъ вмѣстѣ началась осень и распутица, орденское войско сняло осаду и удалилось въ Пруссію, не достигнувъ никакихъ существенныхъ результатовъ.

Возвратившіеся съ похода орденскіе сановники не застали уже въ живыхъ своего великаго магистра, Конрада Цельнера Ротенштейнскаго. Онъ давно уже былъ боленъ и умеръ 20 августа 1390 г.; во временное управленіе орденскими дѣлами вступилъ великій коман-

доръ, Конрадъ Валенродъ, въ качествѣ намѣстника, исправляющаго должность магистра. Приходилось такимъ образомъ избирать новаго великаго магистра, но прошло нѣсколько мѣсяцевъ прежде чѣмъ собрался генеральный канитулъ. Ягайло во все это время бездѣйствовалъ, не предпринимая никакого похода для отмщенія за нападеніе на Вильну, быть можетъ потому, что зима этого года была неблагопріятна для походовъ, а быть можетъ (это гораздо вѣрнѣе) и потому, что поляки не хотѣли мѣшаться въ литовскія дѣла, предоставляя литовцаиъ самимъ вѣдаться съ Орденомъ. Въ началѣ января 1391 г. къ Витовту, проживавшему со своею семьею въ Бартенштейнѣ, прибыло посольство отъ великаго князя московскаго Василія Димитріевича, за нареченою его невѣстою, Анастасіею Витовтовною (см. выше стр. 417), которая и была отпущена въ Москву.

Знаменитый побѣдитель татаръ на Куликовскомъ полѣ, князь Димитрій Донской, умеръ 19 мая 1389 г. на 39 году отъ роду, благословивъ старшаго своего сына Василія великимъ княженіемъ Владимірскимъ, которое въ своемъ завѣщаніи онъ называетъ уже своею «отчиною». Помолвка князя Василія съ княжною Анастасіею послѣдовала, какъ уже было разсказано, въ 1387 году. Была-ли эта помолвка непріятна Димитрію Іоанновичу, или по какой другой причинѣ, но только вѣнчаніе князя отлагалось въ теченіе трехъ лѣтъ. Молодая княжна въ сопровожденіи московскихъ бояръ и князя Ольшанскаго, Іоанна, проѣхала въ Москву чрезъ Ливонію, Псковъ и Новгородъ *), 21 января она была повѣнчана съ великимъ княземъ Василіемъ Димитріевичемъ. Значеніе Витовта послѣ этого союза еще болѣе возросло въ глазахъ Ордена, ибо Москва, и безъ того внушавшая опасенія сосѣдямъ Руси, послѣ Куликовской побѣды значительно выросла въ ихъ глазахъ.

Генеральный капитулъ открылся въ Маріенбургѣ 12 марта 1391 года. Давно уже въ Маріенбургѣ не было такого многочисленнаго собранія, какъ на этотъ разъ, потому что съѣхалось изъ разныхъ мѣстъ до 300 орденскихъ рыцарей и сановниковъ. Единогласный выборъ палъ на исправлявшаго должность магистра, великаго командора Конрада Валенрода, давно уже жившаго въ Пруссіи и занимавшаго въ Орденѣ высшія должности (съ 1377 по 1382 г. командоръ въ Шлохау, съ 1382 по 1387 г. орденскій маршалъ, съ 1387 г. великій командоръ). Завѣдывая орденскими дѣлами во время продолжительной болѣзни Конрада Цельнера, онъ хорошо зналъ положеніе и отношенія Ордена и теперь рѣшился энергически продолжать по отношенію къ Литвѣ свою политику, обѣщавшую Ордену богатыя выгоды.

Воспользовавшись бездѣйствіемъ Ягайла, новый великій магистръ дѣятельно готовился къ новому походу на Литву. Проповѣдь къ крестовому походу раздалась по всему тогдашнему католическому міру. Монахи съ церковныхъ каѳедръ не щадили обѣщаній на небесныя и

*) Имѣются свѣдѣнія будто княжна выѣхала изъ Гданска въ Ригу моремъ и изъ Риги уже отправилась далѣе на Псковъ и Новгородъ, но это едва-ли такъ: зимою судоходство по морю прекращается. Вѣрнѣе предполагать, что княжна Анастасія ѣхала на Мемель и Ригу по морскому побережью, обычной въ тѣ времена дорогѣ.

земныя блага всякому, кто возложитъ на себя крестъ для похода на Литву, описывая яркими красками гостепріимство, щедрость, награды, какія ждутъ крестоносцевъ въ Пруссіи. Съ своей стороны великій магистръ циркуляромъ во всѣ католическія страны обѣщалъ дать такія угощенія и такой почетный столъ, какого еще не бывало въ Пруссіи. Проповѣди и приглашенія не пропадали даромъ: явилось множество охотниковъ учавствовать въ походѣ. Крестоносцы начали прибывать въ Пруссію уже къ Иванову дню 1391 г. Изъ первыхъ прибылъ маркграфъ Фридрихъ мейсненскій, въ сопровожденіи многихъ другихъ графовъ, бароновъ и человѣкъ 500 рыцарей (дворянъ), за тѣмъ въ обычное сборное мѣсто, Кенигсбергъ, начали прибывать гости изъ Франціи, Англіи, Шотландіи. Составилось ополченіе силою въ 46000 человѣкъ, которое Валенродъ лично и повелъ на Литву въ началѣ августа 1391 г Подъ Ковной на правомъ берегу Виліи былъ устроенъ „почетный столъ“ съ блескомъ и великолѣпіемъ, затмившемъ собою всѣ ирежніе столы. Витовтъ со своимъ войскомъ тоже выступилъ въ походъ, онъ соединился съ войскомъ, приведеннымъ ливонскимъ магистромъ, Вильгельмомъ, и пришелъ къ главной арміи, когда она подступала уже къ Вильнѣ. Но тутъ оказалось, что Скиргайло и литовскіе воеводы приняли небывалую до того времени систему войны: они сами выжгли всѣ окрестности Трокъ и всѣ окрестности Вильны мили на 4—5 вокругъ этого города, такъ что страна представляла собою пустыню, въ которой не было жителей и въ которой невозможно было добыть ни съѣстныхъ припасовъ, ни фуража. Сама же Вильна была снабжена всякаго рода запасами, а польскій гарнизонъ ея подъ начальствомъ Яска Олесницкаго приготовился выдержать продолжительную осаду. Многочисленному орденскому ополченію (тысячъ до 70 человѣкъ), ни мало не обезпеченному продовольствіемъ, ничего не оставалось какъ отойти отъ Вильны. Огромныя приготовленія и снаряженія не повели ровно ни къ какимъ результатамъ. Великій магистръ отступилъ обратно за Вилію, а Витовтъ занялся добываніемъ того, что было отнято Ягайломъ. Онъ овладѣлъ Гродною, — нѣкоторые города сдались Витовту, русско-литовское населеніе явно переходило на сторону этого князя, а это обстоятельство болѣе всего встревожило Ягайла: дѣятельной помощи отъ поляковъ не было, и торжество Витовта, при сочувствіи къ нему жмудинъ, литовцевъ и русскихъ, не подлежало сомнѣнію. Ягайло рѣшился прибѣгнуть къ прежнему средству, которое въ свое время принесло ему пользу, рѣшился помириться со своимъ сильнымъ соперникомъ и по прежнему примѣру вступилъ съ нимъ въ тайныя сношенія.

Въ то время, когда орденское войско подступило къ Вильнѣ, въ Краковѣ проживалъ князь Генрихъ мазовецкій, сынъ Семовита старшаго. Въ бытность супруги Витовта въ Мазовіи онъ познакомился съ сестрою Витовта, Рынгаллою Кейстутовною, и влюбился въ нее.

Впослѣдствіи онъ вступилъ въ духовное званіе и папою былъ наре-чонъ епископомъ Плоцкимъ, и очень возможно, что въ Краковѣ онъ довершалъ свое духовное образованіе. Ягайло, задумавъ помириться съ Витовтомъ, избралъ этого Генриха посредникомъ и поручилъ ему завязать тайныя сношенія съ Витовтомъ. Генрихъ взялся исполнить опасное порученіе и дѣйствительно исполнилъ съ большою ловкостью, но вовсе не изъ расположенія къ Ягайлу, а съ цѣлію ускорить чрезъ то свой бракъ съ Рингаллою, на которой онъ рѣшился жениться, не обращая вниманія на то, что предназначенъ къ духовному званію. Генрихъ прибылъ въ Пруссію, повидался съ нѣкоторыми командорами, заявилъ имъ, что польская королевская рада готова заключить миръ съ Орденомъ и что онъ, Генрихъ, съ своей стороны, имѣя связи въ Краковѣ, готовъ сдѣлать всевозможное для пользы Ордена, но что теперь ему необходимо повидаться съ Витовтомъ по разнымъ семейнымъ дѣламъ. Витовтъ въ это время находился въ Ковнѣ, куда прибылъ по взятіи Гродны. Командоры дозволили Генриху пріѣхать въ Ковну, и здѣсь то онъ началъ съ Витовтомъ тайные переговоры о примиреніи съ Ягайломъ. Витовтъ тяготился своею зависимостью отъ Ордена, сознавая, что служитъ лишь орудіемъ въ рукахъ Ордена для достиженія его эгоистичныхъ цѣлей, и рѣшился помириться съ Ягайломъ въ особенности когда Генрихъ показалъ ему письмо Ягайла, въ которомъ тотъ изъявлялъ свое согласіе на все, что было въ его власти, лишь бы только Витовтъ отсталъ отъ Ордена.

Витовтъ рѣшился вторично измѣнить своимъ договорамъ съ Орденомъ, вторично поступить съ рыцарями самымъ вѣроломнымъ образомъ. По всей вѣроятности, онъ нашелъ какой нибудь способъ вступить въ прямыя сношемія съ Ягайломъ, потому что трудно допустить, чтобы онъ положился на слова и обѣщанія Генриха. Какъ бы то ни было, онъ изъ Ковны отправился въ Гродну, а Генрихъ поѣхалъ къ женѣ Витовта, имѣвшей пребываніе въ замкѣ Кремитенѣ въ Саміи. Генрихъ здѣсь свидѣлся съ Рынгаллою и вступилъ въ тайный бракъ съ нею, а за тѣмъ сталъ хлопотать въ Маріенбургѣ у великаго магистра на счетъ дозволенія княгинѣ Аннѣ и другимъ родственникамъ Витовта выѣхать въ Жмудь *). Ходатайство удалось: Орденъ отпустилъ жену и родныхъ, но задержалъ, однако, у себя въ видѣ заложниковъ брата Витовта, Сигизмунда, и двухъ его маленькихъ сыновей.

Наступилъ 1392 г., но Витовтъ все еще не обнаруживалъ своей измѣны Ордену, напротивъ въ январѣ 1392 г. сдѣлалъ съ рыцарями походъ на Лиду. Въ Юрбургѣ онъ свидѣлся со своею семьею; Орденъ отпустилъ и другихъ лицъ, которые проживали въ Пруссіи, тяготясь

*) Генрихъ, вступивъ въ бракъ, покинулъ духовное званіе, поселился въ Плоцкѣ и здѣсь скоро умеръ, говорятъ, отъ отравы (см. Нарбутъ V, 490).

издержками на ихъ содержаніе. Между тѣмъ переговоры съ Ягайломъ подошли къ концу и Витовтъ рѣшился сбросить съ себя личину, оставивъ на жертву Ордену брата и двухъ сыновей. На канунѣ Иванова дня 1392 г. онъ внезапно съ войскомъ подступилъ къ Ковнѣ, былъ, конечно, безпрепятственно впущенъ въ крѣпость, и тогда, захвативъ гарнизонъ, приказалъ уничтожить и сжечь эту крѣпость; за тѣмъ отправился въ Гродну, поставилъ здѣсь свой гарнизонъ, разорилъ потомъ другія укрѣпленія, построенныя нѣмцами на литовской землѣ, и за тѣмъ прибылъ въ Вильну, гдѣ былъ принятъ съ большими почестями Яскою Олесницкимъ.

Вѣсть объ этой измѣнѣ привела прусскихъ рыцарей въ понятное негодованіе и ярость: они заковали въ цѣпи Сигизмунда Кейстутовича и литовскихъ бояръ, которые не успѣли еще уѣхать изъ Пруссіи, а въ Кенигсбергѣ отравили сыновей Витовта, маленькихъ мальчиковъ, Ивапа и Юрія, но подобное мщеніе, конечно, не могло уже измѣнить рѣшеній Витовта.

Между тѣмъ Ягайло и Ядвига лично прибыли въ Литву для примиренія съ Витовтомъ, который встрѣтилъ ихъ въ Островѣ (имѣніе въ Лидскомъ уѣздѣ) и вмѣстѣ съ ними прибылъ въ Вильну, куда съѣхались Скиргайло и другіе гедиминовичи. Примиреніе совершилось и было утверждено 4 августа 1392 г. договорною грамотою. Витовтъ получилъ достоинство великаго князя литовскаго на правахъ самостоятельнаго государя, онъ обѣщаетъ польскому королю вслучаѣ нужды только помощь и содѣйствіе — ничего больше. Скиргайло, носившій титулъ великаго князя литовскаго, получилъ взамѣнъ Литвы кіевское княженіе съ титуломъ „великаго князя русскаго“. Послѣдовали и другія перемѣны въ удѣлахъ: князю кіевскому Владиміру дали взамѣнъ Кіева другой удѣлъ, Корибуту дали удѣлъ сѣверскій. Ягайло и Витовтъ, послѣ примиренія, отслужили въ католической церкви св. Станислава молебенъ и здѣсь поклялись исполнять договоръ во всей силѣ, послѣ чего Витовтъ съ обычнымъ церемоніаломъ былъ посаженъ на велико-княжескій столъ.

Такъ совершилась важная перемѣна въ Литвѣ: Витовтъ явился самостоятельнымъ великимъ княземъ литовскимъ и соединеніе Польши съ Литвою сдѣлалось чисто номинальнымъ.

Между тѣмъ великій магистръ разослалъ письма къ германскимъ князьямъ и королевѣ датской Маргаритѣ, съ описаніемъ измѣны Витовта и коварныхъ дѣйствій Ягайла и съ заявленіемъ, что всѣ дружескія сношенія съ этими государями Орденъ считаетъ прерванными и несуществующими. Письма и заявленія остались безъ всякихъ послѣдствій, и хотя осенью 1392 г. въ Пруссію прибыло не мало заграничныхъ гостей и былъ сдѣланъ небольшой набѣгъ, и за тѣмъ была взята и разорена Гродна, но что значилъ этотъ набѣгъ и разоренія, когда виды на дальнѣйшія завоеванія въ Литвѣ исчезали съ

примиреніемъ Ягайла съ Витовтомъ, когда приходилось довольствоваться тѣмъ, что уже завоевано. Впрочемъ, не далѣе какъ въ слѣдующемъ году Ордену мелькнула надежда, что для него въ Литвѣ еще не все потеряно.

Многіе братья Ягайла остались очень недовольны возвышеніемъ надъ ними Витовта и перемѣнами, происшедшими въ удѣлахъ. Князь Владиміръ Ольгердовичъ былъ недоволенъ лишеніемъ Кіева, Корибутъ былъ недоволенъ отобраніемъ у него Лиды, а скоро къ числу недовольныхъ присоединился и Свидригайло. Въ 1392 г. умерла вдова Ольгердова, княгиня Юліанія, при жизни своей пользовавшаяся доходами съ княжества Витебскаго. Княжество это она предоставила своему сыну Свидригайлѣ, но Витовтъ не желалъ уступить Витебска Свидригайлѣ, и прислалъ сюда своего намѣстника. Свидригайло пошелъ на Витебскъ и овладѣлъ имъ силою. Тогда великіе князья, Витовтъ литовскій и Скиргайло русскій, пошли войною на Свидригайлу. Витебскъ сдался; Свидригайлѣ пришлось покориться и ограничиться своимъ Керновскимъ удѣломъ. Онъ и уѣхалъ въ свой удѣлъ, но покориться Витовту и не думалъ: въ началѣ 1393 г. прибылъ въ Маріенбургъ къ великому магистру и отдался въ покровительство Ордена, прося у него помощи противъ Витовта.

Ордену только этого и нужно было, чтобы снова вмѣшаться въ литовскія дѣла подъ видомъ помощи Свидригайлѣ. 1393 г. прошелъ, однако, безъ всякихъ важныхъ военныхъ дѣйствій. Папа Урбанъ VI сдѣлалъ было попытку примирить Орденъ съ Ягайломъ, прислалъ было въ Пруссію епископа Іоанна Мессинскаго своимъ легатомъ для разобранія разныхъ спорныхъ дѣлъ, легатъ побывалъ въ Вильнѣ, видѣлся здѣсь съ Ягайломъ, но посредничество ровно ни къ чему не повело. Отношенія Ордена къ Польшѣ запутывались болѣе и болѣе, а тутъ и въ самомъ Орденѣ послѣдовала перемѣна: 25 іюля 1393 г. умеръ почти внезапно великій магистръ Конрадъ Валенродъ и приходилось такимъ образомъ выбирать новаго магистра. Орденскіе сановники, не приступая къ выбору, предложили Витовту произвести обмѣнъ плѣнныхъ. Съ этою цѣлію 15 августа состоялся съѣздъ на островѣ рѣки Дубиссы. Плѣнными обмѣнялись, но о мирѣ и рѣчи не было. Въ Пруссію являлись иноземные гости для походовъ на язычниковъ, не отправляться же имъ домой безъ походовъ, походы и устраивались преимущественно на Жмудь, единственную страну, остававшеюся въ язычествѣ. Такъ въ сентябрѣ 1393 г. рыцари и иноземные гости, въ числѣ которыхъ нервенствовалъ графъ Эбергардъ Виртембергскій, ходили воевать нынѣшній Россіенскій уѣздъ, разореній и убійствъ произвели довольно; жмудины въ свою очередь въ октябрѣ пробрались къ Мемелю, выжгли здѣсь посадъ, ограбили и истребили все встрѣчное. Зимою прибыли новые гости, изъ Германіи графъ Лейнингенъ, изъ Англіи графъ Бетфордъ, изъ Франціи не мало знатныхъ рыцарей.

Они ходили воевать подъ Новогородокъ и Лиду, увели въ плѣнъ тысячи двѣ народа, забрали 1400 лошадей и множество скота.

Но все это были мелочные набѣги: существенной пользы отъ нихъ не было, и Свидригайло все-таки оставался ни при чемъ. Польза могла бы быть въ такомъ случаѣ, если бы Свидригайла возвели на великокняжескій литовскій престолъ, низвергнувъ Витовта, а для этого необходимо было прежде всего овладѣть Вильною. За это дѣло и взялся новый великій магистръ, Конрадъ Юнгингенъ, избранный на эту должность 30 ноября 1393 г. Нанявъ 200 человѣкъ отборныхъ бургундскихъ стрѣлковъ, пригласивъ къ иоходу рыцарей (дворянъ) изъ Силезіи, Австріи, Германіи, Франціи, давъ приказъ всѣмъ командорамъ я иться съ ихъ ратниками на обычный сборный пунктъ въ Кенигсбергъ, великій магистръ въ сопровожденіи Свидригайла и не малаго числа литовскихъ эмигрантовъ прибылъ въ концѣ іюля 1394 года на сборный пунктъ и повелъ многочисленное войско на Вильну. Рѣкою Нѣманомъ везли стѣнобитныя машины и осадную артиллерію. Подъ Ковной всѣ отдѣльные отряды 13 августа присоединились къ главному войску, присоединился и ливонскій магистръ, Вильгельмъ Фримерсгеймскій, съ ливонскими рыцарями и ратниками. Ковна въ это время лежала въ развалинихъ, разоренная недавно Витовтомъ (см. стр. 427). Великій магистръ приказалъ на скоро возобновлить эту чрезвычайно важную крѣпость, а между тѣмъ сюда же подошелъ и Витовтъ съ войскомъ, чтобы не допустить орденское войско переправиться за Вилію. Начались ежедневныя битвы и Витовтъ вынужденъ былъ отступить. Орденское войско переправилось за Вилію и обложило наконецъ Вильну, хорошо укрѣпленную и защищаемую сильнымъ гарнизономъ. Началась осада нижняго замка, Витовтъ между тѣмъ дѣйствовалъ въ тылу осаднаго корпуса, пресѣкая всякія подвозы, и угрожая нападеніемъ. Великій магистръ послалъ нѣкоторыхъ командоровъ противъ Витовта. Имъ удалось разбить этого князя, но побѣда принесла мало пользы осаждающимъ. Виленскій гарнизонъ защищался отчаянно, осадная артиллерія разбивала стѣны, но и это не помогало, ибо пересѣченная мѣстность и рвы мѣшали произвести общій штурмъ, а гарнизонъ, дѣлая безпрестанныя вылазки, уничтожалъ осадныя работы и наносилъ чувствительный вредъ осаждающимъ. Витовтъ также не бездѣйствовалъ, оправился послѣ пораженія, усилился новыми ратниками и началъ снова дѣйствовать въ тылу орденскаго войска. Четыре недѣли продолжалась осада, и великій магистръ, видя полную безуспѣшность ея и невозможность овладѣть столицею Литвы, рѣшился войти въ сношенія съ Витовтомъ на счетъ отступленія. Витовтъ съ своей стороны также желалъ, чтобы орденское войско поскорѣе вышло изъ Литвы, потому и согласился на переговоры. Въ концѣ концовъ рѣшили, что орденское войско отступитъ отъ Вильны, пойдетъ на Троки, не тронетъ Трокскаго замка,

а Витовтъ не будетъ мѣшать отступленію и не тронетъ ни одного орденскаго отряда. Вслѣдствіе такого договора, ливонскій магистръ со своимъ войскомъ, сильно пострадавшимъ во время осады, направился во свояси къ Двинѣ, а великій магистръ, потерявъ треть своего войска и множество лошадей, запасовъ и снарядовъ, пошелъ на Троки, оттуда прибылъ въ Ковну и наконецъ возвратился домой съ разстроенными остатками своего войска. Зимою 1394 г. хотя и прибыли въ Пруссію не мало иностранныхъ гостей, но уже великому магистру, сильно ослабленному неудачею подъ Вильною, было не подъ силу подниматься на новый походъ, а тутъ кстати подошла и грамота императора Венцеслава, заключившаго въ это время наступательный и оборонительный союзъ съ Ягайломъ, которою Ордену предписывалось не трогать земель, припадлежащихъ королю польскому. Вслѣдствіе этой грамоты, а главное вслѣдствіе предшествовавшихъ неудачъ, великій магистръ и Орденъ прекратили военныя дѣйствія противъ Литвы. Мира и перемирія хоть и не было, но наступило затишье, продолжавшееся года полтора времени. Свидригайло остался ровно ни при при чемъ.

Витовтъ воспользовался наступившимъ затишьемъ для усмиренія непокорныхъ ему удѣльныхъ князей, ольгердовичей, и быстро совладалъ съ ними, присоединивъ къ своимъ владѣніямъ сѣверскій и витебскій удѣлы. Скиргайло умеръ въ 1396 г. въ Кіевѣ; его удѣлъ, кіевское княженіе, Витовтъ также присоединилъ къ себѣ, завладѣлъ также частью Волыни, отданною князю Владиміру Ольгердовичу въ замѣнъ Кіева, отнялъ Подоль у Ѳедора Каріатовича, и наконецъ въ 1395 г. ему удалось присоединить къ своимъ владѣніямъ и Смоленское княжество, отнявъ оное отъ потомковъ Равноапостольнаго князя Владиміра.

Было уже выше сказано (стр. 414), что Скиргайло посадилъ на Смоленскій столъ князя Юрія Святославича. Между нимъ и его родичами изъ за волостей возникли споры и усобицы. Московскому великому князю Василію Димитріевичу и всей сѣверной Руси въ то время грозила величайшая опасность. Ханъ Золотой Орды, Тохтамышъ, возстановилъ противъ себя властителя Джагатайскихъ татаръ, знаменитаго Тамерлана (Тимуръ-Ленгъ, Темиръ-Аксакъ, Желѣзный Хромецъ), который съ несмѣтными полчищами и пошелъ на него войною. Разгромивъ въ 1392 г. Золотую Орду, Тамерланъ возвратился въ свое царство, но въ 1395 г. снова пошелъ на Тохтамыша, разбилъ его на голову на берегахъ Терека и послалъ отряды разорять его Орду. Одинъ изъ такихъ отрядовъ истребилъ Елецъ и самъ Тамерланъ появился въ предѣлахъ сѣверо восточной Руси. Всесокрушающее нашествіе степныхъ варваровъ коснулось уже Руси, но Тамерланъ внезапно повернулъ къ Азову, разграбилъ этотъ городъ, зимою разорилъ Астрахань и ордынскую столицу, Сарай, и за тѣмъ ушелъ назадъ въ Азію. Во время этого-то нашествія Витовтъ, подъ предлогомъ похода на татаръ на помощь своему зятю, великому князю Василію, какъ бы случайно сталъ подъ Смоленскомъ и предложилъ смоленскимъ князьямъ взять его, Витовта, третейскимъ судьею въ ихъ распряхъ съ Юріемъ Святославичемъ, бѣжавшимъ въ Рязань. Князья довѣрились

коварному кейстутовичу, съ боярами прибыли къ нему въ станъ, но тутъ были схвачены, а Смоленскъ, никѣмъ не обороняемый, былъ застигнутъ врасплохъ и взятъ. Такимъ образомъ все Смоленское княженіе и явилось въ рукахъ великаго князя литовскаго. Около этого же времени ханъ Тохтамышъ, разбитый Тамерланомъ и изгнанный изъ Орды своимъ соперникомъ, Темиръ-Кутлуемъ, бѣжалъ къ Витовту съ женами, дѣтьми и не малымъ количествомъ своихъ татаръ. Витовтъ водворилъ Тохтамыша въ Лидскомъ замкѣ.

Къ 1396 г. Витовтъ явился однимъ изъ могущественныхъ государей въ Европѣ. Вся нынѣшняя западная Россія находилась уже подъ его властію; ему уже открывались виды на овладѣніе Псковомъ и Новгородомъ, мелькала уже возможность быть княземъ „всея Руси“, но не ему, однако, суждено было сдѣлаться такимъ княземъ, ибо не литовцы, не бѣло или малоруссы явились народомъ истинно государственнымъ, способнымъ къ единству и дисциплинѣ, а лишь великоруссы, тотчасъ же потянувшіе къ Москвѣ, какъ скоро почувствовали въ ней надежное средоточіе для собранія своихъ силъ къ борьбѣ съ внѣшними врагами и внутренними неурядицами. Не преемникамъ отступившаго отъ православія князя пришлось соединить въ единое государство наслѣдіе Равноапостольнаго князя Владиміра, а преемникамъ знаменитаго Невскаго, и слышать не хотѣвшимъ о какихъ бы то ни было сдѣлкахъ съ католичествомъ.

Было уже замѣчено, что Тевтонскій орденъ постоянно отвлекалъ силы Гедимина и Ольгерда отъ Востока на Западъ. Тоже самое происходило и при Витовтѣ. Мира съ Орденомъ не было и Витовту постоянно угрожала война на западныхъ предѣлахъ его обширныхъ владѣній. 1395 г. прошелъ безъ войны, но 1396 г. начался военными дѣйствіями. Въ Пруссію прибыли иноземные гости; прусскіе рыцари выступили было съ ними въ походъ на Литву въ концѣ января, но воротились обратно, вслѣдствіе ли сильныхъ морозовъ и снѣговъ или вслѣдствіе того, что встрѣтили отпоръ на границѣ. Несравненно важнѣе были дѣйствія со стороны ливонскихъ рыцарей. Къ нимъ прибылъ изъ Пруссіи Свидригайло и они въ 1396 г. хаживали воевать Жмудь и Литву. Въ отмщеніе за эти набѣги, Витовтъ послалъ свое войско на Двину, которое и овладѣло Динабургомъ. Свидригайло между тѣмъ вошелъ въ сношеніе съ витебскими боярами, чрезъ псковскія земли пробрался къ Витебску и не только овладѣлъ этимъ городомъ, но и поднялъ противъ Витовта всю витебскую область. На помощь Свидригайлѣ прибыли ливонскіе рыцари, но не смогли защитить его отъ Витовта. Послѣдній подступилъ къ Витебску и овладѣлъ имъ. Свидригайло попался въ плѣнъ и отосланъ въ Польшу къ королю Ягайлу, а витебскій удѣлъ снова явился во власти великаго князя литовскаго.

Свидригайло служилъ Ордену прекраснымъ предлогомъ для вмѣшательства въ литовскія дѣла, потому Орденъ и поддерживалъ Свидригайла въ его претензіяхъ на велико-княжескій литовскій престолъ. Орденъ могъ

расчитывать и на уничтоженіе опасной для него уніи Литвы съ Польшею, но теперь когда Свидригайло былъ увезенъ въ Польшу, великому магистру было всего выгоднѣе помириться съ Витовтомъ, лишь бы только миръ былъ заключенъ отдѣльно съ нимъ, а не совмѣстно съ Польшею. Такой сепаративный миръ все-таки разъединялъ-бы силы литовцевъ и поляковъ. Съ этою цѣлію великій магистръ предложилъ Витовту устроить съѣздъ, по предшествовавшимъ примѣрамъ, на островѣ Дубиссы. Витовтъ согласился и прибылъ въ Ковну, а великій магистръ съ орденскими сановниками, епископами Вармійскимъ и Помезанскимъ и представителями нѣкоторыхъ ганзейскихъ городовъ прибылъ въ Юрбургъ. Обѣ стороны выслали уполномоченныхъ на островъ, гдѣ и начались переговоры. Литовскіе уполномоченные предложили: прекратить набѣги, установить миръ и опредѣлить такія отношенія, какія подобаютъ быть между христіанскими державами. Орденскіе уполномоченные заявили, что миръ состоится, если великій князь и его народы пребудутъ въ послушаніи католической церкви, если отстроитъ и отдастъ Ордену тѣ замки, которые онъ, Витовтъ, разрушилъ, когда отступилъ отъ союза съ Орденомъ, и если, наконецъ, давъ въ заложники на нѣсколько лѣтъ дѣтей важнѣйшихъ бояръ, присягнетъ по формѣ, какую дастъ Орденъ. Прусскіе епископы къ этому присовокупили: пусть великій князь распространяетъ въ своихъ странахъ христіанскіе обычаи, подавая христіанскою жизнію примѣръ своимъ подданнымъ; пусть некрещеныхъ креститъ въ католичество, а не въ православіе; пусть недозволяетъ себѣ набѣговъ на христіанскія земли и наконецъ пусть подтвердитъ привиллегіи и записи, какія онъ далъ прежде Ордену. Согласиться на такія условія Витовтъ никакъ не могъ, потому переговоры и прекратились, ровно ничего не достигнувъ и ничего не постановивъ (см. Фохта, VI, 68—71).

Переговоры прервались, а съ тѣмъ вмѣстѣ начались набѣги на Жмудь. Тщетно современные дипломаты старались примирить соперниковъ, тщетно король Сигизмундъ венгерскій предлагалъ свое посредничество, Орденъ желалъ заключить съ Витовтомъ сепаратный миръ, Витовтъ не шелъ на условія: сепаратнаго мира такъ-бы и не послѣдовало, если бы королева Ядвига и Ягайло поостереглись задѣть честолюбіе Витовта, считавшаго себя такимъ же ни отъ кого независимымъ государемъ, какими были его предшественники, Гедиминъ и Ольгердъ.

Честолюбіе Витовта было задѣто слѣдующимъ обстоятельствомъ. Поляки всегда стремились поживиться русскими землями и въ особенности съ того времени, когда ихъ потѣснилъ Орденъ, который они, впрочемъ, сами же, какъ было сказано, вызвали къ себѣ. Какъ только состоялось бракосочетаніе Ягайла съ Ядвигою, польскимъ магнатамъ удалось Галицкую Русь присоединить къ Польшѣ. Ягайло тотчасъ же ознаменовалъ такое соединеніе щедрою раздачею русскихъ земель польскимъ магнатамъ. Поляки не удовольствовались тѣмъ,

начали претендовать и на Подоль, утверждая, что Подолье принадлежитъ къ Галицкой Руси, слѣд. составляетъ также владѣніе польской короны. Витовтъ уступилъ часть этого края Ягайлѣ, и сей послѣдній сдѣлалъ тамъ своимъ намѣстникомъ краковскаго воеводу Спытка изъ Мельштына, но Спытекъ скоро попалъ въ зависимость отъ Витовта, такъ что польскимъ магнатамъ нечѣмъ уже было поживиться съ Подолья. Недовольные этимъ обстоятельствомъ магнаты такъ настроили Ядвигу, наслѣдницу Казиміра Великаго и Людовика Венгерскаго, что она вдругъ потребовала отъ Витовта, дабы онъ, владѣя Подольемъ, платилъ ей ежегодную дань, ибо Подолье есть ленъ Польской короны.

Витовтъ, раздраженный такимъ требованіемъ, созвалъ въ Вильну русскихъ и литовскихъ бояръ и спросилъ ихъ, считаютъ-ли они себя подданными Польской короны, обязанными платить ей дань? Тѣ, конечно, дали отвѣтъ отрицательный. Витовтъ, съ своей стороны, отказавшись платить какую бы то ни было дань, немедленно послалъ сказать великому магистру, что готовъ вступить съ нимъ въ мирные переговоры. Такое рѣшеніе объясняется, конечно, опасеніемъ, что Ягайло, при отказѣ Витовта платить дань, можетъ предупредить Литву и заключить съ Орденомъ миръ и союзъ противъ нея. Великій магистръ, не теряя времени, поспѣшилъ воспользоваться приглашеніемъ для заключенія съ Витовтомъ сепаратнаго мира и въ апрѣлѣ 1398 г. прислалъ своихъ уполномоченныхъ въ Гродну для веденія переговоровъ. Здѣсь, 23 апрѣля, и состоялся мирный договоръ, въ силу котораго Витовтъ обязался уступить Ордену часть Жмуди, отъ острова Салина (нынѣ деревня Шыланы при устьѣ Невяжы) до рѣки Нарева (ближайшее опредѣленіе границы послѣдуетъ на особомъ съѣздѣ великаго князя съ великимъ магистромъ); великій князь построитъ для Ордена на границѣ въ указанныхъ мѣстахъ два либо три замка, за что князь Сигизмундъ, содержавшійся Орденомъ въ качествѣ заложника, будетъ отпущенъ на волю; плѣнные обѣихъ сторонъ получаютъ свободу; Витовтъ не будетъ препятствовать Ордену овладѣть Псковомъ, Орденъ же за то поможетъ Витовту овладѣть Великимъ Новгородомъ; въ краяхъ договаривающихся сторонъ торговля будетъ свободная для людей всякаго состоянія, безъ всякихъ новыхъ пошлинъ (мытъ), кромѣ прежнихъ. Великій князь будетъ стараться приводить народъ свой къ христіанству и подчиненію церкви и имперіи римской, какъ подчинены прочія государства; великій князь не будетъ опустошать христіанскихъ земель, если отъ нихъ не будетъ ему оказано никакой обиды или несправедливости. Всѣ взаимные убытки, обиды и претензіи предаются забвенію. Проходъ чрезъ земли договаривающихся сторонъ не будетъ дозволенъ ни одному войску, идущему на причиненіе вреда другой сторонѣ. Бѣглыхъ преступниковъ ловить и выдавать взаимно. Одна сторона безъ вѣдома и дозволенія другой не будетъ проводить чрезъ ея земли своего войска, а когда дозволеніе

послѣдуетъ, то переходъ совершается безъ нанесенія вреда другой сторонѣ. Обѣ стороны обязуются свято сохранять эти условія. Съѣздъ великаго князя съ великимъ магистромъ состоится въ Михайловъ день, а на съѣздѣ томъ какъ эти условія, такъ и другія, могущія быть прибавленными, должны быть замѣнены настоящимъ мирнымъ трактатомъ (см. Фохта VI, 93—95).

Вслѣдствіе этого предварительнаго соглашенія, на островѣ Салинѣ состоялся большой съѣздъ для заключенія окончательнаго мира. Въ началѣ октября 1398 г. сюда прибылъ великій магистръ въ сопровожденіи магистра ливонскаго, Веннемара Брюггенея, епископовъ Вармійскаго и Самландскаго, орденскихъ сановниковъ и многочисленной свиты. Витовтъ прибылъ на съѣздъ съ супругою своею Анною, виленскимъ епископомъ Андреемъ и многими князьями и боярами, русскими и литовскими. На съѣздѣ этомъ была опредѣлена граница уступаемой Ордену части Жмуди, утверждены условія гродненскаго соглашенія съ добавленіемъ, что великій магистръ не будетъ входить ни съ кѣмъ и ни въ какія сношенія противъ великаго князя и его владѣній, и за тѣмъ 12 октября былъ подписанъ окончательный миръ (трактатъ этотъ, писанный по нѣмецки и по латыни, находится въ кенигсбергскомъ тайномъ архивѣ, ящикъ 53, №№ 1, 3). Чрезъ нѣсколько дней Витовтъ далъ письменное обязательство Ордену споспѣшествовать ему въ постройкѣ двухъ пограничныхъ замковъ на избранныхъ мѣстахъ. Заключеніе мира сопровождалось пирами и банкетами. На одномъ изъ такихъ пировъ, русскіе и литовскіе бояре провозгласили тостъ за здоровье Витовта, *короля русскаго и литовскаго;* нѣмцы охотно поддержали этотъ тостъ и предлагали, чтобы великій князь удержалъ за собою этотъ титулъ на всегда. Имъ очень бы хотѣлось этого, ибо прими только Витовтъ королевскій титулъ, всякая унія съ Польшею уничтожилась бы, но Витовтъ отклонилъ предложеніе, говоря, что не считаетъ себя достойнымъ такого титула (см. Нарбута V, 603).

Миръ съ Витовтомъ, заключенный помимо Ягайла и всякаго участія Польши, былъ очень выгоденъ Ордену уже въ томъ отношеніи, что расширялъ его владѣнія и налагалъ на Витовта обязательство не дѣйствовать противъ Ордена, если бы Польша и начала войну съ нимъ, слѣд. этотъ миръ разъединялъ силы Литвы и Польши. Витовтъ могъ быть также доволенъ миромъ, потому что у него развязывались руки для дѣйствій на Востокѣ, куда влекло его честолюбіе и обширные завоевательные планы.

Витовтъ уступилъ Ордену часть Жмуди, но уступилъ въ сущности то, что ему принадлежало скорѣе на бумагѣ, чѣмъ на дѣлѣ: жмудскіе князьки (державцы) и вообще жмудины не слишкомъ-то подчинялись великимъ князьямъ литовскимъ. Они охотно хаживали въ походы съ Кейстутомъ, брали сторону и Витовта, когда онъ воевалъ

съ нѣмцами, но о принятіи католичества не помышляли, а тѣмъ болѣе не желали разставаться съ своею самостоятельностію. Жмудины привыкли къ войнѣ, не боялись непріятелей: во время нашествій они скрывались въ непроходимыхъ чащахъ своихъ необъятныхъ лѣсовъ, и, выходя оттуда, дѣлали опустошительныя набѣги на своихъ нѣмецкихъ сосѣдей. Плодоносная почва съ избыткомъ давала жмудинамъ хлѣбъ; желѣзо и соль они получали изъ русскихъ подвинскихъ земель; ихъ жрецы и буртыники (пѣвцы) славили времена литовскихъ богатырей и участіе въ загробной жизни съ богами обѣщали только защитникамъ народной независимости. Полудикій, отважный народъ, довольствовавшійся малымъ, и слышать не хотѣлъ о какомъ либо подданствѣ, а тѣмъ болѣе о подданствѣ своимъ извѣчнымъ врагамъ, прусскимъ и ливонскимъ рыцарямъ. Уступка части Жмуди рыцарямъ въ сущности ровно ничего не значила: ни о какой уступкѣ или подданствѣ жмудины и слышать не хотѣли. Рыцарямъ приходилось вѣдаться съ уступленною имъ землею, какъ сами знаютъ, т. е. приходилось брать уступленное оружіемъ. Зима 1398 г., скоро наступившая послѣ подписанія мира, была столь суровая, что нельзя было предпринять никакого похода, хотя въ Пруссію и прибыло не мало иностранныхъ гостей, за то раннею весною 1399 г. рыцари изъ Пруссіи и Ливоніи явились въ Жмуди брать то, что уступилъ Витовтъ Ордену. Ливонскій магистръ, Брюггеней, выступилъ изъ подъ Митавы, вступилъ было въ Жмудь, набралъ было плѣнныхъ человѣкъ до 1000 и захватилъ до 500 лошадей, но былъ разбитъ жмудинами, лишился добычи и былъ прогнанъ въ Семигалію. Въ іюнѣ 1399 г. самъ великій магистръ, Конрадъ Юнгингенъ, пошелъ на Жмудь, но безъ всякаго успѣха: въ теченіе 11 дней расхаживалъ по уступленной ему землѣ, жегъ деревни и посѣвы, но никого изъ людей не встрѣчалъ; по ночамъ же жмудины выходили изъ своихъ трущобъ, нападали на мѣста, гдѣ орденское войско располагалось на ночлеги, угоняли лошадей, убивали всякаго, кого застигали въ расплохъ. Орденское войско, терпя еженочно убыль и никого не застигая днемъ, вынуждено было воротиться домой, ничего не достигнувъ. Великій магистръ могъ въ очію убѣдиться какого рода уступку сдѣлалъ ему Витовтъ.

Между тѣмъ великій князь литовскій задумалъ отважный планъ: покорить Золотую Орду и съ ея помощью расширить предѣлы своего государства, покорить своей власти всю Восточную Россію. Обстоятельства, по видимому, благопріятствовали плану.

Ударъ, нанесенный Тамерланомъ Золотой Ордѣ, былъ столь жестокъ и силенъ, что она не могла уже никогда оправиться. Витовтъ могъ убѣдиться въ чрезвычайномъ ослабленіи татаръ, когда въ 1397 году сдѣлалъ походъ на нихъ подъ Азовъ и доходилъ до Волги. Тѣмъ

не менѣе Орда все еще не была такъ безсильна, какъ о ней думали, и Витовту пришлось испытать это на себѣ.

Было уже выше сказано, что Тохтамышъ, разбитый на голову Тамерланомъ, бѣжалъ къ Витовту. По уходѣ Тамерлана, въ Ордѣ возвысился старый, хитрый мурза Эдигей, служившій у Тамерлана. Эдигей, подобно Мамаю, началъ свергать и возводить хановъ и въ это время посадилъ на престолъ одного изъ ордынскихъ царевичей, Тимуръ-Кутлуя. Витовтъ задумалъ поставить ханомъ въ Ордѣ Тохтамыша, чтобы съ его помощію подчинить себѣ татаръ, и когда въ Литву прибыло татарское посольство съ требованіемъ выдачи Тохтамыша, Витовтъ отвѣчалъ: „иду на Кутлуя“. Походъ, предпринятый Витовтомъ имѣлъ характеръ крестоваго похода. Папа Бонифацій IX, вступившій на престолъ послѣ Урбана VI, умершаго въ октябрѣ 1389 г. *), особою буллою къ духовенству Польши и Литвы велѣлъ проповѣдывать крестовый походъ противъ нечестивыхъ мусульманъ. Проповѣди не остались безъ успѣха: многіе польскіе паны пришли съ дружинами къ Витовту, прислалъ вспомогательный отрядъ и Орденъ. До 50 мелкихъ удѣльныхъ князей Литвы и Западной Руси приняли участіе въ походѣ; присоединился къ Витовту и значительный татарскій отрядъ, предводимый Тохтамышемъ. При войскѣ находилась уже артиллерія. Въ іюлѣ 1399 г. Витовтъ во главѣ 70-ти тысячнаго войска выступилъ въ походъ, перешелъ за Днѣпръ около Кіева, углубился въ степь и остановился на берегу рѣки Ворсклы, когда на другомъ берегу ея появились татары подъ начальствомъ хана Тимуръ-Кутлуя. Витовтъ перешелъ рѣку и 12 августа вступилъ въ бой съ татарами. Сраженіе кончилось совершеннымъ пораженіемъ христіанскаго войска. Много русско-литовскихъ князей и бояръ было убито, весь лагерь Витовта со всѣми запасами и пушками достался татарамъ. Тимуръ-Кутлуй преслѣдовалъ бѣгущихъ до Кіева, опустошилъ кіевскую и волынскую область до самаго Луцка, и забравъ множество добычи и плѣнныхъ, ушелъ въ свои степи. Тохтамышъ, бѣжавшій съ поля битвы, нѣсколько лѣтъ скитался по степямъ и наконецъ погибъ въ южной Сибири, умерщвленный по нѣкоторымъ извѣстіямъ Эдигеемъ.

Въ то время когда татары грабили Кіевъ и Волынь, въ Пруссіи готовились къ большому походу на Жмудь, чтобы огнемъ и мечомъ утвердить католичество въ той части ея, которая была уступлена

*) Въ Авиньонѣ папою былъ Бенедиктъ XIII, смѣнившій въ 1394 г. Климента VII. Одновременное существованіе двухъ папъ и происходящій отсюда расколъ смущалъ католическій міръ до того, что всѣ католики требовали низложенія Урбана VI и созванія собора для устраненія раскола. Римскіе кардиналы, чтобъ предупредить созваніе собора, тотчасъ же по смерти Урбана VI, избрали папою неаполитанца Бонифація IX, у котораго, по свидѣтельству его современниковъ, религія и нравственность не сходили съ языка, но который въ сущности цѣнилъ только деньги. Онъ торговалъ церковными мѣстами, собиралъ деньги, нанималъ солдатъ, чтобы войною и кровопролитіемъ возстановить въ Италіи господство духовенства, противъ котораго вся католическая Европа была сильно раздражена въ то время.

Ордену. Въ концѣ 1399 г. въ Пруссію прибыло много заграничныхъ гостей, изъ которыхъ важнѣйшимъ былъ герцогъ Карлъ Лотарингскій. Многочисленное войско въ обычное для набѣговъ время, въ февралѣ 1400 г., вступило въ Жмудь и съ такимъ неистовствомъ начало жечь, грабить и воевать эту землю, что жмудинамъ ничего уже не оставалось какъ покориться, въ особенности когда увидѣли, что Витовтъ прислалъ рыцарямъ литовскій вспомогательный отрядъ, который началъ грабить земли по правому берегу Невяжи не хуже крестоносцевъ. Жмудины въ уступленныхъ Ордену мѣстахъ покорились, обѣщали принять католичество, дали заложниковъ, а великій магистръ немедленно же распорядился построить крѣпость на развалинахъ бывшей Веллоны (Веллау), Фридбергъ, назначилъ жмудскимъ фохтомъ Михаила Штернберга и прислалъ священниковъ крестить народъ.

Витовтъ помогъ Ордену, но чрезвычайно ослабленный пораженіемъ какое нанесли ему татары, не могъ не видѣть, что безъ Ягайла ему трудно будетъ удержаться противъ татаръ и противъ Ордена, съ которымъ онъ хотя и заключилъ миръ, но очень хорошо понималъ, что ни прусскіе, ни ливонскіе рыцари не удовольствуются полученнымъ, а непремѣнно предпримутъ новые захваты. Смоленскъ отложился уже отъ Литвы вслѣдъ за пораженіемъ Витовта, могутъ отложиться и другія русскія области, такъ не лучше-ли заранѣе войти въ новыя связи съ Ягайломъ, подкрѣпить связь Литвы съ Польшею. Витовтъ такъ и сдѣлалъ: въ концѣ 1400 г. поѣхалъ въ Краковъ къ Ягайлѣ, условился съ нимъ на счетъ дальнѣйшаго союза и связей и за тѣмъ созвалъ въ Вильну русско-литовскихъ удѣльныхъ князей и бояръ. Въ Вильну къ Рождеству 1400 г. прибылъ Ягайло*) съ польскими чинами и здѣсь 18 января 1401 г. состоялось весьма важное постановленіе: русско-литовскіе князья и бояре торжественнымъ актомъ обязались всѣми силами оказывать помощь Ягайлѣ и по смерти Витовта никого не имѣть своимъ великимъ княземъ кромѣ Ягайла. Съ своей стороны польскіе паны обязались вслучаѣ смерти Ягайла никого не избирать на польскій престолъ безъ согласія Витовта. Оба государства будутъ имѣть общихъ друзей и враговъ и во всѣхъ войнахъ будутъ помогать другъ другу.

Такимъ формальнымъ актомъ подтверждалась политическая унія Литвы съ Польшею, обѣщанная Ягайломъ при его коронованіи, и великій князь Витовтъ признавался только ножизненнымъ намѣстникомъ въ Литвѣ и Руси. О какой либо дани и рѣчи не заходило.

Само собою разумѣется, что на подобныя постановленія виленскаго съѣзда Орденъ взглянулъ крайне неблагонріятно, ибо унія Литвы съ Польшею угрожала большою опасностію орденскимъ владѣніямъ, о

*) Королева Ядвига умерла въ іюнѣ 1399 г., завѣщавъ Ягайлѣ, чтобъ онъ вступилъ въ бракъ съ Анною, дочерью графа Цилли и внучкою Казиміра Великаго. Такимъ бракомъ вновь укрѣплялись права Ягайла на польскій престолъ, ослабленныя со смертію Ядвиги.

чемъ великій магистръ и не замедлилъ донести папѣ. Опасенія Ордена исполнились во всей силѣ, какъ увидимъ ниже. Не могли быть пріятными виленскія постановленія и въ Москвѣ, ибо Витовтъ, при помощи поляковъ, могъ начать наступательныя дѣйствія на сѣверную и восточную Русь, каковыми дѣйствіями Витовтъ и не замедлилъ.

Между тѣмъ Орденъ продолжалъ силою вводить католичество въ Жмуди. Нѣкоторые изъ жмудскихъ князьковъ сами являлись въ Маріенбургъ для принятія крещенія; великій магистръ лично бывалъ воспріемнымъ отцомъ новокрещаемыхъ, но отпуская ихъ домой, удерживалъ у себя ихъ дѣтей въ качествѣ заложниковъ, что, конечно, не могло нравиться новымъ католикамъ. Многіе князьки и многіе изъ простаго народа не желали, однако, креститься, и чтобы избавиться отъ навязываемаго имъ силою католичества, а главное, чтобы избавиться отъ рабства, налагаемаго на новокрещаемыхъ Орденомъ, бѣжали въ Литву и отдавались подъ покровительство Витовта, который и принималъ ихъ, водворяя на жительство въ своихъ владѣніяхъ. Отсюда пошли жалобы и пререканія: Орденъ требовалъ выдачи бѣглыхъ, какъ своихъ подданныхъ; Витовтъ отказывалъ въ выдачѣ, ссылаясь на то, что въ гродненскомъ протоколѣ о выдачѣ вольныхъ людей и рѣчи не было. Отсюда уже было недалеко и до открытаго неудовольствія, въ особенности когда Витовтъ пересталъ оказывать свое содѣйствіе Ордену въ распространеніи католичества между жмудинами. Выведенные изъ терпѣнія насиліями, съ какимъ Орденъ и духовенство вводятъ католичество, жмудины возстали, захватили въ плѣнъ рыцарей и священниковъ, и прислали къ Витовту пословъ съ просьбою, чтобы онъ принялъ обратно уступленную Ордену часть Жмуди. Витовтъ, конечно, не долго раздумывалъ исполнить просьбу, но, однакоже, не торопился, выжидая удобнаго случая, когда можно будетъ возвратить Жмудь безъ особенныхъ усилій, а пока что началъ вооружаться, но прежде послалъ папѣ и германскимъ князьямъ жалобу на Орденъ. Съ своей стороны Орденъ разослалъ жалобу на Витовта. Не преминули жаловаться нѣкоторымъ дворамъ и жмудины *).

*) Въ своей жалобѣ (см. Нарбута VI, 34) они между прочимъ писали: „Слушайте, слушайте! Вы, князья какъ духовные, такъ и свѣтскіе, услышьте вопли угнетенныхъ. Мы люди вольнаго происхожденія, а Орденъ стремится лишить насъ свободы. Онъ не ищетъ взыскать души наши истинному Богу, а лишь хочетъ овладѣть землею нашею. Орденъ довелъ насъ до послѣдней крайности и отчаянія, ибо для сохраненія нашей жизни намъ остается или просить милостыни или идти въ разбой . . . И какъ они осмѣливаются называть себя братьями? Какъ могутъ они крестить? Кто другихъ хочетъ омывать, самъ долженъ быть чистымъ . . . Пруссы крещены, правда, но вѣры они также не знаютъ, какъ не знали и прежде . . . Когда орденская братія идетъ воевать чужой край, то впереди себя посылаютъ пруссовъ, чтобы они кровь проливали. Пруссы не медлятъ, жгутъ церкви, дома хуже турокъ, и чѣмъ свирѣпѣе поступаютъ, тѣмъ болѣе одобряются Орденомъ. Не желая быть похожими на пруссовъ, мы воздержались отъ крещенія . . . Гибель коснулась насъ . . . всѣ произведенія края нашего и улья орденская братія у насъ обобрала . . . насъ, вольныхъ людей, гонитъ на ночныя работы, отняли у насъ охоту и рыболовство, запретили намъ торговлю съ сосѣдними землями . . . Увозятъ къ себѣ дѣтей нашихъ заложниками, позорятъ женъ нашихъ . . . , сестеръ и дочерей силою волокутъ къ себѣ . . . Умилосердтесь! Вѣдь мы тоже люди . . .

Все это происходило въ 1401 г. Витовтъ и Орденъ вооружались, но открытыхъ военныхъ дѣйствій между собою не предпринимали, напротивъ въ концѣ января 1402 г. обмѣнялись плѣнными: Орденъ отпустилъ дѣтей, взятыхъ заложниками; Витовтъ освободилъ захваченныхъ во время послѣдняго возстанія въ Жмуди орденскихъ рыцарей, священниковъ и др. орденскихъ людей. Обмѣнъ плѣнныхъ, конечно, не могъ уладить враждебныхъ отношеній между Витовтомъ и Орденомъ, которыя весьма обострились съ появленіемъ въ Маріенбургѣ князя Свидригайла. Было уже выше сказано (стр. 431), что князь этотъ былъ взятъ въ плѣнъ въ Полоцкѣ и отвезенъ къ Ягайлѣ. Въ Польшѣ онъ пробылъ не долго, былъ освобожденъ и получилъ во владѣніе Подольскій удѣлъ. Надобно полагать, что и по освобожденіи онъ продолжалъ свои сношенія съ Орденомъ, въ надеждѣ при его помощи низвергнуть Витовта. Когда Орденъ былъ въ мирѣ съ Литвою, Свидригайло сидѣлъ смирно въ своемъ удѣлѣ, но чуть лишь мирныя отношенія поколебались, онъ покинулъ свой удѣлъ и въ началѣ 1402 года пробрался къ великому магистру, который принялъ его самымъ гостепріимнымъ образомъ и немедленно же 2 марта 1402 г. заключилъ съ нимъ письменный договоръ (см. Фохта VI, 215—216), въ которомъ Свидригайло обѣщалъ исполнить все то, что значилось въ договорѣ съ Витовтомъ, заключенномъ въ 1398 г., именно уступить Ордену часть Жмуди, выдать Ордену всѣхъ бѣжавшихъ въ Литву жмудинъ, какого бы кто званія не былъ. Замѣчательно, что Свидригайло, давая Ордену подобныя обѣщанія и запись, не связывалъ Орденъ никакими письменными обязательствами, довольствуясь, вѣроятно, обѣщаніями на словахъ. Прибытіе Свидригайла не замедлило ознаменоваться открытіемъ военныхъ дѣйствій: прусскіе рыцари въ февралѣ 1402 г. сдѣлали набѣгъ на Литву, повоевали окрестности Гродны, а ливонскій магистръ воевалъ жмудскіе уѣзды, прилегавшіе къ Семигаллiи. Жмудины не остались въ долгу предъ рыцарями: въ концѣ мая 1402 г. вооружились и подступили къ Мемелю столь внезапно и столь неожиданно, что не дали времени жителямъ приготовиться къ оборонѣ. Городъ былъ выжженъ, церкви въ немъ были разрушены, не мало людей было перебито, а тысячи три народа было уведено въ полонъ. Витовтъ также не бездѣйствовалъ: напалъ на Готесвердеръ (Новая Ковна) и разрушилъ эту орденскую крѣпостцу до основанія.

Орденъ послѣ этого не могъ уже оставить Витовта въ покоѣ: великій магистръ собралъ войско силою тысячъ въ 40 и отправилъ его воевать Литву. Къ орденскому войску присоединился и Свидригайло со своимъ русско-литовскимъ отрядомъ. Цѣлію похода было овладѣніе Вильною и предоставленіе Свидригайлѣ великаго княженія. Началось повтореніе того самаго, что уже бывало, когда Орденъ поддерживалъ Витовта. Войско подступило къ Вильнѣ, думая овладѣть

этимъ городомъ внезапнымъ нападеніемъ, но это не удалось: въ Вильнѣ во время узнали о готовившемся нападеніи, нерказнили главныхъ приверженцевъ Свидригайла, приготовились къ оборонѣ. Орденскій главнокомандующій не рѣшился на новую осаду, обошелъ Вильну, разорилъ не мало городковъ и мѣстечекъ и возвратился въ Пруссію, не встрѣтивъ нигдѣ сильнаго отпора.

1403 годъ начался войною: въ обычное время, около Срѣтенія, иноземныя гости съ прусскими рыцарями и Свидригайломъ пошли воевать Литву, одновременно и ливонскій магистръ пошелъ воевать жмудскія волости подъ Вилкоміромъ. Разореній было причинено много существенныхъ же результатовъ не было. Забравъ кой какой полонъ и добычи, прусскіе и ливонскіе рыцари удалились во свояси, а Витовтъ, въ отмщеніе ливонской орденской братіи, напалъ на орденскія владѣнія зн Двиною, выжегъ и разорилъ не мало мѣстностей и на возвратномъ пути снова овладѣлъ Динабургомъ.

Подобные набѣги повлекли за собою послѣдствія, какія Орденъ, быть можетъ, и не ожидалъ: Витовтъ и Ягайло не только не разъединились между собою, чего такъ желалось Ордену, напротивъ тѣснѣе сблизились между собою для взаимной обороны и общности дѣйствій противъ рыцарей; унія между Литвою и Польшею, которой такъ боялся Орденъ, не распадалась, но скрѣплялась болѣе и болѣе. Къ тому же и папа явно принялъ сторону Ягайла и осуждалъ дѣйствія Ордена. Все это побуждало великаго магистра Конрада, человѣка осмотрительнаго, измѣнить свою политику и во время помириться съ Витовтомъ. Онъ предложилъ съѣздъ на обычномъ мѣстѣ (на островѣ рѣки Дубиссы); съѣздъ состоялся, но чуть было не кончился общимъ побоищемъ договаривавшихся сторонъ. Кое-какъ, однако, стороны сладились: заключили перемиріе до Пасхи 1404 г. (см. Фохта VI, 247—249). Предъ истеченіемъ срока этому перемирію, Ягайло предложилъ съѣхаться въ Вильнѣ для заключенія мира. Съѣздъ состоялся; съ орденскими уполномоченными прибылъ въ Вильну и Свидригайло, чтобы мириться съ Ягайломъ и Витовтомъ, но съѣздъ снова кончился ничѣмъ: условились только продолжить перемиріе до Тройцы 1405 г., съ тѣмъ чтобы въ теченіе этого времени состоялся общій съѣздъ для заключенія мира.

Миролюбивый, набожный и вообще мягкій характеромъ великій магистръ Конрадъ Юнгингенскій желалъ мировой и съ Ягайломъ и Витовтомъ и добился своего: устроилъ въ половинѣ мая 1404 г. съѣздъ въ Рацепжѣ съ Ягайломъ и Витовтомъ, уступилъ коронѣ Польской землю Добринскую, о которой шли нескончаемые споры, съ возстановленіемъ и подтвержденіемъ мирнаго тракта, заключеннаго въ 1343 г. съ королемъ Казиміромъ Великимъ, за тѣмъ по отношенію къ Литвѣ, Ягайло, Витовтъ и велякій магистръ приняли и утвердили всѣ условія мира, какой былъ заключенъ между Витовтомъ и Орде-

номъ въ 1398 г. на островѣ Салинѣ. Та часть Жмуди, которая была тогда уступлена Ордену признана и теперь за Орденомъ. Витовтъ обѣщалъ не принимать къ себѣ жмудскихъ бѣглыхъ. Въ половинѣ августа 1404 г. великій магистръ и Витовтъ снова съѣхались въ Ковнѣ, гдѣ была снова подтверждена уступка Жмуди Ордену. Свидригайло получилъ въ удѣлъ княжества Стародубское и Брянское.

Ордену было, однако, мало выгоды въ томъ, что и Ягайло и Витовтъ утвердили за нимъ право владѣнія Жмудью, когда сами жмудины ни мало не желали отступать отъ язычества, а тѣмъ болѣе не хотѣли идти подъ власть нѣмцевъ, видя въ очію, что сдѣлали нѣмцы съ туземцами въ Куроніи, Семигаліи и всюду въ Ливоніи. Приходилось дѣйствовать открытою силою, вводить католичество и рабство силою. Орденъ такъ и поступилъ: въ теченіе всего 1405 г. рыцари нещадно воевали Жмудь и только тогда сломили непокорныхъ, когда Витовтъ прислалъ въ Жмудь своихъ пословъ сказать, что дальнѣйшее сопротивленіе жмудинъ ни къ чему не послужитъ: лучше покориться. Жмудины и ихъ князьки послушались: дали Ордену заложниковъ и обѣщали быть въ послушаніи у своихъ новыхъ властителей. Происходило это въ 1406 г. Отъ обѣщаній до исполненія было, однако, далеко: Жмудь безпрерывно возставала противъ своихъ непрошенныхъ властителей, католичества не принимала, только и помышляла, какъ бы отдѣлаться отъ ненавистнаго ей католико-нѣмецкаго господства. Господство нѣмцевъ надъ Жмудью болѣе номинальное, чѣмъ дѣйствительное, продолжалось лѣтъ пять и кончилось, какъ увидимъ ниже, въ 1411 г.

Витовтъ, заключивъ въ 1404 г. миръ съ Орденомъ на основаніяхъ соглашенія, состоявшаго въ 1398 г., съ уступкою Ордену Жмуди, обезпечилъ себѣ спокойствіе на западной границѣ и могъ обратить вниманіе на Востокъ, гдѣ открывались виды на такого рода пріобрѣтенія, которыя съ лихвою могли вознаградить его за уступки, сдѣланныя Ордену. Открывались виды на овладѣніе Смоленскомъ и Великимъ Новгородомъ.

Было уже сказано (стр. 424), что великій князь московскій Василій Димитріевичъ вступилъ въ бракъ съ дочерью Витовта, Софіею. Эта близкая родственная связь не принесла Москвѣ никакой пользы, да и не могла принести уже потому одному, что Витовтъ, стремясь къ расширенію своихъ владѣній, могъ такое расширеніе произвести единственно на счетъ областей восточной Россіи. Было упомянуто также, что въ договорѣ Витовта съ Орденомъ въ 1398 г. (стр. 433) было включено условіе на счетъ Пскова и Новгорода Великаго: Витовтъ не будетъ мѣшать Ордену завоевать Псковъ, а Орденъ съ своей стороны поможетъ Витовту завоевать Великій Новгоровъ. Новгородъ

не рѣдко уже призывалъ къ себѣ литовскихъ князей. Въ 1389 г. (см. первую Новгородскую лѣтопись, стр. 95) въ Новгородъ прибылъ князь Симеонъ-Лугвеній Ольгердовичъ. Приняли его новогородцы въ честь, говоритъ лѣтописецъ, а тотъ за оказанную ему честь далъ брату своему Ягайлѣ такого рода запись (см. Соловьева IV, 27): „Такъ какъ господинъ Владиславъ (Ягайло) король польскій, литовскій, русскій и иныхъ земель многихъ господарь, поставилъ насъ опекуномъ надъ мужами и людьми Великаго Новгорода: то мы королю и Ядвигѣ королевѣ, вмѣстѣ съ новгородцами, обѣщались и обѣщаемся, пока держимъ Новгородъ въ нашей опекѣ, быть при коронѣ польской и никогда не отступать отъ нея". Запись эта осталась безъ послѣдствій; въ слѣдующемъ 1390 г., когда Василій Димитріевичъ утвердился на московскомъ престолѣ, новгородцы взяли съ нимъ миръ по старинѣ. Миръ продолжался только до 1393 г. Давно уже новгородцы однимъ изъ главныхъ условій своихъ съ великими князьями ставили, чтобъ не звать ихъ къ суду въ Низовые города; начали за тѣмъ добиваться такого же права и по отношенію къ суду церковному, и въ 1385 составили грамоту, чтобы судиться у своихъ владыкъ, а въ Москву на судъ не ходить. Когда въ 1391 г. митрополитъ Кипріанъ пріѣхалъ въ Новгородъ, то новгородцы ему суда не дали Московскій князь, зная, что зависѣть отъ митрополита значило зависѣть отъ Москвы, ни за что не хотѣлъ позволить новгородцамъ отложиться отъ суда митрополичьяго и пошелъ войною на новгородцевъ. Много кровопролитія учинилось съ обоихъ сторонъ — пишетъ новгородскій лѣтописецъ, — новгородцы смирились, взяли миръ по старинѣ, но, конечно, не могли быть довольными миромъ.

Витовтъ зналъ про это и началъ склонять новгородцевъ поддаться ему. Завязались сношенія (см. Татищева IV, 388), а эти сношенія и побудили великаго князя московскаго въ 1397 г. начать враждебныя дѣйствія съ Новгородомъ.

Витовтъ думалъ воспользоваться этою враждою и въ 1398 г., по заключеніи мира съ Орденомъ, потребовалъ отъ новгородцевъ, чтобы они отдались ему. Получивъ отказъ, онъ въ 1399 г. (см. первую Новгородскую лѣтопись, стр 100) прислалъ въ Новгородъ грамоту разметную (объявленіе войны) и велѣлъ сказать: „обезчестили вы меня: что было вамъ за меня ятися (поддаться), а мнѣ было вамъ княземъ великимъ быть и васъ оборонять, а вы за меня не ялися (не поддались)". Новгородцы отъ себя также послали Витовту разметную грамоту, но войны, однако, на этотъ разъ не произошло: Витовтъ пошелъ на татаръ и потерпѣлъ на Ворсклѣ (см. стр. 436) сильнѣйшее пораженіе. Разбитый на голову, Витовтъ пріутихъ и въ 1400 г. заключилъ миръ съ новгородцами по старинѣ (см. въ той же лѣтописи, 101).

Вслѣдъ за тѣмъ отъ Литвы отложился Смоленскъ, поднялся на Литву и князь Олегъ рязанскій, думая овладѣть Бряпскимъ княженіемъ. Въ Смоленскѣ сѣлъ его прежній князь Юрій Святославовичъ, но не съумѣлъ долго удержаться тутъ. Витовтъ въ 1402 г. разбилъ рязанцевъ и весною въ 1404 г. осадилъ Смоленскъ. Осада была неудачна; князь Юрій, однако, видя, что ему не удержаться, бѣжалъ въ Москву, а Витовтъ лѣтомъ того же 1404 г. снова подступилъ къ Смоленску и овладѣлъ этимъ важнымъ городомъ безъ всякихъ усилій, ибо бояре, не любя Юрія за его жестокость, сами отворили Витовту городскія ворота. Перевѣтники предали градъ Смоленскъ князю Витовту литовскому, говоритъ новгородскій лѣтописецъ. Князь Юрій, потерявъ свой удѣлъ и не видя поддержки въ Москвѣ, ушелъ въ Новгородъ, гдѣ и былъ принятъ.

Между тѣмъ Витовтъ помирился съ Орденомъ и за уступку Жмуди рѣшился вознаградить себя на счетъ Новгородской Руси. Въ 1405 г., на подобіе того, какъ было за шесть лѣтъ тому назадъ, онъ послалъ въ Новгородъ разметную грамоту и пошелъ воевать, но не новгородскія, а псковскія волости (по договору съ Орденомъ, Витовтъ обѣщалъ не препятствовать Ордену овладѣть Псковомъ, но не обѣщалъ не трогать псковскихъ волостей). „И пришелъ поганный отступникъ правыя вѣры христіанскія, невѣрникъ правдѣ, нишетъ псковскій лѣтописецъ (см. П. С. Р. Л. IV, 197), ни крестному цѣлованію, князь Витовтъ литовскій“, пришелъ, миру не отказавъ, ни крестнаго цѣлованія, ни мирныхъ грамотъ не отославъ ко Пскову. Нападеніе было совершено внезапное. Въ февралѣ 1405 г. онъ разорилъ Коложскую волость, перебивъ много народу и забравъ въ плѣнъ 11000 человѣкъ. Потомъ подступилъ къ Вороначу, гдѣ литовцы накидали мертвыхъ дѣтей двѣ ладьи. Не бывало такой пакости съ тѣхъ поръ, какъ Псковъ сталъ — говоритъ лѣтописецъ. Разоривъ волость и уведя полонъ, Витовтъ возвратился въ свои предѣлы. Псковичи немедленно же собрались на войну и, созвавъ охочихъ людей, разорили Ржевъ, повоевали Великія Луки и за тѣмъ послали въ Новгородъ бить челомъ тамошнимъ воеводамъ: „Поѣдемъ, господа, съ нами на Литву мстить за кровь христіанскую“. Воеводы отвѣчали: „Насъ владыка не благословилъ идти на Литву и Новгородъ намъ не указалъ; а на нѣмцевъ идемъ съ вами“. Псковичи пошли на Литву одни: подступили къ Полоцку, трое сутокъ осаждали городъ, но безуспѣшно. Продолжать осаду имъ и нельзя было: на псковскія волости въ это время напали ливонскіе рыцари, пришелъ „местеръ Рижскій со всею силою своею, и юрьевичи и изъ Курека“ (т. е. изъ нынѣшней Курляндіи), пишетъ псковскій лѣтописецъ. Псковичамъ пришлось оборонять свои земли отъ ливонскихъ рыцарей, которые пришли съ цѣлію покоренія Пскова, будучи въ увѣренности, что Витовтъ, по договорамъ 1398 и 1404 г., мѣшать покоренію не будетъ.

Псковичи и новгородцы тотчасъ же послѣ нападенія Витовта на псковскія волости послали къ великому князю московскому просить помощи противъ Витовта. Великій князь Василій, видя, что его тесть, овладѣвъ Смоленскомъ, явно ищетъ покоренія всей Новгородской Руси и уже прислалъ въ Новгородъ объявленіе войны, не могъ относиться равнодушно къ замысламъ своего тестя. Онъ отправилъ брата Петра въ Новгородъ, а самъ въ 1406 г. объявилъ войну Витовту, пославъ войско воевать сопредѣльныя съ Москвою Витовтовы земли. Война зятя съ тестемъ началась съ 1406 г. и возобновлялась ежегодно съ 1406 по 1408 г. Три раза Витовтъ и Василій выступали другъ на друга съ большимъ войскомъ, но оба, одинаково осторожные и одинаково предусмотрительные, уклонялись отъ рѣшительной битвы изъ опасенія потерять если не все, то многое изъ того, что было пріобрѣтено съ такими трудами и усиліями. Послѣдняя ихъ встрѣча произошла въ сентябрѣ 1408 г. на рѣкѣ Угрѣ, составлявшей границу ихъ владѣній. Постоявъ другъ противъ друга на противоположныхъ берегахъ этой рѣки, оба великіе князя заключили миръ, по которому каждый остался при томъ, что имѣлъ. Витовтъ послѣ того не предпринималъ ничего ни противъ Москвы, ни противъ Новгородской Руси: Москва сдержала литовскаго князя отъ дальнѣйшихъ захватовъ на счетъ восточной Россіи.

Трехъ-лѣтняя война съ сильнымъ Витовтомъ не дозволила московскому князю оказать дѣятельной помощи Пскову въ его борьбѣ съ ливонскими рыцарями, начавшейся съ 1406 г., Пскову приходилось вѣдаться съ рыцарями собственными силами, ибо и отъ новгородцевъ помощи не было.

По заключеніи мира между Псковомъ и ливонскими рыцарями въ 1371 г. (см. выше стр. 375) на псково-ливонской границѣ наступило затишье, продолжавшееся лѣтъ 25. Псковъ воспользовался этимъ затишьемъ для укрѣпленія своего города разными оборонительными постройками, каменными стѣнами, башнями. Въ первой Псковской лѣтописи находимъ указаніе, что въ 1375 г. была построена каменная стѣна отъ Псковы рѣки до Великой; въ 1380 г. были построены двѣ каменныя башни (костра); въ 1387 г. были поставлены три каменныя башни у новой стѣны на приступѣ. Псковъ явился такимъ образомъ порядочно укрѣпленнымъ городомъ, взять который было не такъ легко. Псковичамъ и нельзя было не заботиться объ укрѣпленіи своего города: съ западной стороны имъ постоянно угрожали ливонскіе властители, съ южной, со стороны нолоцкихъ предѣловъ угрожали литовцы, не было прочнаго мира и со старшимъ братомъ Пскова, Новгородомъ Великимъ. Новгородцы много заботились объ интересахъ своей европейской торговли, а такъ какъ ливонскіе

города, Юрьевъ и Рига, сдѣлались ближайшими посредниками въ этой торговлѣ, то Новгородъ и дорожилъ миромъ съ нѣмцами, а вслѣдствіе этого не помогалъ или вовсе или помогалъ очень плохо Пскову въ его борьбѣ съ ливонскими властителями. Не смотря на договоръ, заключенный въ 1348 г. (см. выше стр. 359), пререканія псковичей съ новгородскимъ владыкою не стихали, а новгородцы всегда крѣпко стояли за своего владыку и старались удержать Псковъ хоть въ церковной отъ себя зависимости. Ссоры доходили до открытой войны. Такъ подъ 1391 г. псковскій лѣтописецъ пишетъ, что была рагоза (ссора) новгородцевъ съ псковичами, немирье, и пошли новгородцы ко Пскову ратью; псковичи послали пословъ, которые встрѣтили новгородскую рать въ Солцѣ (посадъ при рѣкѣ Шелони, въ Порховскомъ уѣздѣ) и взяли миръ. Псковичи добили челомъ Новгороду — пишетъ новгородскій лѣтописецъ *). Въ 1394 г. началась опять рагоза. Новгородцы подступили къ Пскову, стояли и бились тутъ восемь дней, но нотерпѣли неудачи и вынуждены были отступить, бросивъ свои стѣнобитные машины (трочная веретенища и пущичи, какъ названы они въ первой Псковской лѣтописи). Не смотря на свое торжество, псковичи продолжать войны не хотѣли, прислали пословъ въ Новгородъ, но мира, однако, не получили. Чрезъ два года, въ 1397 г., псковичи вновь послали знатныхъ пословъ въ Новгородъ, но уже къ владыкѣ Іоанну, которому и били челомъ (см. первую Новгородскую лѣтопись, 97): „Чтобы ты, господинъ, благословилъ дѣтей своихъ Великій Новгородъ, чтобъ господинъ нашъ Великій Новгородъ нелюбье намъ отдалъ, и принялъ бы насъ въ старину“. Владыка благословилъ дѣтей своихъ: „Вы бы, дѣти, мое благословеніе приняли, псковичамъ нелюбье отдали, и свою братію младшую приняли по старинѣ, занеже, дѣти, видите, что послѣднее время приходитъ, надобно всѣмъ христіанамъ быть за единъ братъ“ (стоять за одно). Новгородцы послушались: отъ псковичей нелюбье отложили, взяли миръ по старинѣ. „И была христіанамъ радость и веселіе, а дьяволъ плакалъ, видя себя побѣжденнымъ, а злодѣи христіанскіе помрачились“ — прибавляетъ новгородскій лѣтописецъ.

Владыка Іоаннъ не ошибся, когда говорилъ о наступленіи послѣднихъ временъ. Дѣйствительно приходило послѣднее время, но только не для Россіи, а для особнаго существованія Новгорода, Пскова и другихъ русскихъ волостей.

---

*) Распря возникла изъ за ушкуйниковъ, т. е. разбойничьихъ шаекъ, ходившихъ на Волгу грабить суда и прибрежныя села. Дорого поплатились новгородцы за своихъ ушкуйниковъ при Димитрій Донскомъ, потому и смотрѣли, чтобы шайки людей, обремененныхъ долгами, холопей и рабовъ не собирались въ ихъ волостяхъ и не отправлялись разбойничать на Волгу. Охотники до легкой наживы являлись и изъ псковскихъ волостей. Новгородцы подъ предводительствомъ своего князя, Семена Ольгердовича, и пошли на Псковъ, чтобы заставить псковичей выдавать разбойниковъ. Псковичи добили челомъ, дали обязательство не вступаться за должниковъ, холоповъ и рабовъ, ходившихъ на Волгу, а выдавать ихъ (см. Соловьева IV, 14).

Мы уже видѣли, какъ трудно было Пскову своими силами отбиваться отъ ливонскихъ рыцарей. Ему приходилось брать къ себѣ литовскихъ князей, но теперь когда Витовтъ отступилъ православія, когда самъ сталъ угрожать Пскову, когда новгородцы плохо помогали (за внутренними неурядицами они и не могли оказать дѣятельной помощи) къ кому было обратиться за защитою и обороною отчины св. Ольги отъ нѣмцевъ и литовцевъ, если не къ сильному уже московскому князю. И вотъ съ конца XIV ст. во Псковѣ происходитъ важная перемѣна: отчина св. Ольги начинаетъ принимать князя отъ руки великаго князя московскаго.

Московскій князь сдержалъ Витовта, но не могъ сдержать ливонскихъ рыцарей, которые устремились на Псковъ.

Миръ, заключенный въ 1371 г. между ливонскими властигелями и Псковомъ былъ не особенно проченъ, ливонскіе рыцари не затрогивали, однако же, Пскова. Главное ихъ вниманіе было обращено на борьбу съ Литвою и мы видѣли ихъ участіе съ прусскими рыцарями въ этой борьбѣ. Ливонскій магистръ, Вильгельмъ Фримерсгеймскій, управлявшій орденскими дѣлами съ 1364 по 1394 г. дѣлывалъ ежегодно походы на Жмудь; преемникомъ ему былъ Лоббе фонъ Ульзенъ, управлявшій дѣлами но 1396 г. Его смѣнилъ Вольдемаръ Брюггеней, состоявшій магистромъ по 1404 г. Время этихъ двухъ магистровъ прошло въ ожесточенныхъ внутреннихъ спорахъ и раздорахъ съ епископами (будетъ изложено ниже). Не время было начинать войну съ Новгородскою Русью, хотя за предлогами недостатка не было. Миръ держался кое-какъ. Въ 1390 г. былъ съѣздъ новгородцевъ съ нѣмцами, оставшійся безъ всякихъ послѣдствій. Въ слѣдующемъ году осенью въ Изборскѣ состоялся новый съѣздъ, на съѣздъ прибыли трое посадниковъ, тысяцкій и новгородскіе купцы; съ нѣмецкой стороны прибыли послы изъ Любека, Готланда, изъ Риги, Юрьева и Ревеля и др. городовъ. Тогда и состоялся миръ съ нѣмцами. Зимою того же 1391 г. нѣмецкіе послы, пишетъ новгородскій лѣтописецъ (см. первую Новгородскую лѣтопись, 96) прибыли въ Новгородъ, и товары свои взяли, и крестъ цѣловали, и начали дворъ свой снова ставить, потому что не было семь лѣтъ мира крѣпкаго. Псковичи въ этомъ мирѣ не учавствовали. По словамъ псковскаго лѣтописца (см. первую Псковскую лѣтопись, 194), новгородцы вымирише (исключили) псковичей; псковичи взяли миръ съ нѣмцами особо въ 1392 г. Этотъ миръ не нарушался лѣтъ двадцать, не до исковичей было въ это время и не до новгородцевъ. Но вотъ къ началу XIV ст. войны съ Литвою стихаютъ, стихаетъ внутри Ливоніи и борьба съ рижскимъ архіепископомъ, у рыцарей развязываются руки и уже подъ 1403 г. псковскій лѣтописецъ отмѣчаетъ, что въ этомъ году нѣмцы ходили на Полоцкую волость и много „пакостей ночиниша“, и псковскихъ гостей побили на озерѣ, на Пещердѣ, и товаръ отняли, и въ озеро

побросали девять человѣкъ. Псковичи ходили къ Новому городу (Нейгаузену), конечно, для отмщенія, но едва-ли съ успѣхомъ: лѣтописецъ едва-ли бы умолчалъ объ успѣхѣ, если бы такой былъ. Это небольшое наступленіе было предвѣстникомъ дѣйствій болѣе важныхъ; псковичи знали это, потому что озаботились объ укрѣпленіи своего города: въ 1404 г. построили каменную стѣну возлѣ рѣки Псковы. Въ этомъ году въ управленіе ливонскими орденскими дѣлами вступилъ Конрадъ Фитингофъ. Онъ-то въ концѣ августа 1406 года и сдѣлалъ набѣгъ на псковскія волости, побудившій псковичей снять осаду Полоцка (см. выше стр. 443).

Магистръ расхаживалъ, говоритъ псковскій лѣтописецъ (П. С. Р. Л. IV, 197), по псковской волости недѣли двѣ времени, былъ и подъ Островомъ и подъ Котельномъ и на устьи Сини. Подъ Псковъ магистръ не подступалъ. Вельяне ударили на какой-то нѣмецкій отрядъ, разбили его, отняли знамя (стягъ нѣмецкій), но это былъ успѣхъ маловажный. Магистръ ушелъ въ свои предѣлы, причинивъ, конечно, не мало разоренія. Псковичи не оставили этого набѣга безъ отмщенія: въ октябрѣ того же 1406 г. вступили въ Ливонію, верстъ за 15 отъ Киримпе встрѣтили нѣмецкую рать, разбили ее, подступили къ Киримпе, простояли тутъ одну ночь и съ многимъ добыткомъ воротились домой. Псковичи просили новгородцевъ, замѣчаетъ лѣтописецъ, помочь, но тѣ не помогли ни мало. Тогда псковичи отправили пословъ къ московскому князю Василію просить князя въ Псковъ. Послы, конечно, изложили въ Москвѣ обиду и разоренія, какія причинилъ Витовтъ. Великій князь московскій вступился за обиду (см. выше стр. 444), объявилъ Витовту войну, и во Псковъ прислалъ своего меньшаго брата, Константина Димитріевича. Въ мартѣ 1407 г. молодой князь Константинъ (юнъ сый верстою, но совершенъ умомъ, пишетъ про него лѣтописецъ) прибылъ во Псковъ, а въ іюнѣ поднялъ всю псковскую волость съ пригородами на нѣмцевъ (а новгородцы не помогли ни мало, съ особеннымъ удареніемъ отмѣчаетъ лѣтонисецъ). Походъ былъ сдѣланъ за Нарву; много погостовъ псковичи повоевали, много добытка добыли, пишетъ лѣтописецъ, заходили въ такія мѣста, гдѣ воевали только Довмонтъ, да князь Давыдъ, и возвратились вси здоровы, сохраненныя помощью святыя Тройцы. Въ іюлѣ князь Константинъ уѣхалъ изъ Пскова и дѣла перемѣнились. Въ августѣ магистръ подступилъ къ Пскову; псковичи вышли ему встрѣчу. Четыре дня стояли непріятели другъ противъ друга у рѣки. Нѣмцы не отважились перейти рѣку и начали отступать. Тогда псковичи, ободренные отступленіемъ, погнались за нѣмцами и нагнали ихъ на Лозоговицкомъ полѣ (село Лозоговичи, псковскаго уѣзда, на дорогѣ къ Изборску). Магистръ оборотился, построилъ свое войско. Псковичи напали на него и потерпѣли сильное пораженіе: трое посадниковъ, много бояръ и сельскихъ людей, всего

человѣкъ 700 потеряли псковичи. Это побоище было такое же сильное, какъ Ледовое и Раковорское, замѣчаетъ лѣтописецъ. Нѣмцы понесли также большія потери (нѣмецъ князей и бояръ много псковичи избиша, и коней великихъ нѣмецкихъ привели въ Псковъ, говоритъ лѣтописецъ). Одновременно и другая рать псковская потерпѣла неудачу за Наровою, вынуждена была бросить свои ладьи и бѣжать отъ нѣмцевъ пѣшими. Въ большомъ сѣтованіи и печали были тогда псковичи.

Псковскій лѣтописецъ при этомъ случаѣ пишетъ (П. С. Р. Л. IV, 199): Новгородцы привели себѣ князя изъ Литвы, испросивъ у Витовта, князя Лугменя Ольгердовича, а все то псковичамъ въ перечину, и вложилъ имъ діаволъ злыя мысли въ сердце ихъ: любовь держать съ Литвою и съ нѣмцами, а псковичамъ не помогать ни словомъ, ни дѣломъ. Псковичи потому положили упованіе на Бога и на святую Тройцу и па князя великаго Василія Димитріевича.

Въ слѣдующемъ 1408 г. магистръ опять вступилъ въ Псковскую волость, осадилъ Велье, успѣха не имѣлъ, но все-таки „много пакостей, какъ выражается лѣтописецъ, учинилъ и Новгородской волости воевалъ“ недѣли двѣ. Въ маѣ того же 1408 г. нѣмцы опять подступили къ Велье, забрали въ плѣнъ 43 человѣка и отступили. Вельяне погнались за отступавшими, нагнали ихъ, но потерпѣли пораженіе. Тогда собрались вороночане, погнались за нѣмцами, настигли ихъ на самой границѣ, отбили у нихъ полонъ и добычу, самострѣловъ нѣмецкихъ много поотнимали. Изборяне въ маѣ же ходили на нѣмецкую землю, но удачи не имѣли. Псковичи тогда, при наступленіи осени, заключили съ нѣмцами перемиріе до Срѣтенія 1409 г.

По истеченіи срока перемирію, ливонскій магистръ на этотъ разъ вмѣстѣ съ Литвою опять пришелъ воевать Псковскую волость, воевалъ съ недѣлю, разорялъ по обычаю все встрѣчное. Охочіе псковскіе люди вышли было противъ нѣмцевъ, но потерпѣли пораженіе. Въ это время война между Москвою и Литвою уже кончилась, враждовавшія стороны заключили миръ на Угрѣ. Псковичи также отправили къ Витовту пословъ, которые и взяли съ нимъ миръ вѣчный по старинѣ, по псковской волѣ, по князя великаго докончанію Василія Димитріевича, сказано въ первой Псковской лѣтописи.

Помирившись съ Витовтомъ, псковичи помирились и съ ливонскими рыцарями. Въ Ильинъ день 1410 г. состоялся въ Киримпе съѣздъ. Сюда прибыли трое псковскихъ посадниковъ и много бояръ псковскихъ, со стороны магистра прибыли „князья и земные“, по выраженію псковскаго лѣтописца (князья — это орденскіе сановники, земные — это вассалы). Чрезъ недѣлю послѣ Ильина дня былъ заключенъ миръ, по старинѣ, по псковской воли, по новгородскому

докончанію (1391 г., см. выше стр. 446), сказано въ первой Псковской лѣтописи.

Обѣ стороны остались при томъ, чѣмъ владѣли. Заключили миръ до первой ссоры. Между тѣмъ въ Пруссіи произошли весьма важныя событія.

Было уже выше сказано, что Витовтъ и великій князь московскій въ теченіе трехъ лѣтъ ежегодно съ большими силами выступали другъ противъ друга и оба не рискнули на рѣшительную битву, ежегодно заключая перемиріе на годъ, а въ 1408 г. на Угрѣ заключили между собою и миръ, при чемъ обѣ стороны остались при томъ, чѣмъ владѣли прежде. Много было причинъ Витовту помириться съ зятемъ: отношенія съ прусскими рыцарями запутались до крайней степени, а тутъ въ 1407 г. снова поднялся противъ него Свидригайло князь сѣверскій, постоянный его, какъ мы видѣли уже, соперникъ и притомъ соперникъ весьма сильный, потому что пользовался привязанностію къ себѣ православнаго населенія южной Россіи. Въ Литвѣ было не мало и русскихъ и литовскихъ бояръ крайне недовольныхъ уніею Литвы съ Польшею, недовольныхъ и отступничествомъ отъ православія Ягайла и Витовта. Во главѣ недовольныхъ былъ Свидригайло; опъ искалъ помощи у Ордена, но изъ этаго, какъ уже было разсказано, ничего въ его пользу не вышло. Пока православный великій князь московскій былъ въ союзѣ со своимъ тестемъ, отступившимъ отъ православія, недовольнымъ Витовтомъ русско-литовскимъ князьямъ и боярамъ нечего было искать помощи въ Москвѣ, но какъ только въ 1406 г. союзъ между зятемъ и тестемъ порвался и началась война между ними, начались и отъѣзды недовольныхъ въ Москву. Первый пріѣхалъ изъ Литвы на службу въ Москву князь Александръ Нелюбъ со многими своими единомышленниками. Въ іюлѣ 1408 г., слѣд. мѣсяца за два до встрѣчи Витовта и Василія на берегу Угры, пріѣхалъ въ Москву Свидригайло и не одинъ; съ нимъ прибыли владыка черниговскій, шесть князей юго-западной Руси и множество бояръ черниговскихъ и сѣверскихъ. Московскій великій князь принялъ знаменитаго выходца чрезвычайно радушно и назначилъ ему въ кормленіе не мало городовъ, въ томъ числѣ даже и Владиміръ со всѣми селами, волостями и пошлинами. Не могъ не видѣть Витовтъ какъ опасны подобные отъѣзды: великій князь московскій, поддержавъ недовольныхъ войскомъ, могъ бы отобрать отъ Литвы всѣ русскія земли, какія только пристали къ ней вслѣдствіе татарскаго нашествія, и тогда Литва явилась бы ничтожнымъ княжествомъ, безсильнымъ бороться не только съ Москвою, но и съ Орденомъ. Какъ же было не мириться съ зятемъ, какъ не заключить вновь союза? Миръ и былъ заключенъ, при чемъ пришлось бросить и всякіе замыслы на Москву, Новгородъ и Псковъ.

Миромъ торопиться нужно было еще и потому, что отношенія къ Ордену со дня на день запутывались болѣе и болѣе

Мы видѣли, что Витовтъ по договору съ Орденомъ, заключенному въ 1404 г., уступилъ послѣднему часть Жмуди въ опредѣленныхъ границахъ. Удержать въ повиновеніи жмудинъ можно было только силою, насильственныя же мѣры вызывали въ странѣ ропотъ и возстанія; Орденъ подозрѣвалъ, что эти возстанія поддерживаются Витовтомъ, недовѣрять которому рыцари, послѣ его друкратной измѣны, имѣли полныя основанія. Витовтъ, находясь въ разрывѣ съ великимъ княземъ московскимъ, избѣгалъ столкновеній съ Орденомъ, иногда даже помогалъ ему усмирять возстанія жмудинъ, но не прочь былъ возвратить себѣ Жмудь, какъ наслѣдіе Кейстутово. Пока былъ живъ великій магистръ Конрадъ Юнгингенъ, человѣкъ вообще миролюбивый, отношенія между Орденомъ и Витовтомъ еще ладились кое-какъ. Орденскіе сановники и рыцари, однако же, были недовольны миролюбіемъ Конрада, были недовольны его податливостію Ягайлѣ и Витовту, и когда Конрадъ 30 марта 1407 г. умеръ, они 26 іюня 1407 г. выбрали на должность великаго магистра брата умершаго Конрада, Ульриха Юнгингена, человѣка, отличавшагося рѣшительностію, военною отвагою и давно уже неодобрявшаго мирной политики своего брата. Съ перемѣною магистра быстро измѣнились и отношенія Ордена къ Польшѣ и Литвѣ.

Еще при жизни Конрада между Орденомъ и Ягайломъ возникли неудовольствія вслѣдствіе того, что король венгерскій Сигизмундъ заложилъ Ордену часть своего Бранденбургскаго маркграфства, именно Неймаркъ или Новую Мархію, границы которой съ Польшею были очень неопредѣленны и спорны. Заспорили кому долженъ принадлежать городокъ Дризенъ (Дрезденекъ). Споривпіе стороны первоначально думали рѣшить вопросъ о границахъ мирнымъ путемъ и для этого былъ устроенъ въ самомъ началѣ 1408 г. съѣздъ въ Ковнѣ. Сюда прибыли король Ягайло съ немалымъ числомъ сенаторовъ и магнатовъ польскихъ; Витовтъ съ своими боярами; великій магистръ Ульрихъ съ сановниками, прибылъ и ливонскій магистръ Конрадъ Фитингофъ. Съѣздъ открылъ свои засѣданія 6 января 1408 г. Главнымъ иредметомъ обсужденій былъ вопросъ о границахъ Новой Мархіи, но ни одна изъ сторонъ не соглашалась отступиться отъ своихъ притязаній. Съѣздъ такъ и недостигъ никакихъ результатовъ. Споривпія стороны разъѣхались въ сильномъ раздраженіи другъ противъ друга. Не замедлили явиться и другіе поводы къ неудовольствіямъ: король польскій началъ жаловаться, что Орденъ даетъ у себя пристанище польскимъ выходцамъ изъ Добринской земли, бѣжавшимъ отъ долговъ и потребовалъ ихъ выдачи. Великій магистръ не выдавалъ, отвѣчая, что выдаютъ только разбойниковъ и поджигателей, а

вольные люди имѣютъ право жить гдѣ хотятъ, что такъ дѣлается и въ Польшѣ.

Взаимныя неудовольствія усиливались со дня на день. 1408-й годъ прошелъ, однако, безъ открытыхъ столкновеній. Жмудь между тѣмъ волновалась болѣе и болѣе. Орденъ обвинялъ Витовта, что именно онъ волнуетъ жмудинъ, подстрекаетъ ихъ къ бунту и, получая извѣстія, что Ягайло вооружается, съ своей стороны началъ приводить орденскія пограничныя крѣпости въ оборонительное положеніе, распорядился никого не пропускать изъ Литвы чрезъ жмудскія предѣлы. Слѣдующее событіе обострило отношенія

1408-й годъ былъ неурожайный во всей Литвѣ. Орденъ распорядился не пропускать въ Литву хлѣбъ изъ Пруссіи, расчитывая, вѣроятно, продать свои хлѣбные запасы по дорогой цѣнѣ. Витовтъ просилъ Ягайла доставить въ Литву хлѣбъ изъ Польши, гдѣ сильнаго неурожая не было. Ягайло распорядился послать изъ своихъ куявскихъ земель караванъ хлѣба въ Литву. Для этого снарядили 20 большихъ рѣчныхъ судовъ, нагрузили ихъ хлѣбомъ и весною 1409 г. отправили этотъ караванъ по Вислѣ. Суда благополучно прошли въ Балтійское море, вошли въ Нѣманъ и уже находились подъ Рагнитомъ, когда, по распоряженію великаго магистра, были здѣсь захвачены подъ предлогомъ, что поляки на судахъ везутъ оружіе для взбунтовавшихся жмудинъ. Ягайло, конечно, потребовалъ удовлетворенія за подобный захватъ, выслалъ въ концѣ іюля 1409 г. посольство въ Маріенбургъ. Удовлетворенія никакого не послѣдовало, а между тѣмъ Жмудь возстала противъ Ордена и жмудины начали грабить имущества своихъ властителей, напали на Мемель, причинили тутъ не мало вреда. Обвиняя Ягайла и Витовта въ содѣйствіи жмудинамъ, великій магистръ 6 августа 1409 г. объявилъ войну польскому королю и, вступивъ въ Добринскую землю, захватилъ здѣсь нѣсколько городковъ. Ягайло былъ непрочь помириться, но воинственный великій магистръ Ульрихъ Юнгингенъ объявилъ, что миръ можетъ состояться лишь въ такомъ случаѣ, если король Ягайло откажется отъ всякихъ связей съ Витовтомъ и перестанетъ помогать взбунтовавшимся жмудинамъ. Что же касается до Добринской земли, то таковая останется во власти Ордена впредь до рѣшенія сиоровъ полюбовнымъ судомъ. Ягайло не согласился на подобныя условія, на предлагаемый Орденомъ съѣздъ въ Торнѣ не поѣхалъ, издалъ два манифеста съ жалобами противъ Ордена (одинъ манифестъ помѣщенъ у Длугоша, книга X, стр. 200—203; другой въ кенигсбергскомъ архивѣ, фоліантъ Ѳ, стр. 155), и далъ знать Витовту, что надежды на сохраненіе мира нѣтъ, слѣд. и откладывать военныхъ дѣйствій уже не приходится.

Витовтъ въ это время находился подъ Ковною. Онъ ждалъ только сигнала, чтобы вторгнуться въ возставшую Жмудь и возвра-

тить себѣ эту землю, имъ же самимъ уступленную Ордену. Помирившись еще въ прошломъ году съ Москвою и Псковомъ, онъ могъ безпрепятственно двинуть свое войско къ западнымъ границамъ и теперь немедленно же перешелъ чрезъ Невяжу и напалъ на орденцевъ. Жмудскій орденскій командоръ, видя невозможность противиться Витовту, сжегъ построенный Орденомъ на р. Дубиссѣ замокъ и отступилъ за Нѣманъ; Витовтъ же овладѣлъ Веллоною (Велау), распустилъ свои загоны по прусскимъ землямъ къ сѣверу до самаго Мемеля, и увелъ въ Литву множество плѣнныхъ. Жмудь явилась во власти Витовта.

Ягайло между тѣмъ собралъ многочисленное войско и осадилъ Быдгощъ (Бромбергъ). Противъ Ордена такимъ образомъ стали силы двухъ государей — короля польскаго и великаго князя литовскаго, силы, при общности дѣйствій, весьма не маловажныя. Великій магистръ очень хорошо видѣлъ опасность своего положенія, потому и обратился къ королю чешскому Вячеславу о посредничествѣ. Вячеславъ, задолжавшій нѣмцамъ значительную сумму денегъ, прислалъ къ Ягайлѣ Конрада князя Олесницкаго съ предложеніемъ заключить перемиріе впредь до соглашенія споровъ. Въ это время Ягайло получилъ увѣдомленіе Витовта о томъ, что литовское войско никакъ не можетъ скоро соединиться съ польскимъ и потому всего лучше заключить перемиріе до лѣта будущаго года, такъ какъ къ тому времени можно будетъ собрать и болѣе многочисленное войско и лучше вооруженное. Король Ягайло, по совѣщаніи съ польскими магнатами, согласился на перемиріе съ Орденомъ, которое и было заключено 8 сентября срокомъ до Иванова дня (24 іюня) 1410 г. Всѣ обиды и споры разберетъ король Вячеславъ и обѣ стороны будутъ согласны на его приговоръ, который долженъ состояться не позже половины будущаго великаго поста. До приговора обѣ стороны владѣютъ тѣмъ, чѣмъ владѣли въ день заключенія перемирія. Ягайло не будетъ оказывать никакой помощи ни жмудинамъ, ни ихъ помощникамъ, которые и не включаются въ перемиріе. Если которая сторона нарушитъ перемиріе, то король чешскій имѣетъ право помогать другой сторонѣ до тѣхъ поръ, пока миръ снова не установится.

Витовтъ такимъ образомъ исключался изъ перемирія и великій магистръ могъ бы обратить на него всѣ свои силы, но этаго именно не случилось: наемныя войска Ордена разошлись по домамъ, а собственныхъ силъ было слишкомъ мало, чтобы ударить на Витовта и овладѣть отложившеюся Жмудью. Витовта оставили въ покоѣ. Но что же, однако, побуждало его не итти на соединеніе съ Ягайломъ и оставаться въ Литвѣ? Надобно полагать, что главною причиною тому были неоконченныя еще столкновенія съ Псковомъ и Новгородомъ, а быть можетъ и опасенія возстанія Свидригайла.

Было выше сказано, что Свидригайло отъѣхалъ въ Москву и получилъ отъ великаго князя Василія Димитріевича въ кормленіе нѣсколько городовъ (стр 449). Онъ отъѣхалъ въ надеждѣ съ московскою помощію или свергнуть Витовта или по крайней мѣрѣ раздѣлить съ нимъ русско-литовскія земли. Надежды эти не исполнились: Василій помирился съ Витовтомъ. Въ декабрѣ 1408 г. Эдигей, тотъ самый мурза Эдигей, который нанесъ Витовту на Ворсклѣ сильное пораженіе, подступилъ къ Москвѣ и подвергъ сильнѣйшему разоренію московскія земли. Свидригайло во время Эдигеева нашествія не оказалъ никакого содѣйствія великому князю, чѣмъ возбудилъ противъ себя его неудовольствіе. Видя, что имъ недовольны и князь и его бояре, что никакой ему помощи и не будетъ, Свидригайло въ 1409 г. со своею многочисленною свитою отъѣхалъ назадъ въ Литву, разграбилъ по дорогѣ Сернуховъ и помирился съ Витовтомъ. Его, по видимому, водворили на жительствѣ въ Вильнѣ, но онъ отсюда завязалъ новыя сношенія съ Орденомъ. Объ этихъ сношеніяхъ провѣдалъ Витовтъ и въ ноябрѣ 1409 г. посадилъ Свидригайла подъ стражу въ Кременецкій замокъ, гдѣ онъ и провелъ въ заключеніи до 1418 г. Все это, и неоконченныя дѣла съ Псковомъ и Новгородомъ, и опасенія смутъ со стороны Свидригайла, побудили Витовта оставаться въ Литвѣ.

Наступившимъ перемиріемъ враждующія стороны воспользовались для приготовленія къ войнѣ. 17 октября 1409 г. Ягайло прибылъ въ Брестъ. Здѣсь онъ свидѣлся съ Витовтомъ и условился съ нимъ о планѣ предстоящей кампаніи, о сборѣ войска, о продовольствіи; здѣсь же состоялись распоряженія о постройкѣ мостовъ, необходимыхъ для переправы, и пр.— Въ Брестѣ находился и татарскій царевичъ Саладинъ (одинъ изъ сыновей Тохтамыша), приведшій на помощь Витовту большой татарскій отрядъ силою тысячъ въ 20 человѣкъ. Великій магистръ, Ульрихъ Юнгингенъ, также дѣлалъ обширныя приготовленія къ войнѣ и заключилъ союзъ съ королемъ венгерскимъ Сигизмундомъ, обѣщавшимъ Ордену дѣятельную помощь въ предстоящую войну съ Польшею.

Наступилъ 1410-й годъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ наступило и время выслушать приговоръ короля Вячеслава чешскаго, который взялся быть судьею споровъ между Орденомъ и Ягайломъ. Въ началѣ 1410 года въ Прагу прибыли нольскіе, литовскіе и орденскіе уполномоченные. Король далъ приговоръ, но столь пристрастный въ пользу Ордена, что польскіе и литовскіе уполномоченные не согласились на королевское рѣшеніе, — по которому Жмудь должна была отойти къ Ордену вмѣстѣ съ частію Судавіи, прилегавшею къ Гроднѣ (это была литовская земля, никогда Ордену не уступавшаяся), Добринская земля отходитъ къ чешскому королю, который и предоставитъ ее той либо другой сторонѣ по своему усмотрѣнію, и пр.— Уполномоченные разъѣхались, ничего не достигнувъ, и посредничество Вячеслава осталось безъ всякихъ послѣдствій. Между тѣмъ въ мартѣ 1410 г. орденскій маршалъ напалъ на Волковыйскъ, разграбилъ и сжегъ этотъ городъ.

Послѣ этого ничего не оставалось какъ взяться за оружіе. Противники, готовившіеся къ войнѣ весь 1409 г., собрали войска въ

небывалой до того времени численности. Великій магистръ послалъ приказъ ливонскому магистру Конраду Фитингофу немедленно же порвать миръ съ Витовтомъ, приготовиться къ вторженію въ Жмудь, чтобы отвлечь Витовта отъ соединенія съ Ягайломъ, за тѣмъ прислать въ Пруссію ратниковъ, сколько можно будетъ; посланы были приглашенія къ ливонскимъ епископамъ, дабы и они явились на помощь Ордену со своими вассалами и ратниками. Разосланы были всюду по Германіи вербовщики для найма ратниковъ. Гарнизоны пограничныхъ крѣпостей были усилены и орденская крѣпость Швецъ (не далеко отъ Торна) была назначена сборнымъ мѣстомъ для наемныхъ ратниковъ изъ Моравіи, Чехіи и Германіи.

Витовтъ съ своей стороны стягивалъ къ западной границѣ своихъ владѣній ратниковъ изъ всѣхъ подвластныхъ ему земель и удѣльныхъ княжествъ: галицко-волынскихъ, кіево-сѣверскихъ, полоцко-витебскихъ, смоленскихъ и пр. Ягайло также собралъ ратниковъ со всѣхъ польскихъ земель. Къ веснѣ 1410 г. ратники со всѣхъ мѣсть Западной Россіи и Литвы двинулись въ походъ, направляясь къ рѣкѣ Нареву. Польскіе ратники изъ всѣхъ мѣсть Польши начали сосредоточиваться подъ Червенскомъ недалеко отъ Плоцка, чтобы здѣсь перейти Вислу и вступить въ прусскія орденскія земли. Противники все еще не хотѣли начинать войны: Ягайло обратился за посредничествомъ къ королю Сигизмунду венгерскому, великій магистръ писалъ о посредничествѣ къ княгинѣ мазовецкой Александрѣ (сестра Ягайла, была замужемъ за княземъ Семовитомъ мазовецкимъ), но никакія посредничества уже не могли имѣть успѣха, такъ какъ военныя приготовленія зашли черезъ чуръ ужь далеко.

Въ началѣ іюля 1410 г. русско-литовскія и польскія войска соединились между собою. Они составляли армію для того времени чрезвычайно многочисленную. Польское войско состояло изъ 50 хоругвей, общая численность которыхъ составила 60,000 человѣкъ. Русско-литовскаго войска было въ строю 42,000 чел.; татаръ, водворенныхъ въ Литвѣ, 10,000 чел.; татаръ кипчакскихъ, приведенныхъ Саладиномъ на помощь, 30,000 чел.; наемныхъ ратниковъ изъ Моравіи, Венгріи, Чехіи и Силезіи было 21,000. Всего соединенная польско-литовская армія составляла силу въ 163,000 человѣкъ, въ томъ числѣ пѣхоты 97,000, конницы 66,000. При арміи находилось 60 тяжелыхъ орудій.

Силы великаго магистра далеко уступали численностію войскамъ Ягайла и Витовта. Орденское войско, состоявшее въ его распоряженіи, состояло изъ 83,000 чел. (57,000 пѣхоты и 26,000 конницы), изъ которыхъ 50,000 чел. выставили орденскія земли, а 33,000 чел. были наемные ратники преимущественно изъ Германіи. Превосходство въ силахъ было на сторонѣ Ягайла и Витовта, но за то орден-

ское войско было лучше устроено и вооружено и имѣло лучшую и болѣе многочисленную артиллерію, чѣмъ у Ягайла и Витовта.

5-го іюля соединенныя польско-литовскія войска переправились чрезъ рѣку Вкру. Татары, по своему обычаю, немедленно же распустили свои загоны и начали жечь и истреблять все встрѣчное. Ягайло и Витовтъ едва смогли удержать своихъ хищныхъ союзниковъ отъ дальнѣйшихъ разореній, ибо мѣстности за Вкрою, хотя и были заложены Ордену, но принадлежали Мазовіи и населеніе ихъ было польское. 9 іюля Ягайло и Витовтъ произвели общій смотръ недалеко отъ Лаутенбурга. Великій магистръ, находившійся первоначально въ Торнѣ, стянулъ свои войска къ Лебау. Наконецъ 15 іюля 1410 года орденскія и польско-русскія войска сошлись между собою между деревнями Грюнвальдомъ и Таненбергомъ. Русско-литовскія войска заняли позицію подъ Таненбергомъ, образовавъ правое крыло соединенной арміи. Польское войско составило лѣвое крыло, занявъ позицію подъ Грюнвальдомъ. Витовтъ, испытанный и опытный въ бояхъ, сталъ во главѣ своего войска, отдавая приказанія, устраивая войска, ободряя всѣхъ; Ягайло же, поручивъ командованіе польскими войсками краковскому мечнику, Жындраму Москоржевскому, отъѣхалъ назадъ и никакого уже личнаго участія въ бою не принималъ. Онъ, стоя на холмѣ, окруженный большою свитою, молился Богу, такъ что войско его и не видѣло; на случай пораженія у него были приготовлены подставныя лошади, чтобы бѣжать (см. о томъ Фохта VII, 86). Витовтъ около полудня открылъ наступленіе на орденское войско, также выстроившееся къ бою. Великій магистръ встрѣтилъ наступавшихъ артиллерійскимъ огнемъ, но, замѣтивъ, что его орудія не причиняютъ вреда наступающимъ, прекратилъ пальбу и двинулъ на наступавшаго Витовта свое войско. Произошелъ ожесточенный рукопашный бой. Атака Витовта была отбита, тогда великій магистръ, подкрѣпивъ свое войско, самъ перешелъ въ наступленіе и быстро разстроилъ ряды Витовта. Татары первые бросились бѣжать въ разсыпную, за тѣмъ бросились бѣжать ратники виленскіе, трокскіе, жмудскіе и волынскіе. Часть польскаго войска, примыкавшаго къ литовскому, также попятилась. Тщетно Витовтъ старался удержать бѣгущихъ, тщетно старался возстановить бой. Рыцари неудержимо шли впередъ, часть литовцевъ была загнана въ болото и тамъ истреблена, другая часть убѣжала къ Нейденбургу и отсюда со страху убѣжала прямо въ Литву, возвѣщая о пораженіи своихъ. Не ушелъ бы Витовтъ отъ совершеннаго пораженія, если бы не смоленское ополченіе, предводимое княземъ Юріемъ Лунгвеничемъ. Смоляне сдержали напоръ орденскаго войска, вступили въ рукопашный бой съ нимъ и дали возможность оправиться Витовту. Онъ возстановилъ боевой порядокъ. Рыцари одержали было верхъ и надъ лѣвымъ крыломъ соединеннаго войска, уже было отняли у поляковъ ихъ главное знамя,

уже было по всей линіи нѣмцы запѣли побѣдную пѣснь: „Христосъ воскресъ!“ но до побѣды было далеко. Витовтъ оправился на правомъ крылѣ, оправились и поляки, перешли въ наступленіе и къ вечеру этого дня бой кончился полнымъ разгромомъ орденскихъ силъ. Никогда еще Орденъ не испытывалъ такого пораженія, какое претерпѣлъ въ сраженіи подъ Грюнвальдомъ. Великій магистръ, первѣйшіе орденскіе сановники, 200 человѣкъ орденской братіи, 400 свѣтскихъ рыцарей и 40,000 простыхъ ратниковъ были убиты, 15,000 человѣкъ было взято въ плѣнъ. Огромный обозъ, снаряды, орудія, множество лошадей, множество съѣстныхъ припасовъ и винъ, однимъ словомъ все, что имѣло при себѣ орденское войско, досталось побѣдителямъ. Дорого обошлась побѣда и войскамъ Ягайла и Витовта. Они потеряли убитыми до 60,000 человѣкъ, польское войско потеряло 12 лучшихъ своихъ вождей.

Грюнвальдская битва принадлежитъ къ кровопролитнѣйшимъ, какія только помнитъ исторія. Ягайло и Витовтъ обязаны были этою побѣдою не татарамъ и не литовцамъ со жмудинами, которые разбѣжались при первомъ напорѣ на нихъ орденскаго войска, и не полякамъ, которые несомнѣнно предались бы дикому бѣгству, если бы великій магистръ ударилъ на ихъ ряды немедленно послѣ обращенія въ бѣгство татаръ и литовцевъ, но единственно и исключительно кореннымъ русскимъ ратникамъ, преимущественно смолянамъ, которые не только сдержали напоръ нѣмцевъ, но, перейдя въ наступленіе, дали возможность Витовту оправиться и ободрили поляковъ, никогда не обладавшихъ стойкостью. Витовтъ не избѣгалъ опасностей, не потерялся, когда татары, литва и жмудь бѣжали, но устроивъ остатки своего войска (то были коренные русскіе) лично повелъ ихъ въ бой, но Ягайло оказался недостойнымъ сыномъ воинственнаго Ольгерда. Онъ крылся отъ опасности и только по настоянію Витовта показался своему польскому войску, когда дѣло было уже рѣшено.

Какъ бы то ни было, но въ теченіе нѣсколькихъ часовъ времени Орденъ лишился всѣхъ своихъ военныхъ силъ и всѣхъ своихъ военачальниковъ. Великій магистръ двинулъ противъ Ягайла и Витовта все, чѣмъ могъ располагать Орденъ въ то время, въ крѣпостяхъ остались лишь слабые гарнизоны, въ самой столицѣ Пруссіи, Маріенбургѣ, оставался гарнизонъ недостаточный для защиты. У Ягайла и Витовта, послѣ Грюнвальдской битвы, осталось на лицо тысячъ сто войска, слѣд. остались силы болѣе чѣмъ достаточныя для покоренія всей Нруссіи, коренные жители которой вовсе не дружили орденской братіи, на защиту ея подниматься и не думали, сама же оставшаяся въ живыхъ братія послѣ пораженія только и думала какъ бы поскорѣе забрать имущество и бѣжать въ Германію извѣстить князей о гибели Ордена (см. Фохта VII, 102). Прусскіе города и дворянство не сочувствовали орденской братіи, ибо когда Ягайло разослалъ всюду

требованія покорности, то многіе города и дворянство принудили оставшихся рыцарей сдавать Ягайлѣ крѣпости. Гибель прусскихъ рыцарей, повидимому, была неизбѣжною, если бы во главѣ польско-литовскихъ войскъ стоялъ энергическій и дѣятельный вождь, а не Ягайло, лѣнивый и къ военному дѣлу неспособный. Грюнвальдскій бой происходилъ въ миляхъ 15 отъ Маріенбурга; разстояніе это форсированнымъ маршемъ могло бы быть пройдено дня въ два, и столица Пруссіи была бы въ рукахъ Ягайла и Витовта, а со столицею покорилась бы имъ и вся Пруссія, но на дѣлѣ ничего подобнаго не случилось. Ягайло простоялъ двое сутокъ на мѣстѣ побоища и за тѣмъ двинулся къ Маріенбургу малыми переходами, утѣшаясь сдачею ничтожныхъ замковъ и городковъ, и дозволяя войску жечь, грабить и истреблять все встрѣчное по пути.

Во время всеобщаго смятенія среди орденской братіи, не потерялся одинъ лишь орденскій братъ Генрихъ Плауенскій, состоявшій въ то время командоромъ въ Швецѣ. Онъ въ бою не учавствовалъ, такъ какъ былъ посланъ великимъ магистромъ на охрану орденскихъ земель со стороны Померанін. Получивъ вѣсть о разгромѣ орденскаго войска, онъ поспѣшилъ въ Маріенбургъ, стянулъ сюда разсѣянныя остатки войска, самъ сжегъ посады, будучи не въ состояніи зищищать ихъ, однимъ словомъ въ нѣсколько дней приготовился къ оборонѣ.

26 іюля, спустя десять дней послѣ побоища, Ягайла и Витовтъ появились предъ Маріенбургомъ. Началась осада и, конечно, затянулась, потому что взять такую крѣпость, какъ Маріенбургъ, снабженную уже гарнизономъ, было не возможно безъ правильной атаки. Проходили недѣли безъ всякихъ результатовъ, въ осадномъ корпусѣ появились болѣзни и обнаружились недостатки въ продовольствіи и фуражѣ, а тутъ пришли вѣсти весьма неблагопріятныя для Ягайла и Витовта. Было получено извѣстіе, что въ Германіи формируется на помощь Ордену сильное ополченіе, что король Сигизмундъ венгерскій явно держитъ сторону Ордена и готовъ вторгнуться въ Польшу, что, наконецъ, ливонскій маршалъ съ войскомъ уже прибылъ въ Кенигсбергъ, чтобы идти на помощь осажденнымъ. Вѣсти эти оказывались болѣе или менѣе справедливыми.

Было уже сказано (стр. 454), что великій магистръ Ульрихъ Юнгингенъ еще въ 1409 г. писалъ ливонскому магистру, Конраду Фитингофу, порвать миръ съ Витовтомъ, сдѣлать нападеніе на него для воспрепятствованія соединенія съ польскимъ королемъ и за тѣмъ излишнія войска прислать въ Пруссію, писалъ также и къ ливонскимъ епископамъ, чтобы и они присылали помощь въ Пруссію. Ничего, однако, не произошло какъ желалъ великій магистръ. Изъ письма ливонскаго магистра Конрада къ Ульриху Юнгингену (см. Index corp. hist. dipl. Наперскаго I, № 622) отъ 2 іюля 1410 г. оказывается, что ливонскіе рыцари, вслѣдствіе приказа великаго ма-

гистра, объявили войну Витовту только въ концѣ мая 1410 г., войну, начало которой могло состояться лишь чрезъ три мѣсяца. У ливонскихъ рыцарей въ это время шла война со Псковомъ (см. выше 448); имъ нельзя было оставить безъ защиты предѣловъ со стороны Пскова, миръ съ которымъ былъ заключенъ лишь въ концѣ іюля 1410 г. Тѣмъ не менѣе ливонскій магистръ прислалъ въ Пруссію небольшой вспомогательный отрядъ, который и участвовалъ въ Грюнвальдской битвѣ (въ перечисленіи хоругвей орденскихъ войскъ, сдѣланномъ Длугошемъ въ книгѣ XI, стр. 244—248, значится, что подъ Грюнвальдомъ вспомогательный ливонскій отрядъ имѣлъ трехъ-цвѣтную хоругвь изъ трехъ горизонтальныхъ полосъ, синей, бѣлой и красной). О судьбѣ этого ливонскаго отряда ничего неизвѣстно: вѣроятно, при общемъ разгромѣ, онъ былъ истребленъ. Въ іюлѣ 1410 г. ливонскій магистръ прислалъ въ Пруссію своего маршала съ отрядомъ, по всей вѣроятности, малочисленнымъ, который и высадился въ Кенигсбергѣ (см. Фохта VII, 114). Серьезной помощи отъ него не могло быть, но Витовтъ не могъ не знать, что ливонскій магистръ остался въ Ригѣ, что срокъ перемирія съ нимъ истекаетъ въ августѣ; слѣд. ливонскіе рыцари могли вторгнуться въ Литву и причинить тамъ разоренія, пользуясь отсутствіемъ великаго князя съ войсками, стоявшими подъ Маріенбургомъ. Опасенія войны съ ливонскими рыцарями побудили Витовта бросить Маріенбургъ и отправиться въ Литву. Онъ такъ и сдѣлалъ. Вслѣдъ за Витовтомъ ушли отъ Ягайла и князья мазовецкіе, Семовитъ и Янушъ. Ягайло остался одинъ. Видя невозможность взять крѣпость и получивъ извѣстіе, что король Сигизмундъ венгерскій вторгся въ Польшу, Ягайло 19 сентября 1410 г. снялъ осаду Маріенбурга и чрезъ Торнъ возвратился въ свое королевство. Онъ и Витовтъ оказались недостойными побѣды, одержанной для нихъ русскими ратниками подъ Грюнвальдомъ, ибо не умѣли воспользоваться разгромомъ орденскихъ силъ и смятеніемъ, какое возникло въ Пруссіи вслѣдъ за катастрофою 15 іюля. Эльбингъ сдался побѣдителямъ, большая часть орденской братіи разбѣжалась изъ своихъ замковъ, которые и были заняты войсками Ягайла и Витовта, всякій порядокъ исчезъ. Пруссія въ теченіе одного мѣсяца времени покорилась королю. „Не слыхано, чтобы какая страна съ большею измѣною и съ большею скоростію, какъ Пруссія, сдѣлалась подданною короля въ теченіе однаго мѣсяца“, замѣчаетъ прусскій лѣтописецъ Линденблатъ (стр. 220). Даже нѣмцы, какъ только Ягайло и Витовтъ двинулись къ Маріенбургу, поснимали одежду, предписанную для нихъ великимъ магистромъ, обрили себѣ бороды, надѣли польскія кафтаны и шляпы. Прусскій орденъ какъ бы мановеніемъ волшебнаго жезла исчезалъ съ земли. Четыре орденскіе епископа покорились Ягайлѣ, западныя орденскія земли безъ боя были сданы полякамъ командорами и фохтами. Нашлись орденскіе братья, какъ

свидѣтельствуетъ Линденблатъ, которые бѣжали къ Ягайлѣ и Витовту и служили имъ противъ Ордена. Полное паденіе прусской отрасли Тевтонскаго ордена могло бы совершиться въ августѣ 1410 г., но ничего подобнаго, однако, не совершилось. Польскіе и литовскіе войска только жгли, да грабили орденскія владѣнія, захватывая добычу, и за тѣмъ разошлись ничего не достигнувъ.

Со снятіемъ осады Маріенбурга, Орденъ съ чрезвычайною быстротою оправился. Ливонскій маршалъ, балгскій командоръ съ прибывшими изъ Нидерландовъ орденскими рыцарями начали вновь занимать замки и крѣпости, въ которыхъ Ягайло оставилъ свои гарнизоны. Эльбингъ сдался обратно Ордену. Рагнитскій командоръ повыгналъ польскіе гарнизоны изъ разныхъ крѣпостей. Съ какою быстротою Пруссія покорилась было Ягайлу и Витовту, съ такою же быстротою Орденъ оправился и возстановилъ свою власть. Лишь Торнъ, Реденъ, Страсбургъ, Нешава и Витонъ оставались еще въ польскихъ рукахъ.

Позднею осенью прибыли въ Пруссію ливонскій магистръ Конрадъ Фитингофъ съ 30-ю лишь всадниками, магистръ германской отрасли (Deutschmeister) Конрадъ Эглофштейнъ съ своими командорами и сановниками и не малымъ числомъ иноземныхъ гостей и наемныхъ солдатъ (жолнеры, söldner). Въ Маріенбургѣ 9 ноября 1410 г. составился генеральный капитулъ для выбора великаго магистра и должностныхъ лицъ на мѣсто погибшихъ подъ Грюнвальдомъ. Капитулъ единогласно избралъ великимъ магистромъ защитника главнаго орденскаго дома, брата Генриха Плауенскаго. За тѣмъ выбрали великаго командора, орденскаго маршала и др. сановниковъ и поназначили командоровъ и фохтовъ въ крѣпости и замки, отобранные отъ поляковъ. Орденское управленіе возстановилось въ Пруссіи и новый великій магистръ началъ дѣятельно готовиться къ новой войнѣ съ Ягайломъ и Витовтомъ. До новой войны, однако, не дошло.

Ягайло, получивъ извѣстіе о выборѣ брата Генриха Плауенскаго великимъ магистромъ, въ первыхъ числахъ декабря 1410 г. написалъ ему дружеское письмо, въ которомъ выразилъ желаніе покончить войну и приглашалъ его прибыть къ нему въ Раценжъ (недалеко отъ Торна на лѣвомъ берегу Вислы) для переговоровъ. Великій магистръ прибылъ на свиданіе съ королемъ; о мирѣ, однако, договориться не могли, а заключили лишь перемиріе на одинъ мѣсяцъ.

Длугошъ (книга XI, 305) разсказываетъ, что на этомъ свиданіи, происходившемъ, по его словамъ въ Брестъ-Куявскомъ, великій магистръ однажды за ужиномъ сказалъ Ягайлу: «Вашему королевскому величеству три раза не удалось воспользоваться обстоятельствами, которыя Господомъ Богомъ и фортуною представлялись вамъ. Во первыхъ послѣ битвы подъ Грюнвальдомъ, въ которой вы побѣдили моего предшественника и уничтожили его войско, вы могли бы взять Маріенбургъ, ибо появись только на второй либо третій день какая либо хоругвь войска вашего величества, Маріенбургъ сдался бы,

такъ какъ въ городѣ было мало вооруженнаго люда, и весь гарнизонъ состоялъ изъ больныхъ и людей немощныхъ; ворота бы отворили побѣдителю. Во вторыхъ, если бы люди ваши. по занятіи сожженнаго города, подошли къ рѣкѣ (Ногать, рукавъ Вислы), то увидѣли бы тамъ большой проломъ въ стѣнѣ, задѣлать который въ торопяхъ мы забыли, тогда и замокъ и мы всѣ пропали бы. Въ третьихъ, если бы вы протянули осаду еще двѣ недѣли, то я вынужденъ бы былъ сдаться: у меня было чрезвычайно много больныхъ заразительнымъ поносомъ, съѣстные припасы истощились, и въ день отступленія вашего величества у меня было всего два живыхъ барана. три полсти свинины, а хлѣба у насъ давно уже и куска не было» (за неимѣніемъ мельницъ и муки, осажденные ѣли распаренное зерно). «Все совершается по волѣ Господней, отвѣчалъ король, вздохнувши, Богъ управляетъ дѣлами нашими».

По истеченіи срока перемирію, война не возобновилась, напротивъ, по настоянію Витовта, открылись дѣйствительные мирные переговоры на островѣ Вислы противъ Торна. Сюда прибыли съ королевской стороны Витовтъ и шесть королевскихъ совѣтниковъ; со стороны Ордена епископъ Вюрцбургскій, ливонскій магистръ и Генрихъ Плауенскій. Эти уполномоченные и заключили 1 февраля 1411 г. въ Торнѣ между Ягайломъ, Витовтомъ и князьями мазовецкими съ одной стороны, и великимъ магистромъ и его Орденомъ въ Пруссіи и Ливоніи съ другой стороны, миръ, главныя статьи котораго были слѣдующія (см. Фохта VII, 133): Всѣ споры и недоразумѣнія забываются и устраняются; всѣ плѣнные обѣихъ сторонъ освобождаются; всѣ завоеванные замки и города сдаются обратно и жители ихъ освобождаются отъ присяги, за исключеніемъ Жмуди, которая остается въ пожизненномъ владѣніи короля и великаго князя, послѣ же ихъ смерти Орденъ, согласно записей на права владѣнія, вступаетъ во владѣніе Жмудью безъ всякаго препятствія. Князь Семовитъ мазовецкій получаетъ обратно заложенную землю Закрже безъ внесенія выкуиныхъ денегъ. Добринская земля, занятая Орденомъ предъ войною, возвращается коронѣ Польской; Померанія и земли Михаловская (Michelau), Холмская (Kulmerland), Нешавская (Nessau), Муржинская и Орловская (Orlau), находившіяся во владѣніи Ордена предъ войною, остаются за Орденомъ. Споръ о Дризенѣ (Дрезденекъ) и Зантокѣ пусть рѣшатъ двѣнадцать судей, избранныхъ королемъ и великимъ магистромъ; если судьи не кончатъ дѣла, то пусть оное окончательно рѣшитъ папа. Точно также полюбовно должны быть рѣшены и всѣ пограничные споры, равно и споры о плаваніи по Вислѣ и Древенцѣ и рыболовствѣ. Церковныя имѣнія архіепископа Гнѣзненскаго и епископа Куявскаго, находящіяся въ орденскихъ владѣніяхъ, равно имѣнія орденскихъ епископовъ въ Польшѣ остаются при ихъ прежнихъ правахъ и не могутъ быть отчуждаемы безъ согласія ихъ прелатовъ. Купечество обѣихъ сторонъ пользуется свободою торговли. Для сохраненія мира и дружбы впредь при каждомъ возникающемъ недоразумѣніи избираются двѣнадцать судей, кои

и рѣшаютъ дѣло путемъ права и дружбы; если они не придутъ къ соглашенію, то дѣло окончательно рѣшается папою. Что касается до частныхъ исковъ, то ихъ рѣшаютъ мѣстные суды. По отношенію ленныхъ имѣній, властители ихъ судятся обыкновеннымъ леннымъ правомъ. Король и великій князь въ своихъ земляхъ должны принуждать жителей къ принятію католичества и для распространенія вѣры строить церкви и искоренять языческія заблужденія, точно также обязанъ поступать великій магистръ въ Пруссіи и Ливоніи. Обѣ стороны обязаны извѣстить о такомъ договорѣ своихъ пребывающихъ въ язычествѣ сосѣдей и призвать ихъ къ принятію католичества; буде язычники откажутся принимать христіанство, то обѣ стороны должны вспомоществовать одна другой въ принужденіи язычниковъ къ христіанству, и если придется посылать войска, то дѣлежъ завоеваннаго долженъ послѣдовать по предварительному соглашенію. Всѣ бѣглые возвращаются свободно на родину и получаютъ прощеніе и владѣніе ихъ прежнимъ имуществомъ. Король Сигизмундъ венгерскій, буде пожелаетъ, можетъ присоединиться къ этому миру, великій магистръ извѣститъ его о томъ и король польскій до полученія отвѣта воевать съ нимъ не будетъ. Обѣ стороны остаются при своихъ правахъ и преимуществахъ и впредь никогда Польша и Литва противъ Ордена, ни Орденъ противъ Польши и Литвы, не будутъ предпринимать войны и не будутъ входить въ союзы съ ихъ непріятелями.

Независимо этого состоялся особый договоръ, въ силу котораго великій магистръ обязуется заплатить королю польскому 100,000 копъ грошей за выкупъ плѣнныхъ князей, Казиміра Поморскаго и Конрада Силезкаго, и многихъ другихъ рыцарей; въ счетъ этой суммы князь мазовецкій уплатитъ 4000 копъ грошей, слѣдующихъ съ него за выкупъ заложенной Ордену земли Закрже.

Такова была сущность Торнскаго мира, доставившаго побѣдителямъ при Грюнвальдѣ ничтожныя земельныя пріобрѣтенія: Добрипская земля отошла къ Польшѣ, а Жмудь къ Витовту — и только. Того-ли могли и должны были ожидать Грюнвальдскіе побѣдители, если бы они съумѣли пользоваться положеніемъ, въ которомъ они явились послѣ побѣды, одержанной 15 іюля 1410 г. Ничтожны были матеріальные результаты этой побѣды, но тѣмъ не менѣе Грюнвальдская битва повлекла за собою послѣдствія чрезвычайно важныя, потому что эта битва въ сущности была одна изъ тѣхъ битвъ, которыя рѣшаютъ судьбы народовъ. Орденъ, правда, уцѣлѣлъ, но слава и сила его погибли окончательно.

Военное братство, существовавшее для борьбы съ язычниками, было сильно поддержкою извнѣ, иноземными гостями, являвшимися на совершеніе походовъ. Теперь походовъ не куда было дѣлать. За

Нѣманомъ стоялъ Витовтъ съ русско-литовскими ратниками. Псковъ началъ уже принимать князей изъ рукъ московскаго великаго князя, изо дня въ день усиливавшагося, борьба съ которымъ столь же невѣрна и опасна, какъ и съ Витовтомъ. Иноземные гости перестали являться. Прошло время, когда съ гостями съ ихъ малыми отрядами можно было безнаказанно совершать рейзы, теперь для борьбы съ Литвою, Польшею или Русью требуются не малые отряды, а цѣлыя арміи, людей для которой приходится нанимать. Орденъ, воюя съ Литвою, прибѣгалъ къ найму солдатъ, а этотъ наемъ, поглощавшій большія суммы денегъ, истощилъ финансы до того, что Орденъ, нѣкогда дѣйствительно богатый, обѣднѣлъ. Въ самой средѣ его пошли раздоры и Орденъ, не пополняемый и не поддерживаемый извнѣ, быстро началъ клониться къ совершенному разложенію и паденію. Войны съ язычниками кончились, слѣд. и самое существованіе военно-монашескаго братства становилось и безцѣльнымъ и не нужнымъ.

Грюнвальдскій бой положилъ начало этому разложенію и сдержалъ напоръ германскихъ народовъ на Востокъ, подобно тому какъ Куликовскій бой сдержалъ напоръ татаръ на Восточную Русь. Въ этомъ отношеніи Грюнвальдская побѣда и имѣла весьма важное значеніе для дальнѣйшаго развитія народовъ Восточной Европы.

Теперь обратимся къ Ливоніи и разскажемъ каковы были внутреннія дѣла въ этой странѣ во время долголѣтней борьбы Ордена съ Литвою до Торнскаго мира.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

СОДЕРЖАНІЕ.

Глава третья.

Возрастающее могущество Ордена до пріобрѣтенія датской Эстоніи.

		Страницы.
II.	Утвержденіе нѣмецкаго господства въ земляхъ нынѣшней Курляндской губерніи до дѣлежа ихъ	4 — 33
III.	Тевтонскій орденъ, русско-литовскій князь Миндовгъ и Жмудь	33 — 67
IV.	Датская Эстонія, Орденъ и Новгородская Русь до Кегольской (Магольской) битвы . . .	68 — 88
V.	Куроны. Семигаллы, Литва и Орденъ до окончательнаго покоренія земель нынѣшней Курляндской губерніи	89 — 113
VI.	Пруссія, Литва и Новгородская Русь въ концѣ XIII столѣтія	113 — 131
VII.	Борьба Ливонскаго ордена съ архіепископомъ Рижскимъ и городомъ Ригою до примирительной грамоты	132 — 211
VIII.	Датская Эстонія, Новгородская Русь и Ливонскій орденъ до общаго возстанія чуди и перехода Эстоніи подъ власть Ордена . . .	211 — 252

Глава четвертая.

Внутреннее состояніе Ливоніи со времени соединенія Орденовъ до присоединенія датской Эстоніи къ орденскимъ владѣніямъ.

I.	Земля, ея властители и управленіе; туземцы	253 — 282
II.	Ливонскіе города и ихъ управленіе . . .	282 — 296
III.	Церкви, церковные приходы и церковныя учрежденія	296 — 314
VI.	Сословія, суды и законы въ Ливоніи . . .	314 — 330
V.	Торговля	330 — 348

Глава пятая.

Орденское господство въ Ливоніи отъ пріобрѣтенія Эстоніи до правленія Вольтера Плетенберга.

I.	Борьба Тевтонской орденской братіи съ Литвою и Псковомъ до Торнскаго мира . . .	349 — 462

Важнѣйшія опечатки.

				Напечатано:	*Должно быть:*
Стр.	22,	строка	2 сверху	Певтевилъ	Тевтевилъ.
„	25,	„	4 „	Свдтополкомъ	Святополкомъ
„	26,	„	36 „	крестоносцевы	крестоносцы
„	30,	„	34 „	сторонѣ	временъ
„	49,	„	1 „	провѣдалъ... послалъ	провѣдала... послала
„	60,	„	1 „	1861	1261
„	91,	„	29 „	они	орденцы
„	108,	„	2 „	прекратили	пресѣкли
„	140,	„	32 „	1280 г.	1290 г.
„	176,	„	34 „	1712 г.	1312 г.
„	233,	„	24 „	тевтонцы	эстонцы,
„	266,	въ примѣчаніи:		Эзелѣ	Готландѣ
„	284,	строка	15, 18, сверху	1230 г.	1330 г.
„	410,	„	35 „	и Литвѣ	и Ливоніи
„	411,	„	38 „	1381 г.	1382 г.
„	446,	„	43 „	Полоцкую	Псковскую